

– Т Е М А –

**ЭЙЗА БРИГГС
ПАТРИЦИЯ КЛЭВИН**

**ЕВРОПА НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

С 1789 года и до наших дней

ВСЬ
МИР

**ASA BRIGGS
PATRICIA CLAVIN
MODERN EUROPE
1789 - Present**

-ТЕМА-

ЭИЗА БРИГГС ПАТРИЦИЯ КЛЭВИН ЕВРОПА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ С 1789 года и до наших дней ВЕСЬ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

2006

УДК 94(4) ББК 63.3(4) Б 87

Оглавление

Переводчики: А.А. Исэров (гл. 1-9), В.С. Нестеров (гл. 10-13, библиография)

Редактор: В. Н. Ковалев

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Бриггс Э., Клэвин П.

Б 87 Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней / Пер. сантл.АА. Исэрова, В.С. Нестерова. — М: Издательство «Весь Мир», 2006. - 600 с. - (Тема).

ISBN 5-7777-0261-9

В работе двух британских исследователей предложена оригинальная концепция политического и социального развития Европы на протяжении более двух столетий. Рассматривая развитие континента в период от Великой французской революции по настоящее время, авторы стремятся показать закономерность и противоречивость таких процессов, как становление национальных государств, колониальных империй, либерально-демократических институтов и тоталитарных режимов. История Европы представлена как единый многомерный процесс, в котором время от времени менялись страны-лидеры, ускорялись и замедлялись темпы регионального развития, но движение никогда не прекращалось, открывая перед его участниками новые возможности и перспективы. Издание предназначено студентам и старшеклассникам, а также всем, кого интересуют проблемы новой и новейшей истории.

УДК 94(4) ББК 63.3(4)

This translation of

Modern Europe, 1789 — Present, Second Edition is published by arrangement with Pearson Education Limited.

Перевод второго издания книги

«Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней» публикуется по соглашению с Пирсон Эдьюкейшн Лимител.

В оформлении обложки использована картина французского художника

Постава Кайлеботта (Gustave Caillebotte) «На мосту Европы» (1876-1877,

Кимбелловский художественный музей, Форт Уорт, Техас, США).

ISBN 5-7777-0261-9

© Pearson Education Limited 2003 © Перевод на русский язык, оформление Издательство «Весь Мир», 2006

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА..... x

ПРЕДИСЛОВИЕ..... xM

1. Революция и империя: опыт и воздействие, 1789—1815 1

Перемены и революция: старое и новое..... 1

Большая длительность и краткосрочность..... 9

«Та самая» революция 13

Революция, война и террор 23

От войны к Наполеону и от Наполеона к миру..... 31

Оценивая Наполеона..... 36

От Трафальгара к Ватерлоо..... 39

Социальные результаты: приобретения и потери 45

2. Порядок и движение, 1815—1848 51

Реставрация: идея или реальность?..... 51

Задачи Реставрации..... 55

Урегулирование 58

«Система конгрессов»..... 64

Признаки перемен..... 66

Революции 1830 года: вызов *status quo*..... 72

Нация и класс..... 76

Факты и «ичмы»..... 81

Весна свободы: в огне революций 1848 года..... 92

3. Строительство наций, 1848-1878..... 100

Революции 1848 года и их «уроки»..... 100

Классовая динамика 102

vi ОГЛАВЛЕНИЕ

Взаимодействие «национальных идей»..... 108

Роль силы 112

Дипломатия и война 116

Объединение Италии	121
Объединение Германии.....	127
Франко-прусская война и Германская империя.....	131
1870 год и после него.....	135
Нации и империи.....	142
Кризисы и конгрессы	145
4. Соперничество и взаимозависимость, 1871—1914	151
«Причины войны».....	151
Система союзов	155
Имперская политика.....	165
Мировая взаимозависимость.....	173
От кризисов к войне	179
5. Модерн и современная цивилизация.....	191
Смысл истории: факт, вымысел, миф	191
История культуры	194
Смысл века.....	196
Шок новизны.....	200
Антисемитизм	202
Город и метрополия: Париж, Берлин, Лондон, Вена.....	203
Наука и техника.....	206
«Модерн»	213
6. Европейская гражданская война, 1914-1918.....	222
Заря «тотальной войны»	223
Как вести войну?	226
Ход войны.....	228
Люди в окопах	231
Война на море	234
Зачем продолжать сражаться?	235
Церковь и война.....	237
Соединенные Штаты вступают в войну	239
Государства и народы в войне.....	240
Женщины на войне.....	246
Политические изменения.....	249
Россия в огне революции	252
Мир и гражданская война.....	258
«Сотворение» Польши	259
Писатели и война.....	261

ОГЛАВЛЕНИЕ vii

7. Новый порядок? 1919-1929	265
«Цена» войны.....	266
Парижская мирная конференция и Версальский договор	269
Репарации и военные долги	273
Лига Наций.....	274
Урегулирование в Центральной и Восточной Европе.....	277
Гражданская война и мир в России, 1918-1921	281
Революции в Германии и Венгрии, 1918-1919.....	285
Выжившие империи: Британия и Франция	288
Феминизм и общество.....	291
Италия: первая жертва, 1919-1924.....	294
Параллели?.....	298
Признаки опасности: Восточная Европа, 1920-1928	303
Мнимая стабильность, 1925—1928.....	306
Хрупкие основания, 1929	309
8. Пушки и масло, 1929-1939	312
Причины Великой депрессии.....	313
Европейский кризис, 1929-1936	315
Реакция на кризис в мире и отдельных странах, 1929-1932.....	318
Британия и Германия: контраст.....	321
Особый шведский случай	326
Франция, 1932-1938	327
Гражданская война в Испании.....	330
Центральная и Восточная Европа, 1929-1938	332
Коммунизм и фашизм, 1933—1941.....	335
Нацизм, 1933-1939	337
Сталинизм, 1927-1939	342
9. От европейской к мировой войне, 1933—1945	347
Державы оси.....	348
Политика умиротворения.....	351

Западные державы, 1933-1939.....	352
Мюнхенский кризис 1938 года.....	355
Британская империя и Гитлер, 1933-1939	357
Экономика умиротворения	359
Финальный кризис: Польша в 1939 году.....	360
Хол войны, 1939-1941.....	362
Война на Западе, 1940 год.....	365
От битвы за Британию к битне за Балканы, 1940-1941.....	366
«Война в пустыне», 1940-1941	370
Мир для некоторых, 1939-1941	371
viii ОГЛАВЛЕНИЕ	
От 1941-го к 1943-му: переломные события.....	374
Внутренний фронт.....	378
Женщины на войне.....	381
Падение и подъем «великих держав».....	383
Сопротивление в странах оси.....	386
Окончательное решение.....	386
Сотрудничество и сопротивление в оккупированной Европе	387
Интеллектуальное и духовное сопротивление.....	391
Союзники наступают, 1943—1945.....	395
Взаимоотношения союзников, 1943-1945	399
10. Послевоенная Европа:	
замораживание и оттаивание, 1945-1969.....	402
Военные разрушения.....	403
Поток беженцев.....	405
Наследие Сопротивления и коллаборационизма.....	408
Первопричины холодной войны: взгляд с Запада, 1945—1947	411
Взгляд с Востока, 1944—1946	414
План Маршалла.....	418
Чехословакия	419
Блокада Берлина, 1948-1949	420
Конец разнообразия: Восточная Европа, 1948-1950.....	421
Национализм и коммунизм, 1948—1956	423
Сталинизация, 1948-1953.....	425
Смерть Сталина и десталинизация Европы, 1953-1956	431
Холодная война и прочий мир, 1949-1962.....	434
Реформы в Советском Союзе, 1957—1964.....	437
«Реформированный» коммунизм	
в Восточной Европе, 1957-1968.....	438
Холодная война: конфронтация и разрядка, 1957-1969.....	440
11. Реконструкция Европы, 1945-1968.....	
Британия и Европа, 1945-1951	445
Восстановление демократии в Западной Европе, 1945-1957.....	448
Подъем христианской демократии	451
Защита Западной Европы, 1947-1954.....	453
Деколонизация, 1946-1962.....	455
Пути миграции.....	457
Европа и Ближний Восток, 1945-1968	459
Послевоенный империализм	462
Экономические чудеса, 1949-1968	463
Германия, 1949-1968.....	464
Начало Европейского Союза, 1945-1951	466
Институты холодной войны.....	470
ОГЛАВЛЕНИЕ ix	
Франция, 1960-1968	472
Италия, 1951-1968.....	474
Британия, 1951-1968.....	475
Возрождение в «малой» Европе.....	477
Римский договор и после него.....	478
Испания и Португалия, 1945-1968	480
12. На пути к единой Европе, 1968-2002	
«Революции» 1968 года	485
Отрезвляющие семидесятые.....	488
Демократия в Южной Европе, 1975—1986	492
Развитие европейских институтов, 1970-1986.....	495
Восточная Европа: реформы и упадок, 1968-1989.....	497
Застой и геронтократия в Советском Союзе, 1964—1985.....	499

Горбачевская «перестройка» и кризис коммунизма.....	501
«Революции» в Восточной Европе, 1989 год.....	504
Западная Европа, 1979-1992	505
Экономическая и технологическая трансформация Европы. С 1989 года по настоящее время.....	507
Европейские институты. С 1986 года до наших дней	513
Европа и остальной мир. С 1989 года по настоящее время.....	522
13. Постмодерн?.....	527
Необходимость перспективы	527
«Великая мутация»: «конец истории»?	528
Континуитет и дисконтинуитет.....	531
Кульминация «модерна».....	535
Шестидесятые годы и постмодернизм	539
Одиннадцать разрывов преемственности.....	541
К 2000 году и далее	547
Библиографический очерк	551
Именной указатель.....	575

От издательства

Выходом в свет русского перевода книги английских авторов Эйзы Бриггс и Патриции Клэвин издательство «Весь Мир» завершает издание трехтомника «История Европы». Первые две книги в рамках этого проекта «Средневековая Европа» и «Европа раннего нового времени», написанные Гельмутом Кёнигсбергером, вышли в свет на русском языке в 2001 и 2006 гг. и уже получили высокую оценку читателя. Английское издательство Пирсон эдьюкейшн, инициировавшее в свое время этот проект, рассматривало трехтомник как целостное произведение. Однако, авторское «Я» оказалось сильнее и между первыми двумя книгами и завершающим томом существует немалая разница. Это и побудило издательство предварить книгу небольшим вступительным словом тем более необходимым, что книги Кёнигс-бергера вышли в свет с замечательными комментариями (Предисловием в первой книге и Послесловием во второй) Д.Э. Харитоновича, а данная книга такого комментария лишена.

Прежде всего, надо иметь в виду, что настоящая книга охватывает более чем двухсотлетний период в истории Европы, включая события самого последнего времени. А это означает, что присущий современности высокий темп изменений постоянно меняет рассматриваемый в книге исторический «ландшафт». И читатель нередко оказывается в привилегированном положении по сравнению с историком, поскольку уже знает, чем завершился процесс (или его этап) о начале которого повествует автор.

Еще одна яркая особенность книги — пристальное внимание авторов к социальной истории, что вполне объяснимо, поскольку Эйза Бриггс (лорд Бриггс) относится к числу самых видных исследователей

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА xi

социальной истории, заслуживших всеобщее признание своими работами по истории викторианской Британии и многими другими книгами, среди которых фундаментальная история радио- и телевидения в Великобритании. Для книги характерно стремление авторов к объемному взгляду на исторические события, к интегрированию политических, экономических и социальных факторов в рамках одного исследования.

И, наконец, многим читателям покажутся непривычными трактовки многих сюжетов европейской истории, касающихся Восточной Европы и России. Тому есть две главных причины. Во-первых, авторы не являются специалистами в этой области и поэтому иногда допускают фактические неточности и даже очевидные ошибки. Тем не менее издательство не сочло возможным править текст, не уведомляя читателя, поскольку нередко ошибки «встроены» в контекст (в отличие от простых опечаток) и исправить их за авторов невозможно. В таких случаях переводчик и редактор снабжали текст уточняющими постраничными примечаниями. Во-вторых, «непривычность» в восприятии текста может возникать и от соприкосновения с отличной от отечественной британской историографической традиции. А это уже бесспорное достоинство книги, позволяющей видеть историю Европы такой, какой она представляется с той стороны Английского канала. Август 2006 г.

Предисловие

Это переработанное и расширенное издание книги, впервые опубликованной в 1997 г. Уже тогда Европа и весь мир весьма изменились по сравнению с 1989-м — годом 200-летнего юбилея

Французской революции, до которого доводилось изложение в первом издании. В новом издании повествование вступает в новый век и новое тысячелетие, в котором история Европы как никогда прежде связана с историей всемирной. Существенной переработке подверглись не только последние главы. Значительные исправления были сделаны во всей книге: изменились перспективы, стало известно много новых фактов.

В 2002 г., как и в 1997-м, так же ясно, что опасно рассматривать все события прошлого как неумолимо ведущие в настоящее. Однако с тех пор стало еще очевиднее, что в свете меняющегося и неустойчивого настоящего прежде игнорируемые или забытые аспекты прошлого приобретают особое значение. В предисловии к первому изданию было верно замечено, что «факты» географии невозможно отделить от «фактов» истории. В рассматриваемый период изменились и те, и другие, что было следствием беспрецедентного роста населения и урбанизации, индустриализации, внедрения новых технологий и развития новых средств коммуникации. Общество и культура изменились и продолжают меняться столь же стремительно, как и экономика. Значение дипломатии в международных отношениях так же велико в XXI в., как и в прежние времена. Весь этот период имеет стратегическое значение в европейской истории. Только после Французской революции, как пишет Пим де Бюер, «оформилась четко осознанная идея Европы, имеющей собственную историю и значимой сама по себе». Центром событийной

ПРЕДИСЛОВИЕ xiii

истории и исторической науки, во многом основанной на только что открытых государственных архивах, стал новый феномен национального государства. Главной темой стало формирование наций. Британию невозможно выделить из целого повествования. То, что британские политики, писатели, художники и путешественники в прошлом писали о «Европе» позволяет более глубоко и разносторонне осмыслить текущие события. Европейский Союз отражает опыт прошлого, но также создает новые возможности, новые надежды и новые страхи. Впрочем, в рамках Союза существуют как региональные, так и национальные различия, влияющие на политические позиции и решения.

Как и в первом издании, примечания были намеренно сведены к минимуму. Библиография, конечно, имеет выборочный характер. В ней представлены не только книги, на которых основан наш текст, но и труды, к которым читатель мог бы обратиться для самостоятельного изучения. Выводы отдельных авторов могут отличаться от наших. Но именно это делает историю еще более интересной — различные версии событий, представления о характере исторических деятелей и взгляды на роль личности в историческом процессе.

Как соавторы, мы вместе обсуждали каждую главу на разных этапах нашей работы. Каждый писал свои части окончательного текста, но мы несем совместную ответственность за облик книги в целом. Мы хотим выразить благодарность сотрудникам библиотек, без чьей помощи нам бы не удалось подготовить ни первого, ни этого издания, анонимным рецензентам за их ценные замечания и нашему издателю — Хитер Маккаллэм. Как и в предисловии к первому изданию, мы хотим поблагодарить Эндрю Макленнана за его преданность и терпение во время работы над ним. Мы уверены, что он по достоинству оценит переиздание работы, которое выходит в новых для всех нас условиях.

Эйза Бриггс Патриция Клэвин

Апрель 2002 года

Глава 1

Революция и империя: опыт и воздействие, 1789-1815 Перемены и революция: старое и новое

Во второй половине XVIII в. произошло столько перемен, большей частью беспрецедентных, что и тогда, и впоследствии многие воспринимали этот период истории человечества как великий рубеж между прошлым и настоящим. Он стал, по их мнению, подлинным началом «современности». Оглядываясь назад, французский аристократ Алексис де Токвиль, один из самых проникательных политических и социальных мыслителей, не мог «найти параллели» в истории. «Прошлое перестало прояснять будущее».

В начале XXI в., после того как мир пережил взрыв новых беспрецедентных перемен, произошедших в основном в последние 30 лет, такой взгляд на перемены конца XVIII в. может быть оспорен. Теперь мы можем увидеть преемственность в мысли, моделях поведения, институтах. Прошлое по-прежнему влияло на будущее. Стремясь расширить перспективу, мы ввели

в наш словарь термины «постмодерн» и «постиндустриальный». Однако слово «революция» все еще обладает своей драматической силой. Это справедливо как для общества и политического развития Франции — в конце XVIII в. крупнейшего по численности населения государства Европы (27 млн в 1789 г. — на семь миллионов больше, чем в 1700 г.), так и для эпохи промышленного переворота в Британии — стране, которая, втрое уступая Франции в численности населения, совершила в последние десятилетия XVIII столетия беспрецедентный экономический скачок.

1

2 ГЛАВА 1

Словом «революция» обозначались и события в Америке, последовавшие за подписанием в 1776 г. Декларации независимости (год издания «Богатства наций» Адама Смита и создания Джеймсом Уат-том нового большого парового двигателя, метко названного «парламентским двигателем»). В ходе Войны за независимость французы, в том числе аристократы, сражались с британцами на американской земле. Завоевание американцами независимости, победа, которой они отчасти были обязаны французам (это тяжело отразилось на финансовом положении Франции, которая, по сути, оказалась близка к банкротству) — все это унизило Британию, но не задержало ее промышленного роста. Оценивая политические перемены в Америке, некоторые американские историки утверждают, что «это вряд ли было революцией в современном смысле слова»¹. Тем не менее родилась новая республика, а вместе с ней представление американского народа о праве на «стремление к счастью». Другим новшеством стал авторитет писаной конституции, составленной в Филадельфии в 1787 г.

Историки могут многое понять, рассматривая изменения в значении слов и историю языка в целом. Первоначально слово «революция» было астрономическим термином, описывавшим регулярное обращение звезд по своим орбитам. И даже после того как в XVII в. оно вошло в политический язык, обычно подразумевалось, что в ходе «революции» будет восстановлен правильный порядок вещей, искаженный властью имущими. То есть имелось в виду возвращение к исходному пункту. Токвиль писал о начале Французской революции в 1789 г.: «Можно было поверить, что целью революции было не свержение старого порядка, а его реставрация». Тем не менее после 1789 г. слово «революция» уже никогда не применялось в прежнем значении. Сколь бы ни сильна была преемственность между Европой до и Европой после 1789 г., современники испытывали совершенно особое чувство новизны. Революционер из революционеров Максимилиан Исидор Робеспьер летом 1789 г. писал своему брату, что во Франции «за несколько дней» произошли «события, величайшие по сравнению со всей предшествовавшей историей человечества». В то же время по другую сторону Ла-Манша вождь английских вигов Чарльз Джеймс Фокс описывал падение Бастилии как «величайшее событие из когда-либо происходивших во всемирной истории». Представитель нового мира промышленности английский гончар-новатор Джосайя Веджвуд верил, что «эта чудесная революция» потрясла «мир до самого основания». В старом мире муз столь непохожие поэты, как Уильям Блэйк и Сэмюэл Тэйлор Кольридж, объеди-

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 3

нились в общем хоре с немцами Иоганном Вольфгангом Гёте и Фридрихом Шиллером. Для девятнадцатилетнего Уильяма Вордсворта это было

...время, когда Европа ликовала, О, Франции златые дни — Природа человека возродилась.

Разве можно лучше выразить чувство новизны?

Ведущий идеологический оппонент революции, родившийся в Ирландии Эдмунд Бёрк, похоже, оценивал новизну случившегося также, как сами революционеры и им сочувствовавшие. Уже в 1790 г. он описывал революцию как «новшество» и намеренный разрыв с историей, а не как ее кульминацию. Для него, следовательно, в ней не было ничего общего со «Славной» английской революцией 1688 г., столетие которой отметили в Лондоне прямо перед началом революции во Франции. Мало было в ней общего, полагал он, и с Американской революцией. В отличие от иностранных сторонников Французской революции, многие из которых, подобно Кольриджу и Вордсворту, изменяли мнение после новых событий во Франции, Бёрк с самого начала разглядел модель явления: революция была циклом, а не последовательностью событий. Она началась с антиабсолютистских лозунгов и закончилась революционным абсолютизмом и войной.

Революция вращалась (как выразился Вордсворт) не только вокруг судьбы благонамеренного короля Людовика XVI, унаследовавшего французский трон в 1774 г. Лишь после создания в сентябре 1792 г. Французской республики и гильотинирования короля 21 января 1793 г. новизна

революции была во всей полноте явлена миру в образе нового республиканского календаря, принятого Национальным конвентом 5 октября 1793 г., за две недели до казни Марии Антуанетты. Первый год новой эры начинался 22 сентября 1792 г. Год, как и прежде, делился на 12 месяцев, однако в каждом насчитывалось по 30 дней.

Первое время месяцы обозначались как «первый», «второй» и т. д., подобно названиям перпендикулярных улиц американских городов. Затем они получили свои «республиканские» имена, позаимствованные специальной комиссией не из истории или мифологии, а непосредственно из природы — природы в ее крестьянском, а не буржуазном*

* Здесь и далее авторы используют курсив при написании слов «буржуазия», «буржуа», «буржуазный». Тем самым они определяют, что используют термин в его французском значении, и подчеркивают его условность. — *Примеч. пер.*

4 ГЛАВА 1

понимании. Первый, вандемьер, был месяцем сбора винограда, последний, фрюктидор — месяцем плодов. Второй, брюмер, был месяцем туманов. Жерминаль — месяц сева, флореаль — месяц цветения, термидор, десятый месяц — месяц жары. Каждый месяц делился на три декады по десять дней. Христианское воскресенье было упразднено, как и все церковные праздники. Христианство заменил Разум, основанный на философии XVIII в. Пять дополнительных дней, оставшихся после реформирования календаря, стали республиканскими праздниками, посвященными Добродетели, Таланту, Труду, Идеям и Наградам. В високосные годы дополнительный день, отныне последний в году, называли Днем Революции.

Этот календарь просуществовал лишь до 1805 г. и был отменен за десять лет до падения Наполеона Бонапарта, родившегося на Корсике в 1769 г., — солдата, поднявшегося в революционной Франции к вершинам власти. Свою политическую карьеру он начал в 1799 г. как первый консул (республиканский титул с античными отзвуками), а через пять лет сам короновал себя наследственным императором в ходе религиозной церемонии, совершенной в присутствии папы. Христианство не исчезло. Индустриализация в Британии также не покончила с иерархическими порядками, хотя британские промышленники, подобно французским революционерам, были зачарованы понятием «новизны» и наделяли слово «изобретение» магической силой. Мэттью Бултон, партнер Джеймса Уатта, еще до торговли паровыми двигателями гордился тем, что имел дело с «новинками». О его родном городе Бирмингеме, не имевшем аналога во Франции, позднее говорили, что, как и другие промышленные города, он воплощает систему жизни, основанную на «совершенно новых принципах».

Именно успехи индустриализации, а не возникновение во Франции революционного календаря навсегда изменили ощущение времени. Жизнь рабочих (в том числе детей) отныне протекала по заводскому гудку. Работа начиналась рано и продолжалась допоздна. Понедельник называли «святым», потому что в условиях жесткой дисциплины, не менее строгой, чем в наполеоновских армиях, именно в этот день рабочие могли взять выходной. На дальнейшей стадии индустриализации между работодателями и работниками начнутся ожесточенные споры не только о зарплате, но и количестве рабочих часов. Изменились и «временные рамки» в целом. «Расписание» было внедрено еще до эпохи паровозов — с появлением сравнительно быстрых дилижансов на конной тяге. Иностранцы часто жаловались на английскую манию «беречь время». Впрочем, скорость привлекала людей в разных странах, какой бы ни была их история.

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 5

Критики так называемой «промышленной революции» протестовали против власти машин и монотонной рутины индустриального труда. Критики же Французской революции полагали, что все произошедшее в ходе революционных событий (последовательности или цикла), завершившихся поражением Наполеона при Ватерлоо в 1815 г., лучше объясняется в категориях природы, а не истории. Они сравнивали ее с бурей или еще более образно — с течением или потоком лавы. Вот почему лондонское «*Quarterly Review*» с облегчением, хотя и с преждевременной уверенностью, заявляло в 1814 г., что «вулкан потух и мы можем совершенно безопасно приблизиться к кратеру». Это было перед последним историческим потрясением, когда Наполеон бежал с острова Эльбы, чтобы вновь вступить в борьбу.

В этом отношении политические перемены во Франции разительно отличались от экономических и индустриальных перемен в Британии, к которым в 1827 г. французский экономист Адольф Бланки впервые прикрепил ярлык «промышленная революция». Сравнивая социальные и политические изменения, происходившие во Франции на протяжении 1780—1790-х гг., с социально-экономическими переменами в Британии, он указал на роль, которую по одну сторону Ла-Манша играл Жорж Жак Дантон, по другую — Уатт. В 1906 г. французский историк Поль Манту писал о событиях в Британии конца XVIII в. как об «одном из важнейших эпизодов новой

истории, последствия которого повлияли на весь цивилизованный мир и продолжают менять его на наших глазах»².

Бланки жил в то время, когда большинство сведущих европейцев доказывали, что именно экономическая мощь Британии, основанная на добыче угля и стали, изобретении новых машин и использовании силы пара, обеспечила ей победу в долгих войнах против Французской революции и Наполеона, продолжавшихся с небольшими перерывами с 1793 по 1815 г. Некоторые англичане не были с этим согласны. Они приписывали успех не промышленной — или финансовой — мощи, но «моральной силе», протестантизму или, говоря языком Бёрка, превосходству институционального «наследия» парламентской монархии и власти закона. Так сопоставлялись две системы — британская, укорененная в истории, и французская, которая в ходе революции стремилась от нее освободиться. Однако даже если придерживаться этой трактовки, целью которой было объяснить, почему «свободнорожденные англичане» не устроили политической революции, остается уместным вопрос, почему промышленной революции не было во Франции.

Тому находили немало причин. Доказывали, что французская общественная система была более жесткой — несмотря на появление

6 ГЛАВА 1

в XVIII в. нового капитала, основным источником которого был, как для нового британского капитала, Карибский бассейн. Эта система позволяла торговцам добиваться аристократических титулов, но не способствовала поиску предпринимателями новых рынков для новых товаров. Капитал легко отвлекался от «полезных» замыслов на «роскошь». Доходы расходовались эффективно, но непродуктивно. Качество предпочитали количеству. Необразованные английские механики производили машины — французские же ремесленники тратили свой талант на хитрые безделушки вроде заводных игрушек. Большие французские текстильные фабрики, существовавшие уже около ста лет, производили гобелены. Манчестер занимался хлопком, Лион — шелком. «Этрурия» Веджвуда — центр керамического производства — сильно, как он сам заметил, отличалась от Севра, родины французского фарфора. Английские работники легче приспосабливались и были более мобильны, шотландцы — более бережливы и честны. Протестанты составляли только 2-3% французского населения. Гугеноты, французские протестанты, эмигрировавшие из Франции в XVII в., стимулировали развитие британской промышленности. Британское сырье было доступнее — уголь добывался недалеко от морских портов, железо можно было завозить или выплавлять дома. Хотя дороги во Франции были лучше, зато в Британии в 1800 г. было вдвое больше каналов, что являлось следствием строительного бума, предшествовавшего железнодорожному буму, который наблюдало следующее поколение. Индустриализация, как и политическая революция, лучше всего осмысливается в категориях сложных взаимодействий, зачастую имевших место на региональном уровне, чем посредством... причин и последствий. На самом деле, в то время как британская индустриализация XVIII в. была в основном региональной, не затрагивавшей значительные части страны, во французской экономике 1780-х гг. имелось гораздо больше промышленных элементов, чем предполагали первые историки промышленной революции, в том числе и французские. Во Франции были предприниматели, было и несколько больших заводов, в том числе прядильная фабрика в Нанте, где трудилось 4000 рабочих. В Шайо, под Парижем, производились паровые двигатели. Небольшие промышленные зоны существовали на востоке, например вокруг Мюльюза*. Если французская добыча угля составляла лишь 10% от английской, то производство чугуна во Франции в восьмидесятые годы XVIII в. превосходило английские показатели.

Текстильный центр в Эльзасе. — *Примеч. пер.*

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 7

Существовало, однако, другое важное экономическое различие. Обе страны уже воспользовались плодами того, что было неточно названо «торговыми революциями» (связанными с производством сахара и основанными на рабском труде), увеличившими богатство обеих держав, однако Франция, в отличие от Британии, не прошла через «аграрную революцию» (термин также неточный, однако удобный для обозначения значительных улучшений в сельском хозяйстве — главной отрасли экономики в обеих странах). Улучшения в Британии включали более эффективное использование земли, широко популяризированные новые технологии производства продуктов питания, систематический севооборот, использование урожая озимых в качестве корма для скота, расширение производства зерновых, крайне важное для растущего населения, а также более тщательную селекцию и выведение новых пород скота.

Оценивая и превознося свои собственные достижения в промышленности и сельском хозяйстве, британцы и до, и после Французской революции предпочитали слову «революция» старое слово

«улучшение», модное в XVIII в. по обе стороны Атлантики. Термин «революция» стал употребительным в Британии только в восьмидесятых годах XIX в., непосредственно перед празднованием столетия Французской революции (памятником которому стала Эйфелева башня)³. Тогда стала очевидна необратимость промышленных перемен. Невозможно было вернуться из индустриального общества в доиндустриальное, как невозможно управлять движением звезд. Действительно проще было предпринять политическую реставрацию после революции, чем перевести назад экономические часы.

К 1889 г. Французская революция и британская промышленная революция, различные по своим причинам, казались некоторым мыслителям тесно связанными друг с другом по своим последствиям. Фабрики и баррикады были частью одних декораций. Представителей нового промышленного «пролетариата» (е действительности отнюдь не монолитной массы рабочих, разделенных как религией, так и родом деятельности) считали носителями продолжавшейся революции. Согласно взглядам социалистов, например родившегося в Германии Карла Маркса, за буржуазной революцией против феодализма, произошедшей во Франции в 1789 г., последуют по мере развития индустриализации пролетарские революции, которые уничтожат капитализм и (в итоге) приведут к созданию «бесклассового общества». Подобные трактовки, оказавшие большее влияние во Франции на общественную мысль, чем в Британии, были оспорены в конце XX в. не в свете только исторического опыта, особенно опыта подъема и падения основан-

8

ГЛАВА 1

ного на марксистской теории Советского Союза, но также в результате более глубокого изучения природы обеих революций. Тем не менее и там, и там наблюдается немало сходных черт. Первой такой чертой был универсализм, являвшейся частью риторики обеих революций. Весь мир призывали признать права человека — Декларация прав человека и гражданина, принятая летом 1789 г., была декларацией прав человека, а не просто хартией для одних лишь французов. Не только Франция порывала с прошлым, сделать это призывали весь мир. Том Пэйн, самый успешный и хорошо продаваемый критик Бёрка, получил французское гражданство и представлял в Национальном собрании город Кале. В «промышленной революции» также заключался универсализм — ее нельзя было свести к одной Британии. Паровой двигатель, использование которого невозможно было ограничить одной Британией, провозглашался столь же универсальным, как и власть идей.

Двигатель Ватта! Могушество твое неоспоримо. Сравниться ли с тобою власть тирана? Уничтожает он, ты ж создаешь, спасаешь, Триумф твой жив, как плод или цветок.

Не все, однако, находили силу пара столь благотворной. Сочинялись и альтернативные универсалистские стихи, в которых в качестве тиранов фигурировали пар и машины. Пару, этому безжалостному королю, прислуживали «жрецы», «превращавшие кровь в золото».

Второй сходной чертой было ощущение «незавершенности» обеих революций. Если говорить о промышленной революции, то было очевидно, что технологии, созданные англичанами в последние десятилетия XVIII в., вряд ли навеки останутся «современными». Ручное производство станет стандартизированным, пар уступит место электричеству. Прометей был освобожден⁴.

Казалось также маловероятным, чтобы другие страны, обладавшие намного большими природными ресурсами по сравнению с Британией, Америка и Германия например, позволили Британии сохранить свое промышленное первенство, основанное на приоритете изобретения.

«Незавершенный» элемент Французской революции более сложен. Были французы, которые хотели бы «завершить» революцию на одном определенном этапе: например, в 1789 г., до падения старой парижской тюрьмы Бастилии, ставшего великим символическим событием; или в 1791 г., когда была выполнена первоначальная революционная программа, включавшая ниспровержение «феодализма»; или в 1795 г.,

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 9

после прекращения террора, в ходе которого одни революционеры боролись с другими; или в 1799 г., накануне передачи всей власти Наполеону. Однако были и другие, желавшие, чтобы революция продолжалась, пусть даже становясь «перманентной революцией». Для французского революционера середины XIX века Пьера-Жозефа Прудона, автора фразы «собственность — это кража», существовала «только одна революция, та самая, вечная». Ее целью было достижение не только политической свободы, но и экономического равенства.

Другой автор, немецкий философ истории Георг Вильгельм Фридрих Гегель, чьи теории повлияли на Маркса в не меньшей степени, чем теории британских политэкономов, был глубоко впечатлен Французской революцией как проявлением человеческого духа. «Всемирная история», начинал он

свои лекции в Берлинском университете в двадцатых годах XIX в., «есть прогресс в сознании свободы». Французская революция была для него триумфом правых сил. «С тех пор, как солнце находится на небе и планеты обращаются вокруг него — говорил он, используя астрономическую аналогию — не было видано, чтобы человек стал на голову, то есть опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им»*. Кульминацией такой философии стала вера в историческую необходимость. Маркс в итоге также признавал необходимость; при этом в своем постгегелевском анализе он заменил идеализм материализмом, вписывая в историю человечества как промышленную, так и Французскую революцию.

Подобные взгляды не остались без критики. Ни взгляды французских революционеров, ни философские системы Гегеля или Маркса никогда не пользовались единодушной поддержкой. Но оба мыслителя — под влиянием стихии революции и ее последствий — сделали историю ключевой дисциплиной, в случае Маркса — призывом к политическому действию снизу. Когда показалось, что с распадом Советского Союза в 1991 г. их влияние подходит к концу, некоторые наблюдатели сочли, что к концу подходит сама история.

Большая длительность и краткосрочность

При ретроспективном взгляде преемственность кажется вполне очевидной. Французской революции предшествовали культ свободы и гражданские чувства. Использовать силу пара начал не Уатт, полу-

* Рус. пер. цит. по: Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Собр. соч. Т. 1-14. М., 1932-1959. Т. 8. С. 19, 413.

10 ГЛАВА 1

чивший свой первый патент на паровой двигатель за 20 лет до падения Бастилии. «Атмосферный» двигатель был создан в восьмидесятых годах XVII в., а паровой насос — в 1698 г. Наиболее одаренный предшественник Уатта, Томас Ньюкомен, умерший в 1729 г., изобрел в 1712 г. двигатель, откачивавший воду из оловянных рудников Корнуолла. Достижением Уатта было то, что он заставил силу пара двигать машины. Процесс коксования железной руды был разработан Абрахамом Дарби в Коулбрукдейле в 1709 г.

И вещи, и идеи имеют свою родословную; великие события вроде тех, что происходили между 1776 и 1815 гг. по обе стороны Ла-Манша, не совершились сами собой. Подобным образом язык, казавшийся новым, зачастую употреблялся не впервые. Разговоры о «революции», а точнее о революции в управлении, велись во Франции и других европейских странах задолго до 1789 г., в особенности в десятилетие перед восшествием на престол Людовика XVI (1774). Историк Альбер Сорель, создатель авторитетного, хотя и устаревшего, восьмитомного труда «Европа и Французская революция», опубликованного между 1885 и 1904 гг., приводит интересный пример использования этого слова в 1751 г., употребленного скорее со страхом, чем с надеждой. Один писатель мрачно заметил: «Я далек от мысли, что мы вступаем в эпоху Разума; напротив, меня нетрудно убедить, что Европе угрожает какая-то катастрофическая революция».

Вера в разум была в XVIII в. основой «Просвещения». Это слово, в отличие от термина «промышленная революция», использовалось уже современниками. Представители Просвещения, философы, составляли республику задолго до создания в 1792 г. в результате революции единой и неделимой Французской республики. Хотя, как и у революционеров, у них не было единого мнения, они разделяли определенные общие положения: нежелание принимать на веру установленные принципы; интерес к изучению дисциплин, которые мы в итоге выделили бы как политику, право, криминалистику, экономику, управление, социологию, психологию и религию; враждебность по отношению к невежеству и предрассудкам, отождествлявшимся с церковью; а также желание (и возможность) распространять информацию и знания. Тот факт, что наиболее известный (и остроумный) из философов, Франсуа Мари Аруэ Вольтер, говорил не о республике, а о своей церкви, состоящей из «братьев» и «верных», является свидетельством силы этого движения.

Подвергая сомнению «авторитет», философы свободно пользовались отвлеченными существительными, такими как «разум», «свобода», «счастье», «польза», «прогресс». Тем не менее их равным образом

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 11

интересовала практическая политика, которую проводили или могли бы проводить правители и правительства. Этот интерес выражен в одном из их великих коллективных достижений — 18-томной «Энциклопедии», первой том которой появился в 1751 г. «Все должно быть исследовано», — писали его редакторы Дени Дидро и Жан Лерон д'Аламбер. «Все без исключения и оговорок должно быть подвергнуто сомнению». Полным названием труда было «Энциклопедия, или толковый словарь [наук, искусств и ремесел]».

Этот труд затрагивал почти все стороны человеческой мысли и деятельности, включая «технику» — новое слово второй половины XVIII в., как и слово «индустрия» в его современном смысле. Прежде оно означало сугубо человеческое качество, а именно трудолюбие. Теперь его стали использовать для обозначения отрасли экономики (потом будут употреблять слово «сектор»). Слово «конституция» также приобрело новое значение. Вольтер написал для «Энциклопедии» статью о «литераторах» (*«gens de lettres»*). Именно «литераторы», представлявшие Вольтеру новую аристократией, много сделали для разработки нового словаря. Их возглавлял д'Аламбер в 1772 г., назначенный пожизненным секретарем престижной Французской академии, стоявшей на страже французского языка.

Идея «Энциклопедии» была навеяна французам более ранней английской энциклопедией. На протяжении всего века литературные и философские связи между Францией и Англией (позднее и Шотландией) играли важную роль в изменении сознания людей и расширении их горизонта. Большинство *философов* были космополитами, и центрами просветительской мысли были Эдинбург и Женева, а не Париж. Вольтер в молодости жил в Англии; барон де Монтескье, наиболее вдумчивый из *философов*, принял за образец политического устройства неписаную британскую конституцию; французские физиократы, чрезвычайно озабоченные судьбами французской экономики XVIII в., присоединились к Адаму Смиту в острой критике «системы меркантилизма», истоки которой, по словам последнего, можно обнаружить во времена «господина Кольбера, знаменитого министра Людовика XIV».

Ни физиократы, ни Смит (чье «Исследование о природе и причинах богатства народов» породило ожесточенные споры по предмету, получившему название «экономической политики») не предвидели революционного итога своего столетия, в том числе и промышленной революции. Они смотрели на общество сверху, а не снизу. Так же поступали и французские *философы*, большинство которых возлагали свои надежды не на народ, а на правителей как покровителей пере-

12 ГЛАВА 1

мен. В 1770 г. Дидро заявлял, что «счастливейшим будет правление справедливого и просвещенного деспота». Даже стоявший особняком Жан Жак Руссо, чья теория «общей воли» являлась обоснованием власти народа, оставлял место для законодателя. Не менее чем своими памфлетами и книгами ранние *философы* были знамениты перепиской — на французском — с «просвещенными» монархами. Даже Иеремия Бентам, британский утилитарист, считавший критерием хорошего правления «наибольшее счастье наибольшего количества людей», в первую очередь верил правителям и переписывался с русской императрицей Екатериной II, которую называли Великой. Прожив весь период, рассматриваемый в этой главе, он дожил до важных политических перемен в Британии и стал их свидетелем. Екатерина, родившаяся в 1729 г., также прожила достаточно долго — до 1796 г., — чтобы успеть осудить Французскую революцию. *Философы*, размышлявшие о предрассудках и терпимости, «прогрессе» и «цивилизации», стремились провести грань между «веком Просвещения» и «просвещенным веком», признавая, что, сколь бы просвещенными ни были они сами, их окружала темнота, которая лишь медленно рассеивалась. Французский наблюдатель заметил в 1750 г., что люди, жившие в ста милях от Парижа, могут на век отставать в «своем образе мысли и действия». Таким образом, неудивительно, что большинство *философов* верили, что перемены придут сверху, хотя и знали, что тем разумом (*raison*), которым будет руководствоваться даже самый «просвещенный» из монархов, будет «государственный интерес» (*raison d'Etat*). А его будут определять правители, а не *философы*.

На «маленьких людей» (*les petits*), большая часть которых была безграмотной, влияли совсем иные экономические и психологические силы, чем на людей «великих», в том числе голод, унижение и гнев. Темная сторона парижской сцены и ее контрасты были отражены на страницах «Ночей Парижа» Никола Ретифа де ла Бретона, опубликованных между 1788 и 1794 гг. В них описывались «все действительные факты», которые Ретиф наблюдал во время ночных прогулок по великому городу, «сочетание роскоши, торговли, грязи, Оперы, девиц, безрассудства, учтивости, дебоширства, обходительности, надувательства, всех преимуществ и злоупотреблений ночной жизни». Неудивительно, что в высоких литературных кругах Ретифа оценивали как «Руссо трущоб».

Стремление к выгоде, как и общественное любопытство, были силой, осознаваемой по обе стороны Ла-Манша. Представители клана, который британцы называли «средними слоями общества», а французы — «буржуазией», были взбуждены честолюбивыми устрем-

лениями, побуждавшими либо к экономической, либо к политической деятельности. Юристы могли быть столь же честолюбивы, как и купцы. Их также легко было взволновать скандалами в верхах, красочно описываемыми в пасквилях (*libelles*), циркулировавших подпольно, и в памфлетах, открыто печатавшихся и продававшихся на лондонской Патерностер-Роу. Последние обладали более непосредственным и мощным воздействием, чем идеи *философов*.

«Та самая» революция

Ретиф, ярко описавший следствие над Людовиком XVI и гильотинирование Марии Антуанетты, был не менее Бёрка встревожен кровавыми революционными событиями, начавшимися по иронии судьбы не бунтом бедняков, а мятежом аристократов.

Истоки Французской революции — в историю она войдет как Революция с большой буквы — до 1789 г. обнаруживаются и коренятся в реформаторских устремлениях, зачастую противоречивых, и в конфликтах, нередко ожесточенных, в рамках «старого порядка», столкнувшегося с серьезными финансовыми затруднениями. (Французский Генеральный контролер финансов барон де Тюрго предупреждал Людовика XVI перед вступлением в американскую войну, что «первый же выстрел приведет страну к банкротству».) В 1788 и 1789 гг. общее финансовое и экономическое положение стало еще хуже. Плохие урожаи в 1787 и 1788 гг. подняли цену на хлеб, в некоторых местах вдвое, что совпало с ростом безработицы в городах. Бедняки оказались на грани голода. Тяготы множились. Три четверти французского национального продукта давало сельское хозяйство, и когда оно ослабло, это ощутила вся страна. Канун Революции ознаменовался и природным катаклизмом. Ураган, промчавшийся над Францией 13 июля 1788 г., сопровождался градом такой силы, что градина могла убить человека или животное, не говоря уже об уничтоженном урожае.

Хронология приведших к Революции политических событий, каждое из которых обладало своим драматизмом и своей риторикой, была напрямую связана со сложными финансовыми проблемами Франции. Проблемы эти варьировались от принятия бюджета военного и мирного времени до распределения и сбора налогов (сбор всех налогов отдавался на откуп, являвшийся весьма доходным занятием) и прав займа и государственного кредита. В центре дискуссий по экономическим и политическим вопросам были адвокаты, являвшиеся важным элементом политически активной буржуазии — и они сохранили свои по-

14 ГЛАВА 1

зиции и после начала революции. Тем не менее из социально-политических расчетов нельзя было исключать недовольство бедняков, в том числе беднейших крестьян. Англичанин Артур Янг, неутомимый поборник усовершенствований в сельском хозяйстве, много путешествовавший по Франции, утверждал в те годы, что финансовый «дефицит не привел бы к революции, если бы не цены на хлеб».

Между 1787 и 1789 гг. происходило то, что потом стало рассматриваться как эскалация конфликта — один шаг вел за собой другой, за ходом следовал ответ. В 1787 г. королевский Генеральный контролер предпринял неудачную попытку повысить доходы при помощи назначенной сверх «Ассамблеи нотаблей». Присутствовавшие на ней аристократы не поддержали радикальное предложение ввести налог на всех землевладельцев, независимо от их положения, и в мае 1787 г. Ассамблея была распущена. Обладатели привилегий не захотели идти на уступки, несмотря на то что финансовый кризис продолжался и без перераспределения налогового бремени справиться с ним было невозможно. Перед своей отставкой в 1781 г. один из финансовых советников короля, швейцарский банкир Жак Неккер, полностью осознавал всю «чуждость в глазах разума» — этой лакмусовой бумаги XVIII в. — того факта, что от податей были освобождены все слои аристократии (знати), духовенство (верхушка которого, епископы и архиепископы, назначалась королем), тогда как тяжелое косвенное налогообложение (включая налог на соль) ложилось на плечи бедняков.

Единственным выходом из тупика 1787 г. и конституционных конфликтов между королевскими министрами и парижским парламентом (а также провинциальными парламентами — этими старинными учреждениями, с их законодательными правами и привилегиями, которые, как считалось, сдерживали абсолютную власть) казался созыв Генеральных штатов. Они также представляли собой старинное учреждение, представительное, а не законодательное, состоявшее из трех отдельных «сословий» — духовенства, знати и «простого народа», которые не созывались с 1614 г. Боровшийся с парламентами архиепископ Бриеннский, назначенный королевским главным министром (титул, не употреблявшийся с 1726 г.), созвал Штаты в августе 1788 г., в ту же неделю, когда обанкротившееся французское казначейство перестало платить по счетам. В конце

месяца Неккер, протестант, никогда не носивший столь громкого титула, согласился вновь принять дела, и архиепископ Бриеннский подал в отставку.

Указом парижского парламента устанавливалось, что собрание Генеральных штатов должно следовать всем старинным государст-

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 15

ственным ритуалам, подобно тому как Людовик XVI следовал всем священным обрядам при коронации в Реймсе. Однако политические события, произошедшие до встречи депутатов, сделали эти ритуалы архаичными. Сами парламенты в своей конституционной схватке с министрами Людовика XVI уже склонялись к использованию нового языка: «граждане» вместо «подданных» и даже «права человека», явно претендуя на роль «стражей народных свобод». Теперь, между августом 1788-го и маем 1789 г., ораторы и писатели в яростной общественной дискуссии опирались на самые разнообразные источники, как новые, так и старые, чтобы привлечь общественное внимание на фундаментальные вопросы, касавшиеся привилегий, прав и конституции. Между сентябрем и декабрем 1788 г. было издано не менее 752 памфлетов и других печатных изданий, а в первые четыре месяца 1789 г. — еще 2369. Мнения значили не меньше, чем интересы. Рядом с ними выступало насилие, порожденное не общественными спорами, а народным, в основном крестьянским, недовольством. Бунты вспыхнули в таких далеких друг от друга местах, как Ренн в Бретани и Гренобль в Дофине. Отныне сердцем событий, стержнем происходящего станет взаимодействие мнений, интересов и насильственных действий.

Весенние выборы в Генеральные штаты подтвердили то, что было уже ясно — ни знать, ни парламенты не смогут управлять дальнейшим ходом событий. Правом голоса обладал каждый мужчина старше 25 лет, включенный в избирательные списки. В то время как аристократы выбирали аристократов, а священники — представителей духовенства, третье сословие, чье представительство (648 депутатов) было вдвое больше по сравнению с двумя первыми вместе взятыми, находилось в прямом контакте с намного более широким кругом голосующих.

Представители каждого сословия получали от своих избирателей письменные указы (*cahiers des doléances*), содержавшие как общие положения, порой основанные на прецеденте, порой — на современных политических сочинениях, так и конкретные жалобы, число которых постоянно росло в последние месяцы перед началом работы Генеральных штатов. Избранники третьего сословия и по социальному статусу, и по роду занятий отличались от своих избирателей: среди них было 166 юристов, 85 купцов и 278 людей, занимавших различные административные посты. В самом Париже, где в разворачивавшихся событиях предстояло активно выступить намного более широким слоям населения, в Сент-Антуанском предместье в апреле 1789 г. вспыхнул двухдневный бунт (25 человек погибли и трое были позднее казнены). В данном случае

16 ГЛАВА 1

врагом был не король, а местные политики и владельцы мануфактур, выступавшие за более низкие заработки. Всего через несколько месяцев рабочие того же предместья сыграют ведущую роль во взятии Бастилии.

Это зловещее событие сохранилось в памяти лучше, чем сопровождавшееся церковными службами торжественное открытие Генеральных штатов 5 мая 1789 г. Сразу после открытия, начавшегося скучной речью Неккера (король на ней заснул), третье сословие заявило о своей особой роли. Воспринимая себя не в традиционных сословных понятиях, а скорее как голос всей нации, его депутаты отказались заседать и голосовать отдельно от других сословий. Притязания третьего сословия выдвигались в речах и письменных выступлениях еще до открытия Генеральных штатов — особенно ярко в одном из наиболее широко читаемых и обсуждаемых памфлетов той поры, называвшемся «Что такое третье сословие?». Его автор, аббат Сийес, сын почтового служащего, сыграет одну из важнейших ролей в развитии политических событий того года. «Сегодня, — писал Сийес в своем памфлете, — третье сословие — это все, а знать — всего лишь слово».

Одной из наиболее интересных проблем, связанных с событиями 1789—1795 гг., является связь языка, вербального и визуального, с действием. В 1788 г. в меморандуме муниципальных чиновников Нанта уже прямо утверждалось, что «третье сословие возделывает поля, строит и управляет торговыми судами, содержит мануфактуру и руководит ими, кормит и животворит королевство. Пришло время, чтобы с великим народом считались». Затем язык станет намного более напыщенным. Насколько эффективной была вся эта риторика, также стало предметом споров. Жан Жозеф Мунье, один из выступавших в дебатах по конституционным правам в мае 1789 г., однажды спросил: «Что значат слова, если они не меняют положение вещей?» — на что другой депутат лаконично ответил: «Когда объясняются слова, проясняются идеи». В дальнейшем

революционеры считали, что слова приобретают наивысшую силу, если их цель — не объяснять, а вдохновлять людей на действия.

Майские дебаты (в присутствии зрителей) не привели к соглашению, и 10 июня третье сословие намеренно форсировало события, проведя 493 голосами против 41 предложенную Сийесом резолюцию, гласившую, что если два других сословия не согласятся заседать вместе с ними, то оно будет продолжать собираться самостоятельно. Неделей спустя — 491 голосом против 89 — была принята новая резолюция, в которой депутаты третьего сословия объявили себя «Национальным собранием». Еще через два дня за присоединение к нему

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 17

с небольшим перевесом проголосовали представители духовенства. Тут пришел черед первому из тех событий, о которых позднее станут вспоминать как о «прекрасных мгновениях» революции. Двадцатого июня, когда члены Национального собрания пришли в зал заседаний, они увидели закрытые и охранявшиеся солдатами двери и объявления на стенах, гласившие, что на следующую неделю назначена внеочередная «королевская сессия». Вместо того чтобы тихо покинуть помещение, депутаты собрались в соседнем зале для королевской игры в мяч, где все, кроме одного, дали торжественную клятву не расходиться, пока не «будет учреждена и укреплена на твердых основаниях конституция королевства».

Воля депутатов подверглась испытанию, когда на «королевской сессии» король в своей речи, которую при других обстоятельствах сочли бы примирительной, настаивал, чтобы Штаты продолжили заседать по сословиям и чтобы все депутаты вернулись на свои места. Однако давшие клятву в зале для игры в мяч не дрогнули. По словам графа Мирабо, члена Общества тридцати (небольшой группы, состоявшей в основном из аристократов, выступавших против привилегий), теперь разогнать Национальное собрание можно было только штыками. На это не пошли, и 27 июня, после долгих закулисных споров, Людовик приказал президентам первых двух сословий присоединиться к Национальному собранию. Когда он и королева появились на балконе, толпа их приветствовала. Артур Янг поверил, что революция завершилась.

Напротив, это было только начало, и местом действия вскоре стал не Версаль, а Париж.

Недовольство двора, перемещения по городу королевских войск и отставка 11 июля Неккера, которому приказали покинуть страну, — все это подсказывало, что воля народа в опасности и Национальное собрание, четыремя днями ранее переименованное в Национальное учредительное собрание, и/ожег быть распущено. Все эти зловещие действия происходили в конце недели, когда собрание обсуждало не конституцию, а пены на хлеб. Когда новости достигли беспокойного и неуправляемого Парижа, горожане пришли в ярость. «Гражданское ополчение», сформированное ранее для защиты собственности, было не в состоянии «обуздать народный гнев».

Чтобы верно оценить меняющуюся позицию короля и последующую роль отдельных революционных вождей, важно понять взгляды и реакции людей, чьи имена не вошли в исторические труды. Исследование этой проблематики стало поворотным пунктом в историографии Французской революции. Первоначально историки пользовались общими понятиями вроде слова «народ» — ныне они пишут

L

18 ГЛАВА 1

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 19

о конкретных людях в конкретных местах. Известные или безымянные, это они, люди, не обладавшие властью, а вовсе не члены Национального собрания отныне толкали Революцию вперед, пойдя 14 июля на штурм Бастилии. Погибли 83 человека, и среди них комендант тюрьмы — аристократ, пытавшийся взорвать ее, но не выдать ключи. Перед тем как жестоко убить, его водили по улицам, подвергая избиениям и издевательствам. Затем его отрубленную голову толпа носила на пике.

В то время в Бастилии находилось всего семь узников — Людовик XVI сам хотел разрушить ее в 1784 г., — но масштаб беспорядков и их характер дали понять, сколь заразительно насилие и сколь ненадежны королевские войска. Говорят, что 15 июля герцог де Ларошфуко-Лианкур сказал королю: «Сир, это не бунт (*revolte*), а революция (*revolution*)». Герцог нашел верное слово. Все происходило впервые. Король отдал приказ своим войскам, окружавшим Париж, разойтись. Спустя три дня он встретился с представителями нового парижского муниципального

правительства (во главе с мэром — новый титул!) и принял от них трехцветную кокарду — еще одно символическое событие.

Слышались выкрики «Наш король, наш отец!», но сам Людовик XVI оставался молчалив. Он вновь призвал Неккера и утвердил назначение маркиза де Лафайета командующим гражданским ополчением, названным теперь Национальной гвардией. Лафайет, аристократ, был одним из французских героев американской войны за независимость. Своему сыну, родившемуся в 1780 г., он дал имя Джордж Вашингтон. Через Атлантический океан он послал Вашингтону кусок камня разрушенной Бастилии. Уже тогда, однако, он (как и Вашингтон) хорошо понимал, что французская революция развивается иначе, чем американская. В 1791 г. Лафайет, которому тогда исполнился лишь 31 год, советовал Людовику XVI уехать из Парижа в Руан и поднять там королевские знамена. В следующем году, когда монархия была свергнута, он сам был вынужден покинуть Францию, чтобы стать узником австрийской тюрьмы. Круг замкнулся.

За уничтожением Бастилии парижской толпой последовала волна разрушения старых институтов Национальным собранием. Это было не символическим, а реальным действием, самым важным из всех достижений Революции. Но фоном этих успехов являлась волна насилия в Париже и провинции. Достигли своего пика крестьянские волнения, породившие то, что Жорж Лефевр, один из величайших французских историков Революции, называл великим страхом (*la Grand Peur*). Однако среди паники вырисовывалась надежда. Крестьян подняла вера в радикальное улучшение их положения и боязнь обмана со стороны

знати. Они решили взять правосудие в свои руки, поначалу нередко сопровождая свои действия криками «Да здравствует король!».

Именно в этой атмосфере возбуждения и энтузиазма Национальное собрание 4 августа 1789 г. объявило о «полной отмене феодального строя» и создании структуры местной и провинциальной администрации на основаниях, не обсуждавшихся при созыве Генеральных штатов. Старые счета были сведены. Отменялись привилегии, зачастую не вполне обоснованно. Чтобы полностью осознать смысл сделанного, еще потребуется время, однако первая кодификация была составлена уже через неделю. «Крестьянская революция» не оказалась одинаково благотворительной для всех крестьян. Некоторые из них получили возможность купить землю по низкой цене и, освободившись от бремени феодальных повинностей и десятины, разбогатели. Многие при этом сделались политически консервативными. Другие остались безземельными, бедными и разочарованными. Ни одна власть не могла игнорировать крестьян, хотя большее воздействие на правительство оказывало давление Парижа, где события развивались гораздо быстрее, чем в Версале. Их двигали не столько беднейшие слои, сколько «маленькие люди» — ремесленники, мелкие производители, розничные торговцы, владельцы кафе, цирюльники и книготорговцы. Чтобы обозначить их, чаще всего пользовались связанным с одеждой оскорбительным словом «санкюлоты». Санкюлоты носили длинные рабочие брюки, а не аристократические штаны до колена. Их объединяла революционная активность, а не род занятий или уровень дохода, они обладали чувством братства и гражданской солидарности, о которых говорилось в Декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным собранием 27 августа. «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», гласила статья I. «Общественные различия могут основываться лишь на соображениях общей пользы». «Источник суверенитета зиждется по существу в нации»*, говорилось в статье III. Девять из 17 статей апеллировали к «власти закона».

Язык был ясен, но в то время, когда провозглашались идеалы революции, наиболее острым вопросом для большинства парижан оставалась цена на хлеб. Это проявилось 5 октября 1789 г., когда повстанцы, мало заботясь о «власти закона», штурмовали городскую ратушу, а огромная толпа женщин, собравшихся на уличных рынках, под дождем прошла из Парижа в Версаль, требуя пищи. Они также требовали, что-

Рус. пер. цит. по: Документы истории Великой французской революции / Отв. РВД. А.В. Адо. Т. 1-2. М., 1990-1992. Т. 1. С. 112-113. - Примеч. пер.

20

ГЛАВА 1

бы король, до тех пор того не желавший, безоговорочно поддержал бы все, что было провозглашено именем Революции начиная с 17 июля. После ожесточенных споров при дворе он так и поступил. На следующий день, сопровождаемый Лафайетом, прибывшим с 20 тыс. национальных гвардейцев, он вместе с толпой, под дождем и по грязи, отправился с семьей из своего версальского уединения в парижский дворец Тюильри, который за сто лет до того забросил Людовик XIV. Сто членов Национального собрания, многие из которых были потрясены случившимся, въехали с ним в бушующий город, по такому случаю ярко освещенный и приветствующий

«пекаря, жену пекаря и пекаренка».

Последующий ход Французской революции был связан не только с судьбой короля. Требуется детальное изучение всех ее этапов и переломных пунктов, в датировке которых историки порой заметно расходятся. Большинство из них, тем не менее, отводят большое значение географии, отмечая существенные различия между деревней и городами, между провинциями и Парижем — городом, отдельные районы которого обладали своими особенностями. В нем было множество «народных клубов», где с удовольствием обсуждались цели и тактика, формировались революционные патрули и выполнялись иные революционные задачи. Значительные группы активистов полагали, что правительство обязано регулировать цены, в особенности цены на хлеб. Их политическая экономия с самого начала являлась самостоятельным творчеством, резко отличавшимся от воззрений Смита или физиократов и пугавшим буржуазных революционеров как в Национальном собрании, так и в провинциях.

Хронология событий за пределами Парижа совсем иное дело. В некоторых провинциях, где Революция первоначально пользовалась небольшой поддержкой, ревностные революционеры после октября 1789 г. укрепились в сознании своей миссии, что привело к новому всплеску насилия. С тех пор действительно происходила не одна революция и не одна контрреволюция. Также появились новые региональные границы, поскольку в 1789 г. на смену старым провинциям пришли департаменты. На повестке дня стоял вопрос о Федерации. Праздник Федерации (*Fete de la Federation*) был проведен в 1790 г. в годовщину взятия Бастилии.

Революционная политика зависела не только от конституционных дебатов, но именно итоги дебатов делали насилие неизбежным. Отмена феодализма получила широкое признание в ноябре 1789 г. Последовавшее постановление Национального собрания об экспроприации церковной собственности (вместе с землями короны) подобной поддержки не получило. Причины конфискации были в первую очередь

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 21

финансовыми: Национальное собрание неизбежно должно было заниматься финансами, подобно тому как до 1788 г. вынуждены были ими заниматься королевские министры. Отобранная церковная собственность должна была обеспечить стабильность новых революционных бумажных денег, ассигнатов, впервые введенных в декабре 1789 г.

Дальнейшие решения, увековечившие раскол внутри Франции, были приняты в феврале 1790 г., когда были запрещены церковные ордены, и в июле 1790 г., когда было обнародовано «Гражданское устройство духовенства». Приходских священников теперь должны были выбирать граждане, собиравшиеся в местных ассамблеях, а епископов — выборщики в департаментах. Все духовные лица становились оплачиваемыми государственными чиновниками, и ни одно папское послание не могло оглашаться во Франции без разрешения правительства. В ноябре от духовенства потребовали принести присягу. Всех, кто отказывался, следовало сместить и заменить. Множество епископов и священников, в том числе и члены Национального собрания, отказались принести присягу. Тринадцатого апреля 1791 г. ее осудил папа.

Доля отказавшихся присягать различалась в зависимости от региона. На западе — в Вандее, Бретани и Нормандии, а также во Фландрии и Эльзасе присягу приняло менее одной пятой священников, тогда как в Варе — 96%. Первыми проявлениями контрреволюции стали заговоры, за которыми последовали массовые народные выступления. Эмигранты-контрреволюционеры, покинувшие Францию, — самые первые во главе с братом короля графом д'Артуа уехали еще в июле 1789 г. — готовились к гражданской войне, рассчитывая на иностранное вторжение во имя спасения королевской семьи и аристократии. Когда база контрреволюции укрепилась, гражданская война получила мощный импульс внутри самой Франции. Во многих местах — здесь сыграл свою роль и региональный фактор — контрреволюционеры сформировали свою собственную Национальную гвардию.

Побег 21 июня 1791 г. короля из парижского дворца в расположенный недалеко от французской границы Варенн — Людовик XVI и его жена путешествовали переодевшись — привел эту фазу Революции к высшей точке. Когда короля как пленника вечером 25 июня 1791 г. привезли обратно в Париж, он, как говорят, тихо заметил: «Во Франции больше нет короля». То, что казалось ему тонкой связующей нитью между прошлым Франции и ее настоящим, было окончательно перерезано. Для рядовых французов это также стало кульминацией событий. Теперь им предстояло решать, одобряют они Революцию или нет. Учредительное собрание винило в побеге короля заговорщи-

ков, которые якобы ввели его в заблуждение, однако толпы поднятых радикальной прессой воинственных парижан требовали перехода к республиканскому правлению. Лафайету удалось разогнать первую массовую манифестацию — тогда 17 июля на Марсовом поле около 50 человек было убито и многие ранены, но эмиграция продолжалась в еще больших масштабах.

Тринадцатого сентября король неохотно принял новую конституцию, вводившую однопалатный парламент и урезавшую все королевские prerogatives.

Восходившие к 1789 г. и более ранним временам долгие дискуссии (иногда они велись в особых комитетах) о том, какую конституцию должна принять Франция, во многом были спором о связи между прошлым и будущим. Что такое конституция? Следует ли восстановить «старую конституцию» или надо разработать новую? Должно ли создание конституции предшествовать подготовке билля о правах или, наоборот, следовать за ней? Каким должно быть место монарха? Теперь казалось, что эти ключевые вопросы, некоторые из которых никогда не выносились на голосование, разрешались сами собой. На смену Учредительному собранию пришло Законодательное собрание, избранное в конце августа 1791 г. на основе ограниченного избирательного права.

Половину членов Законодательного собрания составили юристы, и именно в нем возникли четко обозначенные политические фракции, пока еще не партии. Одной из них были жирондисты во главе с Жаком Пьером Бриссо, другой — якобинцы, названные так по имени парижского клуба, имевшего более 1000 членов и более 1000 дочерних обществ. Название «жирондисты» происходило от названия департамента Жиронда на юго-западе Франции со столицей в Бордо, откуда были родом многие члены фракции. Какими бы ни были собственные пристрастия депутатов, им приходилось иметь дело с весьма разнородными взглядами своих избирателей. Многим французам оказался не по душе крах старого порядка и экстремизм общественно-политических воззрений парижан. Они с подозрением относились к Парижу, точно так же, как парижские санкюлоты с подозрением относились к банкирам и богатым дельцам.

Наложив вето на два важных указа Законодательного собрания — новая конституция позволяла ему это, — Людовик XVI показал, что он еще что-то значит. Когда пришли новости, что эмигрантские армии собираются в Германии подле французской границы, он даже взял инициативу в свои руки и выдвинул ультиматум принцу-архиепископу Трирскому, заявляя, что Франция объявит ему войну, если в его владениях не будет запрещена деятельность эмигрантов. Четыр-

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 23

надцатого декабря 1791 г. король объявил об этом ультиматуме Законодательному собранию и был встречен аплодисментами. Принц-архиепископ подчинился. Так же поступил и курфюрст Майнцский.

В этом ультиматуме не было ничего революционного, так как в XVIII в. было само собой разумеющимся, что война, то есть организованное использование вооруженных сил одного государства против другого, оправдана с точки зрения *«raison d'Etat»* (государственных интересов). Тем не менее, когда граф де Верженн, последний предреволюционный министр иностранных дел Людовика XVI, подписал в 1786 г. торговый договор с Британией, а в 1787 г. договор с Россией, он категорично заявил: «Время завоеваний прошло» (*«Ce n'est plus le temps de conquêtes»*), а в августе 1791 г. Национальное собрание приняло «Декларацию мира всему миру» — в то время, когда некоторые иностранные враги Революции, например шведский король Густав II (вскоре он будет убит, но не революционером, а аристократом), уже проповедовали крестовый поход.

Революция, война и террор

Однажды начавшись, война, став новым элементом революционной ситуации, сделала революцию еще более революционной. По словам друга и соратника Маркса — Фридриха Энгельса, от нее зависел весь последующий «пульс» революции. Однако она повлияла не только на революцию, но также изменила роль государства. Четвертый президент США Джеймс Мэдисон считал, что «война — это вопрос расширения исполнительной власти». Война вызвала неизбежные финансовые последствия. Проблема инфляции появилась во Франции еще до начала войны. Цена ассигната в 1793 г. была вчетверо меньше, чем двумя годами ранее.

Военный энтузиазм охватит Францию в 1791 г., и он лишь усилился после того, как император Леопольд заявил, что, если Майнцу и Триру придется капитулировать, он введет туда свои войска. Двадцать пятого января 1792 г. от Людовика потребовали сообщить его австрийскому шурина,

что, если тот не объявит о своих миролюбивых намерениях, с Габсбургской империей начнется война. Когда Людовик в своей ноте высказался менее резко, чем хотело Законодательное собрание, разразился новый кризис, прозвучали угрозы низложить и его, и королеву. Людовик вновь изменил свое мнение, отправил в отставку непопулярных министров, сформировал 20 апреля новое, назначенное жирондистами правительство и объявил королю Венгрии и Богемии

24 ГЛАВА 1

войну. Леопольд умер 1 марта, а Франц, его преемник, еще не был коронован императором Священной Римской империи.

Бриссо и его жирондисты полагали, что война может объединить Францию и даже спасти конституционную монархию. Объявление войны было восторженно встречено в революционных кругах. В Законодательном собрании лишь семь депутатов проголосовали против. «Вот он, кризис вселенной, — витийствовал один патриот, — Бог высвободил первобытный хаос». Теперь «свободные люди — это боги на земле», и «священная война» будет вестись «свободными людьми» и «патриотами».

К великому сожалению Бриссо, война, начатая столь велеречивыми словами и из-за столь смешанных мотивов, оказалась губительной для него самого, его фракции и, не в последнюю очередь, для короля. После первых поражений, когда французские армии вели себя совсем не как «вооруженные миссионеры», чего хотели от них революционные граждане (впрочем, один французский генерал, заподозренный в измене, был убит своими собственными солдатами), иностранные армии вступили во Францию. Восемнадцатого мая под наблюдение были взяты все находившиеся в стране иностранцы. Министры-жирондисты были смещены, и 20 июня разгневанная толпа ворвалась в королевские апартаменты в Тюильри.

В этот момент Людовик, еще не сдался, хотя ему и пришлось, надев красный колпак свободы, выпить за здоровье нации. Но вождь контрреволюционеров герцог Брауншвейгский издал 25 июля 1792 г. манифест, угрожая парижанам самыми тяжкими карами, если королевской семье будет нанесен какой-либо вред. Это ускорило развязку, и 10 августа дворец Тюильри вновь был взят штурмом. В этот самый кровавый из революционных дней погибло 400 человек и была уничтожена королевская швейцарская гвардия. После боя члены королевской семьи были как пленные отведены в Тамплль.

На некоторое время влияние жаждавшей мести Коммуны Парижа казалось большим, чем влияние Законодательного собрания. После взятия в сентябре 1792 г. прусской армии Ланги, а затем и Вердена, расположенных всего в 200 милях от Парижа, толпа, охваченная страхом, ворвалась в парижские тюрьмы и расправилась более чем с тысячей «врагов революции». В тот же месяц, после спешной мобилизации граждан в армию, 20 сентября пришли вести о победе французов при Вальми. Два дня спустя была провозглашена республика. Король, давно смилившийся с судьбой, был подвергнут допросам (после ожесточенных дебатов об их необходимости) и, с минимальным перевесом в один голос, приговорен к смерти. Он был гильотинирован 21 января

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 25

1793 г. на нынешней площади Согласия. Провозглашение республики было делом Национального конвента, избранного жарким летом и впервые собравшегося в день победы при Вальми. Как и Учредительное собрание, Конвент был в основном буржуазным по своему составу, причем большинство по-прежнему составляли юристы. Среди 749 депутатов 83 были членами бывшего Учредительного собрания. Однако в целом его состав, включавший и бывших аристократов, и ремесленников, обновился. Усилилось разделение на политические группировки. Против жирондистов выступалимонтаньяры, или «Гора», получившие такое название потому, что занимали места на верхних скамьях палаты. Депутатов, независимых от обеих групп, называли «Болотом».

С гильотинированием короля революция достигла того своего этапа, который Бёрк считал неизбежным. Ее началом явилась борьба революционеров с «врагами народа». Теперь она продолжилась, что будет характерно и для последующих революций, уже как борьба революционеров друг с другом. Некоторым первоначальным энтузиастам революции, как, например, яростному критику Бёрка Пэйну, избранному членом нового Конвента, пришлось провести некоторое время в тюрьме. (Пэйн писал там «Век разума».) Другие отправились на гильотину. Независимо от того, преуспела ли первая фаза революции в своей цели обеспечить «свободу», — хотя она, конечно, разбила многие цепи, — дух новой фазы, развивавшийся на протяжении 1793 и 1794 гг., превратил «братство» в насмешку. Полезные меры, вроде введения метрической системы мер и весов или запрета заключать в тюрьму за долги, оказались в тени революционных событий.

У войны, прошедшей через свои перипетии, тоже была своя логика, столь же неумолимая, что и логика самой революции. Надо было мобилизовывать мужчин и искать ресурсы. После Вальми последовали новые победы. Они привели французские армии в Бельгию, Германию, а на юге — в Ниццу. Был занят Франкфурт. Шестнадцатого ноября 1792 г. река Шельда была объявлена открытой для судов всех государств, а еще через три дня Франция предложила поддержку иному народу, восставшему против своего правительства.

Первый из этих шагов затрагивал британские интересы, и французскому послу предложили покинуть Лондон. В ответ 1 февраля 1793 г. Франция объявила войну Британии и Соединенным Провинциям*. Теперь Франции противостоял не прежний союз Австрии и Пруссии, а «первая коалиция», включавшая также Британию, Соединенные Провинции и Испанию. Когда в марте 1793 г. австрийские войска всту-

Сегодняшние Нидерланды. — *Примеч. пер.*

26 ГЛАВА 1

пили в Южные Нидерланды и французский генерал Дюмуре потерпел сокрушительное поражение под Неервинденом, казалось, что в войне произошел перелом. В следующем месяце испанские войска осадили Перпиньян, а в июле французские роялисты передали важный морской порт Тулон англ о-испанскому флоту. Сторонники роялистов были особенно многочисленны в Вандее, где развернулась кровавая партизанская война. На фронтах имели место случаи предательства. Потерпев поражение, Дюмуре попросил перемирия и попытался направить свои войска к Парижу, чтобы освободить королеву и объявить дофина Людовика XVII наследником престола. Когда войска отказались исполнить его приказ, он перебежал к австрийцам. Лафайет также перешел за линию фронта.

В таких обстоятельствах «террор» сделался неизбежной фазой революции. Он стал более организованным. В критическое время марта 1793 г. был создан Революционный трибунал, и во все армии с целью мобилизации нации на войну были посланы ревностные *«representants-en-mission»* (полномочные представители). Стремление как можно быстрее превратить всех французов в солдат означало, что *«elan»* (порыв) теперь ценился выше дисциплины. Новый французский национальный гимн, гимн братства и войны, впервые исполненный на Рейне, соответствовал этому настроению: *«Lux armes, citoyens!»* («К. оружию, граждане!»). Однако граждане не меньше, чем в оружии, нуждались в еде, и растущие расходы на пропитание в Париже привели Коммуну Парижа к решению заморозить цены на хлеб, субсидируя торговцев провиантом.

Каждый шаг в мобилизации на войну имел свое политическое измерение. В апреле был создан Комитет общественного спасения, параллельно с которым начиная с 1793 г. действовал наделенный полицейскими функциями Комитет всеобщей безопасности. За его организацией стоял революционный порыв, который дал о себе знать в конце следующего месяца, когда национальные гвардейцы окружили Тюильри во время заседания Национального конвента. В течение 30 мая — 2 июня из состава Конвента были исключены 29 членов — жирондистов, ненавистных парижским санкюлотам*. Этот шаг спровоцировал антимонтаньярские выступления в отдельных провинциях. Под подозрением отныне был любой гражданин — сторонник «умеренности». Продовольственная проблема, тем не менее, решена не была, и 26 июля было объявлено о казни за сокрытие запасов.

* Некоторые из изгнанных депутатов бежали из Парижа; прочие, в том числе Бриссо, были гильотинированы. — *Примеч. ред.*

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 27

На следующий день в Комитет общественного спасения вступил Робеспьер, чей революционный опыт восходил к участию в Генеральных штатах. Он пришел на смену Дантону, еще одному юристу, прежде бывшему ключевой фигурой Комитета и покинувшему его 10 июля. (Члены Комитета переизбирались ежемесячно.) Десятого августа была провозглашена новая демократическая конституция. Фундаментом нового государственного устройства стал однопалатный законодательный орган, ежегодно избираемый, на основе всеобщего избирательного права для мужчин. Еще через четыре дня членом Комитета общественного спасения стал жесткий и умелый знаток тылового обеспечения Лазар Карно (он был на шесть лет старше Дантона и на пять лет старше Робеспьера). Скоро его будут чтить как «организатора победы». К концу августа был объявлен массовый призыв (*levee en masse*) всех холостых мужчин от 18 до 25 лет: «До тех пор, пока враги не будут изгнаны из пределов территории Республики, все французы объявляются в состоянии постоянной реквизиции»*.

Из-за новых революционных событий демократическая конституция так и не вступила в силу. В

жестокое время сентября 1793 г. продолжавшиеся народные беспорядки вынудили Национальный конвент (под давлением Коммуны Парижа) провести закон о всеобщем максимуме, поставивший под контроль цены не только на хлеб, но и на другие товары и услуги. В том же месяце был принят обширный закон о подозрительных, наделявший учрежденные в том же году наблюдательные комитеты властью арестовывать граждан, которые своим поведением, связями, словами или сочинениями показывали себя сторонниками тирании или федерализма и врагами свободы. Охвативший миллионы мужчин массовый призыв удался. Этому способствовали энтузиазм парижских санкюлотов, организованных в секции (их было 48, каждая из них посылала двух представителей в Коммуну Парижа), и воинственность провинциальных «революционных армий» (*«armees revolutionnaires»*). Ричард Кобб, историк, умевший оживить прошлое, описывал эти армии как «наиболее оригинальное и характерное из многих спонтанных институционных порождений эпохи террора». Среди их задач была охрана продовольственных запасов, среди развлечений — кошунственные нападения на священников и расхищение церковного серебра. С октября 1793 г. Конвент, как в свое время король, оказался заложником неконтролируемых им сил. Он просуществовал весь положенный трехгодичный

* Рус. пер. цит. по: Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 372. — Примеч. пер.

28 ГЛАВА 1

срок, однако 120 его членов в разное время находились под арестом, еще 74 были казнены. Масштабы террора, достигшего своего пика при Робеспьере, преувеличивались тогда и особенно потом, однако несомненно, что в 1793 и 1794 гг. произошло не менее 14 тыс. Казней, орудием которых явилась гильотина — революционный инструмент, породивший, подобно английскому паровому двигателю, свою собственную риторику. Действительно, по мере продолжения террора гильотина, изобретенная доктором Гийотеном в 1789 г. в качестве гуманного орудия умерщвления, безболезненного и эффективного — головы должны были «отлетать в мгновение ока», — вытеснила фригийский колпак в качестве символа революции. «Предатели, смотрите и трепещите, — гласила надпись под одним из ее изображений. — Она будет работать, пока всех вас не казнят». Большинство тех, кого лишили жизни, не были известными людьми, как не были ими и те, кто часто на основании доносов посылал их на смерть. В качестве средства казни использовалась не только гильотина. В 1793 г. 90 священников, связанные, подобно животным, были утоплены в Луаре, в ветхой барже с пробоинами. Среди историков-специалистов существуют глубокие разногласия, касающиеся оценки личностей и политических взглядов лидеров революции в период террора и практически постоянно анализируется деятельность Дантона и Робеспьера. Для выдающегося французского радикального историка времен Третьей республики Альфонса Олара, написавшего в начале XX в. большую 4-томную политическую историю революции, Дантон был героем, человеком, отличавшимся умом, храбростью и реализмом, боровшимся за «демократическую республику», чье гильотинирование в марте 1794 г. стало великой трагедией революции. (Рассказывают, что, идя на смерть, он сказал палачу: «Покажи мою голову народу, она стоит этого».) Однако, с точки зрения некоторых позднейших историков, Дантон своей казнью заплатил за собственный оппортунизм и даже продажность.

Робеспьера критиковали еще больше — как справа, так и слева. Перед тем как войти в Конвент и Комитет общественного спасения, он был депутатом Национального учредительного собрания и первоначально выступал против войны. Французский историк и политик XIX в. Адольф Тьер назвал его «одним из самых отвратительных созданий, порожденных абсолютной властью над людьми». Первый английский историк Французской революции Томас Карлейль, уделивший основное внимание портретам революционеров, охарактеризовал

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 29

его более поэтично, но также резко осуждающе — «желчный, бессильно-непримиримый, скучно-тягучий, сухой, как гарматтан»*.

Однако нет сомнения, что, если между октябрем 1793 г. и июлем 1794 г. Робеспьер и не всегда мог контролировать события, он играл в них главную роль. Его главным оружием было красноречие. «Демократия», говорил Робеспьер, «это единственная форма государства, при которой все составляющие его люди могут назвать [свое государство] своей страной». «Французы», продолжал он, «первый народ в мире, основавший подлинную демократию [он также называл ее «республикой добродетели»], наделив всех людей равенством и полнотой гражданских прав». Чтобы достичь и поддерживать «республику добродетели», нужно было уничтожить «ложных» революционеров. Гильотина служила «косой равенства». Первыми погибли «умеренные» — Бриссо и жирондисты, по пути на гильотину демонстративно

певшие «Марсельезу». Затем пришла очередь крайне левых во главе с Ж.Р Эбером, самым радикальным парижским журналистом. «Снисходительные», выступавшие, подобно Дантону, за смягчение террора, оказались на гильотине последними — последними, если не считать самого Робеспьера и молодого Сен-Жюста, «ангелатеррора», гильотинированных в июле 1794 г. (Ютерми-дора II года). В этот месяц погибло 1400 человек. Пик в 3500 казней был достигнут в январе 1794 г. Сен-Жюст предлагал распределять конфискованные у «подозрительных» деньги среди бедных граждан.

Силы, которые в итоге уничтожили Робеспьера, составляли на первый взгляд странную и временную внутреннюю коалицию. Между собой они были связаны слабее, чем первая коалиция, созданная европейскими великими державами для борьбы против французских революционных армий. Одной из причин недовольства была чрезмерная централизация власти во Франции, другой — политика «дехристианизации»: Робеспьер, считавший, что он строит храм свободы, в то время как французы еще несут на себе печать оков порабощения, хотел ввести общенациональный культ Верховного Существа. Для «народа» же, как и для великого французского романтического историка Жюль Мишле, «жизненными соками, вдохновением и движущей силой революции»⁵ были экономические невзгоды. Дальнейшее обесценивание ассигната усилило голод в Париже не только из-за роста цен (несмотря на максимум), но и потому, что крестьяне удерживали продукты.

* Рус. пер. цит. по: Карлеиль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 328. Гарматтан — сухой восточный ветер на побережье Западной Африки. — *Примеч. пер.*

30

ГЛАВА 1

Фаза террора завершилась в 1794 г. своего рода патовой ситуацией: после падения и казни Робеспьера оставались круги, стремившиеся восстановить монархию, провозгласив королем девятилетнего мальчика Людовика XVII. (Он умер в тюрьме 8 июня 1795 г.) Через несколько недель стало ясно, что «революционная буря» исчерпала себя, и Конвент пошел на ограничение полномочий Комитета общественного спасения, отмену Революционного трибунала и закона о подозрительных, закрытие Якобинского клуба — главного оплота Робеспьера, восстановление в правах выживших жирондистов, освобождение многих политических заключенных, восстановление свободы вероисповеданий и отказ от контроля над ценами и вмешательства государства в экономику.

Слева раздавались протесты, особенно в связи с последним из этих шагов, и в мае 1795 г. (перриаль III года) радикалы ворвались на заседание Конвента. В прошлом такие вторжения могли иметь решающее значение. Однако теперь крайне левые были подавлены силой. Многие выжившие якобинские активисты были заключены в тюрьму или гильотинированы. Сила была использована и для подавления «белого террора» и сдерживания эмигрантских армий на юге. Конвент пошел на составление новой, далекой от демократизма конституции, известной как Конституция III года. Учреждалась Исполнительная директория, орган из пяти человек, избираемых законодательной властью, представленной двумя палатами — Советом Пятисот и Советом старейшин. Наряду с правами конституция определяла и обязанности граждан. В ней также твердо заявлялось, что собственность «лежит в основе... всего социального строя»*.

Подобный подход вызвал протесты, в том числе инспирированное роялистами консервативное выступление в октябре 1795 г., подавленное Наполеоном с помощью картечи незадолго до прекращения в том же месяце работы Конвента. Год спустя, когда у власти уже находилась Директория, был подавлен хорошо подготовленный левый заговор во главе с Гракхом Бабёфом, называвшим себя «коммунистом». Бабёф, которому на протяжении жизни доводилось и собирать архивы, и уничтожать их (он сжег сеньориальные архивы, стремясь защитить пикардийских крестьян), был автором «Манифеста равных» (*«Manifeste des Egaux»*). Этот документ стал известен только после смерти Бабёфа, поскольку воплотить свои идеи он рассчитывал посредством заговора. С заговорщиками обошлись сравнительно мягко:

* Рус. пер. цит. по: Документы истории Великой французской революции. Т. 1 С. 316. — *Примеч. пер.* РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 31

после раскрытия заговора к смерти были приговорены только сам Бабёф и один из его соратников. Роялизм, тем не менее, сокрушен не был. Многие роялисты вернулись в политику после выборов 1797 г., когда были переизбраны лишь 11 членов прежнего Конвента. Директория теряла хватку, налицо были коррупция и воровство. Таким образом, неудивительно, что в сентябре 1797 г. произошел государственный переворот, когда три директора, объединившись с Бонапартом, избавились от других двух директоров, а также от 200 членов законодательных палат. За этим республиканским переворотом через два года в октябре 1799-го (брюмер VIII года) последовал

новый переворот, приведший к власти Наполеона в качестве одного из трех консулов. Его считали одним из наиболее стойких защитников Революции. Другим считался разработчик новой конституции Сийес.

От войны к Наполеону и от Наполеона к миру

По мере продолжения революционной войны Директория заигрывала с генералами, хотя никогда не была уверена, как следует вести себя с ними, когда они получали все большую власть. Напротив, Бонапарт, самый заметный из таких генералов, хорошо знал, как вести себя. Родившийся в 1748 г. Жак Луи Давид, бывший еще художником Людовика XVI, теперь был счастлив писать портреты Наполеона. «Переход Наполеона через Альпы», возможно, является его наиболее удачной картиной.

Наполеон был тем редким типом человека, чья карьера заставляет задуматься обо всех вопросах, касающихся роли личности в истории, в особенности «великих людей» или «героев». Русский писатель Лев Толстой в своем романе «Война и мир» предположил, что Наполеон, возможно, был своего рода марионеткой: «Чем выше стоит человек на общественной лестнице... тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность его поступка. Царь — есть раб истории». Это взгляд человека позднейшего времени. Ранее, в 1784 г. — в год поступления Наполеона в военное училище, — немецкий философ Иммануил Кант предсказал появление выдающегося гения-законодателя, который совершит для человеческого общества то же, что в прошлом сделали великие ученые и мыслители для изучения физической вселенной: «Предоставим природе произвести того человека... Ведь породила же она Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты пла-

34 ГЛАВА 1

почетный гражданин Франции Иеремия Бентам отдал свой голос Наполеону в 1799 г.

Перед наступлением мира в Европе, необходимость которого осознал и сам Наполеон — именно его он обещал Франции, — нужно было побеждать дальше, ведь через 14 месяцев после Кампо-Формио Австрия отказалась от договора с Францией, и новая — вторая — коалиция, включившая Россию и Британию, готова была отбросить Францию в пределы ее «естественных границ». Коалиция могла выставить на поле боя вдвое больше солдат, чем Франция. Победы русского генерала* Александра Суворова (родился в 1730 г.) в Италии полностью свели на нет все достижения Наполеона в этой стране. Русские войска даже вступили в Швейцарию, превращенную французами в апреле 1798 г. в Гельветическую республику. (В то же время был аннексирован город-государство Женева.)

К счастью для Наполеона новый русский император Павел, преемник Екатерины Великой, был разочарован поведением своих союзников, в особенности Австрии, и, выйдя из второй коалиции, которой не хватало единой стратегии, в конце 1799 г. отозвал свои войска. В новой ситуации Наполеон в июне 1800 г. победил австрийцев при Маренго. В декабре того же года была одержана победа при Гогенлиндене. Новый мирный договор, заключенный в Люневиле в феврале 1801 г., не был простым подтверждением соглашений в Кампо-Формио. Теперь Австрия признавала Батавскую, Гельветическую, Цизальпинскую и Лигурийскую республики и аннексию левого берега Рейна Францией. В следующем месяце по Аранху-эсскому договору в Италии создавались королевство Этрурия и Луккская республика, а Неаполь уступал Франции Эльбу. Неудивительно, что в начале 1801 г. — когда Пруссия была нейтрализована, а Россия по-прежнему настроена мирно — Наполеон улаживал незначительные споры с малыми европейскими странами. В апреле он заключил конкордат с новым папой Пием VII, а еще ранее получил у Испании Луизиану**. Враждебной оставалась только Британия, но удача и здесь улыбнулась Наполеону: Уильям Питт, пришедший к власти как человек короля, в феврале 1801 г. подал в отставку с поста премьер-министра, который занимал с 1784 г. Питт до самого конца оставался слугой короля и не препятствовал политике Георга III в Ирландии (куда фран-

* С ноября 1794 г. Суворов был генерал-фельдмаршалом. — *Примеч. пер.*

** Передача Луизианы Франции была закреплена тем же Аранхуэским договором 21 марта 1801 г. — *Примеч. пер.*

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 35

цузы организовали в 1798 г. неудачное вторжение), хотя и пришел к выводу, что отказ короля провести гражданскую и политическую эмансипацию католиков был ошибкой. Преемнику Питта Эддингто-ну не доставало ни опыта, ни способностей предшественника. Как и Питт, он, однако, извлек выгоду из обстоятельства, что к началу XIX в. бывшие друзья Революции, включая Вордсворта, разочаровались в ней, и лишь немногие из них (например, Уильям Хэзлитт) ис-

пытывали симпатии к Наполеону.

Какими бы ни были общественные настроения и кто бы ни был премьер-министром, официальное отношение Британии к Франции и Наполеону в целом оставалось простым и последовательным. Франция была старым соперником, причем в начале конфликта намного более сильным, чем Англия. Еще со времен Людовика XIV Британия была вынуждена бороться, чтобы не допустить установления французского господства в Европе.

Однако вести сухопутную войну Британия была готова лишь в случае крайней необходимости, как это случилось, когда французы в 1792 г. объявили свободную навигацию по Шельде. Главную роль в сдерживании французской мощи в Европе и гарантии безопасности британских заморских владений играла война на море. Для Питта подобные соображения, ясно высказанные им в 1804 г., значили гораздо больше, чем любая контрреволюционная идеология. Когда Бёрк писал в 1791 г. свои «Размышления о Французской революции», он был политическим оппонентом, а не сторонником Питта. Именно французская политика в Нидерландах заставила Питта примкнуть к первой коалиции. И именно там, при Ватерлоо возле Брюсселя, состоялась и была выиграна последняя битва Британии против Наполеона.

Наполеоновский мир ненадолго воцарился после подписания в марте 1802 г. Амьенского договора, молчаливо уступавшего Франции господство в Европе и признававшего все британские приобретения вне ее. (Британский представитель на переговорах Корнуоллис был вице-королем Ирландии, генерал-губернатором Индии и командиром британских войск при Йорктауне во время американской войны за независимость.) Соглашение не включало торгового договора, а без него — на что с самого начала жаловались его британские критики — статья I, провозглашавшая мир и дружбу между Британией и Францией, была лицемерием. Тем не менее стремление к миру существовало в обеих странах, и Наполеон на время был удовлетворен. «В Амьене, — объяснил он впоследствии, — я совершил моральное завоевание Европы».

36 ГЛАВА 1

Оценивая Наполеона

Слово «мораль» снимает любые вопросы, что относится и к наполеоновской внутренней политике. «Наполеон: за и против» — таким было название яркой книги голландского историка П.М. Гейла, опубликованной в 1946 г. «Мы покончили с романтикой революции», заметил сам Наполеон в еще одном из своих известных афоризмов, «теперь мы должны начать ее историю». Как первый консул, а после августа 1802 г. пожизненный консул, он закрепил многие завоевания революции. Это стало необходимым фундаментом государства Наполеона и важной частью его работы, хотя и не всё сделанное им оказалось долговечным. В 1804 г. Государственный совет принял новый Гражданский кодекс — специалисты начали работать над ним в 1800 г. и завершили свою деятельность уже в период империи; причем Наполеон сам председательствовал на 36 из 84 сессий. В 1801 г. по конкордату с папой католицизм признавался во Франции господствующей религией, но священники по-прежнему рассматривались как оплачиваемые государством чиновники. Всеобъемлющая реформа местной администрации повела за собой назначение префектов в каждом департаменте — они подчинялись центральной власти и претворяли в жизнь административную реформу.

Наполеон не верил во всеобщее бесплатное образование, но предложенный им тип средней школы — лицеи, созданные в 1802 г., — пережил его правление, как и префекты. Пережила его и Политехническая школа, старое образовательное учреждение для элиты, получившая свое новое название в 1795 г. Образовательная политика Наполеона, осуществляемая «Университетом Франции», служившим министерством просвещения, была скорее направлена на реорганизацию структуры образования, а не на изменение сути самого обучения. (Подлинный реформатор образования того времени Иоганн Генрих Песталоцци работал в Швейцарии.) Подобный подход отразился и в создании в 1802 г. нового ордена Почетного легиона. В свете этого объявленное в декабре 1804 г. решение Наполеона стать императором не удивило ни его друзей, к тому времени уже боровшихся друг с другом за титулы и близость ко двору, ни его врагов — революционеров или роялистов. Впрочем, это решение побудило великого немецкого музыканта Людвиг ван Бетховена, бывшего на год моложе Наполеона (друг с другом они никогда не встречались), вычеркнуть посвящение ему в Героической симфонии.

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 37

Сам Наполеон всегда верил в свое драматургическое мастерство и, склонив папу присутствовать на императорской коронации, в самый торжественный момент этой «насыщенной» церемонии успел самостоятельно возложить корону на свою голову — без помощи папы или кого-либо

другого. Он даже учредил двор в столице Карла Великого, Ахене, и держал в руках его регалии и меч. В этом переплетении тщеславия и фантазии «Просвещению» не было места. Однако и до и после того, как стать императором, Наполеон сознательно доводил политику до логического завершения «просвещенного абсолютизма», стремясь унифицировать французскую административную систему и создать в стране эффективный новый порядок. Этому процессу сопутствовали как успехи, так и неудачи. Перед тем как поднять меч Карла Великого, Наполеон всегда носил революционную маску, и даже взяв этот меч, он продолжал пользоваться большей поддержкой снизу — со стороны крестьян и буржуазии, чем наследственные «просвещенные монархи», вроде императора Иосифа II Габсбурга.

Тем не менее свободой во Франции жертвовали и до, и после 1804 г. Уже в январе 1800 г. было закрыто не менее 60 парижских газет, а через несколько лет из 33 столичных театров открытыми оставались только восемь. Один из немногих английских биографов Наполеона, Герберт Баттерфилд, в 1939 г. воздавший дань реформам Наполеона, заметил, что тот создал аппарат «более ужасный», чем существовал при прежнем феодализме и в слабых династических государствах.

Наполеон знал об этом, но он всегда был озабочен недостатком «легитимности». Как писал немецкий историк Фриц Гартунг, наполеоновской империи «не хватало внутренней стабильности». В собственных шагах Наполеона присугствовал очевидный элемент политики «слабо объединенных» династий. Он су^ал на троны государств-сателлитов своих родственников, но члены старых королевских семей смотрели на них как на выскочек. В 1810 г. он развелся с женой, бездетной Жозефиной, чтобы жениться на Марии Луизе, дочери австрийского императора. Наполеон не раз унижал Габсбургов, но никогда не чувствовал себя в такой безопасности, чтобы игнорировать их. Когда Мария Луиза родила Наполеону желанного ребенка, его провозгласили «королем Римским» — преданный отец называл свое дитя «королем» уже в колыбели.

Переход Наполеона от положения пожизненного консула к наследственному императорскому титулу был не сложен, однако на этом пути стоял инсценированный трибунал над обвиненным в заго-

38 ГЛАВА 1

воре наследником престола — молодым принцем из династии Бурбонов герцогом Энгиенским. Вынесенный ему смертный приговор означал, что Наполеон, как до него революционеры, пролил королевскую кровь. Именно так он пришел к трону. Кстати, трон был вполне реальный, и один ирландский гость заявлял, что при дворе Наполеона было больше великолепия, чем при старом французском дворе. Однако среди посещавших его было больше выходцев из незнатных семей, чем тех, кто когда-то бывал при дворе Людовика XVI.

Наполеон поддерживал и монархическую, и революционную преемственность. Когда он направился в собор Парижской Богоматери, чтобы отпраздновать заключение конкордата с папой, на нем был бриллиант «Регент», который был на Людовике XVI при открытии Генеральных Штатов в 1789 г. Некоторые из его камергеров служили еще при дворе Людовика XVI. Художник Изабе, писавший миниатюрные портреты фрейлин Марии Антуанетты, теперь рисовал для императора и создавал эффектные костюмы. Было положено начало и новой преемственности. Официальный архитектор Наполеона Пьер Фонтэн будет служить королям Людовику XVIII, Карлу X и Луи Филиппу.

За пределами двора Наполеон во многом смотрел в будущее. Он верил в естествознание и поощрял его развитие; в официальном отчете 1808 г. о прогрессе математических и физических наук с 1789 г. было отмечено все, что было достигнуто, и то, что еще нужно было сделать. Ему проще было разговаривать с инженерами, чем с художниками, и при нем заметно улучшилось состояние дорог и мостов во Франции и Империи. Наполеон особенно гордился горными дорогами через альпийские перевалы, связавшими Францию с Италией. Он также реконструировал горную дорогу («карниз») вдоль средиземноморского побережья, связывавшую Ниццу с Генуей. Именно по этой дороге следовал он в 1796 г., когда впервые с разрешения Директории вторгся в Италию.

Ограниченность Наполеона как «просвещенного» правителя наиболее резко проявилась в его торговой и экономической политике. В 1800 г. был основан Банк Франции, получивший спустя три года монополию на выпуск банкнот, была наконец упорядочена система сбора податей, однако подоходного налога, введенного по другую сторону Ла-Манша финансовым реформатором Питтом, во Франции не существовало. Наполеон верил в необходимость прямого налогообложения, но ограбление оккупированных стран до 1813 г. позволяло не повышать налоги в самой

Франции. Он не принял ни одного аргумента в пользу свободной торговли, и когда после подписания Амьенского

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 39

мира, который продолжался немногим более года (поводом к разрыву явилась продолжавшаяся британская оккупация Мальты), британцы предложили вернуться к низкому тарифу 1786 г., он отказался. Тем не менее он разрешал экспорт зерна в Британию, даже когда обе страны находились в состоянии войны и готовилось вторжение в Англию. Введенная им в 1807 г. «континентальная система» была попыткой закрыть для британцев всю Европу, однако британские суда использовали разнообразные приемы, включая плавание под иностранным флагом, контрабанду и прямой подкуп, чтобы сломать эту систему. Их собственные попытки на основании королевских «указов в совете» контролировать международное мореплавание и следить за нейтральными судами (это произошло уже после смерти Питта в 1806 г.) дали Соединенным Штатам предлог объявить в 1812 г. войну Британии, однако война эта была столь же неопределенной, как и завершивший ее Гентский договор. Во Франции она не вызвала восторгов, подобных тем, что сопровождали американскую войну за независимость.

Наполеон ясно представлял себе значение промышленности, особенно основанной на новой технологической базе, и способствовал производству заменителей материалов, которые нельзя было импортировать; так, он приветствовал разработку нового химического процесса получения соды из соли. Он был осведомлен и о новшествах в текстильной промышленности, и в 1806 г. государство приобрело патент на новый ткацкий станок Жакара, увековечивший французское первенство в производстве шелка. Результатом стала французская промышленная экспансия, встревожившая британских производителей, многие из которых резко возражали против королевских «указов в совете». Тем не менее промышленное развитие Франции, которому не доставало адекватного толчка снизу, не перешло в стадию «промышленной революции» и не повлияло на производство железа. Не помогло Наполеону и серьезное перенапряжение в британской экономике, наблюдавшееся в 1811-1812 гг. и стимулировавшее радикальные идеи как среди работодателей, так и среди рабочих. Характерное для Британии сочетание промышленной и морской мощи превосходило все, что могли создать французы.

От Трафальгара к Ватерлоо

«Континентальная система», конец которой наступал в 1813 г., не была оригинальной идеей Наполеона. Не принадлежали к их числу и многие конкретные схемы, формировавшие наполеоновскую импе-

40 ГЛАВА 1

рию. В действительности у Наполеона не было какого-либо великого замысла в международных делах. Дела решались одно за другим, а в основе действий Бонапарта лежало нетерпение, приводившее к перенапряжению сил. Когда не удалось вторжение в Англию, он в 1804 г. вновь вернулся к Италии. Став императором, Наполеон едва ли мог оставаться «Президентом Цизальпинской республики», но когда он выбрал себе новый титул «короля Италии» (коронация состоялась в Милане в мае 1805 г.), этот выбор вызвал невероятный гнев реакционного неаполитанского короля, а также австрийского императора, увидевшего в этом титуле отход от условий Люневильского договора. В августе 1805 г. Британия, Австрия и Россия создали третью коалицию, и армии, которые Наполеон надеялся направить в Британию, были брошены через всю Европу, чтобы сначала победить австрийцев под Ульмом, а затем нанести австрийцам и русским решительное поражение под Аустерлицем. Это были великие победы, но 1805 год стал также годом битвы при Трафальгаре. В ней был убит Нельсон, но лишь треть французского и союзного испанского флота смогла вернуться в свои гавани.

Трафальгарское сражение произошло 21 октября, Аустерлицкое — 2 декабря. Последовавший Пресбургский договор* был унижителен для австрийцев, которым пришлось не только признать титулы Наполеона, но и отдать ему Венецию и Далматинское побережье. С различными территориями обходились с невиданной легкостью, зачастую используя угрозы и стремясь выполнить данные обещания. После того как, согласно Пресбургскому миру, Тироль был передан Австрией баварскому королю Максимилиану Иосифу, герцогства Берг и Клеве отошли к шурину Наполеона Иоахиму Мюрату. В 1806 г. его брат Жозеф подучил Неаполитанское королевство, а для генерала Бертье в Швейцарии было создано новое княжество Невшатель, Голландцев же под угрозой аннексии заставили признать своим королем другого брата Наполеона — Луи.

Те части Пресбургского соглашения, которые относились к Германии, особенно упразднение Священной Римской империи и создание Рейнской конфедерации, вызвали раздражение прежде

нейтральных пруссаков. Их гнев не погасила и передача им Ганновера, ранее находившегося под управлением британской королевской семьи, с 1714г. называвшей себя «Ганноверской» династией. В итоге в 1806г. Пруссия решилась на войну, но лишь ради того, чтобы быть разгромленной Наполеоном под Йеной и одним из его генералов под Ауэрштедтом.

Пресбург — старинное немецкое название Братиславы. — *Примеч. ред.*

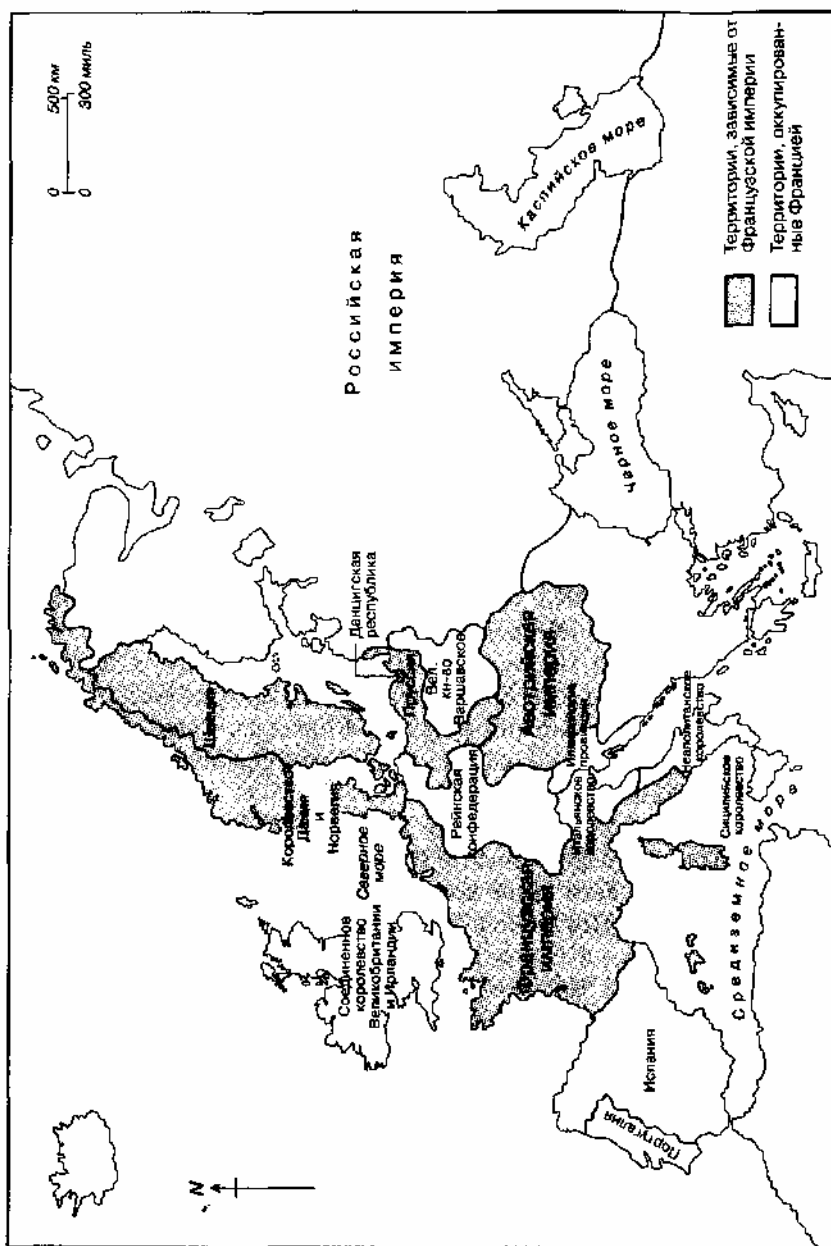
РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 41

Через две недели после Йены (14 октября) введомые Наполеоном французские солдаты вошли в Берлин. Справиться с Россией оказалось сложнее. Тяжелая битва при Эйлау не была решающей, но победа при Фридланде 14 июня 1807 г. вынудила русских просить перемирия, и 7 июля произошло одно из самых захватывающих событий всего наполеоновского правления — свидание Наполеона и царя Александра I на плоту посредине Немана возле Тильзита.

Могло показаться, что эти два человека решали судьбу всей Европы. Они достигли компромисса по Пруссии, позволив королю остаться на троне, и по Турции, без сожалений отказавшись от традиционного франко-турецкого союза и поделив турецкие трофеи. Было создано Великое герцогство Варшавское, а брат Наполеона Жером стал королем Вестфальским. В том, что касалось Британии, они смогли лишь наметить путь к антибританскому союзу, тайно заключенному на следующий год. Правители надеялись вовлечь все малые морские державы, включая Португалию, Данию и Швецию, в своего рода крестовый поход и создать систему «федерированных государств» — по словам Наполеона, «подлинную Французскую империю». Но их надежды растаяли, когда Британия перехватила инициативу: в сентябре 1807 г. британский флот бомбардировал Копенгаген. Британцы уже обстреливали его раньше, в апреле 1801 г.; теперь же, через два месяца после Тильзита, все, что оставалось от датского флота, самого большого из европейских «малых флотов», оказалось в британских руках. Повторялась знакомая ситуация — владычество на земле принадлежало французам, морское владычество — англичанам.

Тильзитские соглашения между Францией и Россией сохраняли силу не дольше, чем Пресбургский договор с Австрией. Однако Наполеон уже поставил себя выше всякой морали и считал себя непобедимым. Так, когда Португалия отказалась закрыть свои порты для британских судов — а Португалия являлась стар[^]шим союзником Англии, — Наполеон заключил секретный пакт с Испанией о расчленении Португалии, куда он вторгся в октябре 1807 г. Лиссабон был с легкостью занят войсками генерала Жюно, но, демонстрируя невежественное безразличие и к португальским, и к испанским интересам и чувствам, Наполеон скоро столкнулся с народным восстанием на Пиренейском полуострове. Свержение Бурбонов и передача Наполеоном испанского трона своему брату Жозефу летом 1808 г. — Мюрат был отозван, чтобы занять свое место в Неаполе, — не стали решением проблемы. Бонапарт впоследствии сам признавал, что его «уничтожила испанская язва».

I

Карта 1. Европа в 1810 году

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 43

Именно на Пиренейском полуострове, а не в Нидерландах британские сухопутные войска - на этот раз уже не флот - ослабили силы Наполеона. Британский генерал Артур Уэлсли — ирландец, ставший благодаря этой войне герцогом Веллингтоном, - использовал весьма эффективную стратегию. Именно на Пиренейском полуострове упорство и масштаб народного сопротивления доказали, что не все европейские простолюдины были восприимчивы к наполеоновской революционной пропаганде. Повсюду в Европе, вплоть до Польши на востоке, французские армии распространяли идеи, которые могли привлечь на сторону Бонапарта и буржуа, и крестьян. В Испании же Наполеона поддерживали лишь узкие круги буржуазии. Испанские события объединили великие державы, которые еще оставались ему враждебны. Австрия объявила Франции войну в апреле 1809 г., через три месяца после сдачи Наполеону Мадрида.

Это не стало поворотным пунктом, так как в июле 1809 г. Наполеон победил в битве при Ваграме, и после занятия им Вены Габсбурги были вынуждены уступить новые территории. Последовала очередная перекройка карты Италии и Германии. Наполеоновская победа содержала, однако, и новый элемент: ее увенчал звон свадебных колоколов. Император Наполеон женился на Марии Луизе, дочери Франца 1 - человека, некогда бывшего императором Священной Римской империи.

Двор Наполеона переехал в Дрезден, столицу Саксонского королевства, где император-воин на правах хозяина принимал Франца I и прусского короля. Его армии двигались теперь к русской границе. Наполеон сказал потом, что Судьба вела его на восток, но в этом была и его величайшая ошибка, и причина его крушения. Огромными были теперь его армии, включавшие тысячи солдат как из Франции, так и из многих частей наполеоновской империи: среди них были австрийцы и пруссаки, и сам Франц I желал бы быть ими.

Дрезден, один из красивейших городов Европы, являлся удобным наблюдательным пунктом. Границы территорий под прямым французским правлением простирались теперь от Пиренейского полуострова до Балтийского моря и от Северного моря до Далматинского побережья. На этой огромной территории находились такие крупные, важные и непохожие города, как Амстердам, Барселона, Гамбург, Флоренция и Рим. Но Наполеону этого было мало - и все его могущество растаяло в России, где в 1812 г. сражались его солдаты. Они вошли в Москву в сентябре 1812 г., но лишь для того, чтобы увидеть ее горящей (она была подожжена по приказанию русского командования).

44 ГЛАВА 1

Зимнее отступление из Москвы было ужасным. В этот период князь Клеменс фон Меттерних, австрийский канцлер, выходец с Рейна, служивший послом в Париже, предложил Наполеону проект мирного соглашения, которое бы гарантировало французские «естественные границы» — Рейн, Альпы и Пиренеи. В том, что касалось Франции, карта Европы должна была стать такой, как в первый год правления Директории — Франция продолжала бы контролировать Бельгию, левый берег Рейна и Ниццу с Савойей. Наполеон отказался. Империя значила для него больше, чем Франция, а гегемония — больше, чем мир.

Конец карьеры Наполеона был столь же драматичен, как и ее начало. В октябре 1813 г. новая, четвертая, коалиция, включавшая Австрию, Россию, Пруссию и Британию, нанесла Наполеону поражение под Лейпцигом — еще довольно далеко от естественных границ Франции — в сражении, получившем имя Битвы народов. Погибло не меньше 50 тыс. французов. В дальнейшем Наполеон одержал ряд побед над Пруссией, но в конце марта 1814 г. Париж сдался союзникам, и двумя неделями позже отрекся от престола. Он был отправлен в изгнание на небольшой остров Эльба в его родном Средиземном море — остров был намного меньше Корсики, откуда начался его путь. Для любого это стало бы концом, но не для Наполеона. Напротив, он вырвался на свободу, высадился на южном побережье Франции и вновь объединил французов в борьбе за свое дело. Союзники восстановили на французском престоле Людовика XVIII Бурбона, брата Людовика XVI, но он был способен противостоять магическому очарованию Наполеона не более, чем революционеры-демократы в 1799 г. В 1815 г., как в 1799-м, Наполеону пришлось подчеркнуть свою преданность Революции: «Я не военный деспот, а крестьянский император. Я представляю народ Франции».

Однако в 1815 г. решала уже не Франция, а Европа; и 17 июня под Ватерлоо британские, прусские, голландские и бельгийские войска одержали совместную победу — герцог Веллингтон командовал 67 тыс. солдат, из которых 24 тыс. были британцами. У Наполеона было 74 тыс., а французские потери составили 17 тыс. Через четыре дня Наполеон отрекся во второй раз, сдавшись — казалось, и это было предначертано ему судьбой — командиру британского военного корабля. Он был отправлен в изгнание на Святую Елену, маленький остров в Южной Атлантике, где умер в 1821 г., дожив лишь до пятидесяти одного года. Тюремщики отказывались передавать ему книги и письма, если те были адресованы не генералу Бонапарту, а императору Наполеону. Много времени Наполеон проводил за созданием

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 45

мифов о том, что он сделал, что он хотел сделать и что он, возможно, сделал бы. Он все время сожалел об одном: «Я просил двадцать лет, а судьба дала мне только тринадцать».

Социальные результаты: приобретения и потери

Историки смотрели на революцию и Наполеона — а также на промышленную революцию — совсем с других наблюдательных пунктов, чем Дрезден (центр которого будет разрушен в 1945 г. уже другой союзной коалицией) или Ватерлоо (которое находится совсем близко от Брюсселя, где в конце XX века Европейская комиссия будет издавать предписания для Европы). Революционные перемены по-разному затрагивают разных людей и разные группы в разных странах: для одних они означают смерть, для других — власть. Для одних это потери, для других — освобождение, для третьих — скорее замешательство.

Если бы вы были аристократом во Франции после 1790 г. — и избежали гильотины, — то вас больше всего беспокоила бы потеря привилегий. Жизнь уже никогда не станет такой, как прежде, даже после вашего возвращения домой. Если бы вы были французским юристом в 1789 г., то вы, подобно

Робеспьеру, получили бы новые возможности. Способности могли бы высоко вознести вас в «карьере, открытой талантам». Если бы вы были французским крестьянином, то скорее всего, хотя и необязательно, извлекали бы экономическую выгоду из революционных указов; после отмены феодальных привилегий у некоторых крестьян дела пошли исключительно хорошо. Если бы вы были солдатом, то ваши шансы быть убитым или раненым были бы весьма высоки. Оценки потерь варьируются от полумиллиона до 750 тысяч. Зато если бы вы выжили, то вам удалось бы посмотреть на Европу получше, чем любому из французов, как до, так и после вас. Если бы вы были санюлотом, отчаянным бедняком, то в 1800 г. после десяти революционных, в основном кровавых лет вы бы оказались в изрядном сомнении относительно того, стали вы жить лучше или нет; а вот пятнадцатью годами позднее вы, возможно, почувствовали бы, что были вполне довольны жизнью в наполеоновском Париже.

В революции были короткие периоды, когда революционные указы издавались в пользу санюлотов, и были революционеры, подобные молодому и яростному Сен-Жюсту, который заявлял, что «несчастные» (*les malheureux*) — это «могущество земли» (*la puissance de*

46 ГЛАВА 1

la terre). В XX в. этот призыв повторит Франц Фанон*, родившийся на острове Мартиника. Это недалеко от Гаити, где Туссен Лувертюр возглавил революцию черных рабов. Когда Наполеон восстановил рабство, Туссен восстал против французов и, попав в плен, был привезен во Францию, где скончался в тюрьме в 1803 г.

Люди, подобные санюлотам, жили во всех европейских странах, так же как повсюду были аристократы и юристы. В Британии юристы тоже процветали, но именно Британия открыла путь освобождению рабов, приняв в 1807 г. соответствующее одностороннее решение. Важнейшим фактором при его принятии явилась религия. Кампанию возглавил Уильям Уилберфорс, член парламента, поддерживавший Питта. За десять лет до того он писал, что его единственные прочные надежды на благополучие его страны основаны не столько на ее армии, не столько на мудрости ее властителей или духе ее народа, сколько на убеждении, что в ней до сих пор живут многие, кто в развращенный век [Уилберфорс ненавидел Революцию] любят и слушают Христово Евангелие⁶.

Уилберфорс не упомянул экономический фактор. Это сделал английский поэт и биограф Роберт Саути, первоначально поддерживавший Французскую революцию. «Две и только две причины поднимут крестьянство на восстание», считал он, «нестерпимые притеснения или религиозное рвение как в правильной, так и в ложной вере», но «рабочих бедняков намного легче побудить к бунту». «Если продолжится расширение мануфактурной системы, то также будут возрастать нищета, нищета и бесправие бедняков, и я убежден, что революция неизбежно придет, причем в самом ужасном образе»⁷.

В свете подобных комментариев Французскую революцию и промышленную революцию в Британии можно сравнивать сходным образом — в категориях их влияния на разные группы людей (на бедных и богатых: аристократов, крестьян и буржуазию) и на разные части страны. В Британии вы либо могли бы торжествовать как промышленник, обуздавший новую мощь пара, сравнивать ее с лошадиной силой — и зарабатывать на ней — или, если вы были промышленным рабочим на новой хлопкопрядильной фабрике, испытывать острое чувство потери личной независимости, даже если материально вы стали жить лучше. Можно ли жить лучше и все равно оставаться несвободным? В постановке подобных вопросов и в создании новых возможностей Европу опережала Америка. От ответов зависело ваше «счастье».

* Франц Омар Фанон (1925-1961) — африканский революционер, психиатр, писатель, участник алжирского освободительного движения. — *Примеч. пер.*

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 47

Последствия индустриализации всегда были столь же спорны, как и последствия Французской революции, хотя никто не мог усомниться в беспрецедентном росте и производства, и экспорта. Между 1765-1774 гг. и 1795-1804 гг. ежегодный экспорт железа почти удвоился (с колебаниями), а экспорт хлопка вырос с 236 тыс. до 5 млн 371 тыс. фунтов стерлингов, Великий историк-виг XIX в. Томас Бабингтон Ма-колей, который, осуждая насилия Французской революции, одобрял ее результаты, считал сентиментальным предпочтение, которое Саути оказывал «розовым кустам и налогам в пользу бедняков» по сравнению с «паровым двигателем и независимостью». Зато ничего сентиментального не было в положительном вердикте, вынесенном Французской революции в 1814 г., еще до Ватерлоо: «Революция создала систему, более отвечающую справедливости и более подходящую нашему времени. Она поставила закон на место сумасбродной воли, равенство — на место привилегий, освободила людей от классовых различий, землю — от провинциальных границ, торговлю — от оков корпораций... сельское хозяйство — от

феодалного подчинения и бремени десятины, собственность — от ограничений майората, и все привела в состояние одного государства, одной системы права, одного народа»⁸.

Язык этого высказывания весьма взвешенный, ведь в последнем предложении поднимается фундаментальный вопрос о роли государства, которая во Франции была намного значительнее, чем в Британии. Большинство высказываний о промышленных переменах также были взвешенными — именно в том смысле, в котором не были взвешенными слова Саути. Статистика, как заметил сам Наполеон, обеспечивает лишь часть суждения. Чаше, однако, политические революционеры с большим энтузиазмом обращались к словам, чем к цифрам, и язык Французской революции был почти всегда столь же ярок, как и сами события. Одна из проблем статистики заключается в ее избирательности — могут отсутствовать ключевые показатели. Другая проблема состоит в интерпретации последних. В XX в. разгорелись ожесточенные споры об уровне жизни в первые десятилетия индустриализации.

Большинство категорий рабочей силы, в особенности ткачи, работавшие на ручных станках, стали жить намного, даже катастрофически хуже. Положение большинства квалифицированных рабочих — а ведь на новые навыки существовал спрос — улучшилось. Ситуация менялась в зависимости от региона, а в рамках одного региона, например промышленного Ланкашира, в зависимости от места. Занимаясь оценкой уровня жизни, нужно принимать во внимание разные свидетельства, не только количественные, но и качественные по сво-

48 ГЛАВА 1

ему характеру. Любое качественное свидетельство говорит и о влиянии индустриализации на жизнь окружи и окружающую среду. Более того, ни одно описание промышленной революции не является полным, если оно не рассматривает ее воздействие на женщин, детский труд и структуру семьи.

Связанный с использованием силы пара сдвиг от домашнего труда к работе на фабрике сделал и женщин, и детей наемными работниками, зарабатывающими меньше мужчин и охотно используемыми именно по этой причине. Тем не менее служанок было больше, чем работниц хлопкопрядильных фабрик, хотя Ланкашир (а затем и часть Вест-Райдинга в Йоркшире) был здесь исключением. Во Франции женщины заняли важное место в героической мифологии революции, сыграв главную роль в походе на Версаль 5 октября 1789 г. Как заметил Чарльз Диккенс в своем романе «Повесть о двух городах» (1859), они вязали и плели интриги, пока их мужья и любовники убивали. (Шарлотта Корде вошла в историю, убив воинственного революционера Ж.П. Марата прямо в ванне.) Однако в 1793 г. женские клубы в Париже были распущены, а с 1795 г. женщин не допускали без сопровождения на зрительскую галерею Национального собрания.

В то время как революция обещала всем политические права, она исключила женщин из общественной жизни по биологическим, а не политическим мотивам — на основании их физической конституции. Война, революционная или контрреволюционная, конечно, усиливала роль женщин как помощниц. Пока их мужей и детей не было дома, им приходилось самим справляться с трудностями. Часто на них оставляли все семейное дело. В католических провинциях женщины нередко выступали главными защитниками старой веры. Например, когда в Бордо одна храбрая представительница семьи Фюмель, владельцев огромных виноградников в О-Брионе*, заключенная в тюрьму по религиозным мотивам, взошла на гильотину перед своим отцом, она сразу же обрела ореол мученицы. То же стало и с Марией Антуанеттой.

Тендерная история революции требует большего внимания историков, подобно тому как до недавнего времени того требовала забытая история сельских бедняков. Они страдали от косвенных налогов и всегда могли лишиться имущества. В «плохие годы», когда уменьшался урожай и сокращалась занятость (эти факторы взаимосвязаны), они оказывались в полной нищете. Их «анналами» в эту эпоху становились судебные протоколы, формуляры больниц и моргов,

* Известный виноградарский район в 6 км от Бордо. — *Примеч. пер.*

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ: ОПЫТ И ВОЗДЕЙСТВИЕ, 1789-1815 49

отчеты местного духовенства и управляющих благотворительными учреждениями, а также порой официальные справки. Ни во Франции, ни в Британии они не были однородной группой⁹.

Бедность некоторых была безысходной, другие же, особенно молодые, отличались мобильностью в поисках еды и работы. Некоторые нищенствовали. В России и других регионах Восточной Европы многие из них были крепостными. Приниженный статус привязывал их к системе, которая в XIX в. казалась анахронизмом.

В Британии сэр Фредерик Идеи создал в 1794 г. бесценную книгу «Состояние бедняков» (*The State of the Poor*), отметив, что сельские бедняки часто были жертвами проводимых через парламент

земельных огораживаний, которые изменяли жизнь так же, как изменяли ландшафт. И именно Артур Янг, несмотря на всю свою веру в предшествовавшие индустриализации улучшения в сельском хозяйстве, записал, как жаловались простолюдины: «Я знаю лишь то, что у меня была корова, и парламентский акт ее у меня отнял». Некоторые из них отчаянно боролись — и продолжали борьбу — за свои традиционные права, но при этом подчинялись власти собственности. (В Шотландии, где располагались обширные поместья, контраст был еще резче.) В то же время французское крестьянство, составлявшее 80% населения страны, получило в ходе революции новые права. Крестьяне представляли собой еще менее однородную группу, чем даже титулованная знать, которой они до 1789 г. должны были беспрекословно подчиняться. Каждый пятый еще до революции работал по найму. В Англии независимых производителей было мало: в последнее десятилетие века йомены (свободные крестьяне-землевладельцы) владели не более чем 10% земли. Существовали, впрочем, и зажиточные фермеры-арендаторы; некоторые из них живо интересовались сельскохозяйственными нововведениями, как и многие «сквайры», владевшие землей, и отдельные представители аристократии. Сам Георг III не возражал, когда его называли «Фермер Джордж».

Англичане обычно не пользовались термином «знать», понятием, законодательно определенным в большинстве европейских стран, в особенности на востоке. В Испании это понятие распространялось на особенно значительную долю населения. В Пруссии существовала мощная влиятельная знать, «юнкеры», от службы которых государству зависели прусские короли. В Британии предпочитали термин «аристократия»; причем некоторые аристократы извлекали существенный доход из промышленности. Другие занялись торговлей, хотя и не в столь значительной мере, как считали некоторые современники. Все они понимали, что даже в сфере землевладения их влияние было

50 ГЛАВА 1

небезграничным. На местах социальной и политической властью пользовались сквайры, мелкие сельские джентльмены, придерживавшиеся порой весьма независимых взглядов. Они были магистратами, иногда владели церковными приходами, и скорее именно они, а не аристократы, более других в Англии не доверяли новым богачам, появившимся в лондонском Сити и в новых промышленных округах. Многие из таких нуворишей не желали ничего иного, как самим сделаться сквайрами. Именно сквайры больше всех гордились победой над Наполеоном, представлявшим для них все то, что они более всего ненавидели.

Примечания

¹ Boorstin D. The Genius of American Politics. Chicago, 1953. P. 68.

² Mantoux P. The Industrial Revolution in the Eighteenth Century. L., 1928. P. 21 [полное русское изд. — Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии (опыт исследования). М., 1937].

³ Его главным популяризатором был Арнольд Тойнби — Toynbee A. Lectures on the Industrial Revolution in England. L., 1884 [русские изд. — Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М., 1912, 1924].

⁴ Этот образ был использован как заглавие книги: Landes D.S. The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. Cambridge, 1969.

⁵ Michelet J. Histoire de la Revolution Franchise. T. 1-2. P., 1940. T. I. P. 218. Первое издание, опубликованное в 1847—1853 гг., состояло из семи томов.

⁶ Wilberforce W. A Practical View of the Prevailing Religious System of Professed Christians in the Higher and Middle Classes of this Country Contrasted with Real Christianity. L., 1797. P. 489.

⁷ Southey R. Letters from England / Introduction by Jack Simmons. Gloucester, 1984. P. 375.

⁸ Суждение Франсуа Минье цит. в: Mellon S. The Political Uses of History. Stanford, 1958. P. 14.

⁹ Hifton O.H. The Poor of Eighteenth Century France, 1750-1789. L., 1974. P. 2.

Глава 2

Порядок и движение, 1815-1848

Реставрация: идея или реальность?

После грандиозного переворота, произошедшего в Европе между 1789 и 1815 гг., ничто не могло остаться неизменным. Опыт революции и войны был столь глубок и затронул, пусть и в разной степени, столь многих людей, что не мог быть легко забыт. Не все, впрочем, и хотели его забыть. Еще до своей смерти в 1821 г. Наполеон стал легендой, обладавшей властью над людьми. В созданных на острове Святой Елены «Записках» он, как и раньше, в период Ста дней, всех винил в своем поражении и заявлял, что, если бы ему удалось победить, Европа стала бы «федерацией свободных народов», объединенных в вечном мире вокруг просвещенной Франции. «Кажется, в воздухе Святой Елены было что-то, что искажало подлинную истину», — писал позднее один английский политик. Когда Наполеон, которого редко заботила «подлинная истина», решил в

последних главах описать себя сразу и как революционера, и как либерала — те эпизоды его карьеры, которые не вписывались в эту картину, были с ле! костью опущены.

В большинстве стран посленаполеоновской Европы были и революционеры, и либералы. И те и другие полагали, что работа, начатая в 1789 г., должна быть продолжена. Первые зачастую делали революцию своей профессией и не стеснялись в методах. Последние стремились сохранить положительные завоевания в сфере человеческой свободы, ставшие результатом 1789 г., избегая в то же время «революционных эксцессов»: они верили не в заговоры, а в «конституционализм».

51

2444

52 ГЛАВА 2

В мире шпионов и агентов-provokаторов главным профессиональным революционером эпохи стал итальянец Филиппе Буонаротти. Аристократ, рожденный в Тоскане в 1761 г., он, будучи сначала поклонником Робеспьера, а затем Бабе'фа, находил сторонников и последователей в разных странах — от Польши до Италии, Бельгии и Испании. Другой профессиональный революционер, Огюст Бланки, родившийся намного позднее, в 1805 г., был просто влюблен в революцию. Он разделил своих соратников-заговорщиков на Годы, Сезоны, Месяцы, Недели и Дни — по крайней мере в этом придерживаясь дореволюционного календаря. Себя самого он звал Воскресеньем. В подобной деятельности не было ничего «либерального», однако слово «либерал», иногда писавшееся с заглавной буквы, постепенно входило теперь в повседневную политическую жизнь некоторых европейских стран. Ранний пример этого словоупотребления относится к Испании, где так называли сторонников нереализованной конституции 1812 года. «Либералов» (*«liberates»*) упоминает Саути в 1816 г., а четырем годами спустя в Париже либералов противопоставляют крайне правым («ультра»), В 1822 г. в Лондоне появляется периодическое издание под названием «Либерал»; позднее, но в том же десятилетии из общей массы были впервые выделены «либерально» настроенные члены консервативного правительства лорда Ливерпуля, впервые занявшего свой пост в 1812 г. Однако только в 1860-х гг. слово стало общепринятым в Британии, «матери парламентов». В ту пору Либеральную партию олицетворял один человек, Уильям Эварт Гладстон, родившийся в Ливерпуле в 1809 г. и в 1848-м принадлежавший еще к консерваторам. Политические партии в 1848 г. были еще в зачаточном состоянии, несмотря на то что между 1832 и 1848 гг. сэр Роберт Пиль, лидер консерваторов, которого поддерживал Гладстон, создал парламентскую партию, расколовшуюся из-за разногласия по вопросу об отмене протекционистских пошлин на зерно. Лишь позже, благодаря развитию политических партий, обладавших базой как вне парламента, так и в его стенах, «либерализм» в разнообразных своих версиях, поддержанный прессой, стал важной политической силой. Для одних либералов, тех, кто, например, жил в больших европейских портах, экономическая свобода, выражавшаяся в свободе торговли, казалась более значимой, чем свобода политическая, или, скорее, оба понятия считались неразрывными. Столичные либералы думали о конституциях, собраниях и свободе слова.

До возникновения политических партий, способных функционировать свободно и непрерывно, политика протеста в странах, где не было

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 53

либеральных конституций, проводилась бунтовщиками, а в странах, где такие конституции были, — посредством агитации и групп давления. В Британии, как и во Франции, протест горожан был наиболее вероятен в те годы, когда неурожай совпадал по времени с безработицей. По словам Уильяма Коббета, английского радикала, который не был либералом, но который важнейший период своей жизни провел в Америке, сложно было агитировать на сытый желудок. Этот совет был применим повсюду. В то же время были и либералы, которые боялись давления снизу — со стороны горожан или крестьян — так же, как и со стороны властей.

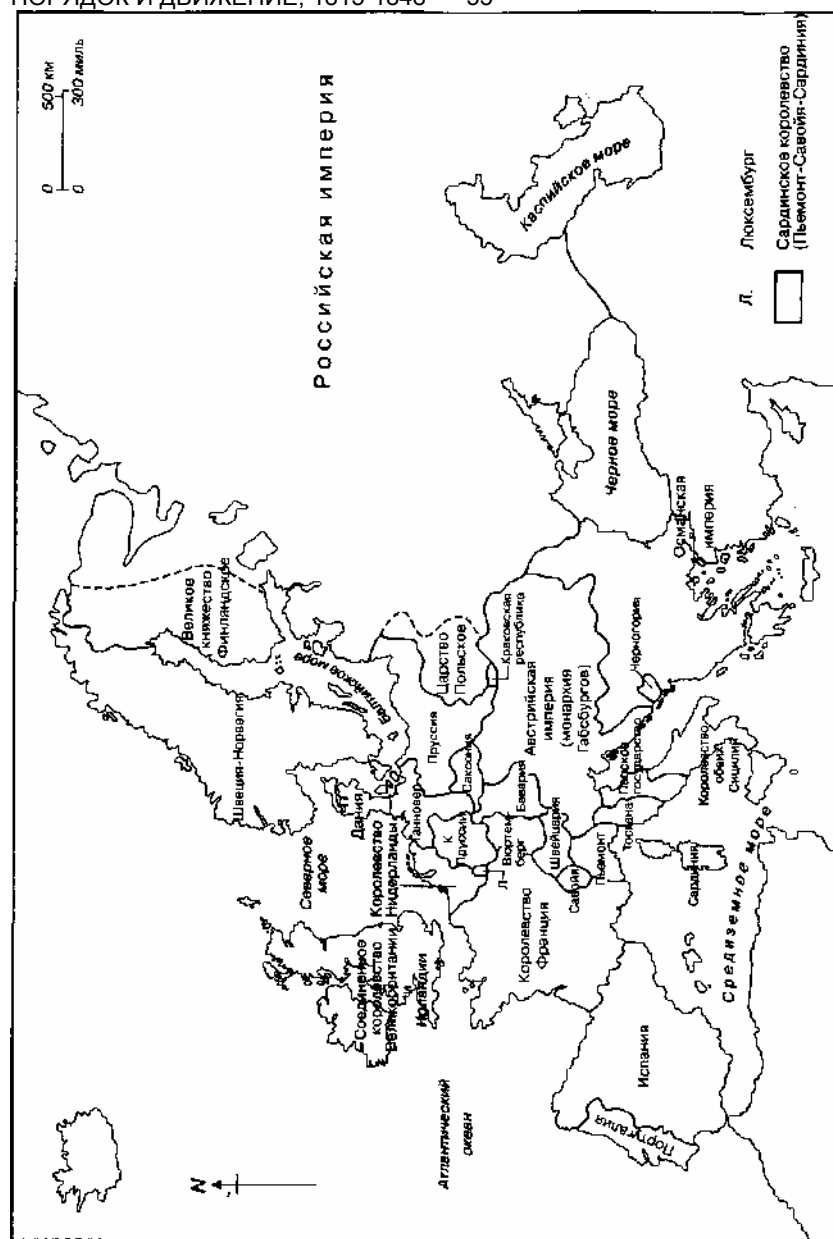
Недовольство сельского населения даже в Англии обычно принимало весьма простые формы, в том числе форму поджогов; в континентальной Европе, где крестьяне рассматривали тяжелый труд и бедность как естественное состояние, их было сложнее, чем городских простолюдинов, увлечь на путь общественного протеста. Более того, если это и случалось, они обыкновенно искали правду на местном уровне. Источником утешения им служила народная религия, будь то католицизм, протестантизм или православие; во Франции, например, большинство крестьян теперь сделались консервативной силой. Тем не менее в 1820 г. на Сицилии крестьяне-«мафиози» вступили на улицы Палермо, чтобы сражаться за самоуправление, а сельские батраки пугали реформаторское вигское правительство графа Грея и до, и после Акта о реформе 1832 года. В большей части европейских стран время после наполеоновских войн, а также конец двадцатых годов были особенно суровыми, показывая, что мир может быть так же тяжел, как и война. Во

Франции в 1816 г. урожай был столь плох, что большое количество зерна пришлось закупать в Англии, а в 1818 г. в ожидании плохих урожаев цены на хлеб выросли в обеих странах. Налицо была и серьезная городская безработица. В 1817 г., когда в новых британских промышленных городах организовывались большие радикальные митинги, власти старинного промышленного города Лиона, подверженного, как и любой британский город, колебаниям экономических циклов, тоже сообщали о «собраниях, заговорах и брожении». В городе работала лишь половина шелкоткацких станков. Через два года, когда в августе 1819 г. в Манчестере толпы народа требовали парламентской реформы, конная милиция (*yeomanry*) атаковала их, убив 11 человек и ранив 400. Так за Ватерлоо последовало Питерлоо*. Одним из членов правительства

* Трагические события в Манчестере получили название Питерлоо, так как происходили на площади Св. Петра — *St. Peter's Fields*. — Примеч. пер.

54 ГЛАВА 2

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 55

лорда Ливерпуля, которое ответило на эти события «шестью постановлениями» (*Six Acts*), призванными ограничить свободу прессы и свободу собраний, был лорд Каслри, ключевая фигура посленаполеоновского урегулирования.

Европа в 1815 г., после падения Наполеона, оказалась в руках людей, стремившихся к реставрации, а не к переменам. Когда они оглядывались назад, Революция и Империя казались им авантюрой, которой был положен конец, что было весьма благотельно и стоило недорого. Они думали, что следует восстановить уважение к законной власти и лежащей в ее основе общественной иерархии, а также вернуть на престол правителей, возвращавшихся в свои королев-

ства, — порою правителей мелких королевств. Критик Руссо Людвиг фон Галлер, автор швейцарский, а не французский, в 1816 г. писал, что «законные монархи восстановлены на своих тронах, и мы таким же образом собираемся восстановить на своем троне законную науку, науку, которая служит своему повелителю и чья правда подтверждается всей Вселенной».

Так представлялась логика событий тем наблюдателям, что пользовались дореволюционным языком. Однако антиреволюционизм, как революция, и бонапартизм или национализм (новый феномен), часто выражался романтическим слогом, украшенным примесью чувств. Среди философов «реставрации» были и такие, что ностальгически оглядывались на времена до Французской и промышленной революций, до Просвещения и даже до Реформации. Они подчеркивали необходимость возродить естественный общественный порядок, основанный на обязанностях, а не на правах, на единстве мыслей и морали, а не на разнообразии мнений и поведения, на религиозной вере, а не на «развитии интеллекта». Рене де Шатобриан, при Наполеоне служивший главным образом дипломатом, писал в своем «Гении христианства» (1802) о «возвышенных христианских таинствах» как «прообразе системы человека и мира». По его мнению, Наполеон «околдовал» молодежь «своими чудесами» и научил французов «поклоняться грубой силе».

Задачи Реставрации

Хотя пять государственных мужей, решивших в 1815 г. «восстановить Европу», разнились по темпераменту и убеждениям, их объединяли ненависть к революции и убежденность в необходимости ее подавления. Чувства ностальгии им для этого не требовалось. За исключением

56 ГЛАВА 2

Каслри, который с 1812 г. служил британским министром иностранных дел, большинство из них напрямую общались с Наполеоном и были готовы, причем не только во времена поражений, идти с ним на сделки. В Тильзите на крытом плоту, украшенном двумя имперскими орлами, русский император Александр I пытался вместе с Наполеоном определить судьбу Европы. Меттерних, габсбургский министр иностранных дел с 1809 г., когда служил послом при дворе Наполеона, высоко оценил то, что Бонапарт «прямо идет к своей цели, не тратя время на вещи, которые считает второстепенными», но не был очарован его внешностью. Он нашел императора «низким, коренастым» и «небрежным» в том, «как он держал себя, пытаясь выглядеть внушительным». По своему характеру Меттерних, совмещавший в 1821-1848 гг. посты австрийского канцлера и министра иностранных дел, был человеком XVIII в., любившим Вольтера. «Я рассуждаю обо всем и по любому поводу», — сказал он однажды. Хорошо осведомленный, он всегда мыслит общеевропейскими категориями. Французским Меттерних владел лучше, чем немецким. Он ненавидел революцию, но не питал иллюзий в отношении прочности режима Реставрации, «краеугольным камнем» которого его однажды назвали. Он лишь стремился сохранить его настолько долго, насколько это было возможно. «Судьба, — сказал он, — возложила на меня долг сдерживать, насколько позволяют мои силы, поколение, чье предназначение — стремиться под откос, ведущий в пропасть».

Революции никогда не были «делом больших масс людей». В 1820 г. Меттерних сказал Александру, что разлад вносят маленькие группы тщеславных людей, среди которых — «оплачиваемые государственные чиновники, литераторы, юристы и отдельные граждане, обремененные публичным образованием». Юристы были, на его взгляд, самыми опасными. В 1819 г. он использовал убийство антилиберального писателя Августа фон Коцебу психически неуравновешенным студентом богословия как повод издать репрессивные Карлсбадские декреты, которые запрещали демонстрации, вводили строгую цензуру прессы и жестко контролировали назначения на университетские должности и содержание учебных программ.

Каслри, четырьмя годами старше Меттерниха, не оспаривал ни поставленного диагноза, ни предписанных им лекарств. Он также был «связан историей и традицией» и находился на правом фланге британской политики (тогда началось использование терминов «левый» и «правый»). Как действующий министр по делам Ирландии, он занимался подавлением организованного с французской помощью вос-

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 57

стания 1798 г. и подготовкой акта унии Британии и Ирландии, принятого в 1800 году. Как и Меттерних, он с недоверием относился к «абстрактным и умозрительным» идеям и более всего желал наступления в Европе периода «покоя» (*«repos»*).

У Александра I, напротив, было много собственных величественных и мистических идей, становившихся по мере его старения все более величественными и мистическими. В 1804 г. он

переписывался с Уильямом Питтом, наставником Каслри, предлагая ему туманный, но эффектный план достижения всеобщего мира, основанного на объединении государств, по сути — на европейском правительстве, которое положит конец феодализму и введет конституционное правление. Питт в своем ответе игнорировал эти мысли и предложил взамен послевоенное урегулирование, основанное на принципах равновесия сил. Спустя десятилетие, в 1814 и 1815 гг., Александр по-прежнему думал о единой Европе, все еще стремясь стать ее арбитром, но обосновывая теперь необходимость новой системы власти. Как прежде, он предпочитал идею «преобразования» Европы «восстановлению» *status quo*, и ему не доверяли ни Меттерних, ни Каслри. У него, впрочем, были советники, сыгравшие свою роль в послевоенных переговорах, среди них — граф Нессельроде, немецкого происхождения, и Поццо-ди-Борго, родившийся, как Наполеон, на Корсике.

Король Пруссии Фридрих Вильгельм III был заинтересован в «реформах», пока будущее Германии было в руках Наполеона, и его министр барон Карл Штейн собирался «сделать сверху то, что французы сделали снизу». За 14 месяцев пребывания на своем посту он освободил крепостных и начал земельную реформу. Его, однако, дважды заставляли покинуть Берлин — в 1808 г. и через пять лет, в 1813-м, когда Фридрих Вильгельм призвал своих соотечественников вновь вступить в борьбу с Наполеоном.

Когда наступил европейский мир, он обещал расширение «представительного правления», но на этот раз не делал ничего даже для скромного продвижения в этом направлении, прислушиваясь к Меттерниху и к Александру. Его новый главный министр Карл Август Гарденберг, сохранявший близость к нему вплоть до своей смерти в 1822 г., почти не выказывал своего раннего радикализма времен работы со Штейном. В 1819 г. он вместе с королем поддержал Карлсбадские декреты; и именно в столице Пруссии Берлине с негодованием подал в отставку великий основатель Берлинского университета Вильгельм фон Гумбольдт, чей идеалистический подход к высшему образованию повлиял на целые поколения многих стран помимо Германии.

58 ГЛАВА 2

Урегулирование

Перед тем как Меттерних возложил на себя функции инспектора по-сленаполеоновской Европы, главную роль играл Каслри, стремившийся объединить четырех главных военных союзников в Четверной союз; еще до окончательного поражения Наполеона они в марте 1814 г. подписали в Шомоне договор на 20 лет, в котором выразили готовность тесно сотрудничать между собой. В тексте содержалось условие, выходящее за рамки простого территориального урегулирования. Великие державы должны были в мирное время провести ряд встреч, чтобы обсудить вопросы, вызывавшие общий интерес. Для Каслри и Меттерниха этого было достаточно; Александр, однако, жаждал чего-то более звучного — не договора, основанного на государственном интересе (*raison d'Etat*), а декларации принципов, основанной на тех «возвышенных истинах», которые заключены в христианстве («справедливость», «христианское милосердие» и «мир»). Он стремился к «Священному Союзу» монархов, которых рассматривал как «отцов семейств», чтобы гарантировать христианский порядок «во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы».

«Курс, *прежде* принятый Державами в их взаимоотношениях должен быть *фундаментально* изменен», — предупреждал Александр в первом наброске трактата о Союзе. «*Необходимо* заменить его порядком вещей, основанным на высоких истинах вечной религии нашего Спасителя». Говорят, что после того как австрийский император прочел этот текст, он заметил, что не знает, обсуждать ли его в Совете министров или в исповедальне. Каслри же высказался о заключительном документе Александра как об «образце высшего мистицизма и бессмыслицы». Неудивительно, что единственным правителем европейского мира, которого не позвали в Союз, был султан Османской империи; в то же время британский регент, будущий Георг IV, хотя и выразил симпатию трактату, не подписал его.

Первая сложная задача миротворцев была практическая, а не идеологическая — восстановить троны, государства и границы. На первом месте стояли троны, так как легитимность наследственного правления была поставлена под сомнение и революционным царубийством во Франции, и практиковавшимся Наполеоном семейным возведением в короли. На втором месте стояло восстановление государств, так как именно на эти территориальные образования распространялась власть правителей. Миротворцы единогласно отвергли сочтенные опасными идеи народного суверенитета. На третьем месте — границы,

ПОРВДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 59

хотя и было признано, что их нельзя восстановить полностью в прежнем виде. Карта Европы

столько раз менялась между 1792 и 1815 гг. — часто при активном попустительстве выживших правителей «Старого порядка», — что было необходимо внимательно посмотреть на то, что казалось элементарными географическими фактами.

С появлением железных дорог и созданием новой системы коммуникаций эти факты существенно изменятся. Меттерних, впрочем, начал с простого рассмотрения географического положения великих держав. «Франция [ее он намеренно поставил на первое место] и Россия имеют только одну границу, и вряд ли уязвимую. Рейн с его тройной системой крепостей обеспечивает покой Франции; суровый климат делает Неман не менее безопасной границей для России. Австрия и Пруссия со всех сторон открыты нападению соседних держав. Постоянно находясь под угрозой превосходства этих двух держав, Австрия и Пруссия могут обрести спокойствие лишь благодаря мудрой и взвешенной политике, добросердечным отношениям как между собой, так и со своими соседями».

Великие державы достигли предварительного соглашения уже в первом Парижском договоре (май 1814 г.), заключенном после того, как Наполеон был отправлен на Эльбу. К тому времени они также решили основные вопросы, относящиеся к мирному урегулированию. Среди них было восстановление Франции в ее «старинных границах», границах 1792 г.; расширение Голландии посредством включения в ее состав Бельгии (до 1792 г. Австрийских Нидерландов) и Люксембурга; независимость Швейцарии; раздел Италии на независимые государства; реставрация в Испании, как и во Франции, династии Бурбонов; создание конфедерации германских государств. Саксония, до конца остававшаяся союзником Наполеона, и разделенная Польша, для которой Наполеон был не агрессором, а освободителем, намеренно не были упомянуты в этом первом договоре.

В этих широких рамках, конечно, оставался простор для серьезных разногласий даже среди держав «большой четверки», чьи представители в ходе Венского конгресса, собравшегося 1 ноября 1814 г., почти каждый день частным образом встречались на квартире Меттерниха. Это был большой и пышный конгресс, который посещали представители не только всех государств, но и многих организаций, которые мы сегодня назвали бы «неправительственными». По сложным проблемам велись закулисные переговоры; среди тем были отношения с побежденной Францией, которую с большим дипломатическим и светским умением представлял в Вене всем известный 60-летний Талейран. Он, однако, ничего не мог сделать, чтобы пре-

60 ГЛАВА 2

дотвратить (даже если бы очень того хотел) закрепление британских колониальных приобретений, сделанных в ходе революционных и наполеоновских войн. Так было и в договорах XVIII в., например в Парижском договоре 1763 г., завершившем Семилетнюю войну и побудившем французских Бурбонов искать реванша. Для Британии же в 1815 г., как и в ходе самих войн, главным являлось не приобретение территорий, а контроль над океанами и базы, делавшие такой контроль возможным.

Венское соглашение, обсуждение которого было прервано побегом Наполеона с Эльбы и периодом Ста дней, было окончательно подписано в июне 1815 г. Это было наиболее масштабное соглашение, достигнутое в Европе со времени Вестфальского мира 1648 г. Под председательством Австрии создавался Германский союз (*Deutscher Bund*), довольно рыхлая конфедерация 39 государств. Хотя в нем так и не сформировалось особого самосознания, существование этого союза было в долгосрочной перспективе важно для будущего Германии. В то же время Австрия получала прямой контроль над итальянскими землями, что имело ключевое значение для будущего Италии. Аннексированы были Ломбардия и Венеция, а австрийским князьям передавалась власть над важными итальянскими герцогствами — Моденой и Пармой. Теперь в Италии было восемь отдельных государств.

Так Меттерних посредством германского и итальянского мирного «урегулирования» добился того, что он и управлявшаяся из Вены многонациональная империя стали стержнем нового европейского порядка на протяжении всего его существования. Впрочем, этот порядок пережил лишь один из его элементов: Швейцария становилась не только независимой, но и нейтральной. «Старый порядок» не был восстановлен в Швейцарии во всей полноте. Такие прежде независимые земли, как Женева и Вале, становились кантонами конфедерации. Соглашение предусматривало развитие торговли и промышленности, но и оно было изменено в 1846 г. вследствие внутреннего кризиса и гражданской войны — за два года до падения самого Меттерниха¹.

Пруссия, как и Меттерних, стремившаяся сохранить новый *status quo*, получила (после нескольких секретных заседаний) 40% Саксонии, стратегические земли по Рейну и наполеоновское

Вестфальское герцогство в качестве оборонительного рубежа против Франции. Это позволит ей в итоге возглавить борьбу Германии против Франции, что произойдет через много лет после ухода со сцены и Фридриха Вильгельма III, и Меттерниха. Непосредственным результатом стало удвоение населения Пруссии. Ее столица, впрочем, находилась на

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 61

востоке, не так далеко от России. Берлин оставался прежде всего королевской резиденцией, которая лишь после 1848 г. стала превращаться в *город вечного движения*. Гёте, живя в Веймаре, лишь раз посетил его. Все 39 германских государств заметно разнились размерами территории и характером управления. Каждое из них имело свою культурную и династическую историю. Между раздробленной Германией и относительно единой Францией находилось старое Льежское княжество, которое произвольно объединили с бывшими Австрийскими Нидерландами и передали Голландии в качестве компенсации за передачу ее южноафриканских колоний Британии. Это соглашение не могло быть долговременным. На востоке Россия получила возможность воссоздать часть старого королевства Польши в качестве нового, но зависимого от нее Царства Польского (благодаря этому Россия получила варшавский регион). Независимая Польша появится на карте лишь в XX в. после еще одной долгой войны.

Это лишь один пример разнообразных компенсационных решений 1815 г. Таким образом, Австрия, обеспечив себе контроль над итальянскими герцогствами, потеряла свои бельгийские земли, а на севере Швеция отдавала России Финляндию, получая взамен, как было условлено прежде, от Дании Норвегию. В Италии, где, как и в Германии, Габсбурги получили существенные, но в итоге ненадежные приобретения, в Турин вернулся король Сардинии и Пьемонта Виктор Эммануил I, щеголявший в парике с косичкой в духе времен «Старого порядка». Приветствуя своих «добрых и верных подданных», он уверил их в том, что они «вновь окажутся под властью тех возлюбленных князей, которые столько веков несли им счастье и славу», и предложил им все преимущества абсолютной власти, отменив, впрочем, призыв на военную службу и снизив налоги. По одному из пунктов сделки он получил часть Савойи и Геную, на протяжении столетий, вплоть до французской оккупации, бывшую независимой республикой и освобожденную британским офицером Уильямом Кэвендишем Бентинком. Великий герцог Тосканский вернулся во Флоренцию, папа римский Пий VII (1800—1823) — в Рим (и в рассекавшую Италию Папскую область). На своем старом престоле был восстановлен неаполитанский король Фернандо IV, теперь называвшийся Фернандо I, король Обеих Сицилии, но случилось это лишь после того, как он подписал постоянный оборонительный союз с Австрией.

Британия, столь долго вовлеченная в военные коалиции, достигла того, к чему стремилась. Контроль над океанами был упрочен рядом приобретений, среди которых были Капская колония (ключевой

62 ГЛАВА 2

пункт вплоть до строительства Суэцкого канала и причина политических конфликтов в XIX—XX вв.), Цейлон, Маврикий, французские острова в Восточной Индии, а поближе к дому — Гельголанд (вблизи немецкого побережья) и Мальту, предмет вечных споров в Средиземноморье в период наполеоновских войн. Британия также добилась соглашений об открытии для навигации некоторых рек и всеобщего осуждения работорговли, чего постоянно требовали влиятельные британские лоббирующие группы, представленные в Вене.

В отличие от других участвовавших в Венском конгрессе великих держав, Британия была страной, где позиции различных сторон рассматривались в парламенте и где могла обсуждаться любая, даже либеральная политика. Каслри знал, что все его действия подвергнутся дома широкому обсуждению и даже оскорбительным нападкам. Задействованы были карикатуристы, журналисты — и даже поэты, среди которых был Шелли, описавший в известной поэме встречу с убийцей, «лицом совсем как Каслри»*. Хотя Каслри сам не одобрил идеи Священного союза, его политические противники в Британии не проводили различий между политическим договором четырех держав и их «идеологическим» пактом.

Один из участников Конгресса, переводчик Бёрка и секретарь Меттерниха Фридрих фон Гентц оставил резко критический отчет о его работе. Находившийся в самом центре интриг, он заявлял, что в Вене не было достигнуто ничего, кроме «реставрации, уже проведенной силой оружия, соглашений между великими державами, имевших небольшую ценность для сохранения Европы, довольно произвольных изменений территорий малых государств». Не было принято «ни акта высшего свойства, ни великих мер во имя общественного порядка или всеобщего блага, которые бы вознаградили человечество за его долгие страдания или принесли бы ему мир в будущем*». Этот вердикт много раз пересматривался в свете последующего опыта, особенно опыта двух

мировых войн XX в., за первой из которых последовало противоречивое «урегулирование», сохранявшее силу лишь 20 лет, а за второй — создание Организации Объединенных Наций и холодная война, начавшаяся почти сразу после окончания войны «горячей». Суждения разнились. А являвшийся американским президентом в момент окончания первой мировой войны Вудро Вильсон разрабатывал в Версале соглашение на основаниях, противоположных венским; присутствовавший при этом молодой дипломат

* Рус. пер. цит. по: *Шелли П.Б. Маскарад анархии* / Пер. К. Бальмонта // Избранное. М., 1962. — *Примеч. пер.* ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 63

Гарольд Николсон критиковал это соглашение столь же остро, как Гентц критиковал Венский конгресс. Генри Киссинджер, позднее американский государственный секретарь в годы холодной войны, будучи молодым историком, написал детальное и благожелательное исследование о создателях Венской системы. Он превозносил их как людей, обеспечивших самый долгий мирный период, который когда-либо знала Европа. Более того, доказывал он, эта система лишь в наименьшей степени поддерживалась силой оружия.

Безусловно, урегулирование 1815 г. обеспечило общее равновесие сил в Европе, которое не поколебали локальные кризисы в отдельных регионах, в том числе в Италии и Испании, и такое существенное изменение на карте Европы, как создание нового и независимого королевства Бельгии в 1830 г. В рамках этого равновесия важное место отводилось побежденной, теперь монархической, Франции Бурбонов — и это место заметно отличалось от того, что было определено для побежденной Германии как и в 1919-м, так и в 1945 г. Как говорили, Францию заставили прекратить свои попытки стать гигантской, чтобы она смогла стать великой. Лишить ее революционных и наполеоновских завоеваний еще не означало уничтожить страну. В 1830 г. смена режима произойдет именно по собственной воле французов.

Даже после того, как Наполеон бежал с Эльбы и соглашение пришлось пересматривать, оно не приобрело карательного характера. Небольшие части Савойи и Фландрии, сохраненные Францией по первому договору, теперь вместе с землями в Германии и крепостью в Эльзасе передавались ее соседям; помимо этого, Франция должна была в ограниченном размере возместить убытки и оплатить оккупационные расходы союзников. Новое соглашение, достигнутое в ноябре 1815 г. по второму Парижскому договору, в чем-то было даже более справедливым, так как обязывало вернуть законным владельцам бесчисленные произведения искусства, награбленные французами в ходе наполеоновских войн.

Слабость урегулирования, с такими его новыми чертами, как создание международной комиссии по Рейну, заключалась в том, что оно оставило на карте отдельные беспокойные точки и создало новые. Более того, пока «Германия» и «Италия», вплоть до 1848 г., оставались в своем неизменном, то есть раздробленном положении, они были обречены нарушать созданное равновесие. Соглашение также игнорировало регион, который приобрел особое дипломатическое и военное значение еще перед началом революционных войн и который станет ключевым в XIX в., — восток Европы и Османскую империю. Никакой комиссии по Дунаю создано не было.

64 ГЛАВА 2

«Система конгрессов»

После того как прошел первоначальный период умиротворения, выявились многие проблемы. Их не удалось разрешить и в 1818 г., когда Четверной союз после включения в него Франции стал Союзом пяти. Это был логический шаг, к принятию которого склонял великие державы Талейран, всегда появлявшийся в нужное время. Он полагал, что благодаря этому Франция, которая имеет свои интересы и должна вести самостоятельную политику, получит возможность выражать свое мнение на различных конгрессах, собиравшихся с целью обеспечения послевоенного европейского порядка.

Пять великих держав, следивших теперь за поддержанием мира, были теми же, что доминировали в Европе до 1789 г., однако расстановка сил заметно изменилась, так как Британия вышла из революционных и наполеоновских войн, повысив свое благосостояние и получив доступ к огромным богатствам за пределами Европы. В то же время ресурсы Габсбургов не соответствовали их обязательствам и не могли обеспечить Меттерниху финансовой стабильности, необходимой, чтобы играть в Европе избранную им роль.

До сих пор остается предметом споров, был ли Меттерних прав, когда выбрал себе эту роль. Власть Габсбургской империи распространилась на многие регионы, и повсеместное подавление либерализма и национализма представлялось нелегкой задачей. Солдаты австрийских армий, недостаточно финансируемых и с трудом реформируемых, говорили на разных языках, в том числе венгерском, сербском и итальянском. Но придавать этому факту слишком большое значение

казалось покушением на воинскую «честь», считавшуюся в Вене главной добродетелью. Политические движения удавалось подавить не всегда; лорд Палмерстон, тогда британский министр иностранных дел, спустя много лет после распада «системы» сказал австрийскому послу в Лондоне, что подход Меттерниха к европейским вопросам был «карательным и удушающим». Неподвижность — это не консерватизм, и она «взорвется с такой же очевидностью, как герметично закрытый кипящий котел, лишенный выхода пара».

«Система конгрессов» была еще новой и неиспытанной, однако уже на четырех европейских конгрессах, проведенных между 1815 и 1822 гг., выяснилось, что, во-первых, союзники во время войны (Британия на периферии и Австрия в центре) имели различные взгляды на проблемы мирного времени и что, во-вторых, безоговорочно говорить о «восстановлении» старого мира

было заблуждением. При-
ПОРВДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 65

знаков рождения нового мира было слишком много. С самого начала скептический Каслри видел трудности в поддержании любого европейского порядка, христианского или нет, а Меттерних отверг предложение царя создать международную армию, призванную гарантировать нерушимость европейских границ и правительств. Однако, когда в Неаполе и Испании разразились восстания против реакционных монархических режимов, Меттерних был глубоко потрясен этими событиями, которые сравнивал с «землетрясениями», «извержениями вулкана», «чумой» или «раком». (Говорят, что для описания состояния общества он использовал восемь подобных метафор.)

В случае с Неаполем, где, как и в других частях Италии, Меттерних всегда поощрял попытки правительства усовершенствовать внутреннюю администрацию, ему пришлось действовать, не прибегая к метафорам. Секретный договор между Австрией и Неаполитанским королевством (один из нескольких таких договоров) позволял Вене получать все разведывательные данные, и при вялом соперничестве со стороны Британии и горячей поддержке со стороны России (она хотела участвовать в интервенции) австрийская армия в 1821 г. вступила в Неаполь и подавила мятеж столь же быстро, как он начался. На самом деле, поддержка, оказанная народом армейской верхушке, которая возглавила восстание и противилась принятию новой конституции для Сицилии, была незначительной. В результате Фернандо I вернул себе свой трон. Финансовые издержки Австрии были высоки: пришлось брать большой заем, а чтобы получить его — спешно выплатить часть предыдущего британского займа, что привело к существенному бюджетному дефициту.

«Система конгрессов» испытывала трудности еще до австрийской интервенции в Неаполь, и в Королевстве Сардинии и Пьемонта был устроен заговор с целью низложения Виктора Эммануила I и введения новой конституции. На самой первой конференции в Аахене в 1818г. Каслри имел указания правительства избегать «континентальных обременительных связей», за исключением тех, что обеспечивали контроль над Францией; в ноябре 1820 г. во время конгресса в Троппау*. на котором Каслри не присутствовал, он резко — и публично — возражал против протокола, составленного в соответствии с пожеланиями Александра. Протокол гласил, что государства, где вследствие революции произошла смена правительства и которые в результате этого становились угрозой для других государств, перестают быть «членами европейского союза». Затем шло добавление, что «если из-за этих

* Немецкое название города Омана в чешской части Силезии. — *Примеч. ред.*

66 ГЛАВА 2

перемен другим государствам угрожает непосредственная опасность, державы обязуются мирными средствами или силой оружия вернуть виновное государство в лоно великого союза».

На следующем конгрессе в Лайбахе (январь 1821 г.) стало ясно, что между позицией Британии, с одной стороны, и позицией Австрии и Пруссии — с другой, компромисса не будет, хотя один австрийский дипломат и сравнивал реакцию Каслри с поведением «большого любителя музыки в церкви, желающего, но не смеющего аплодировать». Накануне проведения в Вероне в октябре 1822 г. следующего конгресса, на котором присутствовали все пять великих держав, Каслри покончил с собой (причины были частными), а его более прямолинейный преемник Джордж Каннинг прибегнул в переговорах к самому резкому языку. Британия полностью отказалась участвовать в интервенции союзников во второй неспокойной стране, Испании, где революционеры требовали принятия конституции 1812 г., в свое время так и не вступившей в действие.

Когда в 1823 г. французские войска при поддержке Австрии и России вошли в Испанию, время «системы конгрессов» уже подходило к концу. В заметках Каслри о его последней беседе с королем Георгом IV за четыре дня до самоубийства звучит печальная нота. «Сэр, необходимо распрощаться с Европой; только Вы и я знаем ее и берегли ее — никто после меня не понимает дел континента». Он

знал, что это был старый континент, со значительными различиями: экономическими, социальными, политическими и, не в последнюю очередь, религиозными, между Западом и Востоком, Севером и Югом. Существовала еще и простиравшаяся от Балтийского моря до Далматинского побережья Центральная Европа (понятие, не вполне осмысленное по сей день), о которой он мало что знал. Даже в XXI в. здесь по-прежнему бросается в глаза «покрывающая все раатиция сеть родового сходства в том, как вещи выглядят, и в том, как они делаются»². Это сходство коренится в габсбургской, а не в британской или французской истории.

Признаки перемен

Между 1822 и 1830 гг. стало слишком очевидным различное понимание того, что такое «Европа». Причиной тому были непрекращавшиеся «движения». Конечно, были годы, когда казалось, что понятие «движение», как и понятие «либерал», остались вместе со словом «революция» в лексиконе конца XVIII в. Имевшее не вполне ясный смысл, когда речь шла о распространении либеральных идей и взглядов и о рожде-

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 67

нии национализма, слово «движение» становилось более ярким, когда речь заходила о новых организациях и политических группировках, приобретая буквальный смысл, когда подразумевалось «народное движение» — главная тема в истории XX — начала XXI вв. В индустриализующейся Британии термин «рабочее движение» был использован уже в 1828 г. К тому времени в него входили профессиональные союзы, кооперативные общества и социалистические организации.

Принадлежность к движению несла с собой новые обязательства и новые пристрастия. Движение могло быть как открытым, так и тайным. Первые использовали памфлеты и плакаты, вторые полагались на клятвы и ритуалы. Наиболее известным тайным движением посленаполеоновского времени, занимавшимся не столько агитацией, сколько заговорами, было общество карбонариев (так по-итальянски называли выжигателей угля), основанное в Неаполе в 1810 г. В аналогичном французском обществе так называемые «шарбон-нери» («*charbonnerie*») «подмастерья», проходили инициацию в обстановке пародийного суда над Христом и посвящали себя Вере, Надежде и Милосердию.

Другой группой, логи которой существовали повсюду, а штаб-квартира находилась в Турине, была основанная Буонаротти «Лига верховных и совершенных мастеров». Существовало и греческое общество «Филики Этерия», связывавшее сторонников греческого дела в разных балканских городах. Некоторые контрреволюционеры саму Французскую революцию объясняли заговором, масонским по происхождению; антисемитизм, в различных формах всегда существовавший в Европе, также породил ряд теорий заговора, будораживших умы на протяжении столетий. В России отмечался явный поворот к революционной конспирации. После смерти Александра I в декабре 1825 г. возникло замешательство, связанное с вопросом о престолонаследии. Пока на протяжении трех недель престол оставался свободным, в Петербурге взбунтовались армейские полки, потребовавшие созыва национального собрания. Когда Николай I, младший брат Александра, согласно воле своего отца вступил на престол, восстание так называемых декабристов было подавлено с большой жестокостью. Пятеро его вождей были казнены, а 120 участников — сосланы в Сибирь*. Призрак революции постоянно преследовал нового царя (кстати, в самой

* В Сибирь было сослано в общей сложности 87 участников восстания. Свыше 120 человек были наказаны без суда, по личному распоряжению Николая I: заключены в крепость, разжалованы в солдаты, переведены в действующую армию на Кавказ, отданы под надзор полиции. — *Примеч. пер.*

68 ГЛАВА 2

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 69

Российской империи титул «царь» официально не использовался) на протяжении всей его жизни. Франция также оставалась центром политического конфликта. Впрочем, Бурбонам — дважды восстановленному на троне Людовику XVIII и его реакционному брату Карлу X (бывшему графу д'Артуа, унаследовавшему престол в 1824 г.) — приходилось оглядываться не столько на «движение», сколько на двусмысленную, но ограничивавшую их власть Конституционную хартию, составленную в 1814 г. комитетом из бывших министров, сенаторов и депутатов времен Империи — она гарантировала перераспределение земли времен Революции, сохраняла наполеоновскую административную и образовательную систему и обеспечивала парламентское правление. Лишь преамбула, гласившая, что Хартия была монаршим «даром Франции», недвусмысленно принадлежала «Старому порядку». Хотя избирательное право было в 1822 г. резко ограничено — на выборах в парламент голосовали только 100 тыс. избирателей при населении в 29 млн — Карл X, пытаясь обойти условия Хартии, сам сделал первые шаги, которые привели к его падению. Французскую оппозицию, как организованную в маленькие тайные группы, так и выступившую открыто в газетах и в Обществе друзей свободы печати, невозможно было ни подавить, ни тем более сокрушить.

Нельзя было сделать это и в Испании, где Фердинанд VII Бурбон пытался идти по стопам своего дяди, короля Обеих Сицилии Фернандо I, и стремился при помощи роялистского, или «белого», террора безжалостно расправиться с «либерализмом». Один из первых министров Фернандо I однажды сказал,

что «главным слугой Короны должен быть палач». Однако король Обеих Сицилии не имел в своем распоряжении достаточно палачей, чтобы поддерживать нерушимый порядок, и за его смертью в 1825 г. последовали гражданские волнения. Полная победа над «либерализмом» оказалась тем более невозможна в Португалии, где старший сын короля Иоанна, Иоанн VI, вернувшись из Бразилии, поклялся следовать принятой в 1820 г. либеральной конституции и столкнулся с абсолютистским восстанием в 1824 г., вспыхнувшим после того, как Бразилия провозгласила в 1822 г. свою полную независимость под властью императора Педро, старшего сына Иоанна (VI). Моментально разразилась гражданская война. Последовали бурные противоречивые события — среди них возвращение из Бразилии в 1831 г. Педро, выступившего против своего брата — сторонника абсолютизма Мигуэля. Но в итоге дочь Иоанна Мария II, занявшая престол в 1834 г., одержала в 1847 г. при поддержке либералов окончательную победу.

На протяжении 1820-х гг. судьба свободы была поставлена на карту не только в Испании и Португалии, но и на востоке Европы, где она часто будет под угрозой и в будущем. И вновь появились во взаимоотношениях между Британией и четырьмя другими великими державами трещины. Возникли новые дипломатические осложнения, в том числе временная изоляция Австрии. После 1815 г. разразились два восстания против довольно слабой имперской власти османской Турции. Первое произошло в Сербии, где за власть боролись два враждующих рода — Карагеоргиевичи и Обреновичи. Милош Обренович, хитрый, жестокий и неграмотный, объявил себя наследственным правителем в 1817 г., а в 1830 г. закрепил сербскую автономию от Османской империи. За пределами Балкан его успех привлек сравнительно небольшое внимание. Напротив, движение за независимость Греции приковало к себе не меньшее внимание Европы, чем гражданская война в Испании в тридцатых годах XX века.

В 1821 г. греческие повстанцы с обманчивой легкостью и быстротой вырвали из рук турок древний Пелопоннес. Турки немедленно ответили жестокими репрессиями против греков как в Малой Азии, так и на средиземноморских островах. Греческий патриарх и три архиепископа были повешены в своих церковных одеяниях в Константинополе, главном центре Греческой православной церкви, и около 30 тыс. человек были убиты или обращены в рабство на населенном преимущественно греками острове Хиос, недалеко от турецкого побережья. Это было началом долгой борьбы, продолжавшейся почти все двадцатые годы. Помня об американской конституции, греки в 1822 г. собрались в Эпидавре, чтобы составить свою собственную. Греческое движение пользовалось огромной общественной поддержкой во всех странах среди «филэллин» — писателей, поэтов, политиков и правителей, вроде Людвига Баварского, отправившего им на помощь армейскую бригаду. Филэллинские симпатии были даже у Карла X.

Вожди романтического движения нашли своего героя в лорде Байроне, «ярчайшем гении» Англии и «благороднейшем друге Греции», и с энтузиазмом бросились на защиту того, что представлялось им величайшим делом. (Одного британского филэллина, полковника, затем герцога Стэнхоупа, Байрон назвал «полковником-типографом», так как тот передал грекам не только оружие, но и печатный станок.) Байрон умер в Греции от лихорадки в 1824 г. Несмотря на столь сильную европейскую поддержку, грекам в 1827 г., казалось, грозило полное поражение. Тогда, в момент осады Афин, они избрали президентом на семь лет Каподистрию, одного из советников Александра I на Венском конгрессе.

70 ГЛАВА 2

Даже если бы у власти был не Меттерних, Австрия и Россия все равно не смогли бы избежать разногласий по греческому вопросу. Различие их интересов и взглядов на любые восточноевропейские проблемы сохранится, пусть порой и забытым на время, вплоть до XX в. На протяжении двадцатых годов XIX в. русские правители не из любви к классической античности или греческому либерализму, а в силу своей приверженности православной церкви поддерживали греческих повстанцев, во всех остальных случаях выступали за совместные действия европейских правительств против любых бунтарей. Меттерних же, считая, что греческие повстанцы ничем не отличаются от повстанцев в Неаполе и Испании, был полон решимости предупредить любые действия союзных государств в их защиту.

Ударом для Меттерниха стало заключение Николаем I в апреле 1826 г. соглашения с Британией с целью посредничества между воюющими сторонами и провозглашения автономной Греции под номинальной властью Османской империи. В июле 1827 г. к соглашению присоединилась Франция, создав тем самым интересный — хотя и временный — союз великих держав, которые вновь окажутся вместе в 1914 г., в начале первой мировой войны. Кульминация этой фазы относится к октябрю 1827 г., когда британский адмирал уничтожил турецкий флот под Наварином — это была величайшая морская катастрофа Турции со времен битвы при Лепанто в 1571 г.

Тем не менее на протяжении всего XIX в. казалось, что передел или распад Османской империи был не в британских интересах (хотя Карл X мечтал принять участие в этом); герцог Веллингтон, премьер-министр с 1828 г., преемник умершего в 1827 г. Каннинга, даже извинился перед султаном как «старым союзником». Когда русские, наступая по суше, дошли в августе 1829 г. до Адрианополя (они никогда не бывали так близко от Константинополя), казалось, что британские страхи оправдались. Однако тут Николай остановился, он не хотел уничтожать Османскую империю, предпочитая сохранять ее слабой и бессильной. По Адрианопольскому миру Россия получала от турок возмещение убытков и обещание не ущемлять права христиан, защитницей которых являлась. Согласно позднему Лондонскому соглашению, подписанному Британией и Францией, Греция обретала не только автономию, но и независимость. Она должна была стать королевством, а не республикой, однако лишь после долгих переговоров и рассмотрения различных кандидатур на греческий трон возшел Отто, сын баварского короля-филлелина. Значение греческого восстания лежит не только в сфере дипломатии. Меттерних оказался, пусть на время, в изоляции, а Британия

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 71

и Франция (по разным причинам и не в последний раз) обнаружили особый интерес к тому, что происходит в Константинополе. Намного более важно, однако, то, что греческое восстание пользовалось широкой народной поддержкой, в том числе со стороны крестьянства, то есть тем, чего более всего боялся Меттерних. Оно завершилось признанием новой страны, занявшей свое место на карте не просто как государство, но как государство национальное. То обстоятельство, что в 1833 г. новое государство получило своего династического правителя, не ослабило масштаба перемен в смысле их воздействия на положение в Европе, хотя осложнило греческую политическую жизнь во второй половине XIX-XX вв. Европа будет идти вперед, а не стоять на месте или, как надеялись некоторые, двигаться вспять.

Политиком, лучше всего понимавшим это, был Каннинг. Хотя Каннинг способствовал эмансипации британских католиков (дарование им гражданских прав, что долгое время считалось сомнительной мерой), он, подобно своему предшественнику Каслри, был консерватором. Тем не менее он понимал, что Европа и мир должны измениться. «Каннинг парит, — жаловался Меттерних. — Я хожу. Он поднимается в области, не заселенные людьми. Я держусь на уровне людских вещей». (Каннинг назвал Меттерниха «величайшим мошенником и лгуном на континенте, а возможно, во всем цивилизованном мире».) Меттерних ошибался в своем ощущении, что Каннинг потерял связь с действительностью. Будучи членом парламента от Ливерпуля, его британский оппонент постоянно соприкасался со сложными вопросами британской торговли и во все большей степени обеспечивавшей ее промышленности. Он не желал подчинять британские интересы страхам правителей консервативных держав. «Каждая страна за себя, и Бог за всех», — было одним из его девизов. И в отличие от Каслри, ему пришлось заниматься делами не только на континенте, но и за пределами Европы.

Испанские колонии в Южной Америке восстали против Мадрида в эпоху революционных и наполеоновских потрясений, а в 1812— 1830 гг. там с перерывами бушевали гражданские войны. Перед тем как увлечься Грецией, Байрон проявил свое сочувствие делу их освобождения. В этой борьбе были свои драматические события, например переход Симона Боливара, «Освободителя», через Анды для создания республики Венесуэлы в 1819 г. — в год «Питерлоо». Соответственно, было важно, что в 1825-1826 годах Каннинг не колебался в своей полной поддержке повстанцев, призывая в одной из своих знаменитых фраз «Новый Свет к существованию», чтобы «восстановить равновесие в Старом».

L

72 ГЛАВА 2

Это был как бы 1776 год наоборот, и Каннинг завоевал в Латинской Америке огромную популярность за свою позицию, разделявшуюся многими англичанами. Однако мечты Боливара о союзе народов потерпели крушение к 1830 г., когда он умер, непопулярный и многими проклинаемый. Утверждают, что, потеряв власть, он сказал: «Кто сеет революцию, тот вспахивает море».

Революции 1830 года: вызов *status quo*

Никто не произносил столь ярких афоризмов в 1830 г., когда Европу захлестнула революционная волна. Впрочем, французский драматург и поэт Виктор Гюго, чье политическое наследие было не

менее богато, чем у Вольтера, нашел подходящую и необычно краткую формулировку, когда назвал Французскую революцию 1830 г. «революцией, остановленной на полпути». Впрочем, в 1830 г. во Франции вообще не случилось бы никакой революции, если бы не желание Карла X сделать свой режим еще более авторитарным, чем он был. Поддержанный крайне правыми политиками, он накликнул беду, когда в августе 1829 г. попросил одного из них — графа де Полиньяка, служившего французским послом в Лондоне, стать премьер-министром. Полиньяк был одним из двух членов Палаты, отказавшихся присягнуть Хартии 1814 г. Результатом королевского «переворота» стало открытое противостояние. «На одной стороне — двор», писала парижская газета, «на другой стороне — нация». Это была новая газета «Globe», принадлежавшая Луи Адольфу Тьеру, молодому либеральному политику (а впоследствии историку и душителью революции), пользовавшемуся поддержкой — или покровительством — Талейрана. Карл X был свергнут в результате не самой кровопролитной Июльской революции в Париже, возглавленной в основном недовольной буржуазией и поддержанной толпами рабочих, готовых, если надо, пойти на баррикады. Результатом, однако, стала не новая революционная республика, а конституционная монархия во главе с новым правителем Луи Филиппом, названным не «королем Франции», а «королем французов». Одновременно была пересмотрена Хартия 1814 г., открыто рассматривавшаяся теперь как договор между Королем и Народом.

Луи Филипп был сыном Филиппа Эгалите («Филипп Равенство»), выступившего против Людовика XVI, но потом также гильотинированного. Молодым человеком Луи Филипп в 1792 г. сражался при Вальми, защищая Революцию. В критический момент Июльской ре-

волюции он выступил с той же платформой, что и Лафайет, которого некоторые революционеры хотели сделать президентом. Между событиями двух революций много исторических параллелей, хотя эти параллели не только будили воспоминания, но и вызывали противоречивые чувства. Было восстановлено празднование дня взятия Бастилии и трехцветный флаг, но на фригийские колпаки наложили запрет. В 1830-1831 гг. начали сажать деревья свободы, но потом это было запрещено по распоряжению первого консервативного премьер-министра.

Прямые последствия революции были за пределами Франции более значительны, чем в самой стране, и они могли бы стать ошеломительными, если бы Луи Филипп захотел возглавить революционные силы Европы. Он этого не сделал. В результате события в отдельных странах развивались по-разному. В Австрии и Пруссии все было спокойно — по финансовым причинам Австрия не могла вмешаться во французские события, — однако в Брауншвейге произошло кровавое выступление и был сожжен герцогский дворец. (Название Браун-швейг тоже пробуждало во Франции исторические воспоминания.) «Пятнадцать лет казалось, будто вечная творческая сила всемирной истории парализована», — писал много лет спустя один немецкий либерал.

«Затем же хватило трех дней, чтобы низвергнуть один трон и заставить дрожать все остальные». Первым задрожал трон в Голландии. В августе 1830 г. в Брюсселе после демонстрации, последовавшей за оперным спектаклем с антиавторитарным содержанием, началось восстание. (В XIX в. опера часто служила политическим целям.) Временное бельгийское правительство потребовало независимости, и голландский король Вильгельм I, настаивавший на признании голландского языка официальным во всем королевстве, не смог восстановить свою власть. Казалось, что Священный союз рушился. «Смелые горячие надежды» расцвели, «как деревья с золотыми плодами», писал юный немецкий поэт-романтик Генрих Гейне, еврей, оказавшийся в 1831 г. в эмиграции в Париже. Ксгда несколькими годами ранее он, будучи почитателем Каннинга, посетил «материалистическую» Англию, его ждало разочарование. «Не посылайте поэта в Англию», — советовал он Для Гейне именно Париж оказался «новым Иерусалимом», а река Рейн — Иорданом, «отделяющим землю свободы от страны филистимлян».

Тем не менее гейневские «золотые плоды» уже расцветали в Германии — еще до того, как он ее покинул: в некоторых германских государствах, в том числе в Саксонии, Ганновере и Гессен-Касселе, были приняты либеральные конституции, а в мае 1832 г. более 20 тыс. чело-

век со всех концов страны провели в пфальцграфстве Гамбах национальное празднество, на котором был вывешен трехцветный флаг. Провозглашались тосты за народный суверенитет и братство народов. Годом ранее трехцветное знамя развевалось даже в Бирмингеме. Британия в то время переживала длительный политический и конституционный кризис, связанный с принятием билля о парламентской реформе, распространявшего избирательное право на значительные слои среднего класса. Вигский премьер-министр граф Грей, пришедший в 1830 г. на смену Веллингтону, справедливо полагал, что для ослабления народного давления снизу политическим

верхам следует пойти на уступки. Увеличив число избирателей почти наполовину, парламентский акт должен был сделать «средние классы общества» элементом политического устройства. Яростные, пусть и менее успешные, битвы за политические и конституционные перемены продолжались повсюду, но чаще завершались репрессиями, а не реформами. Еще до подавления германских демонстраций в 1832 и 1833 гг. — тогда Меттерниху удалось заставить германский союзный сейм провести так называемые «шесть постановлений», запрещавших политические собрания и народные митинги, — закончилась катастрофой революция в Польше. Поляки восстали против русских в ноябре 1830 г., однако польская знать не приняла никаких мер, чтобы завоевать поддержку крестьян. Когда в сентябре 1831 г. русские смогли вновь овладеть Варшавой, расправа была незамедлительной. Указ 1833 г. объявлял в Польше военное положение: узаконивались смертная казнь и тюремное заключение для тысяч польских патриотов, конфискация земельных владений, закрытие университетов и военное управление Варшавой. Эмигрировали около 10 тыс. поляков, основная их часть — во Францию. Некоторые отправились в США — позднее на протяжении XIX в. этим путем последуют тысячи их соотечественников. То обстоятельство, что Бельгия смогла завоевать независимость, а польское движение было подавлено, что англичанам удалось в 1832 г. провести через парламент Акт о реформе, а германские государства были вынуждены без возражений принимать решения Союзного сейма, было знаком все более острого и теперь очевидного разделения между востоком и западом Европы. Бельгийский конфликт не завершился Лондонским договором, которым в декабре 1830 г. Бельгии гарантировалась независимость, а месяцем позднее — нейтралитет. (С французской стороны договор был подписан Талейраном, с британской — лордом Палмерстоном, бывшим при Каннинге министром иностранных дел.) В дальнейших дискуссиях о том, кому быть

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 75

королем и где должны пройти границы, Британия и Франция сблизили свои позиции, выступая как «либеральные державы» против «консервативных» Австрии, Пруссии и России — так называемых «северных дворов».

Согласно терминологии Священного союза Луи Филипп был никем иным, как «королем баррикад». Впрочем, так не думал Палмерстон — человек, долгие годы (с перерывами) служивший британским министром иностранных дел. Он приветствовал тот факт, что Луи Филипп предпочел сближение с Британией широкой поддержке других европейских революций, чего требовали некоторые его сторонники. Король французов даже отказался от мысли посадить на бельгийский престол своего сына герцога де Немура и согласился с кандидатурой Леопольда Саксен-Кобургского, дяди британской королевы Виктории, которая взойдет на престол в 1837 г. Когда голландский король выступил против нового устройства Бельгии, французская армия и британский флот объединились, чтобы заставить его признать перемены. Новая бельгийская конституция — Леопольд в ней был назван «Королем бельгийцев» — сформировала новую либеральную модель, еще более современную, чем американская. Ее будут широко изучать. Король Леопольд правил до 1865 г.

Французы также сотрудничали с британцами в Португалии и Испании, где в 1834 г. было подписано Четверное соглашение, которое Меттерних, стремившийся внести раскол между ними, пытался лишить его идеологического значения. В 1833 г. в Египте они поддерживали примирение между султаном и Мехмедом-Али, умным и тщеславным бунтарем, албанцем по происхождению, бывшим *de facto* правителем Египта. И вновь их интерес был не идеологическим — он был связан не с напряженными попытками Мехмеда-Али реформировать египетскую политику и администрацию, а с дипломатическими и военными последствиями его просвещенно!!

деятельности для Константинополя. Главной проблемой была роль России. Совместные усилия Британии и Франции по защите султана от притязаний русского царя были не более успешными, чем их действия в поддержку независимости Польши. По Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г. Россия получила согласие Турции закрыть стратегически важный Дарданелльский пролив для всех иностранных судов. В том же году Николай I назвал Меттерниха своим «руководителем», а Меттерних заявил, что Россия не имеет агрессивных намерений в отношении Османской империи. Когда в 1839 г. последовал новый кризис, вызванный вторжением Мехмеда-Али в Сирию, Британия и Франция заняли различные позиции, и сам Палмерстон сотрудничал с Меттер-

76 ГЛАВА 2

нихом, чтобы заключить в 1841 г. конвенцию о проливах, являвшуюся пересмотром Ункяр-Искелесийского договора и имевшую следствием изоляцию Франции.

Между тем Россия объединилась с Австрией и Турцией в проведении репрессивной политики в Восточной Европе, Германии и Италии. После того как германский сейм принял «шесть

постановлений», были созданы совместные комиссии, чтобы следить за любой подрывной деятельностью и разрешать конституционные споры. Николай I совместно с правителями Австрии и Пруссии подписал конвенцию в Мюнхенграце (октябрь 1833 г.), признававшую право любого монарха, которому грозило восстание подданных, призвать на помощь (как в Священном союзе образца 1815 г.) Австрию, Пруссию и Россию. «Пока существует союз трех монархов», сказал Меттерних, «у мира есть надежда на безопасность». С тех пор вплоть до сороковых годов неизменная решимость Меттерниха поддерживать «безопасность» была сильнее любого стремления британского или французского правительства поддержать либеральные режимы. Главный интерес Палмерстона к тому же состоял не в изменении европейского баланса сил, а в сохранении наиболее эффективного «равновесия».

В Италии, после того как проавстрийские правители были в результате почти не согласованных действий патриотов в 1831 г. изгнаны из Модены и Пармы, а в Болонье и Папской области были созданы временные правительства, оставившие под властью папы лишь Лацио, австрийская армия сумела без особых трудностей восстановить «порядок». Луи Филипп отправил «наблюдательную армию» в Анкону, где она находилась вплоть до 1838 г., но не играла никакой роли в дальнейшем развитии событий.

Нация и класс

Более интересное событие произошло в 1831 г., когда Джузеппе Мадзини, родившийся в 1805 г. — в год Аустерлица и Трафальгара, — основал на французской земле в Марселе общество «Молодая Италия». Мадзини, убежденный сторонник национальной идеи, которую считал либерально-освободительной общеевропейской силой, испытал влияние различных писателей, но всегда руководствовался собственными воззрениями. Вокруг него собралось более 60 тыс. итальянцев, все моложе 40 лет. Позднее он приступил к воплощению еще более амбициозного, но связанного с предыдущим замысла создания «Молодой Европы».

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 77

Время покажет, что Мадзини не был ни эффективным, ни реалистичным политиком: он не считался ни с силой альтернативных идеологий, ни с местной ограниченностью и апатией, очень сильными в Италии как в 1830 г., так и позднее; он чаще жертвовал друзьями, чем обращал в свою веру врагов. Тем не менее, устраивая небольшие, но громкие предприятия, нередко завершавшиеся фиаско, как, например, переход из Швейцарии в Савойю в 1834 г., он заставлял всех постоянно ощущать свое присутствие. Его идеология либерального национализма заслуживает особого внимания — в политическом спектре она прямо противостояла меттерниховской идее «всеобщей безопасности». Эту идеологию следует также четко отделять от националистических идей, нацеленных на агрессию и пробуждение воли к господству. Для Мадзини различные национальные идеи дополняли, а не соперничали друг с другом. Однако и с концепцией «национальной миссии» Мадзини все обстояло не так просто. Он не верил в ирландский национализм и оставался холоден к любым версиям национализма, отличным от его собственной. После прочтения сочинений польского поэта-изгнанника Адама Мицкевича, жившего во Франции, но всегда считавшего, что Польша — «Христос народов» — должна видеть свою миссию в искуплении своим страданием грехов всех народов Европы, Мадзини продолжал отдавать Италии «первенство» в деле перестройки Европы: «Судьба Италии — это судьба мира», «слово Божье меж народами». С этим были согласны далеко не все французские националисты. Что бы ни говорил Луи Филипп и его министры о границах французской внешней политики, многие французы (и при этом не всегда бонапартисты) верили, что именно на Францию возложен особый долг — быть «штурманом корабля человечества». Никто не верил в это сильнее, чем Виктор Гюго.

В Германии национализм принял иное обличье. Он был связан с верой в «народ» (*Volk*), понятие, совершенно отличное по этимологии и семантике от считавшихся тогда синонимами французских *«peuple»* и *«nation»* (и их итальянских и испанских аналогов). И.Г. Гердер, первый немецкий философ национализма, скончавшийся в 1803 г., мыслил в категориях не национальной мощи, а национальных культур, основанных на едином языке. Национализм, верил он, привлечет молодых людей, ищущих «единства духа». Как постепенно выяснилось, национализм привлекал скорее простодушную молодежь, чем умудренное старшее поколение, привлекал их сердца в не меньшей мере, чем сознание. По мере развития германского национализма, слово «разум» стало подозрительным. Считалось, что молодое поколение.

возможно, уже увидит Германию, которая из географического понятия (как мыслил ее Меттерних)

или скопления исторически сложившихся образований и привязанностей (как считал Фридрих Вильгельм III) превратится в подлинное национальное государство.

Было неясно, где пройдут границы этого государства. Фридрих Людвиг Ян, призвавший послевоенное молодое поколение выбрать для новой Германии черно-желто-красный флаг, думал, что государство должно быть большим — включить Швейцарию, Нидерланды и Данию — и иметь новую столицу, Тевтонию. В этом он был не одинок. Другие были готовы включить в новое государство все габсбургские земли. Пророки могли обойти этот вопрос: Генрих Лаубе предсказывал в первой части своей «Молодой Европы» (*«Das Junge Europa»*, 1833) конец национальностей и появление новой всеевропейской республики. Он изменил свое мнение, когда в 1838 г. взялся за вторую часть своего труда. Теперь на первом месте стояла Германия.

Национализм возник в первые послевоенные годы, когда различия между разными видами «движений» еще не были ясно обозначены. Однако со временем, особенно после того как все более широко стало использоваться слово «класс», мышление в национальных и классовых категориях стало вытеснять старый язык рангов, чинов и сословий. Однако не сразу и не повсеместно. После 1815 г. в Пруссии и еще раньше в некоторых малых германских государствах было восстановлено сословное представительство. Почти по всей Германии власть оставалась в руках знати, представлявшей, как и во Франции до 1789 г., высшее сословие. Между нею и купеческими «средними классами» существовал разрыв, особенно сильный, например, в Рейнской области. В Германии и Италии, как и во Франции, слова «буржуа» и «буржуазия» имели долгую историю, связанную со средневековыми городами. В немецком языке, впрочем, *«burgerlich»* означает одновременно и «буржуазный», и «гражданский» — таким образом, не делалось различий между буржуазным и гражданским обществом. Это нередко приводило к путанице — и тогда, и в конце XX в., когда термин «гражданское общество» вновь стал использоваться в политических спорах.

Подобные термины гораздо реже использовались в Британии, где и во внутренней, и во внешней политике преобладал прагматизм. Но именно в Британии возник новый класс предпринимателей-работодателей, гордый своей энергией и стремлением к новшествам, ищущий прибыли, а не феодалов или ренты. Именно об этом классе больше всего думали Маркс и Энгельс, когда в эмиграции вглядывались в революционное будущее. Незабываемым языком они изложили свои пророчества в «Коммунистическом манифесте», написанном за шесть недель и опубликованном в Лондоне в 1848 г. На титульном листе этого написанного Марксом документа (Энгельс предоставлял факты, деньги и идеи) были помещены слова, которым суждено было стать знаменитыми: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Впоследствии (и намного более систематически) они заявляли, что к прошлому, настоящему и будущему можно подойти «научно» — как и к самой революции. Основываясь на фактах и идеях, позаимствованных из немецкой философской диалектики Гегеля, из французских исторических сочинений о «классовой борьбе» и английской политической экономии, особенно из трудовой теории стоимости Давида Рикардо, они разработали новую всеобъемлющую теорию.

Классы развиваются благодаря движению и в большей степени экономическим, чем политическим переменам, и их самосознание, зачастую размытое на краях, определяется не законами и не обычаями. Оно находило выражение в общем опыте, в различных «союзах» и конфликтах. Впрочем, делать вслед за Марксом и Энгельсом обобщения о «классах», даже о «правлящих классах», обычно с подозрением относившихся к любым формам общественных движений, опаснее, чем о бюрократии — независимо от того, кто находился у власти. Пристальный взгляд на формировавшийся в те годы рабочий класс и «буржуазию» фокусирует внимание на различиях по роду занятий и месту жительства в рамках каждого класса в не меньшей мере, чем на зарождающейся и естественной классовой солидарности. В континентальной Европе «буржуазия» маленьких городков, сильная и нередко традиционалистская, могла вполне комфортно чувствовать себя в своем местном обществе, зачастую четко отделенном от новых промышленных городов; ее представители не были сколь-нибудь заметно вовлечены в какое-либо политическое движение.

На другом уровне находились владельцы магазинов (в том числе обслуживавших аристократию), купцы (порой очень обеспеченные), промышленники (все еще немногочисленные, но иногда богатые) и банкиры, крупнейшие из которых составляли амбициозную «крупную буржуазию» (*«haute bourgeoisie»*), имевшую возможность, подобно Ротшильдам, использовать сеть международных связей. Основатель «Дома» Майер Ансельм Ротшильд, родившийся во

Франкфурте в 1743 г., основал филиалы банка в континентальной Европе и Англии, Один из его сыновей обосновался в Неаполе. Глава венской ветви Соломон находился в хороших отношениях с Меттернихом. Меттерних хорошо знал, что Ротшильды были еще менее привержены тем или иным принципам, чем юристы и «интеллектуалы».

80 ГЛАВА 2

Британские студенты университетов, в отличие от европейских, обычно оставались в стороне от политических движений. В континентальной Европе студенты были голосом нового поколения. Этим голосом были и поэты, которые во Франции и Германии, возможно, выступали большими сторонниками «движения», чем учредители железнодорожных обществ. Альфонс Мари Луи де Ламартин, сыгравший ключевую роль во Французской революции 1848 г., одиннадцатью годами ранее писал другу, что «единственный путь к власти» состоит в том, чтобы «связать себя с самим духом победоносного движения в то мгновение, когда никто не сможет возразить Вам».

Определить, какое движение правильное, было, по мнению молодого Маркса, возможно, важнейшим из всех решений, которые следовало принять революционерам.

Только в Британии, Бельгии и отдельных областях Германии и Австрии число промышленных работников, занятых в шахтах, мастерских, на заводах и фабриках, было в тридцатые—сороковые годы достаточно велико, чтобы они имели политический вес, но даже там их «сила» была в основном сосредоточена в промышленных районах. В большинстве стран ведущей формой работы в промышленности оставался не машинный, а ручной труд, и на протяжении сороковых годов во Франции, Германии и Австрии всегда находились ремесленники и работники мануфактур, уничтожавшие, как поколением раньше британские луддиты, машины, которые, как им казалось, лишали их работы. Несмотря на урбанизацию, в аграрном секторе было занято больше людей, чем в городах, и даже в Британии городское население превысило сельское лишь в 1851 г.

Тем не менее для того чтобы буржуазия заявила о своих претензиях по отношению к аристократам, а в городах начали развиваться социалистические идеи, вовсе не требовалось индустриализации, находившейся еще на невысоком уровне даже в Британии. «Труд пришел прежде, чем капитал оказался готов к этому». В самой Франции, где промышленный прогресс после 1815 г. шел относительно медленно, активно распространялись социалистические идеи, зачастую пропагандировавшиеся интеллектуалами, знавшими библиотечные фонды куда лучше, чем устройство фабрик. И действительно, слово «социализм» в его современном смысле было изобретено во Франции.

Взгляды социалистов, большинство которых Маркс считал «утопистами», заметно разнились.

Христианские социалисты видели в Иисусе первого санкюлота. Луи Блан, опубликовавший в 1839 г. свою «Организацию труда» (*L'Organisation du Travail*), верил в эф-

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 81

фективное использование мощи государства для контроля за рынком. Шарль Фурье и его ученики живописали создание социалистических коммун — «фаланстеров». Сходных взглядов придерживался британский кооператор Роберт Оуэн, использовавший, однако, другой, менее причудливый язык.

Сен-Симон и его последователи, которые наряду со словом «классы» в двадцатых годах использовали понятие «массы», указывая тем самым на будущий общественный порядок, верили в необходимость индустриализации. Общество прошлого было насквозь милитаризованным, воинов в нем поддерживали священники. Основой общества будущего станет промышленное предприятие, а не сила или благоговение. По мере развития взглядов Сен-Симона они оказывали большое влияние на мыслителей как в самой Франции, так и за ее пределами. Повсюду находил последователей основатель «позитивизма» Огюст Конт, считавший, что «непосредственной целью политической науки, как и других позитивных наук», должно быть «определение будущего». Маркс также видел своей задачей не «попытку претворить в жизнь ту или иную утопию», а «сознательное участие в историческом процессе, меняющем общество на наших глазах».

Факты и «измы»

Между 1830 и 1848 гг. в обществе все больше верили в существование определенной «системы» либо дополняющих друг друга или же конкурирующих «систем», хотя находились мыслители и писатели, подобные социалисту Пьеру Жозефу Прудону, не верившему ни в какие догмы, или датскому христианскому философу Серену Кьеркегору, противившемуся любым системам. Многие системы определялись как «измы» не их сторонниками, а противниками. «Романтизм», «капитализм», «социализм», «утопизм», «либерализм» и «позитивизм» — вот шесть основных примеров. Большинство приверженцев каждой системы смотрели в будущее, подобно последнему

из философов-просветителей XVIII в. маркизу де Кондорсе. Веря в возможность совершенствования человека, тот предложил читателям опубликованного в 1795 г. (посмертно) «Очерка исторической картины прогресса человеческого разума» взгляд на человечество, освобожденное от оков и тирании судьбы. Но путь самого Кондорсе оказался иным. В период террора он был арестован якобинцами и, завершив книгу, умер в тюрьме, возможно, покончив с собой прежде чем быть отправленным на гильотину.

82 ГЛАВА 2

Сен-Симон, создавший новую «Энциклопедию», соглашался с Кондорсе, видя золотой век в будущем, а не в прошлом. Маркс также предсказал возникновение «бесклассового общества» и отмирание государства после победы пролетариата в классовой войне. Французский либеральный католик аббат де Ламенне ставил церковь выше государства и в 1832 г. мечтал обратиться к папе в либеральный католицизм. Его журнал под названием «Будущее» (*«L'Avenir»*) и памфлеты, в которых подчеркивалась необходимость бескорыстия и справедливости, были очень популярны. На политическое развитие того времени и в сороковые годы оказывали влияние далеко идущие структурные перемены — рост городов, индустриализация и прежде всего новые формы коммуникации. «Железнодорожный век» начался в 1830 г., когда была открыта линия между Манчестером и Ливерпулем (на открытии присутствовал Веллингтон). К 1838 г., когда первая железная дорога появилась в России, в Британии имелось почти 500 миль железных дорог. С самого начала они были символом движения и скорости, воздействуя на воображение еще сильнее, чем паровой двигатель на локомотив. Но железные дороги были больше, чем просто символом. Они снизили транспортные расходы, открыли рынки и породили беспрецедентный спрос на уголь и сталь. По железным дорогам перемещались товары и идеи; последние будут распространяться и посредством другого изобретения — телеграфа. Малые государства выигрывали от железных дорог не меньше, чем страны с огромными пространствами. В середине 1830-х годов Бельгия опережала Британию в области «железнодорожной политики», и линия от Брюсселя до Малина в первый год обслужила больше пассажиров, чем все железные дороги Британии, вместе взятые.

Упрощению перемещения грузов через таможенные барьеры и росту объема торговли способствовало создание в 1828 г. по инициативе Пруссии (а не Австрии) Таможенного союза (*«Zollverein»*), основанного на прусском тарифе 1818 г. Вскоре Таможенный союз стал вызывать озабоченность Меттерниха, рассматривавшего его как «государство в государстве», но вместе с тем понимавшего, что австрийская промышленность еще недостаточно развита, чтобы участвовать в нем. Таможенный союз последовательно расширялся и к 1834 г. уже включал 18 государств Центральной и Южной Германии с населением в 23 млн человек и общей площадью 112 тыс. кв. миль*. Политические выгоды от него для Пруссии были невелики, зато экономические преимущества для жителей страны существенны. Уничтожив внутренние

Около 290 тыс. кв. км. — *Примеч. пер.*

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 83

таможни, он расширил немецкие рынки и, защитив своих членов прусским тарифом 1818 г., ограничил импорт промышленных товаров из других стран Европы — пошлина на эти товары составляла 10% от стоимости. В конце тридцатых годов в британском парламенте высказывались опасения по поводу немецкой экономической конкуренции. Хотя первым администратором Таможенного союза был прусский почитатель Адама Смита, в целом в Пруссии преобладала протекционистская тенденция, выраженная Георгом Фридрихом Листом в его «Национальной системе политической экономии» (1844). В свое время Лист был эмигрантом в Америке, где британские фритредерские взгляды никогда не пользовались всеобщим одобрением.

Между 1815 и 1848 годами Америка различным образом принимала участие в европейской истории, в основном как символ движения и как конкретное место, куда переезжали конкретные люди. Именно люди, а не правительства определяли пути заморской эмиграции, зачастую делая это из опасений перед собственными властями; каждый год в поисках счастья на новой земле огромное количество людей, нередко испытывая серьезные трудности, пересекало океан, при этом все большая часть их совершала это путешествие на пароходах. Эмиграция из одной лишь Британии возросла с 57 тыс. в 1830 г. до 90 тыс. в 1840 г. и 280 тыс. в 1850-м. Эмигрантов влекли за собой не только мечты. Тяготы ежедневной жизни в Европе в тридцатых — сороковых годах вынуждали некоторых из наиболее предприимчивых людей стремиться улучшить свое положение, и это стремление было чем-то большим, чем мечтой. «Теперь, отец, — писал в 1848 г. домой один британский эмигрант, достигнув Австралии, — я думаю, что это Земля Обетованная».

Многие уезжали из деревень, некоторые — из больших городов. К. 1848 г. население 47

европейских городов — 28 из них находилось в Британии — превысило 100 тыс. Даже являясь предметом гордости для местных жителей, все это создавало множество проблем. Шоковое впечатление в ту эпоху производил промышленный Манчестер, и каждый исследователь или критик общества, стремившийся увидеть, как развивается современный социум, считал необходимым побольше узнать об этом городе или, еще лучше, посетить его. Именно промышленные центры и растущие столицы привлекали основное внимание социальных мыслителей, а не деревни и поместья, хотя условия жизни там зачастую были не лучше.

Тяжелейшим из европейских бедствий стал Великий голод, поразивший Ирландию и обширные области Восточной Европы в середине сороковых годов. После этого голода ирландское население сократилось на одну треть. Это стало печальным напоминанием о том,

*4 2444

84 ГЛАВА 2

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 85

что слабым местом оптимистических построений Кондорсе был фактор давления населения на ресурсы. Не столько собственная судьба Кондорсе в Париже времен Французской революции, сколько критика его сочинения английским священником и политэкономом Томасом Мальтусом привела к тому, что его взгляды стали казаться неуместно оптимистичными. Труд Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», впервые опубликованный анонимно в 1798 г., многократно переиздавался в расширенном виде, начиная с 2-томного издания 1803 г., вышедшего под именем автора. Первый очерк в книге начинался с опровержения Кондорсе и английского социального философа Уильяма Годвина.

Продолжительное влияние взглядов Мальтуса, считавшего, что население всегда растет быстрее (в геометрической прогрессии), чем средства к существованию (растущие в арифметической прогрессии), выходило далеко за пределы антиреволюционных кругов. До 1750 г. население Европы росло так же медленно, как и в XVII веке. Однако начиная с 1750 г., когда число европейцев дошло до цифры между 120 и 140 млн, рост населения ускорился, и ко времени написания работы Мальтуса в Европе жили уже 180—190 млн человек. На протяжении XIX в. прирост стал еще более очевидным, хотя неравномерным; причем население Франции, чего никто не предвидел, увеличивалось медленнее, чем в любой другой европейской стране. Голод не оказывал влияния на этот процесс. Не воздействовал на него и другой мальтузианский фактор — «моральное ограничение». Демографы ищут другие объяснения, изучая возраст вступления в брак, размер семьи и, прежде всего, структуру питания, влиявшую на коэффициент смертности. С начала XIX в. данные демографических изменений начали собирать, устраивая раз в десять лет переписи населения, — здесь лидировала Швеция, приступившая к этому еще до начала столетия, тогда как первая британская перепись была проведена в 1801 году.

Необходимость сбора статистики (об этом слове «Британника» в 1797 г. писала как о «недавно заимствованном» из Германии) была очевидна повсеместно, в первую очередь в Британии и Франции. Статистические данные принимали как вид официальной статистики, изложенной в публикациях вроде знаменитых британских «голубых книг» (отчетов комиссий по обследованиям), так и обличье статистики неофициальной, собранной исследователями общественных отношений и добровольными обществами. Существовала не только статистика здравоохранения и населения — продолжавшего расти, несмотря на эмиграцию, и составившего к 1848 г. свыше 260 млн, то есть на 75 млн больше, чем в 1800 г., — но также статистика промышленного производства, торговли, грамотности и, не в последнюю очередь, преступности.

Особенно важна была медицинская статистика, так как именно на основе анализа посредством сравнительных коэффициентов смертности (уровня смертности в различных частях страны и даже в различных районах города) статистики, стремившиеся работать на благо общества, пришли к важному заключению, что проведение правильной социальной политики может стереть некоторые местные и региональные различия. Сталкиваясь не только с порождаемыми бедностью эндемическими болезнями, вроде тифа, но и с эпидемическими заболеваниями, в особенности холерой, поражавшими представителей всех классов (например, одного из премьер-министров Луи Филиппа), они смело бросали вызов Судьбе, сознательно стремясь повлиять на жизнь и смерть с помощью улучшения систем водоснабжения и канализации. Это было не мечтой, как в XVIII в., а реально выполнимым (в первую очередь с помощью инженеров, а не врачей) намерением.

Снабжение чистой водой — а ведь во многих частях Европы этого еще не удалось добиться — предшествовало массовому производству и распространению дешевого мыла.

Тем временем поток статистики рос ежегодно. Во Франции исследователи общества связывали состояние здоровья с жилищными условиями и жилищные условия с уровнем преступности.

Потребуется еще много десятилетий, чтобы добиться проведения государственной политики по улучшению жилищных условий. Консерваторы, верившие в семью и дом, одобряли этот курс в еще большей степени, чем радикалы. С жизненными проблемами — возведением ненадежных построек, перенаселенностью, нехваткой необходимых коммунальных удобств — справиться оказалось сложнее, чем принять коллективные меры по улучшению здравоохранения.

Канализация появилась раньше ваннх комнат. В 1829 году Луи Рил терме стал одним из основателей «Анналов общественной гигиены и судебной медицины» (*«Annales d'hygiene publique et de medicine legatee»*) — первого регулярного журнала, посвященного проблемам здравоохранения. «Проведение статистических исследований, — утверждалось в 1844 г. в десятом отчете Лондонского статистического общества, — уже продвинулось настолько далеко... что отныне является необходимостью и одной из наиболее благородных черт нашей эпохи». Не все исследователи общественных перемен доверяли статистике. Некоторые романисты и поэты считали, что социальные проблемы лучше отражаются в литературе, чем в статистических таблицах. Они предпочитали художественное исследование человеческого опы-

86 ГЛАВА 2

та. К счастью, среди статистиков были и те, кто мог творчески разрабатывать сложные вопросы социального анализа. Например, бельгийский статистик Адольф Кетле, страстно исследовавший «законы больших чисел», изучал категории вероятности, сводные показатели, коэффициенты изменений и, хорошо то или плохо, ввел понятие «среднего человека».

Некоторые из исследователей общественных отношений были в тридцатых — сороковых годах социалистами. Так, в Англии Эдвин Чэдвик, последний секретарь Бентама, в общественном сознании ассоциировала не только с реформой здравоохранения {первый британский Акт о здравоохранении был принят в 1848 г.), но и с проведением в 1834 г. нового, довольно противоречивого закона о бедняках, основанного на бентамовских постулатах. Споры о том, как обращаться с бедняками, велись и в других странах и часто бывали еще ожесточеннее. Они были привычными и в конце XVIII в. Закон 1834 г. стал, тем не менее, общеевропейской вехой. Его создатели считали, что, уничтожив все пособия для самостоятельно живущих бедняков и загнав их в «рабочные дома», можно заставить людей полагаться на собственные силы, сберечь общественные деньги и сделать попечение о бедняках, всецело зависевших от благотворительности, более систематичным. Условия жизни в рабочих домах сознательно делались хуже, чем при самых плохих формах альтернативной занятости. Неудивительно, что бедняки сравнивали рабочие дома с Бастилией, а свое собственное положение — с положением черных рабов.

Оппозиция Закону о бедняках 1834 г. сыграла главную роль в становлении чартизма — великого движения протеста, первого, по Марксу и Энгельсу, массового собственно рабочего движения в Европе. Другой составной частью нараставшего как снежный ком протеста было требование законодательного ограничения фабричного рабочего дня для женщин и детей, все еще составлявших основную массу рабочих, особенно в текстильной промышленности (последняя в промышленной гонке того времени казалась кроликом среди черепах). Существенное продвижение в области фабричной реформы было достигнуто в Британии в 1847 г., спустя год после отмены хлебных законов*.

Некоторые из противников хлебных законов выступали против реформы на тех основаниях, что, расширяя сферу действия фабричных

* Хлебные законы (*Com Laws*) — принятое в 1814 г. законодательство, устанавливавшее довольно высокую нижнюю границу ввозных цен на черно. От такого ограничения свободы торговли выигрывали сельскохозяйственные производители и проигрывали бедняки, вынужденные покупать хлеб по завышенным ценам. — *Примеч. пер.*

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 87

инспекторов, она представляла собой вторжение государства в промышленность. Такая расстановка политических сил была относительно новой. Новым был и интерес землевладельческой аристократии к положению городских бедняков, выраженный, например, в деятельности седьмого графа Шефтсбери, протестантского реформатора и вместе с тем видного тори. В Пруссии среди аристократии также были сильны патерналистские настроения, и в 1839 г. был принят (пусть и не полностью проведен в жизнь) фабричный закон, запрещающий труд детей младше 9 лет и ограничивавший рабочий день детей в возрасте от 9 до 16 лет.

Меры по улучшению здравоохранения, общественное вмешательство в деятельность фабрик и борьба с бедностью — серьезной проблемой во всех странах, как индустриальных, так и аграрных, — составляли «социальную политику», и для многих людей, не имевших избирательных прав, а также для некоторых из числа обладавших такими правами, именно эта политика имела значение. Британские чартисты, составившие свой основной документ, Хартию, в 1838 г., начали с фактов — фактов ограничения избирательных прав и плачевного «состояния Англии». Однако у них была и своя мечта, — мечта превратить британский парламент в «Народный парламент», основанный на ежегодном тайном голосовании всех мужчин, без какого-либо имущественного ценза. Если такая парламентская реформа будет осуществлена, считали они, ростбиф будет на столе у каждого.

Когда чартисты начали свою агитацию — в условиях суровой экономической депрессии, наиболее серьезного спада с начала промышленной революции, — в Британии уже было проведено первое мероприятие, направленное на реформирование парламентской системы. Это обеспечило чартистов одним из главных аргументов; «Мы только просим парламент, — говорили они, — даровать рабочему классу то, что было даровано вигами среднему классу Актом о реформе 1832 года». Однако ни виги, ни их оппонент Пиль, сын богатого производителя хлопка, принявший новшества 1832 г. и победивший на всеобщих выборах, проведенных по новому избирательному закону в 1841 г., совершенно не сочувствовали требованиям чартистов. Чартистам пришлось доказывать значение нового рабочего класса в британской жизни и его силу — для класса собственников это стало источником страха, — но чартисты редко, если вообще когда-либо, угрожали революцией. Многие из них верили в девиз «Мирно, если получится, силой, если придется», однако в чартистской политике почти не находилось места хорошо организованной физической силе. *Г*е получилось — вплоть до 1848 г., когда было уже поздно, и реального сближе-

88 ГЛАВА 2

ния между чартистами и недовольными ирландцами, боровшимися против унии 1800 г. с Британией. То обстоятельство, что наиболее популярный чартистский вождь Фергюс О'Коннор сам был ирландцем, не привело к союзу чартистов с ирландцами, так как О'Коннора и ирландского лидера в парламенте Дэниела О'Коннела разделяло взаимное недоверие.

В 1841 — 1846 годах Пиль провел ряд важных реформ — в том числе реформировал налогообложение, укрепил банковскую систему и отменил хлебные законы, что заложило основы безопасности и процветания Британии в середине XIX в. Для Ричарда Кобдена, основавшего в 1839 г. британскую Лигу за отмену хлебных законов — очень эффективную внепарламентскую организацию — Пиль воплощал «идею эпохи». Однако Пиль не мыслил такими категориями, а отмена хлебных законов привела к расколу Консервативной партии, благодаря его усилиям превратившейся ранее в одну из первых европейских парламентских партий с организованной базой сторонников в избирательных округах. Теперь большая часть ее, включая эсквайров, повернулась против Пилея. Вождем этой группы стал Бенджамин Диз-разли, молодой перспективный политик, для которого быть евреем (пусть евреем-христианином) означало лишь преодолимый недостаток. В британской политике сороковых годов этот политический раскол оказался важнее любого социального союза.

События 1846 г. имели долгосрочные политические последствия огромной важности. Виги, преимущественно аристократическая партия с «хвостом» протестантских диссидентов (или нонконформистов), политических радикалов, ирландцев и бывших сторонников Каннинга, вроде Палмерстона, теперь, после гибели Пилея в 1850 г. (это был несчастный случай), смогли постепенно принять в свои ряды «пилитов», одним из которых был Гладстон, и таким образом обеспечить себе господство в британской политике на более чем четверть века. Однако «вигство» (так и не ставшее «измом») потеряло свое влияние в ходе постепенного изменения британской партийной системы в середине правления королевы Виктории, которое, начавшись на низовом уровне, завершилось созданием новой, Либеральной партии.

Положение в британской политике, приведшее к столь важным переменам, резко контрастировало с обстоятельствами французской политики в период «Июльской монархии» Луи Филиппа.

«Король-гражданин» восхищался Британией, как и один из его наиболее способных министров, протестант Франсуа Гизо, веривший в экономический прогресс и парламентское правление.

Однако во Франции все еще не наступила промышленная революция, и убежденные республиканцы продолжали оглядываться на Учредительное собрание, Конвент или Наполеона, о котором распевали песни и чье тело было перенесено в Париж в 1840 г., чтобы быть погребенным во внушительном здании Дома инвалидов.

Красный флаг реял на улицах Парижа на похоронах радикала генерала Ламарка (погибшего от холеры) в 1832 г., а в 1831-м в промышленном Лионе произошло серьезное восстание рабочих, и местный гарнизон покинул город³. Пятью годами позже марширующие ткачи шелкоткацких фабрик пронесли по лионским улицам черные флаги. Это был год появления первой популярной французской ежедневной газеты «*La Presse*». Спустя семь лет была основана радикальная газета «*La Reforme*». Тем не менее заговоры, убийства и бунты не вносили излишних волнений в парламентскую жизнь между 1830 и 1848 гг. Реформаторские законопроекты выдвигались, но проваливались, а оппозиция всегда была расколота. Между 1830 и 1840 гг. у власти сменилось не менее 17 правительств.

Тщеславный Луи Филипп, намеревавшийся не только царствовать, но и править, не обладал

наполеоновскими качествами и был неизбежной мишенью сатириков и карикатуристов. Самая знаменитая, часто воспроизводящаяся карикатура на него изображает его в виде груши; наиболее разоблачительная показывает его носящим доспехи под костюмом горожанина. Луи Филипп любил восстанавливать дворцы, но принял гражданский лист в 12 млн франков взамен листа в 32 млн, который был у Карла X. Сама Палата тоже являлась объектом сатиры. Правом голоса обладали только 200 тыс. французов*. В Британии после Акта о реформе 1832 г. это соотношение составляло один к тридцати.

Более того, все знали, что многие французские депутаты, возможно большинство, ставили свои частные интересы выше интересов нации. Так же поступали министры: двое из них были, например, вовлечены в попытку манипулировать рынком соли. 3-е время как британцы выступали за свободную торговлю, французы по-прежнему проводили протекционистскую политику времен Реставрации; и пока британцы переживали железнодорожный бум и строили железные дороги, французы в основном говорили о них и на них спекулировали. В 1848 г. во Франции было всего 1200 миль железнодорожного полотна, в четыре раза меньше, чем в Британии. (В Германии

* Имеется в виду, что по сравнению с Бременами Карла X число избирателей удвоилось. Однако голосовал только один из 155—165 французов. — *Примеч. пер.*

90 ГЛАВА 2
ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 91

железнодорожная сеть также была намного более развита, чем во Франции.)

Оказавшись после 1848 г. в изгнании, Гизо, во время своего последнего срока не колебавшийся использовать полицию, чтобы «заставить страну замолчать», написал лестную биографию Пию, однако его собственные достижения оказались куда менее прочными. Так же обстояло дело и с девизом, с которым ассоциировался режим Луи Филиппа: «Обогащайтесь!» («*Enrichissez-vous!*»). Говорили, что этот лозунг, рассчитанный на то, чтобы обеспечить поддержку власти в период социальной напряженности, придумал сам Гизо. В 1840 г. один публицист-республиканец заявлял, что семь из восьми миллионов «активного населения», «маленькие люди» («*menupeuple*»), являются потенциальными революционерами из-за бедности их жизни. Отличительную атмосферу эпохи уловил великий французский романист Оноре де Бальзак, которым восхищался Маркс. Некоторые из его описаний носят фотографический характер, что весьма подходит стране, где в 1839 г. впервые появилась фотография.

В Париже, где в отличие от остальной Франции население стремительно росло, на финансовой и общественной сцене нередко царило лихорадочное оживление. Это был финансовый, торговый, транспортный, административный и общественный центр, равному которому не было ни по активности, ни по влиянию. Провинция, сельская и городская, шла своим путем. На спекуляцию смотрели неодобрительно и выказывали больше страха перед банкротством, чем предпринимательской энергией, больше сетовали на ростовщиков, чем пытались облегчить себе получение необходимого кредита. «Мы стойкие консерваторы, — писал Гизо французскому послу в Риме в 1846 г. — Это первый и естественный долг правительств. Мы тем более стойкие консерваторы, поскольку наша страна прошла через ряд революций». Только задним числом оказалось возможно понять, что в то время как Британия избежала революции, Франция шла к новой.

Одной из самых неумных фраз Луи Филиппа стало замечание, сделанное им в январе 1848 г. представителю прусского короля генералу фон Радовицу: «Скажите своему господину, что есть две вещи, которые не могут вновь случиться во Франции, — революция и война». В тот же месяц де Токвиль произнес в Палате пророческую речь, в которой предупреждал о грядущей беде. (Он использовал слово «шторм», а не революция.) «Верно, что нет видимых признаков волнений, но это лишь потому, что волнения скрыты глубоко в людских сердцах. Главная причина, почему человек теряет власть, состоит в том, что он не годится для того, чтобы удержать ее». Речь была встречена смехом.

Время краха французской монархии было напрямую связано с серьезным ухудшением экономической ситуации в 1847 г., которое последовало за плохим урожаем зерновых и картофеля в 1846 г., ставшим причиной ирландского голода и отмены хлебных законов. Цены на зерно в мае 1847 г. вновь выросли. Впрочем, политические факторы сыграли в событиях большую роль, чем экономические обстоятельства. То, что в разных политических кругах ощущалось как «подлинный характер» режима Луи Филиппа, проявилось в серии скандалов, затронувших известных людей. В 1847—1848 гг. существовало два варианта возможного развития социальной политики — социальная политика в интересах бесправных бедняков и недовольной буржуазии и социальная политика в интересах высшего света. «В Париже беспокойно, — сообщала 16 января 1848 года

«*Gazette de France*». — Рынки падают каждый день. В политике люди потеряли благоразумие». В результате королевского вмешательства в европейскую династическую дипломатию возникли трения с Британией. Луи Филипп хотел, чтобы испанская королева Изабелла вышла замуж за одного из его сыновей, и в 1847—1848 гг. казалось, что его план готов увенчаться успехом. Палмерстон, после краха правительства Пия вновь находившийся у власти на посту министра иностранных дел, воспользовался случаем, чтобы восстановить британское общественное мнение против политического режима Франции. При Пиле сердечное согласие начала тридцатых годов получило дальнейшее развитие: королева Виктория дважды посетила Францию, а Луи Филипп был принят в Виндзорском замке — к большому недовольству правителей Австрии, России и Пруссии. Но Палмерстон, однажды, еще до возвращения Пия к власти, уже отступавший от союза с Францией (в 1840 г. — по вопросу о Мехмеде-Али и Турции), не колебался вновь порвать с Луи Филиппом — он даже передал некоторым из политических противников Гизо (наиболее видным среди них был Тьер, занимавший правительственные посты в 1836, 1840 и 1848 гг.) политические документы, призванные скомпрометировать французское правительство. Финал не был запланирован. В 1847—1848 гг. от Парижа до провинций прокатилась волна популярных «банкетов за реформу», буржуазных демонстраций в защиту расширения избирательного права, и, когда стало ясно, что ни король, ни Гизо не собираются уступать давлению (как поступил Грей, согласно мнению его оппонентов), протесты усилились. В то время как социалист Луи Блан провозглашал, что «призрак революции» присутствует на каждом народном празднике,

92 ГЛАВА 2

романтический поэт Альфонс де Ламартин, иногда называемый «французским Байроном», выбрал для описания положения более подходящий язык, говоря о «революции презрения». Пресса, особенно «*La Reforme*» и «*Le National*», играла в то время ключевую роль — даже тогда, когда просто сообщала о событиях.

На банкетах до произнесения речей пили за «короля французского народа», но звучали и тосты за «улучшение положения рабочего класса». С самого начала «настоящие» революционеры были в меньшинстве, но 22 февраля 1848 г., после запрета одного банкета, в Париже разразился бунт, в ходе которого студенты объединились с ремесленниками на перегороживших улицы баррикадах. На следующий день, после того как к восставшим присоединились части Национальной гвардии, король уволил Гизо и пытался заменить его сперва графом Моле, а потом Тьером. Затем он потерял веру в себя, отрекся и 24 февраля тайно бежал в Британию. Большинство в Палате депутатов, вероятно, признало бы в качестве наследника престола его 9-летнего внука, но ворвавшиеся в парламент толпы парижан при поддержке радикальной прессы не допустили принятия такого решения. В парижской Ра-туше была провозглашена республика. Ламартин, получивший пост министра иностранных дел, превозносил дух свободы, вырвавшийся из «ретроградного режима», и языком Священного союза 1815 г. провозглашал «высшую тайну всеобщего суверенитета».

Весна свободы: в огне революций 1848 года

Февральская революция во Франции и последовавшее провозглашение Второй Французской республики возвестили целую волну дальнейших революций, захлестнувших необычайно красивой весной 1848 г. европейские столицы, в том числе Вену и Берлин. Даже в Лондоне 10 апреля 1848 г. прошла массовая чартистская демонстрация, где к чартистам впервые присоединились сторонники «Молодой Ирландии» — ирландской националистической организации, которая приобрела значение после смерти О'Коннела в 1847 г. Повсюду в Европе главная роль в событиях принадлежала молодежи. Новое, разнородное по составу временное правительство Второй республики включало бывшего оппозиционного политика Александра Ледрю-Роллена, получившего ключевое министерство внутренних дел, Ламартина, ставшего министром иностранных дел, и Блана, настаивавшего на том, что революция должна наряду с правом голоса провозгласить и право на труд. Помимо назначения на начало апреля

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 93

выборов на основе всеобщего избирательного права — это означало рост числа избирателей с 25 тысяч* до 9 миллионов, — Временное правительство также устроило в Париже «национальные мастерские», чтобы обеспечить безработных трудом. На бумаге было гарантировано «право на труд», а длина рабочего дня сокращена на один час. В то же время при контактах с заграничными революционерами, искавшими в Париже указаний, была проявлена большая осторожность. На словах, впрочем, временное правительство приветствовало «великую Европейскую республику», федерацию свободных народов.

Чтобы побудить граждан других стран к действию, этих фраз не требовалось. Еще до начала

Февральской революции короткая гражданская война в Швейцарии завершилась победой либеральных кантонов над католическими — Меттерних не смог повлиять на ход событий, — и Швейцария с этого времени стала федеративным государством. В январе в Палермо на Сицилии, являвшейся беднейшей частью Италии, произошло восстание против неаполитанского короля Фернандо II. Питая надежду остановить освободительное движение сицилийцев, король вынужден был предложить всему королевству либеральную конституцию, основанную на французской конституции 1830 г. Другую победу «конституционализм» одержал в Германии, в Баварии, где вождь либералов потребовал немедленного созыва германского национального парламента.

Еще до 1848 года и в Италии, и в Германии появились признаки роста влияния либерализма. Действительно, в 1846 г. вопреки ожиданиям был избран папой казавшийся либералом Пий IX. Его правление началось с амнистии, ослабления контроля над прессой и создания состоявшего из юристов Государственного совета для консультаций по иностранным делам. Также были приняты решения о строительстве в Папской области железных дорог и проведения телеграфных линий. Либерализм Пия оказался непродолжительным, но в то время казалось, что папа внял надеждам красноречивого итальянского адвоката Винченцо Джоберти, мечтавшего о конфедерации итальянских княжеств под верховной властью папы. Когда в 1847 г. Меттерних приказал австрийским войскам оккупировать папский город Феррару, Пий отправил великим державам ноты протеста, а король Сардинии и Пьемонта Карл Альберт I предложил послать на помощь папе войска. Меттерних отступил из Феррары в декабре 1847 г. Стало ясно, что Королевство Сардинии и Пьемонта сыграет главную роль в любых

* До реформы 1848 г. избирательный корпус во Франции составлял около 250 тыс. человек. — *Примеч. пер.*

94 ГЛАВА 2

попытках к объединению Италии. Восьмого февраля 1848 г. Карл Альберт объявил о составлении новой конституции, предполагавшей избираемый на основе ценза двухпалатный парламент и создание гражданского ополчения.

Для триумфа либерализма и национализма в Италии или Германии революция в многонациональной Австрийской империи и уход Меттерниха с европейской сцены были столь же необходимы, как и революция во Франции. Впрочем, цепь событий, которые привели к падению Меттерниха, началась скорее в Будапеште, чем в Вене. Третьего марта Лайош Кошут, которому предстояло стать одним из героев (а затем одной из жертв) 1848 г., произнес страстную речь в венгерском сейме — состоявшем лишь из представителей многочисленной венгерской знати, к которой принадлежало 5% венгерского населения, — с требованием положить конец абсолютистскому правлению и централизованной бюрократии. «Неестественные политические системы, — говорил он своим коллегам, — часто живут долго, так как требуется большой срок, чтобы исчерпать людское терпение. Но некоторые из этих политических систем, старея, не укрепляются, и приходит время, когда продолжение их существования становится опасным». Слова были выбраны удачно, уже 6 марта в Вене циркулировали петиции, требовавшие, помимо прочего, свободных учреждений и свободной прессы. Падение Меттерниха произошло в Вене неделю спустя, в яркий весенний день, когда — после уличных стычек и споров за закрытыми дверями, в ходе которых Меттерних призывал к сопротивлению, — он был смещен императором и покинул страну, чтобы присоединиться к Гизо в Лондоне. Вскоре они встретились на ступеньках Британского музея.

Весьма уместно задать вопрос: «Революции ли 1848 г. привели к падению Меттерниха или же падение Меттерниха привело к революциям?»⁴. Слабовольный австрийский император Фердинанд, которому самому придется в том же году отречься от престола (его отречение обсуждалось еще в 1847 г.), хотел отступить, чтобы защитить династию, но он не понимал всех последствий падения Меттерниха. Также не понимали их и те круги знати, что вынуждали Меттерниха уйти, поскольку считали, что он окружил себя «лесом штыков». Были, конечно, и люди, подобно поэту Францу Грильпарцеру, полагавшие, что Меттерниху следовало подать в отставку давно, сразу же после смерти императора Франца I в 1835 г. Однако никто не предпринял попыток избавиться от него ни тогда, ни позднее. Теперь император в качестве короля Венгрии дал на бумаге согласие на далеко идущие реформы,

ПОРЯДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 95

и это обстоятельство также имело последствия, смысл которых понимали немногие.

Оказавшись в эмиграции — она была кратковременной, — Меттерних, подобно другим изгнанникам, обратился к написанию мемуаров, в которых публично обвинял венгерскую, итальянскую и австрийскую знать так, как раньше обвинял ее лишь в частных разговорах. «К списку симптомов больного, вырождающегося века, — писал он в 1850 г., — принадлежит совершенно неверная позиция, которую слишком часто занимает знать. Именно она почти повсеместно способствовала готовившимся волнениям». Меньше он мог сказать о венском

финансовом кризисе, почти банкротстве, вынудившем его обратиться в 1847 г. за срочной помощью к Ротшильдам. «Если дьявол придет за мной, — сказал он Соломону Ротшильду, — он явится и за вами».

Среди главных участников уличных столкновений в Вене, предшествовавших падению Меттерниха, были студенты и их дотоле спокойные профессора, а также ремесленные и фабричные рабочие, которые, подобно французским и британским, на себе ощутили тяготы экономического спада — многие из них остались без работы. Когда же дело подошло к развязке, в распоряжении у Меттерниха оказались на удивление небольшие силы полиции — только тысяча человек, намного меньше, чем у Луи Филиппа с его муниципальной гвардией в 14 тыс. штыков. Теперь ситуацию контролировали вновь сформированная гражданская гвардия и студенческий легион. Существенно, что не было выдвинуто республиканских требований, однако новое правительство во главе с графом Коловратом, сотрудничавшим ранее (не всегда лояльно) с Меттернихом, обещало свободу печати и созыв делегатов провинциальных сословий с целью выработки новой конституции.

В последовавших беспорядках в Габсбургской империи участвовали разные и противоречивые силы (либералы; националисты, крестьяне и, не в последнюю очередь, антисемиты); вскоре все крупные города: Прага, Будапешт, Милан и Венеция — были охвачены революционной лихорадкой. В конце марта в Венгрии были приняты так называемые «мартовские законы», с которыми согласился Фердинанд. На их основе государство могло бы быть преобразовано из феодального в современное. Провозглашалось всеобщее равенство перед законом, отменялась цензура печати, знать лишалась (это была единственная уступка с ее стороны) освобождения от уплаты налогов. В Милане с его 200-тысячным населением успешные уличные бои (18—23 марта), вошедшие в историю как «Пять миланских дней», вынудили австрийского генерала графа Йозефа Радецкого, ветерана,

96

ГЛАВА 2

сражавшегося еще против Наполеона, покинуть со своим 13-тысячным войском город. «Вся страна, — сообщал он в Вену, — была объята восстанием». В Венеции (прямой связи между событиями в этих двух городах не было) Даниеле Манин, заключенный в январе в тюрьму за призыв к умеренным конституционным реформам, провозгласил восстановление республики после того, как толпа в поисках оружия ворвалась в средневековый арсенал и Оперу.

В Сардинии и Пьемонте реформаторы обратились за помощью к Карлу-Альберту, который не пользовался доверием ни в собственной стране, ни за границей, но теперь действовал, следуя советам первого министра, графа Камилло де Кавура, годом ранее основавшего газету «*Il Risorgimento*», призванную содействовать созданию либеральной, но монархической Италии. Кавур считал, что «пробил звездный час Пьемонтской монархии». «Мы потеряем государство, если не будем сражаться». Двадцать шестого марта в Милан, уже после отступления Радецкого, прибыли войска под командованием Карла Альберта. Он заявил: «Решаются судьбы Италии, и счастливое будущее открыто для тех, кто храбро отстаивает свои права против угнетателя». Успеха он не имел. Не либерал и не романтик, Карл Альберт потерял власть в 1849 г., потерпев поражения от австрийцев сначала в июле 1848 г. под Кустоцой и затем в марте 1849 г. под Новарой. К тому времени он понял, что жители Милана и всей Ломбардии вовсе не стремятся стать частью управляемой из Турина Пьемонтской монархии.

Взрыв энтузиазма наблюдался и в Германии, где в феврале и марте повсеместно требовали свободы печати и конституционного правления. Франкфуртский Союзный сейм, сформированный на основе новых принципов, охотно принял черно-желто-красное знамя в качестве германского флага. Было решено созвать национальный парламент, который включал бы представителей всех германских государств. Тридцать первого марта, также во Франкфурте, для выработки новых соглашений был собран предпарламент («*Vorparlament*»), первое относительно представительное национальное собрание в Германии.

Восемнадцатого мая в атмосфере всеобщего воодушевления члены нового парламента под звон церковных колоколов и пушечные залпы торжественной процессией прошли к церкви Св. Павла. Среди них были знаменитые юристы, судьи, писатели, профессора, художники из разных германских государств, в том числе Ян, поэт Эрнст Мориц Арндт, католический деятель епископ Кеттелер, историк Фридрих-Кристоф Дальман, изгнанный со своей кафедры в Геттингенском университете после восшествия на ганноверский престол в 1837 г. реакционного британского герцога Камберленда. «Политический сло-

варь» Дальмана и его позднейший труд «Политика» были посвящены доказательству необходимости создания сильного государства. Для него государство было таким же естественным институтом, как семья.

Ни одно из этих событий не было бы возможно в Германии, если бы не изменение ситуации в Вене и Париже. Габсбурги на время оказались не в состоянии вмешиваться в дела за пределами империи. Многие члены австрийской делегации слишком поздно прибыли на заседание Франкфуртского парламента. Впрочем, перемены в прусской столице, Берлине, были еще существеннее, чем в Вене. Восшедший на престол в 1840 г. Фридрих Вильгельм IV вплоть до 1848 г. колебался между либерализмом и авторитаризмом. Он продолжал колебаться между ними и в течение 1848-го. Желая, согласно советам своего личного друга генерала Радовица, внука хорватского офицера-католика, реформировать Германский союз, он в начале 1848 г. подготовил созыв конгресса германских князей в Дрездене. Из-за падения Меттерниха, прибывшего в Дрезден в назначенный день, но уже по пути в эмиграцию, этот конгресс так и не открылся.

Берлинцы обсуждали стремительно менявшееся положение в пивных, жители Франкфурта, подобно парижанам, — в кафе и клубах. В 1847 г. прокатились «голодные бунты», теперь их не было, однако напряжение в Берлине все нарастало, когда 16 марта пришли вести о падении Меттерниха, а еще через два дня король издал прокламацию, в которой отменял цензуру и обещал проведение конституционных реформ в Пруссии и Германском союзе. Подданные приветствовали его, однако к концу дня на смену радости и восторгам пришли слезы и гул недовольства. Когда толпы людей вышли на площади вокруг королевского дворца, присутствие королевских войск, стянутых туда явно ради устрашения, вызывало тревогу. После двух случайных выстрелов, произведенных солдатами, начались яростные бои, в которых особенно отличились рабочие берлинских ремесленных цехов. Некоторые подданные короля оказались на баррикадах, некоторые были взяты в плен или убиты.

Затем настала очередь возмущению офицеров, так как на следующее утро печальный король, романтик в душе, по-прежнему мучительно колебавшийся, выпустил новую прокламацию, объявляя прощение своим заблудшим подданным и приказывая отвести войска. В результате ему пришлось поклониться телам погибших в уличных боях и назначить новое правительство во главе с либеральным купцом из Рейнской области, который счел необходимым объявить (хотя и туманно), что «отныне Пруссия вливается в Герма-

98

ГЛАВА 2

нию». В такие моменты король был столь же «беззащитен», писал американский посланник в Берлине, как «несчастнейший преступник в тюрьме».

Позднее, 22 мая 1848 г., через четыре дня после открытия Франкфуртского парламента, среди членов которого был всего лишь один крестьянин и не было ни одного промышленного рабочего, в Берлине было создано Прусское национальное собрание, социальный состав которого был более разнороден и включал крестьян. В городе все еще продолжались беспорядки, с которыми не могла справиться гражданская гвардия. Сам король провел большую часть лета в Потсдаме в окружении консервативных друзей-аристократов («камарильи») и хорошо обученных королевских войск.

Поэтому казалось маловероятным, что первые завоевания пьянящей «весны свободы» будут закреплены.

Дальнейший ход событий — речь о них пойдет в следующей главе — преподнес сюрпризы многим людям во многих странах. Но тем не менее уже тогда стало ясно, что та Европа, которая проявила себя в 1848 г., после десятилетий «порядка», вряд ли просуществует долго. Революции 1848 г. были скорее городскими, чем сельскими, и возглавлялись главным образом «интеллектуалами». Их политический опыт был невелик, а цели разнились. Рабочие — участники революций работали, как правило, не на промышленных предприятиях; это были поденщики, ремесленники, мелкие хозяева — совсем иные социальные группы, чем промышленный пролетариат, к которому обращались в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс.

В Британии, где промышленных рабочих было больше, чем в любой другой европейской стране, весной 1848 г. была продемонстрирована сила не рабочего, а среднего класса, иногда отождествляемого с буржуазией. Чтобы спасти город от революции в день Кенсингтон-ского митинга*, не понадобилось ни тщательных военных приготовлений, устроенных Веллингтоном, ни толп специальных констеблей (среди них был будущий Наполеон III, живший тогда в Лондоне). Большинство чартистов не хотело никакой революции. Когда леди Палмерстон, жена британского министра иностранных дел, описала своей подруге «частные» детали «нашей революции», она радостно за-

* Речь идет о событиях 10 апреля 1848 г., когда огромная толпа чартистов собралась в Кенсингтонском парке, чтобы отнести в парламент петицию с подписями миллионов англичан. Опасаясь беспорядков, правительство предложило в тот день всем желающим «специальную» констебльскую дубинку. На призыв войти в эту «добровольную полицию» откликнулось около 200 тыс. человек, готовых поддержать власть. — *Примеч. пер.*
ПОРВДОК И ДВИЖЕНИЕ, 1815-1848 99

ключила: «Я уверена в благотворности произошедшего, так как все показало добрый настрой наших средних классов»⁵.

После апреля 1848 г. еще было неизвестно, удастся ли сохранить социальный мир в континентальной Европе. Весной 1848 г. монархи показали свое нежелание использовать силу для подавления беспорядков, а некоторые из них, как, например, Фридрих Вильгельм, пошли на уступки с большей готовностью, чем Луи Филипп. Но последуют ли их примеру правительства, чей состав и политическую ориентацию изменила революция? Большинство новых правительств боялось сельских и городских социальных волнений не меньше, чем жаждали перемен. К концу весны кое-кому пришлось эмигрировать, однако никто не стал политическим заключенным. Но сохранится ли это положение дел? Двое из изгнанников, немецкие радикалы Фридрих Хекер и Густав фон Струве, устроили попытку республиканского переворота в Ба-дене, пока предпарламент обсуждал вопрос о проведении выборов. Переворот потерпел фиаско, и оба организатора отправились через Атлантику в Соединенные Штаты.

Особенно зловещим для революционеров было то, что на протяжении весны 1848 г. Россия, где происходили крестьянские волнения, но не было беспорядков в городах, была готова вмешаться в любую минуту. В феврале 1848 г. Николай I сразу же выставил сильную армию, ютовую прийти на помощь любым возможным жертвам французской агрессии. И хотя после падения Меттерниха и берлинской революции положение в Европе полностью переменялось, русская армия — об этом повсеместно знали либералы и националисты — сохраняла полную боевую готовность.

Примечания

¹ Switzerland and Europe: Essays and Reflections by J.R. Salis / Ed. by C. Hughes. L., 1971. P. 32-34. - *Malcolm N. (Peu. на] Davies /V., Moorhouse H. Microcosm: Portrait of a Central European City. L., 2002 // Sunday Telegraph. March 2002. P. 31. 'О его значении см.: Briggs A. Social Structure and Politics in Birmingham and Lyons,*

1X25-1848// Idem. Collected Essays. L., 1985. Vol. I. P. 231-233.

⁴ *Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815-1918. L., 1989. P. 41.*

⁵ Цит. по: *Fay C.R. Huskisson and His Age. L., 1951. P. 137-138.*

Глава 3

Строительство наций, 1848-1878

Революции 1848 года и их «уроки»

Сам факт революции вызвал в 1848 г. — как и в 1789-м — всеобщее волнение. Рухнул оборонявшийся социальный и политический порядок. Для всех недовольных прежним строем «мартовские дни» стали временем невиданной свободы, обещающими дальнейшее продолжение. Однако в каждой стране были и те, кто считал, что Европа пострадала от «мартовского сумасшествия». Все были согласны лишь в одном: эпитет «*vormarilich*» («домартовский»), подобно прилагательному «довоенный» между 1918 и 1945 гг., относился к безвозвратно ушедшему времени.

Бывший немецкий радикал Давид Фридрих Штраус уже в апреле 1848 г. сетовал, что в дореволюционные времена он жил счастливее, будучи в состоянии посвятить себя «чистой теории», не беспокоясь о ее воплощении на практике. В этом заключался один частный ответ. Другой ответ, в целом близкий, принадлежал венскому романисту Адальберту Штифтеру. Революция показала, что «людям, одержимым сильными страстями и стремлениями», доверять не следует. Те, кто «обещали принести вам безграничную свободу», в основном были людьми, «испорченными властью собственных эмоций». Такая реакция резко отличалась от слов на одном парижском плакате марта 1848 г.: «Если полстолетия правом голоса обладает лишь контрреволюция, то неужели хотя бы год свободы — это слишком много?». Противоположный ответ, избранный огромным количеством людей в период «весны свободы» и после нее, не имел ничего общего ни

100

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 101

с «теорией», ни с опытом прошлого. Эти люди предпочли положиться на самих себя и заняться улучшением собственного материального положения, оставшись равнодушными ко всеобщему революционному порыву.

Любая революционная ситуация имеет собственную историю со своим переплетением сюжетов, неожиданными союзами и враждующими героями, однако всегда существовали и общие черты, в их числе конечное разочарование. Для американского историка XX в. Берна-дотты Шмит 1848 г. стал «конечной точкой», в то время как для британского историка Дж.М. Тревельяна, скорее

разочарованного, чем лишившегося иллюзий, он был «поворотом, пропущенным современной историей»¹. Либеральным силам, в которые верил Тревельян, последователь Маколея, не удалось подчинить себе ход событий. Впрочем, вплоть до 1849 г. пожар революции не был потушен окончательно в Германии и Центральной Европе. В роли пожарного выступила Россия, которой после 1815 г. долго не давали сыграть роль полицейского. Власть торжествовала.

Обе стороны извлекли уроки из 1848 и 1849 гг. «Власть» поняла, что нужно лавировать и идти на уступки — некоторое время, как выразился прусский король, ей даже пришлось ползти на брюхе. «Нельзя позволить этому повториться», — таким был его вывод. Революционеры, учившиеся до 1848 г. в основном по книгам — именно книги рождали дискуссии, — гораздо меньше научились из опыта и, как всегда расколотые, уступили дорогу новому поколению. Новые революционеры не просто хотели добавить новые главы в старые книги — с их точки зрения, весь текст требовал существенного пересмотра. Главной темой оставалось объединение Германии и Италии, не достигнутое в 1848 г. Каким образом оно произойдет?

Из событий 1848—1849 гг. были, по меньшей мере, извлечены три урока, пусть и не все пришли к одинаковым выводам, ведь разногласия имелись не только между революционным и контрреволюционным лагерями, но и внутри лагерей. Первый урок относился к динамике развития общественных классов; и здесь французские события служили главным, хотя и не единственным, источником опыта. Второй урок был связан со взаимодействием «национальных идей», намного более сложным, чем думали до 1848 г. как националисты, так и их противники. Третий урок — это роль силы в политике и строительстве национальных государств, сюжет, о котором на протяжении 1848—1849 гг. националисты говорили все больше, в то время как их оппоненты действовали, руководствуясь скорее не столько надеждой, сколько страхом. Были еще две темы, связанные со всеми тремя уроками револю-

102 ГЛАВА 3
СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 103

ции, — отношение между монархией и «парламентаризмом» (это слово вскоре стало обозначать нечто гораздо больше, чем просто дарование или отмену конституций) и развитие государственного аппарата, в том числе военного.

Классовая динамика

События между мартом 1848-го и июнем 1849 г. лучше прояснили классовую динамику в ее социальных и политических аспектах, чем это сделал «Коммунистический манифест», — сперва во Франции, затем в Германии. Даже в Британии, где не было революции, чартисты уже после завершения европейских событий продолжали яростно спорить о классовом конфликте и сотрудничестве, политическом лидерстве и образовании. Во Франции, всегда служившей объектом особого внимания Маркса и Энгельса, антагонизм между парижскими рабочими, большинство из которых не были затронуты промышленной революцией, и «буржуазией» (также ею не затронутой), был очевиден с самого начала; и требования «социализации», звучавшие одинаково революционно как в либеральном Лондоне, так и в аристократической Вене, вызывали тревогу и в Париже. «Число наших королей в рабочих халатах растет с каждым днем», — писал один из встревоженных.

Республиканцы пообещали провести выборы сразу же после своего прихода к власти. Однако, когда, несмотря на все предостережения, выборы в апреле 1848 г. были проведены на основе всеобщего избирательного права для мужчин, их итог показал, что и у революционного порыва, и у общественного служения имеются свои реальные пределы. Из новых членов Палаты депутатов 165 заседали в ней еще при Луи-Филиппе. Число монархистов далеко превзошло число радикалов, а «рабочих» оказалось всего 30 человек. Даже в Париже было избрано всего 12 социалистов. В целом, при явке 84% радикалы и социалисты получили лишь 100 мест из 876. Когда французы шли к избирательным урнам, «владение собственностью и стремление защитить ее» обеспечили «такой род братства», который не имел ничего общего с равенством.

Парижские уличные демонстранты, опасаясь исхода выборов, пытались их отсрочить, а затем, верные традициям 1789 г., не смогли смириться с общенациональным избирательным вердиктом. В результате революция снизу продолжалась. В мае в парижской Ратуше было провозглашено новое революционное правительство, поддержанное Бланки; вновь начались беспорядки. Когда революционеры ворвались в Палату депутатов, против них выступила Национальная

гвардия, многие были арестованы. В следующем месяце карты были окончательно раскрыты. Существование национальных мастерских, созданных, чтобы обеспечить бедняков работой, резко разделило общественное мнение по классовому принципу. Критики национальных мастерских считали, что они «соблазняли к лени» (и беспорядкам), тогда как сторонники полагали, что только так гарантировался «первый долг Республики — обеспечить хлебом всех ее детей, провозгласив всеобщее право на труд». Угроза правительства закрыть их — или свернуть их деятельность — привела к восстанию; 22 и 23 июня в городе валили деревья, чтобы строить баррикады.

Настрой тех дней резко отличался от мартовского, когда повсюду сажали «деревья свободы». Только

что прибывший из Алжира генерал Кавеньяк, действуя на стороне национального правительства, безжалостно подавил все беспорядки, в чем ему помогала в основном буржуазная Национальная гвардия. Двадцать четвертого июня начался решительный бой. Говорили, что в этот и следующий день в гражданской войне на столичных улицах погибло больше парижан, чем на протяжении всего революционного цикла, начавшегося в 1789 г. Исход «ужасного кровопускания» ни у кого не вызвал сомнений. Кавеньяк с помощью рекрутов из провинций сокрушил сопротивление рабочих. Последним пало Сент-Антуанское предместье.

В ноябре 1848 г. была составлена новая республиканская конституция, в которой уже не говорилось о праве на труд. Согласно ей, исполнительная власть вручалась всенародно избранному президенту. Им, впрочем, стал не Кавеньяк, герой буржуазии в период «июньских дней» и кандидат сторонников «порядка», а принц Луи Наполеон Бонапарт, племянник величайшего из героев эпохи, которую большинство французов считали теперь самым героическим временем французской истории. В итоге проведенных в декабре выборов Кавеньяк пришел вторым, набрав лишь 1 442 302 ялуса против 5 534 520 голосов, поданных за Луи Наполеона. Самый радикальный кандидат набрал только 36 920 голосов, а за Ламартина, романтического героя февраля, проголосовало лишь 17 910 избирателей.

Луи Наполеон был новичком во французской политике (две ранние заговорщические попытки его вторжения во Францию провалились), и его противники, многие из которых были членами избранного в том же году второго народного собрания, считали его ограниченным и «тривиальным». Тем не менее он получил широкую поддержку в самых разных слоях общества. Крестьяне, много выигравшие в ходе первой французской революции, повернулись к нему не только потому, что в 1848 г. идея продолжения социальной революции казалась им

104 ГЛАВА 3

совершенно неприемлемой, но и потому, что для них мало что значил либеральный республиканизм. Еще проще объяснялось голосование за него рабочих. С какой стати парижский пролетарий стал бы голосовать за Кавеньяка? Луи Наполеон впервые обратился к Франции как миротворец с легендарным именем, стоящий выше партий и классов. Им же самым двигало другое — горячая вера в семейное наследие и личную судьбу. «Я убежден, — восклицал он в 1842 г., — что тень императора защищает и благословляет меня».

Таким образом, произошедшее во Франции в конце 1848 г. сильно отличалось от того, на что рассчитывали как революционеры, так и контрреволюционеры в начале революционного цикла.

Задним числом можно прийти к выводу, что в экономических, социальных и политических обстоятельствах 1848 г. у недовольных рабочих, сконцентрированных в Париже и крупных городах, не было шансов добиться долговременных завоеваний (и в особенности права на труд).

Впоследствии они научатся новым формам организации — и борьбы, используя профсоюзы и политические партии, но и тогда результаты окажутся довольно скромными. У республиканцев — во всех их разновидностях — реальные шансы также были невелики. События 1848 г. показали, что при определенных обстоятельствах за введением всеобщего избирательного права вовсе не обязательно следует приход к власти демократического республиканского правительства. Этот политический урок еще много раз повторится в будущем. Наполеон действительно быстро понял, что национальный плебисцит может укрепить его личную власть. Для Прудона всеобщее избирательное право уже было контрреволюцией.

Успех Наполеона должен был вызвать беспокойство в тех частях Европы, где были восстановлены прежние формы власти. Впрочем, из революционных событий в Австрии, при всем их своеобразии, можно было извлечь некоторые из тех же уроков. Для Австрии, в отличие от Франции, революция была чем-то совершенно новым. В Австрии к тому же, и вновь в отличие от Франции, существовала не одна, а множество наций. Первые достижения всеавстрийского парламента (рейхстага), собравшегося в июле 1848 г. и избранного не всеобщим, а косвенным голосованием, — в него вошли многие выходцы из мелкой буржуазии и крестьянства (некоторые были неграмотны), — впечатляли, напоминая о Французской революции 1789 года. В частности, к началу сентября в условиях продолжавшихся экономических трудностей при одобрении императора было проведено полное освобождение крестьян на основании принципа прав человека. Так было завершено начатое Иосифом II в XVIII веке.

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 105

Это, безусловно, удовлетворило широкие слои крестьянства точно так же, как в 1789 г. во Франции, но в то же время, в отличие от французского сценария, землевладельцы получили компенсацию за потерю своих исторических прав. В результате революционное движение в Вене, типично городское, возглавленное профессорами, студентами и ремесленниками и почти не имевшее поддержки в деревне и рейхстаге, с конца лета 1848 г. было вынуждено вести борьбу в изоляции. Требование общественных работ, призванных уничтожить безработицу, вызвало в Вене

ту же реакцию и те же проблемы, что и в Париже. Еще раньше подобные беспорядки произошли в Праге и Будапеште. Когда заработки занятых на общественных работах были урезаны, в Вене 23 августа разразились уличные бои, так называемое Пратер-ское сражение*.

Критическим месяцем в австрийской столице стал октябрь. Габсбургский двор, переехавший в мае в Инсбрук и в августе ненадолго вернувшийся в столицу, вновь был вынужден покинуть Вену, оставив ее в руках революционеров, возмущенных решением австрийского правительства объявить открытую войну венгерской революции. Шестого октября, когда австрийские войска были готовы двинуться в Венгрию, рельсы на Северном вокзале были разобраны, а телеграфные провода обрезаны. В тот же день был убит военный министр и атакован арсенал. Но и в Вене так же, как и в Париже, победу одержала грубая военная сила под командованием князя Виндишгреца. В октябре 1848 г. было объявлено военное положение, закрыты политические клубы, отменена свобода печати, распущены студенческие организации и Национальная гвардия (в Вене она еще оставалась революционной силой).

Спустя три недели после «падения Вены» у Австрии появились и новый император, которому предстояло править 68 лет, и новый премьер-министр — зять Виндишгреца князь фон Шварценберг. Представитель влиятельного старинного рода, избранный в рейхстаг, он был достаточно умен, чтобы оценить силу и слабость революционного движения. Именно он убедил императора Фердинанда отречься в пользу 18-летнего Франца Иосифа. В кабинет Шварценберга вошли и некоторые либералы. Рейхстаг, занятый составлением конституции, продолжал заседать, однако не в Вене, а в небольшом моравском городке Кремнице**.

Задача разработки конституции была непростой при любых обстоятельствах. В тех же условиях она была невыполнимой. Однако рейхстаг

Пратер — район в Вене. — *Примеч. пер.* * Чешское название городка — Кромержиж. — *Примеч. пер.*

106 ГЛАВА 3

оказался достаточно смел, чтобы внести в первый проект конституции положение, вскоре вычеркнутое, которое гласило: «Весь суверенитет зиждется в народе». Также провозглашали ответственность императорских министров перед парламентом. Другие статьи включали отмену аристократических титулов, введение гражданского брака и важнейшее при тогдашнем состоянии дел в империи положение о том, что все ее народы (по конституционным соображениям исключались Венгрия и Ломбардия—Венеция) являются равными в своих правах. «Каждый народ обладает неотъемлемым правом представлять свою национальность в целом и свой язык в частности. Равенство прав каждого местного языка в школе, администрации и общественной жизни гарантируется государством».

Некоторые из этих предложений, слишком радикальных, чтобы быть принятыми императором или его министрами, вызвали раскол в рейхстаге, и в марте 1849 г. министр внутренних дел в кабинете Шварценберга известил кремницких депутатов о его роспуске. Хотя он одновременно добавил, что император «Божьей милостью» одобрил новую конституцию, эта конституция также не была воплощена в жизнь. Карл Кюбек, глава казначейства при Меттернихе и австрийский представитель во Франкфуртском парламенте, советовал императору вернуться к домартовскому *status quo*, и в последний день 1851 г. была отвергнута уже третья конституция. Кюбек возглавил комиссию по проверке всех законов, принятых после марта 1848 г., чтобы, удостоверившись, вычеркнуть из них любое либеральное положение. Шварценберг, готовый работать в рамках парламентской системы, но не возражавший и против личной власти императора, умер 5 апреля 1852 г.

Единственной важной реформой, пережившей 1852 г., было полное освобождение крестьян. В Берлине неудача венской революции побудила прусского короля к действию. Он был разгневан уже тем, что заседавшее в Берлине только что назначенное Прусское национальное собрание проголосовало за отмену аристократических титулов и изъятие слов «Божьего милостью» из королевского титула. Второго ноября он назначил нового премьер-министра, кавалерийского офицера графа Бранденбург-га, а неделей позже (ввиду протестов собрания, призвавшего к налоговой забастовке) перевел место его заседаний из Берлина в провинциальный город Бранденбург. Два дня спустя вся Пруссия была объявлена на осадном положении. В итоге 5 декабря 1848 г. собрание было распущено и введена новая конституция, навязанная королем. В ней подчеркивались божественные права монарха, контроль над исполнительной властью оставался в руках короля, армия рассматри-

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 107

валась как отдельное государственное учреждение. Создавался двухпалатный парламент, система выборов в который благоприятствовала крупным землевладельцам. Нижняя палата должна была

избираться всеобщим голосованием, но так как избиратели делились на три группы в соответствии с уплачиваемыми ими налогами, конституция стояла на страже интересов собственности. Одновременно распускалась Гражданская гвардия и закрывались политические клубы. Ограничивалась свобода печати.

Тогда и позднее Фридрих Вильгельм выступал противником взглядов, выраженных ведущим оратором Франкфуртского парламента. Тот сказал, что «наша власть для [выработки конституции] исходит из суверенитета нации». И когда Франкфуртский парламент, поставленный в неловкое положение реставрацией монархии в Берлине и Вене, в марте 1849 г. решил (большинством голосов, но количество воздержавшихся почти равнялось числу голосовавших) предложить Фридриху Вильгельму корону новой Германии, тот отказался ее принять. Он ответил депутации из Франкфурта, что «глубоко тронут» предложением, и даже обратил свои взоры к «Царю царей». Затем во взвешенных фразах он обратился не к «Царю царей», а к другим германским королям и князьям, указав, что уже делал «явные и торжественные обещания», что в любых шагах по направлению к «германскому единству» «будет действовать при добровольном согласии коронованных особ, князей и вольных городов Германии». Живее выразился Фридрих Вильгельм в частной беседе, сказав, что имперская корона, предложенная ему «охвостьем» парламента, — это «собачий ошейник», который сделал бы его «рабом революции 1848 года».

Для германской истории оказалось крайне важным, что Фридрих Вильгельм не сделал никаких попыток воспользоваться тем обстоятельством, что не менее 28 действовавших немецких правительств, начиная с Бадена, объявили о своей готовности одобрить избрание короля Пруссии германским императором в рамках конституции, принятой Франкфуртским парламентом. Он не принял этой конституции, разработанной расколотым парламентом, само существование которого он теперь не одобрял. К апрелю 1849 г. всякая надежда на объединение Германии под прусским руководством (при поддержке либералов) исчезла. Более того, в апреле—мае прусские войска помогли подавить беспорядки в Бадене, Баварии и Саксонии.

Судьба Франкфуртского парламента была отныне решена. С самого начала на него не было возложено никакой ответственности, и вплоть до своего конца он так и не смог превратить сложившиеся

108 ГЛАВА 3
СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 109

парламентские фракции в политические партии, способные четко обозначить свои позиции. Крупная умеренно либеральная фракция отстаивала ограниченное избирательное право, но большинство умеренных покинули парламент еще в бурные месяцы апреля—мая 1849 г. Делегаты от Габсбургской империи ушли *en bloc**, и прусский король приказал, чтобы за ними последовали все прусские депутаты. «Охвостье» парламента (136 депутатов), которое, по мнению Фридриха Вильгельма, находилось «в союзе с якобинцами», принимавшими участие в разрозненных весенних выступлениях, переместилось теперь в Штуттгарт, где в июне 1849 г. было разогнано вюртембергскими солдатами. К тому времени некоторые германские либералы и консерваторы, как и Фридрих Вильгельм, пришли к заключению, что призыв парламента к единству Германии был только предлогом. На самом же деле парламентское «охвостье» вело «битву безбожную, вероломную и воровскую».

Взаимодействие «национальных идей»

Либерализм или радикализм Франкфуртского парламента перед лицом авторитарной власти, особенно когда от него осталось лишь «охвостье», в перспективе имели гораздо меньшее значение, чем его национализм. Почти сразу же после созыва парламента стало ясно, что одной из главных его задач являлось решение, каких немцев следует исключить и с орбиты географического объединения и каких представителей иных народов следует в нее включить. Из 36 млн подданных Габсбургской империи на немецком говорили менее 6 млн при этом почти все они были католиками, в то время как среди 16 млн прусских подданных, в основном протестантов, немецкий был родным для 14 миллионов. «Большая Германия» (*Grossdeutschland*), которая бы включила немецкоязычные области Австрии, подразумевала раскол, если не распад Габсбургской империи, тогда как «малая Германия» (*Kleindeutschland*) означала бы не только передачу Пруссии основной власти в новой Германии, но и проживание значительного числа немцев за пределами германской границы.

Некоторые немцы всегда считали то обстоятельство, что германские Габсбурги правили не только немцами, преимуществом для общего дела; и очень немногие представители австрийского правительства полагали, что Габсбурги должны расстаться со своими негерман-
Все вместе (фр.). — *Примеч. пер.*

скими владениями. В то же время другие немцы верили, что Германия — понятие не территориальное, а метафизическое: любой человек немецкого происхождения, говорящий на немецком языке, должен быть в первую и главную очередь предан своей единой германской отчизне, укорененной, подобно другим отчизнам, глубоко в прошлом. Другие же немцы, причем не только в Баварии, но также в Ганновере, Саксонии и Вюртемберге, областях с собственными правителями и собственными традициями, и тогда и потом сопротивлялись идее всеобъемлющей германской нации².

Практические, метафизические и исторические проблемы преследовали Франкфуртский парламент так же, как они преследовали габсбургский двор. Что, например, должно было стать со множеством поляков, проживающих в России? Если поляки еще могли оставаться подданными прусского короля — а в 1848 г. многие прусские деятели в большей степени, чем русские, были готовы признать польские культурные требования, — то они отнюдь не желали быть поглощенными германским национальным государством. Среди членов Франкфуртского парламента существовал большой разброс мнений по «польскому вопросу»: одни желали исправить несправедливость трех разделов Польши в XVIII в.; другие, напротив, хотели предотвратить образование независимого польского государства. Первоначально сочувствующие полякам были в большинстве, но затем мнения переменялись. И когда, наконец, в Великом княжестве Познанском, области Польши, входившей в состав Пруссии, вспыхнула открытая борьба между немцами и поляками, германская национальная солидарность восторжествовала над поддержкой польского национализма и космополитической верой в то, что различные национальные идеи взаимно дополняют друг друга.

Скользкие темы затрагивались и в связи с Данией. Во Франкфуртском парламенте звучало много шовинистических речей о немцах и датчанах, а также, разумеется, о немцах и «ехах. Повсеместно раздавались презрительные слова о «ничтожных национальностях», стремящихся «построить свою жизнь среди нас и жить, подобно паразитам, чтобы нас уничтожить». Чешский политик и историк Франтишек Палацкий с самого начала разъяснил, что чехи не стремятся быть представленными во Франкфуртском парламенте. «Если бы австрийского государства не существовало, — сказал он Франкфуртскому парламенту в своей знаменитой речи, — его следовало бы создать в интересах Европы». Ровно за 500 лет до революций 1848 г. в Праге был основан немецкий университет. Теперь же Богемия видела свое будущее в многонациональной Габсбургской империи,

110 ГЛАВА 3

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 111

реформированной на федеративных началах. Это не было реализовано ни тогда, ни позднее.

В Габсбургской империи власти долго и упорно старались стравливать один народ с другим, и в 1848 г. возникла серьезная путаница — что следует называть «революционным», а что «контрреволюционным». Причиной стала прежде всего венгерская революция, первая фаза которой увенчалась успехом, так как император в качестве венгерского короля принял ее требования. Многие увидели в ней не социальную угрозу, а угрозу «подчиненным национальностям» Габсбургской империи, среди которых были хорваты, словаки и русины, — все эти народы жили на территории Венгерского королевства. Мадыарскую гегемонию в Венгрии поддерживал и руководитель венгерской революции Кошут. Когда в июле 1848 г. начались заседания нового национального собрания, хорваты восстали. Венгерский сейм постановил, что все кандидаты в депутаты должны говорить по-венгерски (до этого официальным языком была латынь) и что старые хорватский и трансильванский сеймы следует распустить.

К тому времени пражские события уже прошли фазы революции и реакции. На созванном чехами в Праге 21 июня 1848 г. Славянском конгрессе председательствовал Палацкий, видевший в нем противовес как венгерскому, и Франкфуртскому парламентам. Однако на этом конгрессе вскрылись существенные межславянские противоречия, например, между чехами и словаками или между чехами и поляками; причем поляки были хорошо расположены к венграм и намного хуже относились к чехам. Конгресс принял резолюцию о созыве «всеобщего Конгресса европейских народов» «для обсуждения всех международных вопросов», но эта резолюция не оказала на политику никакого влияния. Восстание в Праге, начавшееся в день завершения работы конгресса и так же, как и в Вене, возглавленное рабочими и студентами, было подавлено австрийскими войсками за пять дней.

Затем была подавлена венгерская революция, хотя здесь потребовалось гораздо больше времени, и события развивались в несколько этапов. В сентябре 1848 г. император, стремившийся отозвать «Мартовские законы», объявил войну революционной венгерской власти, чем вызвал новые

беспорядки в Вене. Пятого января 1849 г. Виндиш-грец вступил в Будапешт. В феврале 1849 г. австрийская армия победила венгров при Капольне, и после распуска на следующей неделе рейхстага была провозглашена новая унитарная конституция, не принимавшая во внимание венгерских и чешских требований ввести в габсбургских владениях федеративное устройство. Как следствие, Венгрия, отвергнув Габсбургов, провозгласила в апреле 1849 г. свою независимость; верховным правителем был назначен Кошут. После первых побед, упорного сопротивления, сложных маневров и русской интервенции его власть в августе 1849 г. пала. (Одна крепость держалась до ноября.) Несколько лет Венгрия оставалась на военном положении и находилась под управлением присланных из Вены немецких чиновников. Кошут, закопав венгерскую корону близ границы, бежал в Турцию, а затем в Лондон. Там ему был оказан прием как герою, однако британский министр иностранных дел Палмер-стон отказался его принять. Кошут также посетил Соединенные Штаты, где к концу XIX в. нашли свой дом миллионы эмигрантов различных национальностей Центральной Европы и Балкан. Порой их там насчитывалось больше, чем в собственных столицах.

Итак, второй урок 1848—1849 гг. заключался в том, что национализм проявил себя как сила, скорее способствовавшая конфликтам, чем освобождению. Оставляя за скобками Германию и ограничиваясь лишь венгерским и славянским опытом, можно было понять, что новый *международный* порядок, основанный на сосуществовании народов, повлечет за собой столько же конфликтов интересов, что и старый династический порядок, стремившийся к «равновесию сил». Такой же урок был преподан, по существу, в Османской империи, где в столице Валахии Бухаресте разразилось восстание и в июне 1848 г. было создано новое независимое правительство, провозгласившее единство валахов, молдаван и трансильванцев как свободных румын. Между венграми, с одной стороны, и говорящими на романском языке валахами и молдаванами — с другой, существовали глубокие различия, лингвистические и культурные. Такие же противоречия были и между жившим в тех землях немецким меньшинством и прочим населением. Когда Николай I помог султану подавить румынское восстание, мир увидел династическое, а не революционное братство.

1848 год, писал сэр Льюис Нэмир, выдающийся британский историк польского происхождения, обозначил «начало эры языкового национализма, формирования массовых идентичностей и следовавших за этим неизбежных конфликтов»³. Если термин «массовые идентичности» вызывает вопросы, то «языковой национализм», часто усиленный религией, действительно становился после 1848—1849 гг. все более серьезной силой. Тем не менее укоренившиеся предрассудки были опаснее для будущего Европы, чем языки, на которых они выражались; причем предрассудки эти существовали и между народами, говорившими на одном языке. В мае 1848 г., например, французский военный офицер сообщал, что французские землекопы, трудившиеся

112 ГЛАВА 3

на Дюнкеркской железной дороге, «напали на бельгийских рабочих, которые, забрав свое жалование, вернулись домой».

В Италии, где ревнители языка были воспитанными, зачастую очень образованными людьми, единый язык едва ли существовал. Вне зависимости от диалекта местные и региональные различия (а также несовершенные средства сообщения) разделяли людей, говоривших на разновидностях итальянского языка, но нередко все еще не воспринимавших себя в качестве «итальянцев». В борьбе за объединение существовали огромные проблемы национального и иного порядка, что полностью осознал Кавур, министр Карла Альберта. Поражение, нанесенное в марте 1849 г. Карлу Альберту под Новарой австрийскими войсками под командованием Йозефа Радецкого, вынудило сардинского короля признать австрийскую власть в Ломбардии и Венеции и выплатить Вене большую контрибуцию. Он отрекся от престола, чтобы, не особенно печалься, провести остаток дней в Португалии, которая в дальнейшем станет домом для многих других беженцев королевских кровей. Ему наследовал сын Виктор Эммануил. Радецкий же вплоть до отставки в 1857 г. служил генерал-губернатором и военным командующим Ломбардии и Венеции.

За это время появилась и исчезла недолговечная Римская республика. Новый Наполеон восстановил власть папы Пия IX, который стал одним из самых непримиримых врагов любых версий либерализма как в самой Италии, так и за ее пределами. Принципы, казалось, играли здесь небольшую роль, по крайней мере для французской стороны, ведь именно у Наполеона искали поддержки многие итальянские националисты. Направленные в Рим французские войска встретили храброе сопротивление повстанцев под началом Джузеппе Гарибальди, одного из величайших революционеров в истории, но их сопротивление было сломлено, и французы оставались в Риме, защищая папу, вплоть до франко-германской войны 1870 г. и падения Наполеона III. На недолгое время Мадзини, ранее

торжественно придерживавшийся «служения принципам», стал «триумвиром» Римской республики, провозглашенной 9 февраля 1849 г. избранным всеобщим голосованием Учредительным собранием. После 1849 г. он больше никогда не занимал государственных должностей.

Роль силы

Третий урок 1848—1849 гг. состоял в том, что в бою и на баррикадах сила восторжествовала над принципами. *«Einheit, Freiheit und Macht»*

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 113

(Единство, Свобода и Сила) — так звучал немецкий лозунг 1848 г.; отныне акцент сдвигался на слово *«Macht»*. Именно в Германии был изобретен термин *«Realpolitik»*, по существу — политика силы, и именно здесь огромное влияние оказал величайший военный теоретик XIX в. пруссак Карл фон Клаузевиц, чьи труды спустя много лет после его смерти вдохновляли главнокомандующего прусским Генеральным штабом в 1858-1888 гг. Гельмута фон Мольтке. Мольтке ставил работы Клаузевица наравне с поэмами Гомера и Библией. Клаузевиц вступил в прусскую армию в 1792 г. и в тот же год был отправлен на французский фронт. Его военный опыт, впрочем, был не только прусским. У французов он научился тому, как важно вовлечь в войну всю нацию. Он также многое вынес из службы в русской армии. Он сражался под Бородином, видел горевшую Москву, участвовал в сражении при Ватерлоо. Именно опыт наряду с «наукой» привели Клаузевица к заключению, что «подлинным воинским духом» проникнута только «армия, сохраняющая свой привычный порядок под губительным огнем, никогда не поддающаяся панике перед воображаемой опасностью, а перед лицом действительной — оспаривающая каждую пядь поля сражения; армия, гордая сознанием одержанных побед, которая и на краю гибели, после поражения, сохраняет силу послушания и не утрачивает уважения и доверия к своим начальникам; армия, физические силы которой закалялись среди лишений и трудов, как мускулы атлета...»*. Этому он учил, будучи в 1818—1830 гг. директором Германского военного училища в Берлине.

Прусская армия стремилась добиться такой силы духа, однако вовсе не в военной, а скорее, в экономической сфере. Пруссия, оттеснив Австрию, еще до 1848 г. фактически встала во главе Германии, действуя через Таможенный союз. По словам одного британского наблюдателя, сказанным в 1840 г., это «переместило чувство германского сознания из области надежд и фантазий в сферу положительных и материальных интересов». То обстоятельство, что в Таможенный союз не входила Австрия, не развязывало, однако, полностью Пруссии рук. И после 1849 г., когда вакуум, созданный уходом Меттерниха, был заполнен Шварценбергом, Австрия сохраняла свое господство в политике и дипломатии.

Генералу Йозефу фон Радовицу, другу Фридриха Вильгельма, одному из тех, кто надеялся, что Пруссия могла бы перехватить это лидерство, не удалось осуществить планы по контролю за только что образованной федерацией германских государств — Эрфуртс-

Рус. пер. цит. по: Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 119. — Примеч. пер.

114 ГЛАВА 3

ким союзом. Шварценберг мудро выждал время и согласился на так называемый промежуточный срок, в течение которого Пруссия с Австрией должны были совместно наблюдать за германскими делами. Когда 1 мая 1850 г. промежуточный срок истек, а в Габсбургской империи уже был восстановлен порядок, Шварценбергу удалось восстановить старый сейм Германского союза в том же виде, что и до 1848 г. Бывали напряженные моменты, когда Австрия и Пруссия противостояли друг другу по вопросу размещения войск в герцогствах Шлезвиг-Гольштейн и Гессен, но тогда именно Пруссии пришлось отступить.

Радовиц потерял свою власть и был направлен послом в Лондон. В ноябре 1850 г. в Ольмюце* Пруссия достигла соглашения с Австрией, отказавшись от независимой политики и по сути признав австрийское лидерство в германских делах. Наконец, в мае 1851 г. между двумя странами был подписан трехгодичный договор, явно односторонний по своему характеру. Пруссия гарантировала сохранение австрийской власти в Италии, но соответствующие гарантии прусской власти в Рейнской области отсутствовали. Прусское лидерство сохранялось лишь в экономической сфере. Таможенный союз упорно противился австрийским попыткам развалить его, и в 1853 г. был вновь продлен на 12 лет. В долговременной перспективе Австрия, экономически более слабая, не могла сохранить свою гегемонию в германской политике, подтвержденную в 1849 и 1850 гг. Но чтобы это гегемония окончательно перешла к Пруссии, потребовались не дипломатические усилия, а война — короткая, но ожесточенная, которая, в соответствии с правилами Клаузевица, являлась «продолжением политики».

Язык силы раздавался еще в 1848—1849 гг., причем со стороны левых, а не консерваторов. «Если бы я знал, что единство и будущее величие Германии достижимы через временный отказ от свобод, — провозгласил либеральный депутат в феврале 1849 г., — мне следовало бы первому

подчиниться такому диктату». (Это заявление дополнило известную фразу Людвиг Уланда, одного из самых популярных немецких поэтов, сказавшего месяцем ранее: «Германию озарит лишь голова, помазанная демократическим миром».) Когда Пруссия вынуждена была подчиниться австрийскому (и в значительной степени русскому) давлению и вывела свои войска из Южной Дании, где они находились в 1848-1849 гг., поддерживая проживавших в Шлезвиг-Гольштейне немцев, именно радикальные члены Франк-

* Чешское название города — Оломоуц. — *Примеч. пер.*
СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 115

фуртского парламента наиболее резко протестовали против оскорбления, нанесенного германскому «национальному духу» и «военной чести».

Человек, нашедший путь к объединению Германии, был не радикалом, а консерватором. Отто фон Бисмарк, сын прусского помещика-юнкера, возглавил прусский кабинет только в 1862 г. Родившись в 1815-м — в год Ватерлоо, — он впервые заявил о себе во время революций 1848 г.

Услышав, что Фридрих Вильгельм IV не мог спать, взволнованный революцией, Бисмарк просто заметил, что «королю должно быть позволено спать». Самому Бисмарку спать было трудно. Он был наиболее чутким среди консерваторов, человеком из нервов и железа.

В ретроспективе Бисмарк выступает главным архитектором объединения Германии. И до, и после этого события он следовал тонкой и хитрой политике, используя среди прочего и личный фактор. То объединение, которого достиг Бисмарк, не подразумевало централизации, за исключением сугубо дипломатических и военных вопросов. Германия тогда (как и сейчас) сохраняла высокую степень региональной и местной инициативы. Величайшее умение Бисмарк проявил, используя отдельных людей и целые группы для достижения собственных целей и избавляясь от них, когда те переставали соответствовать его интересам. Служа прусским королям, он отдавал себе отчет в их личной ограниченности, в особенности в их зависимости от родственников. Он был хорошо осведомлен о недостатках династической дипломатии в связанной королевскими браками Европе, но знал, как верно ее использовать.

В деле служения «Германии» Бисмарк всегда ставил на первое место интересы Пруссии. «Какого черта я должен заботиться о мелких [германских] государствах? — спросил он однажды. — Моя единственная забота — это хранить и приумножать мощь Пруссии». «Единственным здоровым основанием большого государства... является не романтизм, а государственный эгоизм; великому государству не стоит сражаться за то, что не связано с его собственными интересами»⁴. Это классическое выражение *Realpolitik*. Здесь не было ничего общего с либеральным германским национализмом Франкфуртского парламента — даже тогда, когда этот национализм требовал применения силы. «Германия, — постоянно повторял Бисмарк, — смотрит не на либерализм Пруссии, она смотрит на ее мощь... Со времен венских договоров наши границы плохо приспособлены для государства. Великие вопросы нашей эпохи будут решаться не речами и резолюциями большинства, но кровью и железом».

S 2444

116 ГЛАВА 3

Бисмарк пришел к власти в 1862 г., резко нападая на «болтунов», неспособных, по его словам, управлять Пруссией. Во внешней политике они были просто «детьми». Его всегда глубоко интересовала внешняя политика, в том числе и когда в 1851 — 1858 гг. он был представителем Пруссии в обновленном Германском союзе. Затем с 1858 по 1862 г. он служил послом в России, а потом в течение нескольких месяцев 1862 г. — в Париже, где имел возможность по достоинству оценить нового Наполеона. Из этого полезного опыта он узнал, как иметь дело с Россией и как относиться к Наполеону III, что оказалось полезным в наступившем десятилетии перемен. Обе страны занимали ведущее место в его взглядах на международное положение, в то время как Британия скромно шла третьей.

Еще более важными для его планов были отношения с Австрией, поскольку пока она, а не Пруссия играла главную роль в Германии, германское объединение оставалось невозможным. Оскорбленный тем, что он называл «безмерными амбициями» австрийцев, он готовился провести «необходимую», по его словам, войну между Пруссией и Австрией в 1866 г., чтобы окончательно решить вопрос о господстве в «Германии». Однако он желал, чтобы Австрия была сильной, а не слабой, и придавал первостепенное значение сохранению долгосрочных австро-германских связей.

Отношения с Францией, столь важные для немецких политиков после 1945 г., не занимали существенного места в его воззрениях. Он хотел баланса сил в Европе, а не их объединения. Он

также полагают — и справедливо, — что поскольку Франция поощряла и даже представляла силы европейских «движений», Пруссия могла извлечь из этого пользу, пока в Париже правил Наполеон III. Для Бисмарка период после 1852 г. был «переходным» в европейской истории. Он закончился в 1870 г. второй из его «необходимых» войн — так он их теперь называл, — на этот раз между Францией и Пруссией. Э.Дж. Тэйлор утверждал, что в 1870 г. Бисмарк скорее объединил Германию, чтобы победить Францию, чем победил Францию, чтобы объединить Германию⁵.

Дипломатия и война

На протяжении этого переходного периода, который в экономическом смысле был временем бума, а не перехода, действительно наблюдались многие признаки международных перемен, за которыми после 1852 г. Бисмарк следил под различным углом зрения. В начале пятидесятых годов политика Шварценберга по укреплению влия-

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 117

ния Австрии на небольшие южногерманские государства и политической и дипломатической изоляции Пруссии при благожелательном отношении России казалась крайне успешной. Средние германские государства с подозрением смотрели на амбиции Пруссии, а Россия — защитник габсбургских интересов в 1849 г. — продолжала быть настороже. «Никто в большей степени не нуждается в сильной и могущественной Австрии, чем я», — сказал Николай I матери молодого австрийского императора Франца Иосифа в декабре 1848 года.

Экономика не имела ничего общего с этими расчетами. Немного места занимала она и в расчетах самого Бисмарка. Однако фоном — а иногда и авансценой — периода 1852—1870 гг. был экономический рост, прерванный кризисами 1857 и 1867 гг. Сельское хозяйство процветало, промышленность была на подъеме. Железные дороги выступали не только символом, но и фактором перемен. Ту же роль сыграла большая Всемирная выставка 1851 г., проведенная в грандиозном Хрустальном дворце в Лондоне, где различные страны, «все нации», в том числе Германия и Франция, экспонировали свои многочисленные достижения. «Труд» был в почете — а в Британии, где это время будет осмыслено не как «переходный период» социального равновесия, а как «середина викторианской эпохи», он стал чем-то священным. Не менее священным стало «евангелие мира», хотя в 1851 г. Наполеон, считавший себя человеком Судьбы, расширил свою власть путем государственного переворота, подтвержденного референдумом, и в том же десятилетии Франция и Британия (Пруссия и Австрия ограничились ролью зрителей) решились на войну с Россией, ставшую первой войной «великих держав» после 1815 года.

Именно Россия, спасшая Габсбургов в 1848—1849 гг., оказалась после 1851 г. на переднем плане европейской дипломатии. Избежав в 1848 г. революции, она в 1854 г. была втянута в войну. Опасные точки в европейском балансе сил располагались на географических рубежах континента — на севере в Шлезвиг-Гольштейне, историческом ключе к Балтике, и на юге, в Османской империи, которую Николай I и другие считали «больным человеком Европы». И после того как проблема Шлезвиг-Гольштейна была, как казалось, решена (пусть и с трудом) заключенным в мае 1852 г. Лондонским договором, определявшим порядок наследования датского престола и признававшим власть Дании в обоих герцогствах (позволяя, однако, Гольштейну быть представленным в Германском союзе), внимание великих держав обратилось на Восток.

118 ГЛАВА 3

Наполеон, провозглашенный в 1852 г. императором (после плебисцита), справедливо полагал, что активная политика в Восточной Европе и союз с Британией обеспечат его режиму необходимые безопасность и престиж. В то же время широкие круги британского общества, взбудораженные прессой, еще в большей мере, чем британские правительства, считали, что Россия угрожает жизненным интересам их страны.

Впрочем, когда в 1854 г. война разразилась (Кобден резко выступал против), эти обстоятельства не стояли в центре обсуждения. Ее непосредственные причины, в том числе и за пределами Европы, были более запутанными, чем ее последствия. Предметом спора между Францией и Россией стал контроль над святыми местами, объектами религиозного почитания в Иерусалиме и его окрестностях — в регионе, который в начале XXI в. будет играть еще большую роль в международной жизни. Когда в 1852 г. Османское правительство даровало католикам равные права с Греческой православной церковью (и полный контроль над церковью Рождества в Вифлееме), Россия оказала сильное давление на султана, послав войска к границам Молдавии и Валахии (будущей Румынии) и направив в Константинополь комиссию, чтобы потребовать соблюдения права России покровительствовать православным христианам и предложить британскому послу план раздела турецких земель. Когда возглавлявшаяся князем Меншиковым миссия провалилась, Молдавия и Валахия были оккупированы, что вызвало протесты со стороны Британии и Франции. После того как австрийские попытки

остановить войну не увенчались успехом, Турция в октябре 1853 г. объявила войну России. В марте 1854 г. войну ей объявили Британия и Франция, впервые за долгие века оказавшиеся по одну сторону фронта.

Война длилась достаточно долго, чтобы вскрыть военные и административные провалы обеих сторон. Существенными были потери в живой силе, которые превосходили показатели любой войны между 1815 и 1914 гг. (300 тыс. русских, 100 тыс. французов и 60 тыс. британцев). От болезней, в первую очередь от тифа, людей погибло больше, чем в сражениях. Разразилась и эпидемия холеры, еще более усугубившая трудности послереволюционного периода и вновь выявившая неспособность контролировать ее распространение. Флоренс Найтингейл, «леди со свечником», организовавшая уход за больными, ранеными и умирающими англичанами, стала национальной героиней. Россия, у которой в ходе войны не появилось ни героинь, ни героев*, взяла

Так у автора. — *Примеч. пер.*

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 119

в свои руки инициативу поиска выхода из войны. В марте 1855 г., после смерти Николая, на престол взошел Александр II, который, столкнувшись с угрозой вступления в войну Австрии, предложил мир до того, как мощь — или слабость — одной из сторон проявились бы в полной мере. Тем не менее, как замечает британский историк Э.Дж. Тэйлор, несмотря на проявленное союзным командованием неумение, из пяти иностранных вторжений в Россию на протяжении XIX—XX вв. (1812, 1854, 1916-1918, 1919-1920, 1941) это было наиболее успешным.

Парадоксально, но заключенный в 1856 г. Парижский мир продолжил путь к дальнейшему взаимопониманию между Францией и Россией, что признал наблюдавший за событиями Бисмарк. «Вы желаете частично изменить Парижский договор», — мог написать Наполеон Александру II в 1858 г., добавляя при этом, что он также «частично изменил бы договоры 1815 г.». Два договора действительно были тесно связаны друг с другом. По условиям мира 1856 г., объявившего Черное море нейтральным и ограничившего возможности России давить на Константинополь, судоходство по Дунаю стало свободным. В то же время Османская империя была признана субъектом «публичного права и системы Европы», европейского «концерта», из которого султан был исключен в 1815 г. Идея такого «концерта» пережила крах разработанной в 1815 г. системы регулярных конгрессов, и все представленные в Париже великие державы одобрили Декларацию по морскому праву.

После окончания Крымской войны престиж Наполеона резко возрос. Британия же, одержав нелегкую победу, узнала, с какими проблемами сталкивается «либеральное государство на войне» (причем воинствующие антирусские слои требовали победы более убедительной). Сардинское королевство, присоединившееся к союзу Британии и Франции, что подкрепило его притязания на одну из ведущих ролей на европейской сцене, выиграло от самого своего присутствия на Парижском конгрессе. Россия потеряла некоторые территории и долю своего престижа, она была вынуждена отдать некоторые части Бессарабии зависимой от Турции Молдавии, которой в будущем предстояло стать частью Румынии. Османская империя получила поддержку Запада, но сильнее не стала. Султан согласился даровать значительную степень автономии не только Молдавии и Валахии, но и Сербии, которая завоеует полную независимость в 1878 г. (Турецкие гарнизоны были выведены из Белграда в 1867 г.) Таким образом, создавалась почва для дальнейшего соперничества Австрии и России на Балканах, и это соперничество зачастую оказывалось сильнее единства интересов в борьбе с революционными движениями.

120 ГЛАВА 3

Со временем Бисмарку удалось использовать память о Крымской войне в своих интересах. Экономике он также обратил себе на пользу. В 1862 г., в год прихода Бисмарка к власти, торговый договор Пруссии и Франции лишил Австрию надежд на вступление в экономический союз, возглавляемый Пруссией. В политических вопросах некоторые малые германские государства могли бы оглядываться на Вену; в экономических планах это было невозможно. Австрийская экономика отставала в техническом отношении. Экономический рост Пруссии был значительным еще до того, как появилось массовое сталелитейское производство, ставшее одной из основ бисмарковской политики «крови и железа». Даже в 1860 г. Франция все еще производила больше чугуна, чем Германия. Важнейшей составляющей прусского экономического могущества стала военная промышленность — взлет Круппов и немецкой индустрии вооружений. На Всемирной выставке 1851 г. в Лондоне, когда воспевалось «евангелие мира», Крупп продемонстрировал огромное артиллерийское орудие, а также рекордно большой кусок стали.

Задним числом становится ясно, что между 1862 и 1871 г., когда Вильгельм I, наследовавший Фридриху Вильгельму IV в 1861 г. в качестве прусского короля, был коронован германским императором, сложная дипломатия Бисмарка имела свою логику. Вильгельм был регентом еще с 1857 г., после потери королем дееспособности. Хотя он был глубоко консервативен, он твердо верил в прусскую миссию объединения Германии. Тем не менее, как и в случае «революционной логики» 1790-х или 1848—1849 гг., последовавшие события не были ни подготовлены, ни запланированы. Бисмарк,

получивший власть в 1862 г. в силу внутренних, а не внешнеполитических причин, был назначен премьер-министром, чтобы справиться с прусским парламентом. В первую очередь он думал о настоящем, исходя во всех своих расчетах из его изменчивости. «Когда меня спрашивали, являюсь ли я прорусским или прозападным, — писал он в письме 1857 г., — я всегда отвечал, что я пруссак и что мой идеал во внешней политике — это... независимость в решениях, достигнутая без давления или отказа от привязанности к иным государствам и их правителям... Я бы с равным удовлетворением наблюдал наши войска, стреляющие по французам, англичанам или австрийцам».

Перед приходом Бисмарка к власти в 1862 г. позиция Австрии и Франции полностью переменялась. Именно эта перемена, ставшая результатом объединения Италии, сделала возможной его политику шестидесятых годов. Здесь важна хронология. Даже в 1860 г. прусский принц-регент говорил Наполеону III, что не надеется своими глазами

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 121

увидеть объединение Германии, а когда в Кенигсберге он был коронован королем Пруссии, ни он, ни Бисмарк не могли предвидеть, что девятью годами позже он станет германским императором, причем коронация произойдет не в Германии, а в Версале. Но и это не стало концом истории. После первой мировой войны в 1918 г. французы отомстят за Версаль, и Гогенцоллерны потеряют свой трон, а после второй мировой войны Кенигсберг станет русским городом.

Объединение Италии

Ключевой фигурой итальянской политической жизни был премьер-министр Сардинии и Пьемонта Камилло ди Кавур. Он был пятью годами старше Бисмарка и, вступив в парламентскую политику в июне 1848 г. в Турине, стал премьер-министром уже в 1852 г., на десять лет раньше Бисмарка. Как и Бисмарк, он в полной мере пользовался все большей неустойчивостью международных отношений в Европе, стремясь добиться возможного. Чтобы достичь своих целей, он был готов использовать договоры, битвы и закулисные интриги. Хотя Кавур редактировал «// *Risorgimento*», он презирал «неистовых, свирепых и абсурдных» революционеров и однажды сказал, что с готовностью использовал бы их как удобрение для своей сахарной свеклы.

Кавур был младшим сыном одного аристократа, его мать, француженка по происхождению, жила в Швейцарии. Он сам легче писал по-французски, чем по-итальянски. С широты своих европейских представлений он был хорошо осведомлен обо всех проблемах своей страны, которую он однажды назвал «наш бедный полуостров». Кавур даже считал объединение Италии «чепухой». Оно стало для него, по сути, побочным продуктом борьбы за независимость и ряда исключительных и непредвиденных событий, из которых он смог извлечь пользу. Он знал, что в процесс объединения были вовлечены, помимо него, и другие деятели и что для некоторых из них объединение было основной целью. В некотором отношении он в своих воззрениях был ближе к Пилю и Гизо, которыми восхищался, чем к Бисмарку. Кроме того, многие его действия были связаны с вопросами, унаследованными от более ранней эпохи, чем бисмарковская. Так, он, подобно просвещенному монарху XVIII в., распустил половину монастырей в Сардинии и Пьемонте и поддержал ликвидацию церковных судов, сохранившихся в своей первоначальной форме в Италии — и нигде больше в Европе. Планируя совсем иные мероприятия, он разделял идеи Пили о свободной торговле, необходимости экономического прогресса

122 ГЛАВА 3

(включая сельскохозяйственные улучшения) и важности предупреждения «всеобщего политического и социального переворота». В 1835 г. он посетил Британию и был глубоко впечатлен промышленным Бирмингемом и торговым Ливерпулем, где увидел работный дом и откуда на поезде поехал в Манчестер. Железные дороги, признавал он, являются символом процветания. Даже в 1859 г. половина железных дорог в Италии пролегла в Сардинии и Пьемонте.

Британский посланник в Турине, восхищенный деятельностью Кавура и помогавший ему в достижении его целей, назвал его «финансистом, последователем Адама Смита до кончиков ногтей, а не завоевателем, чьи цели — государственный долг и империя». Но здесь недооценены дипломатическая тонкость Кавура и размах его деятельности. Она не была исключительно экономической — и если он сам не интересовался созданием империи, он не мог игнорировать существование империи Габсбургов. В Италии независимость, в первую очередь означавшая самостоятельность от Австрии, играла совсем иную роль (и с борьбой за нее была связана совсем иная история), чем в Германии. Кавур мог естественно говорить об угнетавших Италию «варварах», «окопавшихся» в Ломбардии. При всем желании Бисмарк не мог прибегнуть к подобному языку, говоря об австрийцах в Германии. Он довольствовался тем, что при разговоре с их посланниками снимал верхнюю одежду и демонстративно курил сигары в их присутствии.

Ход итальянской политики и достижение в два этапа — в 1861 и 1870 гг. — итальянского единства зависели от многих людей как в Италии, так и за ее пределами. Кавур не испытывал никакого сочувствия к итальянским революционерам вроде Мадзини, объединившего в 1853 г. своих

последователей в Партию действия. Когда в том же году Мадзини и его сторонники попытались организовать республиканскую революцию в Милане, Кавур открыто выступил против них, за что получил благодарность австрийцев. Тем не менее он искал расположения Национального общества, главной силы Ри-сорджименто в Италии, хотя в него входили итальянцы-радикалы, чьи взгляды на социальную политику и объединение Италии отличались от его собственных. Триумфом Кавура стало обращение Общества к Виктору Эммануилу как к королю Италии. Кавур говорил об одном из его лидеров, Даниэле Манина, как о «всегда немного утописте», но при этом понимал, что даже такой утопизм может при «удобном случае» быть «полезным».

Затем он продолжил идти иным путем, чтобы показать, что не меньше Мадзини думает, как избавиться от австрийцев. Оглядываясь по сторонам в поисках союзников, он с самого начала понимал, что

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 123

прежде всего Италии необходимо добиться поддержки со стороны Франции. Когда в 1855 г. Кавур принял решение вовлечь Италию в Крымскую войну, он сделал это, опасаясь, что Австрия может вступить в войну раньше них. В конце войны на Парижском конгрессе он провел удачные переговоры с Наполеоном III, продолженные в Пломбьере летом 1858 года.

По так называемому Пломбьерскому пакту (он был секретным, и детали его Кавур кабинету не раскрыл) Наполеон признавал «принцип национальности» и объявлял, что вступит в войну, чтобы изгнать Австрию из Ломбардии и Венеции. Это, конечно, было бы повторением достижений Наполеона I. Другое повторение заключалось в соглашении Наполеона III и Кавура о браке двоюродного брата Наполеона, Жерома, человека средних лет, с 15-летней дочерью Виктора Эммануила. Наиболее циничной стороной сделки — демонстрацией торга в ка-вуровской *Realpolitik* — было то, что Сардиния и Пьемонт отдавали Франции Савойю и Ниццу. Неформальное соглашение в Пломбьере стало формальным договором в январе 1859 г. Затем Франция нашла понимание у России. Россия соглашалась с переменами в Италии, а Франция поддерживала Россию в пересмотре недавних решений Парижского конгресса о закрытии Черного моря.

Кавуру оставалось найти повод к войне. Поначалу это казалось сложным, так как даже дружественные страны, вроде Британии, настаивали на европейском урегулировании «итальянского вопроса» мирными средствами. (Палмерстон и в период всеобщего возбуждения в 1848 и 1849 гг., всегда признавал необходимость сохранения стабильности в Австрии.) Но во время «военной тревоги» (явления, которое станет привычным накануне 1914 г.) австрийцы сыграли на руку Кавуру, как позднее (подобно французам в 1870 г.) они сыграют на руку Бисмарку. Когда Кавур в марте 1859 г. мобилизовал сравнительно небольшую армию Сардинии и Пьемонта, австрийцы ответили в апреле мобилизацией своих гораздо более многочисленных войск; и когда они пошли дальше и в том же апреле 1859 г. предъявили Сардинии и Пьемонту ультиматум, требуя «разоружения» итальянской стороны в трехдневный срок, Кавур отверг его и Наполеон, согласно своему обещанию, вступил в Италию.

Война шла не совсем по плану, так как Наполеон не был Бисмарком. Однако она продолжалась всего лишь шесть недель; решающими стали две дорого обошедшиеся франко-итальянские победы под Маджентой и Сольферино. В ходе военных действий использовались железные дороги, и именно бойне при Сольферино обязан рождением Красный Крест — Жан Анри Дюнан, швейцарский наблюдатель на

124 ГЛАВА 3

поле сражения, ужаснулся тому, как ухаживали за ранеными с обеих сторон. Мир также был заключен не в соответствии с планом, так как Наполеон, внезапно изменив тактику, пошел на контакт с Австрией прежде, чем того хотел бы Кавур, и тайне от него в секретных переговорах с Францем Иосифом под Виллафранкой согласился оставить Венецию и герцогства Центральной Италии в руках австрийцев. Австрийцам следовало лишь отказаться от Ломбардии. Наполеон также предложил создать Итальянскую конфедерацию с папой в качестве президента и при участии Австрии в роли одного из членов. Глубоко потрясенный, Кавур подал в отставку после сцены между ним и королем, более бурной, чем какая-либо из тех, что происходили между Бисмарком и королями Пруссии.

Но колесо фортуны не останавливало свой ход и спустя несколько месяцев после Виллафранкского пакта Кавур вновь вернулся в свой кабинет, а Сардиния и Пьемонт вдвое увеличили свою территорию, включив не только Ломбардию, но также три герцогства Центральной Италии и часть Папской области. Более того, новое британское правительство — в 1859 г. прошли всеобщие выборы — открыто и ясно объявило, что не позволит мешать действиям итальянцев. Палмерстон, британский премьер-министр в 1859-1865 гг., и его министр иностранных дел лорд Джон Рассел в этот важнейший момент итальянской истории настолько страстно защищали Италию, что получили прозвище «два старых итальянских господина». Гладстон, будущий лидер британского либерализма, служивший при Пиле, но вошедший в правительство Палмерстона как канцлер казначейства, был также настроен проитальянски.

Итальянские дела напрямую способствовали превращению его в популярного политика. Расширение Сардинии и Пьемонта прошло в несколько отдельных этапов. После Виллафранки учредительные собрания Пармы, Модены, Тосканы и Романьи образовали союз с общей армией и обратились к Сардинии и Пьемонту за руководством. Кавур вновь пришел к власти, уверенный в британской поддержке, и когда Наполеон (это был еще один его крутой поворот) также согласился с полным изменением условий Виллафранкского пакта, Кавур сам объявил о готовности передать французам Ниццу и Савойю. Это произошло после вступления туда французских войск, пришедших не для ведения военных действий, а для организации плебисцита.

Однако Кавур не был единственным участником объединительного процесса, и разразившиеся вскоре события на юге Италии сначала встревожили, а не воодушевили его. Спустя два месяца после того, как Наполеон получил Ниццу и Савойю, Гарибальди вместе с тысячей

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 125

краснорубашечников — вскоре они стали в Европе еще известнее гарибальдийцев, героически защищавших Рим в 1849 г., — высадился в далекой Сицилии, где разразилось народное восстание против неаполитанского короля. «Тысяча» {на самом деле там было 1088 мужчин и одна женщина; причем самый большой отряд был из Ломбардии} вскоре овладела городом Палермо, три месяца спустя переправилась через стратегический Мессинский пролив и двинулась по Апеннинскому полуострову. Седьмого сентября гарибальдийцы вошли в Неаполь, где остановились перед походом на Рим.

Этот успех был намного более ослепительным, чем любое событие в Северной Италии, и более того, он был достигнут без всяких уловок. Гарибальди не прибегал к дипломатии; до высадки на Сицилию он рассматривал в качестве альтернативы высадку в своей родной Ницце, чтобы остановить французов. Его действия — во имя «Виктора Эммануила и Италии» — были слишком открытыми и прямыми для Кавура, который в тот критический момент нуждался во всех ресурсах *Realpolitik*, чтобы решить, что делать дальше. Он резко возражал против похода Гарибальди, но не мог ни предотвратить его, ни критиковать его исход. «Кабинет не продержался бы, — писал он позднее, — если бы попробовал остановить Гарибальди». В частном письме, написанном через шесть дней после высадки на Сицилию, он заметил, что «если сицилийское восстание будет подавлено, мы не скажем ничего; если оно увенчается успехом, мы вмешаемся во имя гуманности и порядка».

Опасаясь импульсивной натуры Гарибальди, его природного радикализма и огромной популярности, Кавур предпринял ряд шагов, чтобы задержать его на время, пока не будет найдено верное решение. Зная, что если войска Гарибальди войдут в Рим, это не будет иметь серьезных международных последствий — так как может вмешаться назначивший себя в защитники папы Наполеон III, которого может поддержать Австрия, — Кавур сделал вывод, что ему необходим еще более яркий триумф, чем у Гарибальди. Он должен был создать сенсацию, и это ему удалось. В день, когда Гарибальди вступил в Неаполь, Кавур отправил собственный ультиматум находившейся под защитой французов Папской области. Заявляя, что папа не в состоянии контролировать революционные движения на собственной территории, Кавур ввел туда войска, и 18 сентября при Кас-тельфидаро пьемонтцы победили папскую армию, которой командовал французский генерал-роялист, яростный противник Наполеона. Обойдя Рим, пьемонтцы двинулись к Неаполю и соединились с войсками Гарибальди, разгромившими 30-тысячную армию Бурбонов

126 ГЛАВА 3

под Вольтурно. Теперь Виктор Эммануил и Гарибальди вместе вошли в Неаполь.

Великие державы были не в состоянии напрямую вмешаться в эти события, хотя Британия и одобряла их исход, а Кавур заранее (очень цинично) согласовал этот свой наиболее смелый шаг с Наполеоном, чьи войска стояли на пути к Риму. Теперь вся Италия, кроме Венеции и области, непосредственно прилегавшей к Риму, контролировалась Сардинией и Пьемонтом.

«Партизаны» Гарибальди вскоре были спокойно распущены, и великий герой отправился жить (тихо, как надеялся Кавур) на остров недалеко от Сардинии. Плебисциты, проведенные на основе всеобщего избирательного права для мужчин в Неаполе, Сицилии и на захваченных папских землях, подтвердили желание населения стать подданными Виктора Эммануила (у них не было возможности проголосовать за независимые королевства), а конституция Сардинии и Пьемонта 1848 г., дарованная Карлом Альбертом своим подданным, теперь распространялась на новое Итальянское королевство. Виктор Эммануил II, сделавший в ходе этих неординарных событий много самостоятельных шагов, был объявлен королем, а Кавур стал его премьер-министром. Первый национальный парламент собрался в Турине в марте 1861 г. Впрочем, при его избрании правом голоса обладало лишь около 1% населения. Это было не всенародное собрание, и с самого начала оно столкнулось с проблемами, связанными с определением степени административной децентрализации.

Слово «национальный» вызывало многие вопросы, так же как и неизбежный выбор в качестве национальной столицы Турина, главного города Сардинии и Пьемонта. Между севером и югом существовали сильнейшие региональные различия — экономические, социальные и культурные, а во многих городах, старых и новых, имелись разногласия между «клерикалами» и «антиклерикалами», между «уважаемыми» политиками и радикальными революционерами. Виктор Эммануил отказался провозгласить себя Виктором Эммануилом I, а один из депутатов в-федерал истов в ходе первых заседаний национального парламента задал вопрос, почему Милан, Флоренция и Неаполь должны управляться из Турина. Беспорядки в Неаполе начались почти сразу же после объединения. Бунты в поддержку Бурбонов были лишь одним признаком недовольства. Другим стала так называемая «разбойничья война», в ходе которой крестьянские волнения унесли жизни многих мирных жителей. Новое действие драмы разыгралось в 1862 г., когда Гарибальди не удалось захватить Рим («*O Roma, o morte*» — «Или Рим, или смерть!»). Его добровольческая армия была

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 127

остановлена у Аспромонте — не французскими, а итальянскими войсками. К тому времени Кавура уже не было в живых, в 51 год он стал жертвой «лихорадки», видимо малярии. В марте 1861 г. он открыто заявил, что Рим, ключ к Италии, должен стать ее столицей. Теперь он внезапно исчез со сцены, на которой занимал центральное место.

В новом, но очень бедном Итальянском королевстве будет больше конфликтов, чем в процветающей новой Германской империи. Министры, заявлявшие о своей верности памяти Кавура — подобно тому, как «пилиты» в Британии заявляли о верности памяти Пиля, — стремились сохранить единство страны. Впрочем, пришедший на смену Кавуру премьер-министр происходил не из Сардинии и Пьемонта, а из Тосканы, и Турин на время уступил место Флоренции. В центре европейской сцены оказался теперь Бисмарк, получивший в 1862 г. власть, дав обещание, что король сможет править самостоятельно и не зависеть от парламента. С целью увеличения военного бюджета налоги были повышены и собраны без одобрения парламента. Бисмарк, презиравший либерализм (хотя умевший использовать его в своих целях), обладал необходимыми личными качествами, чтобы противопоставить либеральному лозунгу «народной армии парламента» лозунг «дисциплинированной армии, то есть людей в доспехах, на службе короля как верховного главнокомандующего». Австро-венгерский представитель в Британии граф Карольи полностью одобрял это: «Если демократию подавить внутри Пруссии, ее разрушительное влияние на остальную Германию также будет ослаблено».

Объединение Германии

Сделав возможным эффективное применение прусской армии в качестве инструмента политики, Бисмарк, желающий, чтобы все войны с ее участием длились недолго, должен был препятствовать созданию иностранных союзов или коалиций, могущих встать на его пути. Первый успех был достигнут в 1863 г., когда после попытки России призвать поляков-горожан в армию в Польше разразилось восстание. Вслед за восстанием Россия отменила все еще сохранившиеся польские свободы. Исчезло даже прежнее название — «Царство Польское»*. Бисмарк завоевал расположение России, отклонив все протесты прусских либералов в защиту Польши. Так же жестко повел он

* Оно не было отменено, однако в официальных документах стало использоваться словосочетание «Привислинский край». —

Примеч. ред.

128 ГЛАВА 3

себя и с прусским кронпринцем, когда тот тоже выразил подобный протест. В том же году Бисмарк предпринял ряд шагов на северных рубежах, призванных позволить в 1866 г. успешно провести войну против Австрии.

Когда в ноябре 1863 г. умер датский король Фредерик, вновь был поднят вопрос о том, кто должен править южнодатскими и немецкими герцогствами Шлезвигом и Гольштейном. Объявился немецкий претендент Фридрих Августенбергский, провозгласивший себя герцогом Шлезвиг-Гольштейна. Бисмарку удалось избежать европейского вмешательства в спор — отчасти благодаря своему искусству, отчасти в силу случая, — и после успешного военного вмешательства, санкционированного германским бундестагом, он добился соглашения, по которому датский король, игнорируя Фридриха, передавал все права на герцогства Шлезвиг и Гольштейн королю Пруссии и австрийскому императору. В 1865 г. была подписана явно временная Гаштейнская конвенция, согласно которой Австрия оккупировала Гольштейн, а Пруссия — Шлезвиг. Присутствие Австрии в далеком Гольштейне, преимущественно немецком герцогстве, создавало почву для дальнейших прусских маневров. Несмотря на то что Пруссия и Австрия действовали вопреки недавно подписанному Лондонскому договору, европейский конгресс созван не был. Казалось, это подтверждало верность расчетов Бисмарка. В самом Лондоне Палмерстон, раздававший датчанам обещания и утверждавший, что он является одним из немногих, кто разбирается в шлезвиг-гольштейнском вопросе, не получил поддержки идеи британской интервенции ни от кабинета, ни от королевы. Между тем Бисмарк привлек на свою сторону Францию и Италию; через два месяца после заключения Гаштейнской конвенции он

посетил Наполеона и провел с ним дружественные переговоры в Биаррице. Россия, уже ставшая на сторону Бисмарка, также не оказала датчанам поддержки. В 1860 г. лондонская «Тайме» ругала Пруссию зато, что та «всегда опирается на кого-то, всегда получает чью-то помощь, никогда не желая помочь самой себе; всегда готова обсуждать, но никогда не решать; она присутствует на конгрессах, но отсутствует в битвах». Теперь Пруссия платила той же монетой, и никакого «концерта» в Европе уже не было.

К тому времени последовала прусская месть за Ольмюц. Когда австрийский император приехал во Франкфурт, чтобы представить немецким князьям план создания германского директората из пяти членов под его собственным началом и нового германского сейма, составленного из представителей сеймов германских государств,

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 129

Бисмарк убедил прусского короля не посещать это совещание. Императора приветствовали великогерманские политики и восторженные толпы, но план его не имел шансов на успех. Взамен его Бисмарк в июле 1866 г. выдвинул намного более популярный план, предложив распустить сейм и созвать Германское собрание для выработки новой конституции. Затем на основе всеобщего избирательного права следовало создать германский парламент. Реальной целью Бисмарка было, конечно, обойти Австрию, а вовсе не предоставить немецкому народу долю в управлении страной. Однако после публикации этого плана либералам было сложно противодействовать прусскому канцлеру. Бывшим членам Франкфуртского парламента было особенно нелегко найти повод для протеста. Вторжением в Шлезвиг-Гольштейн Бисмарк уже завоевал поддержку националистов — ведь это они протестовали, когда в 1848 г. оттуда были выведены прусские войска.

Тайная дипломатия значила больше, чем публичные призывы, сколь бы важными ни были последние в тактике Бисмарка. За кулисами он уже тихо добился поддержки со стороны Сардинии и Пьемонта (воевавших с Австрией в 1859 г.) и Франции (союзника Пьемонта в этой войне) на случай военных действий Пруссии против Австрии. «Пруссия и Франция, — говорил Бисмарк Наполеону в 1865 г. в Биаррице, — это две европейские нации, чьи интересы почти совпадают». Заручившись обещаниями французского нейтралитета в войне между Пруссией и Австрией, Бисмарк значительно уменьшил опасность франко-австрийского соглашения, аналогичного договорам XVIII в. Шлезвиг-Гольштейн, как надеялся Бисмарк, стал подходящим материалом, чтобы провоцировать Вену, даже если бы австрийцы выбрали умеренную и миротворческую линию. Формального объявления войны в 1866 г. не последовало, однако именно Австрия 12 июня разорвала дипломатические отношения с Пруссией, 17 июня объявила бундестаг распущенным и 15 июня вторглась в Саксонию. Итальянцы, стремившиеся извлечь свою выгоду, объявили войну Австрии, но уже 24 июня были разгромлены под Кустоцой, где однажды уже потерпели поражение. Австрии, однако, эта победа ничего не дала. Напротив, 3 июля австрийская армия была наголову разбита под Сadowой. Хорошо обученные и оснащенные прусские войска эффективно воспользовались превосходством в вооружении и не в последнюю очередь железными дорогами и телеграфом как средствами мобилизации и развертывания войск. Война длилась всего семь недель.

Если бы ход войны был иным, Бисмарк бы без колебаний призвал к борьбе с Австрией ее венгерских, польских, чешских и хорватских

130 ГЛАВА 3
СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 131

противников; возможно, неслучайно итоговый договор был подписан в Праге. Однако Бисмарк не стремился покарать Австрию и просил своего министра внутренних дел приложить все усилия, чтобы к этому не призывали берлинские газеты. Он был убежден, что в будущем ему понадобится австрийская «сила» — довольно опасное убеждение, поскольку нарастающая слабость Австрии была налицо, — и ему пришлось отстаивать эту точку зрения в спорах с королем, подобно тому как прежде приходилось спорить с ним о Шлезвиг-Гольштейне. Что бы ни писали газеты, условия мирного договора оказались бы намного более суровыми, если бы решения принимал Вильгельм I.

Пражский мир, заключенный 23 августа, по сути выводил Австрию и из Германии, и из Италии. На следующий год венгры обрели полный контроль над своими внутренними делами. Учреждалась система дуалистической монархии, согласно которой Франц Иосиф, разделив свои земли (на юге их границей стала река Лейта, небольшой приток Дуная), одновременно становился австрийским императором и венгерским королем. Австро-венгерский «*Ausgleich*» (компромисс) предполагал создание двух парламентов с двумя премьер-министрами, но внешняя политика, армия и финансовая политика (тарифы) оставались общими. Венские либералы, из среды которых вышел габсбургский премьер-министр в 1840-1865 годах Антон фон Шмерлинг, некоторое время бывший председателем Франкфуртского парламента, поддерживали перемены, обеспечившие парламентское правление и гарантии гражданских свобод. Венгры, довольные этим сложным соглашением, назначили своим премьер-министром графа Дьюлу Андраши, находившегося в изгнании со времени падения Кошута до 1857 г. В 1871 г. он стал министром иностранных дел и остался им до 1879 г.

Дуалистическая монархия не удовлетворила и не могла удовлетворить требования других «национальностей» империи. Когда эти требования выдвигались решительно (напрямую или косвенно), министрам в Вене и в Будапеште становилось тяжело управлять. Сам Андраши оставался неизменно враждебным по отношению к славянским организациям, стремившимся к той или иной степени автономии. В 1879 г. он заключил австро-германский союз, сохранявший силу до конца первой мировой войны. Габсбургская империя выстояла, однако чехи, поляки, словаки и хорваты продолжали развивать национальное самосознание, неизбежно втягивая Европу в свои конфликты. Торг касался не только общего умиротворения, но и отдельных, самых простых действий исполнительной власти. В результате проиграла Европа.

Но все это было еще впереди. По окончании первой бисмарковской «необходимой» войны Северогерманский союз пошел иным

путем. Король Пруссии стал его председателем и главнокомандующим; таким образом, итогом явилось расширение Пруссии. Ни король, ни Бисмарк не хотели, однако, полной централизации власти и общественной жизни. Многие важные вещи определялись вдалеке от Берлина. Северные немецкие государства, противостоявшие Пруссии в ходе войны, были аннексированы (кроме Саксонии), но прочие, в особенности Бавария, сохранили свои традиции и продолжали существовать в прежних границах. В самой Пруссии Бисмарк одержал политическую победу, когда после многих лет обструкции умеренные либералы в ландтаге проголосовали за закон, снимающий с правительства ответственность за четыре года не утвержденных парламентом государственных расходов. Бисмарк победил в новой Германии и тогда, когда отказался нести юридическую ответственность перед рейхстагом. В новом бундесрате, где депутаты по-прежнему голосовали согласно мандату, как в старом федеральном сейме, необходимость получить большинство в две трети голосов гарантировала гегемонию Пруссии. В новом рейхстаге, избранном всеобщим голосованием, власть народа ограничивалась — депутаты не могли ни обсуждать, ни утверждать годовой бюджет.

Эпоха Меттерниха осталась далеко позади. В Европе, благодаря дипломатическому мастерству Бисмарка, не меньшему, чем искусству Меттерниха, и прусской экономической и военной мощи, еще более возросшей в течение последующего десятилетия, были перечеркнуты итоги контрреволюции 1848-1850 гг. и всей Венской системы. Эпоха Палмерстона (умершего в 1865 г.) также осталась позади. Во время австро-прусской войны Британия сделала не больше, чем в период Шлезвиг-Гольштейнского кризиса. Она была занята своими собственными делами,

Франко-прусская война и Германская империя

Непосредственной причиной следующей «необходимой» войны Бисмарка, войны против Франции в 1870 г., был, как и во многих предшествовавших европейских кризисах, вопрос наследования испанского престола. Испанская королева Изабелла, чей брак был темой дипломатических дискуссий накануне падения Луи-Филиппа, после успешной революции была вынуждена в 1868 г. отправиться в изгнание. Испанское учредительное собрание предложило престол члену прусской королевской семьи Леопольду Гогенцоллерну, не очень, впрочем, стремившемуся к этому. Бисмарк убедил Леопольда

принять это предложение

132 ГЛАВА 3

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 133

и в 1869 г. секретно расходовал деньги в Испании, стремясь обеспечить себе поддержку этой страны. Французское правительство, подогреваемое прессой, становилось все более враждебным к кандидатуре Леопольда. Прусская печать в 1870 г. также сделалась весьма воинственной — подобно британской на протяжении Крымской войны и после ее окончания.

Деятельность Бисмарка в испанской интриге и создании всеобщего возбуждения была логичной и последовательной. Он знал, что во Франции никогда не было нехватки в горячем материале. Наполеон всегда проявлял интерес к всевозможным сделкам, и когда, поощряемый Бисмарком, он заявил о стремлении Франции к территориальным приобретениям в Бельгии и Люксембурге, то угодил в расставленную Бисмарком западню. В 1870 г. многие в Европе — и не в последнюю очередь в Лондоне — видели главную угрозу миру не в Бисмарке, а в Наполеоне. Действуя за кулисами, Бисмарк даже попытался, добиться поддержки подобных взглядов со стороны Мадзини.

Столкнувшись с французскими протестами против кандидатуры Гогенцоллерна, Вильгельм I был готов отступить, и Леопольд уже во второй раз снял свою кандидатуру. Кризис, впрочем, разрешен не был. Французское правительство упрямо продолжало требовать дальнейших гарантий. Когда Вильгельм отказался — как стало известно позднее. Бисмарк пошел даже на манипуляцию с текстом королевской телеграммы, — именно Франция, которую собственная пресса назвала «оскорбленной», 19 июля 1870 г. объявила войну Пруссии. Бисмарк вновь так обставил дела, что не он, а его противники были вынуждены выступить первыми. Спустя 17 лет он мог сказать германскому парламенту — и никто ему не возражал, — что Наполеон «начал войну», так как «думал, что это усилит его власть внутри страны».

Победа Пруссии, одержанная при Седане 2 сентября, вновь была быстрой, если даже не решающей, и это, казалось, оправдывало использованную тактику. Империя Наполеона рухнула в течение двух месяцев, и в 1871 г. родилась новая, еще более могущественная империя: 18 января в Зеркальном зале Версаля Вильгельм был провозглашен германским императором. Британия и Россия оставались зрителями, так же как и Франц Иосиф, с которым Наполеон вел бесплодные переговоры после битвы при Садовой.

Капитуляция в 1871 г. показала, что Франция, имперская или республиканская, больше не обладает в Европе теми преимуществами, что имела менее 100 лет назад. Ее население в 1870 г. было на 5 миллионов меньше 39-миллионного населения созданной Бисмарком объединенной Германии. Именно Германия, а не Франция стала после 1870г.

местом крупномасштабной индустриализации. Новая Германия была триумфом и крови, и железа⁶. Деньги, впрочем, тоже играли свою роль, ведь чтобы убедить баварского короля вступить в новую Германскую империю, пришлось подкупить его деньгами, полученными от короля Ганновера после аннексии его королевства в 1866 г.

После победы Бисмарк потребовал от побежденной Франции огромной контрибуции и передачи провинций Эльзас и Лотарингия (последняя была богата полезными ископаемыми). Эта аннексия, к которой его принудили король, генералы и общественное давление, оказалась ошибкой. Даже в 1848 г., когда Франкфуртский парламент собирал немцев отовсюду, никто не предлагал пригласить делегатов из Эльзаса и Лотарингии, тогда как после 1870 г. этот вопрос испортил франко-германские отношения вплоть до первой мировой войны. После 1870г. Бисмарк утверждал, что Германия «насытилась» и что ее единственным интересом является мир. Но наделе имело место перенасыщение, создававшее «повод к войне».

В новой имперской структуре также имелись лакуны, отчасти намеренно созданные самим Бисмарком, чтобы остановить «демократию». Ни один избранный представитель немецкого народа не присутствовал при коронации Вильгельма I в Версале (на этот раз не было и намека на «народность»), и хотя новая германская конституция, как и конституция 1867 г., основывалась на всеобщем избирательном нраве, с самого начала было ясно, что отношения между канцлером (Бисмарком) и новым императором будут играть более важную роль, чем отношения между канцлером и рейхстагом. Их личные отношения начались не столь триумфально, как могло показаться, так как, по словам прусского кронпринца, императорской коронации предшествовали «всхлипывания и слезы». Королю Людвигу Баварскому пришлось тактично убеждать Вильгельма принять новую корону, и лишь благодаря настойчивости Бисмарка тот провозгласил себя «германским императором», а не «императором Германли» — довольно противоречивым титулом, если принять во внимание существование отдельных германских государств.

Настойчивость Бисмарка доказала, если это нужно было еще дока-ывать, что после 1871 г. он разделял те же взгляды на конституцию, что и прежде. При сохранении важности армии в Германии не происходило ежегодного обсуждения военного бюджета, составлявшего 90% правительственных расходов. Рейхстаг, составленный из политических партий, мог не утвердить правительство, но при этом канцлер рейхстага должен был обязательно происходить из Пруссии, а все министры были ответственными лишь перед императором. После 1870 г.

134 ГЛАВА 3

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 135

прусская система администрации повсеместно внедрялась посредством имперских институтов новой конфедеративной Германии, обеспечивая господство бюрократии. В рамках новой конституции было сложно предвидеть, каким образом станет возможным любое движение в сторону «конституционного правления», основанного на большей степени личной свободы и ответственности. Система, которая во внутренних делах германских государств предусматривала как местную инициативу, так и передачу полномочий центру, пережила уход Бисмарка из власти в 1890 г. По мере стремительного развития германской экономики эта система заведет германскую внутреннюю политику в тупик, который будет иметь разрушительные последствия.

Однако главная трудность в 1871 г. — в национальном смысле — заключалась в ином. За пределами новой империи («Малой Германии») осталось так много немцев, что австрийский поэт Франц Грильпарцер мог сказать: «Вы думаете, что создали империю, тогда как всё, что вы на самом деле сделали, — это уничтожили нацию». Подобным же образом в пределах новых границ оказалось множество людей, не бывших немцами: около 3 млн поляков, например, проживало в так называемой Западной Пруссии и Позене*. Те немцы, что остались за новой границей, могли стать опасными радикалами — в этом состояла угроза миру, который Бисмарк, объединив Германию, теперь хотел сохранить. В 1873 г., подобно Меттерниху, он побудил правителей Австрии, Германии и России заключить «пакт трех императоров», чтобы работать совместно и противостоять революционным идеям. Это было более сложной задачей, чем во времена Меттерниха. Этнические противоречия в Габсбургской империи

часто достигали точки кипения, и не менее тревожным было то, что немецкие интеллектуалы в Германской империи — даже интеллектуалы, с подозрением относившиеся к Бисмарку, — могли призывать к защите немцев, живших за границами новой Германии. После ухода Бисмарка с политической сцены влияние пангерманизма продолжало расти.

То, как была создана империя, сразу же породило трудности в верном определении новых имперских символов. Поначалу, например, не существовало даже германского национального флага или национального гимна. (Британский «Боже, храни Короля» — или Королеву — был, напротив, написан еще в 1745 г.) Только в 1892 г. было принято имперское сочетание черного, белого и красного цветов, но даже тогда этот флаг, как и многие другие эмблемы, не стал популярен в Баварии. На протяжении 1890-х гг. в качестве национального гимна часто исполнялась песня «*Deutschland über alles*»*, музыка которого была первоначально написана Гайдном для Габсбургов. Также пели «*Die Wacht am Rhein*»**, националистическую песню, напоминавшую о старых противоречиях между Германией и Францией.

В 1871 г. Бисмарк считал, что «насытившейся» Германии не стоит искать выгод в новой войне, однако национализм, часто раздуваемый прессой — силой, значение которой росло, скорее жаждал новых войн, чем новой гармонии. Более того, внутри страны наиболее оголтелые националисты все чаще использовали в своих интересах антисемитизм, существовавший задолго до 1871 г., антикатолицизм и антисоциализм. Еще до завершения работы Бисмарка стали сбываться худшие прогнозы. «Целью национализма, — писал в 1862 г. британский историк лорд Эктон, — не являются ни свобода, ни процветание. Он жертвует и тем, и другим ради того, чтобы сделать нацию основой и мерой государства». Четырьмя годами позднее Эмиль де Лавеле, знавший о французском национализме так же много, как о немецком, в отчаянии заметил, что «национализм... смеется над договорами, попирает исторические права, приводит дипломатию в смятение... и завтра, возможно, развяжет ужасную войну».

Эктон писал как либеральный католик. Римская католическая церковь также была напрямую затронута политическими изменениями, произошедшими в Европе в 1870 г. Уничтожение светской власти папства стало возможным благодаря Бисмарку: Италия смогла воспользоваться франко-германской войной 1870 г., так как вывод войск Наполеона из Рима позволил итальянцам овладеть Вечным городом и сделать его, как мечтал когда-то Кавур, итальянской столицей. И также благодаря Бисмарку Италия, несмотря на поражение, нанесенное ее войскам австрийцами под Кустоцой, получила по Пражскому договору 1866 г. Венецию. Два объединившихся государства многим были обязаны друг другу.

1870 год и после него

По течению обстоятельств, когда политический и военный кризис 1870 г. был в самом разгаре, папа созвал в Риме Ватиканский собор «всего христианского мира», провозгласивший догмат о папской

* Польское название — Познань. В данном случае речь идет о герцогстве Познанском. — Примеч. пер.

«Германия превыше всего» (нем.). — Примеч. пер. «Стража на Рейне» (нем.). — Примеч. пер.

136 ГЛАВА 3

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 137

непогрешимости в духовных высказываниях *ex cathedra*. Историк Эктону, как и многим немецким богословам, наиболее выдающимся из которых был баварец Иоганн фон Доллингер, нелегко было примириться с новым догматом. Книга Доллингера «*Der Papst und das Konzil*»* (1869) была воспринята как «самая суровая атака на Святой престол за тысячу лет». В то же время еще в 1864 г. Пий IX в «Силлабусе заблуждений» подверг нападкам либерализм любого рода и вместе с ним социализм, шире же — веру в «современную цивилизацию».

После 1870 г., лишенная светской власти, которую она более никогда не смогла обрести вновь, католическая церковь во многих государствах, не в последнюю очередь в Германии и Италии, оказалась вовлеченной в различные внутренние споры. Лишь с избранием в 1879 г. нового папы Льва XIII Ватикан вновь стал способен к маневрам и адаптации. Лев XIII оказался совсем иным папой, чем Пий IX. В двух энцикликах «*Libertas*» (1888) и «*Rerum Novarum*» (1891) он признал положительные стороны либерализма, осудил ничем не ограниченный капитализм и призвал государства развивать социальное обеспечение своих подданных.

Развитие социального обеспечения никогда не было главным занятием итальянского государства, которое держало папу как пленника. Преемники Кавура были искушены в политическом маневрировании, но как до, так и после расширения парламентского избирательного корпуса в 1882 г. — прежде существовал высокий имущественный ценз, и число избирателей составляло всего 600 тыс. — на социальные цели обращали мало внимания. Играя на мифах Рисорджименто, они не хотели, чтобы национализм превратился в постоянную революцию, и не желали менять *status quo*. Только после смерти Мадзини в 1872 г. в его память была воздвигнута статуя. Среди его

последних мыслей о новой власти была следующая: он стремился пробудить душу Италии, но теперь видел перед собой лишь ее труп. Немногие немцы были бы столь подавлены или столь откровенны. Гарибальди было лучше — личные реликвии его кампаний стали музейными реликвиями Рисорджименто еще при его жизни.

Агостино Депретис, ставший в 1876 г. премьер-министром от левого крыла, происходил из Ломбардии и имел мадзинистское прошлое. Однако он признал Савойский дом и служил в кабинете, возглавлявшемся Урбано Ральтацци, который умер в 1873 г. Занимая пост премьер-министра в течение 11 лет вплоть до своей смерти в 1887 г.,

«Папство и собор» (нем.). — Примеч. пер.

он совершенствовал систему, названную им *«transformismo»**, вовлекая в свою орбиту политических оппонентов, какими бы политическими ярлыками те себя не обозначали. Позднее эта система стала связываться с Кавуром, которому Депретис в свое время противостоял. Она не изменилась и в 1887 г., когда после смерти Депретиса к власти пришел его сицилийский противник Франческо Криспи, в молодости республиканец и один из бойцов гарибальдийской «Тысячи» в 1860 г. Криспи восхищался Бисмарком и втянул Италию в дорогие и неудачные колониальные авантюры в Африке. Следуя бисмарковской линии, он ограничил полномочия и независимость парламента.

В 1877 г. во время посещения Лондона Криспи встретился с Гладстоном, который резко критиковал старый режим Бурбонов в Неаполе еще тогда, когда делать это было не принято, и который однажды назвал объединение Италии «одним из величайших чудес нашего времени». Однако при Криспи, умершем в 1901 г., ничто не свидетельствовало о чуде. В XX в. умнейший итальянский марксист Антонио Грамши заявил, что важнейшей чертой Рисорджименто была «упущенная революция» (*«rivoluzione mancata»*).

Германия, менее страдавшая от бедности отдельных регионов и парламентских дразг, столкнулась с совсем иными политическими трудностями. Эра Бисмарка, длившаяся до 1890 г., была временем неоспоримой сильной власти и глубокой веры в будущее страны. Но были и проблемы, связанные, в частности, с уровнем и масштабом индустриализации общества с аграрной основой и авторитарной властью. Германская индустриализация происходила в совершенно других условиях, чем промышленный переворот в Британии конца XVIII в. Впрочем, подобно любой индустриализации в любые времена и в любой стране, это был неравномерный процесс. Период после 1870 г. не стал для бисмарковской Германии эпохой сплошного процветания. Экономический кризис 1873 г. положил конец «грюндерству» и вплоть до конца семидесятых годов экономика заметно хромала.

Германский опыт не был уникальным, но имел особые черты. Кризис 1873 г., последовавший за тремя годами лихорадочной деловой активности в Берлине, подпитываемой французскими военными контрибуциями, стал важной вехой в германской истории. Он затронул также Францию и Австрию, хотя не сыграл столь значительной роли в Британии. За кризисом последовали три года падения цен,^R том числе цен на землю, и снижения нормы прибыли не только^R Берлине, но и во всей Европе.

*• Трансформизм» (ит.). — Примеч. пер.

138 ГЛАВА 3

Одним из ответов на новое стечение обстоятельств стал протекционизм. Голоса в поддержку протекционизма, призывавшегося «словно из могилы», раздавались даже в Британии, которая все еще оставалась крупнейшей в мире торговой страной и где заветы свободной торговли сохраняли свою силу. Франция вернулась к протекционизму вскоре после падения Наполеона III. Тоже произошло в России и Германии. Протекционизм играл важнейшую роль во внутренней политике Бисмарка в последнее десятилетие его правления. В 1879 г. он во имя «национального интереса» ввел пошлины не только на сельскохозяйственные продукты (это удовлетворило юнкеров), но также на железо и сталь, что удовлетворило промышленников Западной Германии. Сделав это, Бисмарк смог получить доходы в казну, неподконтрольные отдельным германским государствам. Его решения почти не встретили серьезной оппозиции.

Британия сохраняла приверженность принципу свободной торговли вплоть до эпохи, наступившей после окончания первой мировой войны, но различия между Германией и Британией состояли не только в этом. В Германии индустриализацию активно поддерживало государство, а также банки. Одновременно — и частично как результат такой политики — процветали большие компании, основанные на научном знании, например в химической промышленности. Естественным и техническим наукам обучали в учебных учреждениях, пользовавшихся поддержкой местных, региональных и общенационального правительств. Среди них было знаменитое Высшее техническое училище в Шарлоттенберге, основанное в 1879 г. Немцы понимали, что их способность конкурировать с другими

странами, особенно Британией, зависела от успехов науки и образования и что расширение рынков возможно только благодаря конкуренции. Основанный в 1881 г. Синдикат поташа был намеренно нацелен на новые рынки сбыта за границей. В 1910 г. государство настояло на продолжении деятельности синдиката.

В торговле государство поощряло созданный в 1870 г. «*Deutsche Bank*» расширять германские «сферы влияния» за рубежом. Германия и Британия неизбежно становились экономическими конкурентами по мере того, как первая из них занимала все более высокое место в международном соревновании (уже тогда это понималось именно так). Хотя обе страны покупали много товаров друг у друга, их соперничество стало новым фактором международных отношений, привлекавшим все большее общественное внимание как в Германии, так и в Британии в годы, предшествовавшие уходу Бисмарка и сразу же после него. Особое значение приобрел факт, что германский торговый

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 139

флот, в 1879 г. бывший одним из самых маленьких в Европе, к концу века уступал только британскому. Экономический прогресс Германии не способствовал демократизации управления страной, как то постепенно произошло в Британии. Когда Бисмарк в 1862 г. пришел к власти, ему решительно противодействовали либералы, но с середины шестидесятых годов XIX в. и вплоть до 1879 г. он опирался на парламентскую поддержку большинства, в которое входили и так называемые «национальные либералы». Их либерализм имел мало общего с гладстоновским, а их попытки использовать возможности парламентского правления были робкими и запоздалыми. Как сказал один из них, «время идеалов прошло, и долг политиков — требовать не желаемого, а достижимого». Говоря конкретнее, они поддерживали наступление Бисмарка на привилегии католической церкви (и на «клерикализм»), выражением которого стал «*Kulturkampf*» (борьба за культуру), начавшийся после возникновения в 1871 г. католической партии Центра. Некоторые из национал-либералов даже оказались готовы в 1879 г. поддержать шаги Бисмарка в направлении протекционизма.

Не желая опираться на них, Бисмарк резко изменил политику и заключил с партией Центра мир. Но Бисмарк не мог опереться и на ее католических вождей, которые, даже пойдя он на это, не смогли бы обеспечить ему парламентское большинство. Проведя в 1879 г. новый тариф, он оценивал расколотых тогда национал-либералов так же, как тридцатью годами прежде депутатов Франкфуртского парламента. По его мнению, это были «господа, которых не греет наше солнце и не мочит наш дождь». Вынудив их казаться нелояльными не только по отношению к императору, но и к стране, Бисмарк добился их полного поражения на выборах 1881 г., от которого они никогда уже не оправились. В Австрии либералы также переживали тогда нелегкое время. На выборах 1879 г. Франц Иосиф использовал против них все свое влияние, и до конца XIX в. они больше никогда не получали в парламенте большинства.

Поиск Бисмарком поддержки со стороны консервативных групп, которых прежде всего тревожил призрак социализма, вполне мог ускорить рост в Германии социал-демократии — новой силы, которой не доверяли в своем большинстве либералы и еще в большей степени консерваторы. Бисмарк пытался устранить новую угрозу, введя в 1883 г. медицинское страхование, в 1884 г. — страхование от несчастных случаев и в 1889 г. — пенсии по старости. Он стал первым государственным деятелем в Европе, проводившим подобную социальную политику. Наряду со многими германскими консерваторами и профессо-

140 ГЛАВА 3

рами политической экономии, он мог заявить, что «защита прав труда» является одной из обязательных форм протекционизма, полностью соответствующей традициям немецкой истории, восходящим к средневековью. Он также мог сказать, что, как и сельскохозяйственный протекционизм, эта политика соответствует национальным интересам.

Задолго до восьмидесятых годов Бисмарк раскрыл патерналистский характер своих политических инстинктов и, подобно Дизраэли в Британии, был готов заплатить серьезную цену за поддержку со стороны рабочего класса. Так, уже в шестидесятых годах. Бисмарк вел тайные переговоры с одним из первых независимых немецких социал-демократических вождей Фердинандом Лассалем. Бисмарк не мог предотвратить рост немецкой социал-демократии, следовавшей марксистским или околomarксистским программам, но он максимально усложнил для социалистов получение ими массовой поддержки. Тем не менее в 1869 г. они создали в Айзенахе организацию, которая позднее стала самой влиятельной социал-демократической партией в Европе. Германские социал-демократы разделились в своем отношении к франко-прусской войне 1870 г.; последователи Фердинанда Лассалья поддерживали ее, а выходец из Пруссии Август Бебель и последователь Маркса Вильгельм Либкнехт выступили против. В 1875 г. они вновь объединились на новой политической платформе, которой стала Готская программа. В 1871 г. Бебель был единственным социал-демократом в рейхстаге, но в 1877 г. за партию проголосовало уже 9% немецких избирателей, и

она получила 12 парламентских мест.

Именно при таких обстоятельствах Бисмарк в 1878 г. провел закон против социалистов, предусматривавший роспуск всех социал-демократических, социалистических и коммунистических объединений. Закон также включал положения, угрожавшие лишением лицензий типографам, книгопродавцам и держателям гостиниц в случае его нарушения. В итоге оказались закрыты многие социал-демократические организации, газеты и книгоиздательские фирмы. Пострадали и влиятельные германские профсоюзы, хотя они и не были напрямую связаны с партией. Между 1878 и 1890 гг., когда закон после ухода Бисмарка был отменен, 900 человек были изгнаны из своих домов и около 1500 заключены в тюрьмы. Тем не менее, что бы Бисмарк ни делал на пути репрессий и «социального страхования», он не мог остановить продвижение социал-демократии. Количество голосов, поданных за социал-демократов, в 1881 г. упало на четверть, но в 1884 г. оно оказалось выше, чем в 1878-м, а к 1890 г. более чем утроилось.

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 141

В рамках новой германской нации сложилась довольно обособленная социал-демократическая субкультура, всегда находившаяся под надзором полиции. Эрфуртская программа была явно марксистской (хотя шли яростные споры о верности марксистской теории и практики), и так как партию лишили доступа к власти, она сохранила веру в революцию, не будучи готовой ее совершить⁷. Она стала крупнейшей социалистической партией в мире, однако, по словам одного партийного идеолога, произнесенным в 1893 г., была «революционной партией, но не партией, делающей революционеров».

Отличие Германии от других европейских стран состояло в том, что Бисмарк никогда не был партийным вождем, продвигающим своих сторонников и поощряющим их участие во власти. Он не пытался просвещать своих соотечественников, независимо от того, противостояли те ему или его поддерживали, и в своих конституционных заявлениях ограничивался безоговорочной поддержкой монархии. Это привело к его падению, когда в 1890 г. на престол вззошел новый германский император Вильгельм II. Молодой, тщеславный и более соответствовавший сформировавшемуся между 1871 и 1890 гг. настрою молодой и богатой Германии, Вильгельм был полон решимости вести собственную политику. Канцлеру пришлось уйти, и история Германии вступила в новую фазу, опасную и непредсказуемую.

Осталась национальная идеология, которую немцы создали вместо либерализма. Бисмарк говорил на языке долга, однако многие поклонники национальной мощи выражали свои идеи языком, в котором звучали сентиментальные и тоталитарные нотки. Для национал-либерала профессора Генриха фон Трейчке худшим грехом государства была слабость, а высшей обязанностью — усиление своего могущества. Только великие и мощные государства заслуживали права на существование. Социолог Макс Вебер, который был на 30 лет моложе Трейчке подчеркивал, что объединение в 1871 г. было для немцев началом, а не концом пути. В своей вступительной лекции, прочитанной во Фрайбургском университете в 1895 г., он заявлял, что Германия должна сделаться мировой державой. Пока объединение не стало «отправным пунктом германской *Weltmachtpolitik*»*, 1871 год будет казаться «молодым безумством, совершенным нацией в дни своего упадка, без которого из-за его высокой цены лучше было бы обойтись».

Политики мировой державы (нем.), — *Примеч. пер.*

142 ГЛАВА 3

Нации и империи

Изложение хода национального строительства в XIX в. не будет полным, если ограничиться только Германией и Италией или же этими двумя странами и многонациональной Габсбургской империей. Национализм стал силой во всех частях Европы и во многих случаях (в Австро-Венгрии и прежде всего в Османской империи) был связан скорее с разделением, чем с объединением. Он, впрочем, также ассоциировался с мечтами о появлении на карте Европы новых обширных государств, например с возрождением Польши, которое бы изменило тогдашние границы трех династических империй. Новая карта Восточной и Центральной Европы будет создана на еще одном европейском конгрессе, который состоится в Берлине — городе, где Бисмарк решал внутренние и международные проблемы Германской империи.

В этом контексте национализм связывался с языком и религиозными различиями. Но прежде чем обратиться к Восточной и Центральной Европе, полезно определить, как национализм проявлялся в других ее частях в период, столь резко отличавшийся от конца сороковых — начала пятидесятых годов XIX в. На западе Европы лежала Ирландия, аграрный и по преимуществу католический придаток протестантской и все более индустриализированной Британии (ирландская промышленность была сконцентрирована на протестантском севере). Люди ирландского

происхождения были разбросаны по всей Британской империи, ирландцы служили в британской армии, но представители Ирландии в Вестминстерском парламенте сохраняли враждебность к унии 1800 г., вновь подтвержденной в 1886 г. Ирландская партия самоуправления («*Home Rule*») была основана в 1870 г., а в 1878-м ее вождем был избран Чарлз Стюарт Парнелл. Он оставался на этом посту вплоть до 1889 г., когда его политическая карьера оборвалась из-за получившего широкую огласку дела о разводе. В другом регионе Западной Европы, Бельгии, фламандские националисты, как католики, так и протестанты, требовали расширения использования фламандского языка в армии, судах и школах. Центром фламандской науки стал основанный в 1816 году Гентский университет.

На севере Европы лежала Норвегия, независимо мыслящее сообщество крестьян и рыбаков, в основном протестантов, связанное со Швецией по соглашению 1815 г. и все еще остававшееся пешкой в ее политике. Норвежцы развивали свой национальный язык, «ландсмол», имели свой парламент (стортинг) и после конституционных споров

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 143

получили в 1884 г. контроль над своим правительством (но не над внешней политикой). В Финляндии ширились требования преподавания в школах финского языка — большинство образованных финнов владели в качестве первого языка шведским, — и в правление Александра I чиновников и суды обязали принимать документы и жалобы на финском языке. Финский философ и государственный деятель Иоганн Вильгельм Шнелльман (1806-1881) был более эффективным политиком, чем Парнелл, и в 1878 г. Финляндия получила собственную призывную армию. Впрочем, в 1900—1901 гг. произойдет откат назад, когда начнутся попытки «русификации», а армия будет

распущена.

В 1850—1890-е гг. русские оказались глубоко вовлечены в славянскую политику. Не случайно, что в 1867 г. — год учреждения дуалистической монархии — в Москве была проведена второй Всеславянский съезд. Впрочем, панславизм в своих позднейших фазах был скорее империалистическим, чем националистическим движением, и мог сочетаться с довольно реакционной философией и политикой. В книге Данилевского «Россия и Европа» (1869), выдержавшей до конца века пять изданий, не только откровенно провозглашалось превосходство славян, но и превозносилась «особая миссия» России.

Отношения между различными славянскими общинами были столь же сложны, как и их отношения с властью империй, в которых проживали славяне, что еще до 1867 г. показал Славянский съезд, в 1848 г. состоявшийся в Праге. Множество славян обитало в пределах Габсбургской и Османской империй, но наряду с ними имелись другие, не имевшие автономии национальности, в том числе внушительные анклавы немцев, на протяжении веков перебиравшихся в различные страны. Этнические меньшинства в Османской империи, в том числе обращенные в ислам, обладали различной, причем неустойчивой степенью автономии и объемом культурных прав. Случались погромы, но обычно царила терпимость, не в последнюю очередь по отношению к евреям и цыганам, которым суждено было стать жертвами расистского национализма XX в., коренившегося не в империи, а в людских предрассудках. В Турции также было свое националистическое движение — младотурки. Противостоя султану-самодержцу Абдул-Хамиду II, «Абдулу Проклятому»*, правившему с 1876 по 1909 г., младотурки в 1908 г. добились от него введения парламентской системы, а затем свергли его, заменив младшим братом Мехмедом V.

* В отечественной литературе более распространен эпитет «Абдул Кровавый». — *Примеч. пер.*

144 ГЛАВА 3

Русский национализм был мощной, хотя и латентной силой в расширявшейся Российской империи. Освобождение Александром II крестьян в 1861 г., между прочим случившееся без революции, не сделало их политически сознательной силой. Им больше не нужно было нести оброчную или барщинную повинности, но они должны были платить помещикам выкуп, часто занимая для этого деньги у государства*. Они держали свою землю не как частную собственность, а как надел в коллективном владении деревенской общины (мира). Они не могли по собственной воле уехать в город**. В России остро ощущалось ее отличие от остальной Европы в том, что касалось социальных институтов, однако земельный вопрос был общим для большей части Восточной Европы, особенно обостряясь по мере роста населения.

Во многих, хотя и не во всех, регионах Европы соперничество великих держав сказывалось на лояльности и чаяниях народов. У ирландцев было что-то общее с поляками, но, в отличие от них, они не были подвержены влиянию с трех сторон — австрийской, русской и прусской. Несмотря на

все религиозные различия, за пределами Балкан не было ни одного региона, где местное население включало бы и христиан (разных конфессий), и мусульман. Только после первой мировой войны — и то не повсеместно — границы на карте Европы стали национальными. Но и тогда они не вполне отражали распределение национальностей, многие представители которых мыслили в категориях более широких общностей — панславянской, пангерманской или пан-скандинавской. События в Габсбургской империи XIX в. всегда показывали, что в ее обширных границах национализм, в том числе немецкий, мог одновременно выражать себя и в чистой, и в извращенной форме. Когда в 1867 г. Венгрия получила равные права и империя стала дуалистической монархией (Франц Иосиф был коронован в Будапеште короной святого Иштвана), некоторые венгры, как и некоторые австрийские немцы, надеялись, что в отношении национальных меньшинств будет проводиться умеренная политика. Однако большинство венгерских националистов мало заботились о подобных мыслях. Их национализм, основанный на обостренном чувстве гордости, достиг своей кульминации в 1896 г., когда праздновалось тысячелетие власти мадьяр на среднем Дунае.

* По сути все крестьяне в результате реформы 1861 г. оказались должниками государства, которое сразу взяло на себя 75—80% суммы выкупа. Эти деньги с процентами крестьяне выплачивали государству вплоть до 1907 г. (а в Закавказье до 1917 г.). — *Примеч. пер.* ** Для этого требовалось разрешение общины. — *Примеч. пер.*
СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 145

Позиция чехов не всегда была однозначной. После основания дуалистической монархии они не смогли добиться тех же прав для Богемии и в 1867-1879 гг. пребывали в полной оппозиции по отношению к централизаторским «либеральным» венским правительствам. Один австрийский политик Эдвард Таафе, выходец из знатной семьи с ирландскими корнями и друг Франца Иосифа, служивший ему дольше других, хотел пойти чехам навстречу, но он стал премьер-министром лишь в 1879 г., после Берлинского конгресса.

Кризисы и конгрессы

Кризис 1875—1878 гг. является наиболее показательным среди всех так называемых восточных кризисов — во многом потому, что Россия использовала все свое влияние ради создания новой большой Болгарии на землях распадавшейся Османской империи. Уже с шестидесятых годов политически активные болгары требовали расширения сферы использования своего языка, а в 1870 г. султан под давлением России признал духовную власть болгарского экзарха в качестве главы Болгарской церкви, которая больше не считала себя подвластной Константинопольскому патриарху.

Этот кризис был вызван в 1875 г. восстаниями горцев в османских провинциях Босния и Герцеговина, прилегавших к австро-венгерской границе. Их причиной стал плохой урожай 1874 г., вынудивший крестьян скрываться от турецких сборщиков налогов. Вскоре к восстанию присоединились добровольцы из Сербии, Хорватии, Славонии, Словении и даже России. Были среди повстанцев и итальянские гарибальдийцы. Множество крестьян было убито, дороги заполнили толпы беженцев — в тяжелейших условиях Боснию покинули около ста тысяч человек.

Следующее восстание, начавшееся в 1376 г. в болгарских провинциях Османской империи, также было жестоко подавлено. Когда об этом стало известно, княжества Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, заранее условившись, что Сербия присоединит Боснию, а Черногория — Герцеговину. Сербия была быстро разбита, но Черногория сражалась успешно. Кризис достиг своей кульминации 24 апреля 1877 г., когда войну Османской империи объявила Россия. Ее поддерживали панслависты, которые боролись как против Австрийской, так и против Османской империи. Первоначально кампания велась русскими не очень успешно, но она завершилась для Турции катастрофой. В январе 1878 г. русские войска

146 ГЛАВА 3

вступили в Софию, а когда они стремительно двинулись к Константинополю, турки запросили мира.

В марте 1878 г. между двумя державами был подписан Сан-Стефан-ский договор, по сути продиктованный Россией. Румыния, Сербия и Черногория признавались полностью независимыми национальными государствами. Было создано крупное Болгарское княжество, простиравшееся от Черного моря до Албанских гор и даже включавшее в себя полосу Эгейского побережья. По своему характеру это был панславистский мир, хотя он противопоставил одних славян другим и оставил Боснию и Герцеговину под турецким владычеством.

Этот кризис, в отличие от большей части прежних балканских кризисов, уже не мог быть «локализован». Он взбудоражил и расколол общественное мнение других стран и привел к

серьезным разногласиям между основными европейскими столицами. Раскол общественного мнения во взгляде на балканские события и возможную реакцию на них особенно был заметен в стране, наиболее далекой от Балкан, — в Британии. Там либерал Гладстон после своей отставки вернулся в активную политику, чтобы поддержать болгар. Клеймя турецкие зверства, он вел за собой — или следовал за ним — либеральный энтузиазм широких народных масс, проявлявшийся на грандиозных митингах и демонстрациях. Гладстон мало знал о болгарях, об афганцах он знал еще меньше, но тем не менее в 1879 г. призывал восторженную шотландскую аудиторию «помнить, что святость жизни в горных деревнях Афганистана посреди зимних снегов в глазах Всевышнего так же незыблема, как наша собственная». Моральные и политические принципы «шествуют по всей земле и охватывают в своих неизмеримых границах беднейших наряду со знатнейшими».

Дизраэли, в годы кризиса консервативный премьер-министр, пытался избежать излишнего морализаторства. Он с глубоким подозрением относился как к Гладстону, так и к русским планам на Балканах и в других регионах, а также опасался, что Россия через Черное море получит доступ к Средиземному. Интересы Британии были для него столь же важны, как для Бисмарка — интересы Германии. Австрийское правительство еще до Сан-Стефано разделилось в определении своих интересов. Следует ли объединиться с Россией в разделе Османской империи? Или следует действовать независимо? Еще до того как принятие решения оказалось неизбежным, стало очевидно, что достигнутое ранее между Австрией, Россией и Германией соглашение (Союз трех императоров), направленное на противостояние революции и сохранение *status quo*, было шаткой опорой во внешнеполитических вопросах.

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 147

В качестве двустороннего мирного договора, Сан-Стефанский трактат заходил слишком далеко, чтобы с ним согласились другие великие державы. Еще до его подписания в феврале 1878 г. Дизраэли приказал британскому флоту проплыть через Дарданеллы и встать на якорь у Константинополя. Он был полон решимости показать заинтересованность Британии в сохранении Османской империи. После подписания договора в марте 1878 г. Австрия при поддержке Британии предложила, чтобы вопрос был передан на рассмотрение конгресса великих держав. Русским пришлось уступить, и конгресс был проведен в Берлине в июне—июле 1878 года. Бисмарк охотно играл роль «честного маклера»*. Его не беспокоили какие-либо проявления свободного общественного мнения в собственной стране, и он не хотел предоставлять России свободу действий против Австрии. В 1879 г., когда кризис был преодолен, поддержка им Австрии нашла выражение в двойственном союзе, сохранившем силу до крушения обеих империй. Впрочем, в 1877 г. Бисмарк не предпринял никаких шагов, чтобы удержать Россию от нападения на Османскую империю. В своей знаменитой речи, ярко контрастировавшей по содержанию и стилю с речами Гладстона по этой теме, он доказывал, что «Восточный вопрос» не затрагивает «никаких германских интересов, которые стоили бы костей хоть одного померанского гренадера». На Берлинском конгрессе, проведенном под председательством Бисмарка, присутствовали премьер-министры великих держав; Лондон представлял Дизраэли, Вену — Андраши. Конгресс стал последним блистательным собранием, ассоциировавшимся с тем, что после первой мировой войны XX в. стали называть «старой» европейской дипломатией — дипломатией, в которой Бисмарк весьма преуспел. По существу, конгресс стал переделом земель. Османская империя была «спасена», ее целостность гарантирована, однако она уступала почти все свои европейские территории новым национальным государствам. Как и по Сан-Стефанскому договору, Румыния, Сербия и Черногория признавались независимыми, но большая Болгария была поделена на три части. Одна часть становилась автономным княжеством, вторая — османской провинцией с губернатором-христианином, а третья, Македония, возвращалась султану. В 1885 г. первая и вторая части были объединены под властью немецкого — а не славянского — короля Болгарии Фердинанда, младшего сына князя Саксен-Кобурга и внука Луи Филиппа. Рассматрива-

Слова из речи Бисмарка в рейхстаге. — Примеч. пер.

6--1444

148 ГЛАВА 3

емые как единое целое Босния и Герцеговина были оккупированы Австрией, а Британия получала Кипр — довольно опасное приобретение.

Габсбурги рассчитывали на теплый прием в Боснии и отправили в Сараево телеграмму с новостью о решении конгресса еще за десять дней до его опубликования в европейских газетах. Прием оказался не теплым. В действие вступил религиозный фактор: на сараевской мечети был вывешен зеленый исламский флаг; австрийцы установили свой контроль над краем лишь после победы в

битве при Кло-коти близ Витежа и взятия, дом за домом, Сараева. Войсками командовал знатный хорват. Некоторые австрийцы выступали против оккупации, опасаясь включения новых миллионов славян в состав и без того крупных этнических меньшинств империи, поэтому новые провинции не были присоединены ни к Венгрии, ни к Австрии. Они были переданы в управление общеимперского министерства финансов.

В целом у Вены было мало причин для радости. В Лондоне, однако, как казалось, царил оптимизм. Британский джингоизм 1878 г. («мы не хотим сражаться, но, черт возьми, мы готовы»)* показал, что Британия также не имеет иммунитета от националистической лихорадки, хотя джингоисты и подвергались дома яростной критике. Диз-раэли эксплуатировал джингоизм, когда говорил, что привез из Берлина «почетный мир». Итальянцы такого сказать не могли. Они не получили никаких территориальных приобретений, и когда итальянский делегат по возвращении в Рим похвастался, что сохранил «чистые руки», он был выброшен разъяренными соотечественниками из своего кабинета.

Новые балканские государства, каждое из которых стремительно создавало стандартный набор атрибутов национализма — гимны, флаги, школы и казармы, — также не были вполне удовлетворены. В новых границах Румынии, уступившей России Южную Бессарабию** (это было лишь частью российской доли в итоговом разделе) оказалось несколько меньше румын, чем проживало в старых границах Валахии и Молдавии, и в поисках возможных территориальных приобретений взоры румынских политиков обратились в сторону

* Вольный перевод фразы «*We don't want to fight, but by jingo if we do*», от которой и произошло в 1878 г. слово «джингоизм» — английское обозначение шовинизма. «*By jingo*» означает «ей-богу», «черт возьми». — *Примеч. пер.* ** Измайльский уезд, утраченный Россией после Крымской войны и вошедший тогда в состав вассального по отношению к Турции княжества Молдавия. Взамен Южной Бессарабии Румыния получила теперь часть Добруджи. — *Примеч. пер.*

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИЙ, 1848-1878 149
венгерской Трансильвании. Сербию, стремившуюся стать балканским Пьемонтом, возмущало установление власти Габсбургов над собратьями-сербам, жившими в границах оккупированной австрийцами Боснии и Герцеговины. Болгары, увлеченные перспективой создания большой Болгарии, увидели свои земли расчлененными в тот же самый год, когда те оказались собранными воедино. Поэтому неудивительно, что о Балканах с тех пор стали думать как о «пороховом погребе Европы». Это также был «котел» (если использовать другую метафору того времени), из которого в будущем польются новые беды для остальной части столь плохо осведомленной о нем Европы.

Не все балканские проблемы были сугубо этническими или религиозными, хотя хорваты были ревностно привержены католицизму, а сербы — православию. Спорным вопросом оставалось владение землей. В 1876 г. турки разрешили освобождение крепостных после уплаты теми выкупа, и многие крестьяне пошли на это, однако австрийские попытки усовершенствовать сельское хозяйство (без проведения широкой земельной реформы) ценились ими мало. Сербию, торговля которой зависела от Австро-Венгрии, раздражало австрийское экономическое и политическое могущество. Многие ее граждане мечтали о «Великой Сербии».

Согласно американскому историку и исследователю национализма Карлтону Дж. Хэйсу, всё, что сделал Берлинский конгресс, — это заменил одного больного человека (Османскую империю) полудюжиной маньяков: «Ведь Берлинский конгресс свел балканские народы с ума»⁸. Этот окончательный приговор неадекватен и неполон, однако он помогает сделать другой важный вывод. Поскольку в меняющейся Европе присутствовало безумие, одной лишь *Reclpolitik*, чтобы его контролировать, было уже недостаточно.

Примечания

¹ Trevelyan G.M. Manin and the Venetian Revolution of 1848. L., 1923. P. vii-viii. А. Тэйлор принял эту фразу на вооружение и заострил ее звучание (Taylor A.J.P. A Personal History. L., 1983. P. 190).

² Green A. Fatherlands: State Building and Nationhood in Nineteenth-Century Germany. Cambridge, 2001.

³ См.: Namier L.B. Personalities and Powers. L., 1955.

⁴ Цит. по: Bismarck and German Unification / Ed. by D. Hargreaves. L., 1991. P. 23, 32.

150 ГЛАВА 3

⁵ Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1918. Oxford, 1954. P. 82.

⁶ Католический критик Бисмарка Эдмунд Йорг после победы 1871 г. боялся, что «человечность и цивилизация XIX столетия в последней его трети уступят место новому железному веку» (Bohme H. Die Reichgründung. München, 1961. P. 26).

⁷ Эта история кратко изложена в: Lichtheim G. Marxism. L., 1961. P. 259 passim.

⁸ О взглядах Хэйса на эту связь см.: Hayes C.J.H. Essays on Nationalism. N.Y., 1928. Ch. 5. Nationalism and International War.

Соперничество и взаимозависимость, 1871-1914

«Причины войны»

За 43 года, разделившие основание Германской империи в 1871 г. и начало в 1914 г. первой мировой войны, европейской войны, переросшей в мировую, в самой Европе и за ее пределами заявляли о себе противоречивые силы, что вполне проявилось уже в семидесятых годах. В ходе войны и после нее модно было оглядываться назад и видеть в этих противоречивых силах, внутренних и международных, «причины» войны, распределяя вину между участниками. Впоследствии «причины»* заменило слово «запал» — после того как американский историк Лоуренс Лафор написал о «запале замедленного действия» войны¹. Когда рассматриваемый период только начался, Дизраэли предсказал возможное будущее, заявив парламенту в 1871 г., что война между Францией и Пруссией не была «обычной войной, как Крымская, итальянская или австро-прусская. Она представляет собой еще большее политическое явление, чем Французская революция прошлого века» (при этом Дизраэли проницательно добавил, что не говорит о «большем или столь же значительном социальном явлении»). «Перед нами новый мир, новые влияния, неизвестные стремления и опасности, с которыми придется иметь дело». Одна из сил этого «нового мира» была не новой. Она не ограничивалась одной страной или группой стран и в отдельных местах обладала просто религиозной силой. Теперь мощь ее росла, и великий оппонент Дизраэли Гладстон видел в ней величайшую опасность в непред-

151

152 ГЛАВА 4

сказуемом будущем. (Другой подобной опасностью была для него плутократия, власть богатства.) Милитаристы высоко подняли головы. Мужчины, в яркой форме восседавшие на конях, гордились не только своим званием и кодексом чести, но, что казалось наиболее зловещим, они гордились и своим оружием; Его демонстрировали не только на парадах, но и на международных выставках. В Европе между 1870 и 1914 гг. рост сухопутных и морских вооружений составил 300%. Он стал возможен не только в силу решений, принятых политическими руководителями, но и благодаря растущему благосостоянию и развивающимся технологиям, связанным с индустриализацией. Другой силой была автократия, представленная во время первой мировой войны по обе стороны фронта, где Российская империя противостояла империи Габсбургов. В Вене ее сдерживали либерализм и популизм. В России же вплоть до 1905 г. самодержавная власть ограничивалась только царевубийством. На Александра II было совершено три покушения, пока он не был убит бомбой анархиста в 1881 году*. Первая русская социалистическая партия была организована в 1883 г. не в России, а в Швейцарии**, и когда в 1905 г. разразилась революция — при обстоятельствах, которых революционеры-изгнанники не могли предвидеть, — они вернулись слишком поздно, чтобы оказать влияние на события. Перед тем как революция была подавлена, было арестовано 70 тыс. человек и 15 тыс. человек погибло. Результатом революции стал созыв царей национального собрания — Думы, собравшейся в апреле 1906 г., но она была распущена спустя всего два месяца. До 1914 г. созывалось еще три Думы, но добились они немногого. Автократизм давал о себе знать и в Германии, где, пусть анахронично, индустриализация сопровождалась «неоабсолютистской культурой двора», в которой особую роль играла военная верхушка. Ежегодные расходы на двор превышали расходы на рейхсканцлера и его канцелярию, имперское министерство юстиции, министерство иностранных дел (включая весь дипломатический корпус) и министерство колоний вместе взятые. В подчинении гофмаршала находилось около 500 человек².

Третьей силой был империализм — этим словом обычно обозначалось приобретение земель — за пределами Европы и яростное соперничество в далеких странах за прибыль и могущество.

«Реалистичным»

* Неудачных покушений на Александра II было не три, а восемь. Убийца царя И.И. Гриневицкий анархистом не был, а принадлежал к организации «Народная воля», ставившей целью именно захват политической власти. — *Примеч. пер.* ** Речь идет о плехановской группе «Освобождение труда». — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 153

государственным деятелям, особенно в Германии, имперская политика казалась способной отвлечь внимание от внутренних социальных конфликтов. Князь Бернгард фон Бюлов, назначенный министром в ходе важной министерской перестановки 1897 г. и скоро ставший канцлером, в 1914 г., уже находясь в отставке, писал в своей популярной книге, что «*Weltpolitik*» (мировая политика) была «подлинным противоядием против социал-демократии».

Четвертой силой, менее поддающейся точному определению, было моральное разложение

общества, выражалось ли оно в действиях лидеров-демагогов или в массовой истерии. «Народное воображение никоим образом нельзя не принимать во внимание при оценке политических сценариев», — утверждал в 1897 г. автор популярного журнала *«Science Siftings»**. На протяжении этого и следующего десятилетия в Германии, Франции, Австрии и Британии все больше пользовались словом «массы», чаще говоря о *«Masspsychosen»*** и психологии масс, чем о «народном воображении». Одним из таких психозов был антисемитизм. Евреи стали козлами отпущения в Берлине, Вене, Москве и Париже. Нападки на евреев привели в движение силы, которые было нелегко удержать под контролем. В своем известном исследовании «Толпа» французский социолог Гюстав Лебон переключил внимание с личностей на то, что он называл «коллективным разумом». Одним из ключевых в его труде стало понятие «общественной заразы».

В работе английского либерального автора Дж. Гобсона милитаризм, империализм, самодержавие и «общественная зараза» выступали как взаимосвязанные явления. Гобсон оказал влияние на русского марксиста Ленина (настоящее имя Владимир Ульянов), который разделял его взгляды на империализм и пришел к убеждению, что успешная революция произойдет в результате войны, как и случилось в России в 1917 г. Впрочем, в поисках «причин» войны большинство людей не шло дальше того, что заместитель одного германского министра назвал (в августе 1914 г., месяце, когда разразилась европейская война) «этой чертовой системой союзов, проклятием нового времени». В октябре 1916 г. американский президент Вудро Вильсон, чья страна находилась вне этой системы, возложил ответственность за войну на «взаимосвязь союзов и договоров, сложную паутину интриг и шпионажа, которые вовлекли всю семью [народов] в свои сети». То обстоятельство, что эта сеть в значительной степени создавалась в тайне, было, по

«Научный анализ» (англ.). — Примеч. пер. *«Массовых психозах» (нем.). — Примеч. пер.

154 ГЛАВА 4

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 155

мнению Вильсона, еще одним фактором, способствовавшим началу войны. Орудием дипломатии служили «утечки» секретных сведений, в том числе преднамеренные. Ту же роль играла дешифровка кодов и другие виды деятельности военной и морской разведки, значение которой в 1890—1914 гг. заметно выросло.

Корни европейской системы договоров лежали в далеком прошлом, однако именно при Бисмарке — работавшем, исходя из реальных возможностей и деловых предпочтений для отдельных стран, — эта система стала успешно применяться как инструмент мира. Уже до основания Германской империи Бисмарк показал себя мастером заключения договоров, изобретательно использующим в своих целях как явные, так и тайные соглашения. После 1871 г., когда он провозгласил Германскую империю «удовлетворенной» державой, он по-прежнему был полон решимости, подобно Меттерниху, использовать договоры для контроля над другими странами. Его искусство было безупречным. Почтение внушала и стоявшая за его действиями военная мощь, которую, как показали события до 1870 г., он всегда готов был использовать. Бисмарк не только точно знал, чего хотел, но и тонко чувствовал, насколько далеко можно зайти для достижения определенной цели.

Тем не менее мир Бисмарка был миром, в котором соперничество и конфликты скорее использовались, чем преодолевались, чувство общеевропейского интереса Бисмарку было чуждо. Иногда эта эксплуатация конфликтов была столь тонкой и изощренной, что вновь порождала непонимание, не в последнюю очередь в его собственной стране. Бисмарка нередко преследовали страхи. Страх царил среди правителей, чиновников и в широких слоях общества, в особенности страх социальной революции.

Возможно, последовательное превращение европейской системы союзов после 1890 г. в жесткую систему военно-политических блоков было вызвано именно тем обстоятельством, что Бисмарк больше не стоял у руля и на смену ему пришли менее значительные люди. К их числу относился и его непосредственный преемник генерал Георг Каприви, верный слуга нового императора Вильгельма II. Однако и он, и те, что следовали за ним, мыслили в одних и тех же категориях, рассматривая войну как законное продолжение политики. Выражение «сфера интересов» было излюбленным в их словаре и использовалось как в отношении Европы, так и в отношении всего мира. В 1871 г. Великобритания давно была мировой державой. Она была ею с XVIII в. и на протяжении долгого времени сама определяла свои «сферы влияния». В конце XVIII в. это понятие было расширено: в него включили то, что либеральный империалист лорд Розбери

назвал зонами «предотвращения», то есть территориями, на которые могли бы претендовать другие державы. Германия, которая в 1871 г. не была мировой державой, стала осознанно

стремиться к этому лишь после отставки Бисмарка в 1890 г. Многие немцы, независимо от политических позиций, считали, что Британия должна утратить свое господствующее положение. Открытое стремление Вильгельма властвовать над миром имело как интеллектуальные, так и экономические предпосылки. В 1890 г. экономист и историк экономики Густав Шмоллер предсказал, что великими мировыми державами XX в. станут Германия, Россия, Британия, США, а впоследствии, возможно, Китай. Европа, заявлял он и другие авторы, слишком мала и перенаселена, поэтому необходима экспансия. Более того, и в самой Европе, как считали многие немцы, их страна находится в «окружении». После 1897 г. вожди Германии стремились вырваться из него и приступить к экспансии. Все это предполагало неизбежный конфликт с Британией.

Система союзов

Пока Бисмарк находился у власти, он тщательно разрабатывал уравнения силы, которые привел и изложил их впоследствии в своих «*Gedanken und Erinnerungen*» («Мыслях и воспоминаниях»). Они могут быть легко переданы в форме следующих диаграмм и таблиц. Различные знаки в них означают следующее: — союз;договоренность

или соглашение;-----обязательство сохранять нейтралитет, если одна из союзных сторон находится в состоянии войны; + + + + обязательство сотрудничать по имперским вопросам; // морское соглашение. Стрелки, направленные влево (-<—) и вправо (—>) указывают, против какой державы направлен союз; блт: соглашение; вертикальная линия (|) показывает, какие державы остаются в этой системе изолированными.

Бисмарк прежде всего стремился к взаимопониманию между тремя великими державами — Австрией, Россией и Германией — и при необходимости с четвертой, Италией. «Тройственный союз монархических держав», как называл он его в своих «Мыслях и воспоминаниях», оставлял в изоляции побежденную Францию и нейтральную Британию. Для Бисмарка было важно, чтобы сотрудничество этих двух держав не могло продолжаться в течение долгого времени. Четвертую державу в своем уравнении он называл «монархической Италией». Слово «монархический» много значило для не-

156 ГЛАВА 4

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 157

го; причем Британию он «монархической» не называл. Бисмарк обосновывал свою приверженность «тройственному союзу» общей угрозой, которую несет всем трем его участникам «антимонархическое развитие», медленное или скачкообразное, в направлении «социальной республики»*. Он реализовал свою цель в Союзе трех императоров (*Dreikaiserbund*) 1873 г., точно зная, что у Австро-Венгрии и России были расходящиеся интересы, особенно на Балканах, но не выказывая большего интереса к «осколкам национальностей, населяющим полуостров».

Британия Германия -----Россия-----Австрия +++++ Италия

Франция **Рис.1**

Приверженность Бисмарка идее «общего понимания» между тремя монархиями охотно разделял Меттерних в период своего правления в Вене, но теперь в Европе возникла новая сила, отсутствовавшая в меттерниховские времена, — Рабочий интернационал, который наставляли и стремились контролировать Маркс и Энгельс.

Даже до того как Восточный кризис 1875-1878 гг. выявил изначальные пороки этого союза, Бисмарк создавал и эксплуатировал «страх войны» между Францией и Германией, который вовлекал и Россию, входившую в его союзную систему, и Британию, не бывшую ее частью, в общие протесты. «Близка ли война?» — такой вопрос ставился в передовицах немецких газет после того, как Франция в 1875 г. приняла закон, добавлявший четвертый батальон в состав каждого армейского полка. Германская идея «превентивной» войны, высказанная так скоро после 1870 года, столкнулась с резким осуждением как в Лондоне, так и в Петербурге.

Больше всего Бисмарк боялся не союза Британии с Россией, а союза царской России и республиканской Франции. После конгресса 1878 г., где Бисмарк играл роль «маклера», его страхи усилились, так

* Бисмарк писал о социальной республике, «в которой антимонархическое развитие медленно или скачкообразно снижается до тех пор, пока созданное этим невыносимое состояние делает, наконец, разочарованное население восприимчивым к насильственному возвращению монархических учреждений в цезаристской форме». (Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. под ред. А.С. Ерусалимского. Т. 1-3. М., 1940-1941. Т. 2. С. 209). - Примеч. пер. как он понял, что Россия оказалась в положении оскорбленной и «неудовлетворенной» державы и могла бы извлечь выгоду из перемен, как сделала это Франция в правление Наполеона III. Русские больше всего хотели доступа к Средиземному морю через Черное, чего вряд ли можно было добиться мирным путем. Царь был склонен рассматривать произошедшие на конгрессе как

действия европейской коалиции, возглавленной князем Бисмарком против России. Бисмарк же боялся возможной изоляции Пруссии. И именно после завершения Берлинского конгресса он решил — несмотря на возражения своего императора, дяди русского царя, — искать двойственного союза с Австро-Венгрией.

Рис.2

Итогом стал всеобъемлющий договор, включивший по настоянию габсбургского представителя Андраши, вполне разделявшего страхи Бисмарка, весьма специфические условия. Первое из них гласило, что если одна из двух договаривающихся сторон, «вопреки надеждам и искреннему желанию» подвергнется нападению со стороны России, другая сторона окажет ей помощь «всею совокупностью вооруженных сил». Второе условие, оговаривавшее нападение любой другой державы, требовало, по меньшей мере, «благожелательного нейтралитета», если только Россия не окажет поддержку этой другой державе «либо активным участием, либо военными мерами, составляющими угрозу подвергшейся нападению стороне».

Двойственный союз между Германией и Австрией, хотя и был оборонительным по замыслу, оказался намного более прочным, чем любой другой договор XIX в. Заключенный первоначально на пятилетний срок (Бисмарк следил за истечением срока договоров так же внимательно, как американцы следили за датами президентских выборов) союз продлевался в 1883 и 1902 гг., сохранив свою силу вплоть до распада Габсбургской империи в 1918 г. Он действительно стал фундаментом предвоенной системы союзов, которая привела к конфронтации двух военно-политических блоков. Втягивая Германию в австро-венгерскую политику на Балканах — у Германии были

158 ГЛАВА 4

там свои интересы, в первую очередь экономические, — этот договор напрямую способствовал развязыванию войны 1914-1918 годов. Но Бисмарк не видел в этом потенциальной опасности. Не заметил ее и маркиз Солсбери, бывший в 1879 г. английским министром иностранных дел. Узнав от Австро-Венгрии о заключении союза, он приветствовал эту «великую радостную весть». Бисмарку было необходимо дополнить союз дальнейшими соглашениями — если возможно, с русским царем, которому, по настоянию германского императора, тайно были сообщены детали договора.

Перед заключением соглашения с Россией в 1881 г. был воссоздан Союз трех императоров. Разногласия между Британией и Россией на Ближнем Востоке и в Азии склонили последнюю к подписанию договора. Первоначально срок его действия определялся в три года. На этот раз Бисмарку нужно было заручиться поддержкой Австро-Венгрии. Германия и Австро-Венгрия условились не помогать Британии против России (названия стран не упоминались), а Россия согласилась сохранять нейтралитет в возможной войне между Францией и Германией или между Италией и Австро-Венгрией. Дополнительные условия детально оговаривали политику, которой должны были придерживаться Австро-Венгрия и Россия. Новый союз, носивший куда более формальный и частный характер, чем прежний, хранился в тайне от других держав. Он был продлен в 1884 г. (год истечения срока и других бисмарковских договоров).

Соглашение 1881 г. было наибольшим, чего удалось достичь Бисмарку. Через год после воссоздания Союза трех императоров между Италией, Германией и Австро-Венгрией был заключен на пятилетний срок так называемый Тройственный союз.

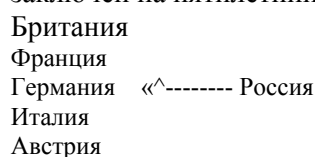

Рис.3

Этот союз оставил Британию изолированной, хотя Солсбери считал это «блестящей изоляцией».

1887 г. стал для Бисмарка столь же опасным, сколь благоприятным был 1884-й, хотя канцлер и добился от вновь избранного рейхстага согласия на отклоненный годом ранее план увеличения германской армии. Теперь он чувствовал необходимость заключить соглашение

* С 1881 г. власть в формально египетском Судане фактически принадлежала повстанцам - махдистам. Чарльз Гордон был направлен туда с поручением вывести английские гарнизоны, но вопреки приказу решил попробовать отстоять столицу страны Хартум. Гарнизон держался год, но в итоге город был взят, а генерал Гордон убит. — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 161

с Россией. Секретный договор перестраховки был подписан в июне — месяце, когда истекал срок Союза трех императоров и спустя месяц после того, как (очень удачно для Бисмарка) генерал Буланже лишился своего поста. Согласно договору, о существовании которого мало кто знал или догадывался, Германия в случае нападения Франции получала гарантии нейтралитета России, а Россия получала те же гарантии от Германии в случае нападения Австрии или Великобритании.

Британия

Франция

Германия . _ ---- Россия

Италия

Австрия

Рис.6

Договор перестраховки можно сопоставить с Двойственным союзом 1879 г., но Бисмарку потребовалось огромное нервное напряжение, чтобы одновременно сохранить оба эти соглашения в силе. Договор перестраховки не был любимым детищем канцлера, так как Германии пришлось признать исторические права России на Балканах и ее «преимущественное и решающее влияние» в Болгарии. Однако в тех обстоятельствах это был наиболее приемлемый договор, выглядевший достаточно эффективным, чтобы предотвратить опасность франко-русского союза.

С огромными трудностями договор выдержал напряжение того года, когда Россия, все еще глубоко вовлеченная в болгарскую политику, перевооружала свои армии, размещенные вдоль германской и венгерской границ. Бисмарку пришлось прибегать к таким дипломатическим и экономическим шагам, как ограничение российского кредита в Германии и публикация договора о Двойственно?!! союзе 1879 г. Последнее было сделано, чтобы показать, насколько глубоко Германия была привержена идее поддерживать Австрию. «Мы, немцы, в мире боимся Бога, и больше никого», — таким было его послание Европе. Он справедливо обращал внимание на тот простой факт, что в крайнем случае германская дипломатия могла опереться на превосходство в силе.

Впрочем, на протяжении всего периода 1871 — 1890 гг. одно ключевое обстоятельство сковывало самого Бисмарка как главного европейского фокусника. Без поддержки императора он был бы никем. В этом состояла основа государственного устройства Германской империи, которое разработал сам Бисмарк. К 1890 г., когда пришло вре-

162 ГЛАВА 4

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 163

мя продлевать договор перестраховки, не только несколько укрепились франко-русские экономические и военные связи (за отзывом германских кредитов последовали русские займы и закупки военного оборудования во Франции), но и не было больше в живых императора Вильгельма I (он умер в возрасте 91 года); Бисмарк часто ссорился с императором, но в главных вопросах, пусть и неохотно, Вильгельм всегда с ним соглашался. Его преемник Фридрих (1888), либерал по своим симпатиям, женатый на дочери королевы Виктории, правил всего лишь три месяца; на смену ему пришел Вильгельм II, которому едва исполнился 31 год (Бисмарку было уже почти 75)* и который правил вплоть до своего свержения в 1918 г. после поражения Германии в первой мировой войне.

В избранном в 1890 г. новом рейхстаге Бисмарка поддерживало меньшее число депутатов — национал-либералы потеряли 57 мест, а консерваторы — 24. Само по себе это было не так уж важно. Канцлер планировал объявить новые выборы и, если понадобится, ввести военное положение и изменить конституцию. Значение имело другое — Вильгельму, поначалу восхищавшемуся Бисмарком, не понравился его замысел. Император боялся не только того, что Бисмарк втянет страну в гражданскую войну, но и того, что он учредит свою пожизненную диктатуру. «Это был вопрос, кто должен править — династия Гогенцоллернов или Бисмарк». Семнадцатого марта, после нескольких недель все более острых разногласий, сопровождавших выборы, Вильгельм потребовал отставки Бисмарка. Их последняя встреча состоялась спустя девять дней. «Я столь несчастен, будто снова теряю своего дедушку», — писал Вильгельм родственнику. Но свое письмо он закончил словами «Полный вперед!». В тот момент особое значение приобрело обстоятельство, что глава германского иностранного ведомства Фридрих фон Гольштейн был давним противником истекавшего договора перестраховки,

поскольку считал тот несовместимым с Двойственным союзом. Император хотел возобновить договор, но Гольштейн сумел убедить преемника Бисмарка Каприви, солдата, не имевшего дипломатического опыта, что система Бисмарка слишком запутанна. Гольштейну было неважно, что возобновления договора хотели русские во главе с их прогерманским иностранным министром. Требовалась более открытая внешняя политика, результатом которой бы стало полное взаимопонимание с Австрией и укрепление дружбы с Британией.

* Имеется в виду возраст Вильгельма II и Бисмарка в момент отставки последнего в 1890 г., а не в момент восшествия первого на престол в 1888 г. — *Примеч. пер.*

Поэтому договор перестраховки возобновлен не был, и, несмотря на то что Вильгельм выражал желание сохранять дружественные отношения с Россией, в июле было подписано двустороннее англо-германское соглашение. Оно предусматривало обмен острова Гельголанд (которым англичане владели с 1795 г.) на германские колонии в Африке — Занзибар и Уганду. В мае 1891 г. был продлен на 12 лет Тройственный союз с Австрией и Италией. Когда британские корабли в июне 1891 г. нанесли церемониальный визит в Венецию и Фиуме — в том же году Вильгельм посетил Лондон, — много говорили о том, что Тройственный союз станет Четверным, с Британией в качестве одного из его членов.

Британия Франция

Германия

Италия

Рис.7

Не нужно было ни Бисмарка, ни этой диаграммы, чтобы понять, каким будет следующий шаг, если принять во внимание страх изоляции и веру в силу союзов, характеризовавшие этот период европейской истории. Впрочем, союзу России и Франции не способствовал ряд существенных обстоятельств. Многие французы, преданные делу революции, боялись любых связей с самой «реакционной державой» Европы, и еще большее число русских полагало, что Французская республика не только имеет «революционное сердце», но и является ненадежным партнером.

Первые шаги к франко-русскому союзу носили скорее театральный характер: царь, обнажив голову, выслушал «Марсельезу» во время посещения французским флотом Кронштадта 3 июля 1891 г. Однако уже в декабре 1893 г. (после того, как немцы провели новый военный закон, а французы столкнулись с британцами в своей колониальной политике на Дальнем Востоке) была подписана секретная франко-русская конвенция*. «Если на Францию нападет Германия, — гласила ее первая статья, — или Италия, поддержанная Германией, то Россия употребит все имеющиеся в ее распоряжении силы, чтобы напасть на Германию»**. Вторая статья касалась Тройственного союза: в случае

Вернее — утверждена. Подписана конвенция была еще в августе 1892 г. — *Примеч. пер.* * Рус. текст цит. по: Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Указ. соч. С. 270.

164 ГЛАВА 4

мобилизации держав Тройственного союза России и Франции также следовало мобилизовать свои войска. Договор должен был оставаться в силе, пока действует Тройственный союз.

На первый взгляд, заключение этого нового договора, которому предстояло стать вторым краеугольным камнем системы союзов начала XX в., не укрепило блоки европейских держав. Они все еще стояли рядом друг с другом, а не лицом к лицу. Во многом это объяснялось тем, что Британия никогда не вступала в союзы с Германией, Австрией и Италией — ни в начале, ни в конце девятых годов. Отчасти причиной являлось австро-русское соглашение о сотрудничестве во имя сохранения *status quo* на Балканах и в Проливах, заключенное во время визита Франца Иосифа в Петербург в 1897 г. Важной чертой этого договора были обязательства Австро-Венгрии и России сдерживать своих «сателлитов» — новые национальные государства, возникшие на землях Османской империи, которые, в свою очередь, сами были обязаны сохранять согласие между собой.

На протяжении 1890-х гг., когда дело касалось Британии, европейские державы — Тройственный союз, Франция и Россия — легко объединялись против нее по колониальным вопросам. Они могли действовать и посредством двусторонних переговоров. Так, в 1894 г. Германия поддержала Францию в блокировании земельной сделки между Британией и так называемым «Независимым государством Конго», представлявшим собой предприятие в Центральной Африке, находившееся под личным контролем бельгийского короля Леопольда. Годом позже, к великому раздражению британского правительства, Германия, Россия и Франция ввели войска в Китай, чтобы сдержать разгромившую китайцев Японию. В итоге они приобрели собственные базы на китайской земле. Подобные эпизоды случались почти каждый год. В 1896 г. Вильгельм отправил поздравительную

телеграмму президенту Бурской республики Трансвааль Крюгеру, поводом для которой послужил провал рейда Джеймсона (грабительской экспедиции южноафриканских белых поселенцев британского происхождения, организованной при молчаливом согласии Джозефа Чемберлена, энергичного и амбициозного министра колоний). Когда в 1899 г. Британия объявила бурам войну и вскоре оказалась вовлеченной в неприятный и на удивление длительный конфликт большой державы с маленьким государством, большая часть европейских стран выражала симпатию бурам. И германская, и французская пресса с удовольствием печатала антибританские филиппики и карикатуры. Впрочем, британцы выдержали критику со стороны иностранных правительств и газет, ведь никто не

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 165

мог оспорить их господство на море. Морское могущество было столь же необходимо для поддержания британской «изоляции», сколь мощь Германии на суше — для поддержания системы союзов, членом которой она являлась. Никто больше не мыслил в категориях «европейского концерта», как когда-то делал Гладстон.

Имперская политика

Прежде чем рассматривать процесс укрепления европейской системы союзов после 1900 г. — важную роль во втягивании Британии в эту систему играло морское соперничество, — необходимо более детально рассмотреть имперскую политику конца XIX в. Она была еще более сложной, чем политика в Европе, и не может быть сведена в диаграммы. Решения принимались не только в европейских ведомствах иностранных дел, но и прямо на месте, вдалеке от столиц, причем в их принятие были вовлечены многие люди. Давление исходило и от миссионеров, проповедующих Евангелие, и от авантюристов, торговавших золотом и оружием. Средства коммуникации улучшались, но все еще оставались довольно медленными. Приказ мог прийти слишком поздно.

До конца шестидесятых годов слово «империализм» — один из многих «измов» конца XIX в. — обычно употреблялось по отношению к Франции Наполеона III. Только в 1869 г. один британский автор обратил внимание на то, что назвал «империализмом в его лучшем смысле». Под этим подразумевалась «убежденность, а иногда и обязательный долг выполнять чрезвычайно утомительные и неприятные задачи — такие, как защита Канады или управление Ирландией». О прибыли в этом заявлении не упоминалось, хотя иностранные инвестиции — как на территориях, напрямую контролируемых европейскими странами, так и в других странах, подвластных «неофициальной империи», империи экономического развития и торговли, — приносили ощутимые доходы. Автор писал о поселениях белых, в то время как большинство «колониальных приобретений» между 1869 и 1900 гг. были сделаны в тропиках.

Это были годы так называемого раздела Африки и «битвы за мир» в Азии и на Тихом океане. Это также были годы становления двух великих держав за пределами Европы — Соединенных Штатов и Японии. В 1898 г. США своими победами над Испанией, оккупацией Кубы и Пуэрто-Рико, аннексией Филиппинских и Гавайских островов положили начало процессу собственной имперской экс-

166 ГЛАВА 4

пансии. В феврале 1904 г. Япония предъявила ультиматум России и без объявления войны начала успешные боевые действия. Договор, завершивший войну, был подписан не в Европе, а в Соединенных Штатах.

Западноевропейские государства оказались вовлечены в китайские дела между окончанием японо-китайской войны и 1900 г., добиваясь концессий и создавая прибрежные анклав. Огромные территориальные приобретения были сделаны в других частях света. В 1870—1910 гг.

колониальные державы аннексировали земли площадью свыше 11 млн квадратных миль*. Одна Британская империя на протяжении последних трех десятилетий XIX в. увеличила свою территорию наполовину, а свое население — на треть, несмотря на то что у власти в Лондоне иногда стояли антиимпериалистические правительства. (Гладстон никогда не одобрял колониальной экспансии.) Подобным же образом Франция, где империалисты никогда не были хозяевами положения, в последние два десятилетия XIX в. приобрела 3,5 млн квадратных миль территории**. Премьер-министр в 1883—1885 гг.*** Жюль Ферри был особенно деятельным и крикливым колонизатором, расширившим власть Франции в Индокитае и потерявшим свой пост после военного провала в далеком Тонкине (Северный Вьетнам). Германия также приобрела 1 млн квадратных миль****. Бисмарк однажды заявил, что его карта Африки находится в Европе. Канцлер любил рассеивать или уводить в сторону опасное соперничество в Европе, поощряя

конкуренцию в дальних землях. Однако именно он начал германскую колониальную экспансию. Другие люди, более, чем Бисмарк, преданные этой идее, своей имперской риторикой смогли довести германскую экспансию до той степени, чтобы вызвать страх в Британии. Между тем на карте все еще существовали старые, испанская, португальская и голландская, колониальные империи — у последней росло благосостояние, хотя и не размеры, первая теряла ценные земли, а у старой португальской империи увеличивались и размеры, и богатства. Итальянцы приняли участие в колониальной гонке с небольшим успехом (в 1896 г. им не удалось добиться власти над Эфиопией), а бельгийцы, формально не обладавшие никакой империей, управляли леопольдовским государством Конго, пока в 1889 г. оно не перешло к ним согласно королевскому указу. * 28,5 млн кв. км. — *Примеч. пер.* ** Свыше 9 млн кв. км. — *Примеч. пер.* *** Также в 1880-1881 гг. — *Примеч. пер.* *** «2^59 млн кв. км. — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 167

скому завещанию*. Поражения в Африке привели к отставке Криспи в 1896 г., а безжалостная политика Леопольда подвергалась нападкам и в самой Бельгии, и за ее рубежами. Статистика территориальных приобретений или частной и общественной собственности — это лишь часть имперской истории, в то время обычно излагавшейся в нестатистических понятиях — посредством карт, в приключенческих романах, очерках путешествий, популярных песнях и восторженных речах с трибун, задрапированных цветами государственного флага. Империализм впитал в себя часть националистического фольклора, но всегда имел и свои собственные мифы, и своих собственных героев. Подобно национализму, он заявлял, что мир поделен не между конкурирующими, а скорее дополняющими друг друга империями, каждая из которых обладает собственной «миссией». Иногда эти разные империи могли объединяться во имя «цивилизации» и «прогресса».

Британские представители четко отграничивали себя и «свою родню» от «туземцев» или «аборигенов», которых они покоряли или держали под контролем. В первом случае примерами служат Канада и Австралия — тамошние поселенцы, в том числе волны новых иммигрантов, получили в первой половине XIX в. значительную степень независимости. Федеральное правительство Австралии появилось в 1900 г. Во втором случае шли разговоры о «бремени», но зачастую имело место радостное опьянение успехами. Налицо было и стремление «упростить вещи». «Благодаря практическому опыту мы находим, — писал сэр Фрэнсис Янгхасбэнд, исследователь Центральной Азии (где британские и российские интересы столкнулись в так называемой «великой игре»), — что мировые дела не будут идти, пока в них царит беспорядок». В «империалистические» авантюры было вовлечено столь много людей, столь разного масштаба и в столь непохожих местах, что делать какие-либо обобщения нелегко. Африка предстала!лась всем «темным континентом», исследуемым и эксплуатируемым, в то время как в «странной и таинственной» Азии невозможно было игнорировать древние религии и культуры. В 1837 г., когда Виктория взошла на престол, европейские поселения в Африке представляли собой отдельные клочки на побережье. Ко времени ее смерти в 1901 г. в Африке остава-

* Превращение Конго из владения короля Леопольда в бельгийскую колонию состоялось не в 1889 г., а в 1907-1908 гг., еще до смерти короля в 1909 г. Это изменение статуса было вызвано протестами европейских держав против бессовестной эксплуатации страны Леопольдом. — *Примеч. пер.*

168 ГЛАВА 4

лось лишь два независимых государства — Эфиопия и небольшая республика Либерия. Виктория гордилась титулом императрицы Индии, пожалованным ей по инициативе Дизраэли 1 января 1877 г. Двадцатью годами позже она еще более гордилась присутствием в Лондоне индийских и других «туземных» подданных на «бриллиантовом» юбилее ее правления. (Новое определение 60-летнего юбилея как «бриллиантового» пришло из Африки.)

К последнему десятилетию XIX в. вопрос «Дальнего Востока» (это составное понятие также отражает представление о европейском господстве в мире) был поднят на повестку дня не столько из-за прямой европейской экспансии в этот регион, сколько из-за появления азиатской державы — Японии, уже взявшей на вооружение идеи европейского национализма. (В 1880 г. немецкий капельмейстер британских войск в Иокогаме был приглашен, чтобы создать национальный гимн, положив на музыку слова IX в.)

Япония переживала первые этапы промышленной революции, которая поддерживалась всей мощью государства и которая в XX в. трансформировала все основы этой мощи. После короткой японо-китайской войны 1894-1895 гг., продемонстрировавшей и японскую силу, и китайскую слабость, японцы получили ряд территориальных и иных приобретений. По Симоносекскому договору 17 апреля 1895 г. Китай и Япония признавали независимость Кореи, страны, из-за которой шла война, однако Япония получала Формозу*, Порт-Артур и Китайский полуостров**. В

результате протестов со стороны Франции и Германии (Британия воздержалась) Порт-Артур и полуостров были возвращены Китаю, но на него возлагалась огромная контрибуция. Была ли Китайская империя своего рода Османской империей Дальнего Востока? В 1895 г. выгоду извлекли также Франция, Россия и Германия, но еще до конца столетия направленное против иностранцев «боксерское» восстание встревожило европейские страны и Соединенные Штаты в большей степени, чем любые события в Японии. К 1908 г. у Китая уже имелась своя конституция — султаны в Константинополе никогда не были готовы пойти на это, — а в 1912 г. Китай стал республикой.

Если рассматривать «империалистический» мир в целом — Африку, Азию и Тихий океан, то выяснится, что среди людей, вовлеченных в запутанные процессы экспансии, были исследователи (Леопольд, последний конкистадор, запустил свой африканский «проект» на Международном географическом конгрессе в Брюсселе в 1876 г.);

* Португальское название острова Тайвань (устар.). — *Примеч. пер.* ** То есть полуостров Ляодун. — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 169

миссионеры всех конфессий, распространявшие Евангелие и вместе с ним многое другое, в том числе образование; эмигранты, приобретающие новые дома вдали от родины и усваивавшие новый образ жизни; деловые люди, крупные и мелкие, искавшие новое сырье (каучук, минералы и растительные масла) и новые рынки сбыта для промышленных товаров; подрядчики, строители, архитекторы и инженеры, возводившие города, пристани и железные дороги; солдаты, сражавшиеся на войнах, зачастую неверно называемых «малыми»; наконец, администраторы, также крупные и мелкие, причем размах деятельности некоторых из них действительно позволял назвать их «проконсулами», как думали о себе, в терминах наполеоновской эпохи, и они сами. Такими были три великих проконсула Британской империи конца XIX — начала XX в.: Ивлин Бэринг, первый граф Кромер, управлявший Египтом — страной, связывавшей Африку и Османскую империю (как считал первый консул Наполеон); маркиз Джордж Керзон в Персии и Индии; и свежее испеченный аристократ виконт Альфред Мильнер в Южной Африке.

Значение прибыли в имперской истории оценить трудно, хотя именно ей отводилось центральное место в теории «империализма», разработанной Лениным в XX в. на базе марксистского учения. Для него, много взявшего у английского либерального экономиста Дж. Гобсона, главной движущей силой империализма была не торговля, а инвестиции. Колонии предлагали новые рынки капитала, а капитал, вложенный за морями, мог принести большую отдачу, чем дома. Он также мог обеспечить занятость и повысить уровень жизни в метрополии. За эти рынки началась конкуренция. Следовательно, считал Ленин, эпоха империализма, естественно и неизбежно вытекавшая из эпохи европейского капитализма, приведет к войне.

Предложенное Лениным объяснение было не более всесторонним, чем трактовка Марксом капитализма как неизбежного источника революции, трактовка, которая в конце XIX — начале XX в. подверглась «ревизии», особенно со стороны германских марксистов и британских социалистов-фабианцев. (Многие из последних, впрочем, Маркса не читали.) Есть много примеров колониальной экспансии, которые можно объяснить лишь в неэкономических понятиях. Да и инвестиции не всегда следовали за флагом. В конце XIX в. относительно малая доля британского капитала направлялась в места, закрашенные на карте красным цветом*, за исключением Южной Африки. Намного

* Долгое время Британская империя обозначалась на картах мира красным цветом. — *Примеч. пер.*

170 ГЛАВА 4
большая доля шла в Латинскую Америку, особенно в Аргентину, которая в итоге, как и в начале XXI в., обзавелась огромным внешним долгом. В самой Европе только Британия и Германия превосходили по объему океанской торговли Норвегию, которая вплоть до отделения от Швеции в 1905 г. и выбора своим королем датского принца не была ни империей, ни даже национальным государством.

Место политики и правительств в истории империй так же сложно оценить в общих понятиях, как и имперскую экономику, поскольку стремление к империи зачастую не менялось со сменами правительств. В то же время любое правительство всегда могло вдали от метрополии столкнуться с колониальными *fails accomplis**, которые оно не могло предвидеть или контролировать. У «империалистов» в европейских политических партиях и правительствах наблюдались самые разные и нередко противоречивые мотивы. Некоторые полагали, что колониальные территории обеспечат выход избыточному населению. В этом действительно состоял любимый консервативный аргумент, выдвигавшийся людьми, не связанными с торговлей и инвестициями.

Другие думали о могуществе или престиже. В этом вновь видно консервативное мышление, естественное для людей вроде Дизраэли или Бисмарка, хотя те были достаточно умны, чтобы скорее пользоваться этим аргументом, нежели разделять его. Ферри в побежденной Франции семидесятых годов XIX в. особо выделял *esprit* и *elan***. Говорил ли Ферри о таких далеких друг от друга местах, как Тунис и Тонкий, он доказывал, что если Франция не создаст новой империи, она «скатится с первого ранга [могущества] к третьему и четвертому». Позднее, в том же столетии, Джозеф Чемберлен, чье радикальное прошлое в бирмингемский период*** научило его думать в категориях действия, считал империю «недоразвитым поместьем».

Даже после разрыва Чемберлена с Гладстоном и Либеральной партией в 1886 г. по ирландскому вопросу оставшиеся либералы по-прежнему были разделены на либеральных империалистов («лим-пов») и прочих членов партии, которых оппоненты называли «малоанг-личанами». Здесь также проявлялись двойственность и противоречивость, столь ярко выразившиеся в Сесиле Родсе, прибывшем в Южную Африку (для поправки здоровья) в 1870 г. — как раз, когда в Кимберли

* Свершившимися фактами (фр.). — *Примеч. пер.*

** Дух и порыв (фр.). — *Примеч. пер.*

*** Имеется в виду деятельность Джозефа Чемберлена на посту мэра Бирмингема до его избрания в палату общин. Там он проявил себя как сторонник социальных реформ и в консервативных кругах даже получил репутацию «революционера». — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 171

были открыты алмазы, нажившем на бриллиантах состояние и служившем премьер-министром Капской колонии в 1890-1896 гг. Роде интересовался всем имперским — деньгами, властью, промышленным развитием, благосостоянием, образованием, однако также восхищался ирландским национализмом и давал деньги Парнеллу. В Африке он в основном сочувствовал черным африканцам. Роде умер в 1902 г., и согласно его завещанию в Оксфорде были учреждены стипендии для студентов из Британской империи, Соединенных Штатов и Германии.

Степень влияния на европейскую политику соперничества за пределами Европы менялась год от года, а информация о некоторых особо резких столкновениях попадала на передовицы газет. По любым критериям, впрочем, выделяются 1884-1885 и 1904-1905 годы. В 1884—1885 гг. представители великих держав, в том числе США, в первый и последний раз встретились в Берлине, чтобы обсудить судьбу Африки. На этой впечатляющей конференции, где было придумано выражение «сфера влияния», удалось прийти к соглашению, что державы могут оккупировать африканские земли при условии уважения притязаний других стран и уведомления тех о своих действиях. О чувствах африканцев почти не думали. Это были годы, когда было признано государство Конго бельгийского короля Леопольда (условием стала отмена рабства)* и когда Бисмарк выступал со своей «заявкой на колонии». Прежде канцлер осуждал «наших колониальных джингов», но теперь без затруднений нашел верный язык: «Колонии будут означать приобретение новых рынков для германской промышленности, торговую экспансию и новое поле для германской деятельности, цивилизации и капитала» (в таком порядке). Помимо Африки события развернулись на Новой Гвинее, и после раздела с Британией тех ее земель, которые не принадлежали Голландии, немцы продолжили свою экспансию приобретением Самоа (не без споров) и дали имя Бисмарка архипелагу в Тихом океане.

Все это не исчерпывает темы 1884 и 1885 годов. Неприятности ждали британцев к северо-западу и северо-востоку от Индии. В 1884 г. огромную тревогу в Лондоне и Калькутте вызвала оккупация русскими Мерва — туркменского центра, расположенного всего в 200 милях от Герата и считавшегося одним из ключевых пунктов на пути в Индию. На востоке, после того как король Бирмы предложил^в 1885 г. французам железнодорожные и другие экономические кон-

* В обсуждении проблемы Конго и признании на нее прав Леопольда, собственно, и состояли главная цель и основной итог Берлинской конференции. — *Примеч. пер.*

172 ГЛАВА 4

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 173

цессии, британцы направили ему ультиматум, захватили его и 1 января 1886 г. присоединили Бирму к Индии.

Другими беспокойными годами в этом временном промежутке были 1896, 1897 и 1898-й. Первый из них ознаменовался не только рейдом Джеймсона*, но и завоеванием Британией королевства Ашан-ти на так называемом Золотом Берегу (в 1960 г. оно станет Республикой Гана), подчинением французами Мадагаскара и разгромом эфиопами итальянцев при Адуде — редким примером поражения, нанесенного потенциальной колониальной державе неевропейским соперником. Это также был год, когда французский офицер Жан Маршан получил приказ

двинуться в Судан, где британский генерал Горацио Китченер только что победил туземную армию под Омдурманом. (Среди молодых британских офицеров там сражался Уинстон Черчилль.) Маршан не подчинился требованию Китченера отступить, и об этом затруднении сообщили в Европу.

Случившемуся тогда придавали впоследствии огромное значение, большее, чем было в действительности. Франция в лице нового министра иностранных дел Теофиля Делькассе согласилась уйти из Судана, и в 1899 г. между французами и британцами было подписано более общее соглашение, ослабившее взаимные трения. Впоследствии в этом увидели начало франко-британского сближения, которое через «сердечное согласие» 1904 г. приведет к полноценному франко-британскому союзу в годы первой мировой войны, хотя даже в 1900 г. франко-русская военная конвенция еще предусматривала возможность войны с Британией.

Характерно, что подписанное Делькассе «сердечное согласие» просто устранило заморские споры — о Европе в нем не упоминалось. Также характерно, что к этому времени, в январе 1902 г. (когда бурская война подходила к концу), уже был сделан первый шаг Британии по выходу из изоляционизма — и это был союз не с европейской державой, а с Японией. При других обстоятельствах и с другими политиками стал бы возможен союз Германии, Британии и Японии, поскольку германское правительство тогда выражало интерес к подобному соглашению. Пользу из двустороннего союза извлекла Япония, начавшая в феврале 1904 г. войну против России. Затем, в 1910 г., последовала аннексия Кореи. Тем временем, между 1904 и 1914 гг., Британия все больше удалялась от Германии и сближалась с Францией. Вильгельм был увлечен идеей *Weltpolitik* с опорой на

* Рейл с целью присоединения к Британской империи Южно-Африканской Республики (Трансвааль). — *Примеч. ред.* морское могущество — курсом, который рекомендовали ему некоторые советники, особенно адмирал Альфред фон Тирпиц, тогда как Делькассе просто верил в то, что Германия является «извечным врагом» Франции.

Мировая взаимозависимость

Разговоры о друзьях и врагах различных наций стали в конце XIX в. таким же общим местом, как разговоры о необходимости конкуренции между ними. На концепцию конкуренции не меньшее влияние, чем экономика, оказала биология. Теории Чарльза Дарвина, развитые в «Происхождении видов» (1859), одной из «великих книг» не только XIX в., но и всех времен, стали символом веры широкого слоя людей, увидевших в «выживании сильнейшего» социальную концепцию и по ходу дела вульгаризировавших ее. Интеллектуальное оружие поставляли и социальные эволюционисты, в первую очередь британский автор Герберт Спенсер. Некоторые «социальные дарвинисты» были, если использовать позднейший уничижительный эпитет, откровенными «расистами» и видели среди наций «низшие» и «высшие» расы. Этим легко было оправдать триумф сильных над слабыми. Бернхард фон Бюлов, ставший германским канцлером (третьим по счету канцлером после Бисмарка) в 1900 г., был убежден, что постоянного мира не существует и что его и не должно быть: «Война является необходимым элементом божественной схемы мира». Однако в то самое время, когда подобный язык был в большой моде — зачастую отвратительный и всегда поверхностный, — экономические факты, если не все экономические теории, указывали на беспрецедентный уровень мировой взаимозависимости. Никогда прежде экономические связи между странами не бывали столь тесными или столь существенными для повседневной жизни миллионов людей, как в те 25 лет, что предшествовали 1914 году. Впрочем, после начала первой мировой войны станут много говорить о необходимости уйти от предвоенной «международной анархии» (так называлась книга Дх Дикинсона, опубликованная в 1926 г.). В противовес этому в экономических дискуссиях на протяжении двадцатых годов обсуждался возврат к предвоенной «норме».

Взаимозависимость, впрочем, была основана на европейской гегемонии и системе экономической специализации, соответствующей ^{ев}ропейским интересам. Первые индустриализованные страны — Британия, Бельгия, Германия, Франция — стали теперь самыми бога-

тыми в западном мире, но их индустриализация зависела теперь от заморского импорта. Первое место занимал хлопок, связывавший интересы экономически отсталых плантаций американского Юга с их работниками-рабами и текстильных фабрик одного из самых экономически развитых регионов мира, то есть промышленного Ланкашира с его твердо стоящими на ногах владельцами предприятий, квалифицированными станочниками и оживленным торговым оборотом. За хлопчатобумажными следовали другие ткани. К 1914 г. половина мировых поставок шерсти

осуществлялась из Австралии и Новой Зеландии — новых земель, колонизированных белыми, почти исключительно британцами по своему происхождению (англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы). Впрочем, были и дурные предзнаменования: число текстильных веретен в Японии, составлявшее только 13 тыс. в 1880 г., к 1914 г. выросло до 2 287 000.

Огромные перемены в последние годы столетия повлекла за собой растущая зависимость Европы как в продуктах питания, так и в промышленном сырье из других частей света. Равнины Среднего Запада США обеспечивали ее пшеницей (стоимость американского экспорта пшеницы между 1850 и 1914 гг. выросла более чем в 20 раз, хотя Франция и Германия делали все возможное, чтобы оградить от конкуренции собственную продукцию); Аргентина поставляла мясо (эта торговля стала возможной благодаря судам-рефрижераторам, появившимся в семидесятых годах XIX в.); Вест-Индия — сахар (хотя страны континентальной Европы производили большие объемы сахара из сахарной свеклы); Новая Зеландия — баранину и молочные продукты; Западная Африка — какао и растительные масла; Индия (и в меньшей степени Китай) — чай; наконец, Бразилия поставляла кофе (64% германского импорта кофе в 1914 г. поступило из Бразилии).

Это все лишь поверхностная статистика, неполная по своему масштабу. Подобно статистике имперской она отражает только часть истории. Наряду с картами империй в новых школьных атласах следовало бы поместить карты торговли и коммуникаций. И наряду с хронологией договоров и битв там должна быть представлена хронология экономических циклов, в основном носивших международный характер. Некоторые из них были кратковременными, с пиками и провалами в уровне продукции, занятости, цен и доходов, другие — длительными, включавшими движение цен (и инновационные тенденции) на протяжении целого поколения.

Важно отметить, что общий уровень цен, возраставший в середине столетия, падал между серединой 1870-х и серединой 1890-х гг. с различными последствиями для отдельных экономических и социальных

групп. Разговоры о «великой депрессии», всеобщей по своему масштабу, были совершенно неуместны. Низкие процентные ставки поощряли определенные виды инвестиций, и, в то время как падал коэффициент прибыли, рос реальный доход наемных работников, улучшались их жизненные стандарты и снижалась продолжительность рабочего дня. Во Франции последние годы той поры остались в памяти как *belle époque**. Впрочем, в плохие годы, например в 1902-м или 1907-м, многие промышленные рабочие во всех странах, в том числе и во Франции, а также обслуживающий персонал вроде докеров, самых «непостоянных» среди прочих трудящихся, потеряли работу.

Роль Британии, все еще величайшей торговой державы, прошедшей к 1870 г. свой пик промышленного господства, была ключевой в функционировании международной системы, даже более важной, чем роль бисмарковской Германии после 1870 г. в функционировании системы союзов. В 1914 г. Британия была единственной европейской страной, продававшей больше товаров вне Европы, чем на самом континенте. Она также была крупнейшим мировым импортером, банкиром и поставщиком деловых услуг (таких, как страхование). Фунт стерлингов обеспечивался золотом, и именно роль Британии как страны свободной торговли, где доминировал интерес к мировым товарным рынкам и существовал крайне гибкий финансовый рынок, позволяла золотому стандарту действовать насколько возможно автоматически, без вмешательства правительств. Банк Англии был частным предприятием. Очевидный автоматизм этой системы, опиравшейся скорее на молчаливое взаимопонимание, чем на формальные правила, резко контрастировал с ухищрениями политической и тем более дипломатической системы. Тем временем Британия, помимо промышленной продукции, экспортировала в остальной мир капитал: 43% мировых иностранных инвестиций в 1914 г. были британскими, в то время как доля Германии составляла 13, а Соединенных Штатов — лишь 8%.

Высокой уровень взаимозависимости наблюдали и в самой Европе. Половину всей зафиксированной мировой торговли составляли экспорт и импорт семи европейских стран.

Германия выступала главным промышленным соперником Британии в Европе (это стало темой захватывающей книги Эдварда Уильямса «Сделано в Германии», изданной в 1896 г.), но Британия, крупнейший производитель и экспортер угля, была лучшим клиентом Германии, а Германия, в свою очередь, как потребитель британских товаров уступала только Индии. Когда

Прекрасная эпоха (фр.). — Примеч. пер.

176 ГЛАВА 4

в 1914 г. разразилась война, в берлинских котельных горел британский уголь. В то же время для постройки кораблей британского флота использовали немецкий стальной прокат, а во Франции строительство доменных печей шло в 1914 г. с помощью германского капитала. Германия

опережала Британию в производстве стали (а США далеко обогнали обеих), в использовании электричества и производительности труда. Процветала там и химическая промышленность. Австрийский экономист Йозеф Шумпетер рассматривал годы так называемой «великой депрессии» как период предпринимательской гонки, за которой в Германии стояли банки. Он отмечал способность германской промышленности объединяться для создания крупных структур, резко контрастировавших с малыми организациями, возникшими в ранние годы британской индустриализации. Конкуренция в промышленности была ограничена, промышленные картели формировались как для того, чтобы установить цены, так и для того, чтобы контролировать уровень производства³. В Британии смысл технологического старения, пусть и отмечавшегося критиками и прессой, не был оценен в полной мере. Не были оценены и недостатки системы образования, которая на своем самом высоком уровне, казалось, отвергала не только технологии, но и любые формы зарабатывания денег.

Россия, несмотря на политическую отсталость, также стала частью общей картины. При беспрецедентно высоком экономическом росте доходы государства, как и число банков, между 1908 и 1914 гг. удвоились. В 1912 г. был сформирован картель в электротехнической промышленности («Электропровод»). Большую роль в этом развитии играл иностранный капитал, в основном германский, хотя между 1900 и 1914 гг. его доля в российских инвестициях в целом упала с половины до одной пятой.

Существовало несколько мощных международных трестов и картелей, определявших экономическое участие отдельных стран по правилам, которые они сами для себя устанавливали. В глобальном контексте — правда, слово «глобальный» еще не использовалось тогда в его современном смысле — разделение мира на «зеленые» (сельскохозяйственные) и «черные» регионы сопровождалось, как это было в Европе, разделением стран на «богатые» и «бедные». Оба эти разделения легко объяснялись как результат работы природы, а не человеческой деятельности. Тем не менее, хотя ожидания были ограниченными, они росли вместе с ростом уровня жизни больших групп населения, быстрее, чем когда-либо раньше. Увеличилось и количество свободного времени.

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 177

В самой Европе наблюдались явные отличия в уровне жизни между Палермо и Миланом, Миланом и Люксембургом и Люксембургом и Любеком. Государственное вмешательство не всегда смягчало противоречия. Бюрократия разочаровывала и пугала. Социальные компенсации, хотя и считавшиеся необходимыми, были ненадежны. Так, от сельскохозяйственного протекционизма германские землевладельцы выиграли, а германские рабочие пострадали. Наконец, хотя Европа и продолжала господствовать в мировой торговле, Соединенные Штаты вырвались вперед по уровню производства, выигрывая от больших материальных резервов, огромного внутреннего рынка и использования прогрессивных, трудосберегающих технологий. В новых отраслях — таких как автомобильная промышленность, которая в XX в. будет иметь такое же значение, как в XIX в. железные дороги, — Соединенные Штаты очень быстро установили свое лидерство, которое уже не будет утрачено.

Японская промышленная революция доказала также, что индустриализация никоим образом не является монополией белых народов. После подписания англо-японского договора Япония в политических взаимоотношениях стояла ближе всего к Британии, но именно Германия, а не Британия определила ее модель экономического развития. Японская конкуренция подорвала всемирную мощь британской текстильной индустрии, этой передовой отрасли британской промышленной революции. Впрочем, это было делом будущего, ведь в 1914 г. не менее 80% продукции британской хлопковой промышленности шло на экспорт. (Не менее 40—45% всего объема шло в Индию, где собственное доиндустриальное текстильное производство было окончательно уничтожено британской конкуренцией.)

Ни один рассказ о взаимозависимости не будет полным, если не упомянуть о коммуникациях. Без железных дорог и паровых кораблей (вытеснивших парусные в семидесятых — восьмидесятых годах) беспрецедентная производственная и торговая экспансия никогда бы не смогла осуществиться. Не было бы и роста угольной промышленности и черной металлургии. В Бразилии и Австралии первая железная дорога появилась в 1854 г., в Аргентине — в 1857 г., а в Южной Африке — в 1860 г. Рельсы и локомотивы часто закупались в Европе, особенно в Британии. Но в последней четверти XIX в. именно Северная Америка, где впервые пролегла трансконтинентальная железная дорога, осознала важность системы коммуникаций — еще за 30 или 40 лет до появления автомобиля, которому предстояло последовательно изменить все вокруг.

Транспортная фаза того, что в шестидесятые годы XX в. стали называть «коммуникационной революцией»,

178 ГЛАВА 4

была, как и развитие банковской системы, необходимым этапом экономической интеграции. В Британии наблюдатели отмечали последствия морального износа транспорта, но на это не обратили должного внимания.

Транспорт породил другие формы коммуникации, начиная с телеграфа, запатентованного в Британии в 1837 г. Британцы, с их разбросанной по континентам империей, оставались пионерами в этой области на протяжении пятидесятих и шестидесятых годов XIX в. Именно в Лондоне в 1851 г, уроженец Гессен-Касселя барон Рейтер создал свое огромное агентство новостей, основанное на телеграфе, а не на почтовых голубях. А вот телефон, изобретенный в 1876 г. в Канаде шотландским эмигрантом Александром Грэхемом Беллом, намного эффективнее использовался в Канаде и Соединенных Штатах, чем в Европе. Беспроводная связь, изобретение девяностых, первоначально считалась заменой проволочного телеграфа (его языком была азбука, разработанная американцем Сэмюэлем Морзе, точки и тире вместо слов) — так же, как автомобиль (предмет роскоши, изобретенный не в Британии, а во Франции и Германии) сперва считался безлошадной каретой. Аэроплан еще оставался мечтой, хотя энтузиасты верили в ее выполнимость.

Вести об изобретениях, предоставлявших предпринимателям огромные, пусть зачастую крайне рискованные возможности, приходили из разных стран: Гульельмо Маркони, прибывший в 1896 г. в Лондон с пакетом приспособлений для беспроводной связи, был итальянцем*; Готтлиб Даймлер, пионер в создании автомобиля и двигателя внутреннего сгорания, был немцем (он построил свой первый бензиновый двигатель в 1883 г.); братья Райт, впервые полетевшие на аэроплане с мотором в 1903 г., — американцами. Вплоть до второй половины XX в. люди не говорили о «коммуникационной революции», «средствах коммуникации» и электронных «глобальных сетях», однако к середине XIX в. прокладка больших трансокеанских кабелей уже о знаменовала путь к объединению мира с помощью науки. К девяностым годам усилился акцент на возможности дальнейшего расширения международного обмена, в особенности посредством «международных выставок», где выставлялись «чудесные новые изобретения».

От этого выигрывали не только деловые круги и правительство. Предсказывали, что выиграет каждый, ведь частный дом, подобно фаб-

* А.С. Попов, продемонстрировавший свой «грозоотметчик» 7 мая 1895 г. и передавший первую в мире радиogramму 24 марта 1896 г. — несколько раньше Маркони, — свое изобретение не запатентовал. — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 179

рике или конторе, будет теперь оснащен телефонами и пишущими машинками. В то же время ежедневная газета, приходившая в дом вместе с товарами, которые в ней рекламировались, не смогла бы публиковать новостей из всех уголков земли, если бы не телеграф, который, по словам последнего британского викторианского премьер-министра Солсбери, сообщает «почти одновременно... мнения всего просвещенного мира обо всем, что происходит на свете в этот момент».

Здесь вновь важно не впадать в идеализацию. Телеграф мог также использоваться, чтобы исказить ход дипломатических переговоров, как использовал Бисмарк эмсскую депешу императора накануне франко-германской войны 1870 г., а газеты могли эксплуатировать предрассудки в той же мере, что и распространять факты. Даже если пресса не контролировалась правительством, она за кулисами могла повысить напряженность, как случилось во время Фашодского инцидента.

Целью были массовые тиражи. Дешевая «Дэйли мэйл» («*Daily Mail*») была основана Альфредом Хармсвортом в 1896 г., а уже к 1900 г. ее тираж превысил один миллион. В год основания газеты в Париже и Лондоне были проведены первые кинематографические сеансы.

К 1900 г. продавалось 800 тыс. экземпляров «Пети паризьен» («*Petit parisien*»), а «Берлинер Моргенпост» («*Berliner Morgenpost*») читали свыше полумиллиона человек. Все эти газеты больше говорили о «кризисах» и «соперничестве», чем о взаимозависимости. Да и Маркони демонстрировал свой радиоприемник не только почтовой службе, но и представителям военного флота и армии Великобритании и Италии. К концу столетия его вновь основанная компания, не приносившая первые двенадцать лет прибыли, столкнулась с германским конкурентом, компанией «Телефункен», которую поддерживали Вернер фон Сименс, а также германское правительство и суд.

От кризисов к войне

В ретроспективе легко преувеличить значение как тех сторон европейской техники, так и

европейской дипломатии между 1904 и 1914 гг., которые вели к первой мировой войне. В 1896 г. изобретатель динамита Альфред Нобель в завещании учредил премии своего имени, впервые врученные в 1901 г. В их число входила и Нобелевская премия мира, которой в 1905 г. была удостоена австрийская романистка баронесса Берта фон Зутнер, убедившая Нобеля в необходимости учреждения этой премии. Книга Зутнер «Долой оружие» («*Die Waffen nieder*») выдержала в 1889-1905 гг. 37 изданий.

7-2444

180 ГЛАВА 4

В последние 20 лет XIX в. с помощью международного арбитража было разрешено больше спорных вопросов, чем на протяжении предыдущих 80 лет. Между 1904 и 1914 гг. было проведено свыше 100 таких арбитражей. В статье об арбитраже в 11-м издании «Британники» (1910) оптимистично утверждалось, что «с помощью мировой прессы общественное мнение всегда может оказать давление на любое государство, стремящееся уклониться от своего морального долга». К сожалению, отсутствовало согласие по поводу того, что означает понятие «моральный долг». Для юристов эта концепция была еще более абстрактной, чем веком ранее «*raison d'Etat*». Не несла она с собой и нагрузки, связанной с вышедшим к 1900 г. из моды термином «европейский концерт», тогда как понятия «международное сообщество» еще не существовало. Почти в самом конце XIX в., в 1898 г., за шесть лет до русско-японской войны, Николай II разослал дипломатам в Санкт-Петербурге императорский рескрипт, в котором утверждалось, что «сохранение мира стало целью национальной политики». В день его рождения в 1899 г. в столице Голландии Гааге открылась конференция по вопросам мира. Солсбери открыто — и справедливо — говорил, что ее не следует принимать «слишком всерьез». В Берлине Вильгельм назвал ее «утопической». Тем не менее на ней и на следующей Гаагской конференции были приняты «правила ведения войны» и упрочены позиции Красного Креста. Ничего, впрочем, не было сделано, чтобы обеспечить разоружение, на что надеялся Николай (пусть только по экономическим причинам). В действительности, многие участники конференции были в своих странах влиятельными сторонниками роста расходов на вооружение — среди них британский адмирал сэр Джон Фишер и германский военный эксперт полковник Шварцхоф, открыто заявивший на конференции, что не понимает, почему от Германии ждут ограничения военной мощи из-за того, что другие страны не могут позволить себе состязаться с ней.

Среди представителей Соединенных Штатов был капитан Алфред Мэхэн, автор классического исследования о морском могуществе, опубликованного в 1890 г. В нем объяснялось, насколько важна власть на море для национального процветания — аргумент, который спустя десять лет повторил немецкий географ Фридрих Ратцель, призывавший Германию «быть сильной на морях, чтобы исполнить свою миссию в мире». Таким образом, неудивительно, что гонка морских вооружений между Британией и Германией (последняя всегда стремилась догнать соперницу) еще более усилилась. За год до императорского рескрипта Николая II в Германии был принят новый Морской

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 181

закон, свидетельствовавший о ее намерении построить боевой флот. Без него, доказывал инициатор новой политики Тирпиц, Германия будет «моллюском без раковины». Морские законы 1898 и 1900 гг. сделали возможными ограниченные действия Германии в Северном море, но не соперничество с Британией в мировом океане. В итоге, по мере того как вопросы сравнительной военно-морской мощи попадали на передовицы газет, не было темы, которая больше бы волновала британских политиков и общественное мнение. Спуск на воду броненосца «Дредноут» в 1906 г. чрезвычайно увеличил боевую мощь британского флота. Этот линкор, впервые вооруженный орудиями только большого калибра, превосходил все существовавшие на тот момент военные корабли.

Однако по сухопутной военной мощи Германия была далеко впереди. Уже в 1894 г. граф Альфред фон Шлиффен создал первую версию военного плана, целью которого было предотвратить встречу новых союзников — Франции и России — на германской земле. Он предполагал стремительное нападение на Францию через территорию Люксембурга и Голландии. Следующая версия была утверждена в 1905 г. и исправлена в 1911-м. Вместо вторжения в Голландию немецкие войска должны были двинуться на Льеж и затем пройти через всю Бельгию. К тому времени германская военная верхушка была глубоко озабочена ростом военной мощи России, и рейхстаг согласился на самое большое в истории увеличение численности германской армии (профинансированное из налога на имущество).

В первом из крупных «кризисов» XX в., ставшем объектом особого интереса Британии, русские не

смогли продемонстрировать ни морской, ни сухопутной силы. Вследствие этого российская военная мощь, бывшая до русско-японской войны почти легендарной, могла—и стала — оцениваться весьма критически. Другим итогом стало то, что Россия повернулась от Дальнего Востока к Европе. Впрочем, завершивший войну мирный договор был подписан в августе 1905 г. не в Европе, а в Соединенных Штатах — в Портсмуте, штат Нью-Гемпшир, что само по себе было явным отходом от традиций дипломатии XIX в. Мир признавал постоянные японские интересы в Корее, не отличавшиеся, как было решено, от британских интересов в Египте. В Сеул был назначен японский губернатор, а в 1910 г. вся Корея была аннексирована Японией. Во Франции, Германии и Британии за русско-японской войной следили с различной степенью внимания. Российская императорская власть никогда не выглядела столь шаткой, как в 1905 г. Ранее царский режим был потрясен цареубийством, но революции до той поры не

182 ГЛАВА 4
было. Теперь же, в 1905 г., события «Кровавого воскресенья» 22 января* вынесли на поверхность все накопившееся недовольство и стали началом революции — предшественницы 1917 года. Большая толпа, ведомая православным священником отцом Георгием Талоном и требовавшая всеобщих выборов в Учредительное собрание, земельной реформы и восьмичасового рабочего дня, была расстреляна по приказу царя**. Восстание распространилось в деревни и портовые города — крестьяне нападали на поместья, матросы бунтовали. Застигнутые революцией врасплох, в Россию вернулись Ленин и Троцкий (Лев Бронштейн), социалистические вожди в изгнании, которым предстояло возглавить революцию 1917 г. Еще до их приезда прошла волна забастовок и произошел бунт на крейсере «Потемкин», который не просто вошел в историю, но стал мифом. Прибыв в Россию в конце ноября, Ленин и Троцкий создали в Петербурге Совет, который через 50 дней был разогнан, тогда как крестьянские и рабочие восстания жестоко подавлены. Поражение революционеров казалось окончательным, но после завершения беспорядков власти проявили мало ума и воображения, несмотря на то что пошли на уступки. Манифест 30 октября*** обещал свободу слова, собраний и союзов, а также широкое избирательное право. На выборах в I Думу реформаторы получили большинство, но уже через три месяца эта Дума была распущена императором. II Дума была распущена в 1907 г. Тем временем, после того как Портсмутский мир положил конец любым мыслям о дальнейшей экспансии России на Востоке, российское правительство переключило свое внимание на Европу, вновь втянувшись в балканскую политику.

Этот поворот требовал времени, а между тем в 1905 г. разразился второй кризис, ставший «поворотным пунктом в дипломатической истории современной Европы». В 1904 г. между Британией и Францией было достигнуто «сердечное согласие» — согласие, а не союз, — уладившее давние колониальные споры. Обе державы договорились по двум владениям Османской империи в Северной Африке: Франция обязалась не предпринимать дальнейших шагов против британской активности в Египте, а Британия приняла аналогичные обязательства в отношении французских действий в Марокко. Германское прави-

* 9 января по старому стилю. — *Примеч. пер.*

** Приказа стрелить по демонстрантам Николай II не отдавал, так как накануне событий уехал из Санкт-Петербурга, возложив бремя решения на плечи генерал-губернатора. — *Примеч. пер.* *** 17 октября по старому стилю. — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 183

тельство, никогда не верившее в возможность подобного союза между Британией и Францией (некоторые немцы все еще считали возможным, что Британию можно вовлечь в союз с Германией), решилось испытать это соглашение на прочность. В ходе средиземноморского круиза в марте 1905 г. Вильгельм, согласно плану, высадился в Танжере (Марокко), чтобы воздать дань уважения султану. Это была возможность как продемонстрировать германскую военно-морскую мощь, так и показать свою заинтересованность в делах Марокко не только из экономических, но и из престижных соображений.

Это был небезопасный контрудар. Когда Бюлов и Гольштейн впервые выдвинули эту идею, самому Вильгельму она не понравилась. Его сомнения оказались справедливыми, так как главным результатом его попавшего в газетные передовицы демарша стало укрепление Антанты. Во-первых, германская победа была пирровой. Когда Германия потребовала, чтобы Франция согласилась вынести марокканский вопрос на международную конференцию, французское правительство, боясь войны, приняло это требование. В знак протеста Делькассе подал в отставку, став национальным героем, что неудивительно. Также неудивительно, что когда в 1906 г. в испанском Альхесирасе была проведена международная конференция, Францию поддержали все

страны, кроме Австрии. Италия, хотя и являлась членом Тройственного союза, по договору с Францией, заключенному в 1900 г., признавала французские интересы в Марокко в обмен на поддержку итальянских интересов в Триполи. Она осталась верна этому соглашению. Соединенные Штаты также поддерживали Францию. Британия и Франция сблизилась еще больше. Отставка Гольштейна оказалась наименьшим сюрпризом в этой их череде.

На следующий год стал очевиден весь смысл марокканского контрудара: Британия после долгих переговоров достигла соглашения с Россией, которое было направлено на улаживание взаимных трений. Подобно «сердечному согласию», оно напрямую касалось только проблем, возникших за пределами Европы, но с учетом франко-русского союза имело очевидный европейский смысл. Французы, естественно, полностью поддерживали этот договор. Соглашение делило Персию на «сферы влияния» и признавало британские интересы в Персидском заливе. Афганистан оставался нейтральным, а Тибет рассматривался как буферное государство. Ничего не говорилось о старом предмете споров между Британией и Россией, связанных с так называемым «восточным вопросом», за исключением того, что Британия обещала гарантировать территориальную целостность Османской империи в случае обсуждения статуса Черного моря и проливов.

Открытие Кон-

184 ГЛАВА 4

стантинополя для русских военных кораблей было целью России, которой Британия противодействовала со времен Уильяма Питта.

Это соглашение давало Вильгельму серьезные поводы для беспокойства. В 1905 г. он на самом деле подписал в Бьерке недолговечный союз с царем, потерпевший крах, как казалось, потому, что был слишком жестким и скороспелым. До подписания русско-британского соглашения Гольштейн говорил (не впервые) о германской «политике окружения» (*Einkreisungspolitik*). Теперь Вильгельм беспокоился из-за нависшей над ним изоляции: «Хороший расклад. Мы должны обсуждать будущее франко-русского, англо-французского и англо-русского союзов со второстепенными сателлитами — Испанией, Италией и Португалией». Впрочем, изоляция — это неверное слово. Оставался оборонительный союз 1879 года с Австрией, который никогда не считался чем-то исключительным. Однако в период между 1907 и 1914 гг. именно он втянул Европу в худшую из войн в ее истории.

Британия..... Россия

Франция

Италия

Германия

Австрия

Рис.8

Значение этого союза было вскоре проверено кризисом 1908-1909 гг., вошедшим в историю как «балканское испытание». Истоки его лежали в событиях 1903 г., когда в Белграде была свергнута династия Обреновичей и в результате кровопролитного переворота к власти пришли их соперники Карагеоргиевичи. Баланс сил изменился, и в 1906 году Австро-Венгрия, опасаясь, что Сербия, подобно Италии в XIX в., пойдет по пути национального объединения, ввела пошлины на ввоз основного предмета сербского экспорта — свиней, развязав так называемую «свиную войну».

Когда спустя два года младотурки избавились от последнего османского султана Абдул-Хамида II (в 1918 г. он умер в заточении)*, появилась возможность прибегнуть и к другим мерам.

Габсбургский министр иностранных дел с 1906 года барон Алоис фон Эренталь объявил 5 октября 1908 г. о полной аннек-

* Абдул-Хамид был окончательно свергнут в 1909 г.; на смену ему младотурки поставили его брата Мехмеда V — ставшего последним османским султаном. — *Примеч. пер.*

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 185

сии Боснии и Герцеговины, к чему всегда стремился Франц Иосиф. По условиям Берлинского договора 1878 г. Австрия могла «оккупировать и управлять» турецкими провинциями Босний и Герцеговиной, а одним из конфиденциальных условий Союза трех императоров 1881 г. было сохранение Австро-Венгрией «права аннексировать провинции в любой момент, который она сочтет подходящим». Тем не менее новости об аннексии без предварительного предупреждения, распространившиеся в октябре 1908 г., потрясли не только Сербию, как планировал Эренталь, но и Россию, чего Эренталь вовсе не хотел. Теперь Россия предлагала свою поддержку Сербии, которая сама хотела завладеть этими провинциями.

Напряженность нарастала, но мир удалось сохранить после того, как русский министр иностранных дел Александр Извольский, участник более ранних переговоров с Эренталем, посоветовал Сербии «сохранять спокойствие... и не предпринимать ничего, что могло бы

спровоцировать Австрию и предоставить возможность уничтожить Сербию». В итоге в феврале 1909 г. австро-венгерское и турецкое правительства подписали соглашение, по условиям которого Австро-Венгрия получала полные права на Боснию, выводила войска из Нови-Пазарского санджака, полоски земли, отделявшей Сербию от Черногории, гарантировала полную свободу вероисповедания боснийским мусульманам и выплачивала Турции компенсацию. Но даже после этого кризис продолжался еще несколько месяцев.

То обстоятельство, что в 1909 г. европейская война не разразилась, не давало никакой гарантии, что войны по подобному поводу удастся избежать и в будущем, так как единственной причиной, почему Россия не проявила большей решительности, была безоговорочная поддержка, оказанная Австрии Германией. Вильгельм не одобрял аннексии, о которой он узнал как о свершившемся факте. Казалось, что она перечеркивала почти 20 лет все более тесного германского сотрудничества с Османской империей, представлявшего собой часть «*Drang nach Osten*» и включавшего строительство Германией железной дороги из Берлина в Багдад. Однако по мере развития кризиса Германия предоставила Австрии карт-бланш и, по сути, направила в Россию ультиматум, где утверждалось, что той, подобно Сербии, следует без вопросов согласиться с аннексией.

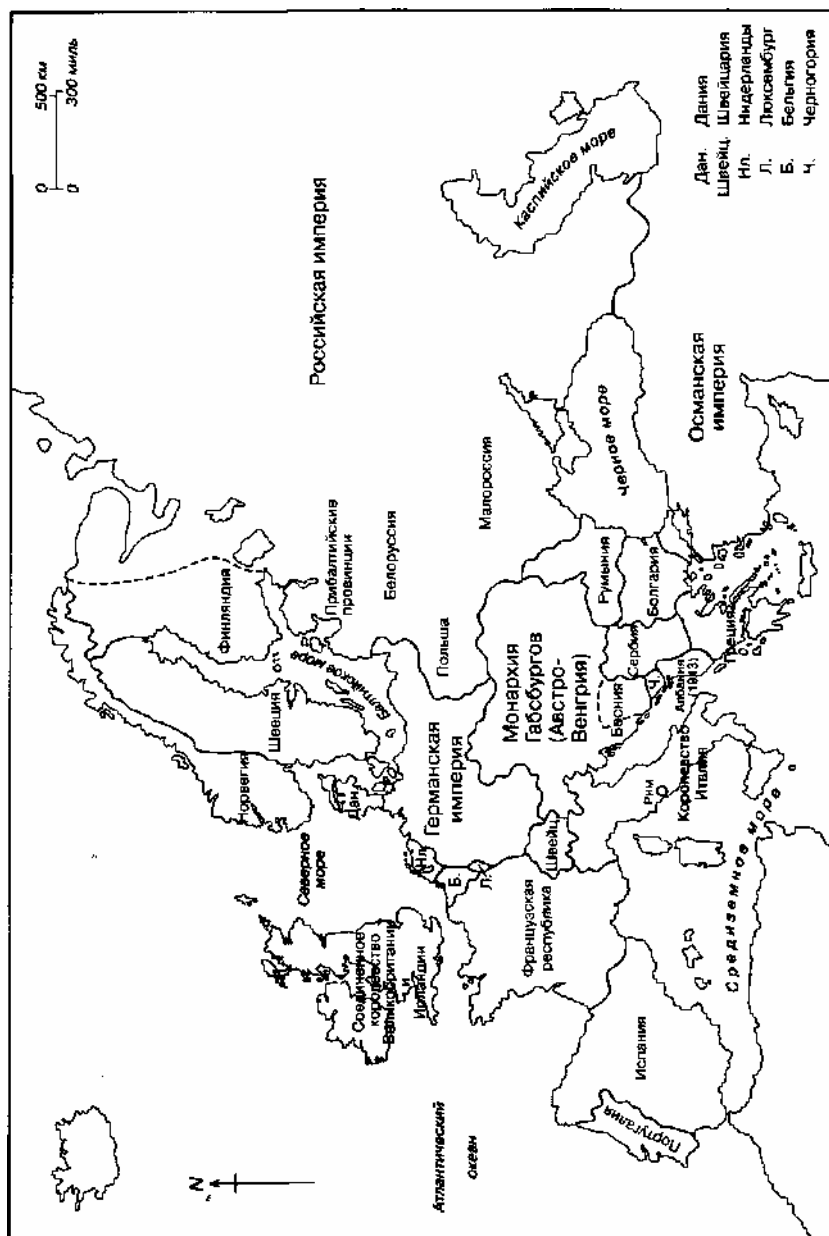
Извольский понял, что надо отступить. Надежда на возрождение Союза трех императоров, которое Эренталь считал возможным, теперь была утрачена навсегда.

На этот раз Германия не одержала даже пирровой победы. Вильгельм «в сверкающих доспехах», по собственному выражению, вступался за своего союзника, однако именно союзник выбрал

предмет

186 ГЛАВА 4

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 187

спора и повел Германию за собой. Австрия почти немедленно подписала тайный договор с Болгарией, что стало новой угрозой стабильности на Балканах. Россия быстро оправилась от дипломатического унижения и расширила свою программу вооружений (по иронии истории, опираясь при этом на германскую военную промышленность), а Сербия, которой пришлось подписать унизительную декларацию, в которой она обязалась, что изменит свою политику «в отношении Австро-Венгрии и в будущем будет жить с ней в добрососедстве» жаждала мести. Франция смотрела на германскую политику со все большим подозрением, а Британия ускорила строительство боевых кораблей.

Перед тем как две балканские войны 1912г. еще более осложнили отношения между народами и империями, произошел второй марокканский кризис, вновь напрямую касавшийся Германии и Франции. Восстание берберов в Марокко в 1911 г. дало Франции повод направить экспедицию для оккупации столицы страны — города Фес, что, в свою очередь, дало повод Германии послать военный корабль «Пантера» в марокканский порт Агадир для защиты немецких граждан. (Их в Агадире не было ни одного, хотя годом ранее французы арестовали там троих немецких дезертиров из Иностранного легиона, размещенного в Касабланке.) Последовавший за этим кризис продолжался несколько месяцев. Немцы требовали передачи им Французского Конго в качестве «компенсации» за признание претензий Франции в Марокко. Тогдашнее французское правительство сумело добиться двустороннего соглашения с Германией, зато британцы проявили себя даже более антигермански настроенными, чем французы.

Господствующее настроение времени уловил вожьд либералов Дэвид Ллойд-Джордж, некогда

противник бурской войны, которому предстояло стать премьер-министром в годы первой мировой войны. Прежде он был известен как сторонник дружбы с Германией и как противник в свою бытность канцлером казначейства огромных расходов Британии на гигантские dreadnoughts. Теперь же в своей ставшей широко известной речи он объявил, что «мир любой ценой будет унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша». Когда по соглашению, заключенному в ноябре 1911 г., немцы в обмен на признание французского протектората над Марокко смогли получить от французов лишь небольшие районы Французского Конго, настал их черед испытать унижение. И так как Британию винили в этом больше, чем Францию, Тирпиц воспользовался кризисом, чтобы попытаться добиться расширения военно-морской программы.

Именно на протяжении этого кризиса были улажены детали военного и морского сотрудничества между Францией и Британией в слу-

188 ГЛАВА 4

СОПЕРНИЧЕСТВО И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ, 1871-1914 189

чае войны. Более того, поскольку французский кабинет, как казалось, слишком сильно стремился к политическому примирению с Германией, на смену ему пришло «патриотическое» правительство во главе с Раймоном Пуанкаре. Кризис завершился итальянским эпилогом, почти немедленно приведшим к широкомасштабной войне. Видя слабость Османской империи в Африке, Италия в сентябре 1911 г. объявила войну Турции и высадила свои войска в Триполи. Турки вскоре столкнулись с серьезными трудностями, и война перекинулась из Африки на Додеканезские острова.

Когда находившиеся в состоянии войны турки закрыли черноморские проливы, Россия выразила протест, что стало началом нового балканского кризиса, который прямо привел к войне, где главным действующим лицом вновь стала Сербия, с завистью глядевшая на итальянские успехи в Триполитании, Киренаике и Средиземноморье. В марте 1912 г. она вступила в союз с Болгарией, а затем с Грецией, распределив доли добычи при будущем разделе турецких Балкан. Сербия должна была получить земли на Адриатике, Болгария получала Македонию, а Греция — Салоники. Войну Турции 8 октября 1912 г. объявило также четвертое маленькое государство — прилегавшая к Сербии Черногория, в силу династических причин игравшая в политике большую роль, чем позволяли предполагать ее размеры. Туркам пришлось немедленно заключить мир с Италией. Встревожены были и Австро-Венгрия, боявшаяся расширения Сербии, и Россия, боявшаяся, что Болгария захватит Константинополь.

Впрочем, не лига балканских стран, а великие европейские державы выработали условия мира, подписанного в Лондоне в мае 1913 г. В ходе этого они даже несколько сблизились. Когда же почти сразу из-за дележа добычи началась вторая балканская война, они не стали вмешиваться. Более крупная Болгария напала на Сербию и Грецию, Румыния, в свою очередь, напала на Болгарию, а Османская империя вернула Адрианополь. Не вмешивались великие державы и в подписание Бухарестского мира, самостоятельно разработанного балканскими государствами. По его условиям, Болгария теряла почти все свои приобретения, полученные после первой войны. Успехи Сербии, которая вновь, как казалось, играла роль балканского Пьемонта, обеспокоили Австро-Венгрию, и когда сербы собрались вторгнуться в Албанию, она заручилась поддержкой Германии. В октябре 1913 г. Вильгельм обещал фельдмаршалу Конраду фон Гетцендорфу, который с 1906 г. с небольшим перерывом в 1911 г. возглавлял австрийский Генеральный штаб, что если Австрия выступит против Сербии, то он поддержит ее, «готовый обнажить клинок, если ваши действия сделают это необходимым». В этой готовности он был не одинок. В марте 1913 г. Германия приняла новый военный закон, целью которого было добиться в следующем году превосходства над Россией. Русские ответили ростом своих вооруженных сил, планируя к 1917 г. увеличить их на 40%. Тем самым Россия столкнулась не только с Австро-Венгрией, но и с Германией, которая направила военную миссию в Константинополь.

«Русско-пруссские отношения умерли раз и навсегда, — с волнением записал Вильгельм, зная, что Бисмарк был бы потрясен. — Мы стали врагами». Понимание того, что Россия становится сильнее с каждым годом, придавало вес мнению военных, что если Германия не решится на войну в 1914 г., она окажется не в состоянии выстоять в будущем конфликте, который теперь стал неизбежным. В начале того же года австрийцы решили провести военные маневры в Боснии, зная, что этим они провоцируют сербов.

Последний кризис начался 28 июня 1914 г., когда наследник габсбургского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена были убиты в Сараеве боснийским сербом Гаврилой Принципом, членом тайного общества, целью которого было освобождение сербов и хорватов из-под власти Австрии. В городе находились и несколько других боевиков, готовых совершить покушение.

Гетцендорф не хотел дожидаться итогов судебного расследования. Бертольд* и премьер-министры Австрии и Венгрии, напротив, решили ждать. Вильгельм не задавал вопросов — он хотел действовать «сейчас или никогда». Договор 1879 г. был прочтен. Для Гетцендорфа это являлось делом принципа или, скорее, принципов, два из которых резко противоречили друг другу: «сохранение Австрии как объединения различных народов... и становление независимых национальных государств, требующих у Австро-Венгрии свои этнические земли». Деятельность сербов довела этот конфликт до кульминации.

Германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег, который в 1909 г. пришел на смену своему политическому наставнику Булову, мало разбираясь в международных делах, полностью осознавал смысл своих поддержанных императором действий, когда 5 июля 1914г. обещал Вене полную поддержку. Однако правительство в Будапеште пришлось убеждать. Таким образом, лишь 19 июля был одобрен ультиматум Сербии из 10 пунктов. Двадцать третьего июля он был предъявлен Белграду с требованием ответить в течение 48 часов. После убийства прошло почти четыре недели. Другой причиной задержки был уже за-

Сменивший Эренталя министр иностранных дел Австро-Венгрии. — *Примеч. пер.*

190 ГЛАВА 4

планируемый трехдневный визит в Россию избранного 13 июля французским президентом Раймона Пуанкаре; начавшийся 20-го числа, этот визит еще более укрепил франко-русские отношения.

Когда сербы попросили больше времени на ответ, им грубо напомнили, что они живут «в эпоху железных дорог, телеграфа и телефона». После того как Сербия не приняла все 10 пунктов ультиматума, Габсбургская империя 28 июля объявила ей войну. Для хорошо вооруженной Германии, имевшей точные планы войны на западе и востоке, настало время нанести удар. Теперь все зависело от дней, даже от часов. Россия начала свою сравнительно медленную мобилизацию еще до получения сербского ответа, и немцы хотели как можно скорее начать войну, которая, как они считали, будет короткой.

Итак, жарким летом 1914 г. система договоров пришла в движение — Тройственный союз против тройственной Антанты, — хотя еще и состоялся последний обмен телеграммами между Вильгельмом II и Николаем II, двоюродными братьями, которых вскоре разделит война, и имели место неудачные попытки британского министра иностранных дел сэра Эдварда Грея созвать конференцию. Первого августа Германия объявила войну России, а Франция начала мобилизацию. Второго августа немцы предъявили ультиматум Бельгии, который был немедленно отвергнут, и через два дня германские войска перешли бельгийскую границу. В тот же день, 4 августа, Британия объявила войну Германии. Среди народов это почти не вызвало сожаления, а в большинстве стран царил невероятный энтузиазм. Последнее обстоятельство требует иного объяснения, чем то, что дается в книгах по дипломатической истории или в мемуарах министров иностранных дел и генералов. Поэтому следующая глава, посвященная не дням и годам, а долгосрочным социальным и культурным процессам, неизбежно прервет хронологию повествования.

Примечания

¹ *Lafore L.* The Long Fuse: An Interpretation of the Origins of World War I. L., 1965. Ср.: *Idem.* An Interpretation of the Origins of World War II. L., 1970.

² *Ruhl J.C.* The Kaiser and His Court. L., 1995. Ch. 5.

Глава 5

Модерн

и современная цивилизация

Смысл истории: факт, вымысел, миф

Современная история, принимающая столь различные формы, родилась в XIX в., когда, вне зависимости от смены настроений и научных приоритетов, исторические объяснения использовались почти во всех спорах о переменах, революционных или — используя ключевое слово эпохи — эволюционных. Не всякая история была привязана к факту. Для французского поэта и профессора Поля Валери, родившегося в 1871 г., история — это «самый опасный продукт, который когда-либо вырабатывался в лаборатории человеческого интеллекта»¹. История была темой беллетристики, исторических романов, но и в учебниках история иногда также была вымыслом и даже больше — мифом (это слово имело сложную историю и в начале нашего века ассоциировалось с басней).

За разнообразными «измами» XIX в., с большинством которых мы встретились в предыдущих главах, за вошедшими в каждый язык словами вроде классицизма и романтизма, капитализма и социализма стояло желание определить движущие силы перемен. Так как один из «измов» — «национализм» опирался, как мы видели, на язык и на миф, а первая мировая война (тема следующей главы) стала кульминацией периода, когда национализм играл важную роль в формировании народного самосознания, в любой интерпретации причин войны мифу, наряду с национальными стереотипами, следует уделить столько же внимания, сколько факту.

Следовательно, чтобы понять смысл

191

192 ГЛАВА 5

событий, необходимо обратиться к историкам (а вместе с ними к антропологам, социологам и психологам), а также к философам, специалистам в области точных и естественных наук (новое слово XIX в.) и «технологам» (редко использовавшийся в то время описательный термин). Как бы то ни было, все они перестраивали человеческую среду в Европе и за ее пределами.

Знаменитый итальянский либеральный историк Бенедетто Кроне, родившийся в 1866 г., прошедший через бурные годы истории XX в. и переживший вторую мировую войну, убедительно доказал, что после 1871 г. (период, который мы рассматривали в предыдущей главе) произошла глубокая перемена в «общественном духе Европы», прямо связанная, как думал он, с объединением Германии и Италии. Другие историки расширили его аргументацию, отождествив эти глубокие перемены отношений и восприятия, восходящие к рубежу XIX-XX вв., с истоками «модерна», равным образом представленного в литературе, живописи, музыке и архитектуре. Это, впрочем, был не единственный период из описанных в нашей книге, когда современники ощущали приход радикальных изменений. Столь же сильное чувство происходящих перемен царило в середине XVIII в. Слово «современность» использовалось и тогда, пусть всегда с отсылками к «древнему миру» для сопоставления и примера. Греция и Рим в силу своего выдающегося места в школьных курсах языков и истории всегда занимали особое положение в сознании людей. Уже тогда думали, что перемены затронут не только интеллектуальную область, хотя в 1759 г. Даламбер, один из редакторов «Энциклопедии», этого продукта Просвещения, рассуждая о переменах, сосредоточился на «чрезвычайно ярких изменениях в наших идеях», столь быстрых, что это обещает «еще большие перемены в будущем». Когда после 1789 г. они действительно наступили (тема первой главы нашей книги), это было не совсем то, чего ожидали Даламбер и большинство его коллег-просветителей.

К 1789 г. пришел черед новых существенных перемен во вкусах и идеях. Изменились реакции, в том числе реакция на «природу», пришли и новые оценки «природы человека». Все искусственное (или тривиальное) стало подозрительным. «Живописное» и «возвышенное» видели в разном — в горах, мшистых болотах, гробницах и руинах. В моде были «сентиментальный человек» и руссоистский «добрый дикарь». Бернарден де Сен-Пьер в своей экзотической островной идиллии «Поль и Виржиния» (1788) вслед за Руссо предположил, что контакт с европейской «цивилизацией» ведет к трагедии. Более чем за

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 193

двадцать лет до того Джеймс Макферсон в «Песнях Оссиана» (1762) воззвал к жизни мифические кельтские сумерки. «Мы зовем ушедшие годы», — писал он в своем предисловии.

Воспоминание шло вместе с новизной, и оба эти понятия не рассматривались тогда как противоположные. Действительно, при всей опоре на прошлое в песнях Оссиана сам этот жанр был новейшим изобретением. Реакция публики на них, как и реакция на романы (само это слово связано с чувством новизны)*, представляет интерес для историков культуры, стремящихся не только проследить развитие идей, но и разгадать чувства людей. Всегда существовали романы, считавшиеся современниками особенно «значительными», вроде «Новой Элоизы» (1761) Руссо и «Вертера» (1774) Гёте. Рядом с произведениями художественной литературы стоят некоторые автобиографии, например «Исповедь» (1781) Руссо. В этом же ряду следует рассматривать и «Автобиографию» английского историка Эдварда Гиббона, опубликованную в отредактированном виде в 1796 г. — спустя два года после его смерти. Мадам Некер назвала его заверченный в 1788 г. труд «Упадок и разрушение Римской империи» мостом для читателя от древности к современности.

Сами романисты XVIII — начала XIX в. могли интересоваться и источниками не меньше, чем Гиббон, любивший прибегать к длинным ссылкам. Более чем просто символический интерес представляет тот факт, что британский писатель Генри Маккензи, автор романа «Человек чувства» (1771), для одного из поворотов сюжета использовал следующий прием: после случившегося

происшествия обнаруживается неполная кипа бумаг. Сэр Вальтер Скотт, не только романист, но и историк, в своих романах, первый из которых был опубликован анонимно в 1814 г., использовал все виды исторических источников. На протяжении XIX в. были и другие жанры, причём связывавшие историю и современную жизнь, в первую очередь биографии, как правило, посвященные «великим людям» или «героям». Обычно они опирались на свидетельства писем, дневников и автобиографий. Интересно, что когда в 1837 г. другой шотландский писатель (и пророк) Томас Карлейль, создавший свой чрезвычайно характерный литературный стиль, приступил к объемному труду о Французской революции, он в первую очередь обратился к гравюрам и портретам революционных вождей.

* Слово *«novel»*, обозначающее роман в английском языке, восходит к латинскому *«novus»* — «новый». — *Примеч. пер.*

194 ГЛАВА 5

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 195

История культуры

Благодаря истории культуры, в которую входят история искусства, история музыки и история литературы, а также, не в последнюю очередь, история исторической науки, мы подходим к тому, что считается политической, социальной, экономической, дипломатической и военной историей, и можем более ясно осознать смысл перемен. История культуры дает свежие идеи для понимания структуры и динамики политики, процессов формирования классов, предпринимательской экономики и корпоративной культуры, систем воинского призыва и продвижения по военной службе. При исследовании любого из этих явлений недостаточно одной лишь статистики, игравшей, как мы видели, важнейшую роль сопоставительного анализа. Статистика фиксировала материальный прогресс, представлявшийся основной чертой эпохи, когда прогресс был предметом веры, но зачастую она была ненадежной, а также, как мы видели, немного значила для тех, кто в прогресс не верил. Не один Карлейль опирался тогда на «импрессионистские» свидетельства, в основном, впрочем, столь же ненадежные. Историки культуры основываются на гораздо более широком спектре исторических источников, чем статистика или даже письменные (или устные) свидетельства. Они обращаются к объектам самих разных масштабов — от зданий до мебели и других предметов; от медалей, посвященных великим событиям, до жетонов, которыми иногда расплачивались с рабочими вместо монет; банкнот, которые могли заменять монеты; акций компаний, нередко ничего не стоивших с самого начала; и не в последнюю очередь, многочисленных анкет, которые людям приходилось заполнять уже тогда, пусть и не столь часто, как в конце XX в. Все то, что выбрасывается на свалку вместе с упаковкой, стали собирать и исследовать. Мусор наряду с богатством стал частью истории. На основе своих исследований историки культуры провели различия между «высокой» и «низкой» культурой — или культурами; причем особое внимание было уделено «потребительской культуре», прослеженной с XVIII в. Фольклор был также подвергнут тщательному изучению. Наряду с мифом он был предшественником коммерциализованной «массовой культуры». Однако, когда речь идет о XVIII и большей части XIX в., на первом плане справедливо стоит изучение «высокой культуры». В том, что на протяжении этого периода стало называться литературой, особое место занимает фигура Шекспира, которого, как и Скотта, переводили на многие языки. В музыке первое место принадлежало Бетховену. Для Эрнста Теодора Амадея Гофмана,

композитора, романтического художника, музыкального критика и писателя начала XIX в., чьи сказки были положены на популярную музыку оперным композитором середины XIX в. Жаком Оффенбахом, Бетховен, никогда не сомневающийся в собственном гении, сочинял музыку, которая не позволяла закрывать глаза на раздоры и войны. Она «движет рычагами страха, трепета, ужаса, скорби и пробуждает именно то бесконечное томление, в котором заключается сущность романтизма»*. В изобразительном искусстве, которое на протяжении XIX в. обрело свой рынок, рано возникло разделение на «классическое» и «романтическое». Контраст Давиду, который работал для Людовика XVI, а затем, пройдя через Революцию, с удовольствием служил официальным художником Наполеона, составлял Эжен Делакруа, родившийся на полстолетия позже. Давид, как и многие французские революционеры, избирал «классический» стиль вне зависимости от сюжета своих картин. Две наиболее известные из них — «Смерть Сократа» на классическую тему и «Убийство Марата» на тему самую животрепещущую. (Он также сделал набросок портрета Марии Антуанетты на пути к гильотине.) Делакруа, считавшийся незаконным сыном Талейрана, писал огромные романтические полотна, часто на революционные сюжеты, в числе которых созданная в 1831 г. «Свобода, ведущая народ».

Многие из величайших поэтов и писателей конца XVIII — начала XIX в. бросают вызов ярлыкам «классическое» или «романтическое». Например, Гёте, создатель повествования о страданиях юного романтического героя Вертера (Наполеон взял экземпляр этого романа с собой в Египетский поход), восхищался классическими формами и критически смотрел на многие стороны романтизма, без

колебаний осуждая их. В 1805 г. на художественной выставке в своем Веймаре он жаловался на преобладание «чувства» над «разумом и духом».

Ни в одну из схем не помещается другой великий художник — испанец Франсиско Гойя, родившийся в 1746 г., за три года до Гёте, и, подобно ему, проживший значительный отрезок жизни в XIX в. Ранние работы Гойи выполнены в стиле рококо, который классицистические художники считали тривиальным. Его темные и таинственные гравюры «Бедствия войны», навеянные наполеоновским вторжением в Испанию и столь отличающиеся по стилю от его ранних картин, в том числе сатирических работ, относятся к числу выдающихся художест-

* Рус. пер. цит. по: Гофман Э. Т. А. Крейсериана // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Под ред. А. С. Дмитриева. М., 1980. С. 182. — Примеч. пер.

196 ГЛАВА 5

венных триумфов своей эпохи, когда навязанный сверху официальный порядок зачастую был лишь фасадом. Когда в возрасте семидесяти лет Гойя вернулся в свое имение, он решил украсить его картинами на такие сюжеты, как «Сатурн, пожирающий своих детей» или «Шабаш ведьм». Такого рода темы больше всего нравились некоторым немецким романтикам. Именно немецкие романтики приветствовали XIX в. в самом его начале как новую зарю человечества. В поставленной 1 января 1801 г. пьесе «Каноническое шествие Старого и Нового века» Августа Вильгельма Шлегеля, старшего из двух братьев, определивших между 1798 и 1800 гг. само понятие романтизма, объявлялось, что родителем девятнадцатого века был не восемнадцатый («эта старая ведьма»), а Гений, обрученный со Свободой. В ходе шествия изможденную старую ведьму утаскивал в ад Дьявол — известный романтический персонаж.

Смысл века

Для большинства современников именно XIX век стал первым веком с порядковым номером. Историки последовательно разделили его на три части — начало, середину и конец, причем начало последнего отрезка большинство, подобно Кроче, относят к 1871 г. Затем историки начали рассматривать его как «долгий век», начавшийся в 1815 г. падением Наполеона и завершившийся в 1914 г. с началом первой мировой войны*.

Шлегель считал, что история — это «самосознание народа», с чем впоследствии согласился Кроче. С самого начала столетия таким понятиям, как «я» и «самосознание», уделялось много внимания. Кар-лейль, писавший поколением позже Шлегеля — естественнее мыслить поколениями, чем веками, — полагал, что «с начала времен никогда не было общества более сознательного», чем то, к которому он принадлежал. На протяжении столетия постоянно звали к духу времени (*Zeitgeist*), хотя никакого согласия по тому, что он собой представляет, не существовало. Сознававший себя «современным» английский поэт лорд Альфред Теннисон, родившийся в 1809 г., то есть за десять лет до королевы Виктории, добавлял в список тогдашних «измов» «*19th Centuryism*», «если вы позволите употребить такое слово»². На другом берегу Ла-Манша часто восхваляли понятие «*dix-*

* Обычно под «долгим» XIX в. понимается период 1789—1914 гг. — Примеч. пер.

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 197

neuviemite»*. Если великий французский романист Стендаль, умерший в 1842 г., считал свой век печальным (*triste*), то поэт Виктор Гюго (1802—1885), апологет романтизма, воспринимал его триумфальным. Молодым человеком он отверг правила вкуса и стиля XVIII столетия, включая театральное единство времени и места. Также, как и Шлегель, он превозносил Гений.

В конце века, когда из Франции пришло понятие «*fin de siecle*»**, английский биолог Альфред Уоллес в своих работах об «эволюции» назвал это столетие «чудесным». Несмотря на все его «неудачи» — «милитаризм, это проклятие цивилизации», «демон алчности» и «разграбление земли», были достигнуты огромные «успехи». «За все предыдущее время» было сделано лишь семь изобретений первого ранга. В XIX в. их было тринадцать³. Уоллес не был безоговорочным защитником прогресса. Не были ими и разнообразные социалисты. Для английского романиста Герберта Уэллса, фабианца и создателя научно-фантастических произведений, этот век сам по себе был «эпохой относительно удачной, временем огромных, но временных возможностей», однако его современники, одержимые властью, жадой приобретений и огромной новой свободой, неспособны извлечь из этого какую-либо цивилизованную пользу. В лучшем случае век стал «опрометчивым, пробным экспериментом, гигантским экспериментом самого грязного и расточительного свойства»⁴.

В разные периоды XIX столетия — в его начале, середине и конце — чувство тревоги разделялось многими писателями; некоторые из них интересовались политикой меньше, чем Уэллс или, в начале века, Шелли и Байрон. Так, французский романтический поэт Альфред де Мюссе (1810-

1857) писал в 1835 г. в своей «Исповеди сына века» о страданиях «жизни в любви» в XIX столетии. Его любовью была Жорж Санд (псевдоним Амандины Авроры Дюпен), у которой был бурный любовный роман не только с Мюссе, но и с польским пианистом Фредериком Шопеном. (Ее первое произведение «Индиана» (1832) было призывом к эмансипации женщин.) Мюссе верил в *«ma! du siecle»****, а в середине столетия великий французский романтический поэт Шарль Бодлер создал свои *«Fleurs du Mai»***** (1857). В конце века британский писатель и драматург Оскар Уайльд, написавший

* «Деятнадцативековость» (фр.). — Примеч. пер.

** Конец века (фр.).

*** «Болезнь века» (фр.).

**** «Цветы зла» (фр.). У авторов книги — игра слов, основанная на совпадении французских слов «болезнь» и «зло». — Примеч. пер.

198 ГЛАВА 5

в 1891 г. очерк «Душа человека при социализме», назвал себя одним из «тех, на ком лежит бремя конечных мировых целей». «Конец века!» — восклицал Дориан Грей, персонаж другой его книги, вышедшей в 1891 г. «Конец света», — отвечала его хозяйка. Для Грея жизнь была «великим разочарованием».

Почти все герои предыдущего абзаца — это романтические писатели; причем приставки «ранний», «зрелый» и «поздний» применялись к ним так же часто и выразительно, как к их столетию. Для великого французского романиста Стендаля (еще один псевдоним) романтизм (и он не обошелся без «изма») можно определить так же просто, пусть и неадекватно, как это делал Гюго. Это «всегда искусство сегодняшнего дня», тогда как «классицизм был искусством дня вчерашнего». После посещения премьеры драмы Гюго «Эр-нани» (1830) Стендаль записал: «Шампанское и "Эрнани" мне совсем не подошли».

Немногие критики XX в. определили бы, что такое романтизм, с той же легкостью, как Стендаль и Гюго. В своих определениях, часто противоречивых, они пытались объединить столь разных писателей, художников и музыкантов, как Вордсворт и Байрон, Шуберт и Верди. Основная трудность в понимании места романтизма в истории культуры заключается «скорее не в поиске определения, а в поиске пути через массу уже выдвинутых определений»⁵. Если говорить об отдельных личностях, то каждый следовал своим собственным путем в рамках своего общества и культуры. Некоторые, подобно Байрону и Верди, приобрели всемирную славу. В Британии Вордсворт, в молодости революционер, стал в 1843 г. поэтом-лауреатом* после смерти своего друга Роберта Саути, который в свое время отличался еще более революционным духом, чем он сам. В годы, пришедшиеся на середину правления королевы Виктории, Вордсворту воздавали литературную — и читательскую — дань за его способность заставить «чувствовать». Его поэзия не только зачаровывала, но и давала душевный комфорт.

«Комфорт», слово, ассоциировавшееся в XIX в. скорее с материальной стороной, обычно не фигурировал в «романтических исканиях» в свете и тени, несших с собой желание и вину, успехи и сожаления, экстаз и агонию, меланхолию (*«ennui»*) и подъем. Прежде всего было чувство недостижимого. *«Sehnsucht»* (желание, стремление), ключевое слово романтического словаря, относилось и ко дню, и к ночи. Сны

* Поэт-лауреат — официальный поэт при Британском королевском дворе. — Примеч. пер.

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 199

были постоянной романтической темой. Наиболее известный цикл лирических поэм Мюссе озаглавлен *«Les Nuits»**. В Британии Уильям Моррис, поэт и ремесленник, назвал себя «мечтателем в сновидениях, родившимся не в то время»**. Он сказал это в 1868 г., прежде чем пересек, по собственным словам, «огненную реку» и стал революционером-социалистом. Моррис, как и Джон Рескин до него, был обеспокоен своей эпохой. Презируя мир машин и паровых двигателей, он гордо отвергал достижения современной цивилизации:

Должно быть, все завершится бухгалтерией на куче отходов, с гостиной Подснэпа неподалеку и виговским комитетом, раздающим шампанское богачам и маргарин бедным в той удобной пропорции, чтобы все остались довольны, пусть в мире и не осталось больше художественных наслаждений, а место Гомера занял Гексли⁶.

Томас Гексли был главным популяризатором науки XIX века. Подснэп — это персонаж Чарльза Диккенса, одного из плеяды великих викторианских романистов, бывшего, подобно Оноре де Бальзаку во Франции, английским «специальным корреспондентом для потомства».

Диккенсовский Подснэп появляется в его блестящем романе «Наш общий друг» (1865), описывавшем язвы цивилизации XIX в. Шаблонный английский тип, самоуверенный и довольный, он говорил одни банальности. Другие страны были для него «ошибкой».

«Болезненных дискуссий» стоило избегать. Подснэп обладал способностью отбрасывать неприглядную реальность как что-то «неприятное»: «Не по мне... оспаривать созданное Провидением». Моррис требовал действия, не ограничиваясь сатирой. Чтобы все не кончилось «бухгалтерией на куче отходов», нужно пойти на коллективные действия, а для коллективных действий необходима общая «мечта». Ее он нашел в социализме, хотя в утопическом романе «Вести ниоткуда» (1891), как и в более ранней «Мечте Джона Болла» (1886), его взгляд был устремлен в средневековье. Многие другие критики XIX столетия также оглядывались на XIII в., подобно Карлейлю или Рескину, рассматривавшему средневековую готику как высшую форму «органической архитектуры», или французскому Виолле-ле-Дюку, восстанавливавшим соборы и замки.

* «Ночи» (фр.). — *Примеч. пер.*

** Игра слов, основанная на том, что английское «*dream*» одновременно означает и мечту, и сон. — *Примеч. пер.*

200 ГЛАВА 5

В ретроспективе XIX век, не обладавший ни единым архитектурным стилем, ни единой философией (в середине столетия господствовала эклектика), не был веком какого-либо одного человека. Не был он и веком согласия. Преобладали споры. Течения перемен часто увлекали людей в водовороты и водопады. Развивая любимую метафору того времени, можно сказать, что существовали и водоразделы, а иногда происходила «встреча потоков». Несмотря на власть идей национализма эти течения редко бывали просто национальными. При всей притягательности социализма (или протесте против него) «класс» не был их единственной движущей силой. Идеи (и стили) могли зарождаться в Германии, Франции или Британии и распространяться повсюду, иногда странно трансформируясь. Когда марксизм был «пересмотрен» (ревизия всегда была противоречивой), в различных странах господствовали общие черты. Памфлеты и книги быстро переводились. Газеты имели иностранных корреспондентов.

Это был также век путешествий, намного более массовых и коммерчески организованных, чем аристократические «грантуры» XVIII столетия. Томас Кук, пионер экскурсионного туризма, открыл свое агентство путешествий в 1841 г. Немец Карл Бедекер впервые начал издавать путеводители за двадцать лет до своей смерти в 1859 г. Этим же занимался английский издатель Джон Муррей. Швейцария и Французская Ривьера попали на новую туристическую карту задолго до конца века, Италия же всегда была и будет на ней обозначена. В начале XX столетия по всей Европе расходились красочные открытки с почтовыми марками на них — одним из наиболее интересных изобретений XIX века.

Шок новизны

Современникам кажется, что ход перемен диктует «мода». Однако в каждом поколении есть писатели вроде юного французского поэта Артюра Рембо, родившегося в 1854 г., который воспевал новое по причинам, не имевшим ничего общего с модой. «Потребуем от поэта нового — в области идей и форм», — писал он, поскольку именно поэт «достиг неведомого». Рембо, опубликовавший свой первый сборник стихотворений, еще учась в школе*, не сочинил почти ничего значительного после 19 лет. Он утверждал, что поэт «превращает себя

* Самый первый сборник Рембо «Пора в ад» вышел в 1873 г., когда он в школе уже не учился. — *Примеч. пер.*

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 201

в ясновидца длительным, безмерным и обдуманым приведением в расстройство всех чувств... Он изнуряет себя всеми ядами, но всасывает их квинтэссенцию. Неизъяснимая мука, при которой он нуждается во всей своей вере, во всей сверхчеловеческой силе; он становится самым больным из всех, самым преступным, самым проклятым — и ученым из ученых!»* Иначе смотрел на это поэт и философ Сэмюэл Тэйлор Кольридж. Связывая восторг открытия нового с годами юности, он писал об «очаровании новизны» в «повседневных вещах», «подобном сверхъестественному чувству пробуждения сознательного внимания от летаргии привычки».

«Не быть новым в наши дни — значит быть ничем», — писал в 1893 г. английский литературный критик. Шок новизны тогда и в начале XX в. порождал одновременно и возбуждение, и замешательство. Первая большая выставка картин импрессионистов в Париже в 1874 г. шокировала и озадачивала зрителей, совсем не обязательно приводя их в волнение. Их смущало созерцание на этих картинах «мира, моментально воспринятого чувствами». Один из персонажей романа Эмиля Золя (1840—1902), писателя-реалиста, точно знавшего, чем шокировать читателя, говорил о художниках-импрессионистах, которые провели между 1874 и 1886 гг. шесть выставок, что их искусство «противоречит всем обычным привычкам глаза». Даже зрители, принимавшие

импрессионистский путь изображения воды или цветов, колебались, когда видели написанные ими пейзажи или изображения локомотивов, как например на великом полотне Клода Моне с видом парижского железнодорожного вокзала Сен-Лазар.

Итак, до 1886 г. им предстоит провести еще шесть выставок. Один из критиков назвал вторую выставку катастрофой, страшнее которой был лишь недавний пожар в Парижской Опере Шарля Гарнье. Это было одно из самых знаменитых зданий XIX в. Опера, нередко связанная с политикой, служила одним из главных развлечений эпохи. Рядом с Верди, умершим в 1901 г., следует поставить Рихарда Вагнера (1813— 1883), основавшего свой театр в Байройте в 1872 г. Его «Кольцо Нибелунгов», создававшееся на протяжении долгих лет принадлежит к числу тех великих шедевров XIX столетия, которые выходят за тогдашние рамки, глубоко погружаясь в психологию любви, веры, ненависти, власти и спасения. Вагнер порвал с традиционной оперой, стремясь воплотить в одном произведении искусства полное единство слов и музыки, актерской игры и режиссуры. Он заложил краеугольный

* Рус. пер. цит. по: *Балашов Н. И.* Артюр Рембо и связь двух веков поэзии// *Рембо А.* Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М., 1982.

202 ГЛАВА 5

камень новой оперы в Байройте в свой пятьдесят девятый день рождения представлением Девятой (Хоральной) симфонии Бетховена. Бай-ройт стал местом паломничества. У Вагнера были последователи, преданные его «музыке будущего», но были и враги,

Антисемитизм

Оценивая этот век, нужно вспомнить одну из черт Вагнера — и один эпизод из жизни Золя. Антисемитизм Вагнера ярко контрастирует с борьбой Золя против французских антисемитов, поддерживавших ажиотаж вокруг «дела Дрейфуса». Термин «антисемитизм» был, видимо, введен в современный оборот австрийским журналистом Вильгельмом Марром, основавшим в 1879 г. Лигу антисемитов. Но еще задолго до этого элементы антисемитизма наблюдались в большинстве европейских государств, принимая в некоторых странах Центральной и Восточной Европы опасную популистскую форму. Именно в Германии Хьюстон Стюарт Чемберлен развивал ставшую популярной «арийскую» расовую философию. Он прожил достаточно долго (до 1923 г.), чтобы успеть приветствовать в ту пору еще бессильного Гитлера. Рассматривая евреев как «полукровок», он утверждал, что смешанные браки с ними уничтожат европейскую цивилизацию. «Иудейство» и «гер-манство» неизбежно противостоят друг другу. Без всякой иронии он, однако, посвятил свою самую известную книгу еврею — ректору Венского университета, вместе с которым когда-то учился.

Все версии антисемитизма присутствовали в Вене — городе, обстановка в котором накануне 1914 г. сильно повлияла на Гитлера. В «Протоколах сионских мудрецов», впервые напечатанных в сокращенном виде в русской газете в 1903 г., а впоследствии разоблаченных как подделка, были якобы представлены записи тайных переговоров влиятельных евреев, стремящихся овладеть миром. Россия, ставшая ареной антиеврейских погромов, внесла свой вклад и в антисемитизм, и в становление еврейских надежд на обретение собственной земли. Наиболее решительным ответом на антисемитизм, имевшим далеко идущие последствия в XX в., стал провозглашенный в Вене сионизм Теодора Герцля⁷. Его книга «Еврейское государство» (1896) положила начало сионистскому движению. В 1897 г. Герцль стал первым президентом Всемирной сионистской организации. Он умер в 1904 г. за десять лет до первой мировой войны, в ходе которой британское правительство в декларации Бальфура (1917) заявило о поддержке еврейского «национального самоопределения» в Палестине.

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 203

На Герцля оказало влияние дело Дрейфуса, запутанный судебный процесс во Франции, надолго ставший главной темой новостей. В декабре 1894 г. военный трибунал признал капитана Дрейфуса виновным в измене — передаче секретных сведений Германии — и сослал его в колонию для уголовных преступников в Центральной Африке, прозванную Чертовой землей. Перед тем как приговор был в 1906 г. окончательно отменен (после многих судебных разбирательств), ход этого дела, затронувшего сферы высокой политики, продемонстрировал глубину антисемитизма в правых католических кругах, дистанцию между французской армией и обществом, а также роль пропаганды в прессе, особенно в карикатурах. На первые полосы попал не только Золя с его знаменитым «*J'accuse*»*. В одном ряду с ним стоял вождь французских социалистов Жан Жорес (1859-1914) — не только политик, но и выдающийся интеллект, основавший в 1904 г. газету

«L'Humanite»**. Борец за мир между народами, он был убит 31 июля 1914 г. — за несколько дней до начала первой мировой войны.

Город и метрополия: Париж, Берлин, Лондон, Вена

Париж, центр искусств и политики, ярко проявил себя на всех этапах истории, рассматриваемых в этом томе. Но свое место в ней занимают и другие города, в их числе провинциальные промышленные центры нового типа, вроде Манчестера или Дюссельдорфа, и столицы некоторых государств. Рост городов стал наиболее яркой чертой роста населения в XIX в. Уже к 1851 г. около половины жителей Англии и Уэльса проживало в городах с населением свыше 10 тыс. человек. К 1891 г. этот показатель составил 71%. В последнее десятилетие века городское население в Германии впервые превысило сельское. Во Франции это произошло только после первой мировой войны, однако население Парижа, долгое время бывшего главной европейской столицей, выросло с полумиллиона человек в 1800 г. до трех с лишним миллионов в 1900 г. Париж более чем в семь раз превосходил второй по численности жителей французский город Лион, промышленная база которого была создана еще до XIX века.

* «Я обвиняю» (фр.). — Примеч. пер.

* «Юманите» («Человечество») — центральный орган сначала Французской социалистической партии, а с 1920 г. — французских коммунистов. — Примеч. пер.

204 ГЛАВА 5

Многие столичные города, являвшиеся в XVIII и XIX вв. центрами власти, к концу столетия обросли промышленными районами. Одной из таких столиц была Вена. Город был значительно перестроен после того, как в 1859 г. были снесены военные укрепления XVII в., — спустя шесть лет появилась просторная улица Рингштрассе (ее строительство продолжалось вплоть до восьмидесятых годов) с новыми общественными зданиями, в том числе университетом, музеями и галереями по обе ее стороны. Промышленные районы были расположены возле Дуная. В конце XIX в. Отто Вагнер, автор книги «Die Grofistadt»* (1911), разработал генеральный план города, в котором большую роль играли трамвайные и железнодорожные пути. Вена стала центром впечатляющей международной выставки, проведенной в 1873 г. на Пратере по случаю 25-летнего юбилея правления Франца Иосифа. О выставке до сих пор напоминает огромное колесо обозрения, которое подобно парижской Эйфелевой башне (1889) стало отличительным городским ориентиром.

Берлин, столица Пруссии, а с 1871 г. — Германской империи, подвергся между 1848 и 1905 гг. еще более радикальной перестройке. Его население в эти годы стремительно выросло с 400 тыс. до 2 миллионов. Для развития его торговли и промышленности была необходима система общественного транспорта, в том числе в новых пригородах, которые между семидесятыми и девяностыми годами росли быстрее старых частей города. Берлин, где в 1810г. появился огромный «парк развлечений» — Луна-парк, постоянно пребывал в движении. Один наблюдатель назвал его «городом нигде» — городом, который «всегда находится в становлении и которого никогда не существует»⁸.

Париж, напротив, был городом со своим прошлым, как революционным, так и имперским, которое и без Луна-парка привлекало путешественников, никуда более уже не стремившихся. Для немецкого поэта Генриха Гейне, обосновавшегося там в 1830 г., Париж был «настоящей Францией — все остальное лишь пригороды вокруг столицы». В правление Наполеона III Париж также подвергся реконструкции. Барон Жорж Осман, французский протестант с эльзасскими корнями, которого Наполеон в 1853 г. назначил префектом департамента Сена, разработал план, предполагавший устройство широких бульваров, сходящихся у площади Звезды. Одной из самых эффектных среди запланированных им улиц стала Авеню де л'Опера. За бульварами и проспектами сохранялись узкие улочки старого Парижа, В северно-восточных пригородах разместилась промышленность. Там

* «Большой город» (нем.). — Примеч. пер.

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 205

рост происходил сам по себе, и система транспорта заметно от него отставала. Работы по строительству метрополитена, проект которого впервые обсуждался в 1870-е гг., начались только в 1900 г. До пригородов метрополитен не дошел.

Большинство европейских городов также подверглись перестройке. Брюссель, Рим, Стокгольм, Барселона, Мадрид — все испытали на себе влияние Османа. Впрочем, среди европейских столиц именно Лондон, без перепланировки в духе Османа и постройки кольцевой дороги, вырос наиболее заметно, несмотря на то что в восьмидесятые года был отмечен спад в росте населения. Долгое время сложно было сказать, где кончается Лондон. Площадь старого лондонского Сити,

финансовой столицы мира, была довольно небольшой, тогда как «Большой Лондон», впервые названный так в переписи 1881 г., был огромен и еще до переписи назывался «мировым городом». Между тем резко выросло и население других европейских столиц. В Копенгагене, например, между 1800 и 1914 гг. оно увеличилось почти в пять раз. В Будапеште число жителей выросло с 50 тысяч до без малого миллиона.

Во всех городах современников более всего зачаровывали процессы роста и те социальные связи, что отличали города от деревень. Один британский писатель сравнил эти процессы с ростом кораллового рифа, другой изобрел уродливое слово «конурбация», чтобы описать районы, выраставшие вокруг городов. Таким районом был германский Рур, представлявший собой расползшуюся промышленную структуру без центра и единой администрации.

Наиболее интересные социологические работы конца XIX в., посвященные общественным связям, были созданы немецкими авторами. Фердинанд Теннис провел четкое разграничение между личными связями в деревне и анонимными людскими скоплениями в городе в своей широко цитируемой книге *«Gemeinschaft und Gesellschaft»**, опубликованной в 1887 г. в Лейпциге — городе мушки и промышленности. Неподалеку от него, в Дрездене, старой столице Саксонии, в 1903 г. провели крупную выставку, на которой были представлены 128 немецких городов, больших и малых, старых и новых. Участники обсуждали работу муниципальных служб и городское планирование, которые в Германии были развиты лучше, чем в большинстве других европейских стран. Тем не менее в отношении будущего городов царили, особенно в Германии, дурные предчувствия. «Большие агломерации» порождают растущее социальное напряжение. Политически прогрессивный Теннис определил это следующим образом:

«Община и общество» (нем.). — Примеч. пер.

206 ГЛАВА 5

Массы [все чаще употребляемый термин] осознают [свое] социальное положение посредством... школьного образования и газеты. От классового сознания они переходят к классовой борьбе. Классовая борьба может уничтожить общество и государство, реформирование которого она ставит своей целью.

Другой немецкий автор, Георг Зиммель, живший в Берлине, в своей работе *«Die Großstadt»* (1903) предвидел иную опасность. Люди в больших городах теряются: «нигде человек не чувствует себя столь одиноким и потерянным, как в столичной толпе»⁹,

Еще ярче, чем в научных трактатах и обзорах, города фигурировали в беллетристике, особенно рассказах, а также в ежедневной и еженедельной прессе. Нами уже упоминалась лондонская «Дейли Мэйл». В Берлине, еще одном «мировом городе», главным чтением публики была чрезвычайно успешная «Берлинер Моргенпост» (1898), следовавшая в фарватере события и удачно конкурировавшая с другой газетой — *«Berliner Lokal-Anzeiger»** (1883), первоначально распространявшейся бесплатно. Первая из них, как и «Дейли Мэйл», предлагала читателям «что-то новенькое». В 1904 г. на улицах началась продажа выходившей в полдень *«BZam Mitfag»***.

В ней особое внимание уделялось спорту, который между 1900 и 1914 гг. становился все более коммерциализованным и «зрительским». В конце XX в. средствам массовой информации предстояло изменить его еще более, превратив в разновидность религии.

Одно из самых прогрессивных и успешных новшеств в прессе до 1900 г. появилось не в Лондоне или Берлине, а в Будапеште. Венгерский изобретатель Теодор Пушкаш, работавший для компании Эдисона, в 1893 г. предложил подписчикам телефонные новости (в том числе финансовые) и развлекательные (в том числе музыкальные) программы. Это стало первой в мире вещательной системой, получившей название «телефон Хирмондо». По этому телефону также передавались «лингвистические лекции» на английском, французском и итальянском языках.

Наука и техника

Американский изобретатель Томас Алва Эдисон запатентовал более тысячи изобретений — от электрической лампы накаливания до кинетоскопа, передававшего картинки, но никогда не думал о средствах

* «Берлинский местный вестник» (нем.). — Примеч. пер. ** «Полуденная берлинская газета» (нем.). — Примеч. пер.

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 207

массовой информации. Его деловые интересы простирались повсюду, особенно в Европе, но немногие из его изобретений, если вообще какие-либо, напрямую зависели от «чистой науки». Большая часть его «открытий» не была представлена на серии больших международных выставок, первая из которых была устроена в лондонском Хрустальном дворце в 1851 г., спустя четыре года после рождения Эдисона. Некоторые из выставленных там изобретений, в том числе самых оригинальных, не имели будущего. Однако другие изменили стиль работы и образ жизни людей. Во Дворцах промышленности в Париже и Вене с гордостью показывали все новое, прибегая к

специальным эффектам с такой же готовностью, как в кинематографе конца XX века. В особенности эксплуатировали возможности электрической силы. Электричество, широко представленное на Парижской выставке 1889 г., господствовало на большой Парижской выставке 1900 г., которую, оглядываясь назад, можно оценить как кульминацию той эпохи, воспринимавшейся многими интересующимися наукой наблюдателями как «чудесный век». Фотографии запечатлели все эти выставки, на которые зачастую смотрели сквозь розовые очки. Именно тогда, кстати, настала «эпоха очков», которые теперь производились тысячами и впервые в истории стали рассматриваться как «обыденная вещь». (Как же люди раньше без них обходились?) Историю очков или фотографии нелегко вписать в историю науки. Например, в опубликованном в 1901 г. сборнике очерков «Прогресс века» (*The Progress of the Century*) об очках не написали ни слова. «Развитие и искусство фотографии» автор раздела, посвященного физике, охарактеризовал как «второстепенное», признавая, однако, что оно «внесло большой вклад в жизненные удовольствия». Однако фотография выражала то, что провозглашалось на международных выставках, — единство науки и искусства. Первая выставка импрессионистов была проведена в студии фотографа, а фотография, получившая дальнейшее развитие в кинематографе, более любых других изобретений XIX в. повлияла как на художественное, так и на обыденное восприятие мира.

Фотография, изобретение XIX в., имевшее долгую предысторию, рассматривалась одновременно как наука и как искусство. Первые снимки, «гелиографии», или «световые картинки», появились во Франции в двадцатых годах. Но лишь в 1839 г. Луи Дагер, подобно многим людям XIX столетия прирожденный импресарио, продемонстрировал свою технологию фотографии в Париже. В том же году в Лондоне Генри Фокс Тэлбот выставил в Королевском обществе свои первые «фотогенические картинки», или «калотипы», предназначен-

ные для «любителей науки природы». Дагер представил свой первый «дагеротип» главному хранителю парижского Лувра.

На протяжении следующих десятилетий фотографии делали не только в фотографических студиях (портретная фотография стала индустрией), но также в домах и садах, театрах, больницах и тюрьмах, а в годы Крымской войны даже в военных палатках. Именно фотограф Эдуард Бальдус, родившийся в Германии, но являвшийся гражданином Франции, запечатлел визит королевы Виктории и ее супруга Альберта к Наполеону III в ходе посещения теми в 1855 г. первой из парижских международных выставок, а также железную дорогу из Парижа в Марсель, открытую императором в том же году.

К концу века фотоаппарат, как и очки, постепенно стал «обыденной вещью». В 1888 г. в Соединенных Штатах появилась простая нераздвижная камера с постоянным фокусом, носившая товарное имя «Кодак» (товарные знаки входили в широкое употребление). Уже к этому времени в 1872 г. были сняты первые движущиеся картинки, а в 1896 г. братья Люмьер показали свои фильмы в Париже и Лондоне. Впрочем, только в XX в. кинематограф завоевывает постоянную массовую аудиторию, воздействуя через Голливуд на отношения между Европой и Соединенными Штатами.

1896-й воистину был *annus mirabilis**, так как именно тогда Альфред Хармсворт основал в Лондоне «Дейли Мэйл», по-настоящему популярную газету, стоившую полпенни, итальянский изобретатель Гульельмо Маркони приехал в британскую столицу с набором беспроводного оборудования (не думая еще ни о каком радиовещании), в Брайтоне состоялись первые автомобильные гонки (Хармсворт был автомобильным энтузиастом), а далеко от Лондона, в Афинах, были проведены первые современные Олимпийские игры. Спорт со своей собственной судьбой и законами, подобно кино, сыграет большую роль в истории XX века.

Для ученых, авторов сборника «Прогресс века», «серьезную науку» наиболее наглядно представляла химия — область знания, напрямую влиявшая на повседневную жизнь человека. Физика — еще одно новое слово — выглядела как научная дисциплина менее «релевантной», хотя в XIX в. были свои великие физики, такие как Майкл Фарадей, Джеймс Максвелл и Герман фон Гельмгольц, которые продвигались вглубь, не порывая с ньютоновскими принципами. Без работ Генриха Герца и других французских, русских и британских физиков, исследовавших природу радиоволн, не было бы Маркони.

«Чудесный год» (лат.). — Примеч. пер.

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 209

В области химии работы великого немецкого химика Юстуса фон Либиха (1803-1873), изменившие технологию сельского хозяйства и пищевой промышленности, способствовали

улучшению системы здравоохранения. Великий французский химик Луи Пастер (1822-1895) оказал влияние на производство молока и вина, положив начало развитию бактериологии — науки, позволившей по-иному посмотреть на причины болезней. В 1888 г. в Париже был основан Институт Пастера.

Путем классификации и экспериментов развивались и другие направления теоретической химии. В периодической таблице, созданной русским химиком Дмитрием Менделеевым (1834-1907) в 1872 г., оставалось место для еще не открытых химических элементов. Три из них были обнаружены уже при его жизни. К концу столетия казалось очевидным, писал в 1901 г. профессор Уильям Рамсей, что «нации, которая обладает самыми способными химиками, теоретиками и практиками, обеспечен успех в конкуренции с другими государствами за коммерческое господство и все сопутствующие этому преимущества».

Это было накануне революции в физике. Впрочем, немного предвещало тогда, что именно физика — теоретическая, экспериментальная и прикладная — станет главной наукой первой половины XX в., а кульминацией ее развития явится расщепление атомного ядра в годы второй мировой войны. Законы термодинамики были сформулированы *после* изобретения парового двигателя, основанного на их применении. Практические же последствия это открытие будет иметь несколько лет спустя — уже после того, как Ал ьберт Эйнштейн (1879— 1955) опубликует в 1903 г. очерк специальной теории относительности. Тем не менее в 1901 г. один выдающийся физик мог приветствовать «большое и быстро растущее число хорошо организованных и великолепно оснащенных лабораторий, в которых систематически задумываются и проводятся оригинальные исследования»¹⁰.

Прогресс науки в XIX в., утверждал он, был до сей поры «в той или иной степени партизанской войной против невежества». Теперь же, в эпоху, когда обычная война становится все более «научной», нужно организовывать настоящие «боевые» кампании в исследовательской войне, привлекая как коллективы специалистов, так и отдельных ученых. Участники этой войны должны быть профессионалами. Хотя более ранние открытия XIX в. в геологии и «естественной истории» часто бывали делом «любителей» (некоторые из них были «джентльменами»), в том числе самоучек, лабораторная наука, выйдя далеко за рамки пассивного наблюдения и классификации, требовала создания профессиональной базы. Впервые это было обеспечено в Германии,

210 ГЛАВА 5

но именно в Британии кембриджский философ Уильям Уэвелл, изобретатель в 1840 г. слова «ученый» (*scientist*), а также слова «физик» (*physicist*)*, предвидел очертания будущего, описывая «тенденцию наук... ко все большему разделению и размежеванию. Математик отворачивается от химика, химик — от натуралиста; математики, предоставленные сами себе, делятся на математиков чистых и смешанных и вскоре после этого расходятся в стороны».

Все же в Британии — и в провинции, и в Лондоне — большое внимание уделялось популяризации науки посредством лекций, демонстрации опытов, открытия музеев. Шел полезный спор о соотношении точных и естественных наук и классического образования в учебном расписании.

После опубликования в 1859 г. книги Чарлза Дарвина «Происхождение видов» разгорелись шумные дебаты об эволюции. Дарвиновская биология вызвала еще большие разногласия, чем геология, открытия в которой к тому времени уже удлинители продолжительность истории Земли и заставили усомниться в сообщениях книг Бытия. «Происхождение видов» относится к числу «великих» книг не только XIX в., но и всех времен, однако это был труд именно XIX в., который не мог быть написан ни в какую иную эпоху. В свою очередь, эта книга повлияла на сам XIX век Маркс, бывший девятью годами моложе Дарвина, вышедший из совсем другой среды и обладавший прямо противоположным складом личности, хотел посвятить английскому ученому свой большой трактат по политической экономии «Капитал» (*Das Kapital*), первый том которого был издан в 1867 г. «Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, — писал Маркс. — Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?»**

Когда в 1882 г. Дарвин умер, он, агностик в религиозных вопросах***, был похоронен в Вестминстерском аббатстве, что свидетельст-

* Французский «*Grand Robert*» фиксирует употребление слова «физик» (*physicien*) в его современном значении уже в 1680 г. «*Webster*» относит появление слова «физик» (*physicist*) к 1710-1720 гг., а слова «ученый» (*scientist*) — к 1825-1835 гг. —

Примеч. пер.

** Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23 (Капитал. Т. 1). С. 383 (Прим.). Выражение «направил интерес» из первоначального варианта перевода под ред. Скворцова-Степанова точнее, нежели «заинтересовался» из текста 2-го издания, передает оригинальный оборот «*Darwin hat das Interesse... gelenkt*». Ср.: Marx K., Engels F. Gesamtausgabe. Bd. 8. Berlin, 1989. S.

вовало о появлении нового «научного священства», как назвал его один ученый. С точки зрения либерала Джона Морли, «дарвиновское кредо» (термин сам по себе религиозный) «опровергает все лучшие мысли [он не добавил «худшие мысли»] нашего времени. Оно окрашивает наши неразвитые общественные представления, возникает в сотнях облиций в трудах по праву и истории, в политических речах и религиозных беседах... Если мы попробуем его игнорировать, то будем обязаны считать себя совершенно вне своей эпохи».

Однако не все эволюционистские сочинения XIX в. являлись побочным продуктом «Происхождения видов». Многие из них были созданы независимо от него. Идея эволюции имела долгую родословную, и литература этого периода, в том числе поэзия (примером служит «*In memoriam*» Альфреда Теннисона), полна ссылок на нее. Итак, о родословных. Если бы не открытия в геологии, могло бы не быть дарвиновских достижений в биологии, которые сразу же привели к новой оценке места Человека в долгом процессе эволюции. Дарвин, как и Маркс, искал «законы», но видел «величие» в течении жизни, начавшейся «войной в природе» и завершившейся «наиболее возвышенной целью, которую мы способны постичь — высшими животными», в том числе человеком. Человек не отделялся от царства животных — это стало темой дарвиновского «Происхождения человека» (1871), что для поклонников Дарвина казалось «великим естественнаучным открытием нашего поколения». Это, впрочем, не стало концом истории. Это также и не вся история, вместившаяся в XIX век. Жан-Батист де Ламарк, умерший в 1829 г., продолжал оказывать влияние на ученых, хотя Дарвин и стремился его опровергнуть. Ламарк изобрел термин «биология», и многие после него добавляли к этому слову эпитет «ламарковская». Герберт Спенсер (1820-1903), писатель, по сути распространивший лamarковские законы эволюции, «бесспорные, непреклонные и всегда действующие», на все с^Беры существования, стал первым, кто использовал фразу «выживание сильнейшего». (Дарвин говорил о «естественном отборе».) «Социальный дарвинизм», многие версии которого оскорбили бы Дарвина так же, как многие версии марксизма оскорбили бы Маркса, использовал мысль о «войне в природе», применяя ее к миру людей. Это была борьба, в которой побеждают и должны побеждать сильнейшие.

Спенсер, как и Конт, которому он ничем не был обязан, всегда отличался уверенностью в суждениях. В отличие от них, Теннисон, английский поэт-лауреат с 1850 по 1892 г., осознававший себя «современным поэтом», постепенно, подобно некоторым своим современникам, изменил отношение к науке. Интересно сравнить два его стихотво-

8-2444

212 ГЛАВА 5

рения «Усадьба Локсли» (1842) и «Возвращение в усадьбу Локсли» (1882). В первом из них он, подобно французскому Виктору Гюго, провозглашал свою веру в науку: «Наука движется, пусть медленно, переползая от места к месту». И хотя он яснее некоторых современников понимал нужды и требования «голодных», он — вновь подобно Гюго — возлагал надежду на будущее: Не сомневаюсь я в одной растущей цели сквозь века, Людские мысли ширятся с вращением солнц.

К восьмидесятым годам Теннисон был менее уверен в науке и больше опасался «власти Демоса», чем думал о требованиях «голодных». В отношении будущего он стал скорее пессимистом: Со все большею печалью уходит клич «Вперед, вперед», Потерян он иль слышен — из тишины, из тишины могилы.

В этих словах — больше чем просто старческое уныние. Несмотря на бурное развитие образования и литературы, направление этого развития вызывало тревогу. На протяжении семидесятых годов агностицизм и релятивизм вербовали новых сторонников. Морли говорил о беспокойной атмосфере в Британии. «Те, кто замкнулись в башне старинных верований оглядываются вокруг себя в постоянных опасениях, дурных предчувствиях и изумлении... Везде — сомнение, колебание и тревожное ожидание».

Ценности также менялись. В Британии, где в середине столетия «викторианство» казалось столь сильным, раздалась новые бунтующие голоса Оскара Уайльда и Джорджа Бернарда Шоу. Оба они протестовали против заботы благотворителей и государства о «респектабельных бедняках».

Очевидно, что «те добродетели бедняков, о которых стоит сожалеть, принимаются с готовностью. Лучшие среди бедных никогда не благодарят. Они неблагодарны, недовольны, непокорны и мятежны. И в этом они правы». И Уайльд, и Шоу использовали сцену не только для развлечения, но и для высказывания своих суждений.

Существовало много разных видов бунтарей, среди которых особенно выделяются два: эстеты, подобно Уайльду, наслаждающиеся любым жизненным опытом, особенно запрещенным и

эксцентричным; и «примитивисты», ищущие более простой и менее «искусственной» жизни, чем та, которую предлагал научно-технический прогресс. Многие из последних с удовольствием читали стихотворения

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 213

американца Уолта Уитмена и наслаждались картинами Поля Гогена на сюжеты из жизни Южных морей. Многие, подобно Эдварду Карпен-теру, стремились отбросить все принятые условности. Заметны стали бунтари-женщины, заявлявшие о правах, о которых за несколько десятилетий до того никто и не помышлял. Идея «новой женщины» была столь же влиятельной на протяжении «конца века», как и идея «нового искусства». Прилагательное «новый» действительно становилось все более популярным по мере того, как сам век старел.

Даже в середине столетия за широкими новыми бульварами Парижа располагались дворы и чердаки «богема» — места, на карте не обозначенные*, но вошедшие во все языки. «Богема» — «идеальная», «свободная», «полная удовольствий», чуждая условностям, антибуржуазная. В большинстве европейских столиц была своя богема — содружество художников и писателей, стремящихся уйти как от условностей, так и от коммерции. Многие из того, что стало осознаваться как «современное», родилось в среде европейской богемы. И некоторые из тех, кто более других внес вклад в становление того, что мы называем «современным европейским мышлением», принадлежали к ней еще до 1870г., когда, как считается, в сознании европейцев произошел великий перелом.

«Модерн»

Обладающее своей долгой историей понятие «модернизм» может привести в такое же замешательство, как и понятие «романтизма». Оно применяется в отношении столь разных культурных явлений, как пьесы Генрика Ибсена (1828-1906) и символизм французского поэта Стефана Малларме. Поэма Малларме «Послеполуденный отдых фавна», опубликованная в 1887 г., была не только наложена на музыку Клодом Дебюсси, но и стала известной балетной постановкой Сергея Дягилева, основавшего в 1909 г. труппу «Русский балет»**. В то время царил страстный интерес к русскому балету, искусству и литературе, и именно родившийся в России композитор Игорь Стравинский (1882-1971) в 1911 г. одним из первых прорвался в XX в., когда в Па-

* В подлиннике игра слов: «*Bohemia*» в английском означает как Богемию (то есть Чехию), так и «богему», то есть людей, ведущих неупорядоченный, «цыганский» образ жизни (фр. *bohème*; в средневековой Франции цыган считали выходцами из далекой и «таинственной» Богемии). — *Примеч. пер.*

** Основание «Русского балета» относится к 1911 году. До этого с 1907 г. действовали «Русские сезоны». — *Примеч. пер.*

214 ГЛАВА 5

риже было поставлено его оглушительное музыкальное сочинение — шумное, ритмическое, «первобытное» — балет «Весна священная».

В 1924 г. (после потрясений первой мировой войны) английская «блумсберийская»* писательница Вирджиния Вульф сделала поразительное заявление: «в декабре 1910 или около того» изменился «человеческий характер». Именно тогда в Лондоне состоялась выставка постимпрессионистов, на которой большинство британских зрителей впервые увидели картины Винсента Ван Гога и Поля Гогена, поразившего в Европу видами Южных морей.

«Модерн» развивался благодаря связям между искусствами и странами; Париж, конечно, был центром, но таким же центром до 1914 г. была Вена — не только дом Зигмунда Фрейда, но и дома композиторов Рихарда Штрауса, Густава Малера, Арнольда Шёнберга, Альбана Берга и Антона фон Веберна, поэта и либреттиста Гуго фон Гофман-сталия, романистов Карла Крауса и Роберта Музиля, художников Густава Климта и Оскара Кокошки, философа Людвига Витгенштейна. Все эти имена найдутся в любом словаре современного искусства, охватывающем XIX—XX века.

Другими важными центрами были Берлин и Мюнхен — первый наперstывал в «современности» то, чего не доставало ему в древности, последний стал колыбелью германского «экспрессионизма». Именно там в 1908 г. Вильгельм Вормингер, сторонник «абстракции», следовал путем писавшей в начале XIX в. мадам де Сталь, стремясь объяснить различия между «северным» и «классическим» (а также «восточным») искусством. Именно туда переехал в 1897 г.** пионер абстрактного искусства, русский художник Василий Кандинский. Между 1910 и 1914 гг. он создал свои серии «Импровизаций» и «Композиций» — первые известные примеры чисто абстрактных произведений в искусстве XX века.

Многие явления «современного движения» описываются — и безусловно, описывались и в то время — через «измы», сколь бы обманчивыми те ни были. Первым стал символизм, манифест которого был опубликован в 1886 г. Символисты отрицали и импрессионизм, и реализм и подобно

Вагнеру часто использовали для самовыражения мифы. Поль Верлен написал сонет под названием «Парсифаль» — таким было название великой оперы Вагнера, премьера которой состоялась в 1882 г. «Футуризм» был провозглашен в 1909 г. в одном из самых

* Блумсбери — район в центре Лондона к северу от Темзы, известный литературный, художественный и интеллектуальный центр начала XX в. — *Примеч. ред.* ** Переезд Кандинского в Мюнхен относится к 1907 г. — *Примеч. пер.*

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 215

известных художественных манифестов — первом из нескольких, написанных итальянским поэтом Филиппе Маринетти (1876—1944). Он призывал отбросить «задумчивую неподвижность, экстаз и сон» и «восхвалить наступательное движение, лихорадочную бессонницу, гимнастический шаг, опасный прыжок, оплеуху и удар кулака»*.

Кубисты подобного манифеста не создали. Впрочем, поэт Гийом Аполлинер, познакомивший в 1907 г. уроженца Испании Пабло Пикассо (1881-1973) с Жоржем Браком, много сделал для распространения знаний о кубизме (и об африканском искусстве). Кубисты, изменившие стиль своих работ к 1912 г., стремились показать, скорее, то, что им известно об объектах, чем то, как те выглядят в определенный момент.

Через «измы» и помимо них можно проследить связи искусства до и после «символизма»: через «*art nouveau*»** (в климтовской Вене называвшееся «Сецессион»); через «декаданс» «конца века» (подвергшийся масштабной критике в «Вырождении», Макса Нордау, 1892, одной из наиболее обсуждавшихся книг девятых годов); через по-слевагнеровскую оперу (от «Саломеи» Штрауса до «Воццека» Берга); через литературу (от Ибсена до Джеймса Джойса); и через философию — от Фридриха Ницше (1844-1900) до Людвига Витгенштейна. Они также могут быть прослежены географически. Стиль «Ар нуво» развивался в Шотландии (Чарльз Ренни Макинтош), Бельгии (Хенри ван дер Вельде и Виктор Орта), Франции (Рене Лалик), Финляндии и других странах. Когда в 1905 г. Штраус создал оперу по пьесе Уайльда «Саломея» (сама пьеса шла в Берлине двумя годами ранее), это стало «мостом», объединившим Англию Уайльда и иллюстратора «Саломеи» Обри Бердсли с Австро-Венгрией Климта.

В те годы процветала скандинавская культура, частично связанная с национальной идеей. Автор семи симфоний Ян Кристиан Сибели-ус, родившийся в Финляндии в 1865 г., создал в 1900 г. симфоническую поэму «Финляндия». Между искусствами существовали взаимные связи. Так, композитор Эдвард Григ сочинил музыку на символическую драму в стихах Ибсена «Пер Гюнт» (1867), переработанную затем в оперу. Одним из крупнейших художников-экспрессионистов был норвежец Эдвард Мунк (1863-1944), которые порой не меньше зрителей боялся своих картин, самая знаменитая из которых носит

* Рус. пер. цит. по: Манифесты итальянского футуризма / Пер. В. Шершеневича. М., 1914. С. 7.

**«Ар нуво» — новое искусство (</>). В России этот стиль известен как модерн. — *Примеч. пер.*

216 ГЛАВА 5

название «Крик» (1893). Здесь была и связь с Ибсеном: чистая эмоция выражалась в «сыром виде». В то же время более молодой шведский драматург и романист Август Стриндберг (1849—1912), злой, подчас чересчур, разрабатывал экспериментальные экспрессионистские приемы, которые повлияют на театр XX века. Его пренебрежительное отношение к женщинам едва ли, впрочем, характеризует его как пророка нового века, которому было суждено завершиться феминистским бунтом.

Черты символизма проявляются в последних пьесах Ибсена «Строитель Сольнес» и «Джон Габриэль Бокман», а в самой Франции — в «реалистических» романах Золя. Фоном как символизма, так и реализма служило изменявшееся отношение к времени и месту. Оно менялось на протяжении всего XIX столетия. Впрочем, перед тем как окончательно сняться с якоря в XX в., время было основательно отрегулировано. В 1884 г. на встрече представителей двадцати пяти стран в Вашингтоне было установлено «стандартное время» — Гринвич стал нулевым меридианом, а мир был разделен на часовые пояса. Между 1884 и 1900 гг. эта система постепенно была принята во всем мире, но не обошлось и без исключений, вроде Санкт-Петербурга, сохранившего собственное время.

У отдельных людей также было свое время, что стало важной темой «современной литературы». Американский философ Уильям Джеймс изобрел в 1890 г. термин «поток сознания». Марсель Пруст (1871 -1922) играл со временем в своем великом модернистском романе «В поисках утраченного времени», первый том которого появился в 1913 г. Его путем последовал Джеймс Джойс (1882-1941), живший во Франции ирландский писатель, чей «Улисс», рассматриваемый теперь как один из важнейших романов нашего времени, был опубликован в 1922 г. Местом действия был Дублин, город совершенно другой, нежели Париж или Лондон. Роман был запрещен в Британии и в Соединенных Штатах. Поглощенность временем и пространством была очевидна и

в работах художников, а также скульпторов. Так, французский живописец Марсель Дюшан (1887-1867) описывал свою «Обнаженную, спускающуюся по лестнице» (1913) как «организацию кинетических элементов и выражение времени и пространства посредством абстрактного представления движения».

Это звучало совершенно по-новому, но само понятие «модерн», ставшее осознанным, не было новым ни в конце XIX в., ни даже в шестидесятых - семидесятых годах. Оно восходит к Возрождению, любимой эпохе Стендаля, и даже к падению древнего Рима — периоду, к которому Оксфордский и Кембриджский университеты относили

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 217

начало «современной Европы». Впрочем, на протяжении последних лет XIX и первого десятилетия XX столетия старые представления о перспективах и целях подверглись наибольшему нападкам. На задний план были отброшены не только древние языки, становившиеся «мертвыми» даже для образованных людей — сначала греческий, потом латынь, — но и Библия утратила силу авторитета как для образованных, так и для необразованных (для последних теперь были открыты обязательные школы). Именно тогда, в период растущей секуляризации, в избранную группу «современных» мыслителей были допущены Маркс и Вагнер: Маркс, чьи идеи сохраняли свою власть и еще окажут влияние на историю XX в., и Вагнер, создатель прославлявшейся тогда «музыки будущего». Среди «модернистов» нашлось место и для немецкого философа пессимизма Артура Шопенгауэра, хотя тот умер в 1860 г., и для французского поэта Бодлера, которого больше читали после его смерти в 1867 г., чем при жизни.

«Бог умер», — объявил Ницше. Ницше, персонально восхищавшийся Вагнером — композитору была посвящена его первая книга «Рождение трагедии из духа музыки», — интуитивист и антиинтеллектуал, стоит особняком: опираясь на «чувство власти в человеке, волю к власти, саму власть», он воевал не только с целеустремленным XIX в., но и всеми христианскими веками, что предшествовали ему. Настаивая на освобождении страстей — гордости, радости, здоровья, плотской любви, вражды и войны, он превозносил сверхчеловека (*Urbemensch*), который навязет свою волю слабым и никчемным. Ницше, чья последняя книга называлась «Ницше против Вагнера», не волновало, что у него было много врагов, в числе последних — создатели различных систем: «Я не доверяю никаким систематизаторам и избегаю их. Стремление к системе есть недостаток цельности».

Отличавшийся от Ницше по происхождению, темпераменту, идеям, интуиции и таланту, Фрейд также занимает свое место в нашем списке. Он исследовал бессознательное, открывая «ночную сторону природы и души». Его «Толкование сновидений» стало одной из последних книг, вышедших в XIX в. «Желания в нашем бессознательном, — писал он, — всегда на чеку... напоминая о легендарных титанах». «В бессознательном ничего нельзя завершить, ничто не становится прошлым и не забывается». В конце своей долгой жизни Фрейд, повлиявший не только на психологию и психиатрию (психоанализ), но и на литературу и искусство, написал книгу «Цивилизация и недовольные ею» (1930), где предположил, что необходимое для существования цивилизованного общества подавление желания делает счастье поистине невозможным.

218 ГЛАВА 5

Третьей ключевой фигурой был норвежский пророк модернизма Ибсен, которого Джордж Бернард Шоу приветствовал наряду с Вагнером. В последние десятилетия XIX в. Ибсен прославился на всю Европу своей трактовкой драмы как инструмента социальной критики, стремящейся обнажить заблуждения, порождаемые условностями и суеверием. В особенности его оскорбляла мораль «респектабельности» (важнейшее слово XIX в.). Ницше описал нормы респектабельной морали как «стадный инстинкт индивида». Критики морали считали, что обусловленные ею отношения между полами неизбежно основаны на подавлении. Один из диккенсовских персонажей, Подснэп, говорил, что ни в одной книге не должно быть ничего неподходящего для чтения какого-либо «молодого человека», ничего такого, что могло бы смутить, вогнать в краску подобного читателя. В домах среднего класса в середине XIX в. секс держался в секрете, а за пределами дома в Скандинавии, как и в Британии, многое делалось во имя необходимости сохранить «чистоту» помыслов и действий.

Датский критик Георг Брандес, один из тех, кто больше других повлиял на Ибсена, прочел в 1871 г. лекцию, которую Ибсен особенно ценил, поскольку в ней показывалась «зияющая пропасть между вчерашним и сегодняшним днем». Брандес добавлял: все что угодно лучше, чем существующий порядок вещей. В казавшейся прежде стабильной структуре общественной жизни существовали и другие «зияющие пропасти». Ибсен, описывавший влияние личного прошлого на

жизнь своих персонажей, хорошо видел место «двойного стандарта» в предписаниях, касавшихся поведения мужчин и женщин в морали середины XIX в. От «настоящего мужчины» ждали того, что было совершенно неуместно для порядочной «настоящей женщины». Столь дорогая «святость семейного очага», основанная на идеале семьи, на практике часто поддерживалась широким распространением проституции, регулируемой в большинстве европейских стран посредством лицензированных борделей.

Делать обобщения в связи с отношением к сексу и сексуальному поведению всегда сложно не только в силу закрытости этой стороны жизни, но и в силу индивидуальных и классовых различий. Нет сомнения, впрочем, в существовании различных форм сексуальности во Франции XIX в. Реакция «модернистов» на общепринятые ценности была сложной. Некоторые были гомосексуалистами, другие — распутниками, третьи — отшельниками. То обстоятельство, что «рабочий класс», кажется, оставался свободен от некоторых предрассудков «буржуазной морали», вдохновляло отдельных бунтарей-модернистов на поиски союза с пролетариатом. К подобному союзу стремились, хотя по иным

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 219

причинам, также позитивисты, последователи Опоста Конта. Конт хотел установить «законы» — многие бунтари верили в «волю».

Существовали вполне очевидные культурные и социальные противоречия. Так, романтическая любовь, особенно идеализированная в прозе и поэзии в середине XIX в., находилась в столь же остром контрасте с мотором конкуренции, поддерживавшим продвижение частнопредпринимательской экономики по пути нарастающей индустриализации, как и с династической и аристократической семейной стратегией. В середине XIX в. в кругу среднего класса дом, возглавляемый *paterfamilias*, воспринимался как место отдыха от делового давления повседневной жизни, прежде всего — как место спокойствия. «Семья», утверждали в Британии в 1874 г., «это ячейка, на которой возникло конституционное правление, ячейка, вызывающая восхищение и зависть человечества... Возвращаясь домой после любых занятий или изматывающих дел, муж и жена, даже если они бедны, находят там *свой* мир, *свое* отдохновение, *свое* вознаграждение за многие заботы. Святость присутствует во всем этом».

Проблема, конечно, заключалась в том, и это были вынуждены признать все исследователи-«реалисты» (а между «реализмом» и «модернизмом» существует связь), что такими были далеко не все дома. В первую очередь Ибсен писал о склонности мужей относиться к своим женам и даже детям как к собственности, в лучшем случае — как к куклам в кукольных домиках. В большинстве стран, на севере или юге, западе или востоке, женщины с трудом обретали права собственности и право на развод (если это вообще было возможным) на основании жестокости или измены мужей. Несмотря на растущее движение за права женщин, вплоть до конца XIX в. муж все еще оставался «господом творения», обычно возглавляя большую семью. Детей было так много, что одна викторианская максима, которую помнят до сих пор, гласила: «Маленьких детей должно видеть, но не слышать». Детская смертность оставалась высокой, следовательно, смерть маленьких детей была обыденным явлением. Христиане считали тихих детей «ангелами», но хотя в последние годы XIX столетия народное христианство все еще сохраняло свою силу, многие люди, никогда не слышавшие о Ницше, уже не находили в религии никакого утешения.

Острый интерес вызывал у «современных писателей», например у британского романиста Сэмюэла Батлера, смысл (иногда «бессознательный») авторитарных отношений в семье.

Разумеется, такой же интерес испытывал к этому Фрейд. На протяжении всего периода, как Отцом семейства (лат.). — Примеч. пер.

220 ГЛАВА 5

показал Стюарт Хьюз в своем исследовании «Сознание и общество», росло увлечение «бессознательным». Ни одно другое увлечение не подорвало в такой степени основы либеральной и позитивистской философии середины XIX в. Характерно, однако, что сам Фрейд, выросший в венском буржуазном окружении поздней Габсбургской империи, сохранил либеральную веру в терпимость и позитивистскую веру в науку.

«Хорошее ведение хозяйства», будь то в Вене или в Лондоне, требовало большого количества вышколенной домашней прислуги. Несмотря на эпизодические газетные кампании против подобной практики, в прислуге никогда не было недостатка (пусть ей и приходилось больше платить) вплоть до первой мировой войны. Во всех странах семьи делились по своему статусу в зависимости от того, имели ли они домашнюю прислугу, а если имели, то в каком количестве.

Дома представителей рабочего класса, не имевших прислуги, могли быть «уважаемыми» — хотя к тому времени этот эпитет пошёл, — но не более того. В середине XIX в. в домах среднего класса

было полно вещей, и до 1914 г. там произошли заметные перемены, в том числе и в количестве членов семьи; семьи среднего класса стали уменьшаться еще до того, как начали сокращаться семьи рабочих.

Когда в восьмидесятых — девяностых годах чрезмерное количество вещей стало раздражать, это также стало признаком «современности». В архитектуре наметился протест против «монотонных» георгианских канонов вкуса*. В девятисотых годах заметным признаком перемен стали изменения в облике самих домов, особенно в Германии. Арбитры вкуса середины XIX в., это разнородное сообщество, получившее огромные возможности, когда были отброшены правила XVIII в., давали теперь иные советы. По мере того как в доме оказывалось все больше «новых вещей», рос протест против характерного для середины XIX в. пристрастия к массивной, обильно декорированной и долговечной мебели. Постоянство было тем, что модернисты больше всего презирали. Впрочем, роскоши хватало. На фоне усиливавшегося беспокойства философов и художников не прекращалась погоня за благополучием и материальным процветанием. Не оказала здесь влияния и популярность социалистических идей, сопутствовавшая скачку в экономическом развитии Европы.

Плутократия переплелась с аристократией. Эдвардианская Британия из всех сил стремилась не быть викторианской по духу. Не помо-

* Эпитет «георгианский» относится к художественному стилю периода правления трех королей Георгов (1714–1811). — *Примеч. пер.*

МОДЕРН И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ 221

тала даже широкая огласка «скандалов», как было, например, в Германии Вильгельма II — обществе, полном социальных противоречий. Наиболее знаменитым скандалом стало дело Мольте против Гардена, рассматривавшееся в ходе шести процессов, первый из которых состоялся в 1907 г. Оно вскрыло сеть гомосексуальных связей в армии и непосредственном окружении императора.

В осознавших себя современными обществе и культуре царил политическое раздвоение: одни модернисты все больше сдвигались на революционный левый фланг, другие — на радикальный правый. Французскому критику разума Жоржу Сорелю, многим обязанному Марксу, удалось одновременно смотреть в обе стороны, и в этом он был не одинок. Отвергая либерализм избирательной урны и требуя прямого действия в виде всеобщей стачки, Сорель искал «мифы действия». Непосредственно накануне «Великой войны» 1914—1918 гг., которой было суждено изменить ход истории, возникла беспокоящая озабоченность насильем, внутренним и внешнеполитическим. Так, молодой британский философ Бертран Рассел, глубоко интересовавшийся математикой и новыми науками, писал о «варварском пласте в человеческой природе, неудовлетворенном действием» и находящем «выход в воображении». Расселу не пришлось долго дожидаться этого действия; и когда время его пришло, оно ему совсем не понравилось.

Примечания

¹ Цит. по: Bruley E., Dance E.A. A History of Europe. Leyden, 1960. P. 9.

² Цит. по: Tiltson G. A View of Victorian Literature. L., 1978. P. 1.

³ Wallace A.R. The Wonderful Century. L., 1898. P. 2.

⁴ Весь спектр определений см.: Furst L.R. Romanticism. L., 1968.

⁵ Об изменении в употреблении термина см.: Furst L.R. Romanticism and Revolt. L., 1967.

⁶ Цит. по: Briggs A. William Morris: Selected Writings and Designs. L., 1962. P. 13.

⁷ См.: Schorske C.E. Fin de Siecle Vienna, Politics and Culture. L., 1980.

⁸ Цит. по: Eirt & che P. Reading Berlin 1900. L., 1996. P. 7.

⁹ Цит. по: Lees A. Cities Perceived, Urban Society in European and American Thought, 1820–1940. L., 1985. P. 172, 164.

¹⁰ См.: Niebert E.N. The Transformation of Physics // M. Teich, R. Porter (eds.), Fin de Siecle and its Legacy. L., 1990. Ch. 12.

Глава 6

Европейская гражданская война, 1914–1918

«Германия объявила войну России. После обеда школа плавания»*. Именно так в жаркую первую неделю августа 1914 г. написал о начале первой мировой войны чешский писатель Франц Кафка. Его флегматичная дневниковая запись контрастирует с шовинистической реакцией на объявление войны в большинстве европейских столиц. В последние дни Сараевского кризиса в Берлине, Санкт-Петербурге, Вене, Лондоне и Париже собирались толпы, по сути приветствовавшие рост международной напряженности и становившуюся неизбежной войну. В Берлине толпа, с нетерпением ожидавшая новостей о сербском ответе на ультиматум Австро-Венгрии штурмовала фургоны с «*Tagliche Rundschau*»**. Отказ Сербии выполнить австрийские требования был встречен радостными возгласами на берлинском диалекте: «*Etjeht los!*» («Началось!»)***. За кри-

тические выходные дни 1-2 августа в Берлине было спешно заключено около 2 тыс. браков. Когда ректор Кильского университета произнес страстную речь по поводу объявления войны, в армию записались почти все студенты.

Пытаясь понять глубинный смысл поведения толпы, историки обнаружили помимо массового военного энтузиазма и другие эмоции, в том числе чувство страха, панику и просто любопытство.

Движимые

* Рус. пер. цит. по: *Кафка Ф.* Соч. Т. 1-3. М. -

Примеч. пер.

** «Ежедневное обозрение» («аи»). — *Примеч. пер.*

*** На литературном немецком это звучало бы: «Es geht los!»

222

Харьков, 1995. Т. 3. С. 436. -

Примеч. ред.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 223

желанием сохранить имеющееся (Британия, Австро-Венгрия), возродить запятнанную честь (Франция, Турция, Россия) или обеспечить

славное будущее (Германия, Сербия, Италия) граждане, подданные и правительства в едином порыве жаждали войны. Международные связи были прерваны. Мировое социалистическое братство потерпело крах, когда большинство социалистов, в том числе влиятельные французская и германская партии, решили поддержать свои правительства, а не внимать благородным антивоенным призывам, обращенным друг к другу. Этот энтузиазм частично — но лишь частично — можно объяснить распространенным убеждением, что война продлится лишь несколько месяцев. Многие военные стратеги были менее уверены в быстром разрешении конфликта, но в то же время считали, что государство сумеет финансировать длительную войну — и не смогли предугадать необходимости крупномасштабных государственных займов как у своих граждан, так и за океаном. (В финансировании этой войны налоги сыграют относительно небольшую роль.) Богатый боевой опыт Крымской войны, гражданской войны в США и англо-бурской войны показывал, что подобный мировой пожар выльется в длительную и ожесточенную схватку. Допущенный просчет навсегда изменил Европу. Пятьдесят один месяц, 9 млн жизней и окончание войны в ноябре 1918-го, а не к Рождеству 1914 г., как предсказывали накануне, — таков был ее итог.

Заря «тотальной войны»

Пятого августа Британия в условиях провозглашенного Бельгией нейтралитета и, что более существенно, опасаясь германской гегемонии в Европе, присоединилась к воюющим государствам — Франции, России, Германии, Сербии и Австро-Венгрии. Таким образом, налицо был первый масштабный конфликт после наполеоновских войн, в который оказались вовлечены все крупные европейские страны. В течение более чем десятилетия они были расколоты на противоборствующие лагеря — Центральные державы против Антанты. В ходе войны, впрочем, на стороне Центральных держав выступили также Турция — новый союзник Германии и Болгария — бывлой протеже России. В то же время Япония и Соединенные Штаты присоединились к Антанте, равно как Италия (после Лондонского договора 1915 г.). Затем это сделали независимые государства Латинской Америки, Китай и Сиа́м (позднее получивший название Таиланд). Некоторые из этих стран, подобно Италии, вступили в войну потому, что участие в конфликте казалось

казалось

224 ГЛАВА 6

им менее опасным, чем нейтралитет. Важные долгосрочные последствия для Европы имело вступление в войну неевропейских государств, особенно Японии и Соединенных Штатов. Участие в войне США радикальным образом изменило баланс сил в мире XX века.

В войне были активно задействованы солдаты из далеких колониальных владений: сенегальцы и зуавы служили во французской армии, индусы — в британской. Важное место в армиях Романовых и Габсбургов занимали различные народы России и Австро-Венгрии. В германской армии сражались поляки и датчане. Несмотря на этническую пестроту, этот конфликт в основном, особенно в начале, являлся европейской гражданской войной между странами, которые либо уже прошли индустриализацию, либо находились на этом пути. Парадоксально, что именно природа европейской индустриализации привела военных стратегов к выводу, что война закончится быстро, подобно прусским победам XIX в. над Австрией и Францией. Военные полагали, что железные дороги ускорят перемещение людей на фронт, пулеметы станут мощной наступательной силой, а мощные корабли и артиллерия с ходу опрокинут врага. Скорость атаки была ключом к германскому плану Шлиффена, от реализации которого зависело начало войны. Его смысл заключался в молниеносном ударе и решающей победе на Западном фронте, за которой

последовал бы поворот на Восток и противоборство с огромными, но малоподвижными русскими армиями. План предполагал стремительные действия. Согласно Альфреду фон Шлиффену, «вся Германия должна броситься на *одного* врага, наиболее сильного, могущественного, опасного, и таким может быть только Франция». В противовес этому природа стоявшей за войной промышленности привела к тому, что конфликт стал кровавым и длительным, а успехи наступлений на Западном фронте чаще измерялись дюймами, а не милями.

Экономический рост Европы, обеспечивший процветание этого континента, также создал ресурсы и организационный потенциал, необходимые для набора массовых армий, которые можно было в крупном масштабе снабжать промышленной продукцией. В то же время граждане, выплачивая налоги, могли внести существенный вклад в финансирование войны, а также выдержать снижение жизненных стандартов, не будучи поставленными на грань физического выживания. Именно промышленный и социальный прогресс определил, что война станет длительной и протянется свыше четырех лет. Ни одна страна не смогла вести войну так, как рассчитывала.

Бурное развитие европейской тяжелой промышленности (металлургия, машиностроение, химия и энергетика), особенно после 1870 г.,

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 225

помогло обеспечить экономическое господство Европы, и ее достижения активно применялись в ходе военных действий. С 1870 по 1914 г. количество вооружений в Европе выросло примерно на 300%. Теперь европейские державы могли куда эффективнее уничтожать врага. Возросло и количество европейцев, которым предстояло убивать друг друга. В 1800 г. население пяти основных воюющих сторон (Британии, Германии, Австро-Венгрии*, Франции и России) составляло около 98,8 млн человек, к 1910 г. оно возросло до 355,5 миллиона. Основным оружием пехоты в 1914 г. была скорострельная винтовка с пяти-, шести- или восьмизарядным магазином. Усовершенствованные пулеметы также резко увеличили силу огня. Нововведения в химической промышленности заменили использовавшийся столетиями черный порох более эффективной взрывчаткой, основанной на нитроглицерине, технология получения которого была разработана химиком Альфредом Нобелем в 1866 году.

Уже к сентябрю 1914 г. Британия и Франция стали закупать жидкий хлор для производства ядовитых газов. Технология химической войны быстро развивалась от хлора к фосгену и иприту. Немцы были первыми, кто широко и методично начал использовать ядовитые газы. Другим немецким нововведением на поле боя стали огнеметы и окопные минометы. Обвиняемые британскими военными в «варварстве», «боши»** быстрее французов и британцев научились использовать новые сложные машины, такие как танки и подводные лодки. Танки, впрочем, впервые были изготовлены и испытаны в бою британцами в 1916 г. Германские инженеры в свою очередь трансформировали голландскую идею XVII в. о подводных судах, оснастив свои подлодки в 1906 г. дизельным двигателем внутреннего сгорания. Большие немецкие дирижабли, цеппелины, названные так по имени их изобретателя графа Фердинанда фон Цеппелина, угрожали Лондону начиная с первой атаки в июне 1915 года.

Тем не менее ошибочно рассматривать эту войну как вполне современный конфликт. Продолжали применяться и испытанные способы ведения войны, с трудом сочетавшиеся с новыми. Роль «старомодных» средств транспорта — ослов, мулов, лошадей, в первую очередь лошадей, — все еще была существенной, хотя сотни тысяч людей в кавалерийских дивизиях напрасно ждали решительных схваток, характеризовавших европейские войны наполеоновской эпохи. В войнах

* То есть территории будущей Австро-Венгрии. — *Примеч. пер.*

** Так в Британии и Франции презрительно называли немецких солдат. —

Примеч. пер.

226 ГЛАВА 6

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 227

XX в. кавалерии отводилась менее романтическая роль военной разведки, а лошадям — роль транспорта. Военная гордость зачастую упрямо противилась переменам, даже в униформе. Для защиты своих войск в бою британцы уже заменили ее цвет на хаки, а германцы перешли от «берлинской лазури» к серому. Французская же армия в 1914 г. носила все те же голубые мундиры, красные кепи и красные штаны, как и в 1830 г. Если бы французский солдат стал менее заметным на поле боя, это спасло бы многие жизни, но, как писала «*Echo de Paris*»*, отказ от красных штанов «несовместим с французским вкусом и военной службой». Окончательный вердикт был вынесен французским военным министром: «Отменить красные штаны?.. Никогда! *Le pantalon rouge, c'est la France*»**.

На протяжении первых месяцев войны хорошо подготовленная Германия, казалось, захватила

инициативу в выборе методов, тактики и средств войны. Но по мере развития военных действий, когда стала необходимой мобилизация ресурсов всей нации в «тотальной войне» (термин ввел в широкий оборот германский генерал Эрих фон Люден-дорф в двадцатых годах), эта инициатива была утрачена. Кому суждено было стать «победителями», а кому «побежденными», определяли прежде всего экономическая мощь, общественная сплоченность и политическая стабильность каждого государства и его союзников, а также поддержка Соединенных Штатов. Для Соединенных Штатов это стало «Мировой войной № 1», за которой последует и с которой будет контрастировать «Мировая война № 2».

Как вести войну?

План Шлиффена провалился, когда французские и британские войска остановили первоначальный германский натиск от Бельгии на Париж. К ноябрю 1914 г. подвижная война захлебнулась — войска Антанты и Центральных держав окопались в траншеях, протянувшихся по всей Северной Франции. Технические достижения определили, что война, вопреки ожиданиям, будет в основном оборонительной, хотя вплоть до 1917 г. большинство политиков и стратегов не оставляли надежды, что одним успешным наступлением можно повернуть ход конфликта в свою пользу. В то же время европейские правительства, в отличие от периода второй мировой войны, медлили с разработкой стратегии

* «Эхо Парижа» (фр.). — Примеч. пер.

** «Красные штаны — это Франция!» (фр.). — Примеч. пер.

затяжного военного противоборства. Контроль над людскими ресурсами — мужчинами (для армии), женщинами (на фабриках и в полях) был плохо организован и имел краткосрочный характер, а то и вовсе не осуществлялся. Австро-Венгрия, Османская империя и Россия заплатили высшую цену за неудачу в управлении «военной экономикой», испытав не только поражение, но и политическую революцию.

Эволюция британской политики по отношению к войне представляет типичный пример того, как конфликт «выходит за рамки» ожиданий политиков, кадровых военных и простых людей. Когда летом 1914 г. либеральное британское правительство решило воевать, его непосредственными целями было восстановление нейтралитета Бельгии и спасение Франции и России от подчинения господству Центральных держав. Однако отделенные Ла-Маншем от континентальной Европы британцы с самого начала с подозрением относились к долгосрочным амбициям не только врагов, но и союзников. Опыт XIX в. научил британские правительства остерегаться русской экспансии на Востоке (Крымская война, имперское соперничество в Азии) и французского колониализма на Востоке и Юге. Следовательно, британское правительство желало, чтобы будущее мирное урегулирование не только бы укротило Германию, но и воспрепятствовало чрезмерному усилению России и Франции, при котором те могли бы угрожать Британской империи.

Подобно Центральным державам, союзники по Антанте сотрудничали в самых разных областях — военной, политической, морской и экономической. Британия полагала, что главное бремя сухопутной войны должны нести Франция и Россия, тогда как вклад *BEF* (*British Expeditionary Force* — Британских экспедиционных сил) должен быть ограниченным. Роль Британии в войне заключалась бы, как и в ходе войн против революционной Франции и Наполеона, в использовании своей огромной морской мощи для блокады Центральных держав и одновременно в финансовой поддержке союзников. Нужно было добиться «максимальной победы» «минимальной ценой». Уже к декабрю 1914 г. стало ясно, что подобная стратегия совершенно нереалистична. Франция и Россия не могли воевать без широкомасштабной военной помощи, и русские едко шутили, что «британцы готовы сражаться до последнего русского солдата». И так, к декабрю 1914 г. британцы, а впоследствии и войска Британской империи (включавшие канадцев, австралийцев, новозеландцев и индийцев) увязли в боях на Западном фронте. Первые месяцев войны оказалось достаточно, чтобы развеять любые иллюзии насчет быстрого исхода конфликта.

L

Ход войны

Потери в первой фазе войны были огромными: уже к концу 1914 г. в «пограничной войне» Франция и Германия потеряли около 600 тыс. ранеными и пропавшими без вести и свыше 300 тыс. убитыми. В обеих странах горе пришлось почти в каждую семью. Встали проблемы тылового

обеспечения — не хватало боеприпасов, — и появилась глубокая тревога в связи с долгосрочным снабжением продовольствием гражданского населения. Вдобавок к этим трудностям распространялось знание ужасной реальности окопной войны. Непрекращающийся дождь — декабрьский уровень осадков был рекордным с 1876 г. — сделал поля сражений непроходимым грязным болотом. В борьбе за выживание водяные насосы, шланги, саперные лопаты и кирки сделались столь же важны, как ружья и боеприпасы.

Ужасы окопной войны продолжались и прочно закрепились в памяти. Первая битва на Марне (сентябрь 1914 г.), битва за Ипр (апрель-май 1915 г.), бои за Верден (февраль-ноябрь 1916 г.), сражение на Сомме (июнь—ноябрь 1916 г.) и возвращение французами верденских укреплений в декабре 1916 г. — все эти события разворачивались на невероятно малом пространстве. Битва на Сомме и третье сражение Ипрской кампании у Пасхендала (1917) в равной степени запомнились как особенно кровопролитные и бессмысленные. Их результаты были незначительными, а потери крайне высокими как среди офицеров, так и среди солдат. Смерть несли пули, шрапнель, газы, снаряды, а под Пасхендалем люди ко всему еще тонули в грязи. В то же время в воздухе были возможны индивидуальные подвиги, породившие единственный контрастирующий с общей картиной образ войны — голубое небо и бесстрашных «асов», вроде прусского аристократа Манфреда фон Рихтгофена.

Вдали от Западного фронта прелюдией к последующим событиям стали поражения России под Танненбергом (в августе 1914 г., когда немцы захватили свыше 100 тыс. русских пленных), на Мазурских озерах (ноябрь—декабрь 1914 г.) и неудачи в ходе зимней кампании в Карпатских горах. Именно на Восточном фронте завоевали славу германские генералы Эрих фон Людендорф и Пауль фон Гинденбург, которым суждено будет сыграть важную роль в послевоенной истории Германии. Тогда же в войну вступила Османская империя.

Решение Турции присоединиться 31 октября 1914 г. к Центральным державам также несколько отвлекло внимание от Западного фронта. Это решение было принято после того, как младотурки отвергли

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 229

запоздалое (конец августа) предложение Британии, Франции и России дать Османской империи гарантии от нападения в обмен на ее нейтралитет. Направленная в 1913 г. в Константинополь германская военная миссия заложила основы германско-турецкого союза. Находившаяся там с более раннего времени британская морская миссия по ряду причин потеряла свое влияние. Когда в устье Дарданелл британцы перехватили турецкий торпедный катер с немецкими солдатами на борту, судну было приказано возвращаться в Турцию; в ответ германское командование турецкими укреплениями в Дарданеллах перекрыло вход в пролив. Закрытие свободного прохода через Дарданеллы само по себе представляло *casus belli**, но лишь 30 октября британский, русский и французский послы в Константинополе направили младотуркам ультиматум с требованием дать ответ в течение двенадцати часов. Когда он был оставлен без ответа, началась война. До 1914 г. Турция потеряла большую часть своих европейских и некоторые азиатские владения, а к концу войны она утратит все то, что еще оставалось. В итоге наметятся границы будущих государств Ближнего Востока — Палестины, Сирии, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена. Однако в 1919 г. вступление Турции в войну сильно осложнило положение Антанты. Закрытие Дарданелл сделало невозможным поставки в Россию. Для Британии вмешательство Турции создавало угрозу нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Серьезную потенциальную опасность для Британской империи представляли также мусульманские восстания в Месопотамии, Персии и Афганистане.

После того как англ о-французские усилия на Западном фронте завершились кровопролитным патом, британцы при горячей поддержке Уинстона Черчилля, тогда первого лорда Адмиралтейства, предприняли сомнительную попытку морского нападения на Дарданеллы. В апреле 1915 г. армия Британской империи высадилась на Галлипо-лийском полуострове. Неудача первой попытки побудила высадить в августе того же года второй десант в бухте Сувла, что также не дало ожидаемых результатов. После нескольких недель нерешительных действий, сопровождавшихся большими потерями в кораблях и живой силе — в особенности в австралийских и новозеландских войсках, — союзные силы были сброшены турками в море и вынуждены отступить. Таким образом в начале 1915 г. союзники, по словам военного министра лорда Китченера, поняли, что, «к сожалению, они вынуждены вести войну так, как приходится, а не как бы им хотелось». К 1915 г. Британия, подобно Франции и России, также поставила под

Повод к войне (лат.). — Примеч. пер.

ружье большую сухопутную армию, набранную по призыву. После военных неудач на Западном фронте при Нев-Шапель, Фестюбере, Аррасе и Лоосе державы Антанты осознали наконец необходимость координирования военных планов. Несмотря на это, 1916 год оказался для союзников столь же мрачным, что и 1915-й. Под командованием Анри Филиппа Петэна, незадолго до этого получившего генеральское звание, они выдержали интенсивное и решительное германское наступление под Верденом, осуществляемое под руководством генерала Эриха фон Фалькенхайна, однако потери сторон составили около 800 тыс. человек.

Война в Восточной Европе сохраняла более маневренный характер, чем война на Западе, хотя главной причиной было то, что менее развитая сеть железных дорог ограничивала возможность воюющих сторон быстро подтягивать резервы, чтобы противостоять неприятельскому наступлению. В октябре 1914 г., например, русским потребовался месяц, чтобы переместить 18 дивизий из района восточнее Кракова в район к югу от Варшавы. Подобные перемещения войск на Западном фронте были делом нескольких дней. Впрочем, в стратегическом смысле бои на Востоке не так уж сильно отличались от боев на Западе, поскольку войска в наступлении неизбежно отрывались от своих коммуникаций, тыла и резервов, и оборонявшаяся сторона легко могла собрать силы для контратаки.

Типичным примером неумелых действий «старой» русской армии (в отличие от «новой армии» во главе со «здравомыслящими специалистами», появившейся летом 1916 г.) было наступление у озера На-роч в 1916 г. Оно было начато весной (18 марта), и солдаты столкнулись с чередованием сильных заморозков и оттепелей. Лед таял, дороги и поля превращались в трясину. Перевозка тяжелого снаряжения оказалась невозможной, ведение стрельбы усложнилось, маскировка была затруднена: 20-й корпус застрял в болотистых землях в зоне видимости германской артиллерии. Немцы к тому же располагали разведывательными данными о наступлении еще за две недели до его начала. Русские потеряли свыше 100 тыс. человек, а также 12 тыс. погибших от морозов*. Немцы потеряли 20 тысяч. Это страшное поражение обрекло русскую армию на пассивность. Русские генералы доказывали, что если такие усилия и ресурсы ничего не дали, следовательно, для успеха необходим гигантский рост поставок боеприпасов. Даже гений генерала Алексея Брусилова не смог спасти положение России.

Начатый 4 июня 1916 г. Брусиловский прорыв стал

* В отечественной литературе принята цифра потерь в 90 тыс. человек. — *Примеч. пер.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 231

наиболее успешной кампанией русской императорской армии. Храбрость русского солдата дополняли достаточные поставки снаряжения и продовольствия, хорошая координация действий командования и грамотное использование коммуникаций, что дало возможность вовремя захватить необходимые плацдармы. Но сохранить наступательный порыв не удалось, и к следующему месяцу наступление выдохлось. Вскоре Центральные державы вновь вернули себе Галицию — потерянные в июле польские владения Габсбургов. В сентябре 1916 г. немцы вошли в Ригу*.

В 1915-1916 гг. в войну вступили другие государства — Италия, Болгария, Греция и Румыния. В 1916 г. в войну вступила и Япония, которая не оказала воздействия на события в Европе, но ликвидировала морскую угрозу со стороны Германии, расширила свое влияние в Китае (особенно в Манчжурии) и увеличила расходы на вооружение, что пришлось по душе тем, кто хотел видеть Японию мировой державой. Надежды на «одно решающее наступление», которое станет поворотным пунктом в конфликте, таяли. Война стала борьбой на истощение — этой «последней надежды» парализованной стратегии. Ресурсы были жестко ограничены. Союзники, испытывавшие, как и Центральные державы, растущее давление изнутри, были спасены вступлением в войну США в апреле 1917 г. Соединенные Штаты с их, казалось, безграничными запасами сырья, промышленных товаров, займов и человеческих ресурсов были единственной страной, которая могла положить конец патовой ситуации европейской войны.

Люди в окопах

Для сражавшихся в окопах людей война несла ужасы, далеко превосходившие воображение политиков горячего лета 1914 \\\ Войдя в память как «Великая война», она сформировала стандартный образ массовой войны, живший в сознании до того, как спустя приблизительно 30 лет появилось атомное оружие. Сети связанных между собой окопов, колючая проволока и гранаты, «оглушающий артиллерийский обстрел», длинные цепи атакующих солдат, движущихся навстречу огню пулеметов; в наступлении люди оказывались не защищенными практически ничем. Британскому солдату в окопе казалось, что наступающие немцы «падают, как мишени в тире». А вот как описывал атаку солдат Антанты немецкий пулеметчик:

* Рига была занята немцами в сентябре 1917 г. — *Примеч. ред.*

232 ГЛАВА 6

Офицеры шли впереди... Я заметил одного из них, шедшего хладнокровно, с тростью в руке. Когда мы начали стрелять, нам нужно было только заряжать и перезаряжать [оружие]. Они падали сотнями. Целиться было не нужно, мы просто стреляли в них.

Хватало и других ужасов. При взятии затопленной траншеи один француз пошутил: «Все хорошо, пока нас не торпедируют немецкие подлодки». Обыденностью стали страшные увечья товарищей по оружию и расчлененные трупы. Солдаты старались закапывать разлагавшиеся тела в грязь, и подчас куски тел оказывались в мешках с песком — из них иногда неожиданно вываливались человеческие руки. Гниющие трупы привлекали вшей и крыс размером с кошку. Единственным, что избавляло от паразитов, были газовые атаки, однако они имели печальный побочный эффект — гибли люди. Грязь стала постоянным спутником человека на фронте. Срок службы в окопе обычно длился трое - четверо суток. Затем следовало примерно такое же время пребывания в резерве перед возвращением на фронт — и только там люди могли помыться, сменить белье и отдохнуть. Для войск, стоявших за линией фронта, главной чертой войны была скука.

Неудивительно, что общественная нравственность падала. В 1914 г. солдат лишили вина, женщин и песен, но к 1915 г. бордели стали обычной частью базовых лагерей.

В ходе войны разрыв между офицерами и нижними чинами существенно не сократился.

Довоенные европейские армии, в которых офицерская прослойка вербовалась из традиционных элит, а рядовые и сержанты зачастую были выходцами из самых низших слоев общества, не вполне воспроизводили структуру общества. Но даже когда на смену патриотическому добровольческому порыву пришел обязательный призыв, «классово ориентированные*» структуры выжили. Отчасти это справедливо и в отношении русской императорской армии, ставшей в 1918 г. Красной Армией под командованием Льва Троцкого*. Статус и привилегии офицеров подчеркивались различными способами: лучшее питание, более чистые землянки, отдельные столовые и кинозалы, отдельные бордели и более длительные отпуска. Для британцев расстояние между фронтом и родными краями было небольшим — офицер, получив отпуск, мог позавтракать в око-

* Народный комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий сумел привлечь на службу в Красную Армию значительную часть офицерского корпуса старой русской армии. — *Примеч. пер.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 233

пах, а обедать уже в своем лондонском клубе, однако психологическая дистанция была колоссальной.

При всех тяготах и неравенстве окопной жизни, ужасных жертвах миллионов людей во всей Европе и частым непониманием того, за что воюет каждое государство, встает вопрос: почему же солдаты продолжали сражаться? В отличие от идеологически мотивированных второй мировой войны (борьба союзников за либеральную демократию и свободу и держав оси за исполнение «предназначения нации») и «холодной войны» («коммунизм» против «свободы») — первой мировой недоставало существенного идеологического импульса, если не считать национализма и жертвенности. К концу войны огромное большинство солдат, участвовавших в противоборстве массовых армий, уже не были профессиональными военными. Это были армии сравнительно плохо обученных добровольцев и призывников, причем многие из последних так и не привыкли носить форму. Военная дисциплина не была чрезмерно строгой, хотя дезертирство каралось смертью, а ярлык «сознательный протест» нес с собой позорное социальное клеймо.

За исключением одного относительно незначительного инцидента на британской базе в Этапле, солдаты германских и британских войск до конца оставались верны присяге. В Австрии же явно ощущалась усталость от войны. Во Франции в 1917 г. после серии кровопролитных и бесполезных наступлений широкой волной прокатились солдатские бунты. В апреле — июне произошло 250 коллективных актов неповиновения, в которых в той или иной фёзде приняли участие две трети французской армии. В том же году с широкомасштабным дезертирством столкнулась бельгийская армия — число оставивших свой пост превысило 5 тыс. человек. Осенью того же 1917 г. целыми толпами дезертировали итальянцы. В России, испытывавшей силу политических беспорядков и наиболее резкое падение военной дисциплины, солдатские протесты вызывали самые обыденные вещи — качество пищи, цена на табак и регулярность увольнительных. Они были направлены, таким образом, против плохой военной организации, а не против самой войны. Часто считают, что реальность окопной жизни помогала притупить чувства и подавить казавшиеся бесполезными вопросы, а изнурительная неквалифицированная работа — копание отхожих мест, чистка оружия, приготовление пищи — оставляла мало времени для размышлений.

Было бы неверно считать, что солдат принуждали к повиновению только силой. Когда ослабли патриотические страсти, оставались чувство долга (английское «*duty*», французское «*devoir*», немецкое

принесенные жертвы. В наступательном порыве нередко проявлялась выдающаяся храбрость солдат. Маленьким чудом стало то, что при всех нечеловеческих условиях, в которых находились бойцы по обе стороны фронта, число ожесточившихся и отчужденных от общества ветеранов было еще довольно небольшим. Одни гордились своими медалями, другие — продвижением по службе. Многим из последних больше никогда не доведется занимать командных должностей. Некоторых вдохновляла задача описать «всю горечь» войны и после ее окончания воссоздать в прозе все ее ужасы. Писатели следующего поколения доказывали в свою очередь, что дорога к Холокосту началась бесчеловечной бойней первой мировой войны.

Война на море

Перед началом войны положение Британии как крупнейшей мировой державы и попытки Германии догнать ее вылились в захватывающее морское соперничество между двумя государствами. Общественный интерес к этой морской гонке не ослабевал вплоть до 1914 г. Британская публика ждала второго Трафальгара, быстрого разгрома, который Королевский флот, превосходящий по силе и исполненный боевого духа, воспитанного столетиями морского господства, нанесет германскому флоту-«выскачке». Но общественное мнение было разочаровано. Хотя Британский королевский флот численно превосходил германский — в августе 1914 г. он располагал 24 dreadnoughtами и строил 11, а у Германии их было лишь 15 и строилось еще 6 — ему не удалось одержать решающей победы. Боевые действия на море приняли тот же облик тупиковой войны на истощение, что и сухопутные операции. В Ютландском сражении в Северном море (31 мая — 1 июня 1916 г.), единственной значительной морской битве в войне, Королевский флот не стал бесспорным победителем, так как потерял больше людей и кораблей, чем немцы. Если же смотреть на вещи под другим углом, то Ютландское сражение было победой Антанты. После него германский флот оставался в гавани, где его боевой дух падал, а матросы в конце концов взбунтовались. Окончательно германский флот был уничтожен у Скапа-Флоу (Шотландия) в ноябре 1918 года.

В морской войне на истощение, означавшей блокаду поставок Центральным державам и обеспечение конвойной поддержки торговым кораблям Антанты, Королевскому флоту, несомненно, сопутство-

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 235

вал успех, Германия, в свою очередь, решительно прибегла к использованию подводных лодок (*U-Boot*, от немецкого *Unterseeboot*) — новому виду боевых действий, во многом неожиданному для британцев — пока сопротивление адмирала Джеллико системе конвоев не было окончательно преодолено в 1917 г. Хотя в первые месяцы у Германии было всего 39 подводных лодок, их тактическое значение и дешевизна по сравнению с надводными судами означали, что они вскоре будут господствовать в военно-морской стратегии. Переход Британии к системе конвоев оказался весьма своевременным, так как между 1914 и 1916 гг. общий тоннаж потопленных судов составил свыше миллиона тонн, а с объявлением Германией в 1917 г. неограниченной подводной войны положение Британии стало критическим. Топился каждый четвертый из пливших в Британию кораблей, а зерновых запасов в стране оставалось всего на девять недель. Даже после войны западноевропейская рыболовецкая промышленность продолжала страдать от подводной войны — в некоторых водах ловля сетями сделалась невозможной из-за большого числа затонувших кораблей на дне океана.

Зачем продолжать сражаться?

При очевидном тупике в ведении военных действиях вплоть до 1917 г. и страшных потерях людей и ресурсов кажется удивительным, что европейские правительства не предпринимали более согласованных действий во имя мирного урегулирования и завершения войны — как того желали американские государственные деятели, например полковник Эдвард Хауз. Первое, что должен был сделать любой участник боевых действий, чтобы заключить мир или хотя бы начать «переговоры о мирных переговорах», — это четко определить, за что он сражается — свои цели войны (английское *war aims*, французское *buts de guerre*, немецкое *Kriegsziele*). Но цели было крайне сложно определить, и по ходу войны масштаб их расширился. Это ясно видно по эволюции германских целей войны в 1914—1916 гг. — времени, когда Центральные державы в целом обладали инициативой в сухопутной войне. В 1914 г. цели формулировались как обеспечение безопасности Германской империи. Уже в 1914 г. было довольно сложно определить, что это означает, но в 1915 г., когда немцы заняли большие пространства Восточной Европы (в особенности Польши), пошли разговоры о Центральноевропейском таможенном союзе, или *Mitteleuropa**.

* Срединная Европа (нем.). - Примеч. пер.

236 ГЛАВА 6

Чем больше земель оккупировали Германия и Австро-Венгрия, тем более грандиозными становились их цели войны (а они не были одинаковыми у двух держав). В 1915 г. в Германии, как и повсюду, развивалось влиятельное неофициальное движение, выступавшее против компромиссного мира и за обширные аннексии. В это лобби входили германские князья,

консерваторы, свободные консерваторы и национал-либералы. В том же году 352 университетских профессора в числе прочих подписали «Петицию интеллектуалов», звавшую к «самому безжалостному унижению Англии». Под противостоявшей ей антианнексионистской петицией подписался лишь 141 человек. Таким образом, у Антанты или Соединенных Штатов почти не оставалось надежд на ускорение мирных переговоров.

Наиболее интересная попытка была совершена посредством тайной династической дипломатии последним габсбургским императором Карлом, восшедшем на престол в 1916 г. Весной 1917 г. он предложил поиски общего компромиссного мира. Этот шаг, впрочем, ни к чему не привел, а затем и нанес Габсбургам вред, когда в 1918 г. (к этому времени многое изменилось) Жорж Клемансо, радикал, ставший французским премьер-министром в 1917 г., раскрыл детали их предложения. Определить цели держав Антанты — как до Клемансо и Ллойд-Джорджа, так и при них — было не легче. Британия, Франция, Россия, Италия и Япония были соперниками в прошлом и, вероятно, остались бы соперниками в будущем. Следовательно, в рамках союза каждый участник надеялся извлечь собственные выгоды из войны, чтобы упрочить свои позиции. Разногласия существовали внутри отдельных стран. В Британии некоторые разделяли подход американского президента Вудро Вильсона, который считал, что мир будет либеральным по «тону» и национальным в отношении групп населения и границ. К примеру, лорд Лендсдаун, бывший консервативный министр иностранных дел и министр без портфеля в коалиционном правительстве, призывал к «реалистическому взвешенному подходу к целям войны», при котором цели войны должны быть соотнесены с ее огромными человеческими жертвами. Его сразу же осудили коллеги по кабинету, утверждавшие, что «только сумасшедшие, трусы и философы» могут говорить об условиях мира до полного разгрома врага. В России императрица также была известна своим резким неприятием компромиссного мира.

Подобный взгляд господствовал и во французских кабинетах Рене Вивиани (1914-1915) и Аристиды Бриана (1915-1917). В 1917 г. возникла политическая напряженность, когда социалисты в кабинете

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 237

Александра Рибо потребовали, чтобы французское правительство начало переговоры о мире с собратьями-социалистами по всей Европе. Это требование было резко и с успехом отвергнуто французскими правыми. Лишь в 1917 г., когда у власти уже находились Ллойд-Джордж и Клемансо, Британия и Франция оказались наконец в состоянии заявить о своих масштабных целях войны. Их пришлось, однако, переоценивать, после того как в России разразилась революция и в войну вступили Соединенные Штаты, где цели войны обсуждались широко. Вильсоновские «Четырнадцать пунктов» были впервые объявлены Конгрессу США 8 января 1918 года.

По мере продолжения кровавой схватки стало также ясно, что европейские цели войны все время менялись. Действительно, подобно союзам, которые все больше разделяли Европу перед войной, цели войны становились препятствием к миру, а не средством к его обсуждению. Столь же разрушительной для надежд завершить войну была склонность правительств вести себя, подобно завязтым игрокам, готовым азартно биться «что за пенни, что за фунт». Раз война уже велась, правительства оказались в паутине «растущих обязательств» — им нужно было решать, начинать ли следующее наступление в надежде на решающий прорыв и гарантированную победу либо же сокращать потери и вести переговоры о мире. Война способствовала притуплению чувств у политиков — было гораздо легче пожертвовать *новыми* 50 тыс. жизней после того, как первые 50 тыс. уже были потеряны. Только тогда, когда бойня прекратилась и военные страсти улеглись, выяснились окончательные выгоды войны в соотношении с ее ценой.

Церковь и война

В августе 1917 года Ватикан также тщетно попытался завершить войну, опубликовав против к миру папы Бенедикта XV. Помимо вполне очевидных гуманных причин этого шага, Римская католическая церковь стремилась окончить войну, заставившую католиков воевать друг против друга и подорвавшую власть Ватикана над его паствой. В Италии католическая церковь сделалась незаменимой опорой слабого государства, ведущего непопулярную войну.

Невиданное воодушевление, с которым многие священники приветствовали войну, часто поощряя своих прихожан продолжать бойню, серьезно ослабило положение христианских церквей всей Европы. Немецкий лютеранский пастор Филипп восклицал: «Вливайте сталь

238 ГЛАВА 6

в вашу кровь! Немецкие женщины и матери павших героев не должны терпеть сентиментального отношения к войне». На более обыденном уровне война сломала сложившийся порядок служения

мирян в церквях и часовнях. Некоторые миряне после войны больше не вернутся к своим когда-то постоянным церковным обязанностям.

На недолгое время смерть и страдания могли усилить духовные потребности, но в итоге они ослабили духовное влияние церкви. Связь официальной церкви с другими традиционными формами власти — армией и имперской монархией — была значительно подорвана войной, которая, как казалось поэтам и художникам, изгнала из Европы милосердие Господне. По словам английского живописца Пола Нэша, «нигде не видно ни проблеска Божьего промысла».

Европейские церкви еще до 1914 г. находились под угрозой интеллектуальных и социальных перемен — растущей урбанизации общества, движения населения, роста в Европе терпимости к нехристианским идеям, новых подходов к точным наукам и Библии. Теперь пришли новые испытания, особенно для местных приходских священников. Встречая их, некоторые священники уходили на фронт — полевое богослужение стало обыденной чертой военной жизни. Другие становились во главе благотворительной деятельности — обмена больными или ранеными пленными, возвращения перемещенных мирных жителей — и местных начинаний дома. В Италии, например, организация «Католическое действие» основывала крестьянские банки, газеты и помогала сельским кооперативам. В надежде обрести утешение и исцеление некоторые из жертв войны устремились в Португалию после видения в Фатиме в 1917 году*.

В ходе первой мировой войны существенно усилились коммунизм и крайний национализм — два других вызова церкви. Коммунисты, которые в 1917 г. захватили власть в России, давно рассматривали религию как «опиум для народа», средство подавления бедняков средними и высшими классами общества. Крайние националисты полностью отвергали христианское учение о том, что все люди на земле в равной степени суть дети Божьи, и утверждали, что некоторые народы явно стоят выше. В послевоенные десятилетия обе эти доктрины бросят вызов церкви, выдвигая новые обоснования преследованиям христиан.

* Речь идет о видении Матери Божьей, которая, по словам трех детей из деревни Фатима в Южной Португалии, предстала перед ними, предвещая скорый конец войны. — *Примеч. ред.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 239

Соединенные Штаты вступают в войну

Вступление Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты переломило ее ход. В 1914 г. американский народ, включавший множество иммигрантов первого поколения, рассматривал войну в Европе как вспышку безумия, и даже в 1916 г. решение об американском вмешательстве на стороне держав Антанты еще не казалось очевидным. Некоторые американские политики, как например государственный секретарь Уильям Дженнингс Брайан, полагали, что США играют особую роль в мире, основанную на их уникальной истории и, следовательно, должны оставаться в стороне от европейского конфликта, чтобы занять место беспристрастного посредника между воюющими сторонами.

Однако между 1914 и 1917 гг. постепенно росла американская поддержка Антанты, отчасти порожденная культурной близостью между Соединенными Штатами, Британией и Францией. Все три государства являлись демократиями и имели много общих интересов. Франция была старым союзником США, а британцы говорили с ними на одном языке. До войны Британия и Франция были важными торговыми партнерами Соединенных Штатов, а после 1915 г. стали ее большими должниками. Впрочем, на пути более решительных, чем просто сочувствие, действий имелись и препятствия. Королевский флот, как и в ходе войн против Наполеона, нарушал американский принцип «свободы морей»; и Британия, и Франция были колониальными империями; британская политика в Ирландии, особенно после Пасхального восстания (Дублин, 1916), отталкивала американских ирландцев; наконец, если оставить Британию и Францию в стороне, то Россия была самодержавной монархией. Более того, в американской жизни заметно выступал немецкий элемент. Одна пятая часть американского народа происходила из Германки или Австро-Венгрии. Но именно германское поведение в войне, особенно действия подводных лодок — потопление «Лузитании» (4 мая 1915 г.), когда погибло 124 американца, и «Сассекса» (24 марта 1916 г.) — повернуло общественное мнение против Германии.

В подготовке общественного мнения к войне свою роль сыграла и Мексика. В январе 1917 г. вновь назначенный германский министр иностранных дел Артур Циммерман уполномочил дипломатического представителя в Мексике предложить той союз с Германией в случае объявления Соединенными Штатами войны Центральным державам. Выдвигались такие стимулы, как возвращение потерянного в 1848 г.

Техаса. Британская морская разведка перехватила телеграмму Циммермана. Ее содержание угрожало традиционному принципу США — противостоять европейскому вмешательству в дела американского континента. Это германское вмешательство, за которым последовали объявление Германией 1 февраля 1917 г. неограниченной подводной войны* и отречение от престола русского царя Николая II, конечно, увеличили вероятность вступления США в конфликт.

В конечном счете именно стремление играть важную, если не ключевую роль в разработке условий мирного урегулирования вынудило президента-демократа Вильсона отказаться весной 1917 г. от своих пацифистских принципов и вступить в войну на стороне Антанты (6 апреля 1917 г.). «Война, — объявил он сенату, — это схватка между двумя несовместимыми системами государственного устройства». В этом заявлении содержался идеологический призыв. Для большей части американцев война стала священным крестовым походом.

Государства и народы в войне

Война не только навсегда изменила жизнь ветеранов — солдат и моряков, но также оказала глубокое влияние на тех, кто оставался в тылу. Иногда это воздействие кажется не столь значительным. Иногда оно было необратимым. В Бельгии, Северной и Восточной Франции семьи оказались разделенными, а немцы-оккупанты уничтожали или реквизировали имущество. Бельгия, оккупированная на более чем 50 месяцев, страдала от британской блокады — семьи искали пропитание, чтобы выжить. Средний дефицит калорий составлял в Бельгии свыше 56%, в Британии же этот показатель равнялся только 3,5%. Говорят, что когда промышленный город Лилль был окончательно освобожден, в большинстве домов не имелось матрасов.

Сложно оценить, в какой степени социально-политические перемены стали итогом войны, а в какой степени война лишь ускорила тенденции, существовавшие до 1914 г. Некоторые перемены оказались непредвиденными, тогда как другие стали следствием управления национальными ресурсами в невиданном прежде масштабе. Теперь считалось, что каждому мужчине, каждой женщине и иногда даже ребенку должно найти свое применение. Политики также приняли на себя новую административную и социальную ответственность, далеко выходящую за рамки их довоенной деятельности: они

* Это означало, что нападению подвергались и нейтральные суда. — *Примеч. пер.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 241

занимались организацией рабочей силы, промышленного производства и распределения, нормировали питание, заключали соглашения с профессиональными союзами, стремились контролировать доступ к информации, занимались пропагандой, брали кредиты и в итоге облагали общество чрезвычайно высокими налогами.

Серьезнейшим испытанием для правительств зимой 1914 г. стала необходимость мобилизовать достаточное число мужчин для быстро растущих армий, а затем организовать нужное количество рабочей силы (женщин, рабочих, переведенных из несущественных отраслей в ключевые), чтобы поддерживать жизненно важное промышленное производство военного времени. В течение нескольких месяцев индустрия поглотила огромную массу безработных, и правительства всей Европы столкнулись с острой нехваткой рабочих рук. Этот поиск работников сильно изменил европейское общество. Имевшие работу стали зажиточнее, как и те, кто владел фабриками, к примеру промышленные династии Тиссенев, Круппов и Виккерсов, а благосостояние европейского землевладельческого класса оказались под угрозой. И в Британии, и в Германии деловых людей привлекали в правительство, хотя превращение политиков в управляющих созданной военной машиной так и не было окончательно завершено. Эта трансформация произошла не за одну ночь. В Британии большую роль в ней сыграл Ллойд-Джордж.

Одним из таких деловых людей, удачно привлеченных на государственную службу, стал немец Вальтер Ратенау, наследственный владелец одного из крупнейших европейских концернов — «*Allgemeine Elektrizitäts-gesellschaft*» (AEG), человек с амбициями писателя, философа и общественного мыслителя. Назначенный главой *Kriegsrohstoffabteilung* (Управления военнo-стратегического сырья), чтобы справиться с отчаянной сырьевой нехваткой — к октябрю 1914 г. продовольственные и топливные запасы Германии были почти истощены, — Ратенау создал сотни «военных компаний» для производства всех необходимых для войны материалов. Последовали суровые меры в отношении гражданских лиц — немецкий народ страдал от лишений, которых Британия не будет знать еще два года. В марте 1915 г. Ратенау вернулся к своим делам. Однако ему еще предстояло сыграть важную, хотя и недолгую роль в основанной после войны Веймарской республике,

Важными были не только достижения Ратенау в годы войны. Его сочинения, в особенности работа «Кои *kommenden Dingen*»*, изданная в Берлине в 1918 г., предвосхитили развитие европейского государства-

«О грядущих делах» (нем.). — Примеч. пер.

242 ГЛАВА 6

венного строя в XX в. Ратенау призывал так упорядочить экономическую и социальную жизнь общества, чтобы «уравнять» собственность и доходы. Некоторым наблюдателям идеи Ратенау казались близкими революционному коммунизму, но другие отмечали ту положительную роль, которую он отводил промышленности в открытии доступа к образованию и культуре. Его система, стремившаяся умерить явные пороки капитализма, предвещала отдельные стороны государственного корпоративизма, который возникнет в Европе после 1945 года.

В демократических Франции и Британии партийно-политические разногласия зачастую выплескивались на поверхность, когда война шла особенно плохо или когда считалось, что она идет плохо. Конституционное и этническое соперничество, а также партийная политика раздирали авторитарные Германию, Австро-Венгрию и Россию еще до осознания или близости поражения. Обычно в ходе войны правительства проходили три фазы: первый идиллический период «все, как обычно» (*business as usual*), затем время, когда они сталкивались с задачами, которые в 1914 г. никто не предвидел, а затем наступал третий период, когда под угрозой свержения или революции нужно было обещать послевоенную «реконструкцию».

В «войне на истощение» всем правительствам пришлось в невиданных прежде размерах занимать деньги и облагать подданных налогами. Франция делала крупные займы в Британии (3 млрд долларов) и Соединенных Штатов (4 млрд долларов), Британия занимала у Соединенных Штатов (4,7 млрд долларов), а Канада, Новая Зеландия и Россия брали кредиты и у Британии, и у Франции (11,6 млрд долларов). Германия и Австро-Венгрия меньше полагались на международные кредиты, так что у них не оставалось иного выбора, кроме как усиления налогового бремени, в особенности налогов на военные прибыли: в 1917 г. был установлен налог на прибыль в 60%. Более того, все государства выпускали правительственные облигации (к 1918 г. долг Германской империи составил 156,1 млрд марок, тогда как в 1914 г. он равнялся лишь 5,4 млрд марок) и печатали необеспеченные деньги, чтобы покрывать военные расходы.

Финансирование войны имело в длительной перспективе важные последствия для здоровья европейской экономики, но даже в ходе самой войны, когда широко внедрялся контроль над ценами, большая часть стран испытала значительную инфляцию, вызвавшую серьезные трудности. Во Франции индекс оптовых цен вырос со 100 в 1913 г. до 340 в 1918 г.; за тот же период аналогичный показатель в Германии достиг 415, в Британии — 227, а в Италии — 409. В России цены выросли примерно на 500%, и заработки, пусть и возросшие на 100% в 1914—

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 243

1918 гг., не поспевали за ними. Истоки гиперинфляции, потрясшей почти всю Центральную и Восточную Европу после 1918 г., зародились в военные годы.

Уровень общественного недовольства в различных странах Европы заметно разнился. В целом с этим испытанием лучше справились в Британии и Франции, чем в Германии, Австро-Венгрии и России. К примеру, 8 августа 1914 г. французское правительство заморозило ренту и стало оказывать помощь семьям, лишившимся основного кормильца, введя довольствие в 1,25 франка в день. Повсюду положение с продовольствием стало ключевым показателем успеха или провала военных усилий. В Германии говорили: «Когда жена старого Вилли [то есть кайзера] встанет в очередь за картошкой, война закончится». Зачастую именно женщины, молодые и старые, принимали на себя бремя забот о пропитании своих семей. В Британии Военное ведомство даже снимало немые фильмы, целью которых было показать людям, как экономить запасы еды и мыла. Напротив, в Вене, где социальные меры не предпринимались, бедным семьям приходилось искать еду среди отбросов и топить печи дровами из знаменитого Венского леса, где к концу войны оставалось лишь немного драгоценных «отборных деревьев».

У государственного вмешательства были свои парадоксы. Например, в то время как миллионы людей гибли в бессмысленных сражениях, жизненные стандарты рабочего класса в Британии и Франции выросли, улучшилось здоровье. Причиной во многом были увеличившиеся заработки. В Германии, Австро-Венгрии и России, напротив, серьезной проблемой в ходе войны стала нехватка продовольствия для городского населения. Окруженная и блокированная Германия в октябре 1914 г. ввела эрзац-хлеб из картофеля, а затем из брюквы. С начала 1915 г. обязательными стали продовольственные карточки на хлеб, жиры, молоко и мясо. Немецкое сельское хозяйство переживало упадок: трудоспособных работников забрали на фронт, а тех крестьян, что остались

дома, заставили отдать армии лучших лошадей, забить свиней*; причем для оставшегося скота кормов выделялось недостаточно. Когда в 1916 г. урожай оказался ниже официальных ожиданий на более чем миллион тонн, стало ясно, что немецкие пахотные земли истощены чрезмерной эксплуатацией. Даже реквизиции на захваченных территориях (например, в Польше, Румынии и на Украине) не могли компенсировать нехватку продовольствия.

* Массовый забой свиней был устроен потому, что свиньи поедают пригодное для людей продовольствие, в первую очередь картофель. —Примеч. пер.

|

244 ГЛАВА 6

В Австро-Венгрии также не хватало продуктов питания. Чешское и хорватское националистическое сопротивление и решение крупных венгерских землевладельцев придерживать большие запасы зерна, чтобы кормить свой скот, существенно способствовали уменьшению продовольственных резервов. В Италии, вступившей в войну в мае 1915 г., также упали доходы крестьян и размеры сельскохозяйственного производства — свыше 2,5 млн крестьян и батраков были призваны в армию. Возделывать поля остались лишь старики, женщины и подростки. Французские крестьяне, напротив, несмотря на падение общих объемов производства, повысили свои прибыли, так как могли диктовать более высокие цены. Некоторые даже воспользовались возможностью купить новое оборудование или скот.

В европейских городах неурядицы, вызванные войной, ощущались напрямую. Заметно выросли цены на еду и жилье. Но как мы видели, возник невиданный спрос на труд рабочих, увеличивший как покупательную способность рабочего класса, так и его политическое влияние. Это отразилось в изменении масштабов, характера и возможностей многих профсоюзов вести переговоры. К этим переменам, впрочем, некоторые из них были плохо готовы, например генуэзский и венский союзы рабочих промышленности, производящей боеприпасы. Квалифицированные мастерские утратили господство в наводненных теперь новыми рабочими профсоюзах, которым серьезно не хватало функционеров. В таких городах, как переименованный в Петроград Петербург, Милан, Турин и Берлин, радикально настроенные рабочие военной промышленности вопреки прямым указаниям профсоюзов иногда захватывали контроль над фабриками, чтобы огласить свои жалобы. Согласно утвержденному в 1916 г. плану Гин-денбурга (*Hilfddienstgesetz*), полномочия профсоюзов в области трудовых отношений были явно увеличены под бдительным взором германских военных. Воздействие войны на большую часть европейского среднего класса было катастрофическим — семьи, жившие на ренту, представители свободных профессий, уходившие в прошлое ремесленники и даже государственные чиновники сильно пострадали от нее. Когда глава семьи призывался на военную службу, его близкие зачастую оставались очень плохо обеспеченными, ведь их общественное положение и гордость не позволяли им просить пособия, которые тогда были введены. Представление, что рабочие явно больше получили от войны, чем средний класс, было особенно сильным в Германии.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 245

Несмотря на уравнительную власть смерти на поле боя, те вполне очевидные выгоды, которые извлек германский рабочий класс, породили теорию об ударе «кинжалом в спину»

(*Dolchstoßtheorie*). Уже в 1915 г. немецкий социолог Макс Вебер в своей пророческой работе предупреждал, что, хотя

«продолжение войны полностью является результатом... страха мира... еще больше люди боятся внутривойсковых последствий разочарования, которое неизбежно придет, если учесть господствующие теперь глупые надежды».

Эти «глупые надежды» будут преследовать послевоенную немецкую политику.

Во Франции также имелись предпосылки будущих бед. Срок военной службы представителей среднего класса зачастую был более длительным, чем у рабочих. Обладая более высоким уровнем образования, они нередко числились младшими офицерами запаса, что увеличивало риск пасть жертвой войны. Из-за потери отца многим семьям среднего класса часто было сложно восстановить после войны былое общественное положение.

Для всех людей, возвращавшихся домой, где бы они ни служили на фронте, адаптация к мирной семейной жизни выявила те поначалу незаметные перемены, что произошли в их отсутствие. Когда «стальной шторм» наконец утих, увечным пришлось бороться за выживание на мизерные пенсии по инвалидности — и многие браки, спешно заключенные в пожаре войны, были расторгнуты в мирное время. Отцы семейств чувствовали, что пока они отсутствовали, власть их ослабла, и часто стремились, иногда жестокими методами, вновь утвердить ее над своими женами и детьми. Один современник так описал своего отца:

Конечно, он пострадал от войны. Он болел малярией, и остаток дней его преследовали приступы лихорадки и тик тоже. Действительно его жалко было, беднягу. Но чем хуже он чувствовал себя, тем сильнее хотел, чтобы его слушались, и все мы еще больше его боялись.

Когда все закончилось, домой впервые в истории вернулось так много ветеранов, что это оказало невиданное прежде влияние на общественное восприятие войны. Европейцы больше не верили в господствовавшую в XIX в. идею Прогресса. Напротив, Европа погрузилась в «кровавую и мрачную бездну».

246 ГЛАВА 6

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 247

Женщины на войне

Первая мировая война круто изменила место женщин в европейском обществе. Женщины, обычно «незаметные» в политической и экономической истории Европы в мирное время, в годы войны, а особенно после нее добились весомых политических, экономических и социальных завоеваний. Этот прогресс, однако, был во многом скорее видимостью, чем реальностью. Ясно, что для некоторых представительниц среднего и высшего классов война стала отличной возможностью бежать из того душного мирка вязания, благотворительности и вежливых бесед, в котором их удерживали на протяжении почти всего XIX в. Еще раньше сестра милосердия Флоренс Найтингейл вспоминала, что (обеспеченные) женщины часто страдали от «накопившейся нервной энергии, которой не было выхода... каждую ночь они думали, что сходят с ума». Вклад одних «воспитанных дам» в борьбу за победу был ценнее, чем других. Храбрость медицинской сестры Эдит Кэвелл, убитой немцами за помощь британским раненым — наряду с немецкими, ярко противостоит деятельности леди Фанни Байрон, отправившей на Западный фронт партию футбольных мячей (с надписью: «Простые радости поддерживают высокую отвагу»). Она была убеждена, что этот «мужской» спорт был главной основой британского характера.

Уход за ранеными и умирающими стал самым непосредственным вкладом в войну женщин всей Европы. В Британии, например, Имперская сестринская служба королевы Александры выросла с 463 обученных сестер в августе 1914 г. до 7710 обученных и 5407 обученных частично или необученных сестер-добровольцев к концу войны. В жестоких полевых условиях эта профессия требовала большого мужества. До изобретения антисептической мази повязки на тяжело раненных в голову нужно было менять несколько раз в день. Но даже повседневная массовая бойня не истребила сочувствия к раненым в зачастую плохо обученных сестрах милосердия.

Война способствовала росту уровня жизни женщин, занятых в промышленности. Они поняли, что могут надеяться на такую работу и требовать таких заработков, о которых и не мечтали до войны. Но им все еще платили меньше, чем большинству рабочих-мужчин, а работодатели нередко шли на все, чтобы не заменять квалифицированного мастера работником-женщиной (профсоюзы одобряли такие шаги). Женщины производили боеприпасы (в Британии возникло слово «munitionettes»): во Франции они составляли четверть всего персонала военных заводов, а в Германии эта доля была еще выше. На военных

заводах Круппа до войны работало 2—3 тыс. женщин, а к 1918 г. их стало 28 тыс. По оценкам, в России к 1917 г. женщины составляли почти 44% рабочей силы. Женщины также были заняты на транспорте в качестве автобусных кондукторов или служащих железнодорожных станций, в сельском хозяйстве и на многих других работах, прежде исключительно мужских. Но женскими в итоге стали очень немногие виды деятельности.

В ходе войны и особенно после нее женщины в основном продолжали работать сестрами милосердия, домашней прислугой, секретаршами и школьными учительницами. В 1921 г. в Англии и Уэльсе было лишь 17 женщин-адвокатов, 49 архитекторов и 41 гражданский инженер; в послевоенной Германии большое количество работающих женщин было занято на неквалифицированной работе в промышленности, сельском и домашнем хозяйстве, которая требовала много сил и обеспечивала еще более низкий статус и доход, чем раньше. Эти черты женской занятости не изменялись еще 30 лет. Зарботки женщин оставались ниже мужских, их не поощряли к приобретению новых навыков. Ожидалось, что, когда мужчины вернутся с фронта, женщины вернутся к домашнему очагу. Как бы они ни работали, на них в первую очередь смотрели как на помощниц мужчин. И убивать должны были мужчины, а не женщины. Только в России по инициативе Временного правительства, стремившегося пристыдить русских солдат и побудить их лучше исполнять свой долг, несколько сотен женщин вступили в армию, чтобы сражаться наравне с мужчинами. Наиболее известен стал «батальон смерти» Марии Бочкаревой. Вклад огромного количества женщин в войну описывался властями в категориях пропаганды — их уделом было прощаться с бойцами, рожать детей павших героев и заставлять мужчин идти в

армию. Оглашалось общественное «беспокойство», что зарабатывающие деньги женщины опрокинут традиционную власть мужчины в семье, когда отец является кормильцем, а мать укрепляет его власть. Но хотя семьи раскалывались, семейная жизнь продолжалась по-прежнему: отсутствовавшего отца заменял старший сын, дядя или дед. Большую роль стали играть дочери: в их обязанности теперь входило стоять часами в очередях за картошкой, маргарином и лошадиным мясом. Многие женщины не ждали от соотечественников-мужчин признания своего вклада в войну. В «красном» районе Глазго — Клайдсайде под китче-неровским плакатом «*YOUR KING AND YOUR COUNTRY NEEDS YOU*»* было нацарапано:

«Ты нужен королю и стране» (англ.). — Примеч. пер.

248 ГЛАВА 6

Your King and Country Need You, Ye hardy «sons» of toil, But will your King and Country Need you When the're sharing out the spoil?*

Наиболее очевидным трофеем, который достался женщинам после войны, стало право голоса, но даже здесь трудно оценить, в какой степени на это решение (принятое политиками-мужчинами) повлиял вклад женщин в войну. К примеру, в Британии и Германии решающая битва была выиграна еще до войны. К 1914 г. уже были в целом опровергнуты все лицемерные доводы против: что у женщин нет логики, не хватает способностей и даже здравого смысла, что они колеблются в своих взглядах и убеждениях. К 1912 г. британский либеральный премьер-министр Герберт Асквит, хотя и противостоял предоставлению женщинам права голоса, постепенно шел на уступки. В довоенной Германии росла степень организации немецких женщин — Все-германский союз женщин (*Allgemeiner Deutscher Frauenverein*) насчитывал свыше 12 тыс. членов, — и они стали неотъемлемым звеном промышленного производства (между 1882 и 1907 гг. доля женщин в ручном труде выросла с 13,3 до 18,2%, а в Британии этот показатель составил около 30%). В 1913 г. немецкая писательница Гертруда Бой-мер была уверена, что «государство стало ближе к женщинам, ответственнее перед ними». В Норвегии женское избирательное право было введено вне всякой связи с войной.

Очевидно, впрочем, что вклад женщин в победу ускорил перемену по отношению к избирательному праву женщин и смягчил партийные разногласия по этому вопросу. Это наиболее ярко проявилось во Франции, где консервативный политик, профессор-юрист Жозеф Бартеlemi в 1918 г. не сомневался, что война «способствовала быстрому и выдающемуся прогрессу в деле равенства полов». Когда в январе 1918 г. во французскую палату депутатов поступил законопроект об избирательном праве для женщин, депутаты как левого, так и правого фланга на словах поддержали равенство женщин с мужчинами в избирательном праве. Но в 1922 г. законопроект был отвергнут — радикалы и социалисты испугались, что голоса женщин приведут к власти клерикалов и низвергнут республиканские институты, так что французские женщины получили право голоса лишь в 1945 г., после второй мировой войны.

* Вы нужны королю и стране, / Закаленные «сыны» труда, / А будете ли вы нужны королю и стране, / Когда будут делить трофеи? (англ.). — Примеч. пер.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 249

Конечно, во время войны женщины выглядели более эмансипированными, что ярче всего проявлялось в их одежде. Многие женщины носили брюки или униформу и наслаждались обретенной свободой движений и наличием карманов, но они ни в коей мере не были освобождены от своей главной обязанности — растить семью. Во Франции растущая обеспокоенность падением рождаемости вела к пропагандистским попыткам поощрить супружеские пары заводить детей. К декабрю 1915 г. даже феминистские газеты, вроде «*Le Feminisme Integral*», боясь прослыть непатриотичными, изменили взгляды по этим вопросам и призывали читателей рожать «детей, много детей, чтобы заполнить брешь».

Историки не могут прийти к единой точке зрения на то, повлияла ли война на самосознание женщин и восприятие ими своего положения в обществе. Как показала специалистка по социальной истории Сьюзен Педерсен, решимость государства «облегчить сердце» сражающихся мужчин, обеспечив их семьям пособие, усилила представление о муже как «главе дома», который (а в его отсутствие государство) должен обеспечивать «зависимых» от него жену и детей. В Британии это вызвало протесты лейчестерской ячейки Лиги женского труда: «Вызывающе и даже оскорбительно называть тяжело трудящуюся жену "зависимой"». В Германии, России и Франции развитие системы подобных пособий, а также усиление внимания к семейным ценностям и потребность женщин иметь детей лишили многих из них четкого места в обществе. Война убила или искалечила многих из тех, за кого они могли выйти замуж: в послевоенной Европе зрелище танцующих друг с другом женщин стало горьким напоминанием об этом потерянном поколении.

Политические изменения

Некоторые черты социальных, административных и политических перемен в годы войны стали общими для всех стран. Некоторые носили особенный характер. Существовали, к примеру, очевидные различия между Францией и Британией. Когда разразилась война, французский президент Пуанкаре говорил в Париже о «*union sacrée*» — «священном единении» во имя общего дела, связывающем нацию, которая подверглась бесцельной германской агрессии. Подобное единство политиков разных взглядов и почти всего французского общества было налицо также в Германии, Австро-Венгрии и России. А вот в Британии в 1914 г. между политиками было меньше единства, чем где-либо. Несомненно,

250 ГЛАВА 6

причиной здесь во многом было то, что война не угрожала автоматически британской национальной безопасности. Министр иностранных дел либерального правительства лорд Грей призывал к осторожности, опасаясь, «не сильнее ли мы пострадаем... если останемся в стороне». Но нарушение нейтралитета Бельгии и, что более важно, страх перед германским господством в Европе создали большинство, выступавшее за войну. Противники войны в основном были представлены социалистами, которые, в отличие от многих социалистов во Франции и в Германии, не были готовы поддержать военные кредиты.

В долгосрочной перспективе влияние войны на британскую политику было огромно. Либеральная партия, правившая с 1906 г., после войны больше никогда не вернется к власти. Ее раскалывали споры о том, каким быть призыву и как должны управлять страной либералы в военное время. В 1916 г. у нее появился новый вождь — Дэвид Ллойд-Джордж. Под политическим давлением и при поддержке прессы он заменил Асквита на посту премьер-министра коалиционного правительства, в которое теперь входили консерваторы и лейбористы. Ллойд-Джордж поспешно назначил основной состав кабинета и учредил новые ведомства морского транспорта, продовольствия, национальной службы и труда. Все это создавалось ради повышения «эффективности». Тем не менее, пока военный успех ускользал от держав Антанты, внутреннее положение оставалось нестабильным, и в 1917 г. недовольство рабочих, заметное уже в 1916 г., вновь выплеснулось среди машиностроителей Ковентри, Шеффилда и Ливерпуля. В целом, однако, это недовольство на внутреннем фронте было хотя и угрожающим, но не серьезным, и на следующих выборах правящая коалиция Ллойд-Джорджа одержала убедительную победу.

При правительстве «священного единения» французская политика оставалась относительно стабильной. К 1915 г. жизнь во Франции вернулась к некоему подобию нормы. Возвратились парижане, бежавшие из города в ужасе перед наступающими немцами; вновь открылись театры, которым больше не угрожали налеты цеппелинов — новая опасность этой войны. Только в 1917 г., когда война вошла в критическую фазу (после провала наступления Нивеля под Шеман-де-Дам), последовали бунты во французской армии и беспорядки в промышленности, а в России разразилась революция — сотрудничество в рамках «священного единения» забуксовало. На закрытых парламентских сессиях правящий кабинет подвергался резкой критике и справа, и слева. Многие социалисты считали, что войну нужно завершать мирными переговорами, а правые разоблачали министра внутренних дел Луи

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 251

Мальви как немецкого агента и настаивали на более энергичном ведении боевых действий.

В ноябре 1917 г. место премьер-министра занял 76-летний Жорж Клемансо по прозвищу «Тигр», ранее непрестанно и подчас нереалистично критиковавший неудачные попытки Франции одержать решительную победу над немцами. Получив новое прозвище *Père-la-Victoire**, он немедленно занял твердую линию против любых политических оппонентов. Пацифистов объявили виновными в том, что те искали выход из кровавой бойни, и засадили за решетку. Резкой атаке подверглись социалисты, особенно после сильной волны забастовок, прокатившихся по Франции весной 1918 г. Армия оставалась верна Клемансо. Однако он же ограничил рост влияния военных во французской гражданской жизни, определив дух послевоенной политики во Франции.

В Германии, в отличие от Франции, масштабное недовольство в промышленности в 1918 г. привело к краху установленного политического порядка, отречению Вильгельма II и созданию демократического государства. Социалисты играли важную роль в политической истории новой Веймарской республики, но тем не менее им так и не удалось избавиться от обвинений в том, что именно устроенные ими забастовки привели к поражению страны. Германские консервативные вожди, как и военная верхушка, могли поэтому утверждать, что страну победили красные, а не британцы или французы. До и после 1918 г. на передний план все чаще выходили промышленные

интересы. Национальные меньшинства также начали извлекать существенные выгоды, соглашаясь помогать германской армии. Один польский депутат заявлял: «В наши дни Министерство иностранных дел мягкое, как слива. Оно готово идти нам на уступки».

Не только забастовки способствовали пораженческим настроениям в Германии. Уровень жизни средних немцев, как, впрочем, и итальянцев, резко ухудшился. Известно, что многие юноши умирали от голода до призыва на фронт: подсчитано, что с 1916 г. до конца войны среди лиц от 15 до 19 лет было 300 тыс. «лишних смертей». Действительно, пока имперские вооруженные силы держались на Восточном и Западном фронтах, имперская бюрократия проигрывала войну дома. В 1917 г. после провала так называемой программы Гинденбурга, имевшей целью ограничить нехватку продовольствия и рабочей силы, недовольство вырвалось наружу. Кайзер уже начал переговоры с вождями быстро растущего профсоюзного движения, когда по крупным городам прока-

* Папаша Победа (фр.). — Примеч. пер.

252 ГЛАВА 6

тились широкомасштабные забастовки и голодные бунты. В апреле 1917 г. в торжественном «Пасхальном послании» он обещал после войны расширить демократию, однако русская революция и Международная социалистическая конференция в Стокгольме (июнь 1917 г.) — эфемерная попытка европейских социалистов проложить путь к миру — ускорили течение кризиса. Хотя в отставку были отправлены несостоятельные министры кабинета, обществом овладел хаос. Германские административные структуры оказались неспособными справиться с требованиями тотальной войны, и к 1918 г. ни одна схема — экономическая, политическая или военная — не была достаточно действенной, чтобы спасти Германскую империю от поражения и распада.

На протяжении первых двух лет войны австро-венгерскому императору удавалось сплавивать различные политические партии, конфессии и народы империи, но в 1916 г. в настроениях общества произошел резкий перелом. Вслед за социал-демократами власть военных начали оспаривать и другие оппозиционные группы. В июле того же года была основана новая Партия независимости во главе с Миха-ем Каройи, будущим президентом Венгерской республики. Партия требовала внутривластных реформ и мира без аннексий.

По иронии судьбы, германская пропаганда мало помогла своему союзнику — она изображала войну как «решающую схватку между германством и славянством». Это портило отношения славянского населения с военными властями. Оппозиция существовала и в Венгрии, где новых высот в 1917 г. достигла стачечная борьба в промышленности. В январе 1918 г. венская забастовка рабочих военных заводов перекинулась в Венгрию, вызвав еще большее недовольство и повлияв на национальные меньшинства. Вслед за поражением в 1918 г. правительству императора Карла осталось лишь аннулировать соглашение 1867 г. и объявить 11 — 12 ноября 1918 г. Австрию и Венгрию независимыми государствами.

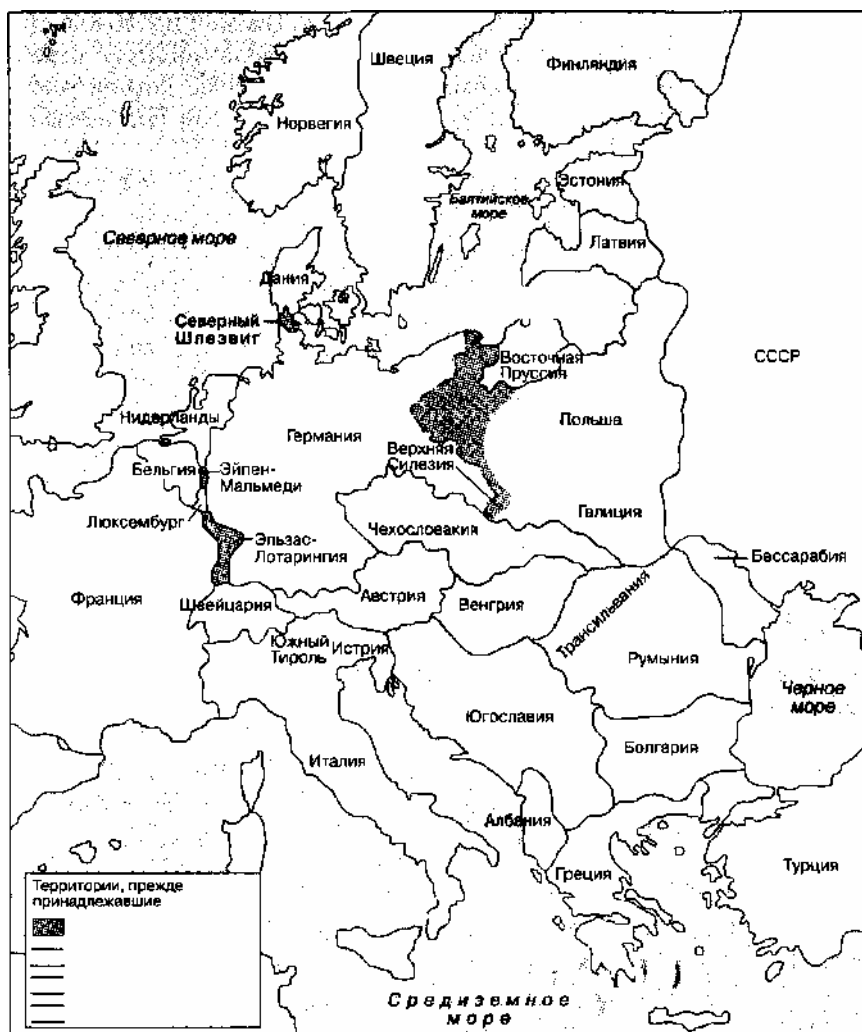
Россия в огне революции

В феврале 1917 г. Россия стала первой империей — жертвой войны. Столкнувшись с неоднократными военными поражениями и внутренним хаосом, Николай II был вынужден отречься от престола. На протяжении, последующих девяти*

* Правильнее: **восемью месяцам**. Февральская революция произошла в двадцатых числах февраля, а Октябрьская — 24-25 октября по старому стилю. — Примеч. пер.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 253

Мемель Л ПИТВА (Клайпада)^{Питва}
Германской империи [1] Российской империи [1] Болгарии [1] Австро-Венгрии

Карта 4. Распад европейских империй

власти был заполнен режимом двоевластия Временного правительства, созданного из бывшей Государственной Думы, сперва под руководством князя Львова, а затем Александра Керенского (с июля 1917 г.), и Петроградского Совета — нелегитимного органа рабочих, в котором господствовали социалисты. К октябрю 1917 г. русский народ разочаровался во Временном правительстве: оно не добились

254 ГЛАВА 6

военной победы, не справилось с массовой нехваткой продовольствия, промышленным параличом, оказалось беспомощным перед призывами к переделу сельскохозяйственных земель. Россия уступила натиску большевистской революции, за которой последовала гражданская война. В распада Российской империи повинна не только война. В июле 1914 г., накануне войны, вслед за стачкой на Путиловском оружейном заводе недовольство захлестнуло русскую столицу и несколько дней бастовали 110 тыс. петроградских рабочих. Приехав в Петербург, французский президент Пуанкаре видел в городе казаков и полицию, которые усмиряли демонстрантов, несших красные флаги, певших революционные песни и стремившихся пробиться в центр столицы. Впрочем, чтобы недовольство русских крестьян, рабочих и представителей средних слоев объединилось, потребовались военные страдания, лишения и поражения. Династия Романовых пала потому, что Николай потерял поддержку вооруженных сил. В 1914г. его армия насчитывала 1 млн человек, довольно плохо экипированных. Потери были огромными — около 7,2-8,5 млн русских были убиты, ранены или пропали без вести.

Михаил Родзянко, председатель последней Думы — избранного, но безвластного органа — так охарактеризовал уличные протесты февраля 1917 года:

Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые, конечно, не солдаты, а взятые от сохи мужики...Только слышно было в толпе— «земли и воли», «долой династию», «долой Романовых»*.

Когда в феврале 1917г. Николай отрекся от престола, вместе с ним покинула политическую сцену и его жена, немка по происхождению. В то время как Николай вел войска в бой, царица Александра Федоровна была занята делами внутреннего фронта. На ее стороне стоял печально

известный монах и мистик Григорий Распутин. Царица не могла сдерживать растущее народное недовольство царской властью. За месяц до отречения императора в более чем 1330 стачках участвовало около 680 тыс. рабочих.

* Рус. текст цит. по: Разговор по прямому проводу ген. Рузского с М.В. Родзянко и кн. Львовым, 3 марта 1917 г., 5 часов утра // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы / Ред. П.Е. Щеголева. 2-е изд. Л., 1927 (репринт — М., 1990). С. 242. — *Примеч. пер.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 255

В апреле 1917 г. Вебер описывал события в России как «устранение» неспособного монарха, а не как революцию. Несомненно, для некоторых членов Временного правительства февральские события просто обозначили политическую трансформацию, которая не ставила под удар существующий общественный или экономический порядок. Вождь либеральной партии кадетов Павел Милюков горячо верил, что царь потерял престол потому, что неумело вел войну. Но этот характерный взгляд разделяли не только русские либералы. Так считали и левые партии. Крупнейшей из них были социалисты-революционеры (эсеры). Идеиные разногласия разделили в 1903 г. коммунистов* на большевиков и меньшевиков. Заметим, что большевики вскоре потеряли численное преимущество.

В марте 1917 г. эсеры, меньшевики и даже некоторые большевики, такие как будущий вождь партии Иосиф Сталин, сперва поддерживали Временное правительство в его стремлении продолжать войну. Эсеры ждали обещанных всеобщих выборов, а меньшевики сотрудничали с Временным правительством, так как были правоверными марксистами и утверждали, что перед тем как Россия созреет для марксистской революции, в ней должен сформироваться большой рабочий класс. Но большевики мыслили иначе. Они откололись от ортодоксальной коммунистической партии, так как верили, что революция в России может произойти и без широкой пролетарской базы, а благодаря небольшому преданному авангарду рабочих и революционной, как они считали, природе русского крестьянства.

Маркс полагал, что коммунистическая революция, в ходе которой эксплуатируемый промышленный рабочий класс объединится и восстанет против своих капиталистических работодателей, уничтожит частную собственность, а со временем создаст «бесклассовое общество», — скорее всего должна случиться в странах с большим рабочим классом, таких как Германия, Британия, Бельгия или Голландия. Действительно, для многих марксистов крестьянство было реакционной силой. Отсюда готовность русских меньшевиков ждать появления российского промышленного пролетариата, обладающего революционным сознанием. Но Ленин, вождь русской партии большевиков, жаждал власти, хотя и скрывал свои политические амбиции под покровом марксистской теории. Он выдвинул новую большевистскую формулу — «революционная диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства». В стремлении к политической власти Ленин

* Имеются в виду социал-демократы. «Коммунистами» в 1918 г. стали называть себя большевики. — *Примеч. ред.*

256 ГЛАВА 6

умело использовал разочарование как русского крестьянства, так и рабочего класса.

После возвращения Ленина из эмиграции в апреле 1917 г. большевики, вновь усилившиеся и реорганизовавшиеся, открыто размежевались с другими революционными партиями. После казни 19-летнего старшего брата за попытку покушения на Александра III в 1887 г. Ленин называл себя «профессиональным революционером». За тридцать лет этот юрист с петербургским образованием и его товарищи-интеллектуалы — будущие создатели Советского Союза, такие деятели, как Николай Бухарин, Григорий Зиновьев, Карл Радек, — прошли через тюрьму и ссылку в Сибири, эмиграцию в Лондоне и Швейцарии. Под ленинским руководством большевики создали собственную программу, обещая мир, хлеб и землю русским рабочим и крестьянам. Движимый глубоким убеждением, что «история не простит нам [большевикам], если мы не возьмем власть», Ленин оспаривал тезис, что Россия должна продолжать войну. Здесь было не просто следование партийным установкам. Несмотря на продолжавшееся избиение русской армии на полях сражений и неудачу широко разрекламированного июньского наступления против немцев, доверие к самим большевикам было подорвано, когда в «июльские дни» голодные рабочие вновь вышли на улицы Петрограда. Большевики утверждали, что это были стихийные мирные демонстрации, однако после открытия советских архивов стало ясно, что именно большевистская партия руководила действиями рабочих, готовя государственный переворот. В последнюю минуту у Ленина сдали нервы, и хотя он уже мог взять Петроград в свои руки, Временное правительство сумело ненадолго перехватить инициативу. В итоге удача отвернулась от большевиков, многие члены партии либо скрылись в подполье, либо были арестованы верными

Временному правительству войсками.

Царил экономический кризис. Растущая анархия в деревне глубоко воздействовала на жизнь в русских городах. К июлю 1917 г. поставки продовольствия в столицу стали нерегулярными — к примеру, Воронеж производил лишь 30% зерновых от показателей 1916 г., — и цены взмыли вверх. Голодные рабочие уезжали из городов в деревни, и, как следствие, развал промышленности продолжался.

Размышляя о своей недолгой карьере четвертого русского премьер-министра после отречения Николая, социалист-революционер Александр Керенский утверждал, что пал жертвой двух заговоров совсем разного свойства. Первый подготовили Ленин и Людендорф, обеспечивший

пломбированный вагон, на котором Ленин вернулся

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 257
из изгнания, чтобы будить недовольство — недовольство такого масштаба, о котором немцы и не мечтали. Второй заговор дал о себе знать в августе 1917 г., когда русский главнокомандующий Лавр Корнилов двинулся на Петроград с контрреволюционным планом объявить военное положение. Опрометчивый поступок Корнилова имел серьезные последствия: авторитет Керенского упал, традиционная русская элита — судьи, государственные чиновники, священники и офицеры — потеряла доверие страны, армия пришла в замешательство, а большевики смогли выйти из подполья и предстать защитниками Февральской революции. Флоренс Фармборо, британская полевая сестра милосердия, отмечала, как неуверенность сеяла отчаяние среди солдат: «Могли ли они на кого-нибудь положиться... могли ли кому-нибудь верить?».

Большевики, несомненно, предприняли серьезные действия, чтобы завоевать доверие русских солдат. Они выпускали собственные военные газеты «Солдатская правда» и «Окопная правда», в которых призывали озлобленных бойцов брататься с врагом по всему русскому фронту. Авторитет и дисциплина рушились, по мере того как нижние чины создавали солдатские комитеты (советы), а дезертирство с фронта выросло до невиданного уровня. Посредством своего приказа №1 Петроградский Совет, в котором господствовали большевики, захватил контроль над вооружением и учредил советы во всех полках, батальонах, батареях и эскадронах. Подкреплением служила собственная Красная Гвардия, в которой насчитывалось около 70-100 тыс. человек. Временное правительство медлило с проведением всеобщих выборов — российское Учредительное собрание собралось в первый и последний раз в ноябре 1917 г.* — и мало сделало, чтобы удовлетворить земельный голод крестьян и требования рабочих: продовольствия и лучших условий труда. Именно обещая осуществить надежды этих слоев, Ленин обеспечил широкую поддержку большевистскому перевороту, который произошел в ночь на 25 октября. Он совсем не был кровавой якобинской революцией, событие прошло спокойно. Представитель лишеного полномочий Временного правительства помнил о своем замешательстве, когда ему сообщили о вооруженном восстании: «Я рассмеялся, ведь на улицах было совершенно тихо, и без всяких признаков какого-то восстания».

* Выборы в Учредительное собрание прошли в ноябре 1917 г., а его единственное заседание Учредительного собрания состоялось 5(18) января 1918 г. См. с. 258. — *Примеч. пер.*

258 ГЛАВА 6

Господствуя в российской столице, Ленин и его партия, чтобы обеспечить себе массовую народную базу и удержать власть, нуждались в поддержке крестьянства, которое насчитывало свыше 100 млн человек и составляло подавляющее большинство населения. Ожесточенные годами выкупных платежей (платежи правительству за землю, переданную им при их освобождении в 1861 г.), они также испытывали раздражение порядком землевладения, при котором в руках дворянства все еще оставалось 47% земли. Когда миновал медовый месяц Февральской революции, крестьяне начали требовать перераспределения земли и продовольствия, и только большевики, казалось, обещали немедленно пойти им навстречу. Только они обещали покончить с привилегиями и уничтожить существующий общественный строй. Вот что требовал один пролетарий в мае 1917 г.: «Все люди, бедные и богатые, должны быть обеспечены; каждый должен получать свой честный и равный паек от комитета, так чтобы хватило всем... Все должно быть объявлено общественной собственностью»*. В соответствии с этим на пространствах бывшей Российской империи создавались крестьянские советы — крестьяне начали самостоятельно захватывать земли.

Овладев в октябре 1917 г, Петроградом, Ленин провозгласил республику, основанную на власти городских и сельских советов, и начал готовить мир с Центральными державами. Впрочем, на проведенных в ноябре 1917г. выборах большевики набрали меньше четверти голосов. Несмотря на такой исход голосования, они решительно удерживали власть в своих руках и, будучи побеждены

на выборах эсерами и меньшевиками, в январе 1918 г. распустили Учредительное собрание.

Мир и гражданская война

Хотя некоторые большевики — Бухарин и его «ортодоксы» (левые коммунисты) хотели превратить боевые действия на русском фронте в марксистскую революционную войну во всей Европе, 3 марта 1918 г., после напряженных переговоров, был подписан сепаратный Брест-Литовский мирный договор. Условия Брест-Литовского мира были суровыми, так что Ленину было сложно навязать его тем товарищам, которые не хотели слагать оружие: Россия теряла 27% обрабатываемых земель (особенно тяжелым было условие, что излишки продовольствия с плодородной Украины должны были передаваться Центральным державам), 26% населения (около 55 млн человек) и 75% железа и уг-

Цит. по: *Figes O. A. People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891-1924. L., 1996. P. 506.*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 259

ля. Однако, обеспечив мир с Западом, Ленин мог теперь сосредоточиться на защите большевистской революции дома.

К июлю 1918 г., за три месяца до окончания войны на Западе, большевики столкнулись с серьезной оппозицией со стороны эсеров и меньшевиков, рассерженных тем, что им не удалось превратить голоса своих избирателей в политическую власть традиционной консервативной и либеральной элиты. В Архангельске и Сибири высадились союзные военные контингенты. Британские, французские, американские и японские войска оказались вовлечены в русскую гражданскую войну, хотя по ряду причин в ограниченном количестве и с ограниченным результатом. Для Британии, Франции и Соединенных Штатов мощное наступление Людендорфа на Западе и признаки союза между большевиками и немцами угрожали остановить их продвижение к победе, тем более что немецкое проникновение в Россию подрывало союзную блокаду. Неприятие победы большевиков было особенно сильным в Соединенных Штатах, Франции и Японии — последняя к тому же стремилась использовать интервенцию для создания постоянной базы в Сибири.

В России на протяжении всего года продолжалась острая нехватка продовольствия, а 30 августа на жизнь Ленина было совершено покушение. Первые месяцы большевистской власти не только не загасили пламя социального недовольства, но разожгли еще больший пожар. Экономическая политика «государственного капитализма» уступила место «военному коммунизму», основанному на реквизициях зерна и полной национализации, — партия большевиков начала гражданскую войну, которая своей дикостью и жестокостью превзойдет битвы Восточного фронта первой мировой.

«Сотворение» Польши

Содействуя возвращению Ленина в Россию, Германия сыграла важную роль в создании будущего Союза Советских Республик. Подобным же образом, привезя в ноябре 1918 г. в Варшаву «пророка польской независимости» Юзефа Пилсудского, распадавшаяся Германская империя в значительной степени определила характер новой Польской республики.

Когда в 1914 г. Европу затопила война, Польши в реальном смысле не существовало. Поляками называли себя примерно 20—30 млн подданных Германской, Австро-Венгерской и Российской империи. Крупнейшие польские города также находились в различных государствах: Варшава принадлежала России, Данциг (Гданьск) — Пруссии,

260 ГЛАВА 6

а Краков — Австро-Венгрии. Воюющие стороны стремились завоевать симпатии поляков, и поэтому вопрос о независимой Польше вновь был поднят на повестку дня.

Уже в августе 1914 г. русские начали разыгрывать польскую карту. Полякам обещали: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении»*. С тех пор и вплоть до ноября 1918г. различные предложения делались Австро-Венгрией, Германией, а главное — Вильсоном в тринадцатом из его «Четырнадцать пунктов» (январь 1918 г.), призывавшем к созданию «единой, независимой и автономной Польши». Тем временем ход жестокого кровавого противостояния на польских землях создавал и чувство солидарности у поляков, и политические структуры, которые смогли использовать в своих целях польские националисты.

Поляки, которых в 1914 г. насчитывалось 30,9 млн человек, сражались в армиях России, Германии и Австро-Венгрии, зачастую друг против друга. Их военные потери составили свыше миллиона человек, а население страны сократилось на 4,5 млн человек. По обе стороны фронта создавались

польские военные и политические организации, среди них — Польский национальный комитет Романа Дмовского, размещавшийся сперва в Лозанне, а затем — в Париже и выступавший за польскую автономию в составе России; Польский информационный комитет в Лондоне; Польский комитет помощи, связанный с польско-американскими организациями Соединенных Штатов. Эти «пассивные» объединения под руководством Дмовского стремились добиться польской независимости посредством дипломатии и сотрудничества с Антантой. Им противостояла «активная» группировка генерала Пилсудского (ему удалось сделать польские войска частью австро-венгерской армии), боровшаяся за независимую Польшу в союзе с Центральными державами.

С августа 1915 г. по ноябрь 1918-го Варшавой управляли германские военные власти. Именно они и зачаточная польская администрация, созданная генерал-губернатором области генералом фон Бес-лером, а также возвращение немцами в Польшу Пилсудского** пред-

* Воззвание главнокомандующего Российской армией Вел. кн. Николая Николаевича — полякам / Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. 2. Минск, 1989. С. 250. — *Примеч. пер.*

** Летом 1917 г. Пилсудский и его легионеры отказались присягнуть на «братство по оружию» с Германией и Австро-Венгрией и были интернированы. После пора-

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 261

шествовали воплощению планов победоносной Антанты по возрождению Польши.

Четырнадцатого ноября 1918 г. Пилсудский был объявлен главой государства, еще не имевшего границ, правительства и конституции. Многие поляки считали, что они сражались в войне за независимую Польшу, и пусть это было заблуждением, жертвы и храбрость польских солдат и их семей стали определяющими не только в серии локальных войн (1918—1921), которые намного в большей степени, чем Парижская мирная конференция, установили польские границы, но и в борьбе за сохранение независимой Польши перед лицом германских и русских территориальных амбиций в будущем.

В становлении польского государства в XX в. существенное место принадлежит самобытной польской культуре, ярким образцом которой является творчество нобелевского лауреата Стефана Жеромского*. В написанных накануне войны стихах Эдварда Слонского-го нашли выражение жертвенность и неизменное единство польского самосознания:

Ведь Та, что не погибла, (Стреляй же, брат, верней!) Взойдет из нашей крови Над пашней этих дней**.

Писатели и война

Среди писателей войну приветствовал не один Слонский. Многие писатели, как и художники, радостно встретили ее начало, увидев в нем бунт против эгоизма и жадности предвоенного мира. В Англии молодой поэт-романтик Руперт Брук (в военные действиях: участия он не принимал) написал:

Ныне благодарю, о Боже, что отметил нас И пробудил нашу юность от сна.

жения Центральных держав Пилсудский был освобожден и 10 ноября 1918 г. прибыл в Варшаву, где на следующий день началось разоружение войск германского гарнизона. — *Примеч. ред.*

* Жеромский был кандидатом на Нобелевскую премию (1924). — *Примеч. ред.* ** Рус. пер. цит. по: Слонский Э. Та, что не пропала / Пер. Владислава Ходасевича // Мы помним Польшу. Пг, 1915. С. 9. Стихотворение посвящено полякам, воевавшим по разные стороны линии фронта. — *Примеч. пер.*

262 ГЛАВА 6

В Германии Томас Манн приветствовал войну как «очищение и освобождение... сильную надежду».

Такие разные писатели, как англичанин Томас Харди, итальянец Габриэле Д'Аннунцио, француз Шарль Моррас (будущий вождь ультраправой группировки «Аксон Фран-сез»), видели в войне возможность вновь утвердить национальное или имперское чувство, пережить приключения и проявить героизм. Немецкий автор Эрнст Юнгер записал в своем военном дневнике: «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда необычайного, жажда большой опасности... война обещала нам все; величие, силу, торжество»*. Даже Фрейд оказался восприимчив к окружающей его летом 1914 г. атмосфере — впервые за 30 лет он почувствовал себя австрийцем: «Все мое либидо отдано Австрии». Но у Фрейда и таких писателей, как немец Райнер Мария Рильке, на смену этому раннему воодушевлению пришло моральное осуждение реалий войны. Это осуждение нашло отклик среди левых писателей Британии и Франции — Джорджа Бернарда Шоу и Ромена Роллана: в этих странах война быстро утратила свой ореол в глазах молодого поколения. Для многих писателей — участников войны — героика уступила место разочарованию, даже подавленности. Среди них особенно выделяется английский поэт Уилфред Оуэн (1893—1918), написавший в 1917 г. «Гимн мертвой молодежи». Его первые строки «Вот колокол звонит по тем, кто погиб, как скот» запомнятся так же, как и стихотворение Брукса «Теперь благодарю, о Боже». Во Франции Анри Барбюс опубликовал в 1916 г. нашедший широкое признание антивоенный роман «*Le Feu*» («Огонь»).

В подвергавшихся цензуре письмах солдаты и матросы скрывали многое из происходящего — не

только кошмары войны, но и героизм. Именно по этой причине особенно значимой стала лирическая поэзия, форма выражения, вдохновленная самим характером окопной жизни. Свобода выражения зависела не только от размаха военной цензуры, но и от пропаганды, вошедшей в каждый дом. Сатирический венский журнал «Факел» Карла Крауса стремился наперекор стихии официальной пропаганды разоблачать абсурд и, если это было возможно, ужасы войны. К примеру, в 1916 г. Краус сообщал темы сочинений — в школе им. Императора Карла классу 56 предоставлялся выбор между «Прогулкой на каникулах» и «Новейшими методами ведения войны», тогда как класс ба выбирал между «Основными персонажами в "Эгмонте" Гёте» и «Интенсификацией подводной войны». В ходе ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, 1914-1918 263

войны велика была роль карикатур и плакатов — правительство стремилось «просветить» общество. Промышленность наводняла страны весьма странными пропагандистскими предметами, например, мусорными корзинами с маршалом Фошем, салфетками с Гинденбургом и пивными кружками с Китченером.

Самая жгучая проза, в форме воспоминаний и романов, была опубликована не во время, а после войны. В 1929 г. вышли «*Im Westen nichts Neues*» («На Западном фронте без перемен») Эриха Марии Ремарка, «*Goodbye to all that*» («Со всем этим покончено») Роберта Грейвса и «*Farewell to arms*» («Прощай, оружие») Эрнеста Хемингуэя. В этих романах вставала память о военных ужасах и окопном товариществе. В то же время деятельность ветеранских организаций, вроде Британского легиона, Ассоциации итальянских добровольцев и «Союзов борцов за родину» («*Vaterländische Kampfverbände*»), показывала, что бывшие бойцы были больше озабочены условиями возвращения к гражданской жизни, чем воспоминаниями о совместном опыте военной службы. Критика войны возбуждала враждебный ответ многих из тех, кто потерял своих близких, или тех, кто считал, что страну позорят «трусливые» взгляды. Роман Ремарка, а также его немецкая и голливудская экранизации вызвали в Германии демонстрации правых. В 1930 г. немецкое правительство запретило американский фильм как антинемецкий. Напротив, книга Юнгера *fin Stahlgewittern* («В стальных грозах») с ее прославлением грубого насилия нашла в Германии множество благодарных читателей. Военный опыт писателей-женщин был столь же разнообразен, как и писателей-мужчин. Некоторые, как Клэр Стобарт, видели в войне и милитаризме «бунт самцов», тогда как для других, к примеру для сестер милосердия, добровольно ухаживавших за ранеными на фронте (таких, как 18-летняя шотландская сестра Мэри Криз-холм и английская баронесса Т'Серклес, известные как «героини Первиза»*), война была приключением. Но военный опыт мужчин и женщин заметно отличался, что нашло отражение в их произведениях. У женщин не было опыта окопной жизни, и хотя они рисковали жизнью на заводах, производивших боеприпасы, или во вспомогательных частях за линией фронта, им не приходилось переживать часы непрерывных бомбардировок или видеть, как друзей прямо на глазах разрывает на части. Один немецкий плотник писал в 1914 г. своей жене:

* Рус. пер. цит. по: Юнгер Э. В стальных грозах / Пер. с нем. И.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб., 2000. С. 35.

* Первиз — город в Бельгии, место ожесточенных боев в 1914 г. — Примеч. пер.

264 ГЛАВА 6

О театре военных действий вы знаете больше, чем мы, но вам всё' рисуют в розовых красках. Если бы эти пропагандисты и патриоты сами бы увидели, как громоздятся трупы...

Такие письма домой были редкостью. Немногие солдаты хотели вызвать дома бесплодное беспокойство, а если кто-то и хотел сказать правду, его письмо конфисковывали офицеры, проверявшие всю исходящую корреспонденцию.

На невиданное прежде число вернувшихся домой ветеранов давило чувство одиночества и ожесточения — следствие опыта войны. В ре-марковском «На Западном фронте без перемен» ветеран вспоминает: «Внезапно меня охватывает пугающее чувство отчужденности. Я потерял дорогу к прошлому, стал изгнанником»*. Многим ветеранам было проще продолжать сражаться — участвовать в коммунистических восстаниях в Восточной Европе или в патриотических обществах в Германии и Италии, — чем встретиться лицом к лицу с реалиями мирной жизни после 1918 г.

Примечание

¹ ScMesinger A.M. *I\Q* Rise of Modern America, 1865-1871. N.Y., 1957. P. 266.

Глава

Новый порядок? 1919-1929

Перевод Ю. Афонькина.

До войны в Европе насчитывалось примерно 20 независимых государств (включая Монако и Андорру), совершенно разных по размеру. Шесть из них, как мы видели, назывались «великими державами» и имели население свыше 30 млн человек. Население остальных стран не достигало 10 млн, за исключением Испании (где проживало приблизительно 20 млн). Эта была единственная

«средняя» европейская держава. Только два государства из двадцати были республиками — Франция и Швейцария, остальные являлись монархиями. После первой мировой войны многое изменилось. К 1919 г. число европейских государств выросло до 26. Распад Австро-Венгрии сократил число великих держав до пяти, а вот число «средних» держав пополнили Польша, Румыния*, Чехословакия и Югославия. Еще убедительнее был упадок монархий. Теперь монархиями оставались только две из пяти великих держав, тогда как все шесть новых государств, возникших в результате войны, а также преобразованная Россия, Германия, Австрия и Турция (оставшаяся теперь почти без владений в Европе) встали на республиканский путь. Главную роль в строительстве послевоенной Европы играли взгляды двух человек. Для Вильсона, как и для Ленина, конец первой мировой войны в Европе ознаменовал начало новой эпохи.

Вильсон считал, что

*** Румынское государство существовало и до первой мировой войны, однако по итогам послевоенного урегулирования его территория сильно выросла за счет Австро-Венгрии и России: в его состав вошли Трансильвания, часть Баната, Буковина и Бессарабия. — Примеч. пер.**

265

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 267

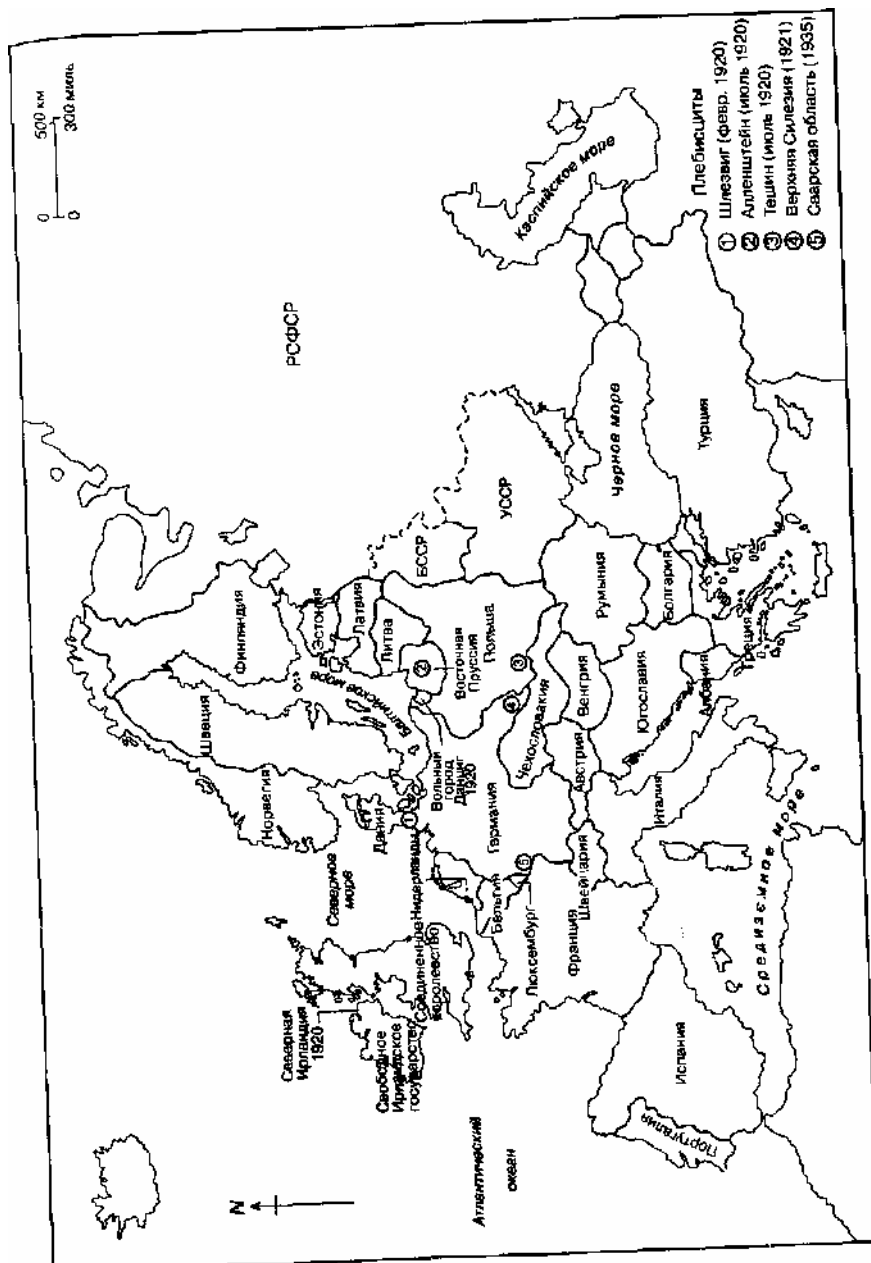
266 ГЛАВА 7

ему удалось установить принципы национального самоопределения и демократии, которые, как он считал, принесут в Европу мир и процветание. В России Ленин и его партийная когорта начали укреплять жесткий большевистский контроль и отложили попытки совершить мировую революцию: русским коммунистам предстояло в одиночестве строить свое будущее. Взгляды Вильсона питали надежды множества людей на грядущую счастливую жизнь на просторах от Польши на востоке до Ирландии на западе. Впрочем, хотя 1919 г. принес в Европу много нового — новые государства, новую, более открытую дипломатию, резкое расширение демократии, — многие старые общественные, хозяйственные и дипломатические структуры выжили и пребывали в непростом взаимодействии с новыми. Право на самоопределение часто плохо совмещалось с этническим национализмом. В Италии демократии через три года придет конец. Натяжение политической и социальной ткани в таких непохожих странах, как Британия, Германия, Испания, Польша и Венгрия, продолжало нарастать.

«Цена» войны

Строительство мира стало первой неотложной задачей, с которой столкнулась в 1919 г. измученная войной Европа. По сравнению с окончанием второй мировой войны положение сильно отличалось, так как в 1918 г. ни у Антанты, ни у Центральных держав планов по восстановлению послевоенной Европы почти не существовало; хотя континент не подвергся ужасам ковровых бомбардировок и маневренных военных кампаний, нанесенный войной ущерб был огромен и затрагивал все сферы европейского общества. Количество жертв было невиданным. Историки считают, что потери колебались между 9,4 и 11 млн человек — число, составляющее один процент населения Европы 1913 года. Германия потеряла погибшими 2037000 человек, Россия - 1811000, Франция - 1398000, Австро-Венгрия - 1 100 000, Британия — 723 000 человек. Значительно меньшими были только потери американцев — 114 000 убитых в бою.

Тем не менее население Европы восстановилось. На Западе оно выросло со 170,2 млн человек в 1920 г. до 189,9 млн в 1940 г., хотя во Франции и Австрии прирост был очень небольшим, а в Ирландии просто отсутствовал. На Востоке и Юге статистика впечатляет еще больше. В Восточной Европе население с 1920 по 1940 г. выросло с 84,4 до 102,4 млн, а в Южной — с 68,6 до 84,9 млн человек. Причинами роста были ранние браки и улучшение питания и здравоохране-

о
?

Т ~
268 ГЛАВА?

ния. (Безбрачие в XX в. стало редким явлением, отчасти из-за упадка церкви.) Рост европейского населения за 10 лет в двадцатые годы составил 10,9%, несмотря на обширную эмиграцию за океан, которую американские иммиграционные службы пытались ограничивать начиная с девяностых годов XIX в.

Многим европейским правительствам оказалось гораздо сложнее возместить финансовые, чем людские потери. Нанесенный войной физический ущерб затронул Северную Францию, Бельгию и Западную Россию. В целом примерно 15 тыс. кв. миль* французской земли лежали совершенно опустошенными. Ущерб, нанесенный французским муниципальным, частным и промышленным зданиям оценивался в 17 млрд долларов, что составляло большую часть общемировых потерь, оценивавшихся в 29,96 миллиарда. Почти весь остальной ущерб был сосредоточен в Западной России, Польше и Бельгии. В Бельгии не было ни одной стороны жизни, не затронутой войной. Четыре года оккупации и боев на бельгийской земле полностью разрушили ее промышленность. Немцы пошли здесь далеко, частично разбирая бельгийские заводы и перевоза оборудование в Германию.

Финансовая цена войны была столь же высока. Когда разразилась война, все ее европейские участники быстро утратили размещенные за океаном займы и облигации. Чтобы финансировать

победу в Европе, страны Антанты, особенно Британия и Франция, во время войны много занимали у Соединенных Штатов. Сами они, в свою очередь, давали ссуды таким второстепенным союзникам, как Австралия и Канада. Перед первой мировой войной Британия была мировым банкиром, основным источником капитала для заморских инвестиций. Банки Британии и ее валютное господство наряду с развитием свободной торговли способствовали стабильности и росту международной экономики. После первой мировой войны место Британии как крупнейшей в мире страны-кредитора заняли Соединенные Штаты, роль которых в поддержке мировой экономики была важна, но отличалась от роли Британии в XIX — начале XX века.

Финансовое господство американской экономики подкреплялось успехом американской техники и американскими методами промышленной организации, которые одновременно и привлекали, и отталкивали европейцев. Термин «американизация» стал синонимом «научного» управления и производства, включавших упрощение, стандартизацию и изучение скорости действий рабочего на конвейере. Имя создателя этой системы — американского предпринимателя

* Почти 39 тыс. кв. км. — *Примеч. пер.*

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 269

Генри Форда (1863-1947) было хорошо известно по обе стороны Атлантики и в Советском Союзе, где им восхищались не меньше, чем на Западе. Также восхищались его автомобилями. Этот прозванный британской прессой «Фордом-Завоевателем» американский магнат, противник вступления США в первую мировую войну, строил далеко идущие планы послевоенного производства и потребления машин в Европе. Многие из них остались неосуществленными из-за того, что Европа медленно восстанавливалась после войны.

В 1919 г. немногие государственные деятели или деловые люди оценивали размах или тем более природу экономических последствий войны. Мечтали о возвращении к «нормальной жизни», или «нормальности» (*«normalcy»*), как это коряво называл американский президент Калвин Кулидж, республиканец, пришедший на смену Вильсону в 1923 году*. Однако недолгий европейский экономический бум 1919-1921 гг., порожденный отложенным потребительским спросом и большими правительственными расходами на замену поврежденных войной ресурсов, таких как корабли и железные дороги, был обманчив. Когда туман потребительского скачка прояснился, мрачно замаячили проблемы европейской, в особенности британской, экономики. Упадок некоторых старых отраслей промышленности начался еще до войны, а после 1921 г. их увядание будет продолжаться на протяжении почти всего XX в. На верфях Глазго и Белфаста, хлопковых фабриках Ланкашира дни процветания остались позади. Признаки упадка начали ощущаться в тяжелой промышленности всей Западной Европы. Лишь в Соединенных Штатах в середине двадцатых годов царил яркий подъем, который, как думали оптимистичные американцы, может продолжаться вечно.

Парижская мирная конференция и Версальский договор

К тому времени атасть в Соединенных Штатах перешла от демократов к республиканцам и «новая эпоха» Вильсона пришла к концу. Его «Четырнадцать пунктов» были нацелены на

«оздоровляющее», гибкое европейское мирное урегулирование и на уничтожение бесплодных

* Республиканским преемником Вильсона был Гардинг, победивший на выборах 1920 г. Именно Гардингу и принадлежит лозунг *«Back to Normalcy»* («Назад к нормальной жизни»). В 1923 г. Гардинг неожиданно умер, и его пост занял вице-президент Кулидж. — *Примеч. пер.*

270 ГЛАВА?

двусторонних союзов и тайных договоров (пункты 2,4 и 14). Но за высокопарностью языка «Четырнадцати пунктов» и восторженным приемом, оказанным Вильсону европейской публикой, когда тот пересек Атлантику, чтобы возглавить заседания Парижской мирной конференции, скрывался трудный торг между державами-победительницами, особенно между «Большой четверкой» — британским премьер-министром Ллойд-Джорджем, французским и итальянским премьерами Клемансо и Витторио Орландо и, конечно, самим Вильсоном. Многим казалось, что парижскими переговорами руководил Клемансо, человек «с лицом и фигурой китайского мандарина», как описывал его американский государственный секретарь Роберт Лэнсинг. Мирная конференция стала тяжким делом для всех участников. Громоздкая и необдуманная система переговоров не могла смягчить неудобства делегатам, многие из которых к тому же страдали от «испанки» — мировой эпидемии гриппа, погубившей больше людей, чем война. Джон Мейнард Кейнс, британский экономист, присутствовавший на мирной конференции, считал, что условия Версальского договора с Германией стали «миром, который, если он... будет проведен в жизнь, должен нанести дальнейший ущерб... деликатной сложной структуре [мировой экономики], уже подорванной и разрушенной войной». После того как Кейнс покинул британскую

делегацию, он написал чрезвычайно влиятельную и убийственно критическую работу «Экономические последствия мира» (1919). Он доказывал, что «честная и понятная» политика Франции, стремящейся навсегда ослабить Германию представляет огромную будущую опасность в «вечной схватке на ринге» (совершенно невильсоновский образ европейской политики).

У Кейнса были основания так говорить. Ход мирной конференции подчеркивал положение Германии как побежденной державы. С немецким правительством не консультировались в ходе переговоров — немцам дали возможность взглянуть на договор только тогда, когда был готов его последний вариант. Им дали 15 дней, чтобы представить союзникам свои жалобы в письменном виде. Затем небольшие поправки были красными чернилами внесены в уже готовый договор. Таким образом, немецкие делегаты Герман Мюллер и Иоханнес Белль были унижены еще до того, как перед аудиторией в две тысячи зрителей они подписали договор — в том же Зеркальном зале Версальского дворца Людовика XIV, где Бисмарк унижил французов в 1871 г. Договор был подписан 28 июня 1919 г., в пятую годовщину сараевского убийства. Его сторонники доказывали, что отношение к немецким делегатам ничем не отличалось от отношения Пруссии к Франции в 1871 или Германии к России в 1918 г.

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 271

Тем не менее член британской делегации в Париже Гарольд Николсон, оставивший живое описание тех событий, считал, что несмотря на такое уничижительное отношение, «жалкий и смертельно бледный» вид немецких делегатов не означал, что немцы в 1918 г. были навсегда побеждены. Принявшие вильсоновские «Четырнадцать пунктов» как основу для переговоров о перемирии и нового демократического строя, известного как Веймарская республика, они смотрели на парижские заседания в растущем смятении. Всем немцам было ясно, что с их страной не обращались как с равной, и неудивительно, что этот мир они стали называть «диктатом» или «*Schandvertrag*» («позорным договором»). Вместо того чтобы принести Европе спокойствие, он на долгие годы стал источником социального, политического и экономического недовольства.

В 1919 г. в Британии и Франции бушевали антинемецкие настроения, хотя по разные стороны Ла-Манша отношение к Германии разнилось. В обеих странах определенные круги общественного мнения, подогретенные шовинистической прессой, хотели урвать от немцев свой кусок. Клемансо говорил: «Наши испытания породили глубокое чувство необходимости репараций; это не только вопрос материального возмещения — не менее велико требование морального возмездия».

Клемансо, Ллойд-Джордж и даже Вильсон, казалось, были в конце концов готовы пойти навстречу призыву «повесить кайзера!», но были избавлены от бремени открытого суда над бывшим германским императором, когда нейтральные во время войны голландцы отказались выдать нежеланного гостя. По другим вопросам столь удачных решений принято не было. Даже если французские и британские национальные интересы совпадали, они не всегда соответствовали интересам Соединенных Штатов. Более того, когда союзникам и удавалось в неразберихе комитетских заседаний достичь соглашения, их находки редко, если вообще когда-либо, отвечали немецким надеждам на справедливый и почетный мир.

Возможно, самым тяжелым испытанием, с которым пришлось смириться немецкому народу в 1919 г., стало поражение в схватке, в которой, как казалось немцам до лета 1918 г., они побеждали. Условия мира были суровыми. Германия теряла более 27 тыс. кв. миль* с населением около 7 млн человек — около одной десятой своей довоенной территории, — а ее недолгий заморский империализм завершился потерей колоний в Танганьике и Юго-Западной Африке.

Территориальный передел сильно изменил карту Европы. Эльзас

* 70 тыс. кв. км. — *Примеч. пер.*

272 ГЛАВА?

и Лотарингия возвращались Франции, из узкой полоски Западной Пруссии был создан так называемый «Данцигский коридор», чтобы предоставить новой независимой Польше выход к морю. Бывший немецкий ганзейский порт Данциг, расположенный в конце «коридора», получил статус вольного города, так как Ллойд-Джордж препятствовал идее слишком откровенной передачи полякам немецких земель, особенно процветающего культурного города, где немецким было 90% населения. Передать его «примитивным» полякам, считал он, было бы тем же самым, что отдать «часы в обезьяньи лапы».

Эти и некоторые другие территориальные соглашения вызвали горькую обиду немцев и казались им грубым нарушением вильсоновских «Четырнадцати пунктов» и обещаний Антанты, что с демократической Германией будут обращаться справедливо. Было запрещено объединение с Германией немецкого народа Австрии, а более 3,5 млн судетских немцев стали частью населения

новой Чехословакии. Французское правительство пошло бы еще дальше. Оно требовало, например, создания независимой немецкой Рейнской области. Лишь в последнюю минуту Ллойд-Джордж убедил провести плебисциты в восточно-прусских округах Алленштейн и Мариенвердер*. В итоге этим землям позволили остаться германскими.

Требования союзников разоружить Германию, хотя и были гневно восприняты консервативными кругами германского общества, не встретили большого недовольства немецкого народа в целом. Рейнская область была демилитаризована, армия сокращена до 100 тыс. добровольцев, Германия лишалась своего военного флота**. Все эти военные запреты, а также такие экономически мотивированные решения, как передача богатого углем Саара на 15 лет Франции, не вызвали в Германии такого же народного недовольства, как наспех решенный вопрос «вины за войну» — ответственность за ее начало была полностью возложена на Германию и ее союзников. Противоречивый вопрос «вины за войну» обеспечил с тех пор работой легион историков, не в последнюю очередь и тех, кого германское министерство иностранных дел задействовало в 1919 г. с целью опровержения этого заявления Антанты. Репарации также вызвали противоречия, и связанные с ними вопросы оставались запутанными еще долго после 1919 года.

* В настоящее время города Ольштын и Квидзын в Польше. — *Примеч. ред.* ** Не полностью: Германии оставляли 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 контрминоносцев и 12 миноносцев. Целиком ликвидировался только германский подводный флот. — *Примеч. пер.*

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 273

Репарации и военные долги

Когда Британия и Франция обрисовали в 1918 г. свои условия мира, они не упомянули о репарациях — платежах, которыми Германия должна была возместить ущерб, нанесенный в годы войны Антанте. Однако в ходе прошедших под знаком войны избирательных кампаний и Клемансо, и Ллойд-Джордж обещали «заставить Германию платить». Существенно, что новые кабинеты получили свое название по цветам военной формы — «серо-голубое» правительство во Франции с ноября 1919 г. и «правительство хаки» в Британии с декабря 1918 года.

Среди всех собравшихся в Версале держав только Соединенные Штаты отказывались требовать от Германии платежей, но американцы были бессильны противодействовать подобным требованиям своих бывших союзников. В последующие годы, впрочем, стала очевидной неискренность этого морализирования, ведь сами Соединенные Штаты продолжали требовать платежей по займам, выданным союзникам в годы войны. Их отказ признать связь между возможностью Германии платить репарации и способностью Британии и Франции платить по военным долгам осложнил международные (как экономические, так и политические) отношения.

В 1919 г. Франция заняла «реалистическую» и гибкую позицию по репарациям. Способность Германии платить была тщательно взвешена, и французское правительство выражало готовность существенно снизить свои требования только в том случае, если Соединенные Штаты согласятся гарантировать безопасность Франции. Пока переговоры тянулись, становилось все яснее, что Соединенные Штаты не исполнят своего прежнего обещания способствовать пакту о коллективной безопасности, который бы защитил Францию. В этом и заключалась суть проблемы. Версальское урегулирование спотыкалось о вопросы американского вмешательства в европейские дела и французской поглощенности собственной национальной безопасностью. Вскоре в залах заседаний Парижской мирной конференции, в Конгрессе и Сенате США поняли, что большинство участников торга были не столько воодушевлены вильсоновскими идеями будущего, сколько отягощены опытом прошлого.

Решимость Франции обеспечить репарации происходила как из стремления восстановить собственную экономическую базу, так и из желания добиться, чтобы Германия осталась экономически беззубой. Но все обстояло совсем иначе. Некоторые британцы к американцы даже доказывали, что необходимость выплачивать победоносным

274 ГЛАВА 7

союзникам репарации деньгами и товарами скорее усилит, чем ослабит германскую экономику.

Когда принцип репараций был принят «Большой четверкой», скользкой проблемой парижских переговоров стало определение способности Германии платить. Для правительств Британии и Франции сумма должна была быть достаточно высокой, чтобы удовлетворить сделанные широкой публике обещания; для Соединенных Штатов цифра не должна была стать настолько большой, чтобы обресть на голод и без того истощенную Германию.

Ни Британия, ни Франция, ни Соединенные Штаты не выиграли от истории с репарациями. Европейские победители так и не собрали установленной суммы репараций, а Соединенные Штаты были вынуждены раз за разом идти на уступки по военным займам, простив почти все

причитавшиеся долги: к 1930 г. они отказались от 35% британского долга, 82% итальянского и 65% долга Франции и Бельгии. Но к тому времени экономическая ситуация полностью изменилась. По крайней мере, эти вопросы удалось корректировать путем переговоров. Намного более серьезным испытанием единства союзников и надежд 1919 г. на «целительный, гибкий мир» стали растущие признаки того, что американский сенат весьма опасается участия США в гарантировании французской безопасности и обеспечении деятельности новой Лиги Наций, находившейся в центре вильсоновского видения будущего.

Лига Наций

Американский президент в 1919 г. мечтал об организации, которая бы охраняла международный мир и служила бы форумом для более последовательного управления мировыми политическими, экономическими, финансовыми и культурными процессами. Но пока он неустанно трудился, стремясь обеспечить поддержку своего замысла в Европе, в самих Соединенных Штатах энтузиазм в отношении подобных международных обязательств начал угасать. Американский Сенат все больше боялся, что США вновь ввяжутся в европейские дразги, и подозревал, что Лига Наций урежет столь ценимую американскую свободу действовать независимо и по собственному усмотрению. В ноябре 1919 г. он отказался ратифицировать устав новой Лиги, который включал план соглашения по коллективной безопасности: члены Лиги должны были выступить в поддержку одного или нескольких ее участников, если те подвергнутся несправедливой агрессии. Без американской поддержки эти планы провалились, а отвергнув Лигу, Соединенные Штаты не ратифицировали также Версальский мирный

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 275

договор. Предприняв столько усилий, чтобы добиться поддержки этого соглашения в Париже и на родине, идеалист Вильсон потерпел крах из-за сопротивления своих соотечественников. Он пережил тяжелый инсульт и сошел с политической сцены.

Так по европейскому доверию к Соединенным Штатам был нанесен серьезный удар.

Первоначальный устав Лиги Наций был нацелен на «гибкость и безопасность» в международных соглашениях. Теперь последовал неизбежный ответ Франции. На протяжении двадцатых годов Франция решительно настаивала, что парижские переговоры определили *status quo* в Европе и по соображениям безопасности он не может и не должен быть изменен. По иронии истории, когда в тридцатых годах во Франции возобладал более умеренный подход к германским требованиям, у власти в Германии стоял новый режим — режим Адольфа Гитлера, чьи мечты выходили далеко за рамки изменения *status quo*.

После утраты поддержки мирного урегулирования американцами трудности европейских миротворцев заметно усугубились. Им не хватало силы, военной или дипломатической, чтобы провести в жизнь условия Версальского мира. Более того, когда Франция не получила желанной американской гарантии своей безопасности, Британия воспользовалась возможностью отойти от европейских дел. Хотя британское правительство продолжало выступать гарантом безопасности французских границ с Германией, оно крайне опасалось оказаться вовлеченным во французскую внешнюю политику и в так называемую Малую Антанту — сеть союзов Франции с Польшей (1921, 1925), Чехословакией (1925), Румынией (1926) и Югославией (1927). Франция добивалась заключения этих союзов в безнадежной попытке сдержать потенциальное стремление Германии к экспансии. Вместо этого решение французского правительства установить взаимные гарантии безопасности с конфликтующими новыми державами, у каждой из которых были свои интересы, только подчеркивало неравенство в возможной войне 40-миллионного французского народа против 65 млн немцев.

Нехватка военной или дипломатической силы для поддержания мира станет трагически очевидной в тридцатые годы, но уже в 1919—1920 гг. было ясно, что у Лиги Наций нет влияния, способного обеспечить достаточную экономическую помощь молодым государствам Центральной и Восточной Европы. Даже здесь, несмотря на отказ от вильсонизма, лидировали американцы. Разминая новые экономические мускулы, правительство США создало Американскую администрацию помощи (*American Relief Administration*)* обеспечившую

10-2444

276 ГЛАВА?

нуждающихся продовольствием на сумму 1,145 млрд долларов. Ее возглавил будущий президент-республиканец Герберт Гувер. «Всемирный распределитель продовольствия, он с энтузиазмом отнесся к своим обязанностям, однако всегда помнил о политическом смысле американской помощи. Так, он предложил пряник капиталистической Австрии, но ничего не выделил Венгрии, которой угрожало установление власти коммунистов Белы Куна. Администрация помощи также

организовывала обменные сделки, выходившие за границы бывших военных блоков: австрийские машины на польские яйца и ветчину, югославскую пшеницу на польский бензин и немецкий уголь на польский картофель.

Лишь к середине двадцатых годов экономическая и финансовая организация Лиги Наций получила достаточные ресурсы, чтобы действительно способствовать процветанию Европы. Полезными были как ее действия в защиту групп вынужденных переселенцев, анализ статистики здравоохранения, уровня социального обеспечения, условий труда и экономических показателей, так и привлечение к работе советников-экспертов, наладивших широкие контакты с иностранными правительствами, международными организациями и учреждениями высшего образования. (Подобные международные связи станут еще важнее во время и после второй мировой войны.) К несчастью для Лиги, ее акции, имевшие наибольший общественный резонанс, оказались наименее удачными. Неудачей кончились, например, попытки содействовать международному разоружению на международных политических форумах в Женеве.

Хотя по всей Европе люди ждали, что Лига избавит Европу от войны, переговоры в новом Дворце Наций в Женеве, красивом городе нейтральной Швейцарии, все чаще затрагивали тему перевооружения. Считалось, что если мощные державы не сократят уровень вооружения, слабым странам, в том числе тем, что были побеждены в первой мировой войне, нужно разрешить наращивать собственные армии. Тем временем Франция продолжала создавать и накапливать вооружения, отказываясь подчиниться международному давлению и согласиться на германские требования пересмотра Версальского договора. Французский премьер-министр с 1924 г. Эдуард Эррио объяснял, что Франции необходимо перевооружиться (что давало предлог другим странам следовать этому примеру), так как «к груди моей страны, в сантиметре от сердца, приставлен кинжал... Я не могу пренебречь безопасностью Франции».

Даже после завершения послевоенного восстановительного периода в сельском хозяйстве сохранялось множество проблем. Разнородное

НОВЫЙ ПОРВДОК? 1919-1929 277

европейское аграрное сообщество, включавшее как мелких крестьян-арендаторов Испании и Италии, так и германских помещиков (юнкеров), владельцев больших имений, в двадцатые годы находилось в беде. Все фермеры, в том числе британские, пострадали от резкого падения сельскохозяйственных цен, причин которому было несколько. Среди наиболее важных было дальнейшее освоение огромных зерновых площадей в Америке, Канаде и России, более интенсивное использование пашни наряду с механизацией сельскохозяйственного оборудования, появлением тракторов и растущей популярностью химических удобрений. Население Европы росло недостаточно быстро, а в его рационе питания произошел сдвиг от злаков в сторону молочных продуктов. Этот вызов стал тяжелым испытанием для европейского крестьянства и стран, в большой степени зависимых от сельскохозяйственных доходов, в особенности для новых государств Восточной Европы. Некоторые страны, впрочем, успешно справились с вызовом, в первую очередь Дания.

Урегулирование в Центральной и Восточной Европе

Парижская мирная конференция расширила понятие Европы. Восточно- и центральноевропейские империи — Османская, Габсбургская, Романовская и Гогенцоллернская — уступили место новым государствам и новым демократиям. Если можно говорить о триумфе рожденного XIX в. «принципа национальности», который во многом определялся языком, то он настал именно на Парижской мирной конференции. Ключевым был пятый пункт Вильсона с самоопределением — праве «наций» самим избирать форму правления.

Для самих победивших националистов, лидеров вроде Томаша Масарика — глубоко уважаемого президента новой Чехословацкой республики, создание мозаики новых государств Восточной Европы стало победой над «цезаризмом» старых европейских империй. Его надежды, столь же идеалистические, как вильсоновские, заключались в том, что перемены границ будут «способствовать усилиям к возрождению и обновлению этики и культуры». Новые страны определялись одновременно как национальные государства и как парламентские республики. Масарик считал, что это свидетельствует о превосходных перспективах демократии. Он благородно утверждал, что чехословацкая нация может быть сохранена только «путем совершенствования свободы». Его видение, впрочем, разделяли в 1919 г. не все национа-

278 ГЛАВА?

листы, так же как не все разделяли в XIX в. воззрения Мадзини, и связь между национальным государством и демократией в Восточной Европе, все больше размывавшаяся под напором

экономических, социальных и политических обстоятельств, оказалась чрезвычайно непрочной. Британия и Франция не сразу определились, собираются ли они уничтожить старую Габсбургскую империю или просто «реформировать» ее, но стремительный распад австро-венгерской власти, угроза коммунистического восстания (на протяжении 1918 г. в одной только Австрии войска более пятидесяти раз использовались для восстановления гражданского порядка), а также решимость Вильсона провести в жизнь везде, где возможно, принцип национального самоопределения склонили чашу весов. Последовала радикальная ревизия национальных границ на Балканах, причем многие из рубежей, «определенных» Версалем, пересматривались «младшими» членами делегации союзников. Для Восточной Европы, где важным определяющим фактором национализма было сложное переплетение языка, истории и религии, подход Вильсона был по меньшей мере спорным. В отличие от иммигрантов в Соединенных Штатах, решивших стать американцами, человек в Восточной Европе не мог «выбирать», быть ему поляком или литовцем, сербом или болгарин — он либо им был, либо не был. По иронии судьбы, «самоопределение» наряду со стратегическими и экономическими соображениями сделало и без того непростую задачу невыполнимой. Противоречия вызвало и создание государств, включавших не одну «нацию», — Югославии и, конечно, Чехословакии.

В радикальном пересмотре национальных границ в Центральной Европе и на Балканах были, естественно, свои «победители» и «проигравшие». Сен-Жерменский договор с Австрией (подписан 10 сентября 1919 г.), Нейский — с Болгарией (27 ноября 1919 г.), Трианонский — с Венгрией (4 июня 1920 г.) и Севрский — с Турцией (10 августа 1920 г.) ясно определяли их потери. Теряли свои территории также Германия и Россия. Именно земли, принадлежавшие прежде России, помогли создать Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу. Германские территории были присоединены к Польше, австро-венгерские отданы той же Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии. Болгария, довольно поздно вступившая в войну на стороне Центральных держав, уступила некоторые земли новой Югославии. Хотя ее потери в территории и населении были незначительны, они ощущались особенно остро из-за территориальной экспансии соседних Румынии и Югославии.

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 279

Венгрия, на протяжении веков одна из наиболее устойчивых держав региона, пострадала, видимо, больше всех. Поражение в войне дорого ей обошлось на Парижской мирной конференции. Столь же дорого обошлась и этническая пестрота. Карательный Трианонский договор оставил Венгрии лишь 32,7% довоенной территории и 41,6% довоенного населения. Но это было еще не все.

Мирный договор проводил в жизнь сомнительное мнение, что все немалые должны быть освобождены из-под мадьярского ига. (Мысль, что, к примеру, словаки могут и не желать «освобождения» от Венгрии, никогда не принималась всерьез.) Однако, несмотря на все эти потери, Трианонский договор не привел к национальной однородности «новой» Венгрии. Более 15% ее населения все равно было немалым по происхождению. После Трианона венгры затаили глубокое чувство обиды, вызванной подобной несправедливостью, и венгерские правительства были вынуждены открыто проводить ревизионистскую политику, сулившую в будущем новые беды.

Но не только «проигравшие» были потрясены таким мирным урегулированием. Несмотря на все принципы Вильсона, с провинциями и народами обращались, по словам Никольсона, как с «пешками и рабами в игре». Территориальное урегулирование «было основано на простых согласованиях и компромиссах между требованиями соперничавших государств». Никольсон, впрочем, не отметил, что идея насильственного перемещения народов была отвергнута. Взамен пришли накал страстей и непоследовательность. С проблемами столкнулись даже те, кто получил наиболее явный выигрыш — созданные после войны Югославия и Чехословакия. Их границы были столь произвольными, что распри должны были последовать обязательно, тем более что эти новые национальные государства включали наибольшее разнообразие этнических групп Восточной Египта. Ни они, ни бывшие военные союзники не стремились и не были в состоянии защитить права всех народов, проживавших в пределах национальных границ этих государств. Некоторые группы были малочисленными, однако в 1930 г. около 52% чехословацких и 57% югославских граждан принадлежали к национальным или религиозным меньшинствам*.

Победители внимательно отнеслись к так называемым естественным границам — морским или горным рубежам; Вильсон, например,

* Судя по всему, авторы относят к «меньшинствам» словаков Чехословакии и всех несербов Югославии. Между тем Чехословакия мыслилась не как чешское, а как чешское и словацкое государство, так же как Югославия — не как сербское, а Югославянское. — *Примеч. ред.*

добился, что Югославия получила Далматинское побережье. Но само это решение создало проблемы. Были обмануты ожидания итальянцев и нарушены обещания, данные Италии в секретном Лондонском договоре (1915), определившем итальянское вступление в войну на стороне союзников. Итальянский премьер-министр Орландо, единственный член «Большой четверки», проявлявший устойчивый интерес к соглашениям по Восточной Европе, был так оскорблен, что спешно покинул конференцию и вернулся в Рим. Но хотя Италия и не смогла присоединить Далматинское побережье, поскольку оно не было этнически «итальянским», ей по стратегическим причинам передали немецкоязычные земли Южного Тироля в Доломитовых горах. Даже в Польше, где, как и в Румынии, этнические меньшинства составляли меньшую долю населения (примерно 30% для обоих государств в 1930 г.), это преимущество более чем перевешивалось тем обстоятельством, что страна имела общие границы с Германией и Россией. Более того, на протяжении межвоенного периода в Польше на этнические меньшинства все чаще смотрели как на «троянского коня» стран-ревизионистов, а в большой еврейской общине видели потенциальных коммунистических агентов.

Парижские мирные договоры внесли некоторый вклад в создание нового европейского географического порядка. Теперь число людей, живших в Восточной и Центральной Европе под властью чужих правительств, сократилось наполовину. Но принцип самоопределения питал национализм в новых государствах Восточной Европы, причем не только среди господствующих национальных групп — например, сербов в Югославии. В то же время мирные договоры не предполагали ничего, способного обеспечить для европейских меньшинств выход их национальным чувствам, и почти не гарантировали их прав.

Между тем внимание к самоопределению усилило решимость бывших Центральных держав — в особенности Германии, Венгрии и Болгарии — «вернуть» свои меньшинства, например судетских немцев Чехословакии, на родину. Если учесть нежелание национальных групп жить в странах, где они не были господствующим народом — а общая численность таких групп превышала 30 млн человек, — то ясно, что национализм все больше связывался с политическими амбициями. Уже в 1919 г. по возвращении в Вашингтон Вильсон сообщил сенату, что когда он провозглашал право всех наций на самоопределение, он еще не знал о существовании многих из них — и потом их представители являлись к нему «день за днем» с надеждами, которые пробудили его слова. Сразу же после заключения договоров появились проблемы на Востоке. Союзники видели в гибнущей Османской империи, которая за столетия оставила свой след — религиозный и политический —

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 281

на карте Европы, идеальную территорию, за счет которой можно было успокоить возмущенных греческих и итальянских делегатов, считавших, что с ними плохо обошлись. Но как только Турция ушла из Европы, нападение превосходящих греческих сил на Смирну (сегодняшний Измир) на турецком восточном побережье в мае 1919г. лишь всколыхнуло антигреческие и антисоюзнические чувства — хотя итальянцы, а затем американцы выступили против греческого вторжения — и ускорило «современное» национальное восстание в самой Турции под предводительством Мустафы Кемала. Севрский мирный договор с Османской империей 1920 г. не работал и был в июле 1923 г. заменен новым Лозаннским договором. Итак, трудная попытка создать в Европе эффективный мир заняла еще больше времени, чем ведение казавшейся бесконечной войны.

Гражданская война и мир в России, 1918-1921

Границы Восточной Европы выкраивались не только усталыми версальскими миротворцами. Рубежи Советского Союза и Польши во многом определила кровавая гражданская война в России, разразившаяся летом 1918 года. Это была война между большевистской Красной Армией и Белой гвардией; в последней были представлены совершенно разные политические силы, в том числе бывшая императорская армия, и которая получала военную помощь от европейских, американских и японских союзников.

После заключения в марте 1918г. Брест-Литовского мирного договора большевики столкнулись с тремя основными проблемами — внутренней политической оппозицией, которая к июлю 1918 г. взялась за оружие против большевиков; задачей распространения большевистской революции за пределы русских городских центров, таких как Петроград и Москва; и определением территориальных границ новой Советской республики и политики по отношению к нерусским национальностям. Это был серьезный вызов. В новой Советской республике царил экономический хаос. Красную Армию, в отличие от белой армии, Троцкому пришлось создавать почти с нуля. Он

превратил ее из почти нерегулярного добровольческого объединения в высоко дисциплинированную и эффективную армию, набранную по призыву. Контроль красных офицеров над своими подчиненными был суров — согласно Троцкому, дисциплину «невозможно поддержать без револьвера».

282 ГЛАВА?

У Красной Армии была ясная военная цель — установить Советскую республику. Чтобы добиться этого, был необходим контроль над железными дорогами и линиями коммуникаций и снабжения. Пропагандист Троцкий заявил профсоюзу железнодорожников: «Будущий историк скорее всего скажет: "железнодорожники спасли революцию" или "железнодорожники задушили революцию"». Белогвардейцы, напротив, были разбросаны по России, находясь под командованием разных военачальников, которые стремились к разным, часто противоречившим одна другой стратегическим целям, — генерала Антона Деникина, адмирала Александра Колчака, генерала Петра Врангеля и генерала Николая Юденича.

Гражданская война, дух которой столь хорошо был передан в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (запрещенном в России, но опубликованном по всему миру в 1954 г.), была тяжелой и кровопролитной и для солдат, и для мирных жителей. Чтобы одолеть противника и получить продовольствие, обе стороны прибегали к террору, что имело важные последствия для победоносного советского режима, создавшего ЧК — жестокую комиссию по борьбе с контрреволюцией. Согласно данным большевиков по Европейской России, ЧК только между январем 1918-го и июлем 1919 г. расстреляла без суда около 9 тыс. человек и арестовала еще 90 тысяч. В ноябре 1920 г. завершающее красное наступление привело к победе над Врангелем в Крыму, и победа красных была обеспечена. Британский очевидец Артур Рэнсом, путешествовавший по России в ходе гражданской войны, ярко описал спешную эвакуацию врангелевских войск из Крыма. Они оставляли позади себя на милость Красной Армии «багаж, винтовки, пулеметы... неповрежденные танки, неповрежденные аэропланы» и казачьи войска.

Интервенции Франции, Британии, Соединенных Штатов, Канады и даже Японии на стороне белых было недостаточно, чтобы реально помочь белым, и вряд ли способствовала продлению гражданской войны. Так получилось, что она лишь способствовала объединению русских. «Никогда державам Согласия не представлялась лучшая возможность», вспоминал Деникин, но «время шло, все хорошие слова были сказаны, а реальная помощь все еще не поступала». Иностранцам, застрявшим за линией фронта Красной Армии, пришлось несладко. Когда англичанин Джерард Шелли, находившийся в Москве под домашним арестом, попросил у советской власти продовольствия, ему ответили: «Не хочешь сдохнуть с голода, танцуй! В любом случае, одной английской собакой станет меньше!» Иностранная интервенция также оставила тяжелое наследство в международных отношениях: молодой Советский Союз продолжал опасаться западной интервенции.

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 283

Этот страх, впрочем, не был настолько силен, чтобы сдерживать стремление большевиков вызвать революции в других странах. В 1919 г. они основали III Интернационал (Коминтерн), чтобы разжечь мировую революцию по русскому коммунистическому образцу. Он был прямым наследником II Интернационала, распавшегося в 1914 г., когда международная рабочая солидарность не устояла перед национализмом. Под руководством первого председателя своего Исполкома Григория Зиновьева Коминтерн был во многом орудием Советского Союза, и хотя включал в себя 44 коммунистические партии и союзные движения из более чем 50 стран, его работа определялась идеологией и международной программой Российской коммунистической партии. По всему миру на коммунистов стали смотреть как на предателей, на «пятую колонну»*, ждущую приказов Москвы.

Когда после 1924 г. коммунистическая волна в Европе спала, ослабла и власть Коминтерна. Его упадку способствовала и растущая сосредоточенность большевистской партии, стремившейся справиться с последствиями гражданской войны, на внутренних делах. По словам генерального секретаря Коммунистической партии с 1922 по 1953 г. Иосифа Сталина (настоящее имя — Джугашвили), грузина, родившегося в 1879 г., ее целью стало построение «социализма в одной, отдельно взятой стране». Сталина мало интересовал Коминтерн, если не считать его использования в целях усиления своей личной власти в стране и за границей. Коминтерн был распущен в 1943 г. по просьбе союзников России во второй мировой войне. К тому времени огромный рост советской военной мощи сделал ненужной помощь Коминтерна в реализации амбиций Сталина.

Бедствия гражданской войны изменили почти все стороны большевистской партийной жизни.

Безжалостное истребление оппозиции вне партии и все более недемократический характер самой партии, ставший очевидным еще при Ленине — к примеру, выборные партийные комитеты в войсках были полностью запрещены, — явились ценой, заплаченной за победу большевиков. В борьбе за нее большевистские вожди недооценили опасность авторитаризма и централизма. Не создав институционального оплота против авторитаризма — такого, как свободно избираемые национальные и местные властные структуры, — они укрепляли революцию, которая вскоре предаст тех рабочих и крестьян, которых должна была защищать. Впрочем, в 1921 г. суровая экономическая политика военного коммунизма уступила место

* Понятие «пятая колонна» появится лишь в конце тридцатых годов в связи с гражданской войной в Испании. — *Примеч. пер.*

L

284 ГЛАВА?

так называемой новой экономической политике. Нэп представлял собой более либеральный экономический режим, но продержался он недолго.

Мир наступил, когда 18 марта 1921 г. в Риге Советская Россия подписала мирный договор с Польшей. Мировая и гражданская войны стоили России многих жизней, ресурсов, земель. На северо-западе Финляндия и балтийские государства Эстония, Латвия и Литва добились к 1919 г. независимости от России и организовали к 1920 г. демократические выборы. В других областях будущего Советского Союза «национальный вопрос» ставил большевиков перед дилеммой.

Власть прежней Российской империи распространялась на множество разных народов, например украинцев, турок, азербайджанцев, якутов или бурят. Как теперь нужно было обращаться с ними? Ленин осторожно одобрил принцип самоопределения, который был выдвинут в написанной Сталиным, тогда еще народным комиссаром по национальным делам, «Декларации прав народов России» (15 ноября 1917 г.). Под лозунгом «национальное по форме, социалистическое по содержанию» она поощряла самосознание меньшинств, но отвергала их национальные, политические амбиции и требования самостоятельности.

Для марксистов классовые соображения были всегда важнее национальных, но стала ясна большевикам и опасность национализма рабочего класса — когда в 1920 г. Красная Армия вступила в Польшу, польские рабочие выступили против вторжения. Этот опыт также повлиял на отношение Советского Союза к Польше после 1944 года.

Среди остальных народов бывшей Российской империи наибольшую сепаратистскую угрозу представляла для большевиков Украина с ее собственной формой Советов — Радой, созданной в марте 1917 г. Украина осталась в границах ленинской Советской республики во многом потому, что более половины ее населения составляли русские и что ее крестьяне, как и повсюду, были более заинтересованы в приобретении земли, чем региональной автономии. Интеллектуалы часто жаловались на их равнодушие к националистическим призывам. В 1920 г. Михаилу Грушевскому, «отцу» украинского национализма и председателю Рады, разрешили вернуться из эмиграции, чтобы возглавить движение за украинский культурный прогресс*.

Для окружающего мира наиболее убедительным доказательством терпимости большевиков к национальным меньшинствам ста-

* Грушевский вернулся в 1924 г., работал в Украинской АН. — *Примеч. пер.*

НОВЫЙ ПОРВДОК? 1919-1929 285

ло создание в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР), в котором советские республики России, Закавказья, Украины и Белоруссии (Узбекистан и Туркмения стали союзными республиками в 1924 г., Таджикистан — в 1929-м*) получали, казалось, равный статус. Новая Советская Конституция, принятая в июле 1923 г.**, учреждала Совет Национальностей. Впрочем, согласно историку Ричарду Пайпсу, внешняя приверженность большевиков правам меньшинств стала простой «витриной», когда революция и навязывание большевистского контроля уничтожили многие религиозные и культурные организации и независимые партии. Во второй половине двадцатых годов многие этнические группы ощутили себя в еще худшем положении, чем при царизме. Даже привилегированные белорусы и украинцы испытали репрессии, когда большевики поняли, что поощряемый ими национализм может обернуться против них. После же 1928 г. требования нового экономического курса, провозглашенного все более могущественным Сталиным и крайне отличавшегося от относительно либерального режима нэпа, положили конец тем немногим оставшимся свободам меньшинств в СССР. Сталинские

пятилетние планы требовали коллективизации советского сельского хозяйства и массового строительства тяжелой промышленности. Коллективные хозяйства должны были кормить промышленных рабочих, тяжелая промышленность должна была выпускать машины для более эффективной работы сельских тружеников. Маркс не оставил никаких указаний коммунистам, относительно того, как планировать экономику такого типа, как хотел Сталин, так что тот проводил собственную политику, чтобы сделать СССР государством промышленных рабочих.

Революции в Германии и Венгрии, 1918-1919

Марксистский аналитик скорее предположил бы, что первая революция в годы первой мировой войны или сразу после ее окончания разразится не в России, а в Германии. Действительно, в начале ноября 1918 г. настал черед германской революции — после массовых народных протестов по всей Германии на смену монархии пришло

[†] До 1929 г. Таджикистан был частью Узбекистана. — *Примеч. пер.*

^{*} Окончательно утверждена II съездом Советов СССР в январе 1924 г. — *Примеч. пер.*

286 ГЛАВА?

демократическое Учредительное собрание. Эти события привели немецких коммунистов, таких как Карл Либкнехт, к мысли о возможности предсказанной Марксом всеобщей социальной революции. Но несмотря на целый ряд драматических явлений, итог оказался совсем иным. Восстания в немецких городах были быстро подавлены. Существующий капиталистический порядок не только не потерпел крушение, но вышел из кризиса обновленным. Правые политические группы и крупный бизнес перешли в наступление. Усилилась концентрация капиталистической экономики, формировались новые крупномасштабные производственные и торговые объединения. «Мания рационализации» привела к крупнейшим слияниям компаний — созданию «*Vereinigte Stahlwerke*» («Объединенных сталелитейных заводов») в 1926 г. и конгломерата химических производств «*I.G. Farben*» в 1925 г. Все это шло еще дальше, чем предсказывал Ратенау.

В хаосе военного поражения и после отречения кайзера в конце 1918г. Фридрих Эберт, крайне ответственный вождь немецких социалистов, испытал огромное облегчение, убедившись, что армия поддержит новую Германскую республику. Некогда преследуемая Социал-демократическая партия Германии (*Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD, СДПГ*), имевшая марксистские корни, стала основной силой в правительстве 1919 г. Однако такие политики, как основатель консервативной Германской народной партии (*Deutsche Volkspartei*) Густав Штресман, продолжали бояться «классовой войны». Независимые социалисты, а также коммунисты из группы «Спартак», вдохновленные русской большевистской революцией, которая, как они думали, станет мировой, продолжали сопротивляться «умеренности». Не только в Берлине, но и в других промышленных центрах, например в Лейпциге, голодающие рабочие создавали революционные фабрично-заводские комитеты. В Баварии, Тюрингии и Саксонии прошли яростные манифестации протеста.

Реальные последствия уличного насилия отличались от ожиданий. В Берлине плохо организованное восстание группы «Спартак» под руководством Карла Либкнехта и другого, скорее более умеренного заговорщика Розы Люксембург было жестоко подавлено. Одиннадцатого января 1919 г., через пять дней после начала восстания, тела двух убитых вождей были брошены в берлинский канал. Подобная революция вспыхнула и погасла в Баварии, где недолгая жизнь нового ультрадемократического государства завершилась убийством его основателя Курта Эйснера. Взрыв уличных протестов левых столкнулся с ответом правых, который в перспективе оказался на-

НОВЫЙ ПОРВДОК? 1919-1929 287

много мощнее. В марте 1920 г. разразился капповский путч — первая крупномасштабная попытка силой свергнуть новый конституционный порядок. Когда рейхсвер* не выполнил правительственный приказ стрелять по Вальтеру Каппу и его вооруженным сторонникам-фрейкоровцам** — людям, недавно вернувшимся с фронта, это свидетельствовало о молчаливой поддержке, которой правые молодчики пользовались среди «уважаемых» господ и властей.

Действительно, к неумелым революционным попыткам справа относились намного снисходительнее, чем к выступлениям слева. Один из организаторов капповского путча, генерал Вальтер фон Лютвиц, был всего лишь отправлен в отставку (с подобающей пенсией); также довольно милостиво обошлись и с бывшим ефрейтором, мало кому еще известным Адольфом Гитлером после неудачного «пивного путча» в Мюнхене в 1923 году. В Руре, германском индустриальном сердце, власти в мае—июне 1920 г. безжалостно подавили левое выступление 50 тыс. вооруженных добровольцев. Размер этой армии показывал, что в среде германского рабочего

класса царило разочарование и происходила все большая радикализация.

Зимой 1918/19 г. левые революции разразились также в Австрии и Венгрии. Они были вдохновлены примером большевистского переворота в Петрограде и марксистской выучкой солдат императорской армии, полученной в русских лагерях военнопленных. В феврале 1919 г. в атмосфере экономического и военного беспорядка власть в Венгрии перешла к одному такому обученному большевиками военнопленному — Беле Куну, вернувшемуся в Венгрию с русскими деньгами и обещаниями помощи. Южноафриканский представитель на Парижской мирной конференции генерал Ян Кристиан Смете был направлен в Венгрию и разумно заключил, что венгерский большевизм «не представляет серьезной угрозы и продержится недолго». Он был прав. Обещанная Куну помощь большевиков так и не пришла. Кун выступал за радикальные реформы, в том числе за национализацию, а не за перераспределение сельских хозяйственных земель — это не нашло отклика в стране, где в сельском хозяйстве было занято более половины населения, а многие крестьяне-арендаторы стремились сами стать землевладельцами. Решительная атеистическая кампания и применение Куном организованного террора против оппозиции, организатором которого стал его кровавый соратник

* Германские вооруженные силы в 1919—1935 гг., буквально — «имперская оборона». — *Примеч. пер.* ** От *Freikorps* — добровольческий корпус, — *Примеч. пер.*

288 ГЛАВА?

Тибор Самуэли, склонили чашу весов в другую сторону. К 1 августа 1919 г. Кун и его сторонники покинули страну.

Беспорядки этим не кончились. На смену Куну пришло правое правительство адмирала Хорти, но слухи о монархическом заговоре запутывали венгерскую политику даже после провала бывшего императора Карла воспользоваться положением и, вернувшись в Венгрию, завладеть трон в апреле 1921 г. Но гораздо большее воздействие на венгерскую политическую жизнь оказала 133-дневная советская республика Белы Куна. Как и в Германии, угроза слева вызвала решительный ответ со стороны новых праворадикальных политических групп, считавших, что связанные с СССР коммунисты намерены уничтожить и страну, и капитализм. В действительности протест рабочих был вызван голодом, инфляцией и безработицей в первую мирную зиму и почти не свидетельствовал об их идейной приверженности международной марксистской революции (к этому выводу с неохотой пришел и сам Ленин). Исключение из этого правила представляли ведущие партийные активисты Италии, Франции и Испании. Тем временем призрак коммунистической революции, которая уничтожит Бога вместе с частной собственностью, продолжал пугать средний класс, некоторые представители которого становились все более враждебны не только к левым, но и к либеральной демократии.

Масштаб политического насилия в послевоенной Европе предвещал беду. В 1920—1922 гг. прокатилась новая волна политических убийств, сопровождавшаяся ростом открытого антисемитизма. (Евреями были многие из революционеров-коммунистов: среди наиболее видных — Люксембург, Либкнехт*, Кун и Самуэли.) Э. Гумбель, автор книги «*Zwei Jahre Mord*» («Два года убийств», 1922) подсчитал, что в Германии между мартом 1919-го и июнем 1921 г. имело место 334 политических убийства, причем 318 были совершены немецкими правыми, а 16 — левыми. Среди жертв были и видные представители либеральной демократии — католический лидер Матиас Эрцбергер и еврей по происхождению экономист Ратенау, занимавшийся организацией германской экономики в годы войны.

Выжившие империи: Британия и Франция

Когда перекраивалась карта Европы, Британии, Франции, Германии, Нидерландам, Бельгии и Португалии пришлось пересмотреть и свои

* Карл Либкнехт евреем не был. — *Примеч. ред.*

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 289

имперские связи. Соперничество между европейскими империями, особенно между Британией, Францией и Германией, внесло вклад в рост напряженности в Европе накануне 1914 года. После войны Британия и Франция реформировали взаимоотношения в рамках империй. Понятие Британского Содружества, созданного на основе «белых доминионов», таких как Австралия и Канада, оказавших в годы войны помощь метрополии, помогло ослабевшей Британии освободиться от части имперского бремени. Но теперь Британия получила мандат Лиги Наций и должна была защищать территории на Ближнем Востоке и в Африке — карту этих регионов, как и Китая, также перекроили решения Парижской мирной конференции.

Декларация независимости, провозглашенная Даил Эреан — самостоятельно созданным ирландским парламентом (21 января 1919 г.), обозначила новую стадию, хотя еще не конец, долгой и тревожной истории англо-ирландских отношений. Новая республика обратилась к державам Парижской мирной конференции с призывом о признании, и к концу 1919 г. Англия и Ирландия находились по сути в состоянии войны, хотя этот факт и не признавался правительством метрополии. Ирландские республиканцы под руководством Майкла Коллинза, Катола Бруги, Имона Де Валеры и Артура

Гриффитса были настроены решительно, и контингент британских вооруженных сил в Ирландии пришлось увеличить. Королевская ирландская полиция набирала кадры в Англии среди бывших солдат — так были созданы печально известные отряды «*Black and Tans*»*. Газета «Тайме» опасалась, что использование правительством силы в Ирландии приведет, возможно преднамеренно, к такому восстанию, при котором урегулирование станет невозможным.

Прогресс в обсуждении ирландского вопроса британским парламентом был столь же сомнительным, как и «полицейские» действия британских вооруженных сил в Ирландии. Но 23 декабря 1920 г. Акт об управлении Ирландией наконец был принят, Север страны, оплот юнионистов, оставался британским, и местные протестанты шумно выражали свою преданность Соединенному королевству. Война на юге продолжалась до мая 1922 г., когда республиканское правительство в Дублине вынудило британцев пойти на значительные уступки. Отражая широко распространенные в Европе взгляды, английское образованное общество признало, что нечестно отказывать ирландцам в независимости, которую в 1919 г. на Парижской мирной конференции даровали чехам, полякам и словакам. Гражданская война завершилась,

* Английские карательные отряды в Ирландии. — *Примеч. пер.*

290 ГЛАВА?

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 291

хотя и в последующие десятилетия вооруженные люди в масках продолжали сражаться во имя ирландской независимости либо верности британской короне.

Первая мировая война и, в меньшей степени, борьба ирландцев за независимость, безмерно истощили ресурсы Британии. Впрочем, после первой мировой войны размеры Британской империи, или Содружества, были больше, чем когда-либо. Империя занимала почти 14 млн кв. миль* земного шара с населением свыше 454 млн человек. Единственным государством, которое могло бы соперничать с ней по этим показателям, был Китай, но его население еще отставало на 123 млн человек. Представления о колониальной империи почти не претерпели изменений — господствовала идея «священного завета» между цивилизованными народами и «отсталыми» туземцами. Эта мысль вошла даже в устав Лиги Наций. Впрочем, имперская идеология постепенно менялась, все больше внимания уделялось понятию «ответственности», а не «власти».

Это справедливо и в отношении французских колониальных дел. В 1923 г. видный теоретик колониализма, французский министр колоний Альбер Сарро доказывал: «Колонизируя [земли], Франция работает не только для себя... ее попытки должны быть благотворны и для колоний, ведь Франция обеспечивает им экономические улучшения и общественное развитие».

На родине даже в рамках британской «упорядоченной демократии», демократии истеблишмента, пришлось пойти на расширение избирательного права, распространив его в 1918 г. на всех мужчин старше 21 года и всех солдат, вне зависимости от возраста. В 1921 г. право голоса наконец получили все женщины старше 30 лет. Но как только европейский рабочий класс начал голосовать, раскрылась его политическая беспомощность в непосредственно касающихся его вопросах: цены и доступности продовольствия, обеспечения необходимым жильем и работой. Несмотря на такие новые законы, как Акт о страховании безработицы (1920) и важнейший Пенсионный акт (1925), в стране росло разочарование — правительству не удавалось оздоровить больную экономику, страдавшую от устаревших методов производства и хронической потери рынков сбыта. Даже первый лейбористский кабинет меньшинства 1924 г. не предложил почти никаких политических решений, которые бы помогли справиться с индустриальными проблемами Британии. После окончания войны в промышленности каждый год происходили крупномасштабные беспорядки, а 3 мая 1926 г. забастовка шахтеров переросла в девятидневную всеобщую стачку (впрочем, несмотря на это общепринятое название, всеобщей она все же не была). Ее кратковременность показала, что в британских социалистических кругах, как и в британской политике в целом, господствовали умеренные деятели, убежденные в необходимости сохранения демократии и капиталистической системы в том или ином ее виде. Теперь нам ясно то, что не было очевидно в то время — общая стачка обозначила конец, а не начало широких социальных беспорядков.

35,7 млн кв. км. — *Примеч. пер.*

ставка шахтеров переросла в девятидневную всеобщую стачку (впрочем, несмотря на это общепринятое название, всеобщей она все же не была). Ее кратковременность показала, что в британских социалистических кругах, как и в британской политике в целом, господствовали умеренные деятели, убежденные в необходимости сохранения демократии и капиталистической системы в том или ином ее виде. Теперь нам ясно то, что не было очевидно в то время — общая стачка обозначила конец, а не начало широких социальных беспорядков.

Феминизм и общество

После первой мировой войны коммунизм не был потенциально революционной силой в Европе. Сперва некоторые рассматривали предоставление избирательного права многим, хотя отнюдь не всем женщинам как столь же опасную и дестабилизирующую силу, как и призывы коммунистов. Действительно, быстрое введение Советским Союзом формального равенства полов в Семейном кодексе 1918 г. и легализация аборт в 1920 г., казалось, свидетельствовали об ужасном сговоре

всех революционных сил. Однако за несколько лет меры в поддержку прав женщин и призывы к новой советской морали пошли на убыль. В 1922 г. первая в Европе женщина-министр, а затем первая женщина-посол Александра Коллонтай поспорила с Лениным о том, как женщин лучше привлекать в Коммунистическую партию и как партия должна их поддерживать. К концу двадцатых годов по всей Европе стал очевидным похожий отказ от радикальной феминистской программы — требований юридического равенства, равных возможностей в работе, права участвовать в политике на всех уровнях, доступа к контрацепции, абортam, сексуальной свободы. Эта программа уступила место более консервативной идеологии «социального домоводства», подчеркивавшей общественный вклад, который вносят женщины в своей традиционной роли матерей и домохозяек.

Возникшие после первой мировой войны проблемы породили сложный контекст для феминизма. Гнет послевоенной инфляции обострил внимание прежде всего к классовым или иным социально-экономическим различиям, а не к различиям в положении полов. Все это вкупе с широким введением после войны избирательного права для женщин ослабляло феминистское движение. Политики-женщины вошли в основные политические партии и здесь, по крайней мере на общенациональном уровне, им было сложно заявить о себе. Даже в тех партиях, где женщины были представлены в партийном активе (в меж-

292 ГЛАВА?

военной Британии они составляли половину членов лейбористской партии, такое же положение было в СДПГ), это не находило выражения на общенациональном уровне. Даже в рекордном в этом отношении 1931 г. женщинами были только полтора процента членов британского парламента; в Германии женщины в среднем составляли в двадцатых годах около 7% депутатов рейхстага. На их пути стояли самые разные препятствия. Местные партийные ячейки неохотно выдвигали женщин на национальных выборах, да и партийные вожди не поощряли их выдвижение. В то же время женщины были разочарованы повседневной партийной жизнью: бесконечными спорами в накуренных комнатах, долгими процедурами, покровительственным тоном коллег-мужчин.

В попытке осуществить собственную программу женщины оставались намного более активными на местном политическом уровне. Это имело особое значение во Франции и Италии, где женщины все еще не имели права голоса. В 1923 г. фашистское правительство Бенито Муссолини в попытке обыграть политических противников впервые даровало итальянкам право голоса на местных выборах, объявив о своем решении на встрече Международного союза суфражисток, проведенного в мае в Риме. Но этот шаг был только витриной, так как одновременно правительство стремилось понизить статус женщин и ограничить их вклад в жизнь общества. Министр образования в правительстве Муссолини — Джованни Джентиле пытался, к примеру, ограничить число женщин-учительниц, доказывая, что им недостает умственной и моральной силы, чтобы воспитывать мужчин.

Во Франции, где женщинам также было отказано в праве голоса на общенациональных выборах, им разрешалось служить в местных советах. Местная политика оказалась для них более привлекательной, так как открывала доступ к принятию решений в вопросах, прямо затрагивавших женщин, в особенности в сфере образования, жилья и здравоохранения. Более того, продолжая работу, характерную для женской политической и общественной деятельности в XIX в., они оставались активными в целом ряде добровольных объединений. Особенно впечатляло участие женщин в Союзе Лиги Наций — международном клубе в поддержку этой женевской организации. Столь же важной была работа женщин в пацифистских объединениях. Ими двигал целый ряд обстоятельств: опыт первой мировой войны, отношение к ее ветеранам и желание заявить всему миру о собственных взглядах как матерей. В Париже женщины участвовали в не менее чем 144 различных политических объединениях, из которых более 25 были открыто пацифистскими.

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 293

В целом же основное внимание женщин-активисток в межвоенный период сосредоточилось на семье и ее вкладе в национальное государство. Женщины-политики всех оттенков совершили огромный промах, прямо связывая свою работу на местном уровне и общенациональную социальную политику по таким вопросам, как безработица и доступ к образованию. Налицо было также стремление сосредоточиться скорее на *нуждах* женщины, чем на ее *правах*. Это не просто притупляло критический настрой межвоенного феминизма, но и позволяло фашистским и авторитарным режимам, целью которых было проведение семейной политики в интересах национального или расового благополучия, очень легко перехватывать и использовать требования

женщин. Споры о сексуальности и продолжении рода занимали видное место в культурной и политической жизни Европы двадцатых годов. Война если не раскрепостила сексуальность, то упростила отношение к ней. До войны около 19% европейских женщин вступали в брак не девственницами, между 1915 и 1925 гг. этот показатель вырос до 39%. Эти перемены приветствовали и вдохновляли художники, артисты и левые радикалы, призывавшие к новой честности в отношениях между мужчиной и женщиной и более активной политике по контролю рождаемости, упрощению процедуры развода и даже легализации гомосексуализма. Против них неизбежно выступали те, кто усматривал причинно-следственную связь между нравственностью и сильной нацией, нравственностью и сильной христианской церковью (или церквями). С их точки зрения, секс был возможен лишь между супругами в целях продолжения рода, а все, что отклонялось от этого Е1ути — гомосексуальность, добрачные связи, использование контрацепции или аборт, — должно было исправляться или преследоваться. Хотя такая точка зрения нашла свое наиболее ясное выражение в политике авторитарной и фашистской Европы в тридцатые годы, она уже с двадцатых годов играла важную роль в политических дебатах и правительственной политике демократических стран.

Разделение между радикальными и консервативными группами было не всегда таким ясным, как казалось. Некоторые из самых стойких европейских сторонников контрацепции, такие как основатель первых женских консультаций в Британии Мэри Стоупс, также стояли на расовых позициях. Извращенное восприятие дарвиновской и последарвиновской теории эволюционистской биологии побуждало правых и левых требовать, чтобы государство заботилось о физическом и умственном здоровье народа с целью обеспечения «расового выживания». Сторонники так называемой евгеники призывали государство управлять воспроизводством своих граждан, поощрять раз-

294 ГЛАВА 7

множение «биологически сильных» пар, предлагая финансовые стимулы имеющим детей и штрафуя бездетных (в Германии был введен так называемый холостяцкий налог). Более того, евгенисты считали важным, чтобы каждый гражданин имел доступ к контрацепции, потому что подавление сексуального желания породит «умственно неустойчивое население». Евгеническое движение имело адептов в большинстве стран и во всех слоях общества, но особенно сильным было оно в среде среднего класса. Стоявшие за евгеникой идеи дали толчок профаммам принудительной стерилизации, мишенью которых стали наиболее уязвимые члены общества. На спор о контрацепции влияли не расовые, а иные проблемы. Сторонники контроля рождаемости видели в нем важный шаг к улучшению условий жизни беднейших членов общества. Более низкие показатели рождаемости создадут для детей лучший материальный мир, сделают счастливее браки, освобожденные от страха нежелательной беременности. Германский интеллектуал Юлиус Вольф считал, что общество должно признать, что желание продолжать род — это не инстинкт, а добровольный выбор (эта идея станет весьма популярной в шестидесятые годы XX в.): большинство мужчин и женщин из рабочего класса, утверждал он, стремятся к доступной контрацепции скорее по практическим, чем по идейным причинам. Развитие женского здравоохранения означало, что теперь врачи могли сообщить женщинам о нежелательности для тех рожать новых детей, но в силу закона либо религиозных или культурных убеждений они не давали им советов по контрацепции. Вот почему офомное число жаждущих совета женщин писали Мэри Стоупс, которая коснулась этой темы в книге «Замужняя любовь*» (1918). «Мой первый ребенок родился три года назад, и доктор посоветовал мне больше не иметь детей. Но не дал мне нужного совета, как этого избежать», — такое письмо миссис Е.Б. было типичным¹. Считалось, что в 1925 г. в Веймарской республике было совершено свыше 875 тыс. нелегальных абортов, в год же «великой депрессии» этот показатель превысил миллион.

Италия: первая жертва, 1919-1924

В первые мирные годы немецкая, венгерская, австрийская и польская демократии проложили путь, по которому все чаще будет двигаться европейская политика в последующие годы: все более явный раскол между социалистами-реформистами, готовыми сотрудничать с существующим демократическим режимом, и революционерами-ком-

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 295

мунистами, боровшимся за мировую революцию рабочего класса; надежда на национализм как политическую силу; склонность к уличному насилию; упадок довоенного либерализма.

В Италии уровень уличного насилия и растущее противостояние между левыми и правыми создали модель, которой последовали в межвоенные годы многие страны. До войны итальянский

премьер-министр Джованни Джолитти, искусный манипулятор, пытался привлечь к сотрудничеству левых в либеральное движение, но ему так и не удалось сохранить господство Итальянской либеральной партии — точно так же, как расколотая Либеральная партия в Британии проиграла после войны Независимой рабочей партии и новым лейбористам*. За послевоенными избирательными реформами в Италии — введением в 1919 г. всеобщего голосования мужчин и пропорционального представительства партий — последовал отток голосов от либералов к левым радикалам и все более беспокойной Итальянской народной партии (*Partita Popolare Italiano, PPI*) — любопытной смеси правых, левых и центристских католиков, которых в основном поддерживали мелкие крестьяне-собственники и арендаторы Северной и Центральной Италии. В ноябре 1919 г., а затем в мае 1921 г. два сменявших друг друга либеральных премьера Нитти и Джолитти созывали всеобщие выборы, стремясь остановить утечку сторонников либералов влево и вправо. Но Либеральная партия не смогла разрешить противоречие между историей и современностью. Да и на практическом уровне ее вожди не могли предложить удовлетворительных ответов на широкий спектр социальных и экономических проблем, с которыми столкнулась страна: экономический кризис в явно ставшей избыточной военной промышленности, городскую безработицу, земельный голод среди крестьян Юга и высокие арендные платежи крестьян-арендаторов Севера. Итальянский средний класс толпами покидал Либеральную партию, горько жалуясь, что изношенные старые клише либеральной политики не предлагают новых решений. Положение ухудшалось из-за стремительной инфляции: индекс оптовых цен (1913 г. — 100) вырос с 413 в 1918 г. до 591 в 1920 г., съедая заработную плату, пенсии и сбережения. Как тремя годами позднее в Германии, особенно пострадали «белые воротнички». Средний класс все больше боялся коммунистической революции и все меньше доверял существующему политическому строю.

* Независимая рабочая партия (*Independent Labour Party*) — партия, основанная в 1893 г. и составившая с 1910-х гг. левое крыло Рабочей (лейбористской) партии (*Labour Party*). — *Примеч. пер.*

296 ГЛАВА?

И без того существенные потери усугубились тем, что версальские победители в своем обращении с Италией словно бы подражали отношению итальянского либерального коалиционного правительства к собственному народу. Неспособность премьер-министра Орландо получить земли, обещанные Италии по Лондонскому договору, разгневала многих, особенно десятки тысяч тщеславных молодых офицеров, все еще зараженных патриотическим угаром войны. В 1915 г. итальянские националисты верили, что первая мировая война сцементирует разрозненный народ и создаст подлинно единую Италию, но послевоенные экономические трудности и разочарование мирными договорами вновь вывели трения между регионами на первый план. Поход поэта Габриэле Д'Аннунцио на Фиуме (сентябрь 1919 г.) показал, что многие решительные молодые итальянцы готовы разрешить свое несогласие с правительством силой. В Италии наступила эпоха массовой политики и потенциально нелояльной армии.

Как в Германии и Венгрии, расширение избирательного права обострило угрозу господствующему либерально-демократическому порядку. Хотя большие группы рабочего класса горячо поддерживали радикальных социалистов — вновь созданную Итальянскую коммунистическую партию (по Центральной и Северной Италии прокатились голодные бунты, в Пьемонте захватывали фабрики), а крестьяне Юга обратили взоры в сторону ИНП, политическая судьба Италии, как и многих других либеральных демократий межвоенной Европы, была в конце концов определена теми, кто выступал вершителями политики на континенте с конца XIX в.: различными слоями среднего класса, в том числе промышленниками и владельцами магазинов, крестьянами-арендаторами, государственными служащими и деловыми людьми. Сам король был все более расстроен неспособностью сменявших друг друга правительств сдерживать волну насилия. Найденный ответ стал дурным предзнаменованием. Разочарованные крахом традиционных либеральных партий, многие повернулись к журналисту и бывшему деятелю Итальянской социалистической партии (*Partita Socialista Italiano, PSI*) Бенито Муссолини, который после крайне успешной карьеры на посту редактора социалистической газеты «*Avanti!*» («Вперед!») в 1914 г. внезапно порвал с ИСП, став сторонником вступления Италии в первую мировую войну. К концу войны он занял агрессивную националистическую позицию, став основателем и вождем так называемых отрядов борьбы («*Fasci di Combattimento*»). Их члены, фашисты, предлагали земельную реформу, ликвидацию сената и созыв нового Учредительного собрания. Эта политика не была

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 297
новой. Новым стало большое количество вооруженных банд, выступавших под знаменем фашизма и наводнивших села и города Италии. Их участников наиболее успешно вербовали в

региональных столицах. К 1921 г. Муссолини начал извлекать избирательный и финансовый капитал из поднимающегося в Италии революционного насилия, прекрасно зная, что оно является делом рук и его отрядов.

К концу 1921 г. итальянский фашизм уже принял свое хамелео-ново обличье: он обещал удовлетворить всех, кроме социалистов, часть которых сыграла на руку Муссолини, создав связанную с Москвой коммунистическую партию, что дало фашистам возможность сделать прекрасный пропагандистский ход. Обещая остановить забастовки, восстановить дисциплину труда, ввести местное политическое представительство и покончить с массовыми беспорядками, они представляли Муссолини как нового общенационального вождя — «дуче». В октябре 1922 г. король предложил ему стать премьер-министром коалиционного кабинета. В мае 1924 г. Муссолини столкнулся с обвинениями со стороны депутата-социалиста Джакомо Матеотти, заявившего что последние выборы были омрачены мошенничеством, насилием и пытками. Муссолини пришел в ярость из-за стремления Матеотти подорвать доверие к его «респектабельности» и, как говорят, заявил своим головорезам: «Если бы вы не были трусами, никто бы не осмелился так выступить». Десятого июня 1924 г. Матеотти исчез, и все правильно поняли, что фашистские молодчики захотели, убив его, исправить свой просчет. Муссолини разрядил начавшийся кризис, изгнав некоторых из самых непопулярных своих соратников. Оппозиция была безнадежно расколота, общественное мнение, очевидно, не хотело винить Муссолини в убийстве Матеотти, и он сохранил за собой подавляющее парламентское большинство. «Кризис Матеотти» не только не ослабил дуче, но и укрепил его позиции. Отныне он обещал то, что хотел услышать «консервативный» средний класс: свобода прессы должна быть урезана, оппозиционные партии должны ходить по струнке, Италией нужно управлять эффективно.

Крах демократии в Италии наступил раньше, чем в Германии или Испании, хотя Италия и вышла победителем из войны. Но в чем-то итальянская история повторилась и в событиях, связанных с крушением либеральной демократии в этих двух странах, а также в истории гораздо более прочных демократий во Франции и в Британии. Дать право голоса еще не значило решить проблемы самых бесправных слоев общества, а верхний и средний классы, то есть те, кому отдавала предпочтение политическая структура XIX в., боялись расширения

298 ГЛАВА?

избирательного права. Экономический крах в конце двадцатых годов только усилил напряженность в Европе. Итак, в январе 1925 г. Италия вступила на трудный путь, который вел к сомнительной цели — созданию фашистского государства, власть которого основана на массовой поддержке. Муссолини ужесточил контроль над фашистскими отрядами, сделал конституционным высший орган фашистской партии — Большой Совет, а сам возглавил военное, морское и авиационное министерства*. Хотя большая часть партийных акций была лишь высокопарной театральной пропагандой, а не итогом жесткой, ясно определенной политики, настроение итальянцев в первые годы фашизма улучшилось в связи с падением безработицы. Восторженные иностранцы (а таких было немало) были впечатлены уже тем, что поезда прибывали вовремя.

В объяснении популярности режима Муссолини важное место занимает культурное измерение: движение сознательно стремилось легитимировать себя в глазах страны, связывая фашизм с характерными чертами славного прошлого Италии. Фашистские символы беззастенчиво копировали символику Римской империи, различные юбилеи или события отмечались яркими праздниками. Типичным было празднование 28 октября 1930 г. годовщины марша на Рим: массы чернорубашечников и «представителей национальной силы», явно подражая императорским легионам, собрались и эффектно маршировали перед римским Палаццо Венеция. В тридцатых годах роль таких сборищ становилась все важнее — так итальянский фашизм осуществлял свою репрезентацию перед обществом. Муссолини хвастался, что может собрать толпу, просто позвонив в колокольчик.

Параллели?

В Испании ответом на растущую инфляцию и крестьянское недовольство стала диктатура Примо де Риверы (1923—1930) — «человека безграничного оптимизма». Крестьяне Каталонии, как и земледельцы Южной Италии, возмущались традиционной системой землепользования, при которой эксплуатируемый арендатор не мог стать хозяином своей земли. В сельском хозяйстве Южной Испании господствовали крупные поместья-латифундии, управлявшиеся подобно заво-

* Муссолини также стал министром внутренних и иностранных дел, колоний и корпораций. В сентябре 1929 г. он отказался от шести портфелей, оставшись только премьером и министром внутренних дел. — *Примеч. пер.*

дам. Из-за огромной резервной армии труда работодатели могли удерживать заработок на уровне физиологического минимума. При этом у испанских крестьян почти не было политической альтернативы — их протест выражался в форме радикального антиклерикализма. В промышленности было занято только 2 млн рабочих, так что миграция в города не могла решить проблему быстрого роста населения Испании на рубеже веков. Страна столкнулась с тяжелым политическим кризисом.

Де Ривера пришел к власти, как и Муссолини, при поддержке короля и армии и стремился управлять Испанией сильной рукой. Но его авторитарный подход отличался неуклюжестью. Своими попытками реформировать армию он разочаровал самых горячих сторонников справа, а левых разозлил репрессиями против каталонцев (он даже запретил каталонский национальный танец сардану). В провинциях господствовали республиканские настроения. Впереди были новые беспорядки.

Португалию в середине двадцатых годов также захлестнула волна забастовок, а рабочий антиклерикализм вызвал ответную реакцию португальских правых. В отличие от Испании, Португалию не раздирал конфликт регионов, и все португальцы говорили на одном языке. Однако в стране царил растущее разочарование демократической политикой основанной в 1910 г. Первой республики. Первоначально казалось, что провозглашение республики вывело Португалию в авангард европейской политики — двумя другими республиками тогда были Франция и Швейцария, — но португальская демократия вскоре пошатнулась. Между 1910 и 1926 гг. сменилось 45 правительств, каждое из которых в среднем правило четыре месяца; национальный бюджет страдал от дефицита; сухопутный и морской офицерский корпус все охотнее участвовал в политике, частично вдохновляясь испанским образцом Примо де Риверы.

В 1926 г. в ходе национальной революции демократическая республика сменилась военной диктатурой, но общественные беспорядки продолжались. В начале 1927 г. демонстрации и восстания вновь потрясли страну. В Оporto (Порту) было убито 80 человек, еще 100 погибло в Лиссабоне, свыше 600 предполагаемых зачинщиков беспорядков отправились в ссылку. В следующем году министром финансов при диктаторском режиме стал Антониу де Оливейра Салазар (род. в 1889), католический профессор экономики в Университете Коимб-ры. Находясь под влиянием Шарля Морраса, вождя «Французского действия» (*«Action Française»*), и других французских и итальянских правых деятелей, Салазар был полон решимости обуздать свирепство-

вавший бюджетный дефицит. Он также стремился к «корпоративной» власти, которая будет действовать в интересах всех граждан, а не простого большинства. Для Салазара «отдельный человек — это абстракция, выдумка, в основном созданная в прошлом столетии на основе ошибочных принципов». В этих своих выводах он опирался на католических мыслителей. Результаты салазаровского руководства португальскими финансами впечатляли. В 1917—1928 гг. бюджетный дефицит равнялся 2 574 000 эскудо, в следующие же 11 лет, в том числе годы «великой депрессии», ему удалось достичь общего профицита в 1 963 000 эскудо (это равняется примерно 20 млн фунтов стерлингов). Пока назначались и снимались другие министры, Салазар выдвигал инициативы, далеко выходявшие за пределы его компетенции министра финансов: расходовал бюджетный профицит на общественные работы, перевооружение, социальную помощь, коммуникации, порты, оросительные и гидроэнергетические системы и образование. Молодое поколение националистов и армейских офицеров стало видеть в широко уважаемом в стране и за рубежом финансовом диктаторе лучший ответ на политические проблемы Португалии. В итоге в июле 1932 г. он стал премьер-министром страны (его официальный титул звучал как Председатель Совета Министров), сохранив этот пост до осени 1968 г., когда его здоровье пошатнулось. Между прочим, хотя его *«Eslado Novo»* («Новое государство») во многих отношениях было сходно с Испанией Де Риверы и Франко, сотрудничество пиренейских государств оставалось ограниченным. В годы гражданской войны в Испании Португалия стала перевалочным пунктом для нацистских поставок Франко и выдавала националистам беженцев-республиканцев, но хитрость Салазара в отношениях с соседом соответствовала старой португальской пословице: «Ни хороший ветер, ни хорошие замужества из Испании не приходят». В Германии новые правые, иногда известные как «крайний фланг центра», получили мощный импульс с наступлением в 1923 г. невиданного гиперинфляционного кризиса. Германская марка пострадала уже летом 1921 г., упав до одной пятидесятой от своей ценности в 1914 г. К лету 1923 г. инфляционная спираль достигла своего пика. Американским туристам было самое время ездить в Германию. Немцы же были в отчаянии. В ноябре 1923 г. за один американский доллар давали 4,2

млрд марок. Как городские, так и сельские жители начали отказываться от марки в пользу прямого обмена, меняя домашние вещи, например кастрюли и мебель, на еду. Обесценившимися банкнотами семьи оклеивали комнаты и украшали воздушных змеев.

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 301

Воздействие кризиса на жизнь простых людей лучше всего показывает история молодой женщины-инвалида, ставшей в годы войны сиротой и унаследовавшей около 112 тыс. марок. За несколько месяцев ее наследство превратилось в ненужные бумажки, и она дважды пыталась покончить с собой. Театральный критик Арнольд Бауэр вспоминал, что в Берлине «страшная бедность была видна на улицах... люди покупали продуктов на один-два дня — на большее у них не было денег»³.

Инфляция была во многом вызвана внутренними экономическими трудностями — и в частности, являлась следствием решения императорского правительства финансировать войну с помощью военных облигаций, а не налогов. Так образовался огромный внутренний долг, который нужно было выплачивать с процентами. К этому бремени добавились репарационные требования Антанты и социальные расходы, например траты на демобилизацию, обеспечение раненых и вдов. Однако германскому правительству было легче терпеть и даже порождать инфляцию, чем пытаться ее контролировать. Инфляция обесценивала долги и в краткосрочной перспективе позволяла платить по счетам. Но человеческая и политико-экономическая цена этого была крайне высокой. Политическое, психологическое и социальное воздействие инфляции глубоко подорвало основы Веймарской республики, лишив ее массовой поддержки.

Весь остальной мир спокойно наблюдал, как после того как Германия не смогла ответить на неоднократные репарационные требования Франции, французские войска в январе 1923 г. вторглись в германское промышленное сердце — Рур. Французы подозревали, что немцы намеренно стремятся разрушить свою экономику, чтобы не платить репараций — в этом обвинении была доля правды, — в то время как Соединенные Штаты и Британия были разгневаны появлением французских черных колониальных войск на немецкой земле. Германскому правительству сочувствовали во всем мире. Сочувствовали и германской политике пассивного сопротивления в Руре, хотя один британский карикатурист и позволил себе легкомысленно сказать о «рур-нировании Германии» (*«ruhrnation of Germany»*)*. Тем не менее к лету 1923 г. германскому правительству пришлось признать: «Мы сидим на вулкане и окажется на пороге революции, если не сможем улучшить положение».

Большинство немцев, особенно представителей среднего класса, видевших, как таяли их зарплаты, доходы и сбережения, не хотело

* **Игра** слов: «*ruination*» — крушение, разрушение, разорение (англ.). — **Примеч. ред.**

302 ГЛАВА 7

повторения ужасов гиперинфляции. В результате в Германии развился глубоко укорененный страх инфляции, оказавший сильнейшее влияние на германскую политику в годы «великой депрессии», когда канцлер Брюнинг (1930-1932) счел невозможным прибегать к инфляционным методам борьбы с экономическим кризисом. Удар кризиса 1923 г. заставил правительство понизить ставки заработной платы на 18%, что стало сокрушительным ударом по ремесленникам. Мастерам, плотникам и мебельщикам старой поры казалось, что в подверженной кризисам индустриальной капиталистической Германии им не осталось места. Они и подобные им слои общества все чаще находили прибежище в националистических, романтических движениях, вроде «Боевой лиги нищих», предаваясь воспоминаниям о воображаемом времени, когда германская раса была «чистой», а деревня не страдала от жадных капиталистов.

Вначале подобные крайне правые движения, как и их коммунистические антиподы, не представляли непосредственной угрозы Веймарской республике. Но гиперинфляция, за которой последовало введение новой валюты, усилила социально-экономический раскол немецкого общества и привела к утрате общественной поддержки либеральными, демократическими и центристскими партиями. Контраст между демонстративным богатством и откровенной нищетой стал еще острее в контексте «современной» культуры, наиболее живо и напряженно представленной в Берлине. «Мы почти не спали и никогда не уставали, — писал прославленный немецкий драматург Карл Цукмайер. — Берлин вкусил будущего, и вот почему мы впитали весь его мрак и холод».

В 1923—1924 гг. Германию спасли Густав Штресеман и американские доллары. Штресеман, харизматический вождь Германской народной партии (*Deutsche Volkspartei, DVP*), был канцлером в 1923 г., а затем стал министром иностранных дел, успешно работая на этом посту вплоть до своей смерти в 1929 г. Он остановил пассивное сопротивление в Руре и установил параметры

новой валюты — рентмарки. Хотя Штресман был националистом, он был готов сотрудничать с социалистами, особенно с президентом Эбертом, с целью восстановления в Германии стабильности. В своих попытках разрешить Рурский кризис Эберт и Штресман часто прибегали к статье 48 германской конституции, которая позволяла им обходить рейхстаг. Таким образом, даже защитников германской демократии отличало довольно поверхностное следование строгим принципам демократической политики. Успеху их попыток также способствовали англо-американская враждебность к Франции после вторжения в Рур и, что наиболее важно, **НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 303**

но, 200-миллионный американский заем, выделенный в сентябре 1924 г. по новому плану Дауэса, позволившему Веймарской республике начать все сначала.

Признаки опасности: Восточная Европа, 1920-1928

План Дауэса повлиял на ход экономического восстановления в Центральной и Восточной Европе, где в начале 1920-х гг. наблюдались многие тревожные признаки. Масштаб хаоса, разрушения и беспорядка в государствах Восточной Европы, как старых, так и новых, далеко превзошел опыт Запада. Хотя к 1921 г. Финляндия, страны Прибалтики, Польша, Чехословакия, Австрия, Венгрия, Югославия*, Болгария и Румыния провели относительно свободные демократические выборы, в этих странах силен был социальный раскол между аристократами и крестьянами, а экономика в значительной степени находилась в руках национальных меньшинств, в первую очередь немцев и евреев. Большинство послевоенных глав восточноевропейских государств имели крестьянское происхождение, как, например, президент Чехословакии Масарик или болгарский премьер-министр, аграрист Александр Стамболийский. Такое же происхождение было у Энгельберта Дольфуса, премьер-министра Австрии в 1932—1934 гг. Подобные «крестьянские» премьер-министры придавали восточноевропейской политике популистский характер, обусловленный романтическими представлениями о простом народе и сильным национализмом. Занимавшая прежде первое место старая знать смотрела на этих политиков с недоверием, если не враждебностью. Типичной была реакция польского дипломата графа Потоцкого. Он так писал о премьер-министре Польши в 1919 г. Игнации Па-деревском, известном пианисте, игравшему президенту Вильсону музыку Шопена: «Выдающийся человек... Знаете, что он родился в одной из моих деревень? А все равно, когда я с ним говорю, у меня складывается полное впечатление, что беседую с равным». Социальное наследие старых империй повлияло на характер политики Восточной Европы, где можно выделить три обширных лагеря. Первый представляли сторонники старых националистических движений, приверженцы буржуазной консервативной политики под

* До 1929 г. будущая Югославия называлась «Королевство сербов, хорватов и словенцев». — *Примеч. ред.*

304 ГЛАВА?

руководством таких людей, как польский национальный демократ Роман Дмовский. Во втором главенствовали новые националисты во главе с Пилсудским в Польше или Фаном Ноли в Албании. В их ряды затем вступят новые «радикальные правые», которых будут еще меньше интересовать демократические тонкости и которые многое позаимствуют у итальянских фашистов, а затем у германских национал-социалистов. И наконец, существовали бесчисленные аграрные партии, представители которых доказывали, что общество должно управляться в интересах крестьянского большинства. Эту группу в первую очередь волновали вопросы землевладения и падение цен на сельскохозяйственную продукцию.

Эти основные политические водоразделы усложнялись языковой, религиозной, исторической и конституционной пестротой новых государств. В Австрии, Польше, Прибалтике, в меньшей степени в Чехословакии демократические конституции были написаны по образцу конституции французской Третьей Республики с ее сильным парламентом и слабой исполнительной властью. Но даже в Румынии, Югославии, Греции и Болгарии, где монарх сохранил важные полномочия, политическая роль избранного всеобщим голосованием парламента становилась все важнее. Большая часть этих стран не имела ни демократического опыта, ни сильной поддержки со стороны великих держав. Признаком их политической жизни стали насилие и нестабильность. Например, в находившейся под угрозой гражданской войны Польше 19 правительств сменили друг друга с 1919 по 1926 г. — пока Пилсудский не совершил успешный военный переворот. В Болгарии убийство Стамболийского показало, сколь хрупка власть закона. Югославию раскалывали разногласия по конституции и требования земельной реформы во имя улучшения жизненного уровня крестьянства, составлявшего четыре пятых населения. В декабре 1928 г. ее король Александр объявил, что «[демократическая] машина больше не работает», и ввел королевскую диктатуру. Румыния также попала под полный контроль своего короля Кароля с 1930 г. — вплоть

до его отречения в 1940 году*. В Албании после ожесточенной борьбы между главой прогрессивной Народной партии Фаном Ноли и вождем одного из местных кланов Ахметом Зогу власть перешла к Зогу. Через год Зогу провозгласил новую республику, а себя — ее президентом. В 1928 г. он, отказавшись от этого титула, объявил себя «Зогу I, королем албанцев».

* Установив королевскую диктатуру, **Кароль II запретил партии и профсоюзы**, в 1938 году. — *Примеч. пер.*

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 305

Польша, Венгрия, Болгария, Румыния и Греция испытали сильнейшую инфляцию. В Центральной Европе эта участь миновала только Чехословакию. Трудности Польши и Венгрии напоминали проблемы Веймарской республики. Но у стран Центральной и Восточной Европы не было ни достаточной собственной финансовой силы, ни влиятельных друзей-банкиров за морем (как у Германии), чтобы обеспечить займы, необходимые для стабилизации своих валют. Их заменой выступала новая Финансовая и экономическая организация Лиги Наций, оказавшая помощь всем этим странам, кроме Румынии, правительство которой из соображений национальной гордости решило, что не нуждается в иностранной помощи. Эта поддержка обозначила стремление Лиги поощрять рост экономики в странах региона, которого некоторым из них действительно удалось добиться. Так, между 1925 и 1929 гг. производственный сектор вырос на 48% в Венгрии, на 36% — в Польше и 48% — в Румынии. Впрочем, объяснением таких впечатляющих показателей роста служит низкий начальный уровень промышленного развития. Сельское хозяйство все еще оставалось важнейшим источником занятости и благосостояния. Когда кончился период инфляции, обострилась конкуренция со стороны североамериканских фермеров, производительность труда не повышалась, а в некоторых районах сбор урожая основных культур упал на целых 13%. Система землевладения не способствовала развитию. Многие хозяйства были слишком малы, чтобы стать жизнеспособными. В Польше лишь 17% крестьянского населения владело фермами, достаточными, чтобы заработать на жизнь; в Югославии две трети хозяйств были меньше двух гектаров — минимума, необходимого, чтобы прокормить семью.

Судьба Восточной Европы определялась и ее отношениями с остальным континентом. К концу двадцатых годов политическая, дипломатическая и экономическая роль Франции в регионе все более оспаривалась немецким экономическим проникновением и дипломатическим вмешательством. Италия также претендовала на особые экономические, культурные и политические связи с этим регионом. Но намного более грозной была растущая популярность новых германских политических моделей, в первую очередь — национал-социализма. Демократические правительства, хотя и опирались на свободный выбор, нуждались в поддержке большинства населения, чтобы действовать эффективно. Восточную Европу терзало противостояние многочисленных групп и меньшинств, которые правительства были не в состоянии сдерживать. Только в Чехословакии — государстве с относительно эффективной экономикой, успешно проведенной земель*

306 ГЛАВА?

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 307

ной реформой и сильной властью, политическое положение в двадцатые годы было стабильным, но даже эта история успеха потускнела, когда по Европе в 1929 г. прокатился экономический кризис.

Мнимая стабильность, 1925-1928

Интерес Германии к Восточной Европе выразился при заключении договора в Рапалло (апрель 1922 г.) — официально это было лишь советско-германское «экономическое соглашение», — который, пусть и ценой французской враждебности, разорвал дипломатическую изоляцию Германии и Советского Союза. Два изгоя международной политики установили полные дипломатические и консульские отношения и согласились аннулировать все взаимные долговые обязательства. Они не только обеспечили себе важные экономические рынки и развитие дипломатических контактов, но и насытили западных кредиторов, в первую очередь Франции. В 1924 г. СССР был признан *de jure* Британией, Италией и Францией. (США признает советское правительство в 1933 г.)

В 1923 г. франко-германские отношения, как мы видели, еще более ухудшились в связи с французским вторжением в Рур, однако многие германские политики все более понимали, что сотрудничество с Западом лишь усилит Германию. Ведущим сторонником линии на улучшение отношений, в первую очередь с Францией, стал Штресеман. Триумфом его карьеры стал подписанный в декабре 1925 г. договор в Локарно. Чтобы повлиять на мирный пересмотр условий Версальского договора, Штресеман выказал решимость прибегнуть к экономической дипломатии, а не к характерному для Рапалльского соглашения самоуверенному ревизионизму или политике

пассивного сопротивления в Руре.

Попыткам Штресемана содействовал «левый кабинет», пришедший в это время к власти во Франции. Французский министр иностранных дел Аристид Бриан, бывший премьер-министром в 1921 и 1922 гг., разделял взгляды Штресемана, полагавшего, что в интересах европейской стабильности было бы не смотреть на немцев как на изгоев, а включить Германию в Лигу Наций и французские соглашения по безопасности. Знаменательной вехой стал Локарнский пакт, подписанный Германией и Францией и поддержанный Британией. Он уничтожил старое деление на «союзные» и «вражеские державы». Подписывая Локарнский пакт, Германия косвенно признала Версальский договор. Французские войска покидали Рур, франко-германская граница гарантировалась при участии Британии. Договор содержал эхо «европейской риторики», которая вновь прозвучит в дипломатии Бриана в 1930 г. и, с большим результатом, в политике после 1945 года. Для Штресемана каждый был «гражданином Европы, присягнувшим великой культурной идее, нашедшей выражение в нашем континенте».

Все приветствовали подобный подход. Бельгийское правительство, всегда стремившееся развивать международное сотрудничество и европейское единство, чтобы гарантировать собственную национальную безопасность, назвало пакт «решающим шагом к созданию Соединенных Штатов Европы». Оптимизм Локарно подтвердился в 1928 г., когда Бриан, вновь ставший премьер-министром*, и американский государственный секретарь Фрэнк Келлог, подписали пакт Бриана—Келлога, в котором был провозглашен отказ от войны как инструмента политики. Для противников пакта это значило немногим больше, чем «международный поцелуй» — тем более что Соединенные Штаты, стремившиеся избежать привлечения в гаранты французской безопасности, пригласили подписать пакт все независимые страны. В итоге к нему присоединились 65 государств. Впрочем, советское правительство осталось исключенным из этого общеевропейского примирения**. Британия же начала опасаться французских намерений пересмотреть Версальский договор не меньше, чем германской ревизионистской риторики, и к 1928 г. Королевские ВВС уже составляли планы нападения на Францию, если та нарушит Локарнский пакт.

Во время и после Локарно международные отношения улучшились. Очевидное восстановление европейской экономики если не благоприятствовало, то расширяло их. Нэп (новая экономическая политика) побуждал СССР торговать с заграницей — Ленин учил, что «коммунисты должны учиться торговать». На Западе же план Дауэса — схема помощи, за которую ее разработчик, вице-президент при Кулидже Чарльз Дауэс получил в 1925 г. Нобелевскую премию мира, — привел к колоссальным вливаниям американского капитала в Германию. Страна получила из Америки намного больше денег, чем заплатила их по репарациям. Через план Дауэса США оказались связаны с ростом или падением европейской экономики. Тем временем Бельгия, Италия, Чехословакия, Франция и Югославия тоже подписали с США

* Но сохранивший и портфель министра иностранных дел. — *Примеч. пер.*

* СССР не пригласили участвовать в обсуждении пакта, но все же в день его подписания 27 августа 1928 г. предложили к нему присоединиться. СССР подписал Договор 29 августа и немедленно его ратифицировал. — *Примеч. пер.*

2444

308 ГЛАВА?

НОВЫЙ ПОРЯДОК? 1919-1929 309

новые соглашения по военным долгам, а Франции удалось в 1926 г. поставить под контроль галопирующую инфляцию. Многие европейские государства выражали решимость вернуться к золотому стандарту, как это сделала в 1925 г. Британия. Сторонники золотого стандарта верили, что он умиротворит инфляцию, упростит торговлю и уничтожит неопределенность на мировых валютных рынках. Впрочем, проведенный Черчиллем, в ту пору канцлером казначейства, возврат к золоту подвергся в Британии серьезной критике — многие считали, что это сделает экспорт неконкурентоспособным.

Повсюду в Европе в годы после Локарно объем торговли вырос по сравнению с уровнем до 1914 г., причем спрос на промышленные товары далеко превышал потребности в сельскохозяйственной продукции. Европейская и мировая торговля выиграла от ослабления правительственного экономического контроля, хотя тяжелая участь европейского крестьянства вскоре вынудила вновь возвести таможенные стены. Многие составные части экономического регулирования военной поры в погоне за возвращением к довоенной деловой свободе были отменены, хотя интерес государства к планированию сохранился, особенно в Советском Союзе, Германии, Венгрии и Чехословакии.

Казалось, что Европа, если пользоваться языком эпохи, свернула за угол, и хотя процветание было

далеко не повсеместным, появились поводы к оптимизму. Материальный прогресс был очевиден благодаря современной технике. В домах, ставших удобнее, чем в 1914 г., появились электроплиты, тостеры, замороженные и консервированные продукты. Веймарское правительство помогло построить почти 2 млн новых домов, в Британии также проводилась активная жилищная политика.

В условиях лучшего социального обеспечения и более широкого распространения образования «современная» жизнь казалась более приемлемой. В ней было больше места досугу, пускай он зачастую использовался, чтобы убежать от реальности. Голливуд, многие звезды которого приехали из Европы, повлиял на американо-европейские отношения не меньше, чем план Дауэса. Большинство людей посещали кинотеатры хотя бы раз в неделю, а многие европейские страны, особенно Франция, Германия, Италия и Британия, создали собственную киноиндустрию. Новой влиятельной силой в двадцатые годы стало радио, устроенное в национальном масштабе, так же как и популярные газеты с высокими тиражами, которые, как считалось, содействовали созданию более демократичного общества. Они обеспечивали не только новостями, но и развлечением и не в последнюю очередь рекламой, поощрявшей потребительский бум.

Хрупкие основания, 1929

Неразбериха послевоенного десятилетия способствовала невиданному процветанию художественной деятельности, отразившей непростое сосуществование современного и традиционного. Архитектор движения «Баухаус» Вальтер Гропиус, вдохновленный вызовом городской жизни, стремился строить здания, которые «предотвратят закабаление человечества машиной», а писатели-консерваторы настойчиво говорили о важности семьи и традиций. Молодежь вступала в организации, вроде немецкой «*Wandervogel*»*, чтобы путешествовать по провинции и учить народные песни. Международным стало бойскаутское движение, основанное в Британии героем бурской войны, впоследствии лордом Робертом Баден-Пауэллом. Он также основал клубы скаутов-девочек («*girl guides*») и «волчат»**.

Тем не менее относительное процветание (*prosperity*) Европы — как и будущее ее молодежи — было хрупким. Мир 1919 г. никого не удовлетворял, Локарно разрядило международную напряженность не в большей степени, чем процветание разрядило внутреннюю. Каждое европейское государство продолжало бороться с соседями, стремясь обеспечить собственные национальные интересы. Франция продолжала подозревать Германию, и новые тревоги дали о себе знать после смерти Штресемана в октябре 1929 г. (Сообщали, что Париж встретил весть о его смерти так, «как будто умер величайший француз-современник».) Французы также опасались итальянских экспансионистских амбиций в Центральной и Восточной Европе. Отношения Британии с Францией омрачались непониманием и недоброжелательностью. Впрочем, в условиях относительного процветания двадцатых годов это соперничество угрозы не представляло.

Европейская экономика также выказывала признаки скрытой слабости. Долговое бремя было высоким, причем заимствованные деньги часто использовались непродуктивно. В Венгрии в 1928 г., например, более 40% иностранных вложений сразу же покидали страну, уходя на выплаты по существующим долгам. В Польше этот показатель составлял 28%. Трудности были не только в сфере финансов. На протяжении двадцатых годов, до и после Локарно, зна-

*Перелетная птица» (нем.). — *Примеч. пер.* Бойскауты от 8 до 10 лет. — *Примеч. пер.*

310 ГЛАВА 7

чительное количество европейских рабочих оставалось незанятым. Даже в относительно богатой Британии безработица никогда не опускалась ниже одного миллиона человек, а в Германии в 1926—1929 гг. она в среднем составляла полтора миллиона. В Скандинавии цифры были еще показательнее. В Норвегии между 1925 и 1929 гг. государство зарегистрировало незанятыми более 20% рабочих, а в Дании их число приближалось к 19%. (Реально без работы оставалось еще больше людей.) Занятые рабочие, которые, как считалось, выиграли от «нового порядка», часто считали новые завоеванные свободы иллюзорными. Условия труда все еще были плохими, рабочий день для большинства составлял 10—12 часов. Жилищное обеспечение также не соответствовало потребностям. В континентальной Европе (этот термин обычно используют в Британии) разочарование в демократии часто выражалось в росте числа членов коммунистических партий.

С растущей популярностью левых радикалов соперничало дальнейшее укрепление «новых» правых — недовольные слои «традиционного» европейского общества, нижний средний класс,

ремесленники и крупные землевладельцы решили выплеснуть свой гнев. В «ревизионистских» государствах, в первую очередь Германии, Венгрии и Австрии, демократическая политика приняла нигилистический характер, политические деятели хорошо умели критиковать демократию и разрушать ее фундамент, не предлагая взамен ничего созидательного. Именно этот вакуум правые радикалы, в авангарде которых шли национал-социалисты, заполнили «революцией» в своем стиле. Граф Биркенхед, бывший министр-консерватор, близкий к Черчиллю, пророчески предупреждал в 1930 г.:

Унесет ли поток времени германскую мстительность или же равновесие сил опрокинет какое-нибудь непредвиденное злосчастное событие? Тогда Германия протянет лапу, чтобы схватить Польшу, и война вновь захлестнет всю Европу.

И в этот момент европейская экономика рухнула. Рухнула и экономика Соединенных Штатов, где в отличие от беспокойной Европы в 1925—1929 гг. имел место промышленный бум. К 1929 г. большинство американцев верили, что вновь обретенное процветание гарантировано и вечно. Их безудержный оптимизм выразился в невиданном росте фондового рынка. Первого января 1929 г. общая цена всех акций на Нью-Йоркской фондовой бирже составила около 27 млрд долларов.

НОВЫЙ ПОРВДОК? 1919-1929 311

Через четыре года котировка акций превысила 67 млн долларов — рост более чем на 250%. Когда в 1928 г. Герберт Гувер выдвигался в президенты от Республиканской партии, он выразил взгляд миллионов американцев, провозгласив: «Мы с Божьей помощью скоро увидим тот день, когда бедность навсегда будет изгнана из нашей страны». Гуверу следовало проявить большую осторожность. Через год после его речи стало ясно, что в американской экономике не все в порядке. До основания потряс американскую уверенность в себе крах на Уолл-стрит — в «черный четверг» 24 октября 1929 г. почти 13 млн акций были распроданы по резко упавшим ценам. Отвлечь собравшуюся у фондовой биржи на Уолл-стрит толпу от ужасных новостей смог только самоубийца, балансировавший на крыше соседнего небоскреба.

Примечания

¹ *Mother England. A Contemporary Story* / Ed. by Marie Slopes. L., 1929. P. 24.

² Цит. по; *GUIA. A Dance Between Flames. Berlin Between the Wars*. L., 1993. P. 256.

Глава О

Пушки и масло, 1929-1939

Великая депрессия 1929—1933 гг., этот невиданный по масштабу мировой экономической спад, последовавший за крахом Уолл-стрит, оказала глубокое воздействие на европейскую историю. Ее результаты сказывались на протяжении тридцатых годов, пока Европу не захлестнула трагедия иного порядка — вторая мировая война. К тому времени европейская экономика на первый взгляд успела восстановиться, но в 1937 г. вновь началось ее падение. Только рост расходов на перевооружение спас людей от безработицы и лишений. Но возможность вновь устроиться на фабрику слабо утешала рабочих Лилля и Шеффилда — становилось все более ясно, что рост военных заказов означал вероятность общеевропейской войны, которая обещала стать еще страшнее предыдущей.

Поражение «умеренных» политиков в поиске эффективных ответов на массовую безработицу имело в Германии, Британии и Франции драматические последствия. В Британии пал избранный в 1929 г. лейбористский кабинет и было создано так называемое национальное правительство под руководством прежнего премьер-министра Рамсея Мак-Дональда, которого бывшие коллеги сочли предателем. Во Франции, политическая система которой препятствовала созданию коалиционного правительства, за четыре года (между 1932 и 1936 гг.) сменилось 11 кабинетов. Обыденностью стали бюджетные кризисы.

Требования «хлеба и масла» начали определять европейскую политическую жизнь. Как крестьянам получить разумную цену за свою продукцию в мире падающих цен? Как рабочим европейских городов найти такую работу, чтобы купить достаточно еды? Депрессия подрывала

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 313

вала и дипломатические отношения, так как глубина мирового кризиса заставляла отдельные страны прежде всего защищать свои национальные интересы посредством дискриминационных тарифов и импортных квот. Мир разделился на союзные и враждующие торговые блоки. Именно в этой атмосфере напряженной экономической конкуренции, зачастую между государствами с общими дипломатическими интересами, например Британией, Францией и США, германский национал-социализм, итальянский фашизм и японский империализм стремились упрочить свою власть. Для Германии, Италии и Японии, гордых своим «расовым превосходством»,

экономический национализм стал шагом на пути создания империй.

Причины Великой депрессии

Причины Великой депрессии были комплексными. Европейский «кризис» (термин, которым пользовались тогда европейцы, хотя в учебники истории попало американское понятие «Великой депрессии») возник не в США. Но потрясение от краха фондового рынка Уолл-стрит немедленно пагубным образом отразилось на Европе, так же как американское экономическое воздействие поддержало европейскую экономику в двадцатых годах. На самом элементарном уровне европейская экономика еще полностью не приспособилась к долгосрочным «структурным» изменениям в мировой экономике, вызванным или ускоренным первой мировой войной. В двадцатые годы эти изменения уже способствовали возникновению внушительной безработицы, так как Европа столкнулась с яростной экономической конкуренцией со стороны не только США, но и Японии. Соперничество усугублялось растущей неконкурентоспособностью немецкого и в меньшей степени британского труда. С 1925 по 1930 г. реальные заработки в Германии существенно выросли, в среднем на 4,6% в год, но производительность труда осталась прежней. С множеством проблем столкнулись «старые отрасли» Британии — текстильная, угольная промышленность, черная металлургия и судостроение. В опубликованной в 1922 г. официальной «Истории боеприпасов» утверждалось, что британские промышленники «отстают от других стран в технических разработках, оснащении заводов и организации... Конкуренция становится невозможной».

К началу 1929 г. большинство политиков Италии, Франции, Германии и Британии, а также некоторые американские деятели поняли, что рост мировой экономики подошел к концу. Спрос на

машины

314 ГЛАВА 8

падал. Также падал спрос на вина во Франции и новое жилье в Британии. Немецкий экономист Йозеф Шумпетер, увлеченный идеей сосуществования капитализма и социализма и их связями с демократией, считал депрессию циклической и структурной. Для русского экономиста Николая Кондратьева это был конец длинного экономического цикла, охватывающего 50 лет.

Причины, которые вызвали спад, ставший самой длительной и глубокой экономической депрессией в XX в., были иными, чем причины первоначального падения цен и производства в 1928-1929 гг. Налицо были четыре особых фактора — прекращение американских инвестиций в Европу; крах мировых цен на основное сырье и рост торгового протекционизма; привязанность к золотому стандарту — первой от него отказалась Британия в 1931 г., но Франция и Италия держались вплоть до 1936 г.; неспособность политиков развить международные, отличные от национальных, инициативы по экономическому оздоровлению. Когда тень депрессии нависла над всей Европой, каждое государство было полно решимости охранять собственные национальные интересы, стремясь пожить на бедствиях соседа.

До 1929 г. американские займы помогали скрыть некоторые прорехи европейской экономики и многим политикам не удалось полностью оценить степень того, насколько их национальное процветание стало зависеть от успехов европейских соседей и Соединенных Штатов. Теперь проблемы обнажились. Среди всех европейских держав процветание Германии зависело от кредитов по плану Дауэса, но они поощряли экономический рост не только самой Германии, но и соседних государств Центральной и Восточной Европы. В 1928 г. этот кредитный поток начал иссякать, что явилось тревожным предзнаменованием. Соединенные Штаты, вмешательство которых в первую мировую войну решило исход дела, теперь после 1929 г. вновь оказали решающее, но на этот раз разрушительное воздействие на всю Европу.

По иронии судьбы американский кредит Европе иссяк не из-за экономической слабости США, а из-за их экономических успехов. В 1924—1928 гг. американских инвесторов привлекали в Европе высокие процентные ставки, но к концу 1928 г. стало ясно, что они могут заработать еще больше, вкладывая в собственный фондовый рынок. В том году золотой поток направился на Уолл-стрит, а в Европе кредит оскудел. Американские заморские инвестиции упали с 2214 млрд долларов в 1928 г. до 1414 млрд долларов в 1929 г. (в 1930 г. они упадут до 363 млн долларов). В тщетной попытке сохранить иностранные инвестиции Германия, Британия, Венгрия, Польша, Югославия и др. — ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 315

гие страны увеличили дисконтные (процентные) ставки. Этот шаг привел к удорожанию займов в Лондоне, Берлине и Париже, к которым прибегали слабые экономические державы (и деловые люди этих стран), чтобы возместить потерю американского кредита. Началась опасная цепная реакция.

Европейский кризис, 1929-1936

В течение следующих четырех лет различные европейские страны в разное время достигли дна экономического падения. Соединенные Штаты сначала приняли неверное политическое решение, так как американские банкиры сочли, что крах Уолл-стрит был вызван слишком большим количеством дешевых денег (займов под низкий процент) в экономике. Это мнение заставило Федеральный резервный банк Нью-Йорка увеличить базовые кредитные ставки, сделав займы более дорогими. Такое мероприятие усугубило депрессию, так как тогда упали и потребительский спрос, и деловые инвестиции. Британский экономист Кейнс, чьи идеи окажут влияние на экономическую политику после 1945 г., писал: «падение инвестиций...думаю я, причем без сомнений и оговорок, вот исчерпывающее объяснение текущего положения дел». Только по мере развития депрессии США и Британия, крупнейшие финансовые державы мира, постепенно снизили свои процентные ставки и ввели политику дешевых денег — политику, которая поможет оживить промышленность и поощрить спрос.

После 1929 г. без американских инвестиций европейские банки становились все более неустойчивыми. Представители Восточной и Центральной Европы — Германии, Польши, Австрии и Чехословакии — ездили теперь в поисках займов не в Нью-Йорк, а в Лондон — как раз в то время, когда Британия в наименьшей степени была способна их обеспечить. Кульминация наступила в мае 1931 г., когда рухнул крупнейший австрийский коммерческий банк Кредитанштальт. За этим быстро последовал банковский кризис в Германии.

Проблемы испытывали в Европе не только банки. Так как они оказались ненадежными, напуганные немцы и австрийцы начали изымать вклады и сбережения, чтобы прятать их под подушкой (в ночных горшках и чайных коробочках, как говорили тогда). Главной причиной европейских трудностей стал всемирный обвал цен не только на акции, но и на основное сырье (в особенности, на пшеницу, мясо, УГОЛЬ и сталь). На протяжении двадцатых годов сельскохозяйственные цены упали уже на 20—50%. После октября 1929 г. эта тенденция

316 ГЛАВА 8

заметно усилилась. Так как свыше 67% мирового трудоспособного населения все еще было занято в сельском хозяйстве, падение цен означало катастрофу и имело ряд важных последствий. Европейские крестьяне стали политически активными и начали решительно требовать от правительств реакции на их проблемы. В итоге правительства Франции, Германии, Испании и других государств начали усиливать предпринимавшиеся уже в двадцатые годы протекционистские меры, стремясь защитить обездоленное крестьянство стенами в виде тарифов, экспортных квот, валютной девальвации и (подчас мошеннических) санитарных норм. В 1931 г. нацистский журнал «*Der Deutsche Volkswirt*» («Германский экономист») присущим ему цветистым языком писал о «тарифной кабале, опутавшей международную торговлю» — и это трудно было оспорить. Немецкие ввозные пошлины выросли вскоре более чем на 50%. Французские квоты охватывали к 1932 г. более 3 тыс. товаров, и даже маленькая Румыния ввела квоты для 80% своего импорта.

Наиболее резко произошел переход к протекционизму в Британии. В октябре 1931 г. британское правительство решило, наконец, отказаться от традиционного покровительства свободной торговле. На это с неохотой согласились многие либералы из национального правительства Мак-Дональда, в том числе канцлер казначейства Филип Сноуден, которого поддержал один из немногочисленных коллег-лейбористов. После девальвации фунта стерлингов в сентябре 1931 г. правительство провело серию тарифных законов, в том числе так называемый Общий тариф (апрель 1932 г.) и Соглашения об имперском покровительстве, подписанные в Оттаве в августе того же года. Впрочем, протекционизм был ограниченным. Предпочтение, оказываемое имперским товарам, не означало, что Британия собиралась сделать свою империю самодостаточной. К 1932 г. меркантилистское представление об индустриальной метрополии, связанной со странами — поставщиками сырья, стало явным анахронизмом. Доминионы проводили индустриализацию и возмущались бы столь патерналистским подходом Британии. Разгневанным национал-империалистам Германии и Италии казалось, что покровительство Британии своим колониям подчеркнуло неравенство, созданное Версальским договором между колониальными державами и державами без заморских владений. Это чувство несправедливости усилилось, когда германские и итальянские националисты увидели, что происходит в мире в годы депрессии. Франция укрепляла свои связи с колониями в Северной Африке и подмандатными территориями в Восточном Того и Восточном Камеруне. В то

же время Япония установила в 1931 г. протекторат над Манчжурией, а Соединенные Штаты вновь продемонстрировали экономический интерес к Центральной и Южной Америке. Муссолини мечтал о второй Римской империи в Средиземноморье, а для Гитлера, которого колонии волновали не больше, чем Бисмарка, судьба империи решалась у порога дома — нужно было обеспечить *Lebensraum* («жизненное пространство») для немецкого народа в Восточной Европе. Раскол Европы на торговые блоки сопровождался и усиливался неустойчивостью валюты. Все это стало слишком очевидно летом 1931 г., когда возросло давление на фунт стерлингов и ушло в отставку правительство лейбористов. В условиях растущей политической и экономической непредсказуемости уверенность инвесторов — владельцев больших активов в фунтах стерлингов таяла и они начали конвертировать свои бумажные фунты в золото. Золото, в свою очередь, начало утекать из банка Англии в неконтролируемых масштабах. 20 сентября 1931 г. директор банка Монтегю Норман объявил, что британское правительство решило сделать курс фунта плавающим. Он больше не опирался на золотой стандарт, и страны, обладавшие внушительными резервами в фунтах — британские колонии и доминионы, а также Скандинавия — быстро отпустили курсы собственных валют. Когда Британия отказалась от золотого стандарта, внутренние цены начали расти, зато ее товары сделались конкурентоспособнее за океаном. За отказом Британии от золотого стандарта последовало такое же решение Франклина Делано Рузвельта, ставшего в 1933 г. президентом США. Плавающий доллар был частью мер по оздоровлению экономики в рамках «нового курса», под знаком которого прошла избирательная кампания Рузвельта. К концу года доллар обесценился примерно на 40%, улучшились внутренние ценовые показатели, а безработица начала падать. Оздоровление США способствовало и восстановлению мировой экономики в целом. Восстановился интерес американских граждан к заморским товарам, постепенно вновь стали возможными американские займы. Итак, несмотря на мнение многих специалистов межвоенного периода, плавающий валютный курс не привел к экономической катастрофе. Однако сохранился блок юсударств (среди них Франция, Италия, Польша, Нидерланды и Швейцария), приверженных золотому стандарту. Их власти верили, что золотой стандарт способствовал процветанию в двадцатые годы и отказ от него уничтожит экономику. Были и другие страны, например Германия и Венгрия, которые остались верны золоту, но обходили некоторые «золотые правила» его обращения, боясь ускорить инфляцию. Из-за относительной недо-

318 ГЛАВА 8

оценки французского франка и господства сельского хозяйства (а безработицу легче скрыть на селе) Францию депрессия затронула довольно поздно. Но несмотря на то, что к 1934 г. она грянула с удвоенной силой, Франция окончательно девальвировала франк только в 1936 г., причем горько сожалела об этом.

Италия, как и Франция, выступала стойким сторонником «золотого блока». Для Муссолини знаменитая «битва за лиру» в 1927 г. была больше, чем просто борьбой против «морального позора и экономической катастрофы обанкротившейся лиры». Он считал, что «судьба режима связана с судьбой лиры» — стабилизация валюты отражала решимость Италии достичь статуса великой державы (дуче также использовал стабилизацию для контроля над рабочими, снижая цены и зарплаты).

Реакция на кризис в мире и отдельных странах, 1929-1932

Политики стремились спасти народное хозяйство своих стран, но международные попытки оживить мировую экономику оставались безуспешными. Британия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Австрия и другие страны продолжали говорить о необходимости международного экономического сотрудничества, чтобы справиться с растущими протекционистскими барьерами и конкуренцией валютных девальваций, но на практике национальные приоритеты слишком часто срывали попытки межгосударственного взаимодействия.

После провала конференции 1927 г. по ограничению протекционизма в Европе следующим усилием в области международного сотрудничества стал «эпохальный» (*momentous* — так звучал тогдашний эпитет) меморандум Гувера. В июне 1931 г. президент Гувер объявил, что Европа может отложить на 12 месяцев долговые выплаты Соединенным Штатам, что в свою очередь позволит Британии и Франции не требовать в этом году германских репараций. Каким бы «эпохальным» ни был меморандум, улучшений в европейской экономике не последовало. В итоге на проведенной в июне 1932 г. Лозаннской конференции германские репарации были окончательно отменены*,

* Германии списали репарации, но предложили внести последний взнос в размере 4,2 млрд марок, одновременно потребовав от США аннулировать военные долги. Последнее обстоятельство резко обострило отношения США с Европой.
— *Примеч. пер.*

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 319

а вместе с ними и сопутствовавшая им ненавистная статья Версальского договора о «вине за войну».

В Лозанне родилась идея второй Мировой экономической конференции. Летом 1933 г. представители 65 государств прибыли на это беспрецедентное собрание, чтобы обсудить состояние мировой экономики в только что открытом в Лондоне Геологическом музее. Однако конференция скорее испортила, чем улучшила экономический и дипломатический климат. Делегаты больше думали, как сохранить уже введенные протекционистские меры, а не как смягчить международные ограничения. Британия, например, стремилась обеспечить свой уровень тарифов и девальвированный курс фунта, тогда как Соединенные Штаты жаждали свободы, чтобы дальше девальвировать доллар. Поэтому многие европейские представители, особенно делегаты Восточной Европы, вернулись из Лондона разочарованными. Так как они зависели от поддержки сильных соседей, прогноз звучал неутешительно. Производительность труда их фермеров — основной части населения и главного сектора экономики, далеко уступала западноевропейской. В Болгарии, например, в 1936 г. на 250 тыс. железных плугов приходилось около 450 тыс. деревянных. Югославские и румынские крестьяне использовали 200 граммов удобрений на гектар, датчане же использовали 311 килограммов.

Восточная Европа, сложным образом вовлеченная в сеть европейских финансовых взаимосвязей, не могла в тридцатые годы прибегнуть к заморской помощи. Лига Наций, этот полезный источник экономической и финансовой помощи в двадцатые годы, теперь действовала неэффективно. Крупнейшие мировые финансовые державы — Соединенные Штаты, Британия и Франция также оказались неспособны обеспечить экономическую поддержку. Ближайшие же соседи Восточной Европы первоначально были целиком поглощены собственными трудностями, а затем начали угрожать территориальной целостности новых национальных государств. В обстановке депрессии девизом континента стало соперничество, а не сотрудничество. Несмотря на то обстоятельство, что симптомы кризиса были по всей Европе одинаковы, общий подход к ним так и не был выработан.

Для борьбы с Великой депрессией европейские правительства избрали узконациональную и неэффективную политику. Зимой 1929 г. политики не сумели предугадать, сколь серьезным станет кризис, точно так же, как они не сумели предвидеть характера первой мировой войны.

Правительства модифицировали собственную экономическую политику лишь по мере того, как разражался следующий кризис. Политики, конечно, были уже готовы участвовать в управлении эко-

320 ГЛАВА 8

номикой. Во многих европейских странах, в том числе Швеции, Италии, Британии и Венгрии, правительственное вмешательство в двадцатых годах резко возросло. Даже в Венгрии, где проводилась практически самая либеральная на Балканах* экономическая политика, многие выступали за расширение правительственного вмешательства. К 1931 г. венгерское правительство владело многими крупными промышленными предприятиями, например металлургическими заводами «Диосдьёр» и пороховой фабрикой «Нитрокемия».

В некоторых европейских государствах депрессия оживила представления об экономическом планировании, спешно забытые по окончании первой мировой войны. К примеру, в Германии, Италии, Венгрии и Румынии разговоры о промышленном и аграрном «фронтах», рабочих-«ударниках»** и «кампаниях» по экономическому оздоровлению возродили метафоры военного времени. Но несмотря на возросшую степень политического управления экономикой, в экономической мысли все еще господствовали строгие финансовые ортодоксы. В Германии больше всего боялись возвращения разрушительной для экономики гиперинфляции. Новые мысли о том, что делать, возникали — например, в Швеции — однако в Британии Кейнсу, разработавшему в 1936 г. новую теорию занятости, пришлось наблюдать массовую безработицу, а не участвовать в борьбе с ней. Безработица в Британии выросла с 12% в двадцатых годах до 15,4% в 1930-1938 гг., в Германии же число незанятых ошеломляло еще больше, достигнув в 1932 г. уровня почти в 6 миллионов. После 1933 г. безработица сократилась в Германии, Швеции, Италии и Венгрии, частично в силу роста правительственных расходов.

Великая депрессия была мировым кризисом, ударив почти по всем. Безработица равным образом затронула людей как умственного, так и физического труда. Многие оставались без работы на

протяжении трех и даже четырех лет, причем особенно сильно страдало молодое поколение. Начала расти детская смертность. Молодые мужчины испытали социальное и психологическое потрясение, узнав, что значит жить без работы. Широкомасштабная безработица могла оказать разрушительное воздействие не только на отдельных людей, но и на целые районы. Печальным символом стал город Джерроу на Северо-Востоке Англии. В Гамбурге без работы на длительное время оказалась почти половина всех молодых людей в возрасте меж-

* В отечественной литературе Венгрию не принято относить к Балканскому региону. — *Примеч. пер.* ** По-английски: «*shock workers*». — *Примеч. пер.*

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 321

ду 20 и 25 годами. Даже Советский Союз, где во всеуслышание объявили, что депрессия стала предвестником конца капитализма, убедился, что его экономика также может быть подвержена тяжелым

последствиям кризиса*.

Воздействие массовой безработицы на рост политического экстремизма многообразно. Во многих странах от нее больше всех выиграли крайне левые и крайне правые политические партии.

Британия и Германия: контраст

Британское национальное правительство, пусть и руководимое бывшим лейбористским политиком и премьер-министром Рамсеем Мак-Дональдом, было продуктом кризиса. У министров его лейбористского кабинета 1929—1931 гг., как и у их неудачливых коллег-социалистов в Германии и Франции, не было нового оружия для борьбы с экономическим кризисом. Они также не могли решить, как примирить требования расходов на социальное обеспечение с существующими бюджетными методами управления экономикой. Профсоюзный деятель Джимми Томас, занимавший в правительстве Мак-Дональда пост «министра по безработице», почти ничего не мог сделать, чтобы снизить ее. Когда стало ясно, что в борьбе с депрессией лейбористскому правительству придется принять осторожную консервативную стратегию, заместитель Томаса сэр Освальд Мосли покинул кабинет и партию. Он сделал скандальную карьеру в британской политике, став основателем так называемой Новой партии, а затем Британского союза фашистов.

Летом 1931 г., когда шатались и даже рушились центральноевро-пейские финансовые системы, крайней степени достигли политические и экономические проблемы Британии. Сэр Клайв Уигрэм, личный секретарь Георга V, предупреждал короля: «Мы сидим на вершущке вулкана». Тревожную атмосферу усилил официальный отчет так называемого Майского комитета, в котором указывалось на серьезные проблемы британской промышленности и финансов и предсказывалось, что к апрелю 1932 г. правительственный дефицит составит 120 млн фунтов. Комитет убеждал лейбористское правительство увеличить налоги и затянуть пояса, урезав в первую очередь пособия по

* **Мировой кризис способствовал индустриализации страны: лишенные традиционных рынков западные фирмы были готовы поставлять станки и оборудование в СССР на благоприятных условиях.** — *Примеч. пер.*

322 ГЛАВА 8

безработице. Именно призыв Майского комитета снизить выплаты по безработице расколол лейбористскую партию. Мак-Дональд после двух аудиенций у короля решил возглавить Национальное правительство, состоявшее скорее из отдельных людей, а не партий. Оно должно было стать временной мерой, чтобы справиться с финансовым кризисом. На самом деле, события того лета провозгласили начало девяти лет власти консерваторов под вывеской Национального правительства. Лейбористам еще предстояло возродиться после раскола и укрепить свои позиции, но за короткий срок партийный кризис преодолеть было нельзя.

Когда вслед за девальвацией фунта Британия приняла серию протекционистских тарифных законов, зарубежным и британским наблюдателям показалось, что начались перемены.

Пятнадцатого сентября 1931 г. Британия ближе всего стояла к масштабному политическому восстанию: 12 тыс. моряков отказались работать, когда услышали об урезании заработка (сокращение жалованья было неравным — от 3,7% у лейтенантов до 13,6% у неженатых матросов). Хотя некоторые тревожные голоса сравнивали это событие в Инвергордоне с Кронштадтским восстанием 1917 г., которое предшествовало русской революции, депрессия не создала серьезной угрозы стабильности британской политической жизни.

После девальвации фунта в 1931 г. в британской экономике стали проявляться признаки оживления — оздоровления тем более показательного, поскольку экономический кризис продолжал держать в тисках Германию, Францию и Соединенные Штаты. Политические экс-

тремисты, такие как члены Национального движения безработных — слева и Британского союза фашистов Мосли — справа, пользовались успехом только в районах, где безработица оставалась высокой; британская политика не вступила на антидемократический или революционный путь. В стране сохранялись сильная парламентская традиция, крепкие финансовые и банковские институты и вера в добродетели британского народа. Широко распространилось чувство, что британская демократия была «наилучшей». Преемник Мак-Дональда на посту премьер-министра, глава консерваторов Стэнли Болдуин, во время своего второго срока сказал, что Англия — это «единственная страна, где выросло парламентское правление... где оно наше плоть от плоти». Именно в Германии, где парламентаризм не был столь укоренен, либеральную демократию ждало величайшее испытание. Левые здесь также оказались не в состоянии ответить на вызов депрессии, но мощь и характер правых сил отличали эту страну от Британии. Весной 1930 г. большой коалиции Германа Мюллера, в которой господствовала СДПГ, ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 323

не удалось справиться с экономическим штормом. Так рухнуло последнее веймарское социал-демократическое правительство. Хотя левые продолжали пользоваться значительным влиянием в рейхстаге (в ноябре 1932 г. Коммунистическая партия Германии и СДПГ вместе занимали больше мест, чем НСДАП), КПП и СДПГ не объединили силы, чтобы одолеть правых (немецким коммунистам этот союз запретило сталинское руководство в Москве). Но подобно тому как в Британии и Франции, немецким социалистам мешали их экономические принципы. Как и в Британии, им приходилось сводить баланс национального бюджета, что неизбежно вело за собой сокращение пособий по безработице и оплаты государственных служащих.

Бюджетные трудности Германии еще более обострились из-за расширения в 1927 г. законодательства по социальному обеспечению. Если в 1913 г. социальные расходы составляли 19,3% всех общественных трат, то в 1930 г. этот показатель составлял 40,3%. Один за другим германские канцлеры сталкивались с противоречием между ростом выплат по безработице и падением налоговых поступлений из-за делового краха и снижения сбора подоходного налога. В марте 1930 г., когда безработица достигла нового рекорда более чем в 3 млн человек и нацисты получили 107 мест в германском рейхстаге, к власти пришла новая правая коалиция Генриха Брюнинга. Во имя спасения германской экономики канцлер Брюнинг быстро ввел драконовские меры, смело урезав правительственные расходы и одновременно повысив налоги. Казалось, что у него не было политической альтернативы, если учесть глубокий страх немецких избирателей перед инфляцией и нехватку иностранных инвестиций, но эти неизбежно суровые меры не могли получить народной поддержки.

Мелкие дельцы видели, как падают их прибыли, сокращалось жалование государственных служащих — доход низшего чиновника, составлявший 260 марок в месяц в 1927 г., был урезан к 1932 г. до 202 марок, — крестьяне не могли продать свой урожай, некоторые промышленники разорились, безработица продолжала расти. Затронуты были все слои германского общества. Чтобы разрядить внутреннюю напряженность и найти альтернативное лекарство против экономического спада, Брюнинг начал активно выступать на международной арене за отмену репарационных выплат и смягчение военных ограничений, наложенных на Германию Версальским мирным договором. Новмае 1931 г. дела пошли еще хуже — началось бегство капиталов из германских банков. Большие суммы иностранных и немецких вкладов уходили из Веймарской республики, денег для инвестиций и займов становилось все меньше. Но в отличие от Британии или Франции

324 ГЛАВА 8

в 1936 г., ни Брюнинг, ни его преемники (канцлеры Франц фон Папен, Курт фон Шлейхер в 1932 г., Адольф Гитлер в 1933 г.), боясь политических осложнений, никогда не рассматривали возможности девальвации рейхсмарки. Более того, девальвация валюты была запрещена планом Юнга 1924 года*.

К началу 1932 г. стало ясно, что меры Брюнинга оказали небольшое воздействие. Безработица выросла до шести миллионов — работы не было у каждого пятого немца. 1932 год стал для многих голодным и деморализующим временем, а для Веймарской республики — годом катастрофы, так как германская политическая элита — армия, суды, землевладельцы — продолжали подрывать общественное доверие к ней. Как и в Британии, с началом кризиса на немецкой политической арене ее покинули либерально-центристские партии, что имело тяжелые последствия. Конституционный строй Веймарской республики — но, разумеется, не Британии — рушился на глазах.

Раскол среди предпринимателей усилился, когда правительство Брюнинга приняло

законодательство по защите мелких лавочников. В ответ на эти меры и на общее ухудшение экономического положения германский большой бизнес начал укреплять картели, чтобы удерживать цены. Этот шаг, в свою очередь, вызвал недовольство тех, кому пришлось больше платить за товары, в первую очередь представителей среднего и рабочего классов. Большой бизнес, несмотря на свою репутацию деятельного сторонника прихода Гитлера к власти, на деле внес только пассивный вклад в его успех. Верно, что крупный капитал не был предан Веймарской республике, и представители его были готовы терпеть и даже поддерживать антидемократическую и антипарламентскую власть, но нельзя сказать, что деловые люди автоматически шли в руки национал-социалистической партии.

Немецкие крестьяне в условиях сурового экономического климата также оказались расколоты. Мелкий собственник негодовал из-за льгот, предоставленных юнкерам (крупным прусским землевладельцам), и в первые два года депрессии усилилась тенденция к успеху мелких, узконаправленных партий, чему способствовала веймарская избирательная система пропорционального представительства. Голоса собирали такие движения, как Христианско-национальные крестьяне. Фермерская партия, Зеленая партия, Германская крестьянская партия и даже «Боевой союз нищих». Когда немецкие рабочие начали выходить на улицы, требуя работы, консервативные круги заявляли, что Германия стоит под угрозой неминуемой «большевизации».

* Имеется в виду план Дауэса 1924 г. — *Примеч. пер.*

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 325

|| коммунисты, и нацисты, опираясь на испытываемые молодыми людьми чувства разочарования и беспомощности, создавали полувоенные организации, которые выслеживали и запугивали оппонентов. Насилие стало привычным. Боевой «Рот Фронт» («Красный фронт») был запрещен германским правительством в 1929 г., но продолжал существовать как подпольная группа. В 1930 г. были организованы Пролетарские силы самообороны, которые гордились тайными кадровыми ячейками, подобными тем, что создавали русские большевики до 1917 года. Попытки полиции насадить порядок в контролируемых коммунистами районах немецких городов наталкивались на сопротивление снайперов, стрелявших с крыш, жертвами часто становились рядовые полицейские. В августе 1931 г. трое полицейских были убиты около кинотеатра «Вавилон» возле берлинской Бюловплатц. Нацисты также не брезговали подобными нападениями. Они предпочитали направлять насилие против коммунистов, социалистов, евреев и иностранцев, терроризировали целые города и городские округа, но также вели и кампании против отдельных людей, например шефа берлинской полиции Бернарда «Исидора» Вайса. Нацистские штурмовики (*Sturmabteilung, SA*), или коричневорубашечники, как их называли по цвету формы, демонстрировали пугающую способность к насилию и коварству. Перед атакой на своих противников они часто инсценировали нападения на собственные отделения, чтобы создать иллюзию ответа на коммунистические провокации. Немецкий избиратель тем самым становился все более радикально настроенным, склоняясь в поисках ответа на экономические вызовы к правым или левым экстремистам, а также делался все более напуганным. Гражданская война казалась неизбежной.

Когда Брюнинг увидел, что больше не пользуется политической поддержкой, он подобно своим предшественникам стал все чаще прибегать к чрезвычайным указам, стремясь избежать необходимости иметь большинство в рейхстаге. Таким образом, германская демократия была подорвана уже до прихода Гитлера к власти. В июне 1932 г., когда канцлером стал Папен, немногие сожалели об уходе Брюнинга. Даже американцы осуждали его как «аскета, схоласта, фанатика и деспота», но ни канцлер Папен, ни его преемник Шлейхер долго на своих постах не продержались. Теперь, когда национал-социалисты и коммунисты контролировали более половины рейхстага, у них не было достаточного количества сторонников в парламенте, чтобы противостоять вотумам недоверия. Тридцатого января 1933 г. нацистская партия пришла к власти — в то время, когда ее поддержка избирателями уже падала, а партийные фонды истощались.

326 ГЛАВА 8

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 327

Гитлер оказался тем политиком, который решил квадратуру круга немецкой политики групповых интересов. К примеру, он много заигрывал с мелкими земельными собственниками и в первые шесть месяцев у власти нацисты ввели меры по защите крестьянских хозяйств от импортных поставок продовольствия. Одновременно Гитлер успокаивал деловых людей обещаниями перевооружения, одновременно пугая гражданской войной, если они не поддержат национал-социалистов. Подчинение труда государству позволило работодателям снизить заработную плату (за следующие четыре года она была урезана на 24%), а широко разрекламированные схемы

общественных работ снизили уровень безработицы. Важно заметить, впрочем, что Гитлер не отказался от ортодоксальной экономики — рейхсмарка не была девальвирована и приток денежной массы сдерживался. В своем восхождении к власти национал-социалистическая партия, обещая «хлеб и работу», успешно оседлала протестные силы (так называемую «коалицию нет»). Подобно Муссолини, Адольф Гитлер сумел привлечь на свою сторону молодежь. Оба вождя были относительно молоды (Муссолини было 39, когда он стал премьер-министром, Гитлеру — 44, когда его назначили канцлером) и казались динамичными по темпераменту. Они проводили свои ребяческие, но отлично организованные пропагандистские кампании в обстановке страсти и насилия, хвастаясь тем, что, по словам Муссолини, «фашистские идеи были идеями эпохи».

Особый шведский случай

Экономическое возрождение Германии при нацистах имело важные последствия для ее торговых партнеров, особенно в Восточной Европе и Скандинавии. В Восточную Европу все больше проникали германские политические и экономические идеи, а хозяйство скандинавских стран, особенно Швеции, выиграло от новых сырьевых appetites Германии. Экспорт шведской железной руды вырос с 3 млн тонн в 1933 г. до 12,5 млн тонн в 1939 г. — при этом свыше 70% этой руды шло в Германию,

Швеция, наиболее развитая в промышленном отношении среди скандинавских стран, явилась исключением, так как, чтобы справиться с депрессией, она прибегла к менее привычной и более успешной политике, которая привлекла интерес сначала немецких и американских экономистов того времени, а затем историков. Политики слушали шведских экономистов, особенно Бертила Олина и Гуннара Мюр-дала, отстаивавших рост государственного вмешательства и расходов с целью поощрения спроса. Их идеи были с энтузиазмом восприняты коалиционным правительством 1932 г., в котором преобладали социал-демократы. Это правительство с его экономической политикой осуществило резкий разрыв с прошлыми догмами, разделяемыми даже шведскими социал-демократами — новый министр финансов Эрнст Вигфорс применил свежую радикальную стратегию оздоровления. Налоговое бремя было перераспределено, а правительственный бюджетный дефицит сводился раз в несколько лет (примерно в три—четыре), а не год за годом. Это увеличило правительственные доходы, которые направлялись затем в экономику посредством программ общественных работ и поощрение жилищного строительства. Современные подсчеты свидетельствуют, что к 1934—1935 гг. было создано около 40 тыс. рабочих мест. Чтобы ощутить преимущества этих программ, понадобилось время.

Даже в Швеции, где эта политика (часто ее описывают как «кейн-сианскую») нашла восприимчивую аудиторию, преимущества валютной девальвации, низкой процентной ставки, стабильности цен и восстановления германского и британского экспортных рынков (особенно, когда ускорилась гонка перевооружения) были не менее важны для экономического оздоровления, чем дефицитные расходы. Шведская депрессия была, безусловно, серьезной, о чем свидетельствуют самоубийство известного промышленника Ивара Кригара (март 1932 г.) и ожесточенные рабочие стачки (с апреля 1933 г. до февраля 1934 г.), но стабильная политическая среда, новая политическая стратегия, маленькая открытая экономика и общее международное оздоровление способствовали выходу Швеции из депрессии.

Франция, 1932-1938

О Франции этого сказать нельзя. События в Германии, может быть, и предоставили временные преимущества шведам, но французы смотрели на них с растущим беспокойством. Многие теперь не только боялись возродившейся Германии, но и сомневались в устойчивости либеральной демократии в самой Франции. Как мы видели, Французская республика позднее, чем Британия или Германия, почувствовала всю силу Великой депрессии, и относительно хорошее положение дел во Франции породило определение «*L'île heureuse*» («счастливый остров»). Однако к 1932 г.

экономика страны испытывала очевидные трудности. С ударом депрессии все более неустойчивым становился политический климат. Подобно Германии, Франция после первой

328 ГЛАВА 8

мировой войны ввела пропорциональное представительство, и начиная с 1932 г. ее кабинеты оказались расколоты. В них были представлены различные оттенки радикалов, радикал-социалистов, социалистов, консерваторов и националистов.

В июне 1932 г. к власти пришел радикал Эдуард Эррио. Он продержался шесть месяцев и ушел из-за вопроса снижения государственных расходов в целях оздоровления бюджета и из-за неспособности Франции платить Соединенным Штатам по военным долгам; его преемник Эдуард Даладье, радикал-социалист, преподаватель истории в лицее им. Кондорсе, продержался девять

месяцев. Такая модель стала типичной для политической системы, бичом которой были узкие коалиции, собиравшиеся вокруг отдельных личностей, вроде Эррио, Даладье и радикала Камиля Шотана. Впрочем, французская демократия не пала жертвой экстремизма в национал-социалистическом духе. К началу 1934 г. доверие к радикальной и социалистической партиям упало после серии политических скандалов и вследствие неспособности предпринять действенные меры, чтобы оградить Францию от худших проявлений депрессии.

Фашистские движения начали процветать и во Франции. Популярные правые антисемитские и националистические политики нашли благодарных слушателей среди французов низшего среднего класса, боявшихся марксизма и возмущавшихся Третьей республикой, которая позволила вырасти этой «пятой колонне». В 1934 г. около 370 тыс. человек принадлежало к четырем различным французским фашистским движениям («*Action Française*», «*Legion*», «*Jeunessev Patriotes*», «*Fais-ceau*»)*, тогда как коммунистов было всего 35 тысяч. Зарубежные фашистские движения оказали влияние на идеологию французского фашизма, но родословие ее было старше. Антисемитизм во многом восходил к делу Дрейфуса, а ант и парламентаризм и поддержка армии выросли из консервативной реакции на либерализм и социализм, господствовавшей во Франции в конце XIX века.

В феврале того же года, когда правые демонстранты маршировали, протестуя против нового радикального правительства Даладье, на улицах Парижа разыгрались кровавые бои. Люди бросали мрамор под копыта коней, вспарывали бритвенными лезвиями лошадиные брюха и вырывали уличные железные ограждения. Спустя два года—и после смены нескольких правых кабинетов—французские левые (радикалы, социалисты и коммунисты) наконец объедини-

* «Французское действие» («Аксьон франсез»), «Легион», «Юные патриоты», «Фэсо» (соответствует *ит.* «фаши») — *фр.* —

Примеч. пер.

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 329

лись для защиты Республики, и в мае 1936г. к власти пришел Народный фронт — коалиция левых партий (хотя коммунисты в правительство не вошли). Французские коммунисты и социалисты извлекли важный урок из рокового раскола германских левых и заключили соглашение, чтобы спасти страну от все более опасных подрывных элементов. Ремилитаризация Германией Рейнской области и покушение на вождя социалистов Леона Блюма со стороны «Аксьон франсез» в начале 1936 г. усилили чувство угрозы для Третьей республики.

Родившийся в 1872 г. Леон Блюм вступил в политику как секретарь Жореса, а до того был известен как видный литературный и театральный критик и любитель скачек. Под его руководством Народный фронт принял очень популярные среди французских рабочих экономические и социальные меры, но последовавшее экономическое оживление произошло почти случайно, когда в сентябре 1936 г. правительство было вынуждено девальвировать французский франк примерно на 25—33%. Без решительной программы оздоровления девальвация произвела незначительный эффект, но создание первого открыто социалистического кабинета стало важной вехой во французской политической истории. Тем не менее в мае 1937 г. французская экономика вошла в штопор, и Народный фронт раскололся по вопросу о том, можно ли позволить дать французам 40-часовую рабочую неделю. Блюм потерпел поражение из-за отказа консервативного сената предоставить ему чрезвычайные полномочия, необходимые, чтобы провести экономическую программу, и из-за краха поддержки рад и калов-участников коалиции. «С меня довольно, — жаловался он. — Все, что я пытался сделать, было саботировано».

В суматохе французской политики роль среднего класса оказалась, как и в Германии, особенно важной. Действительно, именно средние французы, стремясь сохранить свои пенсии, сбережения и заработки, более всех беспокоились о продолжении ортодоксальной экономической политики. В подрыве Веймарской республики решающей оказалась позиция крестьян и крупного капитала, но во Франции и Британии эти слои общества, по существу, оставались консервативными и верными существующему политическому и конституционному порядку. Когда 371-й полк французской тяжелой артиллерии и одно из отделений «Аксьон франсез» готовили заговор с целью мятежа, то местная полиция была справедливо убеждена, что этот замысел провалится «из-за искренне республиканского духа здешнего населения».

330 ГЛАВА 8

Гражданская война в Испании

В двадцатых—тридцатых годах Франция была близка к гражданской войне. В Испании же выборы в 1936 г. правительства Народного фронта стали не противоядием, а катализатором жестокого кровавого столкновения. Испанский нейтралитет в ходе первой мировой войны принес долгожданную эпоху процветания стране, униженной поражением в войне с США (1898). Ее

развитие сдерживали относительно низкий уровень роста населения и преимущественно аграрная экономика. Конец «Великой войны» ознаменовался для Испании, как и для всей Европы, экономическим спадом. С началом Великой депрессии относительно мягкая диктатура Primo de Rivera, длившаяся с 1923 по 1930 г., не смогла справиться с ходом событий, и в 1931 г. властная хватка испанских правых ослабла. «Мы не в моде», — признал король Альфонс XIII и спешно отправился из Испании в изгнание.

Тем временем спад и Великая депрессия способствовали росту мощных левых движений.

Испанская социалистическая партия (*Partido Socialista Obrero Español, PSOE*) и влиятельный Всеобщий союз трудящихся (*Union General de Trabajadores, UGT*) сосуществовали с Рабочей партией марксистского единства (*Partido Obrero de Unificación Marxista, POUM*), членом которой после начала гражданской войны стал английский писатель Джордж Оруэлл, а также анархистской Национальной конфедерацией труда (*Confederación Nacional de Trabajo, CNT*). Все эти движения обладали развитым, но противоречивым видением будущего Испании. Как во Франции и Германии, испанские левые были расколоты на революционные и реформистские движения, и это разделение еще более усложняли антиклерикальные и сепаратистские тенденции, в особенности борьба каталонцев и басков за автономию.

За одну ночь Испания стала республикой, а еще через пять лет частых смен кабинетов и недолгого возвращения в 1933 г. правых Народный фронт — союз республиканцев, социалистов, коммунистов и анархистов — с трудом победил на выборах 1936 г. Эти годы характеризовались массовой политизацией испанской жизни — возможно, еще в большей степени, чем в Германии и Франции. Но победа 1936 г., усилив соперничество и разногласия среди правящих социалистов, мобилизовала армию на военный переворот с целью свержения республики. Франсиско Франко, сзванный молодой среди возглавивших заговор трех генералов, пришел к руководству союзом правых, включавший защитников католической церкви и испанского единства.

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 331

а также старые политические партии: Испанскую конфедерацию автономных прав (*Confederación Española de Derechas Autónomas, CEDA*), фашистскую Фалангу и традиционалистскую католическую и консервативную партию карлистов.

В последовавшей гражданской войне республика поначалу выглядела сильнее в стратегическом и материальном отношении. Но по ходу войны яростная вражда в Народном фронте только ожесточалась. На улицах Барселоны в 1937 г. друг в друга стреляли коммунисты и сторонники Национальной конфедерации труда, с одной стороны, и сторонники Рабочей партии марксистского единства — с другой. У войны с самого начала было международное измерение. На первых этапах жизненно важной для Франко стала помощь Германии и Италии. Мятежники Франко выступили в Марокко, и в переброске всего за десять дней около 15 тыс. человек из Африки в Севилью решающую роль сыграли германские и итальянские воздушные силы. Такая поддержка осуществлялась до 1939 г. Из потенциальных союзников республики на помощь пришел только СССР; Франция и Британия остались в стороне. Франция хотела было оказать помощь, но противодействие со стороны внутренней оппозиции, а также Великобритании тормозили любые шаги. Британскому правительству вторжение на стороне Народного фронта казалось неприемлемым из-за страха спровоцировать общеевропейскую войну. Вмешательство Советского Союза не всегда шло на пользу. Несправедливое осуждение Рабочей партии марксистского единства как троцкистской и действия советской тайной полиции (ГПУ)* в Испании усилили раскол в Народном фронте. Наиболее широко известная сторона международной помощи — интербригады, столь ярко описанные в «Приношении Каталонии» Джорджа Оруэлла и «Дней надежды» Андре Мальро (опубликованы в 1938 г.), никогда не играли в войне решающей роли хотя потери их были существенны: из вступивших в них 20 тыс. добровольцев почти половина была убита.

В целом правые оказались сильнее в этой войне, о которой широко писали в Европе. Армия обеспечивала дисциплину, и Франко, умело прибегая к «кнуту и прянику», объединил различные политические группы. Полностью было использовано их стремление победить коммунизм, защитить церковь и подавить центробежные тенденции в регионах. Помощь, которую правые получали от заморских «друзей», широко рекламировалась. Поддержка со стороны Италии была на-

* В 1934 г. ОГПУ было включено в НКВД и переименовано в Главное управление государственной безопасности. — Примеч. пер.

итальянских солдат. Но на первые полосы газет попал все же «вклад» Германии — 26 апреля 1937 г. легион люфтваффе «Кондор» позорно атаковал маленький баскский город Гернику. В бойне, запечатленной на великой картине Пабло Пикассо, город был стерт с лица земли, а убежавшие мирные жители расстреляны из пулеметов. Впервые в европейской истории был показан разрушительный потенциал воздушной атаки. Эти события казались жутким предвестием будущей войны. В 1936 г. правые контролировали лишь полосу земли на востоке, простиравшуюся от Альхесираса на юге до франко-испанской границы. Почти вся Новая Кастилия, Каталония и страна басков были в руках республиканцев. Но к концу 1938 г. Франко, этот некогда хилый запуганный школьник, которого одноклассники дразнили «*cerillito*» (спичечка), стал безжалостным политическим и военным вождем. При сравнении с динамичным руководством Гитлера и Муссолини режим Франко 1939 года казался несколько старомодной традиционной диктатурой. Однако он единолично правил Испанией без малого сорок лет — едва ли не дольше всех в новой европейской истории. Его монолитная власть зиждилась на двух основаниях — армии и католической церкви. Испания, в 1939 г. еще преимущественно сельская страна, выбрала, таким образом, особый, изолированный от развития прочей Западной Европы путь.

Центральная и Восточная Европа, 1929-1938

Подобно Испании, Восточная Европа также была разорена суровой сельскохозяйственной депрессией тридцатых годов. В Польше, Румынии и Болгарии доход в аграрном секторе уменьшился на 50—60%, в Венгрии — на 36%. Промышленное производство также значительно сократилось — в Чехословакии и Австрии оно упало на более чем 40%. В таких обстоятельствах земельный голод, широкомасштабная задолженность и низкие доходы крестьян, уфожавшие политической стабильности еще в двадцатых годах, ставили под вопрос существование демократии, которая вскоре либо падет, либо отступит во всем регионе, за исключением промышленной Чехословакии.

Крестьянским партиям было сложно продвигать через аграрные кооперативы более современные способы ведения сельского хозяйства, хотя некоторые подобные планы были грандиозны:

например,

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 333

болгарский премьер-министр аграрист Александр Стамболийский мечтал о связанных железными дорогами «электрифицированных» деревнях, в каждой из которой — свои «залы народной культуры» и силосохранилища. Без западных инвестиций и тем более западных рынков претворить подобные мечты в действительность было невозможно. Взамен этого широкомасштабное принятие автаркичной экономической политики сопровождалось все большей нетерпимостью к этническим меньшинствам, особенно к еврейской общине, которую связывали с *Finanzkapital* (финансовым капитализмом) и «интернационализмом».

В середине тридцатых годов почти во всей Центральной и Восточной Европе установилось авторитарное правление. В Польше после смерти Пилсудского в 1935 г. его преемники, небольшая группа старых военных друзей, известная как «правительство полковников», продолжили политику покойного маршала и раздували национализм мечтами о создании «Великой Польши». В противоположность относительно долгому правлению Пилсудского, в Венгрии сменился целый ряд консервативных националистических вождей: граф Дьюла Каройи, Дьюла Гембеш, Калман Дараньи и Бела Имреди — каждый последующий был еще большим националистом, чем предшественник*. Придя к власти в мае 1938 г., Имреди с готовностью ввел в Венгрии антисемитское законодательство, поддержал германскую политику в Чехословакии и проложил путь к вступлению страны в Антикоминтерновский пакт в январе 1939 года.

Австрию также раздирали националистические страсти — в 1934—1935 гг. возникло даже движение, провозгласившее целью реставрацию Габсбургов. Консервативная провинция все больше расходилась с социалистами «красной» Вены. Двадцать пятого июля 1934 г. глава коалиции консервативных сил, называвшейся Отечественный фронт, австрийский канцлер Дольфус был убит членами австрийской нацистской ячейки. Путч не удался, и преемник Дольфуса Курт фон Шушниг, стремясь расширить популярность Отечественного фронта, принял решительные меры, ограничив влияние хаймвера** и даже включив в правительство символическое число социал-демократов — членов партии, запрещенной в 1934 г. Однако несмотря на его решимость добиться, чтобы Австрия «осталась независимой», страна не обладала ни единст-

* Речь идет о венгерских премьер-министрах. Регентом Венгрии в 1920-1944 гг. оставался адмирал Хорти, которому и принадлежала верховная власть. — *Примеч. пер.* ** Хаймвер (*Heimwehr* — оборона родины) — вооруженная добровольческая правая организация в Австрии. — *Примеч. пер.*

вом, ни силой для противостояния мощному союзу австрийских и германских нацистов. Присоединение Австрии к Германии (аншлюс) произошло 11 марта 1938 г. Германский фельдмаршал пруссак Герман Геринг радовался, что «существование Австрии» теперь стало «историей».

Чехословацкий президент Томаш Масарик, в отличие от своего австрийского коллеги, уже в 1931 г. подавлял пангерманский национализм. Но несмотря на то что нацизм был объявлен вне закона, он реорганизовался в *Sudetendeutsche Partei* (Партию судетских немцев) во главе с Конрадом Генлейном. Пока партия набирала поддержку избирателей, Ген-лейн тайно налаживал связи с Берлином. В 1935 г. ненемецкие партии Чехословакии единогласно одобрили кандидатуру преемника Масарика — Эдварда Бенеша, но подобное межпартийное сотрудничество было редкостью. Правительство столкнулось с растущей этнической оппозицией со стороны не только немцев, но также поляков, венгров, русинов и, самое главное, словаков, требовавших независимой республики*. По мере того как чехословацкая демократия склонялась к нетерпимости к меньшинствам, политическая деятельность этих меньшинств, этнические трения, охарактеризованные немцами как «настоящий химический процесс распада», обеспечили нацистскому правительству бесценный предлог для вмешательства в чехословацкие дела. Назначение Гитлера канцлером в 1933 г. потрясло Центральную Европу. Его режим решил усилить германскую экономическую и политическую активность, и преуспел в этом. Например, если в 1929 г. Германия ввозила 20% всего венгерского экспорта, то к 1938 г. эта доля выросла до 41%. Нельзя сказать, что эту активность обязательно воспринимали неодобрительно. В мае 1934 г. сообщалось, как король Югославии Александр жаловался, что его страна «устала, что французы относятся к ней как к кукле, и с радостью освободится от опеки благодаря ее сближению с Германией». Само национал-социалистическое движение служило образцом для фашистских организаций в регионе, особенно в Румынии, где во главе Железной гвардии (*Gard de Fer*) с ее 200 тыс. членов и 25% голосов на выборах 1937 г., стоял молодой, красивый и харизматичный Корнелиу Кодряну (в 1936 г. он был убит по приказу короля Кароля). В Венгрии к концу тридцатых годов движение «Скращенные стрелы» подчинило другие ультраправые группировки. В период расцвета в нем было более миллиона членов и ему отдали голоса 25—43% избирателей — наилучшие результаты фашистов вне Германии на более или менее свободных выборах.

*Речь может идти, разумеется, только о требованиях небольшой группы националистически настроенных политиков. — Примеч. ред.

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 335

В то же время ни в Греции, ни в Болгарии в тридцатые годы не возникло массовых фашистских движений — это обстоятельство удивляет многих историков, если принять во внимание положение в регионе и властные амбиции болгарских «ратников» и «Звена». Вместе с тем трудные экономические, социальные и политические условия породили правые диктатуры болгарского короля Бориса в 1934 г. и греческих генералов Теодороса Пангалоса (1925-1926) и, что более существенно, Иоанниса Метаксаса (1936-1941). Последний, по иронии судьбы, возглавлял так называемую Партию свободного мнения.

Коммунизм и фашизм, 1933-1941

В тридцатые годы в Европе господствовали политические вожди и движения с мощными революционными устремлениями. В Советском Союзе Сталин был полон решимости «построить социализм в одной отдельно взятой стране» — европейские гости ехали в Россию, чтобы увидеть это. Испытывая неутолимую жажду личной власти, товарищ Сталин надеялся в то же время воплотить ленинскую мечту о советской республике, населенной преданными и образованными гражданами рабочего класса. Его достижения описаны ниже. В других странах марксистская революция была чаще не мечтой, а призраком. Фашистские движения от Атлантики до Балтики развивали альтернативную «революционную» перспективу. Из-за их разнообразия историки и политологи столкнулись с серьезными трудностями в определении того, чем, собственно, был фашизм. В 1920 г. слово «фашизм» было известно очень небольшому числу людей, намного меньшему, чем те, кто знал слово «коммунизм». Даже Муссолини ставил фашизм в кавычки, когда описывал его как «организованную, концентрированную, авторитарную демократию на национальной основе». Определение Муссолини подходит правительствам Франко в Испании, Дольфуса в Австрии и Салаши в Венгрии, но хотя эти режимы и были антикоммунистическими, они не внесли реального вклада в идеологию фашизма. Франко, например, был скорее военным диктатором старомодного толка, чем фашистским фюрером гитлеровского образца. Салазар был католическим профессором.

Другие движения, такие как германский национал-социализм и Британский союз фашистов, стремились подражать движению Муссолини. Несмотря на различия, все они возлагали надежды на харизматического вождя, жаждавшего полного захвата власти. Придя к ней, он должен был установить полнейший контроль над всеми сто-

336 ГЛАВА 8

ронами жизни, что лучше всего достигалось созданием однопартийной системы. Власть вождя фашистского движения была невиданно велика; эту роль Муссолини и Гитлер разработали в деталях (*il Duce, das Fuhrerprinzip*). В первую очередь оба они создавали вокруг себя мистический, сверхчеловеческий ореол.

«Аксъон франсез», НСДАП, итальянские фашисты, румынская Железная гвардия и скандинавские («нордические») фашисты имели некоторые общие черты. Помимо резко националистической, антикоммунистической и антимарксистской идеологии, они обращались ко всем социальным группам, формируя одновременно элитные партийные структуры. Гордо носившие униформу члены партии вступали в движение, напоминая строго организованную полувоенную машину. В то же время вожди, не стесненные конституционными «тонкостями», могли быстро менять политику. Эта гибкость позволяла Муссолини идти на политические компромиссы {с монархией, армией, государственной бюрократией, крупными землевладельцами и католической церковью), а Гитлеру — вскоре отказаться от социалистической части партийной программы национал-социалистов, чтобы заручиться поддержкой традиционной консервативной элиты бизнеса, армии и суда.

Каждое такое движение культивировало национальные, имперские и расовые мифы: о германском «жизненном пространстве» (*Lebensraum*) на Востоке или второй Римской империи в Средиземноморье — и обращаясь к европейской молодежи, развивало культ насилия и прямого действия как замены обычным политическим дискуссиям. Возникновение фашизма было тесно связано с европейскими средними слоями, в особенности низшим средним классом, но, конечно, они не были единственной социальной группой, обеспечившей фашистам законный путь к власти. Именно Великая депрессия дала им массовую аудиторию. Фашисты пользовались успехом и среди рабочего класса Восточной Европы, что показал успех на румынских выборах 1937 г. Железной гвардии, основу которой составляли городские рабочие. С другой стороны, в Скандинавии идеи нордических фашистов, проповедуемые такими людьми, как Ганс Понтер, с их претензией на научную объективность, пользовались большим успехом среди образованной буржуазии.

В исследованиях последних лет делаются попытки провести различие между фашизмом как движением и набором идей и фашизмом как политическим режимом. Такой подход позволяет противопоставить, например, итальянский фашизм, с одной стороны, и германский национал-социализм — с другой. Если говорить об идеях, то национал-

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 337

социализм отличало центральное место в его идеологии расизма и в особенности антисемитизма — это нашло свое высшее выражение в Холокосте. Основные черты идеологии не были особенно оригинальными — популистский антисемитизм и грубый социал-дарвинизм, — но Гитлер и его идеологи соединили их с невиданным насилием. Расизм играл главную роль в нацистской внешней политике, особенно в определении друзей и врагов. Возникновение нацизма как движения также сильно отличалось от судьбы итальянского фашизма. Перед тем как захватить власть, нацистам потребовались долгие 13 лет борьбы и постепенного роста; взлет Муссолини был намного быстрее — ключи от власти были у него в руках спустя три наполненных событиями года. Нацизм был мощной политической силой с широким и хорошо организованным военизированным крылом. Итальянскому фашизму, напротив, недоставало широкой, единой и преданной базы. В итоге режим Муссолини стал зависеть от политической поддержки традиционных консервативных центров власти, таких как церковь и армия. Эти редкие пути к власти определили дальнейшее развитие: когда Гитлер, наконец, стал в 1933 г. канцлером, у него было ясное видение, чего должна достичь его партия и как этого добиться (пусть и не все детали были еще продуманы). Ранние годы режима Муссолини не были отмечены подобной убежденностью относительно целей или сколь-нибудь ясным пониманием перспектив.

Нацизм, 1933-1939

Дверь к неограниченной политической власти открылась перед Гитлером, когда 30 января 1933 г. он был назначен канцлером; немногие понимали, что раз национал-социалисты пришли к власти, лишь катастрофа способна вынудить их с ней расстаться. Гитлеру удалось легально добиться поста канцлера благодаря временному союзу с консервативными элитами и Немецко-

национальной народной партией Гугенберга. Говорят, что на следующий день после прихода Гитлера к власти Гугенберг заметил: «Я совершил величайшую глупость в своей жизни; я связался с величайшим демагогом в мировой истории»¹. Гугенберг оказался прав.

После назначения Гитлера канцлером оппозиция оставалась расколотой. Пожар рейхстага (27 февраля 1933 г.), эта мнимая атака на национал-социализм, в которой ложно обвинили коммунистов, и бесчинства гитлеровских молодчиков нагнетали атмосферу террора. Это позволило НСДАП провести Закон о чрезвычайных полномочиях

338 ГЛАВА 8

(23 марта 1933 г.) и начать процесс так называемой *Gleichschaltung* — «унификации» германского общества, приведения всего — от кегельбанов до пчеловодов — под контроль национал-социализма. Такого никогда не было ни в одном фашистском государстве. В марше к всеобъемлющей власти НСДАП сосредоточилась на разрушении того, что оставалось от Веймарской конституции, и создании тотального «вождистского» государства. С этими мыслями она поставила над государственными структурами соответствующие партийные организации, такие как Национал-социалистическое управление развития, занимавшееся вопросами расы, культуры, сельского хозяйства и внутренних дел. Но в действительности нацистское государство после 1933 г. было далеко от монолитности. Различные бюрократические структуры соперничали и враждовали между собой, так что Германия так и не стала полностью тоталитарной страной, как надеялся Гитлер. Некоторые историки даже доходят до того, что описывают национал-социалистическую Германию как «государство хаоса».

Чтобы достичь власти, Гитлер использовал демократический процесс. Затем он приступил к разрушению демократии, и в этих его действиях тоже был хаос. В 1930 г. он разъяснял, что «конституция только обозначает поле битвы, но не ее цель... Когда мы овладеем конституционной властью, мы перестроим государство, как сочтем подходящим». Молчаливое согласие германских институтов и администрации с этими переменами, безусловно, облегчало задачу Гитлера. Сопровождавшая гитлеровскую революцию внешняя законность получила полную законченность, когда в июне 1934 г. Гитлер назначил себя «верховным судьей». Отныне все чиновники и судьи должны были присягать на верность фюреру. Частью процесса стала замена понятия равенства перед законом системой юридического «апартеида» — любое преступление могло быть определено как «незаконный акт», совершенный против того, что нацисты называли «национальной общиной». Это означало, что цыган или еврей, находившийся в связи с «арийской» женщиной, был виновен в новом преступлении — «расовом осквернении». То обстоятельство, что нацистская партия превозносила безжалостность, нетерпимость и безоговорочное подчинение партийным вождям, выразилось не только в коренной перемене отношений между государством и судебной властью, но также способствовало позднее принятию и выполнению программ расового уничтожения. Законность больше не была связана с этическими или нравственными ограничениями.

Гитлер использовал как законные методы, так и насилие, чтобы ликвидировать оппозицию. В конце января 1933 г. национал-социали-

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 339

сты при поддержке штурмовиков Эрнста Рема предприняли юридическую и физическую атаку на Германскую коммунистическую партию. СДПГ и профсоюзное движение вскоре также попали в карательную сеть, и к 14 июля НСДАП осталась в Германии единственной легальной партией. Для тех, кто был связан с левыми и центристскими политическими партиями, январь 1933 г. стал началом времени тюремного заключения, ссылки или страха быть обнаруженным — бесконечного «панического страха», пронизывающего события в романе Анны Зегерс «Седьмой крест» (напечатан в 1943 г.).

Во всех сферах германской жизни веймарские институты заменялись национал-социалистическими. К примеру, профсоюзы были уничтожены, а рабочие стали членами Трудового фронта (*Deutsche Arbeitsfront*)², аграрные организации «решили» самораспуститься и были заменены сельскохозяйственной сбытовой корпорацией — Имперским продовольственным сословием (*Reichsnährstand, RNS*) под руководством Вальтера Дарре. Сочетание законной государственной власти, стихийного террора и молчаливого согласия германских консерваторов обеспечило разрушение всего, что отстаивал Веймар. В то время армия оставалась единственной консервативной группой, сохранившей независимость от откровенного нацистского проникновения.

Подобно Сталину, Гитлер также был готов к атаке на собственных верных соратников по партии. В «ночь длинных ножей» (июнь 1934 г.) Гитлер резко ослабил влияние СА, уничтожив Рема. Рем, один из самых горячих сторонников Гитлера с самых ранних дней, не выносил его компромиссов

с германскими консервативными элитами, о чем открыто заявлял. Но Гитлер презирал разговоры Рема о второй революции. На том этапе он стремился подчинить германскую армию, добиться благосклонности международного общественного мнения и закрепить завоевания первого года правления, Гитлер без колебаний решился на убийство Рема и чистку СА. Нацисты бессовестно пропагандировали каждое новое достижение своей «революции». Йозеф Геббельс убедил Гитлера предоставить ему контроль не только над прессой, радио, кино и театрами, но также над книгоизданием, изобразительным искусством и музыкой. Пропаганда была жизненно важным элементом социальной революции, к которой стремился Гитлер. Целью путаной идеологии этой революции было объединить всех «расово чистых» (*rassenrein*) немцев в народную общину (*Volkgemeinschaft*), основанную на расовом превосходстве. Продвижение национал-социалистической «культуры» было частью широкомасштабных усилий режима по формированию единого сознания и общественного опыта всех немцев с конечной целью создания

тысяче-
12--2444
340 ГЛАВА 8

летнего Германского рейха. Гитлер исполнил обещание обеспечить германский народ «хлебом и работой», хотя его внимание к экономике было связано в основном с агрессивными внешнеполитическими амбициями. Нацистское правительство стремилось к экономическому возрождению, большей самодостаточности, позволяющей избежать опасностей блокады, и воссозданию военной мощи Германии. Экономика была для Гитлера четвертым «орудием» войны — наряду с воссозданными флотом, армией и военно-воздушными силами. Рост правительственных инвестиций и организация схем общественных работ определялись скорее не истинной заинтересованностью в процветании немецких рабочих, а важностью производства оружия для грядущей расовой борьбы в Восточной Европе.

Немецкая молодежь пользовалась особенным вниманием нацистской пропаганды и нацистских воспитательных учреждений. Согласно Гитлеру, родители были «потерянным поколением», ценности которого приобретены в ином, ненацистском мире. В целях воспитания германской «молодежи в служении народу и государству в национал-социалистическом духе» задавались новые школьные стандарты. Юноши между 14 и 18 годами должны были вступать в гитлерюгенд (*Hitlerjugend* — «Гитлеровская молодежь»). Девушек той же возрастной группы побуждали присоединяться к Союзу немецких девушек (*Bund der deutschen Mädchen*). Соответствующие организации существовали и для детей от 10 до 14 лет. Маргарита Фишер, жена немецкого историка Фрица Фишера, вспоминает, что деятельность Союза немецких девушек сводилась к походам и песням: «Этим девочкам, которых я объединила, все, что устраивалось в нашей деревне, казалось жутко интересным. Это ведь не как сегодня, когда в каждой деревне есть дискотека и бассейн»².

Требования нацистов к молодым людям не уменьшались, когда те вырастали. Студенты университетов должны были исполнять обязательную трудовую повинность, а в марте 1935 г. была введена и всеобщая воинская повинность. Еще большего ждали от СС (*Schuti-staffeln*)* — партийного орудия расового террора. Его вождь Генрих Гиммлер стремился создать новую нацистскую элиту, основанную на расовом критерии, открыто антихристианской идеологии и безоговорочном повиновении.

Женщины также занимали особое место в планах Гитлера. Вот как представлялась роль женщин, согласно откровенному высказыванию одного партийного активиста: «Рожать детей и воспитывать их в соот-

«Охранные отряды» (нем.). — *Примеч. пер.*
ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 341

ветствии с нацистской партийной линией... Поддерживать действия мужчин во всем, в чем те сочтут нужным... хранить семейные ценности». Подобно Муссолини, Гитлер хотел, чтобы женщины рожали будущих солдат. Но нацистское отношение к женщинам было полно противоречий. Наступление Гитлера на католическую и протестантскую церковь и гиммлеровские схемы скрещивания, в соответствии с которыми в 1933 г. для 3 млн эсэсовцев ненадолго были официально одобрены случайные связи, подрывали нацистские утверждения о святости германской семьи.

Нацисты не собирались запрещать женщинам работать. Они скорее хотели принять рациональные решения о том, каким женщинам какие функции следует выполнять — производить товары или рожать детей. Даже в мирное время доля немецких женщин среди работающих возросла, хотя открытые для них работы в основном не требовали квалификации. Расширяя вклад женщин в

национальную экономику, нацисты несколько модернизировали положение женщин в германском обществе. При этом они всегда заявляли, что единственно важным женским качеством является покорность.

В сердцевине гитлеровского мировоззрения лежал антисемитизм. Уже 1933 г. в мире стало известно о том, как евреев изгоняют с государственной службы, о бойкотах магазинов, о концентрационных лагерях, о массовых арестах и пытках. В последующие годы гитлеровский фанатизм и неустанная антисемитская пропаганда способствовали усилению преследований евреев, а также цыган, нищих и гомосексуалистов. На Нюрнбергском съезде 1935 г. Гитлер ввел законы, запрещавшие браки или внебрачные связи между немцами и евреями. Через два года он вновь произнес ужасающую тираду на эту тему. Агитация рядового партийного актива летом и осенью 1938 г. в конце концов вылилась в погром — в так называемую «хрустальную ночь» (*Kristallnacht*) 9-10 ноября. По инициативе Геббельса, желавшего возродить благосклонность Гитлера к СА, штурмовикам в ту дикую ночь террора предоставили полную «свободу на улицах». Было сожжено двести синагог, убит 91 еврей, уничтожено 7500 еврейских магазинов и предприятий. Немецкие улицы пахли шнапсом из разграбленных магазинов. Эсэсовцы арестовали еще 26 тыс. евреев. Еще раньше, в 1937 г., было изгнано примерно 17 тыс. проживавших в Германии польских евреев.

Случаи активного сопротивления нацистскому террору среди германского населения оставались единичными. Его делали невозможным пропаганда, мощь государственного контроля и ежедневная борьба за существование, которую немецкий журналист Берндт

342 ГЛАВА 8

Энгельманн, перефразируя известное высказывание политического комментатора Ханны Арендт, назвал «злом банальности»³. По существу, с правлением нацистов согласились все. Но хотя перспективы работы для большинства улучшились, нацистский экономический успех отчасти кроется и в снижении жизненного уровня рабочего класса: между 1932 и 1938 гг. доля заработной платы в национальном доходе упала с 64 до 57%. Пушки были важнее масла.

Сталинизм, 1927-1939

В Советском Союзе, конечной мишени гитлеровской агрессии, все граждане, включая членов партии, еще до войны с Германией были запуганы необузданным честолюбием диктатора. Подобно Гитлеру, устроившему в «ночь длинных ножей» чистку своих наиболее преданных и старых партийных когорт, Сталин чистил «актив» большевистской партии, используя судебные процессы, чтобы избавиться от неугодных. В период коллективизации и индустриализации он развернул настоящий террор против простого народа — крестьян и рабочих. В хаосе принятого в 1929 г. первого пятилетнего плана тяжелая промышленность развивалась за счет сельского хозяйства (пушки вместо пшеницы). В 1932 г. в сталинской кампании за индустриализацию последовал возврат к более трезвому экономическому планированию. Принятый в том году второй пятилетний план был менее амбициозен, чем предыдущий, хотя поставленные цели промышленного производства по-прежнему оставались нереалистичными. Именно в том году Сталин понял, что задуманная им промышленная революция подчас грозит выйти из под его контроля из-за рвения местных партийных работников, которые испытывали, по его словам, «головокружение от успехов». В ходе индустриализации к 1930 г. обнаружился острый дефицит рабочей силы, и чтобы не дать рабочим уйти с работы и вернуться в деревни, Сталин вновь ввел разделение в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда*. Голод, захлестнувший Советский Союз в 1933 г., сделал еще более неотложной необходимость «восстановления порядка», которого требовал новый лозунг коммунистической партии.

* Речь идет о втором из «шести условий», высказанных И. В. Сталиным на совещании хозяйственников 22-23 июня 1931 г. Сталин призывал «ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих». См.: *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 13. С. 60. — *Примеч. пер.*

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 343

Столкновение города и деревни, столь характерное для предыдущего века русской истории, вновь вышло наружу, когда в условиях нехватки продовольствия им в первую очередь обеспечивали рабочих.

Сделав невозможной любую оппозицию среди рабочих, Сталин продолжал представлять себя их защитником. Усилив влияние ОГПУ (государственной службы безопасности) и армии, чтобы проводить коллективизацию и управлять чудовищно разросшимся числом трудовых лагерей, и терпимо относясь к коррупции, он уже не мог претендовать на построение справедливого и равного общества. Сталин сам признался, что битва за индустриализацию стала настоящей гражданской войной. Подсчитано, что между 1926 и 1939 гг. в Советском Союзе «демографически

исчезло» около 9 млн человек*. Сейчас, когда раскрываются новые детали из архивов бывшего Советского Союза, подобные оценочные цифры стали еще выше. В последних исследованиях внимание обращено на массовые аресты людей с обочины общества — проституток, нищих, бродяг, конокрадов и так называемых религиозных сектантов, проводившиеся согласно секретной директиве Политбюро, изданной в июле 1937 года.

Тем не менее к 1934 г. жизнь советского рабочего класса и крестьянства стала стабильнее: улучшилось обеспечение людей жильем, образованием, работой. В 1936 г. чрезвычайный съезд Советов утвердил новую «сталинскую» Конституцию Советского Союза. В ней провозглашались равенство между народами, расами и полами, каждому советскому гражданину гарантировались право на работу, социальное обеспечение, образование и жилье. В итоге священники и бывшие участники белой оппозиции в гражданской войне впервые получили право голоса, хотя существование других политических партий, кроме ВКП(б), исключалось. Индустриализация, рост партийной машины, поощряемая властью кампания ликвидации безграмотности взрослых и открытый доступ в технические училища, институты и университеты расширяли возможности юношей и девушек даже из самых низших социальных слоев. Разрешавшее разводы и аборт законодательство привело к тому, что в 1934 г. в Москве распадалась почти половина браков, а число аборт втрое превышало число рождений. Кремль запустил масштабную пропагандистскую кампанию за семейную жизнь и половое воздержание, но правительственная поддержка «семейных ценностей» не приводила к увольнению женщин с работы.

* Согласно данным переписи 1926 г. население СССР составляло 147 млн человек. Перепись 1937 г. была объявлена недействительной, а результаты переписи 1939 г. полностью не были обработаны и никогда не публиковались. — *Примеч. ред.*

344 ГЛАВА 8

Между тем для привилегированных членов номенклатуры (отбираемой посредством одобрения коммунистической партией всех назначений в государственном управлении и хозяйстве) уже началась новая фаза террора. В двадцатые годы Сталин переписал историю революции, чтобы представить Ленина ее единственным архитектором, а себя — правой рукой Ильича. «Культом личности», сосредоточенный на Ленине, усиливал, в свою очередь, харизму Сталина. Во имя ленинского осуждения фракционности (март 1921 г.) и посредством сталинского контроля над большевистской партийной машиной всех инакомыслящих заставили замолчать. Не называя свой режим «сталинским», Сталин начал невиданную кровавую политическую «революцию» с целью укрепления личной власти и результатов экономического переворота, в который уже было вовлечено советское общество.

Подозрительность Сталина стала маниакальной. Вследствие его безграничной жажды власти жертвами чистки внутри коммунистической партии между 1935 и 1939 гг. сделался 1 млн человек. Евгения Гинзбург — образцовый коммунист и преподаватель столкнулась со сталинской жестокостью после убийства в ноябре 1934 г. секретаря Центрального комитета Сергея Кирова. Ей и подобным преданным партийным кадрам казалось, что сталинские обвинения против соратников по партии «должны быть верны», так как напечатаны в «Правде». Но к 1937 г. осужденная по надуманным обвинениям и брошенная в тюрьму Евгения Гинзбург открыла подлинную сущность сталинизма. Среди ее товарищей по заключению были немецкие и итальянские коммунисты, бежавшие от Гитлера и Муссолини только затем, чтобы пасть жертвой вождя, который объявлял себя их союзником.

К 1936 г. немотивированные аресты и расстрелы без суда стали рядовым явлением, и к середине тридцатых годов в трудовых лагерях содержалось от 6 до 8 млн человек. По приказу Сталина были убиты Рыков*, а позднее, что более известно, находившийся в изгнании Троцкий. Но не все акты террора происходили за закрытыми дверями. Проводились яркие показательные процессы, открытые для публики и записываемые на пленку, как например суд над ведущим партийным интеллектуалом и бывшим вождем Николаем Бухариным. В мае 1937 г., как раз когда процессы над старыми большевиками были в самом разгаре, Троцкий в изгнании опубликовал книгу «Преданная революция», заме-

* **Рыков был приговорен** к расстрелу вместе с Бухариным, **Радеком**, Пятаковым, **Сокольниковым** и другими обвиняемыми на открытом судебном процессе в Москве в августе 1936 г. — *Примеч. пер.*

ПУШКИ И МАСЛО, 1929-1939 345

тив, что бюрократия «суеверно боится того, что не служит ей непосредственно, как и того, что ей непонятно»*. Даже Красная Армия, подобно НКВД и ВМФ сильно выиграла от сталинской политики первой и второй пятилеток, стала жертвой неутолимой подозрительности вождя. В 1937 г. он казнил по обвинению в государственной измене ведущих военачальников Советского Союза. Это стало прелюдией к жестокой чистке среди высшего командования и офицерского корпуса, в ходе которой погибли трое из пяти советских маршалов, 13 из 15 командармов и 8 из 9 адмиралов флота. Конечно, Сталин не нес ответственность за все конкретные решения в ходе чисток, но только он позволил репрессиям принять такие размеры — это обвинение против него поддержал Генеральный

секретарь Михаил Горбачев в 1987 г. Вопрос, кто виноват в терроре: Сталин, местные партийные чиновники или «административно-командная система» — продолжает быть темой горячих споров среди историков. Действительно, Сталин часто прибегал к точно рассчитанным и не менее жестоким мерам, чтобы обеспечить преданность даже своих самых близких советников. Например, чтобы заручиться непоколебимой верностью своего личного секретаря А.Н. Поскребышева, он арестовал его жену, позволив ему оставаться доверенным слугой вплоть до 1953 года.

«Новые» историки Советского Союза утверждают, что именно Сталин, а не Ленин создал совершенно новые и прочные экономические, политические, социальные и культурные структуры, которые просуществовали более 50 лет. В этих структурах заключалось много парадоксов — например, патерналистское Советское государство видело своей миссией «просвещение» крестьян, женщин и отсталых народов и в то же время использовало против них террор — характерный для тридцатых годов в целом.

Парадоксы были характерны и для тогдашнего мира в целом. Так, рыночные силы, вызвавшие крах Уолл-стритч. впервые в мирное время заставили государство пойти на более серьезное вмешательство в управление экономикой и обществом, что принесло долговременные выгоды. Следующий парадокс состоит в том, что массовая демократия в Европе способствовала приходу к власти режимов, объявивших себя тоталитарными, обладавших абсолютной государственной властью. Это десятилетие преподнесло уроки, которые окажутся жизненно важными в становлении мира после 1945 г. Главный из них — это взаимо-

* Рус. текст лит. но: *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М.. 1991. С. 151. — *Примеч. пер.*

346 ГЛАВА8

зависимость государств, ставшая очевидной в ходе Великой депрессии. Однако экономический кризис и новые радикальные идеологии и вожди, пришедшие к власти в тридцатые годы, породили дух соперничества, который к сентябрю 1939 г. привел Европу на грань второй мировой войны.

Примечания

¹ *Jones L.E.* The Greatest Stupidity of My Life: Alfred Hugenberg and the Formation of the Hitler Cabinet, January 1933 // *Journal of Contemporary History.* Vol. 27. 1992, № 1.

² *Owning A, Frauen:* German Women Recall the Third Reich. L., 1993. P. 8-9.

³ *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil. N.Y., 1963.

От европейской к мировой войне, 1933-1945

Вторая мировая война хронологически приходится на середину европейской истории XX в. Чтобы оценить следующие 60 лет европейской истории, необходимо понять причины, ход и воздействие этого конфликта, жертвами которого стали примерно 55 млн человек по всему миру. После 1945 г. на месте старой Европы возникла новая, но причины войны и ее наследие играли ключевую роль в становлении самосознания и планов на будущее. Двумя наиболее важными последствиями конфликта стали холодная война и Европейский Союз.

В событиях 1936 г. ярко отразилась изменчивая природа дипломатических отношений в самой Европе и между Европой и остальным миром. В этот переломный год Гитлер сделал решительный, но продуманный шаг, нарушив Локарнский договор и введя войска в Рейнскую область. Это было жизненно важной частью принятого тогда же четырехлетнего плана радикальной ремчилитар1/за-дии Германии. Те, кто еще сомневался — а таких было много, — что намерения Гитлера простираются далеко за рамки пересмотра Версальского договора, получили ясный сигнал. Введение немецких войск в Рейнскую область было просчитанным риском. До этого шага Германия была крайне уязвима перед иностранным вторжением. После ремилитаризации страна имела достаточную экономическую и военную базы, чтобы стать грозным соперником.

Но в 1936 г. ни одно европейское государство не было готово бросить вызов Германии. Среди «великих» держав Европы наиболее уязвимой была Франция, переживавшая сильный политический и экономический кризис. Дипломатическое сотрудничество в рамках Лиги

347

348 ГЛАВА9

Наций было разбито в пух и прах после провала мер, предпринятых против Муссолини после итальянского вторжения в Абиссинию (октябрь 1935 г. — май 1936 г.). Санкции международного сообщества немного значили для человека, чей завет для Италии гласил: «Лучше день прожить львом, чем сто лет овцой». В политически стабильной Британии царили сильные пацифистские настроения, а само правительство ставило во главу угла необходимость защищать по всему миру колониальную империю. Соединенные Штаты были полностью заняты внутренними делами, и на президентских выборах 1936 г. ярко проявился пацифистский и изоляционистский настрой

общества. Экономические и политические проблемы определили ответ и остальных демократических государств Европы на новую экспансионистскую угрозу — шесть лет переговоров и затем шесть месяцев растущего противостояния, когда война стала неизбежной.

Державы оси

Мировая дипломатия ориентировалась теперь на свободно выстроенную ось Антикоминтерновского пакта, включившего сперва Германию и Италию, а затем и Японию. Против этих диктатур стояли «демократии». Пакт породил призрак полномасштабного сотрудничества между самыми амбициозными милитаристскими мировыми державами. На самом деле, однако, пакт всегда был лишь соглашением самого общего порядка — германское сотрудничество с Японией было ограничено, а в Европе фашистскому братству Муссолини с Гитлером мешали столкновение целей и интересов. В 1934 г. Муссолини использовал войска, чтобы защитить от Германии независимость Австрии. Но затем дуче начал уважать фюрера — человека, которого он когда-то считал невротичным и вульгарным. К 1938 г. Муссолини оказался готов стерпеть вторжение в Австрию и, переместив итальянские имперские амбиции на юг, предоставил Восточную Европу германскому влиянию.

Война в Эфиопии (тогда называвшейся Абиссинией) была популярна в Италии, вдохнула новую жизнь в фашизм и укрепила личную репутацию Муссолини. Но обошлась она дорого, нанеся урон военным и экономическим ресурсам страны. В любом случае успешное вмешательство в испанскую гражданскую войну и вторжение в Албанию (1939) — это одно, а участие в мировой войне — совсем другое. Председательство Муссолини на переговорах о будущем Чехословакии в Мюнхене в 1938 г. демонстрировало его стремление к миру. Даже так

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 349

называемый Стальной пакт, подписанный двумя державами в мае 1939 г., не сделал нацистско-фашистский союз действительно крепким. Италия не вступала во вторую мировую войну до тех пор, пока германское вторжение во Францию почти не было успешно завершено. Вплоть до этого времени Британия и Соединенные Штаты продолжали лелеять надежды, что итальянцы откажутся от своего нейтралитета и присоединятся к «демократиям», как они это сделали за определенную цену в ходе первой мировой войны.

Правительства Германии, Италии и Японии бросили свои народы в войну, когда их национальные интересы — «жизненное пространство» в Восточной Европе, расширение Итальянской империи в Северной Африке, поиск сырья (особенно нефти) и рынков на Дальнем Востоке — определили невозможность иного курса. Помимо амбиций и милитаризма, эти три державы считали себя «обделенными» государствами, лишенными колоний и статуса, которого достигли Британия, Соединенные Штаты и Франция. Согласно Гитлеру, «у англичанина есть повод для гордости», а у немца — нет. Негодование стран оси иллюстрируют японское завоевание Манчжурии в 1931 г., Эфиопии — в 1935 г., Чехословакии — в 1939 г. Державы оси полагали, что причиной экономического краха была излишняя зависимость от других государств и их сырья. С созданием колониальной империи эта зависимость прекратится.

Конечным итогом растущего национализма и имперских амбиций было стремительное перевооружение. В тридцатые годы перевооружались все страны, но главная гонка вооружений вновь, как и в начале века, развернулась между Британией, Францией и Германией. Все они приступили к выполнению своих программ перевооружения в 1936 г., и наиболее амбициозной, без сомнения, была Германия. К 1938—1939 гг. бремя военного производства стало столь тяжелым — в Британии расходы на перевооружение угрожали вызвать кризис доверия к фунту стерлингов, а в Германии все дефицитнее становились потребительские и продовольственные товары, — что некоторые историки считают: к концу 1939 г. война оказалась единственной альтернативой массовым социальным волнениям.

Гитлеровская внешнеполитическая тактика, как и стоявшие за внешней политикой амбиции, вызвали ожесточенные споры среди историков. Они в основном отвергли предположения, что агрессивная внешняя политика Гитлера была всего лишь порождением «беспринципного оппортунизма». Несмотря на то обстоятельство, что перемены в гитлеровской дипломатической стратегии иногда изумляли даже его ближайших советников, теперь ясно, что Гитлер имел четыре глав-

350 ГЛАВА 9

ные цели: возрождение германской военной мощи, собиравшее воедино всего германского народа и создание Германской империи с целью обеспечения «жизненного пространства» в Восточной Европе. Последнее могло повлечь за собой расовую войну против Советского Союза. У Гитлера

действительно были «принципы», сколь отвратительными они ни кажутся и сколь «оппортунистским» ни видится их претворение в жизнь. Без сомнения, Гитлер выбрал самое удачное время для ремилитаризации Рейнской области, но сама необходимость перевооружения Германии для завоевания Восточной Европы была долгосрочным, «принципиальным» положением.

В германских внешнеполитических амбициях поражает то, как Гитлеру удалось поставить «пересмотр» Версаля на передний план дипломатической повестки дня Европы. До определенной степени к пересмотру Версальского договора — будь это отмена репараций или тайное обучение германских войск в Советском Союзе — стремились все веймарские канцлеры, но только Гитлеру удалось переломить события таким образом, что «германский вопрос» стал главной темой мировой дипломатии, определявшей в какой-то мере даже британскую, французскую и американскую внешнюю политику в отношении Италии и Японии.

Почему Германия, относительно слабая и демилитаризованная в 1933 г., оказалась в 1937-1938 гг. в состоянии угрожать не только европейскому, но и международному миру? С одной стороны, у Германии были законные дипломатические жалобы, которые Европе следовало удовлетворить. Действительно, за них взялись уже в двадцатые годы, когда начался пересмотр репараций. Куда более важными, впрочем, были «отрицательные» соображения, определившие, что Британия и Франция не хотели и/или не были способны противостоять Гитлеру после того, как он овладеет инициативой и пока масштаб его амбиций не станет полностью ясен. Во всех дипломатических спорах, как часто бывало, малые державы Европы в основном оставались зрителями, а Британия и Франция торговались за национальную и имперскую целостность и за будущий мир. Советский Союз также во многом был исключен из этого дипломатического процесса, что привело к взрывным последствиям в 1939 году.

Подобно тому как Гитлер использовал веймарские законы и демократию, чтобы их ниспровергнуть, он нападал на Версальский договор, пользуясь языком вильсоновского либерализма, прибегая к высокопарным фразам, таким как «реституция» или «отказ от обязательств». Его нападки нашли восприимчивую аудиторию вну-

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 351

три страны и за границей среди тех, кто полагал, что Версаль обусловил неустойчивость Веймарской республики или что непримиримость и перевооружение Франции практически не оставили для Германии альтернативы перевооружению. На самом деле, моральный смысл этого аргумента был ложен — Версальский договор стремились представить более несправедливым соглашением, чем мир, подписанный Германией с Россией в 1918 г. в Брест-Литовске; если говорить о репарациях, то Пруссия требовала той же «дани» от Франции в 1870 г. Дай германское чувство несправедливости не было единственным в своем роде, оно было свойственно и другим странам.

Политика умиротворения

До 1938 г. Гитлер объединил усилия Брюнинга и Папена, которые в 1930—1932 гг., нападая на версальские решения по территории и безопасности, стремились добиться отмены репараций и пункта о «вине за войну». В 1938 г. Гитлер ремилитаризовал Рейнскую область, достиг объединения (аншлюса) с Австрией, начал давление на Чехословакию. Казалось, что Британия и Франция не предпринимают ничего. Главнокомандующий люфтваффе (военно-воздушными силами) Герман Геринг полагал, что эти события не должны их волновать. В декабре 1937 г. он поставил в известность одного британского гостя: «Вы, конечно, знаете, что мы собираемся делать. Сперва мы захватим Чехословакию, затем Данциг, а потом будем воевать с русскими. Не могу понять, зачем вам, британцам, возражать против этого»¹.

Нацистам казалось ясным; Британия и Франция уже обладают колониальными империями, и Германия вправе основать в Восточной Европе свою.

Французские, американские и в особенности британские попытки достичь соглашения с Гитлером путем переговоров были названы «умиротворением». Эта политика повлияла на понятия дипломатии таким же образом, как первая мировая повлияла на понятия войны. Обесцененный чрезмерным употреблением, этот термин все еще часто используется сегодняшними политиками для обозначения слабой и капитулянтской политики. Реалии дипломатии сложнее и сейчас, и тогда. Умиротворение — искусство арбитража, переговоров и решения каждой новой проблемы по мере ее возникновения — было тактикой, которую давно связывали с британской дипломатией.

В целом,

французские и британские вожди не были наивны, но разбирались с каждым кризисом по мере его появления, и именно поэтому «демократии» выглядели слабыми, особенно если сопоставить англо-французские попытки арбитража с жесткими инициативами Гитлера. Британия и Франция после 1932 г. были готовы идти на пересмотр условий послевоенного урегулирования, если эта ревизия не повредит их собственным национальным интересам — хотя в случае Франции это было почти невозможно.

То, что гитлеровские амбиции простирались далеко за рамки пересмотра Версальского договора, стало полностью ясно, когда он нарушил Мюнхенское соглашение (29 сентября 1938 г.), согласно которому 3 млн судетских немцев, бывших гражданами Чехословакии, были включены в Третий рейх (Словакии и Прикарпатской Украине предоставлялась автономия), и в марте 1939 г. приказал германским войскам оккупировать то, что оставалось от Чехословакии. Тогда стало очевидно, что «умиротворителям» — Чемберлену, его иностранному министру лорду Галифаксу, французскому министру иностранных дел Жоржу Бонне — не удалось достичь соглашения с Гитлером. В 1940 г. тройка радикальных журналистов, одним из которых был будущий вождь британских лейбористов Майкл Фут, объявит этих людей «виновниками» войны. Именно тогда слово «умиротворение» стали употреблять в негативном смысле. Британия и Франция отчаянно надеялись, что Мюнхенское соглашение станет последним гитлеровским требованием — взгляд, которому Гитлер способствовал. Конечно, их не убеждала нацистская логика, но отвечая на все новые гитлеровские притязания, приходилось принимать во внимание тяжесть внутренних и международных проблем. Прилагательное «виновные» в данном случае теперь кажется устаревшим.

Западные державы, 1933-1939

Сотрудничество Британии и Франции в военной и дипломатической области никогда не было легким делом. Европейская «гармония» конца двадцатых годов строилась на хрупких основаниях. Оставшиеся нерешенными важные вопросы осложняли международные отношения в тридцатые годы: борьба Франции за безопасность, противоречия между британскими обязательствами в отношении колоний и Европы, дипломатическая изоляция Соединенных Штатов, отношения Западной Европы с «новой» Восточной Европой и ее ответственность перед последней.

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 353

Хорошие двусторонние англо-французские отношения были необходимы, когда стало очевидно, что Лига Наций как инструмент международного сотрудничества является излишеством, если не помехой. Когда директивы Лиги были проигнорированы Японией (по Манчжурии в 1931 г.), Германией (по разоружению в 1933 г.) и Италией (по Эфиопии в 1935 г.), у циников были все основания обвинить ее в лицемерном морализаторстве по поводу *status quo*. Журналист Роберт Делл писал, что Лига была «мошеннической организацией, не оправдавшей доверия народа», и заклеил ее как «жневское жульничество»². Когда это было удобно, европейские политики пренебрегали Лигой Наций, предпочитая вернуться к двусторонним договорам, которые так критиковал Вильсон. Типичной для такой обновленной двусторонней дипломатии были союзы между Францией и Малой Антантой. Это, впрочем, были союзы неравных, и к концу тридцатых годов у Франции не было возможностей помочь державам Восточной Европы. К выгоде Гитлера, Франция едва могла помочь самой себе.

Именно усиленное противоречивым внутривнутриполитическим давлением чувство национальной «слабости», а не убедительность дела Гитлера определили ответ Британии и Франции на его требования. Франция была в первую очередь ослаблена политической борьбой, а запоздалое воздействие депрессии делалось все тяжелее. Нигде последствия нестабильной внутренней политики на международные дела не отразились более очевидно, чем в реакции Франции на вторжение Муссолини в Эфиопию в 1935 г.

Британцы враждебно отнеслись к итальянскому присутствию в Северной Африке, но Франция поначалу стремилась придерживаться по отношению к итальянцам более примирительного курса, чтобы оградить дуче от влияния фюрера. Эта реакция была неожиданной, если учесть, что итальянское вторжение угрожало коммуникациям с Алжиром и Северной Африкой и что итальянская пропаганда и подкуп подрывали колониальную империю Франции. Пьер Лаваль, неудачливый французский политик, ведший переговоры с Муссолини по Эфиопии, вскоре оказался в изоляции на родине и за границей, став символом замаранного патриотизма и «*facilite*» — дешевого умиротворения. Накануне нападения на Абиссинию Муссолини хвалился: «Я хорошо подумал. Я все подсчитал. Я все взвесил». Однако вторжение обошлось итальянцам недешево — они недооценили решимость абиссинцев противостоять европейскому проникновению в Африку. Тем не менее Африка вновь была зажата в тиски европейского соперничества. Жадные притязания

для других Средиземноморье — это маршрут, для нас, итальянцев, — это жизнь».

Провал санкций, наложенных Лигой Наций, и англо-французские расхождения лишь способствовали сближению Муссолини с Гитлером. Раскол между французскими политиками в 1936 г. усилился, когда Гитлер ремилитаризировал Рейнскую область, а Бельгия отклонила договор о безопасности с Францией. Откровенная утрата доверия со стороны Бельгии стала тяжелым ударом для Франции, где временный кабинет боролся с широким недовольством рабочих. Перспективы германского перевооружения и недавно заключенный англогерманский морской договор (1935), допускавший воссоздание германского флота в отношении 35 немецких к 100 британским кораблям, казались более стабильными, но все же противоречивыми.

Дела не улучшились и с приходом в 1936 г. к власти во Франции правительства Народного фронта. Хотя внутренняя политика стала эффективнее, внешний курс был по-прежнему полон противоречий. Блюм, глава кабинета и давний пацифист, доказывал теперь, что лучшей надеждой Франции на сохранение мира является подготовка к войне — Франция может обеспечить мир с позиций внутренней военной и политической силы. Но когда в 1937 г. в связи с волной забастовок и обесцениванием валюты Народный фронт рухнул, Франция, несмотря на его усилия, выглядела слабее, а не сильнее. После Блюма пришел премьер Шотан, а вслед за Шотаном — опять Блюм. К марту 1938 г. настало время для новых людей и новых мер, но когда премьер-министром стал ветеран пятнадцати кабинетов Даладье и французская политика резко сдвинулась вправо, относительная дипломатическая слабость Франции сохранялась.

Подобно многим социалистам в правительстве Народного фронта Блюма, британская лейбористская партия стала требовать в 1936 г. более твердой, если не агрессивной политики в отношении европейских фашистов и национал-социалистов. Решительная схватка разыгралась между меньшинством — пацифистским крылом партии, которое представлял ее вождь Джордж Лэнсбери, и теми, кто видел в европейских фашистах убийц рабочих и разрушителей свободных профсоюзов. Это крыло воплощал Эрнест Бевин, наиболее влиятельный профсоюзный лидер того времени и будущий лейбористский премьер-министр. В 1935 г. на лейбористской партийной конференции в Брайтоне многие согласились отказаться от давней враждебности к Лиге Наций как проводнику капиталистического угнетения и поддержать санкции против европейских агрессоров. Прагматизм Бевина победил. Лэнсбери ушел с поста главы партии и был заменен

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 355

Клементом Эттли, будущим премьер-министром первого лейбористского правительства. В ретроспективе этот переход обозначил водораздел в развитии лейбористской партии.

Впрочем, в середине тридцатых годов пацифистские настроения были налицо в центре и на правом политическом фланге. Этот настрой усилили страшные газетные передовицы о гражданской войне в Испании, особенно о бомбежке Герники, а затем новости о японском вторжении в Китай в 1937 г. В резком противоречии с духом 1914 г., в тридцатых годах широко распространились ужасные рассказы о том, во что европейским гражданам и подданным обойдется война против Германии. Во многих случаях эти настроения питал опыт первой мировой войны. Мирные жители боялись газовых атак и массовых гражданских беспорядков, кульминацией которых станет коммунистическая революция. Особенную тревогу вызывали бомбежки мирного населения. Весь этот страх настроил общественное мнение враждебно к перспективам войны. Однако из наиболее упорных был слух, что в первую неделю германского воздушного наступления Британия потеряет более 150 тыс. человек. На самом деле от бомбежек Британия потеряла менее 147 тыс. человек за всю вторую мировую войну.

Мюнхенский кризис 1938 года

Лучшей надеждой для Франции казался мощный англо-французский союз. Это, однако, была «Антанта» неравных. Франция зависела от британской военной и материальной поддержки, но не могла обеспечить Британию столь же полезной помощью. В итоге стране пришлось следовать британской линии по эфиопской войне, по аншлюсу и, что было важнее всего, подписать Мюнхенское соглашение, разорвав в июле 1938 г. союз с Чехословакией и заявив чехословацкому премьеру Эдварду Бенешу, «что Франция не пойдет на войну из-за судетской проблемы». Стесненной коалиционной политикой и медленным ходом перевооружения Даладье не смог ничего предпринять, чтобы оградить Чехословакию — союзницу Франции — от гитлеровских требований, чтобы земли 3 млн судетских немцев стали частью Великой Германии. На самом деле Гитлер стремился пожить чехословацким сырьем (бокситы, нефть и пшеницей) в не

меньшей степени, чем воссоединиться с тремя миллионами живущих на чешской земле «фольксдойчей». Когда на проведенной в Мюнхене конференции Бенешу пришлось признать передачу Судетской области Германии (Чемберлен тогда произнес известные слова о том, что

356 ГЛАВА 9

обеспечен «мир нашему поколению» — *«Peace in our time»*), последовали и другие политические осложнения. Так, шаг Гитлера по аннексии оставшейся территории Чехословакии толкнул Польшу — в отчаянной борьбе за укрепление собственной хрупкой безопасности — на присоединение Тешинской Силезии*.

В сентябре 1938 г. у Франции, страдающей от политического раскола и экономической слабости, почти не оставалось иного выбора, кроме как бросить своего союзника. Портитесь отношения Даладье с Бонне, который оставался готов идти на сделки с Гитлером. В октябре Даладье провозгласил политику «твердости» (*fermete*) и приказал увеличить расходы на перевооружение до 93 млрд франков по сравнению с 29 млрд франков в 1937 г. Тем временем Британия также показала, что не намерена впутываться в «ссору в далекой стране между народами, о которых мы ничего не знаем». Несмотря на то что Сталин предложил Чехословакии военную помощь, он не был приглашен в Мюнхен. Его попытки построить фронт против Гитлера завершились ничем — их проигнорировали все стороны Мюнхенского соглашения.

Тревога, с которой народы Западной Европы следили за гитлеровской внешней политикой, усилилась, когда 15 марта 1939 г. германские войска вторглись и оккупировали то, что еще недавно было Чехословацкой республикой. Теперь стало ясно, что гитлеровские завоевательные аппетиты вышли далеко за рамки пересмотра Версальского договора, что сделанные им в ходе переговоров обещания ничего не стоят и что следующей мишенью германских амбиций будет Польша. Двадцать четвертого октября 1938 г., всего лишь через несколько недель после Мюнхена, министр иностранных дел рейха, бывший коммивояжер по сбыту вин Иоахим фон Риббентроп заявил полякам, что настало время урегулировать неразрешенные вопросы германо-польских отношений. В октябре 1938 г. германские требования включали возврат рейху Данцига (теперь Гданьск) — морского порта в конце «польского коридора», где с мая 1933 г. господствовали нацисты, и право строительства транспортных магистралей через «коридор» в Восточную Пруссию. Поляки, поведение которых было весьма непопулярно и в Восточной, и в Западной Европе, немедленно отклонили эти требования.

Польша решила не сдавать Данциг немцам, и поддержка пришла с неожиданной стороны — 31 марта 1939 г. Чемберлен объявил

* **Притязания на эту территорию выдвигались** Польшей задолго до кризиса 1939 г. — *Примеч. ред.* ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 357

палате общин, что если Германия будет открыто угрожать польской независимости и полякам придется применить при сопротивлении силу, то Британия и Франция придут им на помощь. Британия провела черту на песке в надежде ясно показать Гитлеру, что больше он не сможет осуществлять экспансию в Европе на собственных условиях. Впрочем, на самом деле Британия мало что могла сделать, чтобы спасти Польшу.

Как и во Франции, последствия Мюнхена вдохновили британское казначейство на рост военных расходов. 1932—1938 гг. были временем скудных британских трат на вооружение. В 1919 г. Британия потратила на вооруженные силы 604 млн фунтов, к 1932 г. этот показатель упал до 101 млн фунтов. Но только в феврале 1939 г. начались переговоры британского и французского штабов, а в апреле развернулось военное планирование. К сентябрю 1939 г. Британия и Франция по самолетам и танкам превосходили Германию, а к маю 1940 г. одна только Франция, вопреки мнению современников, сравнялась с Германией по выпуску самолетов (вводилось новое поколение боевых самолетов: «Девуатин», «Моран-Солнье-406» и «Блок-152»). По выпуску танков Франция также превосходила Германию и количественно, и качественно. Тем не менее, если учесть потенциал германской экономики, единство цели гитлеровского кабинета и его решимость добиться к 1941 — 1942 гг. полной военной мобилизации экономики, то было маловероятно, что соотношение вооружений в пользу Британии и Франции сохранится надолго. На характер будущей войны также повлияло развитие радаров. В 1937 г. развернулась работа по строительству цепи из 51 радарной станции вдоль британского побережья. Хотя Геринг отверг радар как «просто коробку с проводами», системы раннего оповещения стали настоящей революцией и имели решающее значение. Пусть еще недостроенные, радарные станции были приведены в постоянную готовность весной 1939 года. Поэтому этот год все более казался подходящим моментом, чтобы бросить вызов уже глобальной природе нацистской угрозы.

Британская империя и Гитлер. 1933-1939

В 1939 г. Франция приветствовала более твердую приверженность Британии сохранению европейского *status quo*, однако британскую внешнюю политику волновала не только Европа. В ней сохранялось «имперское измерение», воздействовавшее на все дипломатические расчеты. Как мы видели, Британская империя в тридцатые годы была

358 ГЛАВА 9

больше, чем в 1914-м. Причиной этого роста являлись в первую очередь не «унаследованные» на Парижской мирной конференции части весьма тощей Германской империи, а приобретенные на Ближнем Востоке мандатные территории. Эти земли обеспечивали все более ценным энергетическим ресурсом — нефтью, — но защищать их оказалось нелегко. После 1929 г. политическая напряженность, а затем и война особенно осложняли британское присутствие в Палестине; позднее внимания потребовали и иракские проблемы. (Франция столкнулась с подобным давлением в Марокко, Индокитае, Сирии, Алжире и Тунисе.)

Один парадокс оказался для Британии неожиданным. Колониальная империя — очевидный источник ее статуса мировой державы — становилась обременительной. Чтобы защищать ее, британская военная мощь была разбросана по всему земному шару; порой войска были столь растянуты, что Британии приходилось мириться с агрессивным экспансионизмом — японским вторжением в Манчжурию, а затем полномасштабной войной в Китае в 1937 г., — пока оставались в безопасности ее собственные торговые связи с колониями, особенно с Индией. Но даже Индию, этот имперский «алмаз», захлестнули политические беспорядки, которые отвлекали британские силы. Все более значимыми в определении британской дипломатии становились «белые доминионы» (Австралия, Канада, Новая Зеландия и Южная Африка). В Южной Африке влиятельные круги общественного мнения симпатизировали Гитлеру.

После первой мировой войны доминионы Британии менее всего хотели оказаться вовлеченными в еще одну европейскую войну, столь далекую от собственных берегов, и Чемберлену приходилось осторожно добиваться от их правительств более активной европейской политики. Его усилия получили сильный импульс после падения Праги. С этого момента британскую политику поддерживали Австралия и Новая Зеландия, однако Южная Африка и Канада отказывались поддержать ее вплоть до кануна войны. До 1939 г. Канада была, как говорил ее премьер-министр Уильям Макензи Кинг, «полна решимости любой ценой поддерживать нейтралитет в войне».

В Британии прекрасно понимали необходимость «просвещать» доминионы о подлинном положении дел в Европе. Посредством осторожной пропаганды и налаживания доверительных отношений с премьер-министрами чемберленовское «управление» доминионами добилось успеха.

Но более всего способствовала попыткам Чемберлена заручиться в войне поддержкой доминионов (и Соединенных Штатов) *глобальная* природа национал-социалистической угрозы. ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 359

К марту 1939 г. Германия господствовала во всей Центральной Европе, а гитлеровские союзники Италия и Япония угрожали Средиземноморью и Дальнему Востоку.

Экономика умиротворения

Относительный упадок британской экономики после 1914 г. заставил британское правительство как никогда ранее задуматься о цене империи. Упорная безработица, сокращение доли на мировом экспортном рынке и старение мощностей в тяжелой промышленности (проблемы, обострившиеся из-за Великой депрессии) подчеркивали потерю Британией места первой мировой державы. Казалось, британский промышленный мотор больше не в состоянии поддерживать дорогостоящие оборонительные обязательства. Поиск денег на перевооружение стал еще сложнее из-за роста социальных расходов, который обещали после 1918 г. правительства любых политических оттенков, и из-за отмены призыва в марте 1920 г. То же самое было верно и в отношении Франции, хотя французские военные расходы были в двадцатых годах выше британских. Впрочем, поздняя волна депрессии привела к тому, что вклад в оборону остановился тогда же, когда Германия начала перевооружаться. К 1938 г. германские военно-воздушные силы были впятеро больше французских. Как мы видели, реальный прогресс во французском перевооружении наступил только после Мюнхенского кризиса.

Экономические соображения в дипломатии и в военных приготовлениях играли более открытую роль накануне второй мировой войны, чем перед «Великой» войной 1914—1918 гг, показавшей цену современных боевых действий. Озабоченность бюджетом в Британии и Франции помогла определить путь перевооружения. Чтобы предотвратить кризис платежей в Британии и крах фунта, перевооружение должно было быть быстрым и эффективным. И британское, и французское правительства направляли расходы на производство танков и самолетов. На перевооружение

воздействовали и политические факторы. Чтобы обеспечить своевременную доставку нового вооружения, необходимы были хорошие трудовые отношения, особенно с квалифицированными британскими рабочими. Национальное правительство, в котором господствовали консерваторы, никогда не было полностью уверено в «ответственности» британских рабочих, которые, как и повсюду в Европе, оставались подвержены широко распространившемуся пацифизму.

360 ГЛАВА 9

Экономический торг и сделки стали важной частью дипломатии, когда Британия и Соединенные Штаты поверили, что некая форма «экономического умиротворения» — экономические уступки Германии и приобретение ею собственных экономических сателлитов — может помочь обуздать гитлеровский экспансионизм. Эту стратегию особенно поддерживали те банкиры и промышленники, которые имели отношение со странами оси. Хотя Гитлеру предлагали выгодные торговые уступки, он и его когорты уже были связаны обещаниями политических аннексий. К 1938 г. Германия, во многом благодаря англо-французским уступкам, обеспечивала в среднем 29% всего импорта в Восточной и Юго-Восточной Европе, а к 1939 г. германский капитал, как и германские товары, заменили британский и французский экспорт в регионе. Однако Гитлера, Муссолини и японских националистов нельзя было купить экономическими уступками. Экономический крах способствовал распространению агрессивного национализма по всему миру, но одна экономика не могла разрешить кризис.

Финальный кризис: Польша в 1939 году

Европейский дипломатический кризис усиливался по мере продолжения агитации нацистских штурмовиков на улицах Данцига и давления Германии на Польшу. Новым неожиданным событием стало подписание Риббентропом и его советским коллегой Вячеславом Молотовым 23 августа 1939 г. нацисте ко-совете кого пакта. Гитлер сказал об этом союзе: он был «козырной картой. Возможно... самой решающей ставкой моей жизни». Новость о том, что Германия и СССР пришли к соглашению не воевать друг против друга, стала известна на следующий день. Секретный же протокол, предоставивший Сталину карт-бланш в Финляндии, Эстонии, Латвии, Восточной Польше и Румынии сделался известен позднее.

Нацисте ко-совете кий пакт изумил Запад — а удивляться было нечему. Даже в августе 1939 г. Британия и Франция довольно равнодушно относились к перспективе союза с СССР, а подобное соглашение не давало Сталину каких-либо существенных преимуществ. В союзе с Британией и Францией Советскому Союзу скорее всего пришлось бы сражаться, тогда как Гитлер желал лишь советского нейтралитета. Собственный интерес и историческая вражда между капиталистическими державами и коммунистической Россией помогли скрепить союз двух убежденных врагов — фашизма и коммунизма.

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 361

Польшу теперь окружали враждебные державы, и фюрер ожидал известий, что Британия и Франция бросили Польшу, как они бросили Чехословакию. Непокорная Польша, с другой стороны, была уверена в западной помощи, особенно когда фран ко-британские гарантии стали 25 августа формальным союзом — за день до запланированного Гитлером нападения на Польшу, о чем тогда еще не знали. Подтверждение франко-британской поддержки Польши отсрочило гитлеровское нападение на пять дней — это было время лихорадочной дипломатической деятельности. Разговоры между Гитлером, Риббентропом и британским послом в Берлине сэром Невилем Гендерсоном порой велись на повышенных тонах. Но обеим сторонам было нечего предложить друг другу. По иронии судьбы в Британии вновь были уверены, что Гитлер может отступить, как раз в тот момент, когда Германия мобилизовалась для войны. За обедом 31 августа британский министр иностранных дел заметил, что у Гитлера «вид побитой лисы». В то же время в берлинской рейхсканцелярии напряженно работали ближайшие гитлеровские соратники. Тем вечером Гитлер подписал Директиву № 1 о ведении войны, и в 4 часа 45 минут утра 1 сентября 1939 г. операция «Рыбная ловля» в районе Данцига началась.

Но ни Франция, ни Британия, ни британские союзники — колонии и доминионы — не объявили немедленно войну Германии. Удивленное недоверие — так можно оценить ответ Запада на немецкие действия. Хотя многие признавали войну Германии с Польшей вероятной, это не означало, по словам историка Д. Уатта, что «они в сердце ждали ее»³. Последовали еще два дня бурных дипломатических дебатов, в основном между Британией и Францией, и две эти державы внесли ясность — новые переговоры станут возможны лишь после полного вывода германских войск из Польши. В последние дни перед началом войны американский президент Рузвельт, папа Пий XII и нейтральная «группа Осло» (Бельгия, Норвегия, Дания, Швеция Финляндия,

Нидерланды и Люксембург) также предприняли тщетные усилия сохранить мир. Но в мире не было заинтересовано германское правительство, кроме, возможно, Гитлера. Пока польские послы в Лондоне и Париже неистовствовали из-за бездействия Запада перед лицом страшных зверств, совершаемых у них на родине, росло общественное и парламентское давление на британский и французский кабинеты. Британское правительство собралось в ночь 2 сентября, когда уже ходили слухи, что решимость французов ослабла (в этом была доля правды). На заседании разыгралась страшная буря, и в итоге кабинет согласился предъявить Германии ультиматум на следующий день — в воскресенье 3 сентября. Никто не спорил с выводом Чемберлена: «Это означает войну».

362 ГЛАВА 9

Британский ультиматум истек в воскресенье в И часов утра; французский — шестью часами позднее. Запад теперь находился в состоянии войны с Германией, но Британия и Франция мало что могли предпринять в поддержку окруженных превосходящими силами поляков. Гитлер был ошеломлен новостью, что Британия и Франция верны гарантиям, которые дали Польше. Впервые он не смог предугадать англо-французского ответа, а на этот раз, в отличие от 1914 г., у Германии не было плана войны на два фронта. Вплоть до августа 1939 г. Гитлер мог удовлетворять свои амбиции путем переговоров или силой, не встречая сопротивления. Его конечной целью была расовая война с Советским Союзом через два-три года. Впрочем, для Британии и Франции 1939 год подходил лучше всего, чтобы положить конец непомерным притязаниям Гитлера. Власти по обе стороны Ла-Манша приняли окончательное решение. В действительности, чемберленовская тактика испробовать все пути к миру, дискредитированная в 1939 г., возможно, помогла выковать национальное и имперское единство перед необходимостью противостоять Гитлеру — память об этом будет сохраняться в британской политике после 1945 г. Общественное мнение страны теперь твердо поддерживало войну. Для Чемберлена же события 1939 г. стали личной катастрофой. Он недолго еще оставался на своем посту и был вскоре заменен человеком совсем иного темперамента, который долго протестовал против политики умиротворения, — консервативным членом парламента Уинстоном Черчиллем. Британия и Франция сражались теперь за сохранение своей власти не только в Европе, но и в Средиземноморье и на Дальнем Востоке.

Ход войны, 1939-1941

Циничный договор о дружбе, подписанный Молотовым и Риббентропом в 1939 г., обещал гарантировать польскому народу ««мирную жизнь в соответствии с его национальным характером»». Конечно, это были пустые обещания. Первыми испытали ужасы войны польские жители Данцига. Каждый поляк, обнаруженный немцами, был затравлен и забит до смерти. Их тела были брошены в братскую могилу, деревянная табличка на которой гласила: «Здесь лежит польское меньшинство».

Поляки храбро сражались против превосходящих сил. Им удалось сопротивляться германскому натиску 17 дней — по плану война должна была занять две недели. Для выполнения операции «Вайс» у границ

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 363

Польши под старым предлогом «маневров и учений» были собраны три миллиона быстро отмобилизованных немецких солдат. Численная сила, военная техника и замешательство Британии, Франции и Польши привели к тому, что когда началось германское вторжение, ему противостояла лишь треть польской армии. Последовала быстрая победа Германии. Советский Союз действовал не столь спешно — Красная Армия выдвинулась для оккупации Восточной Польши только 17 сентября. В 1940 г., однако, возможное объявление Британией и Францией войны Советскому Союзу больше не угрожало (это было одно из соображений, вызвавших задержку СССР с вторжением в Польшу) и Сталин с жадностью присоединил к своей империи Эстонию, Литву, Латвию и Бессарабию. «Проглотить» Финляндию оказалось куда сложнее. Когда 30 ноября 1939 г. русские начали военную кампанию против Финляндии, они не справились с умением финской армии сражаться в своих заснеженных лесах. Когда в марте 1940 г. победа была, наконец, одержана, большая часть британского общественного мнения была на стороне отважных финнов. Чтобы одолеть армию, насчитывавшую всего 175 тыс. человек, Советскому Союзу пришлось бросить в бой более миллиона человек.

Тем временем поляков заставляли выполнять трудовую повинность в пользу нацистских оккупантов, а их земли передавались германским поселенцам. Цель Гитлера заключалась в том, чтобы поставить себе на службу производственные ресурсы Западной и Центральной Европы, что позволило бы ему развязать войну против «настоящего» расового и политического врага Германии — Советского Союза. Впрочем, после Польши внимание Германии сместилось на север — к

Норвегии и Дании. Несмотря на опасения Гитлера и существенные потери, которые понес германский флот, битва за Норвегию продолжалась чуть больше шести недель (она капитулировала 10 июня 1940 г.). Падение всей Скандинавии (кроме нейтральной Швеции) отнюдь не подняло англофранцузского боевого духа. Союзническая кампания в защиту Норвегии велась плохо — Королевские ВВС, например, использовали устаревшие «Глостерские гладиаторы», в которых экипажу не хватало кислорода, и потеряли все самолеты, кроме одного. Германия одерживала легкие победы, и ей еще только предстояло обратить всю мощь своих сил против западных союзников.

Британии, Франции, Бельгии, Нидерландам и Люксембургу, в отличие от стран Восточной и Северной Европы, пришлось ждать семь месяцев, пока в германском расписании наступил их черед. Этот период получил в прессе название «странной войны», так как хотя мирные жители и ждали германских бомбежек, казалось, не происхо-

364 ГЛАВА 9

дило ничего, кроме постоянных ложных воздушных тревог. Предпринятые накануне войны судорожные приготовления — эвакуация детей и матерей из городов, введение карточной системы, строительство больших бомбоубежищ и семейных бункеров типа «Андерсон», выпуск противогазов и запуск в небо заградительных аэростатов — все это свидетельствовало, что британский народ, пусть и опасаясь гитлеровских бомбежек, верил — страна готова. Во Франции страх перед войной, в том числе войной сухопутной, был не меньше, и приготовления к продвинулись столь же далеко. В обеих странах настрой был мрачным и серьезным. Иначе и быть не могло — в памяти вставали жуткие воспоминания 1914 года.

Подготовка к войне продолжалась и после 3 сентября 1939 года. Вводились новые налоги, кино и театры, первоначально закрытые, открывались вновь, но уже работало согласно строгим предписаниям, вводилась цензура, набирали силу производство вооружений, призыв и организация рабочей силы. Мировая пресса готовилась сообщить об открытии Западного фронта. Публика действительно столь жаждала новостей, что дикие слухи о германском шпионаже стали общим местом. Велась и собственные военные приготовления, хотя в отсутствие приказаний о начале военных действий войскам оставалось только устраивать учения. Боевой дух постепенно падал и люди начинали удивляться, что же это за война. Некоторые вопреки всему надеялись, что война скоро кончится, может быть после свержения Гитлера самими немцами — эту ложную надежду в августе 1939 г разделял Чемберлен.

Однако лишь немногие командиры союзников верили, что боевые действия скоро закончатся, особенно после того, как германские военные успехи сплотили вокруг Гитлера немецкий народ. Органом франко-британского военного сотрудничества стал Высший межсоюзнический военный совет, и в январе 1940 г., после неудачи попыток вывести Бельгию из состояния нейтралитета, британские экспедиционные силы заняли позиции на франко-бельгийской границе. Как и в первой мировой войне, важной частью стратегии союзников была блокада Германии, но ее подрывало намерение некоторых нейтральных соседей Германии, особенно Нидерландов, стать складом для продукции, направляемой нацистам. Блокада также слабела из-за того, что союзники позволили Италии совершать за границей значительные закупки, в том числе угля и сырья, в надежде, что это сможет оттолкнуть Муссолини от Гитлера.

В ходе польской кампании Гитлер требовал от сухопутных сил, вермахта, быть крайне осторожными на Западе, оставаясь полностью

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 365

в обороне. Пока Германия не была готова, Гитлер указывал, что «любая враждебная инициатива должна исходить от Британии или Франции». Таким образом Германия могла избегать, настолько долго, насколько нужно, необходимости вести войну на два фронта. Оставалась даже возможность, что Британия и Франция отступят, увидев мощь германских сил. Сыграло свою роль и наступление зимы: в октябре 1939 г. Гитлер изменил приоритеты и с нетерпением ждал начала войны на Западе, но осень подошла к концу. Одиннадцать раз он отдавал приказ атаковать, и одиннадцать раз плохая погода вынуждала отменить его.

Война на Западе, 1940 год

«Странная война» внезапно завершилась 10 мая 1940 г., когда был запущен гитлеровский план «Гельб». Бесконечные споры Гитлера со своими генералами — последние боялись мощи Королевского флота и ВВС, ресурсов Британской империи и Франции — подошли к концу. Битва за Западную Европу началась, и Гитлер оказался прав — победа была на стороне Германии. Хотя немецкая военная экономика не была полностью мобилизована вплоть до 1942 г., плохо обученная

французская армия оказалась деморализована, а ее политическое руководство пребывало в смятении: 20 марта Даладье подал в отставку, освободив путь Полю Рейно, стремившемуся заручиться поддержкой большинства. Генерал Морис Гамелен возлагал надежду на названную его именем оборонительную линию и жаловался на французское «отставание в численности, технике, методе». Не все здесь было правдой. Гамелен и его генеральский корпус не поняли, что Германия, оставив линию Зигфрида позади, сосредоточит свой натиск на Арденнах, а не на Бельгии и Нидерландах. В итоге Франция быстро капитулировала перед немецкими захватчиками, а 500 тыс. британских солдат, посланных во Францию под командованием отличившегося в первой мировой войне лорда Джона Горта, не смогли помочь союзнику.

Двадцать четвертого мая 1940 г., спустя 10 дней после начала германского наступления, Горт получил приказ отступить через Ла-Манш. Так началось унижительное бегство британцев через Дюнкеркский порт, которое из тяжелого поражения союзников превратилось в их славную победу. В соответствии с вошедшим в легенду планом «Динамо», британцы и французы уходили из Дюнкерка на маленьких катерах. Авиация эффективно взаимодействовала с германскими сухопутными

366 ГЛАВА 9

силами в битве за Францию, однако на пляжах Дюнкерка осуществлять подобное взаимодействие оказалось нелегко. Но теперь Франция была обречена на поражение (ее силы вдвое уступали гитлеровским), а британская армия потеряла большую часть техники и почти 70 тыс. человек. Особенный пропагандистский капитал был нажит на германской оккупации Парижа, в котором многие видели столицу современной цивилизации. Двадцать второго июня 1940 г. маршал Анри Петэн, преемник Рейно на посту премьера с 16 июня, завершил переговоры о перемирии с Германией в том же железнодорожном вагоне, где было заключено унижительное для немцев перемирие 1918 года. Этот заключительный театральный акт стал сокрушительным итогом гитлеровского стремления уничтожить версальский «позорный договор» (*Schandvertrag*).

Но на этом амбиции Гитлера не заканчивались. Немецкие генералы и народ, в 1939 г. не выказывавшие чрезмерного военного энтузиазма, были в восторге от триумфов 1940 г. и от соответствующей кинохроники вместе с пропагандистскими трюками, мастером которых был министр пропаганды Геббельс. Кинопропаганда в годы войны от сложных намеков в фильмах вроде американской «Касабланки» (1942) до более откровенных пропагандистских высказываний в немецкой хронике новостей — была изощреннее, чем в первую мировую. Мирные жители могли теперь не просто приносить свой труд и свои жизни на алтарь «тотальной войны», но и наблюдать на экране результаты своих усилий. Мировые «диктатуры» и «демократии» быстро научились использовать средства массовой информации, в особенности кино, чтобы поддерживать боевой дух и «просвещать» народ насчет причин и хода войны.

От битвы за Британию к битве за Балканы, 1940-1941

К июлю 1940 г. нацистам сопротивлялась одна лишь Британия под вдохновенным руководством Черчилля. За ней стояли все потенциальные ресурсы колоний — последнее обстоятельство куда острее, чем британский народ, осознавали Гитлер и его генералы. Подготовка к вероятному германскому вторжению на Британские острова началась сразу же после начала войны. Окна были затемнены, с дорог убрали указательные знаки, в мае были мобилизованы добровольцы местной обороны, которых позднее называли Внутренней гвардией (*Home Guard*), а затем — «папашинной армией» (*Dad's Army*). Но Гит-

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 367

лер и его верховное командование были едины в мысли, что вторжение в Британию будет «актом отчаяния», а не неизбежным шагом на пути к европейскому господству. Подлинные амбиции Германии лежали в Восточной Европе.

Когда сделанные Германией вялые мирные предложения Британии завершились ничем, в соответствии с директивой Гитлера от 16 июля 1940 г. была начата операция «Морской лев». На острие атаки шли военно-воздушные силы. Геринг хвалился: «...путем тяжелых ударов я планирую в ближайшем будущем поставить на колени этого врага, уже испытавшего сокрушительное моральное поражение». Но этого не случилось. Тщательно просчитанный во времени перехват германских самолетов, способность летчиков Королевских военно-воздушных сил буквально на лету учиться у более опытного противника, хорошая разведка, в первую очередь криптографическая, и развитие радаров обусловили вклад в германское поражение в «битве за Британию». Поражению способствовало и роковое решение послать в августе 1940 г. 100 самолетов бомбить Лондон. Это стало переломом в битве не только потому, что британское

командование приказало нанести разъяривший Гитлера ответный удар по Берлину, но в первую очередь потому, что германские силы были отвлечены от борьбы против соединений истребительной авиации на юге Англии. Бомбежка британского промышленного тыла — Ковентри, Ливерпуля, Бирмингема, Глазго, Лидса, Манчестера и Белфаста — была для люфтваффе более сложной задачей. Германские налеты на Ковентри начались 14 ноября и обозначили новый этап в воздушной войне. Центр средневекового города, в том числе его кафедральный собор, был подожжен фугасными бомбами. (После войны из обгорелых балок его сводов выложат крест, который станет основой воссозданного и вновь освященного в 1962 г. храма.) Летя на пожары как на мишень, летчики сбросили к⁷ ород сотни тонн бомб, уничтожив более трети жилого фонда, важные фабрики и разрушив почти всю транспортную сеть.

В битве за Британию победа сопутствовала Королевским военно-воздушным силам, а надежды Германии на то, что бомбежки сокрушат британский боевой дух, были такой же ошибкой, как и позднейшие надежды англичан, что рейды на Гамбург, Дрезден и Берлин ускорят капитуляцию германского народа. Теперь Британия была полна решимости отомстить за 23 тыс. жизней, которые отняла немецкая попытка блицкрига. Красноречивый Черчилль обессмертил 537 храбрых военных летчиков, отдавших свои жизни в битве за Британию, сказав, что «никогда еще миллионы не были обязаны единицам столь

368 ГЛАВА 9

многим»*. Битву прославил фильм 1940 г. «Лондон выстоит», основанный на подлинных материалах новостей. Но хотя в декабре 1940 г. этот воздушный бой закончился, продолжались битвы на море, на Балканах и на Ближнем Востоке. Так как главной целью Гитлера было подготовить Германию к расовой войне против Советского Союза, он выкачивал материальные и трудовые ресурсы из завоеванных земель. Германия подверглась разграблению не только собственно военные ресурсы — так, газета «Тайме» сообщала, что в первую неделю оккупации из Нидерландов было вывезено свыше 8 млн килограммов масла.

Летом 1940 г. Гитлер также хотел резко ограничить доступ Британии в Средиземноморье и стремился улучшить отношения Германии с Балканскими державами. Но дела шли не в соответствии с планом. «Иезуитская свинья» Франко, расположения которого так искал Гитлер, в итоге решил отказаться от империалистических притязаний на Гибралтар и французские колонии в Северной Африке и поставил германского канцлера в известность, что истощенная гражданской войной Испания не вступит в европейскую войну. После встречи с испанским диктатором в 1940 г. Гитлер признался, что согласился бы потерять все зубы без анестезии, чем еще раз пройти через такое испытание. Отказ Франко, недостаточное сотрудничество с режимом Виши и итальянская подозрительность в отношении германских амбиций положили конец гитлеровским устремлениям закрыть Средиземное море для британских кораблей.

Но разочарования Гитлера этим не кончились. Пока германское правительство стремилось вовлечь с союз Румынию, Венгрию и Болгарию (в апреле-июне 1941 г. эти попытки принесли успех), Муссолини предпринял нападение на Грецию, поставившее под угрозу всю гитлеровскую стратегию на Балканах. Позднее вступление Италии в войну на стороне Германии в июне 1940 г. всего за несколько месяцев расширило театр военных действий на Югославию, Грецию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Средиземноморье и Северную Африку. Черчилль считал противостояние итальянцам в Греции политически и стратегически необходимым, и в соответствии с операцией «Люстр» («Блеск») там высадились британские войска. Гитлер тем временем также не дремал. Ему нужно было обеспечить «поддержку» со стороны Югославии, чтобы германские войска, спешившие на помощь итальянцам, смогли достичь Греции, а также при подготовке неизбежного вторжения в Со-

* Рус. пер. А. Я. Ливерганта. В англ. тексте: «*So much (was) owed by so many to so few*». — *Примеч. пер.*

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 369

ветский Союз. Как и в тридцатых годах он сперва испробовал дипломатические средства, а когда те оказались бесплодными, вторгся в Югославию, умело используя в ходе операции «Кара» хорватский народ против сербского.

Германские войска вторглись в Югославию и Грецию даже до того, как британцы успели разработать собственную стратегию. Двадцать седьмого апреля 1941 г. нацисты вступили в еще одну европейскую столицу — на сей раз в Афины. В Германии это событие стало темой восторженных кинорепортажей, в Британии — вызвало тяжелое потрясение, особенно когда в ходе еще одной экстренной эвакуации с Крита пришлось срочно вывозить примерно 18 тыс. солдат союзников. Приказы Черчилля «продолжать биться, как можете» были тщетны. Хотя Гитлера вовлек в войну с Грецией Муссолини, с ее падением Германия и Италия контролировали

почти все Средиземноморье. Их господство лишь отчасти уравнивал британский флот. Готовясь к нападению на Советский Союз, германская армия также получила Балканы, считавшиеся теперь «перекрестком Европы», и контролировала важные для экономики нефтяные разработки Румынии.

Никогда ранее традиционная уязвимость Восточной Европы перед русскими и германскими амбициями не была столь очевидна, как во второй мировой войне. Их жертвой могла стать любая этническая группа, особенно регионы с большим еврейским населением, чаще всего становившимся жертвой зверств. Некоторые этнические группы были столь малочисленны, что гибель им мог принести всего один акт боевых действий. В апреле 1941 г., например, немецкие бомбежки Югославии разрушили цыганский квартал Белграда Земун, уничтожив за один день значительную часть всего цыганского населения Югославии. Война также питала патриотическую истерию, шовинизм и подозрения. В первую мировую войну общим местом стали рассказы о евреях, сигнализирующих германским войскам или шпионящих на Габсбургов. Во второй мировой войне евреи вновь пострадали больше всех в Восточной Европе, став жертвой местного населения и оккупантов. Но были и другие междоусобные конфликты, самым ожесточенным из которых явилось противостояние между сербами и хорватами, достигшее кровавой кульминации в сороковые годы, когда фашистское движение усташей объявило «священную войну» в целях «очищения» территории от всех нехорватов. Потери среди военных и мирного населения в Средиземноморском регионе составили 2,3 млн человек, и более половины из них оказались жертвами ужасной войны хорватов с сербами в Югославии.

370 ГЛАВА 9

Итак, в обеих мировых войнах несоразмерно высокие потери понесли одни и те же народы — евреи, цыгане, сербы, поляки, украинцы и белорусы.

«Война в пустыне», 1940-1941

Довольно бледно выглядели союзные войска в 1941 г. в Африке. Причиной африканской «войны в пустыне», как и вторжения стран оси в Грецию, было желание Муссолини основать средиземноморскую империю «на востоке и на юге, в Азии и Африке». В августе 1940 г. дуче вновь без предварительного одобрения Гитлера предпринял с баз в Эфиопии успешное наступление против Британского Сомали. Итальянские войска превосходили британские в отношении шесть к одному и легко продвигались к Египту. Но Британия решила защищать свои стратегические интересы в Средиземноморье, доступ к Суэцкому каналу и драгоценные нефтяные ресурсы в Персидском заливе. Восьмого декабря 1940 г. британцы под руководством командующего войсками на Ближнем Востоке генерала сэра Арчибальда Уэйвелла развернули неожиданное наступление и отбросили итальянцев обратно через пустыню.

Бои в пустыне ярко показали, что вторая мировая война, в отличие от предыдущей, была динамичной, а не окопной войной. Перенос военных действий в Африку и состав войск оси и союзников подчеркивали глобальный характер противостояния — итальянские войска были усилены местными силами из Эфиопии, Эритреи и Сомали; в британскую армию входили также солдаты из Сомали, Судана, Египта, Кении, а затем из Индии и Южной Африки.

Чаша весов на войне в пустыне вскоре стала склоняться на сторону Британии, и менее чем через три месяца британцы, потеряв убитыми 438 человек, взяли в плен 113 тыс. итальянцев и захватили 1300 орудий. Риторика Муссолини о создании новой Римской империи теперь выглядела пустым хвастовством. Но, когда Черчилль направил часть солдат Уэйвелла помогать защищать Грецию, Муссолини вновь убедил Гитлера выручить его. В феврале 1941 г. был срочно создан Африканский корпус. Под командованием генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля, создавшего себе имя, возглавляя 7-ю танковую дивизию во Франции, этот корпус вскоре показал союзникам свое мастерство в ведении подвижных операций. Прозванному «лисом пустыни» Ром-мелю удалось отеснить войска союзников к египетским границам и стать первым настоящим военным героем Германии. Отрезан был

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 371

австралийский гарнизон в Тобруке, что стало для Черчилля «страшно тяжелым ударом»⁴. В итоге Уэйвелл вошел в растущий список военных командиров, отстраненных Черчиллем. Его заменил фельдмаршал Клод Окинлек.

Успех Роммеля открыл соблазнительную возможность германского наступления на Суэц, Ирак и Персидский залив, но для овладения ими требовалось время. Между тем Гитлер был вынужден переключиться на Балканскую кампанию. На жарких просторах Африки снабжение и подкрепление еще сильнее, чем в Европе, определяли военную удачу или поражение. В декабре

1941 г. Роммелю пришлось отступить в Триполитанию, и захват им Тобрука был на время отомщен.

Несмотря на разгром плохо экипированной и подготовленной итальянской армии и победу над германским люфтваффе в битве за Британию, Британская империя в 1941 г. находилась в отчаянном положении. Жизненно важной для ее выживания стала американская материальная помощь, обеспеченная соглашением по ленд-лизу, которое прошло через конгресс 11 марта 1941 г. и было официально подписано обеими странами 23 февраля 1942 г. На Дальнем Востоке обстановка выглядела столь же мрачно. Уже в июле 1941 г. при попустительстве вишистского французского правительства в Сайгоне Япония заняла Индокитай.

Мир для некоторых, 1939-1941

Впрочем, после сентября 1939 г. и до лета 1941 г. некоторые государства, крайне озабоченные исходом войны на Западе, не принимали в ней участия. Советский Союз, Соединенные Штаты и Япония были важными действующими лицами, все еще стоявшими за кулисами.

Сталин не доверял ни странам оси, ни Западу. Его главной целью было удержать Советский Союз от участия в большой войне, закрепить завоевания пятилеток и, что возможно было важнее, дать Красной Армии восстановиться после ужасного кровопускания во время «чисток». У Сталина, конечно, были серьезные причины не доверять Гитлеру — человеку, который выразил стремление «огнем и мечом прорубить путь экспансии на Восток... и закабалить советские народы». Но Сталин также имел все основания не доверять Британии, Франции и Соединенным Штатам — странам, которые вмешались в русскую гражданскую войну на стороне белой армии, которые с неохотой признали законность большевистского правительства и, каза-

1.1 2-144

372 ГЛАВА 9

лось, боялись угрозы коммунизма не меньше, если не больше, чем угрозы фашизма, что показала неудача с координацией международных усилий для защиты Народного фронта в Испании.

Соединенные Штаты и Япония также наблюдали за войной со стороны. США под динамичным руководством Франклина Делано Рузвельта избрали общенациональный путь к экономическому восстановлению. Согласно последним подсчетам, в период депрессии более 25 млн американцев не имели работы или были заняты неполно, Крах американской экономики заставил Рузвельта проявлять осторожность в международных делах. Его опасения разделяло большинство американских граждан, которые боялись европейского милитаризма — широко распространенное отвращение к иностранным войнам усилилось после первой мировой войны и осуждения «неблагодарной» Европой неспособности США ратифицировать Версальский договор и вступить в Лигу Наций. В тридцатых годах в Америке усилился изоляционизм. В 1936 и 1937 гг. было принято законодательство о нейтралитете. Многие американцы боялись, что Соединенные Штаты окажутся заражены прокатившимися по Европе социальными и политическими болезнями — в 1934 г. удачный митинг пронацист-ской партии в Мэдисон Сквер Гарден отозвался ледяным холодком во многих сердцах; потом глава Американского легиона в Калифорнии потребовал: «Долой все измы!».

Однако если ледяные воды Атлантики, казалось, оберегали Америку от германской опасности, США столкнулись с новой угрозой — Японией с ее выросшей экономической и военной мощью, стремившейся теперь к созданию империи. Ее хрупкая либеральная традиция (зародившаяся в ходе реставрации Мейдзи в 1868 г.) рухнула под давлением экономического кризиса, и военные пользовались все большим влиянием в правительстве. В 1931 г. Япония направила войска для защиты своих экономических интересов в китайскую область Манчжурию, и к 1937 г. японский народ участвовал в войне против Китая. Эти события угрожали Британии и в особенности Соединенным Штатам.

В 1940 г. в поисках нефти и другого сырья, необходимого для военной экспансии, японцы перенесли боевые операции в Индокитай. Седьмого декабря 1941 г., нанося упреждающий удар Соединенным Штатам Япония атаковала Пёрл-Харбор на Гавайях и Филиппины. В течение четырех месяцев после этой сенсационной атаки японцы стали полностью господствовать над всей Юго-Восточной Азией и большей частью Тихого океана. Потопление британских и американских судов обеспечило Японии морское могущество, которого никак

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 373

не предвидели Вашингтонские договоры 1921 г. В воздухе также господствовали японцы, что сделало неизбежным падение Гонконга, Малайи, Сингапура и Филиппин к февралю 1942 г. Даже Индия была теперь под угрозой. Японские победы, в особенности быстрая капитуляция Сингапура, вызвали длительные споры о будущем британской колониальной власти. Но японцы

втянули в войну и американцев.

Атака на Пёрл-Харбор положила конец американскому изоляционизму. Соединенные Штаты объявили войну Японии. Когда Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, конфликт окончательно стал глобальным. К 1941 г. американский нейтралитет во многом был уже минимальным. Поставки вооружений в Британию (ленд-лиз сменила схема «*cash-and-carry*»*), пропагандистские кампании средствами кино, радио и печати показывали сочувствие американского президента Британии, сочувствие, скрепленное дружбой Рузвельта и Черчилля. Со вступлением США в войну Британия больше не должна была сражаться в одиночку**. Черчилль, наконец, мог спать «сном спасенного и благодарного человека».

С 1939 г. и до сентября 1941 г. ход второй мировой войны, казалось, повторял события первой мировой: помимо китайско-японской войны, конфликт был сосредоточен в Европе. Германия, как и в 1914 г., стояла перед перспективой войны на два фронта, а Соединенные Штаты, несмотря на опасения таких деятелей, как генерал Дуглас Макартур, который хотел сосредоточиться на наступлении против японцев в Тихом океане, вступали во вторую мировую войну с мыслью «сначала Европа». Но с бомбежкой Пёрл-Харбора в декабре 1941 г. театры войны в Западной Европе, Северной Африке, на Балканах, в Советском Союзе, на море и в воздухе объединились с борьбой Японии за господство на Дальнем Востоке, и по всему земному шару растянулась цепь противостояния и разрушения. На сей раз, в отличие от первой мировой войны, боевые действия были крайне мобильны. Характерное для невиданно ускорившегося в XX в. технического прогресса развитие и совершенствование самолетов, танков и боевых машин позволили хорошо экипированным и организованным боевым силам прорываться вперед и окружать противника: пока хватало снабжения, коммуникации оставались едины, а организация — сильной и действенной.

* Поставка военных материалов за наличный расчет при условии доставки не на американских судах. — *Примеч. пер.*

** Еще 12 июля 1945 г. СССР и Великобритания заключили Московское соглашение о взаимной помощи и совместных действиях против Германии. — *Примеч. пер.*

374 ГЛАВА 9

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 375

От 1941-го к 1943-му: переломные события

Весь ход второй мировой войны еще до Пёрл-Харбора переломило решение Гитлера (вопреки советам военачальников) запустить 22 июня 1941 г., ровно через год после подписания перемирия с Францией в Компьене, план «Барбаросса» против Советского Союза. Возникли новые конфликты и проблемы.

Сингапур, оплот Британской империи на Дальнем Востоке, пал в феврале 1942 г., а 21 июня 1942 г. после нового наступления Африканского корпуса Роммель окончательно овладел Тобруком. Это событие, писал Черчилль, стало «одним из самых тяжелых ударов, которые я перенес во время войны»⁵. Тяжелые потери нес и британский флот. Немцы строили подлодки быстрее, чем союзники их топили. В 1942 г. союзники потеряли больше судов, чем в предыдущем (эти цифры были бы еще больше, если бы не система конвоев, радары и дешифровка секретных кодов).

Нацисты тщательно продумали план вторжения в СССР. Гитлер поддержал генералов, которые доказывали, что успешная кампания против Советского Союза позволит Германии использовать 75% советской военной промышленности. Те же, кто призывал к осторожности, благосклонностью фюрера не пользовались. Был составлен также детальный план, как относиться к советскому населению в грядущей «идеологической войне» — евреев и комиссаров следовало расстреливать. Когда 22 июня 1941 г., почти что в день нападения Наполеона на Россию*, Германия без объявления войны напала на Советский Союз, Сталин, которого предупреждали Британия, Соединенные Штаты и собственные тайные агенты, был ошеломлен. До 3 июля он не появлялся на публике. Черчилль тем временем быстро утихомирил тех, кто не желал союза Британии с коммунистами:

Можете ли Вы сомневаться, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем**.

На деле вплоть до 1944 г. англо-американская помощь Советскому Союзу была крайне незначительной. Даже с американской помощью Британия не могла ответить на постоянные призывы Сталина от-

* Войска Наполеона вторглись в Россию 24 июня 1812 г. по новому стилю. — *Примеч. пер.*

** Рус. пер. цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях. М., 1990. С. 111. — *Примеч. пер.*

крыть второй фронт в Европе. Нужно ведь было мобилизовать, обучить и экипировать войска.

Таким образом, зачастую неискренние слова Черчилля о сроках открытия второго фронта сулили

беды в будущем. Британия действительно пыталась помочь Советскому Союзу. Однако по сравнению с ужасными потерями, которые нес СССР, любое британское содействие казалось несущественным. Впрочем, американская помощь по ленд-лизу включала сложное оборудование, такое как радары и новейшие радиосистемы, которых так не хватало Советскому Союзу. Везли эту помощь несшие тяжелые потери британские корабли. Не обладая достаточными силами, чтобы высадиться в континентальной Европе, Британия и ее союзники-доминионы возложили основную надежду на стратегические бомбардировки. Но командованию бомбардировочной авиации недоставало как оборудования, так и опыта, чтобы предпринять стратегическое наступление. На начальном этапе войны воздушные атаки не были эффективны: подсчитано, что в 1941 г. более 50% британских бомб падало в открытом поле.

В том же году немцы одержали ряд впечатляющих сухопутных побед на территории Советского Союза. Шестнадцатого июля 1941 г. они взяли Смоленск, 19 сентября — Киев.

Сельскохозяйственные и промышленные ресурсы Украины оказались в руках немцев. Только при обороне Киева советские войска потеряли 655 тыс. человек, 884 танка и 3718 орудий. С октября по декабрь шла ожесточенная битва за Москву. Тут впервые проявились признаки слабости немцев — солдаты были истощены, а чтобы поддержать их, не хватало материалов и коммуникаций. Но если в 1941 — 1942 гг. немцам мешала печально известная русская зима, то действия Сталина часто шли им на пользу. Он неоднократно отказывался от планов своих генералов и, подобно Гитлеру в 1945 г., требовал от своих войск яростно сопротивляться перед лицом превосходящих сил.

Впрочем, советские граждане и многие британцы считали Сталина творцом победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Подобно многим, один молодой польский еврей, которому удалось бежать из оккупированной Польши, восторженно встретил обращение Сталина к народу от 3 июля 1941 г.:

он [Сталин] нашел нужные слова, чтобы показать, что на сей раз это не просто обычная война между двумя странами, двумя армиями, но схватка двух мировоззрений и что Красная Армия, следовательно, сражается не только за собственную землю, но за свободу всех народов, «стонущих под игом германского фашизма»⁶.

376 ГЛАВА 9

Речи Черчилля также могли вдохновлять, но его собственное положение было нелегким.

В 1942 г. немцы успешно отразили советское наступление. Десятого сентября 4-я танковая армия сражалась на улицах Сталинграда — самой дальней точки, куда дошли немцы*. Русские стремились удержать город крайне ограниченными силами, чтобы суметь предпринять контрнаступление против германских линий вокруг Сталинграда. Хотя немцы захватили большую часть города и контролировали почти всю Волгу, жители Сталинграда и 62-я русская армия с воодушевлением и успехом сопротивлялись в кровопролитной битве за каждый дом**. Поле боя стал центр города. Тактическими целями стали его главные здания, некоторые из которых переходили из рук в руки пять-шесть раз в день. Тем временем три советские армии***, насчитывавшие более миллиона человек, 14 тыс. тяжелых орудий, 979 танков и 1350 самолетов, нанесли сокрушительный удар. Это была полная победа. Когда в феврале 1943 г., город был окончательно освобожден, русские увидели руины домов и горы трупов. Вести о победе пришли в начале февраля, и работавший в Москве журналист Александр Верт написал о новом настроении русского народа: «Никто не сомневался, что это был переломный момент второй мировой войны». Но подлинным, а не только психологическим переломом стала советская победа под Курском (к северо-западу от Сталинграда). В Курской битве, величайшем танковом сражении в истории, в яростной схватке сошлись более 2 млн человек и 3 тыс. танков. В одном из кровопролитнейших боев за всю войну тяжелые потери понесли элитные части фюрера — дивизии СС «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», «Рейх». Только на стороне оси погибло более 100 тыс. солдат. Эта битва стала последним широким наступлением нацистов на Восточном фронте. Сталин умело и дотошно руководил ходом событий. Он стал лучше относиться к своим генералам, а советские войска теперь превосходили противника в живой силе и вооружении. Чаша весов склонилась на сторону Сталина, и его войска двигались в сторону Польши.

Положение союзников улучшилось не только в Европе. В 1942 г. в непосредственной близости от Австралии была сдержана экспансия Японии на Дальнем Востоке. За битвой в Коралловом море в мае 1942 г. последовало июньское сражение при атолле Мидуэй. На запад-

* В штурме Сталинграда принимала участие германские 6-я и 4-я танковые армии.

Бои в городе начались уже в конце августа. — *Примеч. ред.*

** Наряду с 62-й город защищала 64-я армия. — *Примеч. ред.*

*** В контрнаступлении под Сталинградом приняли участие три фронта. —

Примеч. ред.

ном направлении были отбиты воздушные атаки на Цейлон, британцы оккупировали находившийся под контролем правительства Виши Мадагаскар. Тем временем после падения Тобрука командование союзными войсками в Северной Африке принял генерал Бернارد Монтгомери (Монти), вдохнувший новую уверенность в отчаявшуюся после поражения армию. Для Черчилля эти неудачи были особенно «горькими», ведь поражение — это «одна вещь, позор — другое».

В войне в пустыне участвовали выдающиеся военачальники — Ром-мель на стороне оси, Уэйвелл, Окинлек и Монтгомери на стороне союзников, что уравнивало силы. После унижения в Тобруке Черчилль был исполнен решимости победить в открытом бою. В 1942 г. германо-итальянская танковая армия была окончательно разгромлена в пустыне. Главным событием стала битва при Эль-Аламейне, где в ноябре 1942 г. Роммель был побежден превосходящими силами союзников, а так же в силу истощения собственных ресурсов — германским и итальянским танкам и автомобилям не хватало топлива. Под Эль-Аламейном Британия потеряла много солдат, но Монтгомери удалось остановить германское наступление. После высадки в регионе в том же месяце, в соответствии с планом «Торч», американских войск союзники постепенно стали затягивать сеть вокруг войск оси в Европе.

Перевес был теперь на стороне союзников, но до победы в войне оставалось еще далеко. По-прежнему не был разрешен спор между Британией и Соединенными Штатами о том, как лучше победить врага. Британия выступала за наступление со Средиземного моря через Италию и Балканы, чтобы затем нанести решающий удар по Германии. Соединенные Штаты не соглашались с этим британским «клеванием по периферии» и были убеждены в необходимости полномасштабного вторжения во Францию. Этот вопрос вызывал постоянные трения в англо-американских отношениях. Летом 1942 г. Черчилль прибыл в Москву, чтобы известить Сталина о невозможности открыть в этом году второй фронт в Европе из-за крайне малой вероятности открытия его в 1943-м. Печальная правда состояла в том, что ни Британская империя, ни Соединенные Штаты все еще не обладали достаточным количеством обученных солдат и кораблей, чтобы предпринять эффективную кампанию в Европе, о чем Черчилль Сталину не сказал. Конца войне не было видно, хотя победы союзников и нанесли удар по боевому духу оси. В секретном докладе германской службы безопасности (*Sicherheitsdienst, SD*) сообщалось: «Многие испытывают известное уныние и беспокойство, так как не могут впредь вполне совладать с событиями и бояться неизвестной, непредвиденной опасности».

378 ГЛАВА 9

Внутренний фронт

Лидеры военного времени Гитлер, Сталин, Рузвельт, Муссолини и Черчилль стали наиболее влиятельными политиками в истории своих государств в XX в. Все они решительно и зачастую бескомпромиссно управляли своими странами, хотя исход войны, возможно, в наибольшей степени определили решения, принятые Гитлером (например, план «Барбаросса» или «окончательное решение еврейского вопроса»). Главной задачей для правительств второй мировой, как и в 1914—1918 гг., стала мобилизация людских и экономических ресурсов, установление баланса между нуждами промышленности и нуждами армии. В Британии и Советском Союзе эта проблема была особенно острой на ранних этапах войны.

В ходе мировых войн военные неудачи оказывали важное воздействие на внутреннюю политику, хотя степень дозволенной публикой критики зависела от характера правящего режима. В Германии лидерство Гитлера было неоспоримым. Итальянская политическая жизнь, напротив, была сложнее. К 1942 г. итальянская фашистская партия начала распадаться изнутри. Всегда характерные для режима Муссолини фракционная борьба и внутренние распри обострялись, особенно когда в борющиеся группы, стремившиеся возродить падающую боеспособность Италии, вошел «клан Петаччи» — друзья и семья любовницы Муссолини Кларетты Петаччи. В 1942 г. началось воссоздание четырех основных антифашистских партий — сторонников прямого действия, коммунистов, социалистов и католиков. Хотя этим партиям еще предстояло разработать организационную структуру и подготовить программы, в них входили политики, которым предстояло сыграть важную роль в послевоенной истории Италии, например бывшему вождю Народной партии и будущему христианскому демократу Альчиде Де Гаспери. Он способствовал разгрому фашизма и созданию в Италии демократической политической системы.

1942 год принес наиболее серьезный политический вызов Черчиллю. За военными поражениями 1940—1941 гг., особенно в Норвегии, при Дюнкерке, в Греции и Северной Африке, последовали

известия о падении Сингапура и Тобрука. Способности Черчилля как военачальника, впрочем, не ставились под сомнения. В первую очередь правительство критиковали за неудачи в управлении военной экономикой и неоказание помощи Советскому Союзу. Летом того года бывший посол Британии в СССР, популярный молодой политик-лейборист

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 379

сэр Стэффорд Крипе, по образованию адвокат, изгнанный до войны из лейбористской партии за поддержку Народного фронта, поставил под сомнение лидерство Черчилля в ведении войны. Но ни по личным качествам — его называли серым кардиналом, — ни по широте политической поддержки Крипе не выдерживал сравнения с Черчиллем. В ноябре 1942 г. исследователи общественного мнения сделали вывод, что народ «полностью разочаровался» в Крипе.

Положение Черчилля

было устойчивым.

Одной из основных трудностей Британии была нехватка боеприпасов. Вплоть до декабря 1941 г. она во многом зависела от поставок из ненадежного источника — президенту Соединенных Штатов приходилось обходить правила американского нейтралитета. Борьбу за организацию британских ресурсов для тотальной войны вновь возглавили деловые люди. Усвоив уроки первой мировой войны, британцы на этот раз быстро установили правило: на каждого солдата должен приходиться один рабочий в военной промышленности и еще два рабочих в гражданской экономике, производстве продовольствия, одежды и других необходимых для войны товаров. Уже эти цифры дают некоторое представление о важности внутреннего фронта в войне. Существовала так называемая «броня», освобождавшая от призыва на военную службу.

Просчеты при определении соотношения рабочих и солдат могли дорого стоить. В Советском Союзе массовая мобилизация войск на линию фронта в 1941—1942 гг. путем призыва квалифицированных рабочих, в том числе из военной промышленности, серьезно подорвала военную экономику как раз в тот момент, когда германские войска вторглись в промышленное сердце страны. В тридцатых годах Гитлер подчеркивал, что ключом к победе в войне является эффективное управление экономикой. Однако несмотря на широкие приготовления Германии к войне в мирное время, немецкая экономика в годы войны относилась к наименее эффективным. Одной из причин было то обстоятельство, что Гитлер готовился начать широкомасштабную войну в 1941—1942 г.; развязывание войны в 1939 г. повлекло за собой спешную импровизацию. Более того, если британские военные усилия сравнительно хорошо управлялись координированной бюрократией, усиленной людьми из деловых кругов, то военной экономике Германии не хватало подобной согласованности. Региональные власти сопротивлялись централизованным приоритетам войны. Напряженное соперничество за ресурсы и власть разгорелось между такими людьми, как Геринг, отвечавший за авиационную промышленность и снабжавшую ее

380 ГЛАВА 9

огромную корпорацию, и Вальтер Функ, занимавшийся гражданской экономикой.

Геринг утверждал, что «нет такой задачи, которую немец не мог бы решить». Однако даже усилия Альберта Шпеера, бывшего архитектора, обладавшего вкусом к административной деятельности, который в феврале 1942 г. был назначен координировать германское военное производство, принесли лишь ограниченные результаты. Шпеер, как и Ратенау, верил в централизованный капиталистический контроль. К 1943 г. при полной поддержке Гитлера он добился расширения военного производства Германии более чем вдвое. К середине 1943 г. оно уже утроилось, однако качество многих образцов вооружений было ниже, чем у союзников.

Как и в ходе «Великой» войны, правительство подняло на новую высоту контроль над хозяйством и населением. Война вновь стала важным стимулом к развитию американской экономики. С 1940 по 1944 г. объем американского промышленного производства вырос на 300%. Хитроумные американские дельцы использовали каждую отпущенную войной возможность увеличить размеры продаж — например, компания «Кока-кола» убедила американскую армию, что ее напиток необходим для поднятия боевого духа, — так что в войну процветала и индустрия широкого потребления. В годы войны большинство американцев достигли исключительного процветания — по крайней мере, так казалось по сравнению с лишениями времен Великой депрессии. В отличие от событий тридцатых годов, опыт второй мировой войны подтвердил, что капитализм может принести Соединенным Штатам несказанные богатства.

Интерес к широкомасштабной социальной реформе был в Британии намного выше, чем за океаном. Мир и Черчилль увидели его в том общественном признании, которое получил

опубликованный в ноябре 1942 г. длинный отчет, известный как доклад Бевериджа. Его автор сэр Уильям Беверидж, бывший директор Лондонской школы экономики, разработал перспективные схемы послевоенного социального обеспечения для всех граждан. Опубликованный Би-би-си и широко разрекламированный за границей доклад прославил и самого автора. Прием был столь восторженным, что Беверидж, как он сам говорил, будто бы «ехал на слоне» сквозь «ликующую толпу». Беверидж никогда не был социалистом, но он заложил основы системы социального обеспечения «от колыбели до могилы», получившей развитие в дальнейших правительственных документах. Война породила общее чувство, что все члены общества должны быть на равных условиях вовлечены в послевоенную социальную политику. Она также

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 381

показала, сколь важно иметь «честную долю для всех» — эта цель была реализована в карточном снабжении, которое разрабатывалось под руководством лорда Уолтона, министра продовольствия, назначенного Чемберленом не из числа членов парламента и ставшего позднее министром реконструкции, а затем председателем консервативной партии. Впрочем, сразу после окончания войны схемами восстановления экономики воспользовалась лейбористская партия, выиграв впервые за десять лет всеобщие выборы в июле 1945 года.

Классовые барьеры сохранялись, однако по мере того как война тянулась дольше, чем все ожидали, росла решимость построить общество, где каждый гражданин исполнял бы свою роль во имя общего блага.

Женщины на войне

Пропаганда была обращена и к женщинам. Плакат «Пойди на это» (*Go To It*) висел рядом с лозунгом «Честная доля для всех» (*Fair Shares for All*). Как только разразилась война, женщин по всей Европе стали тепло встречать на рабочих местах. Помня об опыте первой мировой, в большинстве стран признавали важность мобилизации женщин сразу после начала войны. Однако только в Советском Союзе война побудила государство сказать, что «так называемых мужских профессий больше не существует». Советские женщины показали, что для них «нет непосильной работы». В прочих странах Европы женщины на войне также были заняты в традиционно «мужских» профессиях — во вспомогательных службах сухопутных сил, флота и авиации, в сельском хозяйстве, гражданской обороне, они водили автобусы, управляли баржами и даже самолетами — но все это, как и в годы первой мировой войны, вовсе не означало, что они останутся на такой работе, когда война закончится.

Опыт женщин на войне был крайне разнообразен. Многие начали работать в сельском хозяйстве. В Британии Земледельческая армия стала одной из наиболее популярных вспомогательных служб, в которые вступали женщины. Крестьянским трудом занялись женщины во Франции, Германии и почти во всей Восточной Европе, причем многие работали неофициально, чтобы добыть немного еды и топлива для своих семей. Женщины также вносили важный вклад в индустриальное производство. Доля женщин, занятых в промышленности, заметно разнилась по Европе. К 1943 г. в Британии более 7 млн женщин служили в вооруженных силах, гражданской обороне

и промышленности — они отвечали за почти две трети объема промышленных товаров. Нацистское правительство также стремилось привлечь к труду больше женщин. В 1943 г. женщины составили 48,8% германской рабочей силы — в Британии этот показатель равнялся 36,4% — и пропагандистские плакаты гласили: «Раньше я делала ему бутерброды, теперь я крашу ему гранаты». Но нацистская партия также продолжала поддерживать роль женщины как роженицы. Такой же была и позиция вишистской Франции, где «Закон 300» объявил аборт преступлением против общества, государства и расы. Аборт стал актом измены, наказанием за который была смертная казнь.

В нацистской Германии существовала и другая, еще более жуткая сторона этого особого внимания к рождаемости. В начале войны отправленным на принудительные работы польским и русским женщинам с оккупированных территорий не разрешали возвращаться домой, если те были беременны. Их поощряли или принуждали сделать аборт или подвергнуться стерилизации, а родившиеся дети часто становились жертвой хозяев, гитлеровских расовых экспертов или нацистских докторов. Это было только самое начало воплощения планов по сокращению рождаемости на оккупированных территориях. Худшее ждало впереди. Евреев и цыганок

подвергали в концентрационных лагерях экспериментам по стерилизации. Женщины становились и соучастницами убийств — например, медсестры, врачи, исследовательницы и охранницы в лагерях смерти.

Ужасы второй мировой войны — бомбежки гражданского населения, меняющаяся линия фронта, оккупация, сопротивление, бои — вели к тому, что разрыв между мужским и женским опытом в этой войне был значительно меньше, чем в первой мировой. Тем не менее в большинстве стран число женщин, остававшихся дома, примерно равнялось числу работающих. Частично это происходило в силу того, что государство плохо понимало необходимость помощи женщинам — организации ухода за детьми, предоставление достойных заработков и возможности купить продукты возле работы. Для женщин с маленькими детьми работать в среднем по 12 часов шесть дней в неделю, одновременно заботясь о детях, доме, а иногда также муже и представителях старшего поколения, было слишком тяжелой ношей. Некоторые женщины сами не хотели идти на работу (или этот шаг не одобряли их мужья).

Но работа в военные годы приносила дополнительные деньги. Молодым одиноким женщинам она могла обеспечить более активную общественную жизнь (один британский наблюдатель с ужасом за-

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945

мечал, что 40% одиноких женщин теперь собираются в пабах). Подчас женщины даже обретали определенную свободу тратить деньги на себя, пусть сама работа была и связана с риском.

Вспоминает одна 18-летняя девушка-доброволец:

Я ставила наконечники на детонатор пули. Это было опасно... в воздухе все время летал кордит*, оседая на лице. Он вызывал зуд, сыпь, которая переходила в большие волдыри. Глаза воспалялись. Мы работали семь дней или ночей в неделю. Деньги были хорошие. Я зарабатывала 10 фунтов в неделю.

Подобных рассказов о войне много. Жизнь людей изменилась. Но как и в 1918 г., после окончания войны женщины остались в немногих сферах. В Западной Европе они полностью ушли из вооруженных сил, транспорта (особенно женщины-водители) и некоторых отраслей промышленности. Только в разделенной Германии и СССР потери мужчин в годы войны обусловили большой спрос на работающих женщин. Перемены в жизни женщин отражали изменения в отношении к ним, а в особенности в их отношении к самим себе. В 1945 г. намного больше замужних женщин хотели остаться на работе (но традиционно большинство женщин-работниц были одинокими), и опыт военного времени усилил у них чувство собственной значимости. Но хотя по всей Европе политики громко приветствовали вклад женщин в войну, им потребовалось намного больше времени, чтобы принять законы, признающие экономическую роль женщин. Типичным был ответ Эрнеста Бевина в дискуссии в палате общин по вопросу о равной оплате труда (женщины работали за 50-70% от оклада мужчин):

Доктор Эдит Саммерскилл: Даже он признает, что мои показатели верны. Мистер Бевин: Я думаю, Ваши показатели совершенны**.

Падение и подъем «великих держав»

Британский опыт войны четко отличался от опыта остальной Европы. На земле Британии не велось боевых действий, как в Совет-

* Бездымный порох. - Примеч. пер.

„ильти» «

« Игра слов, основанная на совпадении английского «few**» - иифры, и «J

иге» — фигура. — Примеч. пер.

384 ГЛАВА 9

ском Союзе, страна не подверглась столь масштабной бомбардировке, как Германия. Если не считать острова Ла-Манша, она не знала оккупации и сопротивления. Война, впрочем, подчеркнула упадок Британии как мировой державы. Действительно, когда в 1940 г. Британская империя в одиночестве противостояла нацизму, этого испытания оказалось недостаточно, чтобы устранить новые угрозы имперскому единству. О кризисе империи ясно говорили беспорядки в Индии и зависимость от финансовой помощи Соединенных Штатов. Но если британская звезда клонилась к закату, на востоке возшла звезда Советского Союза — новой великой мировой державы.

Первый год Великой Отечественной войны Советского Союза, стоившей ему 20 млн жизней*, принес стране ужасные страдания. Отступая перед лицом надвигавшихся германских сил, СССР потерял земли, на которых вырабатывалось 63% угля, 68% — чугуна, 84% — сахара, 38% — зерновых и 60% — свинины. В первые дни войны возник дефицит продовольствия — сложно было достать молоко, сахар, жиры — с рынков исчезла даже капуста. Рабочим часто приходилось идти на работу по 4-5 миль на пустой желудок. Жилищные условия были очень тяжелыми, часто

без какого-либо отопления. Наиболее ярким достижением СССР в годы войны стала эвакуация целых заводов с запада на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Переезд оборонной промышленности стал необходимой основой мобилизации советской экономики в целом. Все было сделано очень быстро. Между 1940 и 1942 гг. Советский Союз перевел более 44% промышленного производства с мирных на военные рельсы. Для сравнения, в Италии в 1939-1941 гг. этот показатель составил 15%, в Британии — 38, в Германии — 29%. Краткосрочные плюсы этого были очевидны, но после окончания войны Советскому Союзу пришлось вновь создавать гражданскую экономику. Он стал единственной страной-победителем, которая «испытала в результате второй мировой войны существенный, длительный экономический спад»⁷.

Победы в войне после 1942 г. не принесли советскому народу значительного облегчения, так как, отступая, немцы осуществляли систематическое уничтожение. Впрочем, война несколько залечила созданный чистками тридцатых годов раскол в сталинском обществе. Если те чистки были направлены против определенных общественных классов, теперь под воздействием войны предателей от чест-

* В настоящее время признано, что потери СССР во второй мировой войне составили около 27 млн человек. — *Примеч. пер.*

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 385

ных тружеников стала отличать принадлежность к определенным этническим группам. Немцы Поволжья, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары и другие народы были сосланы в Сибирь на волне русского шовинизма, стремившегося найти козлов отпущения и «внутренних врагов», чтобы объяснить начальные успехи немцев*.

Жизнь других бывших врагов Советского государства в условиях второй мировой войны улучшилась. Церковь и некоторые представители творческих профессий ощутили некоторую свободу, так как Сталин стремился поддержать дух народа. В неоккупированной Европе поддержание боевого духа также рассматривалось как ключ к победе. В США плакаты с «заклепщицей Розы» гласили «Мы можем это» («*We Can Do It*»). В СССР гусеницы советского танка давили краба с гитлеровскими усиками. В оккупированной Франции совсем иной пропагандистский смысл был выражен так же просто: «Они [германские солдаты] отдадут свою кровь. Вы отдайте свой труд».

Немецкий народ не испытывал голода в той же мере, что советский, но и его уровень жизни был значительно ниже, чем в Британии в 1939—1947 гг. Особенно тяжелой была жизнь в городах, где не хватало продовольствия, а к концу войны из-за бомбардировок многим семьям пришлось переселиться в подвалы. Как и в Британии, национал-социалисты стремились обеспечить своему народу (*Volk*) вдохновляющие социальные перспективы, но планы, намеченные вождем Германского трудового фронта Робертом Леем, были погребены требованиями войны. Нацизм стал мировоззрением смерти и разрушения. В 1941 г. посредством геноцида и закабаления началось обещанное «расовое обновление». Гитлер вел войну, чтобы обеспечить германскому народу «жизненное пространство», но мало кто понимал, что означает это понятие. Немногие немцы надолго остались в оккупированной Восточной Европе, а те, кто сделал это, — ответственные члены партии, представители крупных корпораций — в 1944 г. начали бросать свое имущество. Когда стало ясно, что мечта о победе превратилась в кошмар поражения, планы экспансии в Восточной Европе были забыты. Утверждение Гитлера, что в «этой войне победит не удача, а справедливость» все больше казалось его сторонникам пустой фразой.

* Представители переселенных народов высылались не столько в Сибирь, сколько в Среднюю Азию и Казахстан. Сама же высылка происходила в рамках политики сталинского руководства, направленной на очищение ряда территорий от «ненадежных» элементов. — *Примеч. ред.*

386 ГЛАВА 9

Сопротивление в странах оси

Невозможно измерить уровень поддержки или враждебности к гитлеровскому режиму в годы войны, но активное сопротивление среди населения встречалось редко. Шпеер замечал, что господствующим чувством казалась «апатия... несмотря на все великие триумфы». Большинство было полностью занято ежедневным выживанием. Под бдительным взором гестапо широкомасштабное сопротивление было, по меньшей мере, сложно организовать. Трудности, с которыми сталкивалось организованное сопротивление в Третьем рейхе, может иллюстрировать опыт группы «Белая роза», основанной братом и сестрой Гансом и Софи Шолль. Группа отважно печатала листовки, которые распространялись в Мюнхене, Штутгарте, Франкфурте, Фрайбурге, Вене и Гамбурге. Но их деятельность продолжалась недолго. Все участники были арестованы, осуждены и казнены. Софи, когда ее казнили, было 22 года.

Представителем высокопоставленной оппозиции Гитлеру являлся бывший бургомистр Лейпцига

Карл Герделер. Он организовал смелую попытку офицеров и чиновников убить Гитлера в июле 1944 г. — так называемый заговор офицеров. Это был скорее протест против позора, который Гитлер навлек на Германию в ходе войны, а не попытка прекратить убийства в концентрационных лагерях. В Италии сопротивление массовому убийству евреев в оккупированной немцами Европе достигло более серьезного уровня. Привыкшие к полуофициальному характеру итальянской жизни, дипломаты и чиновники препятствовали нацистским приказам отправлять евреев в газовые камеры*.

Окончательное решение

Неясно, когда Гитлер и его кабинет приняли решение уничтожать европейских евреев. Война и быстрый захват Польши изменили подход к еврейскому вопросу, так как схемы принудительной эмиграции и планы

* Режим Муссолини до его первого падения ограничился в своей «расовой» политике разнообразными ущемлениями прав еврейского населения. Ситуация изменилась после оккупации части страны германскими войсками и создания зависимой от немцев Итальянской социальной республики, когда оккупанты и итальянские фашисты провели депортацию евреев с контролируемых ими территорий. — *Примеч. ред.*

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 387

продажи евреев за иностранную валюту больше не могли служить возможными вариантами его решения. Война принесла организационный хаос. Чтобы «управиться» с еврейским вопросом, создавались гетто — первое было создано в Лодзи (Литцманштадт) в декабре 1939 г., — а для всех евреев была введена обязательная трудовая повинность, повлекшая гибель тысяч людей. Эти шаги приблизили к так называемому окончательному решению. Война против Советского Союза ускорила ход расправы, и к концу 1941 г. «под давлением» проблем гигиены, продовольствия, жилья и управления в гетто и трудовых лагерях Германия перешла к политике полномасштабного уничтожения евреев. Шесть миллионов европейских евреев были убиты или замучены в газовых камерах Ауш-вица (Освенцима), Хелмно, Белжеца, Собибора и Трешлинки.

Страдали также умственно и физически отсталые люди. В соответствии с нацистской программой эвтаназии свыше 70 тыс. душевнобольных пациентов в 1939-1941 гг. были уничтожены, чтобы «освободить» койки для тех, кого можно было «излечить». До большинства немцев доходили слухи об ужасах, царящих в больницах и концлагерях, но когда открылось все, это стало потрясением для многих. Семнадцатилетний немецкий военнопленный вспоминал:

...Прошла почти неделя, и только тогда американцы показали картины... концентрационных лагерей. Многие из соседей-пленных плакали. Другие, впрочем, вышли после фильма из кинотеатра и смеялись в лицо американским солдатам, веря, что такие фильмы были *Greuelmarchen* (страшными сказками), подобными умелой пропаганде, которой они подвергались при Геббельсе.

Незабываемый Холокост выделяется в истории XX в., и память о нем запечатлена во множестве мемориалов.

Сотрудничество и сопротивление в оккупированной Европе

Подобно тому как первая мировая война поколебала веру Европы в «прогресс» человечества, преступления второй мировой подрывали европейские притязания на моральное превосходство над остальным миром. Перед оккупированной нацистами Европой встал болезненный выбор между сотрудничеством и сопротивлением. Польский поэт Чеслав Милош даже назвал свою страну «гангстером Гау» (оккупированный немцами бассейн Вислы назывался «генерал-губернаторством», сокращенно — G.G.), подразумевая, что весь поль-

1

ский народ обратился к преступной деятельности, чтобы пережить оккупацию.

Оккупационная политика Германии в Европе, без сомнения, была последовательной. Нацистские оккупанты хотели эксплуатировать экономические и стратегические ресурсы новых территорий рейха, одновременно навязывая новый расовый порядок. Но эксплуатация разных «регионов» шла разными путями, завися оттого, как территория была завоевана, от силы местных нацистов и

характера существующей политической структуры. Франция, Бельгия, Греция и Сербия были стратегически значимы и, следовательно, оставались под военным контролем. В Голландии и Норвегии, напротив, оперившимся фашистским партиям разрешили сформировать беспомощные консультативные кабинеты (наиболее дурную славу приобрело правительство Видкуна Квислинга в Норвегии), в то время как реальная власть оставалась у германского рейхскомиссара.

«Собственные» фашисты, такие как Квислинг в Норвегии, Антон Муссерт в Голландии и Леон Дегрель в Бельгии попали в порочную спираль уступок нацистским оккупантам — людям, куда более радикальным и безжалостным, чем они сами. Местные фашисты обеспечили нацистов исполнителями грязной работы. Они проводили рейды и ответные карательные операции, собирали и транспортировали соотечественников в концентрационные лагеря и даже вербовали добровольцев, готовых сражаться за Германию. В германской армии служила 21 тыс. сторонников Муссерта. Самый видный палестинский араб — великий муфтий Иерусалима и глава Исламского Верховного совета — набрал Мусульманский легион, маршировавший в Берлине вместе с военнопленными из Боснии и Советского Союза (Азербайджана и Средней Азии). После войны великий муфтий Хадж Амин Аль-Хусейни станет военным губернатором земель, находящихся под израильской оккупацией и основателем Палестинского национального движения; его связи с Гитлером в годы войны не были забыты последующими поколениями израильтян. (Впоследствии под его началом сражался будущий вождь Организации освобождения Палестины Ясир Арафат.) К Дании нацисты сначала относились иначе, чем к прочей оккупированной Европе. Король Кристиан X отказался уйти в изгнание и взамен сформировал национальное правительство для прямых переговоров с Германией. Датчане тем самым избегали ужасов нацистской оккупации вплоть до 1943 г., когда стало ясно, что здесь, как и в Норвегии, у доморожденных нацистов почти нет шансов получить достаточную общественную поддержку для прихода к власти. В целом ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 389

к оккупированной Западной Европе относились лучше, чем к Восточной, хотя и в последней были свои квислинги. В Венгрии это был регент Хорти*, в Хорватии — фашистская партия усташей Анте Павелича. Даже в Советском Союзе вермахт иногда встречал теплый прием, особенно у эстонцев, украинцев, армян, татар, кавказцев и мусульман, которые, если и не вступали в германскую армию, то сдавались в плен в непропорционально высоком количестве**. Тем не менее французы, датчане и норвежцы стояли выше на нацистской расовой лестнице и заслуживали, с точки зрения последних, лучшего питания и лучших условий в трудовых лагерях. Что же происходило во Франции — стране, территория которой, если не население, сопоставима с германской? Первоначально военной оккупации подверглась лишь северная часть Франции, а юго-запад оставался неоккупированным — это была Франция Виши под властью Петэна. На другом берегу Ла-Манша, в Лондоне, бывший заместитель военного министра Шарль де Голль провозгласил клич Свободной Франции. Но не все французы разделяли враждебность де Голля к вишистскому правительству. Некоторые в самой Франции полагали, что у Виши есть возможность исправить вред, нанесенный предыдущими слабыми кабинетами. Но сколь бы благородно ни звучали правительственные декларации, реалии вишистской Франции были ужасны. В отличие от Нидерландов и Бельгии, где предпринимались мужественные попытки препятствовать массовому убийству граждан-евреев, режим Виши отличался отвратительным антисемитизмом. После 1942 г. уже вся страна была оккупирована немцами, и французская служба охраны порядка энергично сотрудничала с оккупантами.

Но хотя некоторые считали, что сотрудничество с нацистскими оккупантами было необходимо для национального выживания, именно память о попытках сопротивления нацистам оказалась жизненно важ-

* Хортистская Венгрия была не оккупированной, а союзной страной. — *Примеч. ред.*

** Из числа советских военнопленных разных национальностей, а также добровольцев в течение войны нацисты сформировали целый ряд воинских формирований (14-я украинская, 15-я латышско-литовская, 19 латышская, 20-я эстонская дивизии СС, 162 пехотная дивизия из числа представителей тюркских народов, кавалерийский корпус фон Панвица, где служили казаки и представители народов Северного Кавказа), а также несколько дивизий в составе РОНА (Русская освободительная народная армия) и РОА (Русская освободительная армия) генерала Власова и др. части. Служили коллаборационисты из числа разных народов СССР и в полицейских частях на оккупированных территориях. — *Примеч. ред.*

на для возрождения национального духа в ближайшие послевоенные годы. Сопротивление нацистской оккупации имело место по всей Европе, в каждой стране, но никогда не было единым или скоординированным. У бойцов сопротивления было много общего: ненависть к германскому, чужеземному или местному фашизму и горячий патриотизм. Их также объединяла бедность — им не хватало оружия, денег и обученных кадров. Их чувства и действия вовлекали их в открытое противостояние с соотечественниками-коллаборационистами, так что сопротивление часто перетекало в гражданскую войну.

Раннее сопротивление оккупации было пассивным — патриотические манифестации на Вацлавской площади в Праге или у Триумфальной арки в Париже. Затем появились подпольные газеты и листовки и началось прямое действие — саботаж и нападения на важных лиц, часто при тайном сотрудничестве с силами союзников. Впрочем, европейское сопротивление было крайне разнородным и зависело от характера нацистской оккупации, местной географии и истории. В Норвегии военное сопротивление было объединено под командованием генерала норвежской армии Отто Руге. Это обстоятельство в сочетании с гористым ландшафтом позволило создать эффективную и единую партизанскую группировку. В Дании и Голландии, странах, не подходящих для такого типа войны, сопротивление ограничивалось актами саботажа, спасением евреев и сбором разведывательных данных для союзников. Участники сопротивления в Бельгии и Франции, напротив, планировали и осуществляли военные операции. В Бельгии, где в отличие от Франции сопротивление было объединено под контролем «Тайной армии», 35 разведывательных сетей, в которые входили более 10 тыс. человек, стали важным фактором в военных расчетах союзников.

Во Франции организованные движения сопротивления, такие как «Комба» («Борьба»), «Фран-Тирёр» («Вольный стрелок»), Национальный фронт и Гражданская и военная организация, сыграли важнейшую роль в победе над нацистами и при открытии Западного фронта. После июня 1941 г., когда в сопротивление влилась Французская коммунистическая партия, оно все больше раскалывалось на соперничающие группировки. Затем в 1942 г. эти группировки объединились под руководством генерала де Голля — они смогли встать плечом к плечу, чтобы победить немцев, но послевоенное политическое сотрудничество оказалось невозможным.

В Восточной Европе соперничество между коммунистическим и некоммунистическим движением сопротивления было ожесточеннее, чем на Западе из-за близости советских войск. К примеру, чехословацким сопротивлением с 1939 г. руководил из Франции изгнанный президент. Поражение Франции стало для Бенеша вторым «Мюнхеном», и чехословацкое сопротивление стало все больше подчиняться советским директивам. В Югославии и Греции пересеченный ландшафт способствовал партизанской войне, но и здесь существовало острое соперничество между коммунистическими и некоммунистическими группировками.

В апреле 1941 г. югославские вооруженные силы быстро капитулировали перед вермахтом (погиб только 151 германский захватчик). Единственным сербским командиром, избежавшим деморализующего краха югославской армии, был Дража Михайлович. Он увел оставшиеся войска в горы и назвал их «четниками» в память о давней борьбе против турок. Спустя несколько месяцев эти верные королю сербские борцы за свободу вступили в яростное противостояние с партизанами и коммунистами и под руководством маршала* Носила Броза Тито. В пансербизме и монархизме четников было мало общего с позицией хорвата и коммуниста Тито, стремившегося к федеративному югославянскому государству, и сотрудничество между двумя организациями оказалось невозможным. В конечном счете четники потерпели поражение, а политическая программа Тито и его борьба против четников и хорватских фашистов-усташей показали, что югославское сопротивление вылилось, как в Греции и Румынии, в гражданскую войну и революцию.

Интеллектуальное и духовное сопротивление

В Восточной Европе идейный хребет многих движений сопротивления составлял советский коммунизм. В остальных странах Европы идейную и духовную поддержку тем, кто участвовал в активном и пассивном сопротивлении, стремились обеспечить писатели, художники и церковные

деятели, подчас находившиеся в изгнании. Подобное интеллектуальное «сопротивление» существовало даже в Британии.

Требование безопасности и единства перед лицом врага ограничивало свободу слова ведущих британских интеллектуалов. Впрочем, как заметил Оруэлл, хотя «британское правительство начало войну с более или менее открытым намерением держать литературную интеллигенцию вдали от нее», к 1943 г. почти каждый писатель, «сколь бы нежелательными ни были его взгляды», был «занят на Би-Би-Си или на какой-нибудь еще в целом литературной работе». Важен был вклад в британскую пропаганду таких писателей, как Оруэлл и Пристли (по-

* С 1943 г. — *Примеч. пер.*

392 ГЛАВА 9

следний являлся не только автором художественной и документальной прозы и пьес, но и превосходным радиоведущим), хотя их официальная работа иногда плохо сочеталась с социалистическими убеждениями. Оруэлл, например, глубоко не доверял властям и коллективистским тенденциям в воюющем государстве. В своих общественных выступлениях перед иностранными слушателями он, как и Пристли, подчеркивал, что война должна защитить «уникальный островной народ», и распространялся о «великих» качествах британцев. Ни тот, ни другой не шел за политикой правительства. Оба желали, чтобы британские рабочие смотрели в будущее с оптимизмом и поняли необходимость уничтожения «неэффективности [власти], классовых привилегий и господства старых порядков». Требования социальной справедливости были особенно популярны — настолько, что в 1942 г. ведущие консерваторы жаловались, что на «видные посты» выдвинулось слишком много левых.

Необходимость выразить положительное видение будущего была также важным двигателем французского идейного сопротивления. В 1941 г. освобожденный из немецкого лагеря французский писатель Жан Поль Сартр (1905-1980) занял ведущую роль во французском идейном сопротивлении германской оккупации. Веря, что писатели принадлежат своему времени, он убеждал соотечественников прекратить думать о грехах прошлого и повернуться лицом к будущему — «будущему, которое мы еще можем создать». Это стало главной темой его пьесы «Мухи» (1943), основанной на греческом мифе, (В 1946 г. она была переведена на английский язык.)

Цензура в оккупированной Франции была строга, но не настолько, чтобы остановить издание пьес и книг на классические и исторические темы. Подобная тактика использовалась и в Германии, чтобы обойти намного более строгий цензурный контроль. Редактор «*Deutsche Rundschau*»*, одного из немногих веймарских изданий, продолжавших выходить при нацистах, объяснял: «Можно было осуждать деспотов и преступления, совершенные во все исторические периоды, иллюстрируя повествование портретами античных тиранов, римских цезарей поздней империи, Чингисхана... и предоставить читателям возможность самим сделать верные выводы».

Во Франции и Италии существовала также подпольная пресса. В Париже тайно издавались «Комба» («Борьба»), «Юманите» («Человечество»), «Леттр франсез» («Французская литература»). В редакционную коллегию «Леттр франсез» входили такие писатели, как Сартр,

«Германское обозрение» (нем.). — *Примеч. пер.*

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 393

Эдит Тома, Жан Полан и Альбер Камю. В 1943 г. тираж газеты составил 12 тыс. экземпляров, число же читателей было намного больше, так как ее тайно передавали из рук в руки. Подобно писателям-антифашистам всей Европы и эмигрантам, ее авторы стремились изложить набор нравственных идеалов, противостоящих фашизму. Многие политически радикальные интеллектуалы вставали на защиту свободы слова, свободы совести и человеческого достоинства. Газета также осуждала писателей, восхвалявших германских оккупантов. Были и другие французские авторы, призывавшие не к активному физическому и идейному сопротивлению, а к стоическому самоуважению, выраженному в упрямом молчании. Подобный призыв к пассивному сопротивлению, воплощенный в романе Веркора (настоящее имя — Жан Брюллер) «*Silence de la Mer*» («Тишина моря»), нашел отклик в антинацистских произведениях писателей, оставшихся в Германии после 1933 года. Немецкие поэты и писатели сравнивали германский народ с узником, ждущим освобождения, завоевать которое можно лишь путем страдания. Вернер Бергенгрюн писал:

Тот, кто держится до конца, Тот воистину коронован, Дыхание постоянства не утрачено⁹.

В Германии возможность идейного сопротивления была крайне ограничена. В 1933 г. страну покинули сотни выдающихся немецких писателей, поэтов, ученых, художников и музыкантов, уехавших в Швейцарию, Британию, Америку или СССР. Они сыграли важную роль в

формировании общественного мнения за пределами Германии. Томас Манн вел из Женевы передачи для немецкого народа, его сын Клаус Манн, подобно своему другу, австрийскому писателю Стефану Цвейгу, издавал мемуары и рассказы в Соединенных Штатах. Жизнь в изгнании, безусловно, была нелегкой. Клаус Манн писал: «В этом мире национальных государств и национализма человеку без нации, лишенному гражданства, приходится туго»¹⁰. Многие из тех, кто остался, поставили свои способности на службу рейху. Типичными были взгляды партийного функционера и писателя Вернера Бемельбург-га, считавшего, что его миссия состоит в «очищении и формировании германской судьбы». Писателей-нацистов поощряли писать на военные и героические темы, чтобы укрепить боевой дух. Тем не менее в Италии, где фашистская цензура никогда не было столь жесткой, как в нацистской Германии, война обозначила важный поворотный пункт в идейном сопротивлении фашизму.

394 ГЛАВА 9

В Италии вторая мировая война была непопулярна с самого начала. После 1940 г. выросли число и тираж изданий Сопротивления, таких как миланская «Унита» («Единство»). В таких картинах, как «Распятие» Ренато Гуттузо, изображались страдания и бессмысленность войны. Ряд ведущих писателей, в первую очередь Элио Витто-рини, порвали со своим фашистским прошлым и критиковали как ведение войны, так и моральную природу правительства.

До 1943 г. итальянские писатели и художники не получали большой поддержки от католической церкви. До рождественского послания 1942 г., в котором подверглись осуждению «служение государству» и «расизм», папа Пий XII в целом хранил молчание относительно последствий фашистской и нацистской политики для Европы. В 1940 г., впрочем, он позволил использовать Ватикан как тайный канал связи между немецкими заговорщиками против Гитлера и британским правительством в надежде, что это может спасти жизни людей. В своем большинстве католики считали, что сопротивление безнравственному правительству должно быть пассивным, а многие представители духовенства подчеркивали опасность большевизации Европы. В 1944 г. Гитлер, ненавидевший католиков и презиравший протестантских пасторов, угрожал: «Я немедленно еду в Ватикан. Думаете, Ватикан меня тревожит? Мы сразу же захватим его». Руководитель канцелярии нацистской партии Мартин Борман полагал, что «любая сила, которая может помешать или даже навредить фюреру и партийной власти, должна быть уничтожена».

Предупреждение католическому клиру и протестантским пасторам последовало после ряда общественных протестов против нацистской программы эвтаназии — массового убийства людей, объявленных в соответствии с принципами евгеники «дегенератами». В числе противников программы выделялся епископ Мюнстера Клеменс Август фон Гален, открыто осудивший кампанию эвтаназии как «нарушение пятой заповеди» и представивший декларацию по этому поводу в канцелярию шефа полиции и государственного прокурора. Декларация, а также ряд других жалоб, помогли резко сократить программу. Подобного протеста в связи с убийствами евреев не появилось.

Протестантский деятель Мартин Нимёллер был арестован и содержался в концлагерях, часто в одиночном заключении. Дальше остальных пошел ведущий лютеранский пастор-антифашист Дитрих Бонхёффер, решивший в 1939 г. вернуться в Германию из США. В своих сочинениях, в особенности в «Этике» (1943), он предпринял попытку идейного и духовного обоснования активного сопротивления. Бонхёффер был арестован в 1943 г. и казнен во Флоссенбурге

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 395

в 1945 г. Поступил приказ и о казни Нимёллера, но она не состоялась. Произведения Бонхёффера стали известны за пределами Германии. Его тюремные письма и сочинения были изданы в 1951 г. под заголовком «*Widerstand und Ergebung*»* и переведены через четыре года на английский язык.

Союзники наступают, 1943-1945

Коренные перемены последовали в последние два года войны. Победа Монтгомери под Эль-Аламейном обозначила начало попыток союзников освободить Западную Европу. Операция «Торч» («Факел») стала самой масштабной десантной операцией на тот момент. Между ноябрем 1942 и маем 1943 г. немцы и итальянцы были полностью вытеснены из Северной Африки, затем последовало освобождение Сицилии и Италии. Чтобы подготовить высадку в Сицилии, потребовалось 58 дней, чтобы достичь цели — 38 дней. Еще через 17 дней был атакован сам Апеннинский полуостров. Политические результаты последовали почти немедленно: в июле Большой фашистский совет, собравшись впервые после 1939 г., сместил Муссолини, и в сентябре 1943 г. итальянцы заключили сепаратный мир. Однако освобождение Италии союзниками не стало легкой прогулкой. Немногие итальянские солдаты напоминали рядового Анджело, героя одноименного

романа Эрика Линклатера, который размышлял: «Нам потребовалось много времени, чтобы проиграть войну, но, слава Богу, мы наконец ее проиграли». К декабрю 1943 г. войска союзников еще не вошли в монастырь Монте-Кассино, и только в декабре 1944 г. они достигли Доломитовых гор**.

Гитлер все еще сохранял теплые чувства к своему итальянскому союзнику. Он направил в Италию германских парашютистов, которые 12 сентября 1943 г. освободили Муссолини из горной тюрьмы и высадили его в Гаргано на севере страны. Будучи не в состоянии адекватно объяснить народу, почему Италия или часть ее должна продолжать войну и почему сохраняется серьезный дефицит продовольствия, топлива и одежды, Муссолини терял поддержку. На публике он все чаще открыто винил итальянцев в поражении страны и неспособность оценить его имперскую мечту. В апреле 1945 г., накануне вступления со-

* «Соппротивление и покорность» (нем.). — *Примеч. пер.*

** Союзники заняли Северную Италию и достигли Доломитовых Альп в апреле 1945 г. — *Примеч. ред.*

396 ГЛАВА 9

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 397

южных войск в Милан, Муссолини и его любовница Клара Петаччи были схвачены и казнены итальянскими партизанами.

Британии и Соединенным Штатам было нелегко сформулировать четкую программу действий на освобожденных территориях. Они спорили, кто должен возглавить правительство Италии — маршал Пьетро Бадольо, командовавший итальянскими войсками в Эфиопии и Греции, или диссидент-интеллектуал Карло Сфорца, находившийся в изгнании с 1927 года. Победил Бадольо, который в итоге оставался премьером до июня 1944 года. К тому времени освобожденная, пусть и расколотая, Италия разделилась по вопросу о сохранении монархии. На Балканах Британия и Соединенные Штаты первоначально думали помочь югославским четникам, но в конце концов решили поддержать партизан Тито, так как последние убивали больше немцев. В Албании коммунистическое движение Соппротивления во главе с полковником Энвером Ходжей одержало верх над Соппротивлением республиканским, что определило характер послевоенного режима. В начале 1944 г. Греции грозила гражданская война, и было ясно, что ближайший путь в Германию лежит не через Балканы. Стремление американцев начать вторжение в Европу с Франции не ослабло. Они резко возражали против британских опасений повторения Пас-хендаля или Дюнкерка. Чтобы показать мобильный характер войны и обосновать необходимость открытия Западного фронта во Франции, они указывали на стремительное продвижение советских войск. В сентябре 1944 г. Красная Армия вошла в Болгарию, вскоре достигла Югославии и продвигалась через Чехословакию. В апреле 1945 г. Восточный фронт проходил у Кенигсберга (ныне Калининград) и Пилау в Восточной Пруссии (в 1945 г. эта территория была включена в состав Западной России*). Здесь Красная Армия погрузилась в оргию грабежа, насилия и убийств. Быстро распространялись страшные рассказы о ее варварстве**.

В ходе войны Гитлер и Сталин провозглашали, что эта великая схватка является высшим испытанием правильности политического видения будущего. В действительности, однако, война испытала устойчивость экономики, искусство боевых командиров (когда диктаторы не вмешивались в их дела), качество разведки, готовность каж-

* Имеется в виду образование Калининградской области в составе РСФСР — *Примеч. ред.*

** Рассказы о «варварстве» русских были частью нацистской пропаганды. В то же время командованию Красной Армии приходилось применять специальные меры для защиты мирного населения. — *Примеч. ред.*

дой семьи принести на алтарь войны жизни своих мужчин, свой труд в военной промышленности, собственные жизни и дома, уничтожаемые вражескими бомбежками.

Последние стадии войны сопровождались еще более многочисленными и ужасающими бомбардировками. Чтобы противопоставить что-то неудачам британских рейдов против Германии в 1940 г. и доказать ценность соединений бомбардировщиков, маршал ВВС Артур Харрис выступил сторонником коврового бомбометания — в воздухе должно было находиться одновременно свыше тысячи самолетов. Однако несмотря на громкие заявления, массированные рейды союзников так и не смогли остановить рост германского промышленного производства в 1943—1944 гг. Страшные рейды бомбардировщиков на Гамбург и в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. на Дрезден (Харрис описал последний как «скорее пепелище, чем место жизни людей») не оказали большого воздействия на германский боевой дух. Считается, что за 40 часов непрерывной бомбежки в Дрездене погибло около 100 тыс. человек. Впрочем, точные цифры оценить трудно, так как к тому времени город был наводнен беженцами с востока. Немного сохранилось от

исторического центра одного из самых прославленных европейских городов.

Характер и результаты союзнических бомбардировок остаются противоречивыми. В последних исследованиях утверждается, что рейды бомбардировщиков против транспортной системы Германии в конце 1944 г. способствовали развалу немецкой военной экономики и что Харриса не следует винить за решение бомбить мирных жителей. Открылись архивные документы, которые проясняют, что идею бомбардировок мирного населения выдвигал не Харрис, а командующий британскими ВВС сэр Чарльз Портал". На заключительном этапе войны народам стран-союзников досталась своя дота разрушительных бомбежек — удары ракет «Фау-1» и «Фау-2», «пекретн~~же~~е оружия» Гитлера. Этот дурной предвестник будущего, впрочем, появился слишком поздно, чтобы оказать значительное влияние на войну. На Лондон и юг Англии было сброшено 9300 ужасающих «самолетов-снарядов». Целью этих обстрелов была деморализация общества.

Американские стратегические атаки объектов германской авиационной промышленности оказали большее воздействие на врага и указали путь дальнейшего развития военной техники. Бомбежки городов в основном увенчались лишь гибелью людей: после Дрездена сообщалось, что там погибло 25 тыс. человек, а 35 тыс. пропали без вести. За этой статистикой стоит личная трагедия множества людей. Одна молодая немка записала в дневнике печальную историю 16-летней

L

398 ГЛАВА 9

девушки, застигнутой бомбежкой союзников в Берлине. Она «стояла на куче камней, перебирала кирпичи, аккуратно вытирала их и бросала обратно. Очевидно, вся ее семья погибла под этими развалинами, и она сошла с ума».

Погибшие жители Роттердама, Гамбурга, Лондона, Ковентри, Дрездена, Варшавы и Берлина и сегодня живут в памяти людей как жертвы вражеских бомбардировок. Но катастрофически пострадали и такие города, как Гульль или Гавр. Случайные бомбы падали и в стороне от городов, а женщины, работавшие в поле, становились хорошей учебной мишенью для пролетающих боевых самолетов.

Второй фронт, которого так долго требовал Сталин, был наконец открыт 6 июня 1944 г., когда союзные войска под командованием американского генерала Дуайта Эйзенхауэра (род. в Техасе в 1890 г.) высадились в Нормандии. Не все шло в соответствии с планом. В беспорядке прошла высадка союзников на полуострове Котантен; впрочем, это даже помогло сбить с толку немцев, которые окончательно запутались в отношении истинных намерений американцев. Если бы немцы ответили более эффективно, операция могла бы окончиться для союзников катастрофой. Но все произошло иначе: Париж был освобожден менее чем три месяца спустя — это стало прелюдией к «безоговорочной капитуляции», на которой настаивали союзники. Немецкий генерал Дитрих фон Хольтиц мудро пренебрег приказом Гитлера превратить Париж в «гору булыжников» и сдался 25 августа 1944 года. Девятнадцатого марта 1945 г. Гитлер пошел еще дальше, приказав войскам уничтожать все на пути захватчика. К счастью для Европы, этот приказ также был саботирован ведущими нацистами, включая Шпеера. Теперь ничто не могло спасти Германию от неизбежного поражения. В апреле 1945 г. сдались немецкие войска в Руре. Войска СС яростно сопротивлялись в горах Гарца, но Гитлер не выехал из Берлина в свою горную цитадель Берхтесгаден возле старой австрийской границы. Двадцать второго апреля 1945 г. Красная Армия первой достигла Берлина, и восемь суток спустя поженившиеся в последние дни существования рейха Гитлер и Ева Браун покончили с собой, как и некоторые другие нацистские вожди. Девятого мая 1945 г. германский адмирал Карл Дёниц подписал безоговорочную капитуляцию.

Мировая война на Дальнем Востоке длилась достаточно долго, чтобы в поисках мира отойти от «обычных вооружений», как их станут потом называть. Ужас, который они вызывали, побледнел перед проектом «Манхэттен» — такое имя было дано американской программе по созданию первых в мире атомных бомб. Национал-социалисты прекратили работы над ядерным оружием в 1942 г., полагая, что оно не

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 399

успеет помочь им победить в войне. Американские и британские ученые при помощи эмигрантов из оккупированной Европы продолжили поиск и тайно разработали собственное «секретное оружие». Шестого августа 1945 г. бомбардировщик Б-29 «Энола Гэй» сбросил 14-килотон-ную атомную бомбу на Хиросиму. Это навсегда изменило мир. Ядерные технологии, впервые

примененные не в Европе, а в Японии, теперь могли уничтожить не только города и тысячи их жителей. В конечном счете, они могли уничтожить всю землю.

Взаимоотношения союзников, 1943-1945

Когда Германия была повержена, трения между союзниками, или «объединенными нациями», как они стали себя называть, стали очевидными. К тому времени уже существовали определенные разногласия англо-американских союзников касательно ведения войны и особенно связей Британии с колониями, но все это было ничем в сравнении с растущим разочарованием в советско-американских отношениях. Взаимное недоверие тридцатых годов усиливалось задержкой с открытием Второго фронта, масштабом и характером продвижения Советского Союза и планированием послевоенного мира — в особенности связанными воедино вопросами, как поступать с Польшей и Германией. В итоге на смену горячей войне, шесть лет терзавшей Европу, пришла холодная война, которая определила политические взаимоотношения на последующие 45 лет.

Конференции союзников в Касабланке в январе 1943 г. и Тегеране в ноябре 1943 г. прошли в теплой атмосфере. Зловещая в ретроспективе Ялтинская конференция февраля 1945 г. в тот момент, казалось, мало чем отличалась от предыдущих. Однако достигнутые там компромиссы были куплены дорогой ценой. Было ясно, что Сталин не потерпит ни возвращения Польши к границам 1939 г, ни польского правительства, во главе которого станут некоммунисты. Возникли разногласия о форме будущей Организации Объединенных Наций, новой миротворческой структуры, существование которой, как надеялись тогда, предотвратит в будущем любую войну. Итоги Ялтинской конференции вскоре породили разочарование, так как стало ясно, что мировой баланс сил оказался резко нарушен в пользу Советского Союза. Теперь он, без сомнения, был сильнейшей державой в Европе.

Трения между «объединенными нациями» не утихли и тогда, когда 14 августа 1945 г. Япония объявила о безоговорочной капитуляции после того как 8 августа войну ей объявил Советский Союз. Судьбу

400 ГЛАВА 9

Японской империи, однако, решили атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. Один высокопоставленный американец вспоминал: «Когда бомба была изготовлена и сброшена, каждый, кто имел к тому отношение, испытал огромное облегчение». Но это облегчение было недолгим. Последняя из знаменитых конференций объединенных наций проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. в Потсдаме, неподалеку от разрушенного центра Берлина. Эта конференция, впрочем, сильно отличалась от Тегеранской или Ялтинской. Из великих вождей военного времени остался только Сталин (вместе с китайским президентом-националистом Чан Кайши). На смену Черчиллю пришел Эттли, новым хозяином Белого дома после смерти Рузвельта стал Гарри Трумэн. Эти новые руководители государств вступили со Сталиным в обсуждение тревожного будущего. Британия, Германия и Франция, которые способствовали развязыванию двух «горячих» войн, сформировавших лицо XX в., теперь были всего лишь ареной холодной войны, главными же действующими лицами в мире стали отныне Советский Союз и Соединенные Штаты. США сохраняли секрет «Бомбы» и право на единоличную оккупацию Японии.

Причины холодной войны проявились сразу же по окончании второй мировой. Холодную войну можно считать «неизбежным» итогом второй мировой в той же мере, в какой вторая мировая явилась «неизбежным» следствием первой, хотя и сложно представить, каким образом отношения Восток—Запад могли бы оставаться спокойными. Две мировые войны XX столетия начались с разницей в 25 лет и если к военным годам прибавить годы холодной войны, получится, что Европа в XX в. пережила 54 года всемирного противостояния. Но историки в целом избежали соблазна рассматривать две мировые войны как последовательные главы одного рассказа.

Две мировые войны различались по своим причинам, характеру и последствиям. Кайзер Вильгельм II, как Романовы в России и Габсбурги в Австро-Венгрии, в своей политике и методах представляли «традиционную» власть. Экспансионизм Гитлера, напротив, был укоренен в национал-социалистических взглядах — запутанной, но пьянящей идеологии. Ее целью были, по определению Черчилля, «новые темные века, которые свет извращенной науки делает еще более зловещими и, возможно, еще более длительными». Причины второй мировой войны в целом можно понять только в том случае, если иметь в виду и дипломатию других стран, а германскую дипломатию — только тогда, если рассматривать ее в совокупности с национал-социалистической идеологией, стратегией и экономикой. Гитлеровская внеш-

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ, 1933-1945 401

ная политика выросла не просто из желания покончить с «позором» Версаля.

Оказалось, что вторая мировая война не завершилась сама по себе. Европейская история после 1945 г., столь отличная от истории межвоенных лет, неразрывно связана с событиями 1939-1945 гг. Мирного соглашения, подобного договору 1919 г., заключено не было. Не возникло и чувства пусть даже временной гарантии мира, несмотря на безоговорочную капитуляцию основных побежденных держав — Германии, Японии и Италии.

Примечания

¹ Цит. по: *Overy R.J. The Road to War. L., 1989. P. 45.*

² *Dell R. The Geneva Racket. L., 1941. P. 8.*

³ *Watt D.C. How War Came. L., 1989. P. 536.*

⁴ *Churchill W.S. The Second World War. Vol. III: The Grand Alliance. L., 1951. P. 308 (рус. пер.: Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. Великий Союз. М., 1998. С. 173).*

⁵ *Churchill W.S. The Second World War. Vol. IV: The Hinge of Fate. L., 1951. P. 343 (рус. пер.: Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. Поворот судьбы. М., 1998. С. 179).*

⁶ *Kami K.S. Solik: Life in the Soviet Union, 1939-1946. N.Y., 1986. P. 76.*

⁷ *Harrison M. The Soviet Union: the defeated victory // The Economics of World War II. Six Great Powers in International Comparison / Ed. by M. Harrison. Cambridge, 1998. P. 293.*

⁸ *Gru'n M., von der. Wie war es eigentlich? Kindheit und Jugend im Dritten Reich. Darmstadt, 1981. P. 236-237.*

⁹ *Bergengruen W. An die Vdlker der Erde // Modern German Lyric Verse, 1886-1955. Oxford, 1960. P. 185.*

¹⁰ *Mann K. Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. Hamburg, 1984. P. 435 (Манн К. На повороте. Жизнеописание / Пер. с нем. Г. Кагана. М., 1991. С. 305).*

¹¹ *Overy R.J. Bomber Command, 1939-1945. L., 1997.*

Глава 10

Послевоенная Европа: замораживание и оттаивание, 1945-1969

Для москвичей мир официально начался в 2 часа ночи с 8 на 9 мая 1945 г., когда прозвучал салют из тысячи орудий. Одни веселились, другие плакали, вспоминая любимых, которые уже никогда не вернутся домой. В Лондоне толпы на Трафальгарской площади жгли фейерверки, пели песни и радостно обнимались, а в Париже под Триумфальной аркой генерал де Голль торжественно отсалютовал могиле Неизвестного солдата. Толпа людей в состоянии эйфории смела окружавшие могилу барьеры. В Германии же, напротив, новость о поражении была встречена в состоянии немого апатичного молчания, хотя союзники и опасались, что рьяные молодые солдаты с большой неохотой начнут складывать оружие.

Однако всей Европе понадобилось не так много времени, чтобы радость победы сменилась трезвыми размышлениями о той цене, которую пришлось заплатить за нее как победителям, так и побежденным. «Этот благородный континент, — заявил Уинстон Черчилль в 1946 г. в нейтральной Швейцарии, — содержит огромную трепетную массу истерзанных, голодных, измученных, озабоченных человеческих существ», которые взирают на развалины своих городов и «обводят глазами темный горизонт, опасаясь появления какой-нибудь новой угрозы, диктатуры или террора». Европа стала принимать какие-то очертания лишь по мере того, как на европейском и глобальном уровнях стали появляться организации, которые ставили своей целью содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между народами по экономическим, социальным и политическим вопросам.

402

Изменились и географические параметры Европы. До того как холодная война стала господствующей чертой европейской жизни, Европа, как и до 1939 г., делилась на четыре отчетливых географических региона: Северная Европа (Швеция, Дания, Норвегия и Финляндия); Западная Европа (включая Ирландию, Великобританию и Францию); Центральная Европа (включая Германию, Италию, Грецию, Австрию, Венгрию и Польшу); и Восточная Европа (включая Россию, Украину и прибалтийские государства). Противоречия сверхдержав и политическое разделение Европы в период холодной войны все это изменили. Практически исчезла Центральная Европа. Политические союзы, а не географическое положение определили тот факт, что Северная Европа и особенно значительная часть Центральной Европы, а именно Греция, Германия, Австрия и Италия обнаружили, что они находятся на Западе.

В следующих двух главах рассматривается этот раздел Европы и прослеживается развитие событий после 1950 г., причем в первой главе внимание сосредоточивается на Восточной Европе, а во второй — на положении в Западной Европе. Рассмотрение истории искусственного

разделения Европы заканчивается в двенадцатой главе. Бурные события 1968 г. показали как социальную, культурную и экономическую ограниченность европейского возрождения, так и ту степень взаимосвязанности, в которой оказались судьбы Востока и Запада. Прекращение существования Советского Союза в 1991 г. положило конец многим формам разделения на Восток и на Запад, а визит в Москву в 2002 г. президента Джорджа Буша означал для обеих сторон формальное окончание холодной войны.

Военные разрушения

Вторая мировая война далеко превзошла свою предшественницу по количеству потерь людских жизней и имущества. Правда, в этот раз Британия и Франция пострадали меньше, чем во время первой мировой войны (соответственно 350 и 620 тыс. жертв), но в Центральной и Восточной Европе потери были огромными. Жертвы среди гражданского населения далеко превысили потери среди военных. Советские потери оценивались в 20 млн жизней, а при сравнении с количеством населения потери Польши, Югославии и Германии были еще выше. Польша потеряла более 6 млн человек, Югославия 1,7 млн, Германия более 5 млн. Расистский характер военной политики нацистов навсегда изменил состав европейского

U 2444

404 ГЛАВА 10

населения, что имело серьезные последствия для европейской культуры и идентичности. В Польше, где в 1939 г. проживало 3,2 млн евреев, нацистами и местными коллаборационистами было уничтожено до 90% еврейского населения; подобная же доля довоенного еврейского населения была истреблена на Украине и в государствах Прибалтики.

В огромной степени была нарушена и вся инфраструктура Центральной и Восточной Европы. Было уничтожено более половины поголовья скота в Польше и Югославии, а вся система транспортных коммуникаций лежала в руинах. Грабежи отступавших нацистов и продвигавшейся вперед Красной Армии также дорого обошлись Восточной Европе. Общая стоимость немецких грабежей была оценена примерно в 20—25 млрд долларов. Что же касается советского ограбления под прикрытием «законных репараций», то оно особенно безжалостно проявлялось на европейской территории в отношении стран, бывших союзниками держав оси — Болгарии, Венгрии и Румынии. Однако больше всего пострадала оккупированная Советским Союзом Восточная Германия. Об этом периоде вспоминает американский экономист Чарльз Клендлебергер, работавший в комиссии по репарациям — а репарации были спорной проблемой среди союзников: «В то время как Соединенные Штаты кормили свою зону, а англичане, насколько хватало их возможностей, — свою, русские грабили свою зону. Все это напоминало тело коровы, у которой рот находился в одной зоне, а вымя в другой»¹.

Физические разрушения были невиданными по своим масштабам. Механизированный каток войны прокатился по Польше, Югославии, России, Греции, Италии, Северной Франции, Бельгии, Нидерландам и Германии, а ожесточенные бомбардировки принесли огромные разрушения почти каждому крупному европейскому мега-лополису. Такие города, как Ковентри, Роттердам и Варшава в 1945 г. не испытывали недостатка только в одном материале — битых камнях и кирпичах. Горы этих обломков можно было измерять гектарами или тоннами, а под ними были погребены дома, школы, больницы, фабрики, магазины и железнодорожные вокзалы. Тем, кто жил в городах и влачил существование при острой нехватке пищи и одежды, мир сначала принес дальнейшие невзгоды, и лишь потом положение стало улучшаться. Для многих самым тяжелым было отсутствие крова. Например, в Дюссельдорфе 93% зданий были непригодны для жилья, и с наступлением зимы эта проблема в Европе грозила обостриться.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 405

Поток беженцев

Около 50 млн человек были изгнаны из своих домов наступающими армиями, особенно Советского Союза, и поиски убежища быстро привели к величайшей миграции, которую Европа когда-либо знала за 1500 лет своего существования. Беженцы двигались в разных направлениях, хотя основной поток устремился с востока на запад. Пленные и насильственно угнанные национал-социалистами рабочие также начали покидать Германию, как только прекратились военные действия. Эта группа людей получила наименование «перемещенных лиц»; они ждали репатриации или получения иммиграционного разрешения для того, чтобы начать новую жизнь за рубежом. В 1945 г., по оценке союзников, по всей Европе насчитывалось по крайней мере 25 млн перемещенных лиц, причем самые большие группы были выходцами из Советского Союза, Франции, Польши, Нидерландов, Бельгии, Италии и Югославии. Их жилища зачастую носили

временный и примитивный характер, а снабжение продовольствием было нищенским; некоторых из них даже разместили в превращенном в убежище для беженцев бывшем концентрационном лагере Дахау «Почему везде, где бы я ни оказывался, я не мог отделаться от этого дурного запаха лагеря перемещенных лиц?» — задавался вопросом в ноябре 1946 г. в своем дневнике английский писатель Ивлин Во.

Немцы, которых в 1939 г. поманила на Восток нацистская мечта о восточноевропейской империи, теперь перед лицом наступавшей Красной Армии, начали поспешное бегство назад. Так же поступали и этнические немцы, которые жили в Восточной Европе еще с XIII века. Наиболее драматическими стали передвижения народов, приведенные в действие расширением к 1945 г. границ СССР на запад, в Польшу. Польша также передвинулась на запад на 120 километров. Ее новая граница лежала по линии рек Одер и Нейсе, а граница стала известной как линия Одер-Нейсе). Это перемещение рубежей было призвано обеспечить безопасность Польши, тогда как прусское, по общему мнению милитаристское, государство было расчленено; такие старинные немецкие города, как Бреслау, Данциг и Штеттин, получили польские имена и были включены в Польшу в качестве компенсации за потери земель и городов вроде Львова на востоке*.

* Следует иметь в виду, что Вроцлав (нем. Бреслау) и Гданьск (нем. Данциг) изначально были польскими городами, оказавшимися в XIV столетии вне пределов польского государства и подвергшимися постепенной германизации. — *Примеч.*

ред.

406 ПЛАВАЮ

границы, однако, оставляли Польшу в размерах на 20% меньше, чем в 1919 г., в то время как оккупированная союзниками Германия сократилась всего на 18%.

Потеря этих территорий, население которых в основном исповедовало протестантство, превратило Германию в значительно более римско-католическую страну, чем было раньше. Однако, если Германия спокойно отнеслась к беженцам, устремившимся на восток с потерянных для нее территорий, это не распространялось на признание линии Одер—Нейсе в качестве подлинной границы между Германией и Польшей. Только в 1990 г., когда произошло объединение Восточной и Западной Германии, эта неопределенность была разрешена. Подобная ситуация устраивала СССР во время всего периода холодной войны, поскольку делала Польшу более зависимой от Советского Союза как гаранта ее безопасности.

Процесс репатриации не был простым делом. Украинцы и латыши, которые сражались против Красной Армии, не могли вернуться домой (некоторых, однако, заставили это сделать), а тысячи евреев устремились прочь из Европы, хотя в 1947 г. еврейскому судну «Экзодус» («Исход») с изможденными бывшими узниками концентрационных лагерей на борту постыдно не дали возможность найти безопасную гавань в Палестине или Европе. Важным следствием того, что Европа не смогла после окончания войны помочь евреям почувствовать себя желаемыми и обеспечить их безопасность, стало усиление сионизма. Было подсчитано, что в период между 1945 и 1948 гг., когда 250 тыс. евреев покинули Восточную Европу, огромному их большинству помощь оказали сионистские организации, которые проявили себя более эффективными в оказании содействия этим отчаявшимся людям, чем союзные державы или их организации помощи. Тем не менее только в Германии, Австрии и Италии 250 тыс. других евреев целиком зависели от помощи созданной в 1943 г. Администрации помощи и восстановления при Организации Объединенных Наций (ЮНРРА), которая с самого начала оказалась перегруженной масштабом стоявших перед ней проблем.

Когда встал вопрос об установлении национальных границ в Центральной и Восточной Европе, англо-американские союзники настаивали, чтобы перемещения населения осуществлялись гуманными методами. Однако Сталин не проявлял интереса к таким тонкостям. Мотивы, которые лежали за насильственным выселением немцев с восточных территорий, было легко понять — предотвратить возрождение «проблемы» немецкого меньшинства, оказавшейся к 1939 г.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 407

губительной для судеб Польши и Чехословакии. Подписанные между Советским Союзом и странами Восточной Европы соглашения предопределили направления движения волн миграции, поскольку регионы Северной и Южной Чехии и Моравии, прежде населенные тремя миллионами судетских немцев, были теперь заселены чехами и словаками. Проведение этой политики определялось также решимостью достичь как этнического соответствия, так и национального единства путем выселения меньшинств с территорий, которые они иногда занимали в течение нескольких веков.

В феврале 1946 г. Чехословакия и Венгрия подписали соглашение, которое предусматривало принудительное переселение 200 тыс. венгров из Чехословакии в Венгрию и 200 тыс. словаков из

Венгрии в Чехословакию. Особенно трагичной стала судьба поляков, проживавших к востоку от линии Молотова—Риббентропа*, то есть в той части Польши, которая была включена в Советский Союз в 1939 г. Сталин не делал большого секрета из своего намерения сохранить контроль надданной территорией, и, несмотря на все попытки Черчилля и Рузвельта защитить проживавших там 4 млн поляков, принудительно переселил к 1950 г. более 2 млн из них в районы Западной Польши.

Наряду с борьбой за приобретение убежища со всей остротой стала проблема продовольствия. В 1946 г. более 100 млн людей в Европе продолжали жить на 1500 калорий в день (уровень калорий, который обеспечивает сегодня в Европе потерю веса для зажиточных европейцев), причем немцам в британской и американской зонах оккупации полагалось только 900—1000 калорий. Нехватка продовольствия продолжала ощущаться еще долго после окончания сражений, поскольку поля стояли незасеянными, урожай не был собран или не был распределен. Эта нехватка усилилась еще и суровой зимой 1946/47 года. Для восстановления сельского хозяйства и промышленности Европы требовалось время. После того как удалось ликвидировать физическую нехватку и наладить транспортное сообщение проблемой стало приобретение достаточного количества валюты для уплаты за продовольствие и другие необходимые импортные товары.

* Правильнее, конечно, говорить не о «линии Молотова-Риббентропа» (секретный протокол к пресловутому пакту предполагал иные линии разграничения), а о «линии Керзона», предложенной в 1920 г. британским министром иностранных дел в качестве демаркационной линии между Польшей и советскими республиками, положенной в 1945 г. в основу новой польско-советской границы. — *Примеч. ред.*

408 ГЛАВА 10

Европейским народам, которые всегда гордились своей экспортной промышленностью, война принесла серьезные разрушения. Для еще не окрепших послевоенных правительств, обеспокоенных инфляцией и повсеместными разрушениями, крайне настоятельной стала задача возрождения торговли. Как и в период первой мировой войны американская экономика выиграла от европейского военного конфликта. Только Швеция, Швейцария и Британия были в списке стран Европы, которые продолжали экспортировать товары на приблизительно довоенном уровне. Показатели британского вывоза, подкрепленного законами по стимулированию экспорта и ограничению снабжения внутреннего рынка, были в 1945—1946 гг., пожалуй, самими убедительными, хотя и они сократились на 25-30% от довоенного уровня. Но в Восточной Европе многие страны вообще не могли ничего производить на экспорт.

Наследие Сопротивления и коллаборационизма

В Германии 1945 г. был отмечен как *die Stunde Null* («ноль часов»), и положение было поистине критическим: поезда перестали ходить, банки были закрыты, не было угля и, как следствие, электричества, оставалось мало продовольствия. Без экспорта Европе было нечем платить за снабжение, а народ по-прежнему хотел есть. Стремясь предоставить продовольствие и удовлетворять другие необходимые потребности, ЮНРРА очень быстро обнаружила, что ее ресурсы близки к истощению. В августе 1945 г. Советский Союз обратился за помощью в сумме 700 млн долларов для того, чтобы начать восстановительные работы, однако ему пришлось удовлетвориться 250 млн для двух опустошенных республик — Белоруссии и Украины. В период наивысшей активности в Европе и за ее пределами в ЮНРРА работало около 25 тыс. человек. Но к 1947 г. неспособность Европы платить за продовольствие спровоцировала международный кризис, имевший важные и далеко идущие последствия как для дипломатических отношений между европейскими державами, так и для их связей с двумя «сверхдержавами», которые теперь правили миром, — Соединенными Штатами и СССР.

В 1945 г. хорошо одетые и сытые американские наблюдатели считали европейских политиков, да и вообще европейскую политику морально обанкротившимися — эту точку зрения разделял и Советский Союз. Если бойня первой мировой войны подорвала прочную веру

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 409

Европы в прогресс человечества, то вторая мировая война вытравила какие-либо оставшиеся следы слепой убежденности в европейском моральном превосходстве. На бывших оккупированных территориях «преступниками» были теперь «коллаборационисты», люди, которые во время войны работали на немцев и их союзников, — главным из них был маршал Петэн, 84-летний «сверхпатриот», возглавивший правительство Виши во Франции и создавший коррупционное, авторитарное государство, основанное на его личной власти. Официальные документы Виши начинались такими словами: «мы, Филипп Петэн, глава государства».

Церковные деятели находились по обе стороны раздела между коллаборационизмом и сопротивлением. Выступившие против нацистов — как Отто Дибелиус, которого Третий рейх

считал беспокойным элементом в епархии Берлин—Бранденбург, — теперь привлекались на ведущие посты в послевоенной церкви. Дибелиус был назначен лютеранским епископом Ганновера. За пределами Германии епископ города Осло Эйвинд Берграв, открыто ратовавший за неповиновение «квислинговскому» правительству Норвегии, стал уважаемой фигурой в протестантской церкви Западной Европы. Положение во Франции отражало всю сложность судьбы церкви во время войны. Послевоенное правительство Франции потребовало от Ватикана отозвать около 40 епископов из их епархий, обвиняя их в сотрудничестве с правительством Виши. Правда, в конце концов, благодаря вмешательству генерала де Голля и значительной роли, которую сыграли в сопротивлении церковные деятели низших званий, было уволено только пять епископов.

Подозрительность и беззаконие, которые насаждались режимом Виши (очень эмоционально описанные в романе Франсуа Масперо «Усмешка Кота», опубликованном в 1988 г), способствовали тому, что от 3 до 5 млн французов и француженок доносили на своих сограждан, односельчан и даже членов семьи. Теперь всех охватило желание наказать «коллорабационистов». Здесь очень важно не переоценивать степень коллаборационизма или сопротивления во Франции. Хотя в некоторых регионах — особенно в Дордони — руководители сопротивления действительно стали хозяевами положения, французское правительство освобождения утвердило только 746 смертных приговоров, вынесенных судами. Но в то же время было совершено в упрощенном порядке около 9 тыс. казней, при том что ходили слухи чуть ли не о 100 тысячах. Внутри Германии преследование нацистских военных преступников, которое началось в ноябре 1945 г., проходило иным порядком.

410 ГЛАВА 10

Трибунал, заседавший в немецком городе Нюрнберге, обозначил новый этап в развитии прав человека. С 1789 г. французская Декларация прав человека и гражданина оказывала глубокое влияние на внутренние правовые и политические системы. Теперь, после 1945 г., понятие «права человека» начало приобретать новое значение в новом комплексе правовых институтов. Системы международного права опирались на идею, что индивид обладает правами человека просто в силу своего человеческого естества. Новое в понимании этого термина состояло в том, что эти права должны были быть признаны всеми людьми и, если необходимо, обеспечены «международным сообществом» — столь часто звучащим теперь выражением. Все это заняло определенное время, а в 1945 г. судебные процессы рассматривались как часть процесса денацификации, призванного напомнить всем европейцам, а не только немцам, о глубинах падения, в которые могло погрузиться человечество. Типичными для свидетельских показаний в Нюрнберге стали выдержки из доклада генерала СС Штроопа об уничтожении Варшавы:

Я... принял решение уничтожить весь район еврейского проживания и предать огню каждый квартал. Довольно часто евреи оставались в своих горящих домах, пока жара и страх быть сожженными заживо не заставляли их прыгать наружу с верхних этажей... Даже с переломанными костями они стремились ползти через улицу в направлении еще не охваченных огнем кварталов².

Многие немцы чувствовали стыд, ужас и гнев по отношению к своим нацистским лидерам, однако в то же время, стремясь скорее начать процесс восстановления, они проявляли мало интереса к процессам над военными преступниками.

Это было время, когда важнейшим для них было само существование, что в равной степени относится ко многим писателям и художникам того периода, с которыми ассоциируется понятие «экзистенциализма». Ошеломленные, потрясенные люди проводили дни в поисках пищи, одежды, убежища, оставляли в разрушенных домах послания в надежде соединиться с другими членами семьи. Напоминания о постыдном прошлом Германии не были популярны: ветераны войны, особенно раненые, не могли найти работы по возвращении домой, а бывшие узники концентрационных лагерей старались держаться втени.

В других местах Западной Европы бывшие пленные встречали столь же холодный прием. Все старательно избегали разговоров о недавнем прошлом. Жан Мари Мاستигер, молодой еврей, переживший

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 411

Освенцим и ставший позднее архиепископом Парижа, вспоминал: «Что было самым удивительным, так это то, что данная тема (жизнь в концентрационном лагере) была жестким табу, о ней никто не говорил и никто не хотел говорить». Эта горькая подозрительность не замыкалась в одних лишь местных сообществах. Она находила параллели в росте недоброжелательства и разделения между Востоком и Западом в международных отношениях.

Первопричины холодной войны: взгляд с Запада, 1945-1947

Если холодная война началась с решения советского руководства расколоть Европу на две части, то начальным моментом послужило решение западных держав продолжить разделение Германии после 1945 г. Вопрос о том, что делать с Германией, занимал американцев еще во время войны. Этому уделялось такое внимание, что в рядах администрации Рузвельта раздавались замечания, не слишком ли много внимания уделялось планированию мира и не слишком ли мало самому ведению войны. В 1944 г. последовало предложение государственного секретаря Генри Моргантау министерству финансов, в котором предлагалось навязать Германии «карательный» мир — она должна была превратиться в «пастушескую» страну, а такие ее индустриальные части, как например Рур, следовало передать Франции.

На таком «карательном» мире в Соединенных Штатах особенно не настаивали, но Франция и Советский Союз были полны решимости получить компенсацию за германскую агрессию. Стратегия генерала де Голля, как и Сталина, состояла в том, чтобы решительно ослабить Германию, разрушив все следы централизованного управления. Он заблокировал попытки Союзного совета относиться к Германии, как к единому целому. В определенной степени эта позиция объяснялась и тем фактом, что опыт войны Франции и Советского Союза отличался от опыта их «англосаксонских» союзников, но она была также результатом французского и русского понимания германской истории и истоков фашизма. Так что вскоре четыре зоны военной оккупации превратились в четыре разные политические единицы, и каждая отражала политические особенности одной из оккупационных держав.

К концу 1945 г. от мирного урегулирования, которое угрожало истощить Германию, отказались в пользу проведения политики, которая постепенно делала британскую, американскую и французскую зоны

412 ГЛАВА 10

главным бастионом западноевропейской обороны. Таким образом, если недавно демократические и коммунистические союзники пребывали в шоке от обнаружения концентрационных лагерей и были решительно настроены на проведение жесткой политики по отношению к немцам, то необходимость решать экономические проблемы Германии привели к формированию нового отношения со стороны западных союзников. Прекращение в мае 1945 г. американской программы ленд-лиза усугубило сложившееся положение.

В то время как государственный департамент в Вашингтоне получал доклады, в которых иногда преувеличивались экспансионистские намерения СССР — одной из самых известных и обстоятельных была так называемая «Длинная телеграмма» в 8000 слов, которую направил советник посольства США в Москве Джордж Кеннан, — условия в Европе продолжали ухудшаться. Займы на восстановление, которые были предоставлены новыми экономическими институтами, Международным валютным фондом и Международным банком реконструкции и развития (Всемирный банк), учрежденными в 1944 г. в Бреттон-Вудсе, оказались столь же недостаточными, как и усилия ЮНРРА. Между Вашингтоном и Москвой не было согласия относительно того, каким образом справиться с отчаянной потребностью Европы в долларах для закупки продовольствия и других необходимых для жизни вещей. Ко времени встречи министров иностранных дел оккупационных держав в марте 1946 г. англо-американцы и СССР уже начали развивать во многом не совместимые планы возрождения страны. На этой встрече стали очевидными различные подходы Востока и Запада, особенно после того как и СССР, и США начали напрямую обращаться к немецкому народу за поддержкой против другой стороны: СССР предлагал республику трудящихся, а США — создание федерального либерального правительства для подготовки экономического возрождения.

В феврале 1946 г., за месяц до встречи представителей оккупационных держав, Черчилль, который был в парламентской оппозиции, раньше всех предсказал будущую враждебность «Запада» по отношению к советскому колоссу в своей знаменитой речи в Фултоне, штат Миссури, о «железном занавесе».

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатическом море — по всему континенту опустился железный занавес... (Более того), во многих государствах, далеко от русских границ и по всему миру существуют коммунистические пятые колонны, которые созданы и работают в полном единстве и абсолютном подчинении коммунистическому центру.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 413

Слова Черчилля подверглись осуждению Сталиным в «Правде» как «опасный, рассчитанный шаг», и доводы Черчилля тогда не произвели особого впечатления на многих американцев. Среди них были такие, кто подозревал, что «нагнетание страха» Черчиллем проистекало из британского желания сохранить американское присутствие в европейских делах. В американской

администрации имелось множество людей, все еще выступавших за то, чтобы Америка поделилась своей атомной технологией с Советским Союзом, а также тех, кто считал, что увеличение международной напряженности нанесет вред всемирному благосостоянию. Среди требовавших большего согласия между Востоком и Западом из опасения, что «чем более твердыми мы будем, тем еще тверже станут Советы», был влиятельный журналист Уолтер Липпман, утверждавший, что мрачные прогнозы относительно советской экспансии значительно преувеличены и что политическое урегулирование в Центральной и Восточной Европе вполне возможно. В 1947 г. статьи Липпмана были опубликованы отдельной книгой под названием «Холодная война» (сентябрь 1947 г.). Это определение быстро вошло в мировую политическую терминологию.

Однако на протяжении всего 1946 г. не было достигнуто никакого прогресса в еще не разрешенном вопросе о том, как же все-таки обращаться с Германией. По словам первого государственного секретаря США в администрации Трумэна — Джеймса Бернса, единственным достижением нескончаемых встреч между ним и его советским партнером Молотовым было признание последним, что американский виски не хуже русской водки. Британский секретарь по иностранным делам Эрнст Бевин тоже начинал терять терпение в отношениях с Советским Союзом. К большому неудовольствию меньшей части британцев, которая включала многих членов лейбористской партии, желавших видеть более независимую и менее проамериканскую ориентировку в политике, Бевин был решительно настроен на то, чтобы возложить вину за отсутствие согласия на Кремль, к в знак демонстрации своего единства с консервативной партией присоединился к Черчиллю в парламенте, назвав Советский Союз главным препятствием на пути достижения мира и стабильности.

Необходимость улучшения условий в Германии и в то же время облегчения бремени для налогоплательщиков Британии, Франции и Соединенных Штатов послужила дальнейшим стимулом для ускорения решения германского вопроса. Управление Германией посредством организации различных зон было дорогостоящим, а торговля между зонами велась так, как будто дело шло о торговле между отдельными государствами. В июне 1946 г. американцы предложили

414 ГЛАВА 10

другим оккупационным державам объединить зональные экономики, однако это предложение было принято только британцами, и к концу года появилась совместная администрация двух зон, названная «Би-зонией». В сентябре 1946 г. Бернс объявил, что Соединенные Штаты выступают за «экономическое объединение Германии», и что если полного объединения нельзя будет достичь, то «мы предпримем все возможное в наших силах, чтобы обеспечить максимально возможное объединение».

Тем временем, поскольку британская казна продолжала истощаться и возникли дополнительные проблемы за пределами Европы — в Палестине и Индии, Британия уже не могла продолжать играть прежнюю роль в Греции и Турции. В марте 1947 г. США вступили в дело, чтобы заполнить брешь, оставленную Британией, и приняли широкую программу по оказанию помощи Греции и Турции в рамках так называемой «доктрины Трумэна». Это стало серьезным шагом по направлению к холодной войне, отражавшим убежденность Кеннана, что «традиционное и врожденное у русских чувство отсутствия безопасности» делало неизбежным как советское господство в Восточной Европе, так и коммунистические претензии в отношении всего остального мира. Вашингтон пришел к убеждению, что коммунистическая опухоль разрастается и что Америка должна действовать, чтобы «сдержать» эту угрозу. Слово «сдерживание» употребил Кеннан.

Взгляд с Востока, 1944-1946

На Западе считалось, что взаимосвязь между отчаянным положением в Германии и растущим беспокойством западных союзников относительно советских намерений привела к усилению напряженности в отношениях между Востоком и Западом. На Востоке успехи, достигнутые в военное время, помогли честолюбивым устремлениям Сталина превратить Восточную Европу в прокоммунистическую зону безопасности для Советского Союза. Для многих в раздираемой войной Европе коммунизм ассоциировался с освободительной идеалистической верой, незапятнанной ассоциациями с кризисом капитализма и либеральной демократии в тридцатые годы или с фашистским варварством в сороковые. И действительно, многие будущие коммунистические лидеры — например, глава ГДР Эрих Хонеккер (1971 — 1989) и руководитель Чехословакии Густав Гусак (1969—1988) — имели солидные доказательства своих антифашистских взглядов, поскольку провели долгие годы в нацистских тюрьмах. Расширение

венного контроля во время войны также способствовало тому, что правительства коммунистического типа казались вполне приемлемыми для осуществления огромных усилий по восстановлению, в котором нуждалась Восточная Европа после окончания войны. Хотя осуществление сталинской политики в Европе казалось непоследовательным, ее цели были вполне логичными. Сталин решительно стремился, насколько это было возможно, создать зону безопасности для СССР в Восточной Европе, не провоцируя Америку и стремясь выиграть время для того, чтобы «догнать» конкурирующую сверхдержаву. Сталин не установил советский контроль в Восточной Европе в силу одного лишь права победителя в 1945 г., а делал это шаг за шагом, в ответ на политическое развитие в каждой восточноевропейской стране и на международные события. К 1948 г. он уже полностью контролировал большую часть Восточной Европы.

Сталин с осторожностью отнесся к тому, что в последний год войны вооруженные коммунистические партизаны, поддержанные политическим движением типа Народного фронта, казались способными перенести коммунистическую революцию в восточную и западную части Европы. Советский лидер не хотел обострять отношений с западными союзниками и потребовал от коммунистических партизан от Балкан до Франции прекратить разговоры о создании народных коммунистических правительств «снизу» и вместо этого принять предложения присоединиться к послевоенным коалиционным правительствам в качестве партнеров, иногда даже младших партнеров. Коммунисты Франции, Италии и, хотя со значительным неудовольствием, Греции поступили так, как им сказали. Однако и у Сталина были пределы влияния на уже шедшую коммунистическую революцию «снизу» в Югославии, которую возглавлял Тито. Революция зашла слишком далеко, и остановить ее Сталин был не в силах. Опыт демократии в Восточной Европе и на Балканах в период между двумя мировыми войнами был кратким и фрагментарным, но Сталин был убежден в том, что все восточные европейские страны смогут успешно перейти к коммунизму между 1945 и 1948 гг. Но имелось большое различие между такими странами, как Польша, Румыния и Болгария, которые Сталин поставил под действенный контроль с того момента, как Красная Армия пересекла их границы, и странами вроде Венгрии и Чехословакии, где первоначально Советский Союз был удовлетворен тем, что коммунисты имели определенное влияние в коалиционных правительствах.

И снова, как и в XIX в. или во время русской гражданской войны (1918—1921), центральное место в стратегических планах России за-

416 ГЛАВА 10

няла Польша. Польский народ представлял собой серьезное препятствие прямым сталинским устремлениям по обеспечению советской безопасности, особенно если учитывать его историческую враждебность к России, ревностный католицизм, призывы правительства в изгнании и ставшую известной широкой общественности информацию о том, что советские солдаты уничтожили 15 тыс. польских офицеров в Катынском лесу в 1943 году*. Даже польские, начиная с Розы Люксембург, коммунисты традиционно находились в оппозиции к московской линии. Поэтому в июле 1944 г. Москва предприняла решительные действия с целью направить политическое развитие в Польше в пользу Москвы. В июле 1944 г. в Варшаве в качестве правительства Польши был утвержден Люблинский комитет**, который представлял собой группу в основном коммунистических польских лидеров из движения польского сопротивления, прошедших подготовку в Москве. Это было сделано, чтобы окончательно похоронить все надежды лондонских поляков, продолжавших вести борьбу с немцами в изгнании. Здесь, так же как в Болгарии и Румынии в 1945 г., вмешательство Красной Армии было решающим. Теперь советский контроль был обеспечен.

Но в Чехословакии и Венгрии, где в конце войны коммунисты преобладали в движении сопротивления и могли немедленно захватить власть, прошло определенное время, прежде чем они это сделали. Сталин, Черчилль и Рузвельт в 1943 г. пришли к согласию, что после войны по всей Европе будут созданы коалиционные правительства, и Сталин приказал чешским и венгерским коммунистам принять участие в правительствах Народного фронта, подобных западным. Однако между указаниями, которые он дал коммунистам в Восточной Европе и их товарищам на Западе была одна существенная разница. В Чехословакии и Венгрии коммунистические вооруженные отряды не были распущены и вскоре стали ядром коммунистических армий

* Массовое уничтожение сотрудниками НКВД польских офицеров и полицейских, интернированных осенью 1939г., произошло весной 1940 года. В 1943 г. захоронения в Катынском лесу под Смоленском были раскопаны немцами, сделавшими факт катынского злодеяния достоянием гласности. Цифра в 15 тыс. человек включает не только тех, кто был захоронен в Катыни, но и тех, кто был убит в других местах (иначе говоря, всех уничтоженных узников трех лагерей в Смоленской, Калининской и Харьковской областях). Вместе с расстрелянными в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии число уничтоженных поляков превысило 22 тыс. человек. — *Примеч. ред.*

*** Речь идет об учрежденном в Люблине в июле 1944 г. Польском комитете национального освобождения. — *Примеч. ред.*
ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 417

и органов безопасности. Дальнейшим фактором укрепления власти коммунистов послужило установление ими контроля над могущественными министерствами внутренних дел.

Чехословацкий коммунистический лидер Клемент Готвальд послушно следовал сталинским инструкциям. Вместо немедленного установления контроля над «национальными революционными комитетами», которые образовались по всей Чехословакии, он стремился в 1945 г. расширить членство этих комитетов привлечением в них представителей других партий. Тем временем довоенный чехословацкий лидер Эдуард Бенеш, находившийся в Лондоне в период немецкой оккупации, продолжал оказывать влияние на политику Чехословакии. В мае 1946 г. были проведены свободные выборы, коммунисты получили 38% голосов, тогда как социалисты в целом набрали 51%, Это послужило ясным сигналом, что коммунисты не обладают решающим перевесом,

В Венгрии, как потерпевшей поражение державе оси, было легче установить власть коммунистов, но даже здесь Сталин в 1945 г. принял меры, чтобы помешать венгерским коммунистам открыто провозгласить, что «диктатура пролетариата» совсем близка; в Венгрии в 1945 г. тоже прошли выборы. Коммунисты и социалисты получили сходное количество голосов, но когда партия мелких землевладельцев, в которой преобладали крестьяне, получила 50% голосов, то американцы и англичане недвусмысленно заявили, что предпочитают стабильность, которую могло бы предложить коалиционное правительство. Коммунисты моментально воспользовались этой возможностью, установив в 1946 г. контроль над министерством внутренних дел, и активно использовали конфликт между социалистами левого блока и коммунистами, с одной стороны, и партией мелких землевладельцев — с другой. В результате в конце 1946 г. партия мелких землевладельцев вышла из состава правительства в связи с выдвинутыми против нее обвинениями в том, что некоторые ведущие лидеры партии оказались вовлеченными в широкий антиреспубликанский заговор. После нападок на консервативные и центристские политические группировки с обвинениями их в «антисоветизме» и «пронацизме» и удаления их из правительства с помощью «тактики салями», названной так потом венгерским коммунистическим лидером Матиасом Ракоши, наступил черед социалистов.

Подобная тактика была ранее применена в Болгарии и Румынии, где было меньше оснований для осторожного поведения. Широко разрекламированные правительства Народного фронта в Восточной Европе превратились в пародию на демократию. Прячась за фасадом

418 ГЛАВА 10

самопровозглашенных народных демократий, коммунисты осуществляли свой контроль не только над министерствами внутренних дел, но и над всей пропагандистской машиной.

План Маршалла

События в Западной Европе способствовали намерению Сталина укрепить положение коммунистов в Восточной Европе. К началу 1947 г. две проблемы — мирный договор с Германией и экономическое объединение — приобрели решающее значение, поскольку условия жизни по всей Европе продолжали ухудшаться. Когда Всемирный банк и Международный валютный фонд открыли весной 1947 г. свои двери, Франция быстро набрала и там, и там максимальное количество займов, хотя ни одна из этих организаций не создавалась для этого — и в то же время в Рурской области немецкие шахтеры настолько голодали, что в условиях холодной зимы и без того упавший уровень добычи угля снизился еще больше. Новый государственный секретарь США в администрации Трумэна Джордж Маршалл, служивший во время второй мировой войны начальником американского штаба, провозгласил обширный план восстановления, чтобы помочь Европе встать на ноги. Массивный пакет помощи предлагался всем европейским державам, у которых были большие трудности в восстановлении после войны, особенно после суровой зимы 1946/47 г. Конгресс и американский народ поддержали план, хотя их одобрение частично основывалось на том, что европейский план восстановления или, как он стал позднее называться, план Маршалла включал в себя давнишний догмат американской внешней политики — экономическая стабильность обеспечивает сохранение демократии. Свою роль сыграли и собственные интересы США. Как ясно давали понять и Трумэн, и Маршалл, американское

экономическое процветание зависело от состояния европейских рынков. План Маршалла был смелым и творческим проектом. Он обошелся США в 13,7 млрд долларов, но вдохнул в страны Западной Европы чувство новой уверенности. Историки спорят относительно степени, в которой план способствовал решительному изменению ситуации в странах, в экономике которых уже проявлялись признаки выздоровления, однако в завершающем докладе об итогах реализации плана, представленном в 1952 г., справедливо отмечалось, что в период между 1947 и 1952 гг. промышленное производство в Западной Европе выросло на 64%, производство алюминия — на 69% и цемента — на 90%.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 419

Советскому Союзу в 1947 г. не нравились ни намерения, ни содержание плана, и он (как и рассчитывал Запад) отказался принять в нем участие. Хотя восточноевропейские страны отчаянно нуждались в экономической помощи, а Чехословакия и Польша были готовы присоединиться к плану, Советский Союз заставил их отказаться, Сталин предложил свою схему — Совет Экономической Взаимопомощи. Требование, чтобы коммунистическая Восточная Европа отвергла план Маршалла, оставляло эти страны с их собственными скудными ресурсами, делая тем самым более вероятным переход к плановой экономике в советском стиле, и принудительным мерам для управления своим экономическим хозяйством. В действительности СЭВ не мог предложить значительной помощи. В реальности ресурсы шли в другом направлении: подсчитано, что между 1945 г. и смертью Сталина в 1953 г. ресурсы из Восточной Европы перетекали в Советский Союз в масштабах, сопоставимых с планом Маршалла для Западной Европы. Благодаря американизации на Западе и советизации на Востоке в первые послевоенные годы экономическое, социальное и политическое развитие шло, казалось, по все более различным путям, хотя события шестидесятых годов ясно показали, что судьбы обеих частей Европы продолжали оставаться взаимосвязанными. Взаимные отношения еще больше ухудшились, когда коммунисты восточного блока вместе с коммунистами Франции и Италии, которые в своих собственных странах были отодвинуты на обочину политической власти, были собраны на встречу в Польше, где им представили кремлевское видение мира, «отвергавшего принципы международного сотрудничества» и теперь разделенного на два лагеря. Выдвигая эти доводы, советское руководство помогло превратить их в реалии.

Чехословакия

В 1948 г. будущее холодной войны в Европе зависело от Чехословакии, единственной страны в Центральной Европе, в которой к концу 1947 г. действительно существовало коалиционное правительство. Для многих на Западе она представлялась островком демократии в пределах зоны безопасности России, однако эта демократия просуществовала недолго. В течение всего 1947 г. разногласия между социалистами и коммунистами становились все более острыми (нарастала напряженность и среди коммунистов); в феврале 1948 г., после ожесточенной дискуссии об уровне заработной платы гражд-

420 ГЛАВА 10

дамских чиновников, министры от Словацкой демократической народной партии, Народной партии и Национальной социалистической партии вышли из состава правительства. Это было серьезной тактической ошибкой. Коммунисты быстро создали ряд многолюдных митингов и создали по всей Чехословакии так называемые комитеты действия, призванные демонстрировать народную поддержку коммунизма.

В марте 1948 г. чехословацкий кабинет министров полностью состоял из коммунистов, за исключением министра иностранных дел Яна Масарика, сына президента — основателя государства, но даже это подобие политического плюрализма сохранялось недолго. Десятого марта 1948 г. он и его коллега были найдены мертвыми, после того как они «выпали» из окна одного из верхних этажей. Смерть Масарика потрясла Запад, где немедленно решили, что его просто вытолкнули* (похожая история произошла в 1618 г. в Праге с чиновниками Габсбургов, что представляло собой соблазнительную «аналогию»). Это еще более ухудшило отношения между Востоком и Западом. После переворота все чехословацкие политические партии, в том числе Коммунистическая партия Словакии, были влиты в Чешскую коммунистическую партию**. С февраля 1948 г. Чехословакия, подобно всем остальным странам той части Европы, которую стали называть «восточным блоком», стала жить при однопартийной системе руководства.

Блокада Берлина, 1948-1949

Идеологические расхождения между бывшими союзниками после войны были столь очевидными, что все попытки найти практические, эффективные решения европейских проблем становились

все менее успешными. Более всего это проявилось при осуществлении денежной реформы в Германии в 1947—1948 гг. Западные державы всемерно оттягивали проведение денежной реформы, понимая ее серьезные политические и экономические последствия — поддержанная Западом валю-

, * Согласно другой версии, это было совершенное в знак протеста самоубийство. — *Примеч. ред.*

** Автор имеет в виду создание единой Коммунистической партии Чехословакии. КПЧ поглотил а, партии социал-демократической ориентации, однако формально сохранялись так называемые «союзнические партии», находившиеся под полным контролем коммунистов и не имевшие возможности выдвигать независимых кандидатов на выборах в парламент. — *Примеч. ред.*

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 421

та, введенная в «тризональном» регионе создала бы полностью отдельную от советской зоны экономику, одновременно подрывая ценность валюты восточной зоны и, самое главное, подрывая соглашение о том, что ко всем четырем немецким зонам следует относиться как к единому экономическому пространству. Однако, учитывая ухудшение отношений между Востоком и Западом и предстоящее начало реализации плана Маршалла, что-то надо было делать. Сделано все было внезапно и тайно. В июне 1948 г., без предупреждения, новая немецкая марка была отпечатана и введена в «Тризонию» в обращение.

Результатом стала трагическая эскалация напряженности. Двадцать третьего июня 1948 г. в знак протеста против того, что по сути было созданием «западной» Германии, Советский Союз начал блокаду Берлина, который был поделен на четыре оккупационных округа, но находился глубоко внутри советской зоны. Действия Сталина оказались типичным для него актом перебора в игре. Вместо того чтобы сделать Запад более сговорчивым, сталинская блокада Берлина лишь убедила тех, кто еще сомневался, в справедливости предсказаний относительно советской экспансии и ускорила создание западной Федеративной Республики Германия. Предприняв решительные действия, союзники организовали воздушное снабжение более чем двух миллионов находившихся без средств к существованию берлинцев, которое продолжалось вплоть до мая 1949 г., когда Советский Союз снял блокаду. Британский генерал авиации Фред Рейнсфорт отмечал своеобразный характер всей этой операции: «Было довольно странно смотреть, как подобные мне люди, которые всего несколько лет назад бомбили Берлин, теперь... должны были делать все, чтобы поддерживать в нем жизнь»³.

Конец разнообразия: Восточная Европа, 1948-1950

Сталинские тиски в Восточной Европе сжимались по мере того, как ухудшались отношения между Востоком и Западом. В 1948 г. холодная война получила новый импульс, причем совсем с неожиданной стороны — им стало противостояние между Сталиным и Тито. До января 1948 г. между Белградом и Москвой поддерживались прекрасные отношения, хотя Сталин не был согласен со стратегией Тито, направленной на то, чтобы продвигать коммунизм снизу, при помощи широкой народной поддержки. Перед Коммунистическим информационным бюро (Коминформ), созданным в сентябре 1947 г., ставилась задача

422 ГЛАВА 10

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 423

поддерживать распространение коммунизма в Восточной Европе и утверждать в регионе определенную форму идеологического единообразия. Его штаб-квартира располагалась в Белграде.

Югославия стремительно осуществляла создание экономики советского типа, еще в июле 1946 г. провела коллективизацию сельского хозяйства и в апреле 1947 г. приступила к осуществлению первого пятилетнего плана. В течение 1947 г. Тито активно содействовал распространению коммунизма в Восточной Европе, в том числе Греции, и упрочил свой авторитет, заключив несколько торговых договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией. Его ставки возросли в январе 1948 г., когда он разместил югославские части в Албании, чтобы оказать помощь в охране греческих коммунистических баз. Однако он сделал это без согласия Сталина, который все больше рассматривал независимость Тито как угрозу своей власти. Тито открыто заявил, что он стремится создать федерацию «свободных балканских народов». Сталин не мог более терпеть подобной самостоятельности. Как заметил Тито в 1950 г., «русские не готовы к тому, чтобы кто-то самостоятельно поддерживал отношения с остальным миром... вы должны быть на их стороне на все 100 процентов».

Последствия разрыва были драматическими. Советский лидер обвинил Тито и югославскую коммунистическую партию в незаконной деятельности, провале коллективизации сельского хозяйства и, самое важное, в умалении роли ВКБ(б). Двадцать восьмого июня 1948 г. Югославия

была исключена из Коминформа. Но это было еще не все. К 1950 г. Сталин планировал совместную военную акцию Советского Союза и восточноевропейских стран против Югославии. Он знал, что может рассчитывать на поддержку «блока». Генерал-майор венгерской армии Бела Кирали, например, вспоминает: «Для удовольствия Сталина мы были готовы начать поход против Югославии». Югославская республика была избавлена от этой судьбы благодаря началу корейской войны, приковавшей внимание Сталина к восточной части его империи.

Для Тито последствия разрыва были не так уж и плохи. Он смог продвинуться вперед со своей концепцией плановой экономики и улучшить отношения Югославии с Западом, особенно с Соединенными Штатами. В июле 1948 г. замороженные в США югославские активы, в том числе золотые запасы страны на сумму более 47 млн долларов, были разморожены. И тем не менее воздействие разрыва между Тито и Сталиным не ограничилось советско-югославскими отношениями. Выдвинутые против Тито обвинения были скоро подхвачены и в других местах, став определенным критерием в оценке лояльности коммунистических партий к Сталину. Обвинения в «титоизме» легли в основу чисток, которые стоили Владиславу Гомулке его поста лидера коммунистической партии в Польше, а на театрально поставленном процессе в Венгрии бывший лидер венгерской коммунистической партии и министр кабинета Ласло Райк признался в своей шпионской деятельности в пользу нацистов, Соединенных Штатов, Британии и Тито. Он и его «соучастники» были казнены 15 октября 1949 г. Осуждение Райка затем было выдвинуто в качестве основания для разрыва восточноевропейскими странами дипломатических отношений с Югославией.

В Чехословакии чистки были сосредоточены как на заподозренных в «титоизме», так и на коммунистах, которые во время войны находились в эмиграции в Лондоне. Процессы приобрели характер снежной лавины, их кульминацией стали в 1951 г. суд над «московским коммунистом» и бывшим лидером партии Рудольфом Сланским (определенный антисемитский характер этой чистки отражал аналогичные процессы, шедшие в это время в СССР) и многолетние нападки на католическую церковь. Однако в Албании и Болгарии решимость некоторых коммунистов избавиться от своих «титоистских» товарищей в целом объяснялась не столько их непоколебимой верностью Сталину, сколько давним этническим и национальным соперничеством.

Национализм и коммунизм, 1948-1956

В июле 1946 г. Албания и Югославия подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который практически превращал коммунистическую Албанию в сателлита своего югославского соседа. Сербский язык* стал обязательным предметом в школах, а югославским «экспертам» были предоставлены ключевые позиции в вооруженных силах и правительстве. Однако уже вскоре албанцы начали высказывать недовольство своим положением вассала, а осуждение Сталиным Тито и волна «антититовских» чисток создали блестящую возможность настроенным против Югославии албанским коммунистам, тесно связанным с Энвером Ходжей, ликвидировать своих настроенных «проюгославски» товарищей. Этот спор среди албанских коммунистов, несмотря на их характеристику как «интернационалистов», отражал историческую враждебность, которая издавна отличала сербско-албанские отношения. Знаменательно, что день, когда Юго-

* Имеется в виду сербохорватский язык. — *Примеч. ред.*

славия была исключена из Коминформа (28 июня 1948 г.) совпал с праздником Святого Вита, божественного покровителя Сербии. Албания стала первой восточноевропейской страной, примкнувшей к Советскому Союзу в крестовом походе против Тито, и ее лояльность к Сталину была щедро вознаграждена — она получила более 600 млн долларов экономической помощи. Некоторые болгарские коммунисты также с удовольствием выступили против своих югославских товарищей, которые помогали ускорить переход всего региона к коммунизму. Гордость болгар была уязвлена той руководящей ролью, которую взяли на себя югославы, к тому же они были раздосадованы готовностью своего руководства отказаться от претензий на Македонию в пользу Тито в его планах создания балканской федерации. После разрыва между Сталиным и Тито инициативу в Болгарии взяли на себя коммунисты, настроенные против Сербии. После того как в декабре 1949 г. был расстрелян ведущий коммунистический лидер Трайчо Костов, широко известный своими связями с Югославией, и вплоть до 1970 г. Болгария в отличие от Албании, занимала твердую просоветскую линию — вплоть до участия болгарских войск в советском вторжении в Чехословакию в 1968 году.

Коммунизм после окончания войны не уничтожил и даже не обуздал национализм в Восточной

Европе. Как только коммунистические партии пытались добиться широкой поддержки со стороны общества, они прибегали к традиционной националистической риторике. Например, не предпринимались серьезные меры, чтобы защитить права этнических меньшинств на культурное и языковое своеобразие в пределах многонациональных республик. Даже в Югославии, у которой был значительный опыт в защите языковых прав венгров, албанцев и цыган, мало что было сделано для удовлетворения требований хорватов на отдельный статус своего языка*.

* Проблема статуса сербского и хорватского языка как отдельных носителей скорее политический и психологический, чем лингвистический характер. С одной стороны, далеко не все хорваты настаивали на существовании особого хорватского языка (а не сербохорватского), с другой — некоторые сербские деятели также ставили под сомнение существование единого сербохорватского языка. В то же время в Югославии всегда существовали отличавшиеся одна от другой языковые нормы (например, «белградская» и «загребская») — и притеснений одной в пользу другой не осуществлялось. Как о собственно хорватском можно было бы говорить о литературном языке на основе так называемого кайкавского диалекта (на котором был создан ряд выдающихся литературных произведений раннего нового времени), однако его вытеснение литературным языком на основе общего для большинства сербов и хорватов штокавского диалекта началось еще задолго до образования Югославии. — *Примеч. ред.*

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 425

Сталинизация, 1948-1953

Преследования «титовистов» в Восточной Европе, как и кровопролитие, которым сопровождалась коллективизация и индустриализация в Советском Союзе в межвоенный период, помогли ускорить переход всего региона в сталинскую политическую и экономическую систему. Были отброшены все претензии на демократию. В типичном для сталинизма жестком и непродуманном стиле странам региона были навязаны конституции советского образца (которые передавали настоящую власть в руки политбюро), а также экономика советского типа. В соответствии с принципом «демократического централизма» конституции Восточной Европы выстроили строгую иерархию комитетов коммунистической партии, советов, бюро, секретариатов и съездов, которые в конечном счете были ответственны перед политбюро, а также установили невидимые отношения между партией и государством. Низшие органы в этой иерархии «выбирали» высшие органы, но те, в свою очередь, были обязаны подчиняться решениям вышестоящих органов.

Эта иерархическая система объясняла применение «централизма». Однако чем объяснить заявления партий о существовании в этих странах демократии, основанные на утверждении, что коммунистическое общество свободно от «классовых» или социальных конфликтов? Это трудно обосновать статистикой. В то время как в годы холодной войны допускалось эмпирическое изучение социологии, в основном для того, чтобы содействовать осуществлению политики, советское руководство не имело ни малейшего желания разрешить сбор экономической или социальной информации о распределении доходов, преступности или социальных отношениях. Это позволяло заявлять, что поскольку не существует противоречивых интересов, партийное руководство, названное югославским коммунистом Милованом Джиласом «элитой», правит во имя интересов всего общества.

В 1948 г. ограниченная программа национализации ключевых отраслей промышленности, осуществленная в первые годы правления коммунистов, была заменена несколькими идеалистическими, зачастую нерациональными планами, ставившими целью завершение индустриализации Восточной Европы.

Частная собственность была отменена, а собственность на средства производства находилась в руках коммунистического государства как представителя рабочего класса. Таким образом «демократический

426 ГЛАВА 10

централизм» стремился концентрировать экономическую, а также политическую власть в руках государства, что подчеркивало абсолютную власть партии. Не осталось ни бизнесменов, ни банкиров, которые могли бы оспорить ее решения. Партия теперь могла утверждать, что она действует в «коллективных» интересах. На практике это, однако, было обманом, ибо государство в первую очередь обслуживало партию, предоставляя такие привилегии, как лучшее жилье и образование для детей партийных работников. Но и большинство советских граждан значительно выиграло от той системы образования и здравоохранения, которые в лучшую сторону отличались от тех, что прежде существовали в России.

В Восточной Европе старые правящие классы, владельцы магазинов, бизнесмены и ремесленники исчезали по мере насаждения в марионеточных государствах командной экономики. Интересно, что темп национализации отражал силу местных коммунистических партий. В Югославии и Албании, где коммунистические партии установили полный контроль к 1945 г., а также в промышленном центре Чехословакии — Чехии и Моравии, где было сильное влияние коммунистической партии, основные промышленные мощности были национализированы к 1946 г. К

этому времени 82% промышленности в Югославии, 80% — в Чехословакии и 84% — в Албании перешли в руки государства.

Национализация в бывших странах — сателлитах Германии протекала значительно медленнее. В 1947 г. только 16% промышленности Болгарии перешло под контроль государства, а в Румынии и Венгрии данные цифры соответственно составляли 11 и 45%. В этой группе высокий уровень индустриализации Венгрии и существовавшие в этой стране традиции государственного вмешательства облегчили переход к полной национализации, поскольку процент рабочих за 20 лет вырос с 25 до 50%. Частный бизнес был ликвидирован, и государство направляло свое внимание на расточительные проекты, призванные поднять престиж коммунизма внутри страны и за ее пределами, — например, новый город сталеваров Сталинварош.

К 1949 г. каждая восточноевропейская страна имела свой вариант Госплана — центрального планирующего органа советского образца, который видел свою миссию в том, чтобы помочь региону избавиться от прежнего бича технической отсталости. Несмотря на эти заявления, СССР наложил на своих сателлитов тяжелое бремя репараций. Тяжесть уплаты, в основном в форме поставок товаров, была возложена на оккупированные Советским Союзом Германию, Румынию, Болгарию и Венгрию. Последняя, например, в 1945—1956 гг. отправила

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 427

в Советский Союз более 17% от своего крайне невысокого национального дохода. Эти репарации, получаемые от бывших союзников нацистской Германии и направляемые частично в Чехословакию, Югославию, Польшу и Грецию, несомненно, тормозили процесс восстановления и продлевали человеческие страдания.

Тем не менее индустриализация проходила быстро, отчасти подталкиваемая началом в 1950 г. войны в Корее, однако цена ее была высока. К безопасности труда и сохранению окружающей среды относились с бесцеремонным пренебрежением, и трудящиеся очень быстро увидели, что реалии «государства рабочих» весьма отличаются от марксистской риторики, которой сопровождалось его рождение. Например, женщины широко привлекались к физическому, мало оплачиваемому труду. Если в 1945 г. большая часть жителей Восточной Европы проживала на селе, то к 1960 г. урбанизация полностью изменила ситуацию. Например, польское городское население стремительно выросло с 7,8 до 14,4 миллиона к 1960 г. и стало составлять 48% всего населения страны.

Многие из больших городов в первые годы после войны напоминали гигантские строительные площадки в силу двойного давления реконструкции и индустриализации, однако лишь немногие из них были восстановлены с любовью к их былой красоте: в основном происходило строительство дешевого и серого жилья, быстро пришедшего потом в упадок. Помимо достижения целей коммунистических партий, процесс индустриализации и урбанизации не нес в себе особого прогресса. Для большей части населения резко ограничилась свобода передвижений и организации ассоциаций, а трудовая дисциплина была драконовской. Основное внимание общественности в Восточной Европе привлекали театрализованные судебные процессы, однако в обстановке подозрений и интриг, сопровождавших ста-линизацию, большинство тех, кто сидел в тюрьмах, составляли рабочие и служащие, арестованные за нарушения трудовой дисциплины. Как и в Советском Союзе, наибольшее народное недовольство вызывала коллективизация сельского хозяйства, а не промышленные пятилетние планы. Крестьянин был не только важным фактором экономики Восточной Европы — как и в XIX в. существовала «традиционная крестьянская» идея земледелия, которая оставалась в центре понимания этнической и национальной идентичности. Многие из национальных коммунистических партий, особенно в Румынии, пытались сделать вид, что не слышат настояний Москвы о проведении всеобщей коллективизации, хотя, несомненно, коллективизация карликовых наделов имела и свои преимущества, позволявшие применять эффект-

428 ГЛАВА 10

тивные современные методы возделывания земли, К 1952 г. только Болгария могла сообщить, что была осуществлена коллективизация более чем 50% пахотной земли в государственном секторе. В Югославии и Венгрии было коллективизировано только 25% земли, а в Румынии этот показатель был даже ниже 15%. После смерти Сталина темп коллективизации во всей Восточной Европе значительно снизился.

Как и в Советском Союзе в тридцатых годах, образование и марксистская культура занимали самое высокое место в коммунистической повестке дня. Партийное руководство частично исходило из идеологической убежденности, частично желало заменить традиционную культуру, которую коммунисты стремились всеми силами разрушить. Религиозные убеждения не были

запрещены, но коммунисты стремились деполитизировать религию, поставив церковь под контроль отделов по делам религий. У них были разные наименования — от весьма прозаического восточногерманского отдела по делам церкви и до более эмоционального румынского отдела по культам. В целом коммунисты находили более легким осуществление контроля над религиозными верованиями в странах, где преобладала христианская православная церковь, поскольку назначение священников в Румынии, Болгарии, России и Сербии производилось под определенным государственным контролем. Но в странах с преобладанием римско-католической религии, таких как Словения, Хорватия, Словакия, Польша, Литва и большая часть Венгрии, выбор епископов — и стремление партии контролировать церковь — был вопросом постоянных разногласий.

Более мелкие религиозные группы типа баптистов или методистов страдали больше, чем православная или католическая церкви, которые продолжали предоставлять важную альтернативу социального и политического взаимного общения. Евреи в Восточной Европе продолжали оставаться выделяемыми из общей массы объектами проявления «особого внимания». Их продолжали рассматривать в качестве представителей особой национальной и религиозной группы, и это отмечалось в их удостоверениях личности*. Это легче позволяло проводить их идентификацию и осуществлять против них дискриминацию, например, при предоставлении доступа в высшие учебные заведения.

Поскольку коммунистические государства Восточной Европы подписались под определенными обязательствами предоставления

* В советском паспорте содержалась графа «национальность», но не было графы «вероисповедание». — *Примеч. ред.*
ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 429

индивидуальной свободы, то они, пусть и с большой неохотой, допускали право людей на отправление религиозных культов, но при условии, что это будет осуществляться в частном порядке. Это означало, что разрешались богослужения внутри церквей, синагог и мечетей. Особенно тяжелое положение сложилось для монахов и монахинь, которых изгнали из системы образования, а также из больниц и школ. Но не все страны наложили на монашество запрет. Православная религия разрешала становиться епископами только монахам, и потому православные страны вроде России, Румынии, Болгарии и Югославии были вынуждены терпеть их существование. Чехословацкие коммунисты были менее терпимы. Монашества не запретили, но монахам не разрешали носить рясы, жить в религиозных общинах или принимать послушничество. То есть они могли быть монахами, но не могли вести себя как монахи. Во многих странах поэтому сокращение числа монахов было постепенным и не принимало драматических масштабов. В знаменитой Почаевской лавре на Украине* к 1961 г. оставалось 146 монахов, а к 1981 г. только 35.

Сокращение числа монахов и монахинь создало серьезные проблемы в оказании социальной, образовательной и здравоохранительной помощи (особенно в уходе за пожилыми и тяжело больными), и властям предстояло чем-то возместить это. Партия также вскоре поняла, что люди по-прежнему хотят выполнять обряды, связанные с важнейшими моментами жизни — рождением, совершеннолетием, свадьбой и смертью. Надежды на то, что эти обряды отомрут в силу логики демократического социализма показали свою несостоятельность, и коммунистическое государство стало выдумывать собственные «эрэац»-обряды. Крещение было заменено так называемым обрядом наречения младенца именем, хотя многие дети, например на Украине, в результате прошли через два обряда. (Зачастую за гражданской регистрацией брака следовало венчание в церкви.) Для гражданских церемоний создавались специальные помещения - Дворцы новорожденных, Дворцы бракосочетаний и Дома оплакивания. За исключением довольно эффектных и обязательных церемоний молодежных посвящений, учрежденных в Восточной Германии, попытки коммунистов создать новые народные обряды закончились провалом. Сила обрядов таилась в вызываемом ими чувстве общей для всех культуры и исторической памяти. Изобретатели коммунистических обрядов обнаружили, что они не могут конкурировать с мощными отголосками вековой религиозной практики.

* В Тернопольской области (Западная Украина). - *Примеч. ред.*

430 ГЛАВА 10

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 431

Усилия коммунистов, стремившихся доказать, что религия является предрассудком или же изобретена для того, чтобы усилить гнет над народом, были направлены прежде всего на молодежь. Как и в нацистской Германии старшее поколение в расчет не бралось. Торговля священными книгами была запрещена, религиозные сюжеты исключались из радиопередач,

кинофильмов, а позднее — из телевидения. Государство создавало атеистические клубы, журналы и музеи, призванные показать, что религия была беспощадна и основывалась только на предрассудках. Среди «религиозных» экспонатов музеев были кнуты, пыточные тиски, доклады о ведьмах и инквизициях, грязные «чудотворные» предметы и орудия поджогов. Однако эти усилия, как правило, не имели успеха. В долговременной перспективе эффект был достигнут благодаря запрещению любого преподавания религии в школах и университетах. В средней и высшей школе было введено изучение марксизма, вся программа подверглась серьезным изменениям. В то же время система здравоохранения в некоторых местах улучшилась, а число учащихся в высших учебных заведениях и университетах удвоилось, поскольку на молодежь в Восточной Европе обращалось особое внимание. Школьные программы также были изменены с тем, чтобы более широко отражать советский взгляд на мировые события. Например, учителей заставляли утверждать, что вторая мировая война началась с операции «Барбаросса»*. Выходки сталинистов подчас приводили к довольно курьезным социальным экспериментам — например, к перемещению «буржуазного» населения Будапешта и Праги в деревню с целью освобождения жилья для нового рабочего класса. Многие приходили к выводу, что диктатура коммунистической партии просто заменила диктатуру национал-социалистической партии. Типичным примером может быть судьба чешского диссидента-писателя и страстного саксофониста Йозефа Шкворецкого. Он вспоминает период, когда джаз подвергался советской цензуре:

Новые маленькие Геббельсы начали работать в тех сферах, которые освободились от дьявола. У них были собственные советские библии... их словарный запас немногим отличался от языка «маленького доктора», за исключением, пожалуй, того, что они даже больше, чем он, гордились своим невежеством⁴.

* В советских учебниках истории датой начала второй мировой войны считался лень нападений Германии на Польшу — 1 сентября 1939 г. — *Примеч. ред.*

Смерть Сталина и десталинизация Европы, 1953-1956

До своей смерти в 1953 г. Сталин продолжал железной рукой править Советским Союзом и отпраздновал свое 70-летие в 1949 г. с исключительной пышностью и помпезностью. Шумная пропаганда превозносила его в качестве доброго отца нации, «спасителя» СССР. Его уже редко видели на публике — он появлялся лишь на трибуне мавзолея Ленина по государственным праздникам — последний раз он публично выступал в 1948 г., но его внушающая страх властная хватка оставалась прежней. Чистки тридцатых годов, направленные против военных и членов партии, сменились теперь открытым политическим антисемитизмом.

Первые признаки появились осенью 1946 г. с серии статей, бичевавших «еврейские националистические отклонения». Атаки на советских евреев продолжались до конца десятилетия, хотя Советский Союз оказал решающую поддержку при рождении еврейского государства. Но к 1948 г. советское расположение к еврейскому государству сменилось враждебностью, поскольку стало очевидно, что наилучшим способом ограничить англо-американское влияние на Ближнем Востоке может стать содействие арабскому национализму. Антисемитские выступления в СССР продолжались и достигли своего апогея при аресте в январе 1953 г. большой группы еврейских врачей, обслуживавших Кремль. Только 5 марта 1953 г. исчез страх перед новыми чистками, хотя вдохновляемый государством антисемитизм еще какое-то время сохранялся. Сталин умер. За смертью Сталина последовал период коллективного руководства, осуществляемого вначале Георгием Маленковым, Лаврентием Берией и Никитой Хрущевым. К 1957 г. Хрущев утвердился в качестве нового неоспоримого лидера СССР. В 1954 г. он изменил функции полиции безопасности (КГБ) и начал кампанию по освоению целинных земель. Еще задолго до этого он приобрел известность как сторонник новшеств и «реформаторских» проектов, особенно в отношении сельского хозяйства. Например, еще в 1950—1951 гг. он предложил, чтобы коммунистическая партия создала в сельских районах так называемые агрогорода. Широкий размах и непрактичная претенциозность подобных планов характеризовали весь период правления Хрущева.

Репутация Хрущева как реформатора помогла ему осуществлять личное руководство страной. Он прославился не только среди коммунистов своим осуждением Сталина в 1956 г. во время XX съезда партии, где он обвинил прежнего вождя помимо прочего и в том, что тот

«использовал все мыслимые средства для того, чтобы прославить свое имя». Нападки на Сталина в основном были вызваны стремлением Хрущева заставить неповоротливую советскую бюрократию активнее поддерживать экономическую реформу и желанием изменить преобладающие политические настроения в стране в пользу проведения реформ, однако его политика имела серьезные последствия далеко за пределами границ Советского Союза.

Смерть Сталина на короткое время породила в Восточной Европе надежды, что темпы и характер «сталинизации» изменятся. Больше всего на это надеялись в Восточной Германии, которая с 1945 г. продолжала под предлогом репараций обираться Советским Союзом — в среднем теряя более 25% всего дохода от промышленного производства. Однако спустя три месяца после смерти Сталина эти надежды растаяли, так как в Восточной Германии были введены более высокие нормы выработки, что практически означало снижение заработной платы рабочих. Семнадцатого июня 1953 г. рабочие Восточного Берлина в знак протеста прекратили работу, демонстрации и волнения распространялись подобно лесному пожару. Скоро число демонстрантов пополнили рабочие за пределами города. Некоторые, чтобы присоединиться к бастующим, даже прошли через Западный Берлин. Это было исключительной по своему значению демонстрацией солидарности германских рабочих — впервые за 12 лет нацистского и 7 лет советского угнетения. Немецкое государство прибегло к помощи советских танков, и десятки демонстрантов были убиты. Всего за год до этого Сталин вел разговоры об объединении Германии в обмен на ее «нейтрализацию», но события июня 1953 г. сняли эти предложения с повестки дня. Восстание восточно-берлинских рабочих показало как то, что контролю со стороны СССР может быть брошен вызов, так и то, что это не приведет к успеху. Проблема для коммунистических лидеров Восточной Европы теперь состояла в том, что их рабское подражание Сталину, которое ранее придавало их режимам определенную степень законности и безопасности, стало восприниматься как преступное явление после того, как Хрущев осудил Сталина. События 1956 г. в Польше и Венгрии ярко показали пределы контроля СССР над своими сателлитами. В том же году угроза волнений в Польше заставила российское Политбюро* признать в качестве премьер-министра Владислава Гомулку, который и ранее, и теперь был прежде всего лоялен по отношению к Польше и только потом —

* Так в тексте. — *Примеч. ред.*

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 433

к Советскому Союзу. Гомулке удалось ослабить влияние Москвы, возродив советы рабочих и обеспечив определенный контроль над руководством вооруженными силами. Однако он даже не пытался изменить сам характер коммунистического правления в Польше. Его единственной целью было изменение стратегических отношений Польши с Советским Союзом. Сохранение сталинистского стиля правления в Польше не ставилось под сомнение, и Москва согласилась с тем, что в этих условиях у нее нет необходимости прибегать к широкому вмешательству. Но к событиям в Венгрии Кремль отнесся с меньшей терпимостью, поскольку они угрожали самому существованию коммунистического режима. После смерти Сталина движение за политические реформы охватило всю Венгрию. Люди требовали улучшения уровня жизни, приостановки коллективизации и ограничения деятельности тайной полиции. К ноябрю 1956 г. Москве стало ясно, что венгерский коммунистический премьер, бывший механик из города Капошвар Имре Надь не способен, да и не хочет контролировать политическую ситуацию в стране. Состоялось линчевание ряда ненавидимых представителей тайной полиции, ходили слухи о том, что некоторые войсковые части начали поддерживать демонстрации против коммунистического правительства. Кремль решил подавить восстание. Действия последовали незамедлительно, тем более что в это время Запад разделился в связи с Суэцким кризисом, и у правительств Великобритании и Франции возникли разногласия с правительством США. У Красной Армии* в Венгрии имелось более 2 тыс. танков — такое же количество Гитлер использовал против Франции в 1940 г., — и 4 ноября советские танки вторглись в Будапешт. Было убито более 3 тыс. человек, 2 ты. были казнены позднее — по некоторым данным, всего было убито от 25 тыс. до 50 тыс. венгров — и еще 20 тыс. венгров покинули страну**. Назначенный русскими новый премьер, коммунист Янош Кадар, который сам отсидел в застенках по приказу венгерских коммунистов в начале пятидесятых годов, быстро восстановил лояльность Венгрии по отно-

* Советская армия официально перестала называться «Красной» в феврале 1946 г. —

Примеч. ред.

** В ходе подавления восстания 1956 г. потери венгерской стороны составили 5 тыс. человек убитыми, 19 226 — ранеными. Более 500 человек было приговорено венгерскими властями к смертной казни, более 1 тыс. — к тюремному заключению. Страну покинуло от 170 до 200 тыс. человек. Советские потери составили 640 человек убитыми, 1251 — ранеными, 67 — пропавшими без вести (всего в советской группировке было 60 тыс. военнослужащих). — *Примеч. ред.*

434 ПЛАВАЮ

шению к Москве и Варшавскому пакту. Он продолжал осуществлять высшую власть вплоть до восьмидесятых годов пока его здоровье серьезно не ухудшилось.

Жестокое контрреволюционное подавление венгерского восстания потрясло мир. Оно также

подорвало репутацию русских коммунистов среди их товарищей за рубежом на востоке и на западе. В то же время после этого кровопролития восточноевропейские коммунистические лидеры стали проявлять больше склонности к проведению осторожных реформ. Коммунистические партии на Западе потеряли множество членов, а коммунистические правительства были потрясены грубым проявлением русской силы. Эти события также добавили напряженности в отношениях между коммунистическим русским «медведем» и коммунистическим китайским «тигром».

Холодная война и прочий мир, 1949-1962

Хотя источники холодной войны, безусловно, находились в Европе, она распространилась и на другие части земного шара, вызвав целый ряд «горячих» войн. Например, в Азии американцы, французы и англичане уже давно чувствовали себя неуютно из-за давно со страхом ожидавшейся и, наконец, одержанной победы коммунистов в Китае, где вождь КПК Мао Цзэдун в сентябре 1949 г. провозгласил Народную Республику. Вдохновленные его примером коммунисты Северной Кореи в июне 1950 г. вторглись в Южную Корею. Организация Объединенных Наций приняла резолюцию с требованием немедленного вывода войск Северной Кореи (в это время Советский Союз бойкотировал ООН), и вскоре после этого было создано объединенное командование ООН под командованием американского генерала Дугласа Макартура, имевшего приказ обеспечить «прикрытие и поддержку» южным корейцам.

Это вторжение имело важные экономические последствия как в Европе, так и в Азии. В частности, оно способствовало экономическому возрождению бывшего противника США — Японии. Всего 45 стран — членов ООН в той или иной форме оказали помощь Южной Корее, в то время как Советский Союз резко осудил их вмешательство. К июлю 1951 г. обе стороны были готовы к тому, чтобы заключить мирное соглашение, однако высочайшая степень недоверия, воцарившегося в международных отношениях, привела к тому, что мирное соглашение заключалось дольше, чем велись военные действия. Лишь в 1955 г. американские, а также китайские войска, принимавшие участие в боевых действиях на стороне Северной Кореи, были наконец выведены из страны.

Некоторые «солдаты холодной войны», как они сами стали себя называть, вроде Джона Фостера Даллеса, которого Эйзенхауэр, став в январе 1953 г. президентом США, сделал своим государственным секретарем еще за два месяца до смерти Сталина, вели разговоры о том, чтобы «начать наступление во всемирной борьбе за свободу и отразить всепоглощающие волны деспотизма». Другие антикоммунисты опасались, что локальные войны могут разжечь мировой пожар. Но самая главная черта холодной войны, по их мнению, состояла в том, что уже не могло существовать локальных оборонительных систем, любой конфликт, каковы бы не были его размеры, мог повлечь за собой возможность коммунистической агрессии.

Эта убежденность породила еще одну упрощенную теорию времен холодной войны — «принцип домино», объяснявший, почему опасно позволить коммунистам добиться хотя бы малейшего признака успеха. Эта теория постулировала: «Если у вас выстроен ряд костяшек домино, то стоит толкнуть самую первую, и очень скоро падают все остальные». Стратегия, пронизывавшая американскую внешнюю политику во всех частях земного шара, включала не только оборону. Например, Даллес был склонен все время говорить о «массированном возмездии» в случае любого международного кризиса, что, по мнению его критиков, предполагало и использование атомного оружия. Эта позиция стала одним из руководящих элементов американской и западноевропейской внешней политики в Юго-Восточной Азии и оправдывала вмешательство США по всему миру. Стремление ряда американских администраций «сдерживать» коммунизм затруднялось распадом западных заморских империй, произошедшим после второй мировой войны. В частности, бывшие колонии Британии и Франции в большинстве случаев решили не связывать себя ни с одной из сторон в холодной войне, а занять четкую позицию неприсоединения. Руководитель одной из самых населенных стран мира — премьер-министр Индии Джавахарлал Неру играл руководящую роль в движении неприсоединения, или «третьего мира», как оно стало называться позднее, поскольку отвергало строгое разделение мира на два противоборствующих идеологических лагеря, что противоречило их интересам. В то же самое время лидеры третьего мира отвергали нейтралитет как непрактичную {вторая мировая война показала трудность удержания войны в рамках национальных границ} и не всегда отвечавшую их нуждам позицию. Своей позицией

15 2444

неприсоединения они предпочитали воздействовать на мирную политику и экономику.

Вначале западноевропейские правительства отнеслись к такому развитию событий с той же

холодностью, что и Соединенные Штаты и Советский Союз, особенно во время корейской войны, которая закончилась лишь к концу июня 1953 г., да и то лишь перемирием. Но они со временем начали ценить значение третьего голоса, пусть и не всегда звучавшего в унисон. Особенно это стало заметно после того, как западные державы смогли повлиять на позицию некоторых ведущих «неприсоединившихся» государств. Например, в 1954 г. Пакистан, Таиланд и Филиппины заключили военные соглашения с Соединенными Штатами, а Афганистан стал первой некоммунистической страной, которая стала получать советскую помощь. Холодная война начала проникать в некоторые страны третьего мира. Именно здесь после войны в Корее (1950—1953) разразились горячие войны, например во Вьетнаме (1965—1973) и в одной из самых богатых африканских стран — Анголе (1975-1989). В пятидесятые годы финансовая и техническая помощь потоком хлынула в Африку с обеих сторон — только с Запада поступило более 1 млрд долларов и прибыло более 3 тыс. технических экспертов.

Новая роль Африки в международных отношениях зримо обозначилась на конференции неприсоединившихся стран в Бандунге в апреле 1955 г. — на конференции, которая первоначально предполагала обозначить роль Азии на карте земного шара. Поскольку среди 29 участников конференции были Египет, Ливия, Судан, Эфиопия, Либерия и Гана, Бандунгская конференция стала прототипом будущих конференций афро-азиатской солидарности в шестидесятых и семидесятых годах. Третий мир становился все больше и больше. В Бандунге выступления представителей русских и китайских марксистских партий в защиту «освобождения» и «равенства» произвели весьма благоприятное воздействие на африканских и азиатских делегатов, поскольку они выигрывали на фоне прежнего империализма и сохраняющегося национализма Запада. Однако значение Бандунга являлось более глубоким, поскольку он заложил основу афро-азиатской солидарности и веру в возможность совместных действий в ООН, тем самым укрепляя безопасность региона и его положение в мире.

Взросшее значение неприсоединившегося мира, который включил в себя и Югославию Тито, было отчетливо продемонстрировано в период ожесточенного китайско-советского противостояния, ставшего очевидным в 1961 г. Председатель Мао Цзэдун начал оказывать давление на Советский Союз, с тем чтобы тот использовал военные силы для оказания помощи своим коммунистическим друзьям с це-

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 437

лью обеспечения их прихода к власти во всем неимущем мире, однако Советский Союз мало прельщала эта возможность вступить в открытую конфронтацию с Западом.

Реформы в Советском Союзе, 1957-1964

Сражения холодной войны проходили на многих фронтах, среди которых были региональные конфликты, гонка вооружений и пропагандистская война, но эта война не велась открыто в Европе, где определяющим фактором для исхода сражения стала скрытая мощь «воюющих» экономик. В пятидесятые годы экономика Соединенных Штатов и восстановленных западноевропейских стран была, несомненно, сильнее, чем экономика их соперников из восточного блока, хотя советская экономика в этот период развивалась быстрыми темпами. Как вспоминал зять Хрущева Алексей Аджубей, «даже детям давали имена — "догнать и перегнать"» — это стало одним из популярных имен мальчиков⁵.

Тем не менее к концу пятидесятых годов стало ясно, что официальная статистика в СССР значительно преувеличивала рост советской экономики. Коммунистическая статистика не признавала инфляции в СССР, хотя та постоянно удерживалась на уровне трех процентов, а коммунистические управленцы, чтобы избежать наказания, завышали количество выпускаемой продукции по сравнению с планом. Особенно слабо работала распределительная сеть. Значительная часть того, что было произведено, не достигало потребителя, скоропортящиеся продукты приходили в негодность еще до того, как они доходили до подчас отчаянно нуждавшихся в них покупателей. И даже первенство в освоении космоса не могло заслонить этой реальности.

Понимая, что необходимы определенные реформы, Хрущев старался изменить экономическую систему Советского Союза таким образом, чтобы люди были заинтересованы в результатах своего труда: он учредил новые региональные и местные советы*, начал освоение новых земель и поставил перед промышленностью новые современные задачи. Он также планировал увеличить снабжение населения потребительскими товарами, обещая: «дайте нам время, и мы сможем производить трусики для ваших жен таких расцветок, какие не видели нигде в мире». Он поощрял определенные политические и иублич-

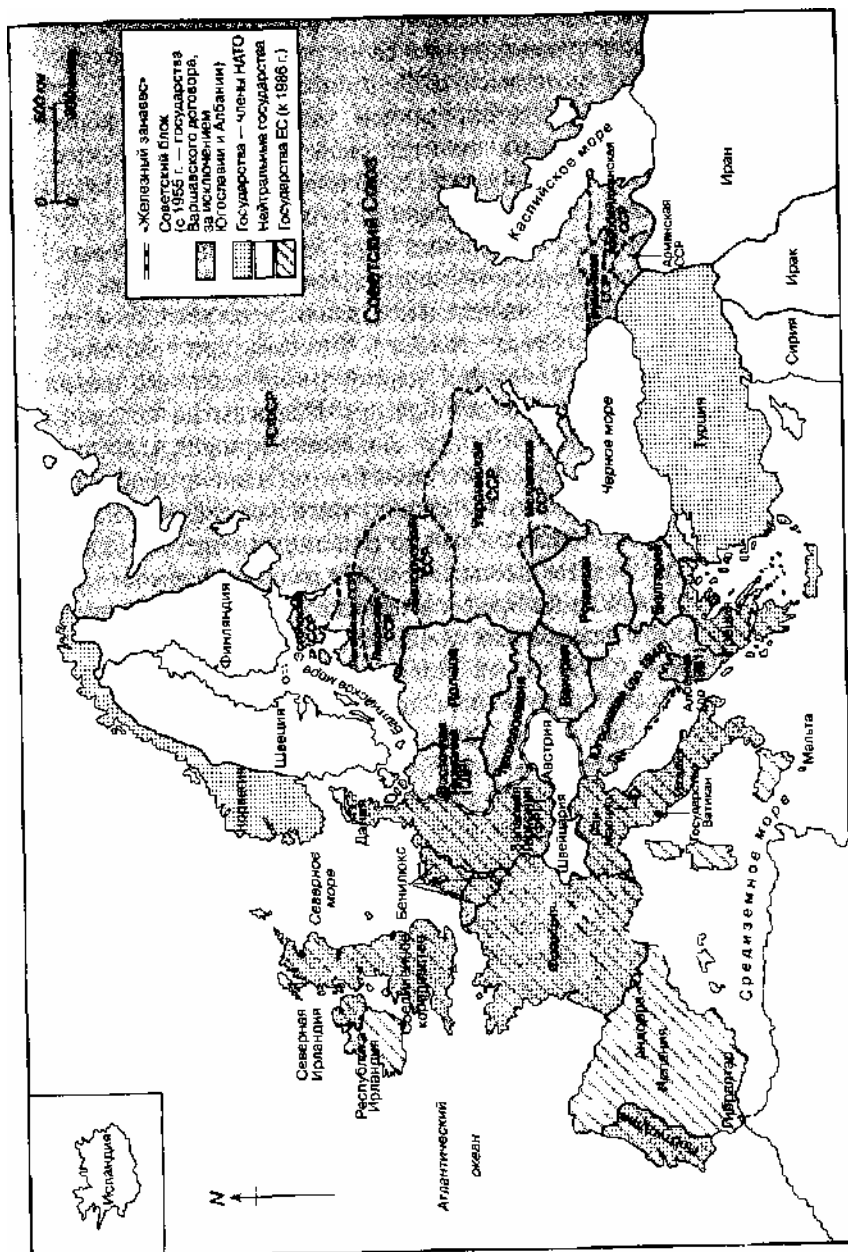
* Речь идет о совнархозах, которым передавались функции общесоюзных министерств по управлению промышленностью, — *Примеч. ред.*

438 ГЛАВА 10

ные дискуссии об экономической реформе, в то же время стремясь сохранить положение, при котором Политбюро обладало всей полнотой власти над советскими республиками. Поначалу все, казалось, шло хорошо, но к началу шестидесятых годов движение реформ стало тормозиться: началось падение уровня мясного производства, осенью 1962 г. был собран катастрофически низкий урожай зерновых, затем последовали резкие повышения цен. Эти события, наряду с Кубинским ракетным кризисом (1961), подорвали основы власти Хрущева. Чтобы предотвратить нарастание кризисных явлений, он собирался энергично провести — или по крайней мере заявлял об этом — «административную реформу» в СССР. Однако дальнейшие изменения в советском сельском хозяйстве и продолжающийся застой в советской промышленности привели к падению Хрущева. Положив начало советской традиции (то же произойдет с Горбачевым в 1991 г.), Хрущева отстранили от власти во время его отпуска в 1964 году.

«Реформированный» коммунизм в Восточной Европе, 1957-1968

Экономические реформы Хрущева и раскол между Советским Союзом и Китаем в 1960—1961 гг. вызвали изменения в экономической системе восточного блока. Пошедшая своим путем Югославия уже проявила положительное отношение к иностранной помощи и в 1965 г. получила особые права на ее получение от Международного валютного фонда (МВФ), которые позволили ей увеличить свои сталелитейные и нефтеочистные мощности, ввести рыночные отношения, оценку стоимости и распределение товаров и приступить к развитию индустрии туризма. Восточная Германия в постоянном стремлении приобрести признание со стороны Западной Европы, провела ограниченную экономическую реформу и разрешила издание ряда ранее запрещенных книг, например Кафки или Эллиота, вновь ставших доступными восточногерманскому читателю. Для Албании и Румынии реформы состояли в коренном изменении их отношений с Советским Союзом. Крохотная Албания присоединилась к Китаю в его споре с Россией относительно «реформистского» пути, по которому пошел Хрущев в конце пятидесятых годов, а Румыния под руководством Георгиу Георгиу-Дежа, а затем Николае Чаушеску приступила к переговорам об отзыве советских военных советников из Албании. Она осталась нейтральной во время китайско-советского

противостояния, достигшего пика в 1961 г., и развивала экономические контакты с Западной Европой. Польша и Болгария стояли в стороне от этой реформистской тенденции, и в своих робких усилиях по проведению реформ заметно отставали от Венгрии и Чехословакии. Воспоминания о 1956 годе определили, что в Венгрии реформы не были связаны с вопросами политической свободы и оказались сконцентрированы на экономических проблемах. В 1968 г. был введен так называемый «новый экономический механизм», предполагавший использование рыночных отношений при распределении товаров и ресурсов, — так был построен «гуляшный коммунизм», однако гос-план продолжал оказывать значительное влияние на планирование будущего. В шестидесятых годах только в Чехословакии требования экономической реформы совпали с волной эмоционального народного движения за расширение демократии. Надежды на перемены особенно усилились в марте 1968 г., когда к власти пришел Александр Дубчек, и были связаны с обещанными выборами и экономическими реформами. При Дубчеке почти исчезли полицейская слежка и цензура, пресса была переполнена рассказами о пытках в тюремных камерах и скверном руководстве экономикой. На волне реформистского энтузиазма новые свободные профсоюзы даже призывали к бесплатной работе в виде так называемых «дней для Дубчека». Этого Советский Союз уже не мог допустить. Советские войска вместе со своими товарищами по Варшавскому договору из Восточной Германии, Польши, Венгрии и Болгарии вторглись в Чехословакию 20 августа 1968 года. В отличие от советского вторжения в Венгрию, крови пролилось немного, но психологическое впечатление от московской интервенции имело глубокие

последствия. «Пражская весна», как была названа эта временная оттепель в периоде советского коммунистического контроля над Чехословакией, окончилась, как только советские танки загромыхали по Праге.

Холодная война:

конфронтация и разрядка, 1957-1969

Укрепление и падение уверенности Хрущева в потенциальной силе реформ в странах восточного блока отражали развитие событий в холодной войне. Советский Союз при всех своих проблемах на Земле был бесспорным лидером в космической гонке. В 1957 г. запущенный СССР *спутник* стал первым искусственным спутником Земли (он был размером с футбольный мяч); спустя четыре года Юрий Гагарин стал

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОПАИВАНИЕ... 441

первым человеком, облетевшим Землю. Еще более угрожающим и столь же неожиданным для Запада стал запуск в 1957 г. Советским Союзом первой межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). Эти технические достижения подтолкнули новую фазу перевооружения Запада — английское, французское и американское правительства стали вкладывать огромные средства в развитие атомной технологии.

В 1961 г. открытые враждебные действия холодной войны вновь переместились в Европу. С целью прекращения бесконечного потока миграции из Восточной Германии на запад советские и восточногерманские власти перекрыли границу вокруг Западного Берлина, остановив передвижение между западными секторами и внешним миром. Строительство самой стены заняло несколько месяцев, и некоторые жители Восточного Берлина в отчаянном стремлении к бегству были готовы прыгать с верхних этажей жилых домов прямо в западный сектор. «Железный занавес», о котором говорил Уинстон Черчилль, из метафоры превратили в реальность.

Берлинская стена во всем мире стала символом советского угнетения.

Кубинский кризис следующего года приблизил весь мир к войне в наибольшей степени после 1945 года. Позднее Хрущев заметит, что «в воздухе запахло горелым». Избранный в январе 1961 г. президентом демократ Джон Кеннеди потерпел неудачу в попытках свергнуть левое правительство Фиделя Кастро на Кубе, а Хрущев, стремясь унижить молодого президента, решил устроить на Кубе ракетные ядерные базы*. Заблокировав доставку ракет на Кубу и проявив твердость, Кеннеди заставил Хрущева вывести уже размещенные ракеты. В последующие годы происходило постепенное улучшение отношений между Востоком и Западом, хотя угроза «взаимно гарантированного разрушения» сохранялась. После Хиросимы тень атомной бомбы надолго нависла над миром. Дело было не только в том, что ученые и министры обороны во все большем количестве создавали все более мощное ядерное оружие, не и в том, что долгосрочные последствия атомной войны оставляли чувство неопределенности. Ядерный гриб, ставший символом атомной бомбы, словно бы состоял из нескольких вопросительных и восклицательных знаков, а ответы на вопросы могли дать только физики. В 1962 г., после нескольких лет с ужасом ожидавшейся атомной войны, мир отошел от опасного края конфронтации.

История ядерного оружия в послевоенный период показала тщетность американских надежд сохранить технологию его производства

* Идея размещения на Кубе советских ракет принадлежала Кастро. — *Примеч. ред.*

442 ГЛАВА 10

в тайне. Как писал участник Манхэттенского проекта американский физик Роберт Оппенгеймер, «невозможно сохранить в тайне сущность этого мира». Другим странам потребовалось гораздо меньше времени, чтобы догнать американцев. Советский Союз взорвал свою первую атомную бомбу в 1949 г. — четыре года спустя после Хиросимы, а когда в 1952 г. американцы произвели еще более ужасное ядерное оружие — водородную бомбу, то Советскому Союзу понадобилось всего девять месяцев, чтобы вновь догнать их.

К 1960 г. ядерной технологией уже обладали не только сверхдержавы — Англия занялась ядерным оружием еще в 1947 г., Франция взорвала свою первую атомную бомбу в 1960 г., Китай — в 1964 г.; и в силу одного этого обе сверхдержавы оказались заинтересованы в контроле над беспорядочным распространением ядерной технологии. Кубинский кризис произвел отрезвляющий эффект. Была установлена горячая (по русской терминологии «красная») линия между Кремлем и Белым домом, позволявшая обеспечить сторонам возможность быстрой связи и поддержания необходимых контактов в случае возможных будущих кризисов. За этим последовало развитие дипломатических контактов. В отношениях между Востоком и Западом возник период разрядки. Этот термин (*detente*) использовался и ранее, но теперь он связывался с

состоянием отношений между сверхдержавами и означал новую тенденцию, которая впервые проявилась после неудавшейся встречи Хрущева и Эйзенхауэра в 1955 г. и заключалась в стремлении поддерживать максимально мирные отношения с целью исключения риска возникновения атомной войны. Обе стороны начали признавать наличие общих интересов. В 1968 г. Соединенные Штаты и Советский Союз подписали договор о нераспространении атомного оружия, однако быстрое развитие технологии массового уничтожения потребовало продолжения диалога, и спустя год, одновременно с началом переговоров об ограничении стратегических вооружений, начались переговоры о запрещении испытаний оружия массового поражения на морском дне.

1969 год ознаменовался космическим триумфом Америки в космосе, ставшим символом «победы» Запада над Востоком: 21 июля 1969 г. Нейл Армстронг дал веские основания американским претензиям на первенство в космосе, ступив на Луну. К этому времени в экономической и военной области Западная Европа, несомненно, опережала восточный блок. Но эта победа досталась огромной ценой. Рост советской экономики начал сдерживаться гонкой вооружений — для обычных граждан трудности означали недостаточное количество жилья и дефицит продуктов потребления, — а скопление

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА: ЗАМОРАЖИВАНИЕ И ОТТАИВАНИЕ... 443

военных запасов в Восточной и Западной Европе привело к появлению доктрины «взаимно гарантированного уничтожения».

Хотя общества Западной и Восточной Европы в социальном, экономическом и политическом плане к концу шестидесятых годов были далеки друг от друга не менее, чем в сороковые годы, их будущее виделось сложно переплетенным. Влияние на ситуацию на фронтах холодной войны оказывали не только разговоры о новой эре в отношениях сверхдержав. Все большее процветание, интеграция и гармонизация Западной Европы ставили новые важные вопросы перед социалистическими государствами на востоке, тем более что к этому времени их правительства уже не могли контролировать поток информации, переносимый радиоволнами Европы. К концу десятилетия эти вопросы переросли в требовавшие решения проблемы.

Примечания

¹ *Kindleberger C.P.* The German Economy, 1945-47. Charles P. Kindleberger's Letters from the Field (1988), cited in the introduction by Günter Bischof.

² Цит. в: / *Heydecker.* The Nuremberg Trials (1962).

³ *Panos G.* The World that Came in from Cold (1993). P. 25.

⁴ *Skvorecky J.* The Bass Saxophone (1977). P. 15.

⁵ *Panos G.* Op. cit. P. 121.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 445

Глава 11

Реконструкция Европы, 1945-1968

В условиях, когда Восточная Европа склонялась к осуществлению ленинского представления о республике трудящихся в государствах, именовавшихся первоначально «народными демократиями», в условиях сохранения советского господства, интеграция Западной Европы, открытой в беспрецедентных масштабах американским идеям, экономическим методам, культуре, но также и давлению, стимулировалась холодной войной. Союзные державы, число которых росло, вскоре осознали свою полную взаимозависимость, равно как и зависимость от судьбы Западной Германии. Это убеждение усилилось в результате распада заморских империй. За Индонезией (1945) последовала в 1947 г. Индия, а в 1954 г. — Индокитай, причем каждое из новых государств пошло своим собственным путем. В Западной Европе, особенно после 1958 г., также возникло чувство общего экономического потенциала.

Политика колониальных держав — Нидерландов, Португалии, Британии и Франции — всегда заметно различалась, но после 1945 г. в ней появились сходные черты. В Европе сохранялся ряд независимых государств на периферии, в то время как «железный занавес», который теперь разделял континент, лишал такие европейские страны, как Франция и Германия, традиционных сфер влияния на Востоке. Во все времена политики континентальной Западной Европы стремились сохранить и утвердить «европейские» ценности и интересы — как противовес ценностям и интересам США. Однако Британия, создавшая свои ценности и имевшая свои интересы, подчеркивала свои «особые отношения» с Соединенными Штатами даже тогда, когда сами США этого не делали.

444

Новые явления в Европе отражались в основном в создании институтов, призванных содействовать сотрудничеству по практическим вопросам, таким как производство угля или ликвидация таможенных барьеров. По мере роста благосостояния общества и более равномерного распределения национального

дохода активизировались перемещения в Западной Европе как в деловых целях, так и просто ради удовольствия. Европейцы больше узнавали друг о друге, однако сотрудничество по вопросам обороны и внешней политики наталкивалось на серьезные препятствия. Соединенные Штаты играли в процессе интеграции немалую роль. Первые двадцать лет после окончания войны олицетворялись восстановлением и утверждением демократии в Западной, Северной и части Южной Европы, за исключением Португалии и Испании. Конституции демократических государств были удивительно похожи на конституции, принятые до 1939 г., и некоторые тенденции, наблюдавшиеся после первой мировой войны, явно обозначились и после второй. Это стало особенно заметно, когда речь зашла о всеобщем избирательном праве, которое наконец сделалось всеобщей нормой. Женщины получили право голоса во Франции в 1944 г., в Италии в 1946-м, в Бельгии в 1948-м и в Греции в 1952 г. (Норвегия стала лидером этого процесса еще в 1908 г.) Только в Швейцарии женщинам пришлось дожидаться права голоса вплоть до 1971 г. К этому времени произошли значительные изменения и в отношениях между западными европейскими государствами.

Британия и Европа, 1945-1951

Почему Британию 1945 г. необходимо рассматривать отдельно от континентальной Европы? Ответ заключается в уникальном положении Британии как единственной крупной европейской державы, которая не потерпела поражения ни в одной из двух мировых войн. Более того, в 1945 г. было невозможно мазать британскую демократию такой же черной краской, как дискредитировавшие себя демократии Франции, Германии, Италии или Испании: неписанная британская конституция оказалась более прочной, чем конституции, сочиненные на континенте. Определенные параллели можно было провести и с 1815 годом. Настроение во многих других странах еще определялось минувшей войной, а в странах, переживших немецкую оккупацию, воспоминаниями о сопротивлении и коллаборационизме. В Западной Европе имелись сильные коммунистические партии, но не в Британии, где коммунистическая партия всегда была слабой и где в 1945 г. лейборис-

L

446 ГЛАВА 11

ты одержали победу на всеобщих выборах, выступив с широкой программой реформ, включавших в себя меры в области здравоохранения и социального страхования. Они были предложены еще в военное время, когда появился доклад Бевериджа. Лейбористы также обещали обеспечить масштабное и лучшее по качеству жилищное строительство и более высокую степень социального равенства, а также национализировать угольную промышленность, транспорт и Банк Англии, считавшиеся «командными высотами» национальной экономики. Тем не менее в Англии, как и везде, имелось определенное количество избирателей, недовольных и политикой, и политиками. Один из избирателей заметил накануне выборов 1945 г., что политики — это «сборище скандальных базарных баб».

Начиная с конца сороковых и до середины семидесятых годов «базарные бабы», принадлежавшие к консервативной, либеральной или лейбористской партиям, имели некие общие взгляды на роль государства в обществе. Самые разные политики (кроме крайних правых) считали, что государственное вмешательство обеспечит большее равенство и процветание. На языке того времени это называлось государством «благополучия», а не «ночных сторожей». Убежденность в этом привела после войны к так называемой политике консенсуса, продолжавшейся в Британии до избрания Маргарет Тэтчер в 1979 г. Когда консерваторы в 1951 г. снова пришли к власти министр образования в военном коалиционном правительстве Р. Батлер стал министром финансов и «архитектором нового консерватизма во внутренней сфере». Он заявил тогда, что Британия «должна стать единым обществом или сообществом, в котором любая карьера должна быть открыта таланту».

В 1945 г. перед лейбористским правительством Эттли встали трудные задачи: повышение национального дохода с целью выполнения предвыборных обещаний партии и коренное изменение отношений с частями Британской империи, что стало как экономической проблемой, так и делом принципа. Самой большой трудностью стало для Эттли создание государства благополучия в условиях почти обанкротившейся экономики. Во многом ему это удалось, однако ценой определенного «аскетизма», что стоило ему голосов на следующих выборах. В течение года лейбористы внесли 75 законопроектов, приняли гигантскую программу национализации (в том числе Банка Англии, гражданской авиации, общественного транспорта,

электро- и газоснабжения) и "еще более широкие обязательства по предоставлению социальных услуг. В 1946 г. был принят закон о национальном страховании, которым все взрослое население обеспечивалось в случае

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 447

болезни, безработицы и выхода на пенсию, а в 1947 г. финансирование Национальной службой здравоохранения стало второй по величине статьей правительственных расходов.

Этой программой восхищались, стремясь превзойти ее, во всей Западной Европе, но она подвергалась критике в Соединенных Штатах и до предела истощила английские резервы.

Экономика с трудом поддавалась восстановлению, система рационирования сохранялась и даже еще более расширилась по сравнению с военным временем, ощущался острый дефицит таких предметов первой необходимости, как уголь.

В 1947 г. внутренние проблемы крайне обострились из-за самой суровой за целое столетие зимы.

Вследствие арктических холодов вся страна оказалась покрыта снегом, экономическая жизнь почти полностью замерла. Британии пришлось просить у США дополнительный заем. Даже такой оптимист, как министр финансов Хью Дэлтон, видел впереди «глубокую тень катастрофы». Этот внутренний кризис способствовал дальнейшему обострению кризиса в британских заморских владениях. В августе 1947 г. Британия добровольно ушла из Индии, а ее отказ от вооруженной борьбы против коммунистов в Греции и Турции в марте 1947 г. вызвал определенные идеологические трения, впрочем как и создание независимого еврейского государства на подмандатной территории Палестины. По этим вопросам в рядах лейбористской партии произошел раскол, и неразрешимые проблемы были переданы на усмотрение Организации Объединенных Наций.

Эти изменения во внешней политике подчеркивали уменьшение роли британского могущества по сравнению с двумя новыми сверхдержавами, однако у Британии еще сохранялись существенные интересы на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Восточной Азии. Более того, упрямые англичане своей ролью в эскалации холодной войны, подчеркиванием «особых отношений» с Соединенными Штатами и укреплением связей с Содружеством демонстрировали, что еще надеются сохранить влияние в международных делах. У Британии было свое собственное атомное оружие, хотя левые и требовали, чтобы страна от него отказалась.

Затем последовали очередные экономические кризисы, а когда в 1949 г. фунт был девальвирован по отношению к доллару с 4,03 до 2,80, упадок британской экономики по сравнению с экономикой США стал совершенно очевидным. И тем не менее, несмотря на американскую критику, реформы лейбористского правительства 1945 г. (в ретроспективе это даже более очевидно, чем тогда) представляли собой замечательное достижение, подчеркивая долгосрочный характер изменений политических отношений в Великобритании.

448 ГЛАВА 11

Восстановление демократии в Западной Европе, 1945-1957

Как и Британия, Франция продолжала демонстрировать внешние признаки сохранения статуса великой державы, обладая местом в Совете Безопасности ООН и собственной империей, однако поражение, оккупация и экономический обвал привели к снижению промышленного производства до одной трети от довоенного уровня, а заморская торговля практически прекратилась. После недолгого правления де Голля, которое завершилось в январе 1946 г., тройственная коалиция коммунистов, социалистов и христианских демократов (в Британии не было христианской демократической партии), приступила к нелегкому сотрудничеству в создании конституционных рамок для новой, Четвертой республики. Однако события нескольких месяцев — экономический паралич, сомнения в истинных намерениях коммунистов и дебаты о конституции (подогреваемые эмоциональными всплесками де Голля) оказались слишком тяжким грузом для «трехпартийности». Члены кабинета из числа коммунистов в мае 1947 г. были внезапно отправлены в отставку премьер-министром социалистом Полем Ренардье, и с 1947 по 1951 г. Франция вновь прошла через череду промежуточных кабинетов во главе с такими фигурами, как Анри Кюи, Жорж Бидо и Рене Плеван. Это напоминало демократию Третьей республики межвоенного периода, хотя христианские демократы во главе с Бидо были новой политической силой.

Несмотря на всю эту неразбериху, расширение сферы государственного управления в экономике и обществе в целом принесло благо значительной части французского народа. Были восстановлены железнодорожная сеть и автомобильная промышленность, а план Монне 1946 г., названный в честь Жана Монне, бывшего старшего чиновника Лиги Наций, контролировавшего теперь реализацию так называемого Плана модернизации и оснащения Франции (*Commissariat de Plan*),

не предусматривал масштабной национализации промышленности, определяя вместо этого цели для ключевых ее отраслей — сталелитейной, электроснабжения и производства цемента. Поддержанный американскими займами, он способствовал развитию вошедшего в моду «планирования» во французской экономике. И хотя кризис французской колониальной империи и напряженность времен холодной войны почти не оставляли надежд на создание во Франции стабильного правительства, примирение с Западной Германией и создание в 1957 г. Европейского экономического сооб-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 449

щества заложили основы французской внутренней и внешней мощи, ставшей столь очевидной в последней четверти XX века.

Положение менее крупных европейских стран после окончания войны заметно разнилось. Швейцарии и Швеции, оставшимся нейтральными во время войны, не нужно было заботиться о восстановлении, в то время как Испания и, в несколько меньших размерах, Португалия, во многом не похожие авторитарные диктатуры, упорно сопротивлялись наступлению демократии и подвергались остракизму до тех пор, пока требования холодной войны не привели к более примирительному отношению к ним Запада. Страны Бенилюкса, опустошенные оккупацией и ставшие полями битв за освобождение, боролись за свое возрождение. Растущая инфляция, потенциальная причина нестабильности в Европе после первой мировой войны, вновь стала реальной угрозой послевоенному восстановлению. Бельгия, обладавшая собственными урановыми запасами в Конго, вышла в лидеры среди бывших оккупированных стран. В октябре 1944 г., еще до освобождения и до того как взорвалась первая атомная бомба, министр финансов Камиль Гютт предпринял радикальную финансовую реформу.

Но были и другие проблемы. Несмотря на успешные инициативы Гютта, Бельгия вскоре стала страдать от конфликтов между франкоязычными валлонами, в руках которых находилась экономическая власть, и проживавших в менее индустриализированных областях фламандцами. Эта проблема стала основой во всей послевоенной истории страны. Экономика Нидерландов не была столь сильной, как экономика Бельгии, однако результаты денежной реформы Гютта были превзойдены реформой Лифтинка в сентябре 1945 г., подкрепленной политикой сдерживания цен и сохранением продуктовых норм. Сельское хозяйство продолжало играть важную роль в экономике Нидерландов и Люксембурга, хотя последний благодаря богатым железорудным запасам обладал мощной сталелитейной промышленностью. Все три страны — Нидерланды, Бельгия и Люксембург — имели выгодное географическое, экономическое и политическое расположение и потому сыграли ключевую роль в укреплении западноевропейского сотрудничества в пятидесятых и шестидесятых годах.

В Италии и Германии — двух побежденных странах, ставших к тому времени органической частью Запада, скорость и глубина демократических преобразований во многом зависели от темпов продвижения союзников и способности фашистского государства противостоять вторжению. «Нормальное» политическое положение восстанавливалось в Южной Италии по мере того, как союзники продвигались на се-

450 ГЛАВА 11

вер, где сохранялись остатки фашистского государства — союзника Германии, подвергшегося немецкой оккупации. В течение всего 1944 г. итальянская политика на юге страдала неопределенностью. Имелись антифашистские партии, каждая из которых находила поддержку у одного из союзников, и они не могли договориться между собой, каким способом лучше всего сформировать правительство и подготовить структурные изменения.

Демократия в Германии впервые дала о себе знать на свободных выборах в баварской деревне Вольмутшуль в 1945 году. В 1948 г. западные зоны Германии созрели для создания Парламентского совета, задачей которого стала подготовка проекта *Grundgesetz* (Основного закона), который должен был оставаться временной конституцией до объединения Германии. Тем временем территории, ранее оккупированные британскими, французскими и американскими войсками, стали именоваться Федеративной Республикой Германия (ФРГ), которая управлялась в соответствии с либеральной демократической конституцией, предполагавшей делегирование обширных прав в решении культурных, образовательных и религиозных вопросов германским землям (*Länder*). Многие из политических партий, которые принимали активное участие в политической жизни до 1933 г., в частности СГТГ, были воссозданы для участия в первых республиканских выборах в августе 1949 года.

В Италии, как и во Франции, при наличии более радикальной конституции, чем у какой-либо иной европейской державы, послевоенная экономика была слаба и кабинеты недолговечны. Сразу после

поражения Италии в войне коммунистическая партия, представлявшая собой значительную силу, играла иную роль, чем коммунистические партии других европейских стран. Ее лидер Пальмиро Тольятти, имевший прочные связи с Москвой, утверждал, что марксистскую революцию невозможно совершить при сохраняющемся присутствии союзников (в частности, американцев, стремившихся манипулировать итальянской политикой с целью сдерживания коммунистов), а также при отсутствии революционного сознания в среде рабочего класса.

Коммунистам пришлось сожалеть о своей ошибке. Политическая обстановка 1943-1944 гг. более не повторилась. Как вспоминал впоследствии лидер КПИ Фаусто Гулло: «Мы находились под впечатлением, что ветер дует в нашу сторону и что невозможное сегодня можно будет сделать завтра». Напуганная «красной угрозой» католическая церковь играла роль в сдерживании коммунистов как до, так и после 1945 года. Ватикан открыто заявил, что ни один католик не может быть коммунистом, и этот тезис воплощался многими представите-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 451

лями церкви в их практической деятельности. Например, кардинал Шустер из Милана требовал от священников не предоставлять отпущения грехов (во время таинства исповеди) лицам, подозреваемым в принадлежности к коммунистам. Поэтому итальянским коммунистам удавалось сохранять политическую власть лишь благодаря политическому союзу с новыми христианскими демократами, что лишало их пролетарского радикализма.

Подъем христианской демократии

Второго июня 1946 г. в Италии выборами в новую конституционную Ассамблею и референдумом по вопросу об установлении в стране республиканского строя началась новая эра демократической политики. Монархия не смогла выжить, однако и референдум, и выборы не продемонстрировали общественного единства, выявив глубину расхождений среди антифашистских партий. Новая республика оказалась расколотой на консервативный монархистский Юг и радикальный республиканский Север. Новая конституция со значительным упором на региональный характер страны в противоположность централизму фашистского государства, была официально провозглашена 1 января 1948 г. Первым премьер-министром стал 62-летний Альчиде де Гаспери, первый католический политик, возглавивший правительство объединенной Италии. После этого в течение большей части XX в. в итальянской политике преобладали христианские демократы.

Христианская демократия стала новой силой в послевоенной политике континентальной Западной Европы, придя на смену прежним правым силам. Отчасти это произошло потому, что в некогда оккупированной нацистами Западной Европе консерваторы и националисты оказались после 1945 г. в затруднительном положении. Многие из них, даже будучи христианами различных исповеданий, сотрудничали или, что еще хуже, присоединялись к фашистскому и нацистскому движениям. Теперь их место заняли представители христианских партий активно участвовавшие в сопротивлении национал-социализму. Их влияние усилилось, когда в послевоенный период церковь обеспечивала помощь перемещенным лицам и бездомным. Утверждение христианской культуры и морали в национальной политике воспринималось многими правыми как лучшее средство для того, чтобы сдержать волну социализма в политической жизни демократической Европы.

Сдвиг влево в политике Восточной Европы, пусть и осуществленной под дулом советского автомата, отразился и на политике Запад-

452 ГЛАВА 11

ной Европы. Например, когда демократия была восстановлена в Норвегии, а затем в Австрии, социалистические партии получили там более 40% голосов. Успехи социалистов во Франции, Италии и Финляндии были менее впечатляющими, что было связано, как мы видели, с популярностью в этих странах коммунистических партий. В целом работа всех левых сил была успешной. Западная Германия стала в этом смысле определенным исключением. Учитывая преобладание после первой мировой войны социал-демократической партии в немецкой политике, многие, особенно ее лидер Курт Шумахер надеялись, что она вновь будет доминировать в политической жизни. Однако в 1949 г. бывший мэр города Кёльна и ветеран центристской политики веймарской эпохи Аденауэр стал канцлером Федеральной Республики и оставался им в течение 14 лет.

Обаяние и политическое мастерство Аденауэра, имевшего прозвище «Старик» (*der Alte*), которому, когда он стал канцлером, исполнилось 73 года, во многом объясняют неожиданный успех только что образованной христианско-демократической партии. Этому же способствовал и «железный занавес», который разделил немецких социалистов и географически отодвинул СПГ от

многих ее сторонников в Восточной Германии. (В отличие от старой католической партии Центра, которая скончалась вместе с Веймарской республикой, новый Христианско-демократический союз (ХДС) стал партией различных вероисповеданий с акцентом на общих ценностях и общей культуре всех христианских религий.) Однако еще важнее была уверенность многих избирателей в том, что церковь предлагает наилучшую защиту против того, что многие считали наибольшей угрозой стабильности и безопасности, — против коммунизма.

Как отмечает один из историков, это было «правлением не святых, а правлением клерикалов»¹. По словам де Гаспери, «именно чувство братства... как движущая сила христианской цивилизации» (на европейской базе) могло уладить конфликт между людьми. И хотя события 1948 г. в Чехословакии подтвердили самые крайние опасения всех христианских демократов, выборы в Западной Европе показали, что к этому времени коммунизм утратил свою опору. В этих условиях 20 послевоенных лет оказались вполне благоприятным временем для церкви в целом и папства в частности. В течение тридцатых годов диктаторы отравляли церковные отношения своим вмешательством (сложные вопросы этого периода религиозной истории вновь были подняты в шестидесятых годах) и нанесли немалый урон репутации официальной церкви во всем мире. Теперь же контраст между «безбожными» государствами Восточной Европы и западными демокра-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 453

тиями обеспечили церкви новый моральный авторитет. Тому же способствовали требования реконструкции и возрождения в консервативный период пятидесятых годов, когда церковные ценности прочно закрепились в сознании граждан.

Защита Западной Европы, 1947-1954

Моральные аспекты стали приниматься в расчет в то время, когда крупнейшие державы Западной Европы начали внимательно рассматривать совместно с Соединенными Штатами вопросы финансовой и экономической помощи, а также вопросы обороны. Такие разные страны, как Греция, Нидерланды, Бельгия, Норвегия, Дания и Турция во время переговоров скорее выступали зрителями, чем участниками, однако и для этих стран, как и для прочих европейских государств, которые не были оккупированы Красной Армией, переход к мирному состоянию оказался связан с проблемой интеграции.

После того как всем стало ясно, что никакого сотрудничества между Востоком и Западом по вопросу о разоружении быть не может, равно как и никакого сотрудничества относительно помощи по плану Маршалла, западноевропейские государства озаботились необходимостью создания формальной оборонной структуры с целью создания безопасного окружения, в котором может проходить процесс восстановления. Британия и Франция не были удовлетворены туманными обязательствами США об оказании помощи в случае возникновения угрозы, как то было предусмотрено доктриной Трумэна. Первым важным шагом в военном сотрудничестве стало заключение в 1948 г. Брюссельского договора между Британией, Францией и Нидерландами. Это было шагом вперед в западноевропейском сотрудничестве, хотя основное положение договора, связанное с устранением возможностей «возобновления Германией агрессивной политики» было явно устаревшим. Ставшая образцовой страной социал-демократии, Швеция также предпринимала определенные усилия с целью заключения аналогичного пакта безопасности между Скандинавскими государствами, однако ее усилия были сведены к нулю, после того как нейтральная Финляндия вышла из переговоров, опасаясь вызвать гнев Советского Союза, а Соединенные Штаты отказались снабжать любой северный союз оружием.

К концу 1948 г. политики Великобритании и Франции настаивали на необходимости создания военного аналога плана Маршалла, и в 1949 г. они получили то, что хотели. В апреле этого года

десять
454 ГЛАВА 11

европейских государств совместно с Соединенными Штатами и Канадой подписали в Вашингтоне договор о создании Организации Североатлантического договора (НАТО). Этими десятью странами были Великобритания, Франция, страны Бенилюкса, Италия, Дания, Норвегия, Исландия и Португалия. В отличие от 1919 г. в США решили, что их национальная безопасность тесно связана с безопасностью Западной Европы, и потому на этот раз сотрудничество между европейскими странами по вопросам обороны и международных отношений осуществлялось при посредничестве и воздействии Соединенных Штатов. Это стало одной из причин того, почему Европа столь медленно утверждала собственное присутствие в международных делах и не скоро выступила с инициативами по построению европейской оборонительной системы, отдельной от

институтов (даже если и связанной с ними), созданных Соединенным Штатами после второй мировой войны.

В 1947 г. американское Центральное разведывательное управление (ЦРУ) сделало вывод, что советская вооруженная угроза Западной Европе не является значимой, однако к 1949 г. советский военный потенциал подвергся переоценке и утвердился шаблонный набор «обязательств» холодной войны, что определило будущую гонку вооружений. НАТО стали называть «броней, а не копьем, щитом, а не мечом», созданными лишь для того, чтобы обеспечить безопасность в период восстановления Западной Европы, и хотя создание этой организации соответствовало принципам Устава ООН, она, в отличие от ООН, имела региональный, а не глобальный характер и пользовалась существенной финансовой поддержкой со стороны Соединенных Штатов. Сенат США принял широкую программу военной помощи Западной Европе за день до того, как пришло сообщение о взрыве первой советской атомной бомбы. Теперь вопрос о наличии и разработке атомного оружия стал во главу угла военного планирования. К 1950 г. американские атомные бомбардировщики были размещены в Британии, а к 1954 г., когда всерьез развернулось военное строительство НАТО, атомные ракеты и артиллерия были размещены по всей территории континентальной Западной Европы.

С началом поступления помощи по плану Маршалла в Европе появился новый стимул к сотрудничеству в области торговли, что выразилось в создании в январе 1948 г. таможенного союза Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Этот крайне удачный пример регионального сотрудничества был вскоре повторен другими европейскими странами — Швеция, Норвегия и Дания создали группу на севере; ходили слухи, что Греция и Турция собираются создать такой же таможенный

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 455

союз в Средиземноморье. Выражалась надежда, что подобные ассоциации будут содействовать внутреннему возрождению и позволят малым государствам Европы иметь более веский голос при определении своей будущей судьбы. В то время как европейские связи становились все крепче при активном участии политиков, не бывших христианскими демократами, вроде бельгийца Поля-Анри Спаака, бывшие «великие» державы Европы разрывали давно установленные имперские связи.

Деколонизация, 1946-1962

Вторая мировая война, ставшая глобальной как по масштабам, так и последствиям, принесла фундаментальные изменения в отношения между колониальными державами Западной Европы и территориями, которыми они управляли. Относительная легкость, с которой Британия и Франция правили морями в XIX в., теперь сменилась их зависимостью от Америки, и, пожалуй, нигде утрата ими былого могущества не была столь очевидной, как в их имперских отношениях. Еще до окончания второй мировой войны в промышленном Манчестере состоялась афро-азиатская конференция, принявшая декларацию, в которой было заявлено: «Мы полны решимости стать свободными... Мы заставим весь мир прислушаться к нам». Среди присутствовавших были будущий премьер-министр и президент Ганы Кваме Нкрума и будущий президент Кении Джомо Кениата. Эта декларация, как и многие ей подобные, отражали идею, широко распространившуюся во время войны: поскольку вторая мировая война является поистине всемирной битвой, она должна иметь всемирные последствия.

Военные конференции союзников сопровождались заявлениями против колониализма, особенно со стороны Соединенных Штатов, которые рассматривали империю в лучшем случае как архаичную форму правления, а в худшем — как нечто явно неэкономичное и деспотичное.

Империя противоречила принципам самоопределения, впервые провозглашенным Вильсоном в Версале и повторенным Рузвельтом в Атлантической хартии в 1941 г. Советский Союз также поощрял борьбу в колониях, которую его послевоенная пропаганда, оглядываясь на Ленина и Троцкого, называла «освободительными войнами». Переход к независимости стал травмой для всех, кто оказался в него вовлечен. В некоторых странах он сопровождался жестоким насилием и беспорядками. Когда 17 августа 1945 г. была провозглашена республика в Голландской Индонезии, голландское правительство не сочло возможным согласиться с этим без целого ряда

456 ГЛАВА 11

оговорок. Лишь в конце лета и начале осени 1949 г. были подписаны соглашения, которые позволили индонезийской независимости в августе 1950 г. стать историческим фактом. К марту 1946 г. британское правительство, скорее добровольно чем под давлением, признало, что Индии должна быть предоставлена полная независимость от Короны. Переход завершился к

августу 1947 г., однако этот процесс вызвал чувство глубокой ненависти между индусами и мусульманами, поскольку возникло два независимых государства — Индия и Пакистан. За ними в январе 1948 г. последовала Бирма, которая предпочла, в отличие от Индии, выйти из Британского Содружества. Территориально ближе к метрополии 18 апреля 1949 г. был принят Акт о Республике Ирландия (это, правда, не было актом «деколонизации*»), однако «Шесть графств» Северной Ирландии остались частью Соединенного королевства. Страны Содружества в Африке «освободились» позднее, обычно путем соглашений, и первым из них стал в 1957 г. Золотой Берег (Гана). В шестидесятые годы процесс деколонизации усилился в Восточной и Западной Африке. Тем временем Южная Африка, где в результате действий состоявшихся в основном из буров правительств была сформулирована и воплощена в жизнь концепция апартеида, вышла в 1961 г. из Британского Содружества.

Подобно Британии, Франция начала сталкиваться с оппозицией своей колониальной политике еще до начала войны, однако официальные лица в Париже не придавали особого значения этим проявлениям протеста, и в 1945 г. освободившаяся от оккупации Франция была твердо намерена сохранить значительные части «заморской Франции» — эти части разбросанной французской империи, в особенности на территории Индокитая и находившегося ближе к дому Алжира. Последовавшие войны стали одними из самых жестоких и долгих войн эпохи деколонизации. В 1945 г. Франция вернулась в Индокитай (оставленный французами и оккупированный японцами во время войны), и очень быстро оказалась вовлеченной в разорительные политические и военные действия, тянувшиеся до 1954 года. В Северном Вьетнаме Хо Ши Мин создал «свободное государство» с сильной коммунистической армией. Эта война, закончившаяся падением Дьенбьенфу в мае 1954 г., стала еще одной вехой в холодной войне. Вскоре в нее втянулись Соединенные Штаты, что имело далеко идущие последствия. Самое худшее для французской метрополии наступило, когда вызов имперскому правлению был брошен в Алжире. Отношение к последнему всегда определялось лозунгом «Алжир — это Франция», он считался неотъемлемой частью республики, «про-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 457

должением самой Франции», и только после десяти лет затяжного конфликта, поставившего под угрозу политическую стабильность континентальной Франции, Алжир 1 июля 1962 г. стал независимым государством². Именно де Голль, вернувшийся к власти в 1958 г., сделал этот переход возможным.

Пути миграции

Процесс деколонизации изменил привычные пути миграции между Европой и остальным миром. В XIX в. европейцы устремлялись (или их вынуждали к этому) из своих стран в поисках процветания и безопасности — и только зажиточные или очень амбициозные осмеливались мечтать о большем на территории земель, колонизованных их государствами. К межвоенному периоду пути миграции изменились, поскольку такие страны, как Америка, ввели в конце XIX в. письменные документы по классификации мигрантов, а красочные рассказы о быстром приобретении за океаном сказочных состояний несколько поблекли. Однако теперь процесс деколонизации вызвал новые потоки мигрантов, на этот раз в Европу — ими были жители, а иногда и администраторы бывших европейских империй, имевшие и реализовавшие право поселиться на исторической родине, культура и ценности которой составляли основу их образования и жизненных устремлений.

Значительная часть французских граждан в Алжире, так называемые «черноногие», которых насчитывалось более миллиона человек, двинулись во Францию после приобретения в 1962 г. Алжиром независимости. На это число вскоре наложился еще один миллион мигрантов, прибывших во Францию из других частей ее бывшей империи. Исторические и культурные связи сыграли свою роль. Это же относится и к языку. Иммигранты из бывших голландских, французских и британских колоний, говорившие по-голландски, по-французски или по-английски, нередко были самыми талантливыми и деятельными представителями своего поколения. Некоторые из них вскоре поняли, что их амбиции и надежды несостоятельны, однако само их присутствие, а также другой, более поздний поток иммигрантов, которые по прибытии могли изъясняться лишь на родном языке, навсегда изменили культурную, политическую и экономическую среду старой Европы. Европейское разнообразие приобрело новый оттенок. Как мы уже писали в 10 главе, первая большая волна послевоенной миграции в Европе была обусловлена политическими соображениями,

когда люди выезжали сами или их к этому принуждали силой коммунистические правительства Восточной Европы. Однако в пятидесятых годах движение европейцев с востока на запад дополнилось новой тенденцией — миграцией из Южной Европы в Северную. Процветавшие страны, такие как Франция, Западная Германия, государства Бенилюкса, а также частные корпорации заключали двусторонние соглашения об импорте рабочих из бедных стран Юга и Востока — Италии, Турции и Португалии. Например, к 1960 г. более миллиона португальцев работало в Европе за пределами своей страны, то есть больше, чем их жило во всех португальских колониях. (Важно при этом иметь в виду, что жители Западной Европы не могли жить и работать в других частях Европы без длительного рассмотрения их обращения, нередко завершавшегося отказом.)

Двусторонние соглашения были взаимно выгодными: более богатые страны получали дешевую рабочую силу, необходимую для их расцветающих экономик, а более бедные регионы Европы частично решали проблему безработицы, наносившую вред таким регионам, как Южная Италия, и получали доход от посылаемых рабочими домой сбережений. Такие неудобные вопросы, как статус этих иммигрантов — были ли те временными рабочими, которым предстояло вернуться домой, или же полноценно оплачиваемыми гражданами, — в течение нескольких десятилетий оставались без внимания, и лишь после 1990 г. дали о себе знать, отплатив полной мерой за проявленное ранее невнимание. Однако даже в шестидесятых и семидесятых годах в некоторых регионах на местном уровне уже наблюдалась определенная напряженность в отношениях с иммигрантами. Естественная для иммигрантов тенденция держаться вместе, характерная, например, для турецких общин, образовавшихся вокруг Кёльна, или алжирских кварталов в Марселе, позволявшая им обмениваться нужной информацией, а также пользоваться социальными, культурными и экономическими возможностями, привела к тому, что споры об иммиграции стали чертой политической жизни в ряде мест еще до того, как эти проблемы приобрели общенациональный масштаб.

Британия в этом смысле стояла особняком. Миграция там в течение этого периода была незначительной по сравнению с Францией или Германией, но иммигранты, в массе своей темнокожие, например выходцы из Карибского региона, говорили на английском, как на своем родном языке, и им предоставлялся не статус временных рабочих, а постоянных граждан. Эта проблема оставалась достаточно специфической даже после того, как были введены (впервые в шестидесятые годы) определенные ограничения.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 459

Две группы европейского населения все же поддерживали старую традицию. Первой были англичане, которые продолжали мигрировать в регионы бывшей империи, особенно в страны Содружества — Австралию, Новую Зеландию, Канаду и Южную Африку, рассчитывая на более высокий жизненный уровень, чем у себя на родине. Даже в Индии в шестидесятых годах проживало больше британцев, чем их там было до провозглашения независимости. Вторую группу составляли европейские евреи, обосновавшиеся в Палестине, которую они считали своей еврейской родиной.

Европа и Ближний Восток, 1945-1968

Зародившаяся за много десятилетий до войны сионистская мечта о воссоздании Израиля приобрела зримые очертания лишь после 1944 года. В период между 1944 и 1948 гг. британская власть на подмандатной территории Палестины рухнула. Отношения были крайне напряжены уже в межвоенный период, теперь же британские власти оказались бессильны перед лицом решительной кампании, начатой сионистскими поселенцами (хотя еврейских поселенцев насчитывалось только 650 тыс. человек, они были гораздо более состоятельными и лучше организованными, чем миллион с четвертью живших там палестинских арабов). Насильственные антибританские акции сионистов вышли далеко за пределы границ Палестины. Осенью 1947 г. подпольная еврейская организация «Иргун Звай Леуми», которую возглавлял один из будущих премьер-министров государства Израиль Менахем Бегин, устроила взрывы бомб на британской базе в Австрии.

Напряжение в регионе еще более усиливалось благодаря гневным обменам посланиями между европейскими правительствами относительно судеб еврейских перемещенных лиц, от которых в Европе открещивались все, пока они не получили столь желаемое для них убежище в Палестине (после 1939 г. англичане запретили еврейскую иммиграцию в Палестину, чтобы обеспечить себе поддержку арабов, жизненно важную для их военных усилий). Эти события, как и информация о

лагерях смерти в оккупированной Европе, склонили общественное мнение во всем мире на сторону евреев, желавших обрести свою родину. До второй мировой войны большинство европейских евреев рассматривало сионизм с его представлениями о том, что евреи должны покинуть места проживания диаспоры и поселиться в еврейском государстве Израиль,

460 ГЛАВА 11

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 461

как экстремистское, непрактичное и, по мнению большинства хасидских раввинов, противоречащее еврейской религии. Но Гитлер изменил все.

В 1947 г. под внутренним и внешним давлением Британия покинула Палестину, и к ноябрю 1947 г. значительное большинство членов ООН согласилось разделить Палестину на два государства.

Пятнадцатого мая 1948 г., в день, когда официально прекратил свое действие британский мандат на Палестину, первый израильский премьер Давид Бен-Гурион провозгласил независимость Израиля, и Израиль родился. Спустя несколько дней пять соседних арабских государств — Египет, Сирия, Ливан, Ирак и Трансиордания — вторглись на территорию нового израильского государства. Однако благодаря поддержке СССР и США Израиль отразил вторжение. Было подписано соглашение о перемирии (ни одна из арабских стран так и не признало Израиль), по которому за Израилем оставалось 80% того, что было подмандатной британской территорией Палестина. (Оставшиеся 20% вошли в Трансиорданию, к тому времени переименованную в Иорданию.) Этот сценарий — нападение арабов, за которым сначала следует мощное сопротивление израильтян, а затем их территориальная экспансия, — будет повторяться вновь и вновь в течение ряда десятилетий.

В то время как палестинцы покидали или изгонялись со своей территории, евреи начали в значительных количествах прибывать туда как из Европы, так и из других частей света.

Иммиграция и;) наиболее преуспевающих стран Западной Европы была довольно незначительной.

В период между 1948 и 1966 гг. в Израиле поселилось 6336 французских евреев, 5140 английских евреев и около 3047 евреев из Греции, правда эти цифры не включают значительное количество евреев, которые выехали в Израиль, но через несколько лет вернулись обратно, поскольку нашли условия жизни в Израиле слишком суровыми. Вопрос о еврейской иммиграции из Восточной Европы оказался более сложным. К пятидесятым годам Израиль рассорился с Советским Союзом, который стремился заручиться в холодной войне поддержкой арабского общественного мнения, в результате чего евреям уже не разрешалось более покидать СССР и страны-сателлиты в Восточной Европе. Но даже в этих условиях страны Восточной Европы, ранее являвшиеся центрами еврейской диаспоры, стали свидетелями отъезда переживших войну евреев. Чехословакия и Болгария потеряли большую часть своего оставшегося еврейского населения — в Болгарии более 33 из 44 тысяч покинули страну в 1948-1949 годах.

Создание Израиля радикально изменило характер отношений на Ближнем Востоке, что напрямую затронуло Европу, а также отношения между Ближним Востоком, США и Советским Союзом.

Хотя большая часть евреев из Западной Европы отвергла предложение переехать в Израиль, многие из них проявили активный интерес к процветанию и безопасности Израиля, стремились воздействовать на ближневосточную политику стран своего проживания. Франция, в частности, пошла по пути установления тесных отношений с Израилем в области обороны, предоставив тому важное оборонное оборудование, например истребители «Мистэр» и «Мираж» — эти отношения были упрочены после иммиграции североафриканских евреев из Алжира во Францию в шестидесятых и семидесятых годах. Западноевропейские народы и государства были связаны с этим регионом и благодаря прежним колониальным отношениям. Свою роль в этом играли не только сентиментальные воспоминания, но и национальные интересы. Арабские народы обладали командными географическими позициями в холодной войне, а также тем ресурсом, от которого зависели процветание и стабильность мировой экономики, в особенности экономики высоко-развитых индустриальных государств — нефтью. В 1950 г. Западная Европа еще могла обеспечить до 80% своих потребностей в энергии, используя уголь и другие твердые виды горючего, тогда как нефти требовалось всего 14%. К 1960 г. эта пропорция уже составляла соответственно 61% и 33%. Дни «угольного капитализма» закончились.

Неспособность арабских стран разгромить Израиль зачастую вызывала внутренние волнения на их территориях. Было ясно, что проблемы, с которыми столкнулась британская подмандатная территория Палестина, став столь уязвимой в 1948 г., — этнические и территориальные споры, нищета и слабое руководство, — затронули и государства, созданные после первой мировой войны. В марте 1949 г. в Сирии произошел военный переворот, в то время как лидеры Ирака и Иордании, относившиеся дружелюбно к «великим державам» Запада, столкнулись с вызовом со

стороны радикальных политических групп, обвинявших их в том, что они являются пособниками империализма, не имеющими интереса и не чувствующими симпатии к своему народу. В конце концов старых лидеров сменили представители нового радикального поколения. Хаотичный распад европейских империй после второй мировой войны оставил еще одно наследие, омрачавшее европейские отношения на Ближнем Востоке. В 1967 г. Египет и Сирия при поддержке

462 ГЛАВА 11

Советского Союза, который зашел так далеко, что даже дал своих пилотов для арабских истребителей, начали новую войну против Израиля. Исходом этого конфликта, получившего наименование «шестидневной войны», стала триумфальная победа Израиля, отразившего нападение агрессоров и расширившего свою территорию. Вначале лидеры Израиля не были намерены оставить за собой «эти оккупированные территории», надеясь использовать их в качестве фишек при проведении переговоров с соседями. Однако от арабов не последовало никаких предложений. Ситуация оставалась неясной, однако война не только превратила Израиль в доминирующую военную державу в регионе. Она также оказала сильное влияние на еврейскую общину Европы. Наблюдая за событиями по телевизору, многие ее представители не могли не прийти к мысли, что могут оказаться свидетелями массового уничтожения евреев, сходного с тем, что в свое время было совершено Гитлером. И потому поддержка государства Израиль, политическая или финансовая, стала определяющим фактором еврейской идентичности во всем мире. Впервые за все время число мигрантов из тех стран Европы, откуда миграция была разрешена, выросло до значительных размеров.

Послевоенный империализм

Некоторые историки утверждают, что европейский империализм пережил деколонизацию благодаря сохранению экономических связей с бывшими владениями, обстановка в которых была благоприятна для богатых стран («неоколониализм»), а также благодаря тому, что многие народы третьего мира сами принимали «западные» формы цивилизации, навязывавшие им традиционные европейские ценности. Наиболее явным наследием прошлого оставались «колониальные» языки, среди которых доминировали английский и французский, особенно среди образованных и власть имущих. Родившийся на Мартинике писатель Франц Фанон в своей книге *Peau noire, Masques blancs* («Черная кожа, белые маски») утверждал, что использование французского языка искажало местную культуру, и называл это «полосатыми нашивками моего разума». С другой стороны, позитивно настроенные критики империализма подчеркивали вклад завоевателей XIX в. в развитие образования и технологии. Например, первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру получил образование в Англии и унаследовал от времен анг-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 463
лийского владычества сравнительно эффективную управленческую структуру.

Новая оценка империализма приводила аналитиков к утверждению, что Советский Союз, аннексируя территории в Восточной Европе, а Соединенные Штаты, используя зависимость Западной Европы и Южной Америки от американской помощи, облачались в имперские одежды старых европейских держав. Некоторые историки утверждали, что американское участие в реконструкции Западной Европы можно приравнять к созданию «империи по приглашению». Вместе с тем в Западной Европе имелись определенные силы, которые прямо содействовали возрождению континента и привели его к самому процветающему периоду в его истории, что резко контрастировало с положением в «советской империи».

Экономические чудеса, 1949-1968

Холодная война, начавшаяся сразу же после второй мировой, оказала огромное влияние на пути возрождения Европы. На этот раз ее восстановление после первоначальных колебаний в 1945-1948 гг. проходило быстро и резко отличалось от положения после 1919 года. К 1952 г. послевоенная реконструкция была в основном завершена. Однако воссоздание утраченных во время войны материальных ценностей не означало окончания процесса восстановления европейской промышленности, как то произошло после первой мировой войны. Скорее это было только началом.

Хотя в странах Западной Европы и в Соединенных Штатах расходились в оценке желания первых достичь небывалого в истории благосостояния — цель, которая не менялась во все воемя доминирования в Европе христианских демократов и консерваторов в пятидесятых годах, — американцам удалось «продать» Западной Европе перспективу беспрецедентного уровня экономического роста при условии, что европейцы согласятся внедрить в свою экономику

основополагающие принципы массового производства, научного управления и производительности труда.

В течение пятидесятих годов основные черты «американизации», которая началась еще в двадцатые годы, широко распространилась по всему континенту. Соединенные Штаты попытались обновить старый мир и в беспрецедентном пропагандистском наступлении преподнесли себя Европе как вдохновляющую модель роста — это отразил британский автор Грэхэм Хаттон в работе «И мы можем процветать»,

464 ГЛАВА 11

опубликованной в 1953 году. Однако, как и в межвоенный период, европейцы взяли от американской модели лишь то, что хотели, отбросив все остальное. Интеллектуалы, особенно во Франции, гневно клеймили потребительство, поп-культуру и язык американцев.

Экономический рост в континентальной Европе, как и в Японии, происходил гораздо более высокими темпами (беспрецедентные 7% в год), чем в самих Соединенных Штатах. Причины, обусловившие этот постоянный рост, до сих пор остаются спорными, однако решающее значение имело возникновение массового рынка потребления, развивавшегося благодаря рекламе и утвердившего более высокий стандарт жизни работающих. Крупные корпорации процветали, зачастую выступая в качестве международной силы. В то же время сохранялись тенденции, характерные для первой половины века — количество фермеров продолжало уменьшаться (в Италии число рабочих, занятых в сельском хозяйстве и рыболовстве, снизилось с 43 до 14%), а количество работников сферы обслуживания резко возросло.

Так называемый социальный консенсус, часто называемый послевоенным урегулированием, который возник в Европе, также способствовал экономическому росту, в частности в Италии, Франции и Германии. Его проявления в разных частях Западной Европы были различными, но обычно он включал в себя проведение социальных реформ и признание прав трудящихся. Это положение резко отличалось от межвоенного. Демократические правительства Западной Европы смогли обеспечить в условиях европейского мира как экономический рост, так и большую степень сотрудничества между работодателями и работниками.

Германия, 1949-1968

Трансформация Германии в этот период, несомненно, стала самым ярким примером «чуда» — *Wirtschaftswunder* (экономическое чудо). В то время как Восточная Германия была превращена в «образцовое» коммунистическое государство, Федеративная Республика Германия стала моделью современной капиталистической либеральной демократии. Под руководством Аденауэра республика — к удовольствию американцев и к разочарованию британской лейбористской партии — отказалась от национализации германской экономики в пользу создания «социального рынка». Благодаря умелым действиям министра экономики Людвига Эрхарда стратегия низкого

налогообло-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 465

жения, стабильности валюты и либеральной торговли принесла свои плоды. В результате республика установила благоприятные торговые отношения со странами Северной и Западной Европы, и в течение нескольких лет Западная Германия с ее возросшим национальным доходом стала главным экспортером промышленных товаров в рамках формирующейся многосторонней торговой системы Запада. Коалиционное правительство во главе с СДП успешно вовлекало промышленные управленческие структуры, в том числе профсоюзы, в национальный переговорный процесс о заработной плате и привлекало рабочих к участию в работе правлений отдельных промышленных предприятий. Рабочие таких ключевых отраслей промышленности, как сталелитейная, получили право на высказывание своего мнения (*Mitbestimmung*) по поводу управления своими предприятиями. В Восточной и Западной Германии, при всем различии режимов, немецкий промышленный рабочий, который подвергался эксплуатации и игнорировался в социальных воззрениях Гитлера, стал центральной фигурой в восстановлении. Однако и в Германии, как и в других частях Европы, несмотря на признание достижений и правильности выбора направления, плоды процветания распределялись отнюдь не равномерно. Скажем, пенсионеры и солдатские вдовы чувствовали себя во время реформ Эрхарда, с их акцентом на роль рабочих и промышленников, гораздо менее комфортно.

Экономический рост Западной Германии обусловил рост спроса на рабочую силу. Первоначально потребность в ней удовлетворяли приблизительно 8 млн рабочих, приехавшие в Германию после окончания войны; к 1961 г. их количество возросло еще на 4 млн, благодаря лицам, перебравшимся из Восточной в Западную Германию до постройки в 1961 г. берлинской стены.

Западная Германия воспользовалась соглашениями о ввозе иностранных рабочих из Италии, Греции, Испании, а позднее Турции и Югославии лишь в конце пятидесятых и шестидесятых годов. К концу шестидесятых годов их количество доходило до 400 тыс. человек в год. Однако эти рабочие, хотя они и пользовались различными государственными пособиями, рассматривались не как полноправные граждане, а как *Gastarbeiter* (сезонные рабочие), которые оставались иностранцами: им следовало вернуться «домой», а не селиться в Германии. Конечно, многие оставались, но только в девяностых годах был поставлен вопрос об их статусе и их интеграции в германское общество.

К шестидесятым годам Германия была втянута в глобальную банковскую и торговую систему и стала серьезным торговым соперником для Британии и Франции и серьезным конкурентом для США. Такие

466 ГЛАВА 11

компании, как «Фольксваген» (автомобили), «Байер» (химические продукты), «Сименс» (электроника) оказались в числе первой десятки транснациональных корпораций. А их успех ознаменовал наконец победу тех немцев, которые агитировали за «интернационалистическую» экономическую политику в межвоенный период, но к чьим идеям тогда не прислушались.

Огромный экономический успех Западной Германии восстановил и чувство доверия к немецкому народу. Законы о пенсиях и сеть социальных услуг продолжали совершенствоваться, безработица в 1961 — 1963 гг. находилась на уровне одного процента. Для завершения этих социальных и экономических преобразований Аденауэр последовал по стопам канцлера Штрэсмана, интегрировав Германию в международное сообщество, став членом НАТО и добившись примирения с Францией.

В 1963 г. Аденауэра сменил Эрхард. Они оба, а также их преемники продолжали использовать стратегию социального рынка. Когда руководитель СДПГ Вилли Брандт, находившийся в изгнании в период нацизма, стал в 1966 г. министром иностранных дел в «большой коалиции» (ХДС/ХСС и СДПГ), то именно внешняя, а не внутренняя политика была изменена коренным образом — Брандт положил начало новой, более примиренческой *Ostpolitik* (политике по отношению к Восточной Европе), которая показала зрелость Западной Германии. Брандт надеялся улучшить отношения между Восточной и Западной Германией серией небольших шагов — комментаторы в ГДР характеризовали их как «агрессию в мягких тапочках». Эту политику он проводил во время своего пребывания на посту канцлера с 1969 по 1974 г., пока его не заставили уйти в отставку после раскрытия факта, что один из его сотрудников является коммунистическим шпионом.

Несмотря на этот и другие шпионские скандалы, население Западной Германии стало воспринимать Восточную Германию в качестве самостоятельного государственного образования. По словам Брандта, существовали «две Германии и одна германская нация» и это признание дало Федеративной Республике новых торговых партнеров в Восточной Европе и более глубокое ощущение политической стабильности и прочности.

Начало Европейского Союза, 1945-1951

В ходе эволюции Европейского Сообщества, как стали позднее называться различные европейские объединения, главным среди которых было Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), возникла важ-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 467

ная структура для обеспечения обязательств Федеральной Республики по отношению ко всей Западной Европе, а не только в отношении немцев и обеспечения их процветания и мира.

Множество различных факторов политического и экономического характера внесли свой вклад в постепенное создание ЕС; его характер определялся международными и внутренними тенденциями, балансом силы, экономической и технической стабильностью. Свой вклад внесли и многие личности. Меры, которые вначале были предприняты государственными деятелями, а затем официальными лицами ЕС, действовавшими в согласии с представителями отдельных государств, интегрировали, хотя бы отчасти, процессы экономического и социального развития Западной Европы, прежде практически независимые от ЕС, служившие теперь укреплению сообщества.

Идея Европейского Союза родилась задолго до 1945 и даже до 1789 г., однако только после первой мировой войны — которая показала реальность европейских отношений, как отношений острого, кровавого конфликта — проблема создания Европейского Союза стала рассматриваться всерьез. Среди зачинателей этого движения были интеллектуал из Центральной Европы венгерский князь

Кунденхове-Калерги и французский министр иностранных дел Аристид Бриан. Во время второй мировой войны Гитлер стремился создать некоторое подобие европейского союза под немецким контролем, и в то же время совместный опыт движения Сопротивления, стремившегося покончить с его властью, в определенной степени содействовал установлению общей европейской идентичности.

Послевоенные дебаты по вопросам европейской интеграции были начаты Уинстоном Черчиллем — тогда лидером оппозиции в Британии. В своей речи в Цюрихе в 1946 г. он предложил создать Совет Европы. Во многом это предложение прозвучало призывным сигналом, как и его речь в Фултоне, в которой был осужден «железный занавес». В обстановке растущей напряженности между сверхдержавами, его предложение было подхвачено теми, кто стремился создать «третью силу» — объединенную Европу, — чтобы противостоять Соединенным Штатам и СССР. В мае 1947 г. в Лондоне Черчилль положил начало «Движению за объединенную Европу», а Франция при поддержке как левых, так и правых создала «Совет за объединенную Европу». Возникло ощущение общеевропейского движения, которое было горячо поддержано на конгрессе в Гааге в мае 1948 г., получив название Генеральных Штатов Европы. Движение набирало силу по мере того, как росло убеждение, что интеграция является путем к процветанию и безопасности и противоядием демону национализма. Более того, этот

16-2444

468 ГЛАВА 11

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 469

подход получил горячую поддержку Соединенных Штатов. Однако за кулисами существовали расхождения между федералистами, считавшими себя главными проводниками европеизма, и националистами. Еще в декабре 1946 г. появился Европейский союз федералистов³.

К пятидесятым годам «европейские» дебаты приобрели несколько иное направление в связи с усилением холодной войны и началом оказания Европе помощи по плану Маршалла.

Предложение Британии, выступавшей за европейскую «третью силу», стало казаться безнадежно нереалистичным перед лицом почти полного банкротства этой страны. Стало очевидно и то, что страны Восточной Европы, которым не было разрешено воспользоваться помощью плана Маршалла, не смогут поддержать британского предложения. Но необходимость создания новых европейских институтов сохранялась, и вслед за Гаагской конференцией 1949 г. Вестминстерским договором был учрежден Совет Европы со штаб-квартирой в Страсбурге. У него имелся комитет министров иностранных дел десяти первоначальных членов (Бельгии, Дании, Франции, Соединенного Королевства, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии и Швеции) с бельгийским аппаратом и назначенным президентом Полем Анри Спааком. Незначительное меньшинство западноевропейских держав выступало за европейскую федерацию с общим парламентом, кабинетом министров и экономической политикой, однако амбиции Совета Европы не заходили так далеко и сосредоточивались на поддержании политических и гражданских прав европейцев.

В 1951 г. столь разные государства, как Британия, Греция и Финляндия, на вопрос о более широком политическом или экономическом европейском союзе дали бы резко отрицательный ответ. Британское лейбористское правительство вскоре потеряло интерес к Европе, поскольку в европейской политике преобладали правительства христианских демократов; имели значение и британские имперские связи, а также постоянные экономические проблемы в стране, которые, как опасались многие, могли обостриться при создании общего рынка. Вместо этого британский министр иностранных дел Эрнест Бевин взял курс на «особые отношения» с Соединенными Штатами. И когда «европейские дебаты» сместились с политических планов создания западноевропейского союза в сторону предложений о расширении европейского экономического сотрудничества, Британия продолжала оставаться в стороне. Напротив, успех Европейского платежного союза (1950) по облегчению конвертируемости валют и создание Экономического союза Бенилюкса (Бельгии, Нидерландов и Люксембурга), целью которого было снятие контроля с 90% товарооборота между

этими тремя странами, четко указывали пути будущего развития. Италия, Франция и страны Бенилюкса, в отличие от Британии и Дании, продолжали сохранять энтузиазм в вопросах европейского сотрудничества — старый лозунг «разделяй и властвуй» уступил место лозунгу «объединяйся и создавай федерацию».

Особенно важными представлялись обязательства Франции в сфере европейского сотрудничества. В противоположность той позиции, которую занимала Франция в ее межвоенной политике по отношению к Германии, теперь она была полна решимости полностью интегрировать

Федеративную Республику в Западную Европу. Инициатива французского правительства была горячо поддержана твердой прозападной политикой Аденауэра и теплой поддержкой со стороны Соединенных Штатов, стремившихся создать сильную объединенную Европу, способную защитить себя и избежать тех неприятностей, с которыми столкнулся континент в межвоенный период. На этом сосредоточился француз Жан Монне. Заручившись поддержкой французского министра иностранных дел Робера Шумана, он предложил в качестве первого шага создать Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), которое занималось бы продуктом, имевшим первостепенное значение для восстановления Западной Европы, и было бы расположено в промышленном сердце Европы — французской провинции Лотарингия и немецкой долине Рура. План Шумана, как был назван этот проект Монне, предлагал привлекательное сочетание потенциальной экономической выгоды с конечной идеей европейской интеграции, основанной на франко-германском сотрудничестве. План получил широкую поддержку за понятие «функционального сотрудничества». Это был прагматический эволюционный подход к сотрудничеству, по которому может пойти интеграция в сфере общего экономического интереса — например, добычи угля.

Официально провозглашенное в 1951 г. ЕОУС получило поддержку шести европейских держав, наиболее приверженных идее европейского политического и экономического сотрудничества, — стран Бенилюкса, Франции, Германии и Италии (самая мощная европейская держава, Британия, сначала отвергла членство, а затем в 1954 г. стала ассоциированным членом). ЕОУС стало важным новаторским инструментом в стимулировании производства угля и стали: выплавка стали увеличилась на 50%, а промышленное производство во время первых пяти лет в странах ЕОУС выросло в два раза больше, чем в Британии. Оно также стало знаменательной вехой в истории Западной Европы, поскольку ЕОУС установило принцип наднационального сотрудничества, при котором участвующие государства уступали

16-

470 ГЛАВА 11

часть своих полномочий, хотя и ограниченных производством и продажей железа, угля и стали, европейскому органу. Был создан суд для разрешения споров между членами организации, а также Ассамблея, которая собиралась в месте нахождения штаб-квартиры Совета Европы — в Страсбурге.

Начиная с 1958-1968 гг. экономическое оздоровление Западной Европы производило сильное впечатление на европейцев, и этот успех помог убедить страны в потенциальных выгодах Содружества. Британия выбрала менее тесное сотрудничество в рамках Европейской ассоциации свободной торговли, созданной в 1960 г. Британией, Данией, Норвегией, Швецией, Швейцарией, Австрией, Португалией, к которым позднее присоединилась Финляндия. К 1960 г. экономика Западной Европы процветала. В одном лишь этом году на Западную Европу приходилось 58% всего мирового товарооборота и две трети всемирного валового продукта. Более того, Западная Европа оставалась и центром всемирной системы безопасности (НАТО) — до середины семидесятых годов, когда напряженность в отношениях сверхдержав стала ослабевать.

Институты холодной войны

В течение пятидесятых и шестидесятых годов как в Восточной, так и в Западной Европе политическая и экономическая обстановка впервые за многие годы стала стабильной, а «горячие войны» за пределами Европы в основном стимулировали экономический рост на Западе⁴. В результате, несмотря на постоянный страх, что «третья мировая война» не за горами, разделение Европы, казалось, было произведено в соответствии с неумолимой логикой, что делало трудным, в частности, если принимать во внимание американскую политику, стирание идеологических различий между коммунистами и не коммунистам и. Это различие получило свое «институциональное» оформление благодаря растущему количеству организаций по обеим сторонам «железного занавеса», призванных координировать экономическую и военную деятельность внутри каждого из блоков. На Востоке это было Коммунистическое информационное бюро (Коминформ), которое истолковывалось Западом как возрожденный Коминтерн, предназначенный содействовать марксистским революциям во всем мире. Западные организации экономического сотрудничества (институты Бреттон Вудса и затем ЕЭС) также способствовали разделению Европы. Именно в ответ на создание и ус-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 471

пешное развитие Западной Европы СССР создал в 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), который был должен обеспечивать экономическую помощь коммунистическим державам.

Конечно, Советский Союз в отличие от США не имел возможности оказывать реальную помощь, поэтому СЭВ в первые годы существования работал в небольших тусклых помещениях в Москве и вместо помощи в основном концентрировал свои усилия на получении репараций из Восточной Германии, Румынии и Болгарии. После смерти Сталина СЭВ был перестроен с целью координации планирования и производства в пределах советского блока как такового, взяв на себя также часть ответственности за военное сотрудничество на Востоке до создания в мае 1955 г. Организации Варшавского договора.

Создание военных организаций, НАТО и его советского эквивалента — Организации Варшавского договора, закрепило формальное разделение Европы на Восток и Запад. Подписанный в год примирения Югославии с Советским Союзом, на волне визита Хрущева в Белград в 1955 г. и его новой внешней политики «сосуществования» с Западом, Варшавский договор в основном подтвердил военный *status quo* в Восточной Европе. Советский Союз продолжал доминировать в обороне своих сателлитов — официально советские войска находились там для того, чтобы предотвратить вторжение империалистического Запада, — и договор стал попыткой интеграции военных командных структур. Договор создал мнимое ощущение законности фактической оккупации Красной Армией* Восточной Европы. По словам венгерского премьер-министра Андраша Хегедюша, его текст, «по крайней мере формально, давал возможность руководству этих стран осуществлять контроль над своими армиями». На территории Албании, Румынии и Болгарии советских войск не было, поскольку их лояльность Советскому Союзу не подвергалась сомнению (однако в 1961 г. Албания вышла из Организации Варшавского договора). Югославия также сама контролировала свои войска.

К 1960 г. метафорический «железный занавес» Черчилля стал пугающе реальным, поскольку культурные и общественные контакты, равно как и дипломатические отношения между Востоком и Западом были заражены подозрительностью и ограничениями холодной войны. Именно в этот период одна женщина удивленно сказала чехословацкому гражданину, только что прилетевшему в Британию: «Я и не

*См. сноску на с. 433.

472 ГЛАВА 11

знала, что это возможно... Я не подозревала, что самолеты могут летать так высоко, что перелетают через "железный занавес"»⁵. Однако если отвлечься от этого сюжета, описанного в рассказе Грэма Грина «Третий человек», на основе которого в 1949 г. был снят фильм британским режиссером Каролом Ридом, холодная война имела целый ряд неожиданных последствий. Она создала «систему» такого порядка, которая максимально увеличила возможность поддержания мира и стабильности и свела к минимуму возможность возникновения войны на европейском континенте.

Франция, 1960-1968

Новый дух сотрудничества в Западной Европе ярче всего проявился во Франции, где ход внутренних событий способствовал франко-германскому примирению. Чередовавшиеся французские правительства отбросили неуверенность, которая характеризовала их поведение в межвоенный период, поддержали западногерманский стиль социального рынка в противовес крупномасштабной национализации промышленности, а французские промышленники и правительственные чиновники начали движение за экспансионистский капитализм. К шестидесятым годам стало ясно, что план Моне способствовал росту французской экономики, которая между 1967 и 1968 гг. достигла небывалых высот — французское производство выросло на 10,4%. Наилучшим показателем вновь обретенного чувства цели и оптимизма стало изменение тенденции, с конца XIX в. подрывавшей уверенность Франции в экономических и внешнеполитических вопросах — в стране стала резко расти рождаемость. В пятидесятых и начале шестидесятых годов прирост населения во Франции составлял 18 новорожденных на 1000 человек; в тридцатые годы их было 14,9. Было трудно свести этот новый курс только к направленной на повышение рождаемости политике французского государства, поскольку она мало отличалась от той, что потерпела неудачу в межвоенный период, когда правительство выпускало плакаты, призывавшие супружеские пары заводить детей, (На одном из самых популярных плакатов было изображено лицо ребенка с подписью «Конечно, я социально-культурное явление».) Истинные причины, объяснявшие нежелание молодых людей, и особенно молодых женщин, иметь детей не были достаточно точно приняты во внимание в государственной

политике. Французское правительство, как и большинство стран Западной Европы, не смогло обеспечить достаточной финансовой поддержки, в частности когда дело шло о заботе о детях. Считалось, что женщины должны вернуться к домашнему очагу, оставив работу после рождения детей. Но большинство французских женщин либо не могли себе позволить, либо же не хотели покидать свою работу. Становилось все более ясно, что экономика нуждается в квалифицированном женском труде. Государству пришлось иметь дело с этой проблемой до самого конца века. В результате страна так и не смогла освободиться от необходимости ввозить рабочих из более бедных регионов Европы, бывших колоний и других частей мира. К началу семидесятых годов Франция заключила соглашения об использовании иммигрантов с Испанией, Португалией, Марокко, Сенегалом, Мавританией, Мали, Берегом Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар) и рядом других стран.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 473

Так же как в Британии и Германии, плоды этого процветания не были распределены равномерно, и потому не следует преувеличивать социального равновесия во Франции и в Европе в целом в течение этого периода. *La France paysanne* (сельская Франция) продолжала приходить в упадок, как и доходы владельцев небольших магазинов или ремесленников. Как и повсюду в Западной Европе, процветающим новым классом стали «кадры» — чиновники или менеджеры среднего звена, которые особенно хорошо чувствовали себя в период экономического бума. Имелись и региональные различия, что заставило отчаявшегося де Голля однажды сказать: «Как можно управлять страной, где производят 265 разных сортов сыра?»

Политическая жизнь во Франции отражала все это в полной мере. Эта ситуация плюс политический кризис, разразившийся из-за колониальной войны в Алжире, привели в 1958 г., спустя 12 лет, к возвращению к власти де Голля. Он взялся за подготовку новой конституции, и новая Пятая республика, созданная им, стала попыткой достижения более высокой степени всеобщей лояльности, путем уменьшения до предела представительства малых или экстремистских партий, и прежде всего демонстрацией того факта, что французское правительство осуществляет контроль над парламентом, а не наоборот. Наиболее значительным стало предоставление в 1962 г. в результате Эвианских соглашений независимости Алжиру. К этому времени цена алжирской самостоятельности дошла до 17 500 убитых французов и более 200 тыс. мусульман.

Президент де Голль настоял и на твердом руководстве французской внешней политикой. В стремлении усилить Францию после потери империи он установил отношения с Россией, Китаем и Восточной Европой и начал развивать так называемую *force de frappe*

(оружие устрашения); независимое ядерное оружие выглядело компенсацией французским военным за утрату колоний. Хотя первоначальной мотивацией де Голля было желание освободить Францию от роли жертвы XX в. и создать образ сильной независимой в международных делах страны, он стремился также связать и европейские (в отличие от британских и американских) интересы в холодной войне. Наиболее сенсационным стало его заявление от 7 марта 1966 г. о том, что, оставаясь в числе подписавших Атлантический пакт, Франция выходит из НАТО. Военный союз пришел в замешательство, особенно возмущались американцы, поскольку в свое время французы вместе с остальными участниками Брюссельского пакта облегченно вздохнули, когда в 1949 г. американцы подписали Атлантический договор. Ирония также состояла и в том, что хотя де Голль претендовал на руководство в отстаивании европейских интересов, штаб НАТО был вынужден переместиться из Фонтенбло в Брюссель и, следовательно, пребывание войск НАТО на французской земле не приветствовалось. Но де Голль был реалистом. Он понимал, что в конечном итоге Европе нужно присутствие США в качестве противовеса Советскому Союзу. Он стремился обеспечить максимальную независимость Франции, не отчуждая себя от Америки, и ему удалось вернуть уважение мира к французской внешней политике, а французскому народу — чувство гордости.

474 ГЛАВА 11

Италия, 1951-1968

В эти же годы Италия пережила свой период экономического чуда. Несмотря на конституционную слабость — между 1945 и 1989 гг. в стране сменилось 48 различных правительств и 18 разных премьеров, — с середины пятидесятых и в шестидесятых годах имел место беспрецедентный экономический рост. В этот период итальянская экономика развивалась быстрее, чем в любой другой крупной стране, в том числе в СССР и Японии, причем особое впечатление производили

итальянские успехи в производстве автомобилей («Фиат», «Пирел-ли»), канцелярского оборудования («Оливетти») и электротехнике. Поражительный подъем итальянской экономики — в пятидесятых—шестидесятых годах годовой прирост составлял в среднем 5,7% — был тем более удивителен, если учесть экономические показатели в первой половине века, а также хронический недостаток сырья и зависимость от импорта продовольствия. Теперь итальянский народ опроверг мнение критиков, которые считали, что экономический рост Италии возможен только на основе использования дешевой рабочей силы, и показал, что он находится в рядах самых трудолюбивых и изобретательных народов Европы.

Как и в других странах Западной Европы, государство играло активную роль в содействии экономическому росту: 20—30% итальянской промышленности находилось в руках государства (в том числе 60% сталелитейного производства). Развивающаяся туристическая индустрия Европы в первый век гражданской авиации также сыграла свою роль в процветании Италии. Однако если заработная плата и жизненные стандарты на севере Италии были похожи на аналогичные показатели в самых богатых странах Европы, бедные сельскохозяйственные регионы Юга становились беднее, а их население пополняло ряды мигрантов. Но отток населения не сказывался на общей численности итальянского населения, которое выросло с 46 млн человек в 1950 г. до почти 50 млн спустя 10 лет (население католической Ирландии за этот же период упало с 2,9 до 2,8 млн),

Британия, 1951-1968

Единственной страной, которой послевоенное восстановление не принесло ощущения процветания и уверенности, была Великобритания. Когда в 1951 г. к власти снова пришли консерваторы во главе с 76-летним премьером Уинстоном Черчиллем, в стране не ожидали больших перемен. Не было и новых обязательств на будущее. В политике не произошло серьезных изменений по сравнению с политикой лейбористского правительства, если не считать попыток денационализации железорудной и сталелитейной промышленности. Прочая часть лейбористской программы национализации, как и неудовлетворительная в целом программа создания государства всеобщего благосостояния, остались нетронутыми. Консерваторы продолжали удерживать власть в своих руках с 1951 по 1964 г. В 1955 г. Черчилля сменил Антони Идеи, которого в свою очередь после кризиса, связанного с Ближним Востоком, сменил Гарольд Макмиллан. Несмотря на утверждение Макмиллана (1951), что «большинству никогда не было так хорошо», поскольку подняли уровень образованности, жилищного строительства и здравоохранения, этот период характеризовался тем, что называли *la maladie anglaise* («английской болезнью») — периодом сомнений, вялого экономического роста (ежегодный прирост был одним из самых низких в Европе и составлял 2,7%) и упадком международного престижа.

476 ГЛАВА 11

Суэцкий кризис 1956 г., который привел к власти Макмиллана, с предельной ясностью продемонстрировал истинное положение Британии во внешней политике. Британские правительства надеялись, что их претензии на «особые отношения» с Соединенными Штатами и их приверженность идее Содружества будут достаточными, чтобы защитить интересы Британии на Ближнем Востоке и ее статус мировой державы. Вместо этого Соединенные Штаты, СССР и оппозиционные партии в стране объединились в осуждении действий Британии и Франции, напавших на Египет Насера (что вызывало сомнительные аналогии с умиротворением «диктаторов» в тридцатых годах). Упадок влияния Джона Булля за рубежом стал очевиден и спровоцировал в 1956 г. падение фунта стерлинга, отставку Идена, а также — после того как Британия решила отказаться от кампании против Египта — к отдалению от нее Франции в критический период существования Европейского Сообщества. Чувство, что страна больна, охватившее Британию в начале шестидесятых годов, совпало с многочисленными скандалами, которые потрясли политическую жизнь, — шпионскими делами Вассала, Филби и Бёрджеса, разоблачением сексуальных походов государственного секретаря по вопросам обороны Джона Профумо (март 1963 г.). Однако наиболее серьезной проблемой оставался медленный экономический рост. Британская экономика страдала от того, что позднее называли экономикой «стоп-вперед» (политика дефляции, после прекращения которой происходил резкий взлет инфляции), что сопровождалось хроническими симптомами избыточных расходов правительства, жизнью в кредит, в том числе регулярными и непредсказуемыми платежными кризисами. Политика правительств не помогала британской экономике, но корни экономических проблем лежали не здесь. Они были гораздо глубже. Британия оказалась в рядах «неудачников» как раз в

результате того, что была самой мощной промышленной державой мира и вышла победительницей в двух мировых войнах, которые расстроили авуары Британии и привели к значительным долгам за рубежом. Даже выгодные прежде географические факторы теперь выглядели как помеха. Остров находился в стороне от центра Европы; значительная плотность населения влекла за собой большие экономические расходы на поддержание эффективной инфраструктуры. В шестидесятых годах самым известным продуктом экспорта Британии сделалась поп-музыка — «Битлз», «Роллинг Стоунз» и «Ху» стали самыми популярными группами за рубежом.

Относительный упадок Британии как мировой державы оказался проблемой, с которой Британии пришлось иметь дело до самого кон-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 477

ца XX века. Историки предлагают различные объяснения этого явления, и горячие споры ведутся по настоящее время. Самое реальное объяснение британских неудач состоит в том, что Британии не удалось обеспечить достаточного инвестирования в послевоенную производственную базу, в низком уровне инвестиций в исследования и развитие по сравнению с другими европейскими державами (а также по сравнению с Японией и США), в негативном влиянии британских профсоюзов на уровень производства, а также в «любительском», неподготовленном персонале британского менеджмента. Некоторые утверждают, что причиной было английское самодовольство. В отличие от многих стран Западной и Восточной Европы Британия не задала себе после второй мировой войны ряда необходимых вопросов. Лишь в шестидесятых годах появились сомнения в целесообразности некоторых институтов, исходившие в основном со стороны радикальных левых кругов. В шестидесятых годах, когда Германия и Италия увеличили свой экспорт в шесть раз быстрее, чем Британия, Гарольд Макмиллан и его лейбористский преемник в качестве премьер-министра, покуривавший трубку йоркширец Гарольд Вильсон с неохотой пришли к выводу, что торговля с Содружеством и членство в Европейской ассоциации свободной торговли не являются достаточной заменой членства в ЕЭС. И даже тогда они встретились с оппозицией по этому вопросу в рядах своих собственных партий.

Возрождение в «малой» Европе

В условиях капиталистического бума промышленные соперники Британии в XIX в. — Франция и Германия — вырвались далеко вперед, хотя в обеих странах радикальные левые были сильнее, чем в Великобритании. Но еще более унижительным для британцев стал беспрецедентный рост в малых государствах Западной Европы — Швеции, Нидерландах, Австрии и Бельгии. По словам бельгийского историка экономики Германа ван дер Вэ, последняя из них, сыграв некогда важную роль на ранней стадии промышленной революции, создала теперь новый стиль смешанной экономики, элементом которого стали консультации между различными «социальными партнерами» — банкирами, организациями предпринимателей, организованной рабочей силой; например, сотрудничество двух последних групп оказалось особенно эффективным при создании атмосферы социального мира, который в немалой степени способствовал восстановлению экономики. Позже Бельгии пришлось столкнуться с тем,

478 ГЛАВА 11

что многим заводам требовалась срочная модернизация, поскольку Бельгия, как и Великобритания, была в авангарде начальной стадии индустриализации в Европе в XIX веке. Ее добывающая промышленность, особенно угольная, была устаревшей и неэффективной. К началу шестидесятых годов бельгийское правительство рьяно занялось модернизацией, правда с неоднозначными результатами.

Австрийская промышленность не отставала от Германии. В Швеции и Нидерландах также имел место значительный рост, в основном за счет экспорта, особенно после того как в 1949 г. возобновилась возможность вывоза в Германию. Важное значение имела и низкая заработная плата, прежде всего в Нидерландах, которая помогла сделать голландские товары конкурентоспособными за рубежом, поддерживать на высоком уровне прибыль и тем самым способствовать высокому уровню инвестиций в нидерландскую экономику. В Испании и Греции продвижение к реальному экономическому прогрессу наметилось в начале шестидесятых годов с развитием индустрии туризма. Солнечное тепло оказалось важным экономическим фактором, хотя социальная цена подобного развития была высокой.

Римский договор и после него

Ободренные успехами своих развивающихся экономик такие наиболее постоянные сторонники укрепления европейского сотрудничества в межвоенный период, как Нидерланды, Бельгия и

Люксембург, предприняли новую решительную попытку в 1955 г., когда министр иностранных дел Нидерландов Йохан Бейен выдвинул довод, что если Европа «шестерки» двинулась к общему рынку посредством таких институтов, как ЕОУС, то почему бы сейчас не обсудить возможность создания европейского общего рынка? В тот же год решение о рассмотрении такой возможности было принято в Мессине на острове Сицилия, хотя шесть государств — членов ЕОУС весьма осторожно продвигались вперед, а Британия наблюдала со стороны, уверенная, что идея общего рынка непременно провалится. Однако к 1957 г. после подписания в Риме ряда договоров шесть государств образовали Европейское сообщество по атомной энергии (Евroatом) и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

ЕЭС родилось 1 января 1958 г. Вначале казалось, что у ЕЭС с его административным центром в Брюсселе — Комиссии с вице-президентами от каждого государства-члена — отсутствует многое из той власти, которой обладало ЕОУС. Однако к 1967 г. ЕЭС, Евroatом

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 479

и ЕОУС слились в единую Европейскую комиссию. Большие страны назначили в нее по два комиссара, малые — по одному, и те по очереди осуществляли руководство аппаратом, который к 1970 г. насчитывал более 15 тыс. человек. Политические и экономические полномочия появлялись у ЕЭС по мере роста. Вскоре оно образовало Европейский суд (с важным указанием, что законы Сообщества имеют «эквивалентное» действие во всех государствах-членах) и избрало Европейский парламент, хотя последний почти не имел средств контроля за действиями Комиссии — например, он не мог уволить того или иного комиссара.

Основной целью создания ЕЭС было учреждение таможенного союза при условии свободной и равной конкуренции среди его членов. Это должно было принести Европе мир и процветание, а тем, кто к этому стремится, более тесный политический союз. Выражалась надежда, что возросшая степень экономического сотрудничества будет содействовать политическому единству в социальной, внешней и оборонной политике государств-членов, однако это остается целью и в XXI веке. Полный таможенный союз был образован к 1968 г., были разработаны меры по защите фермеров — дорогостоящая «общая сельскохозяйственная политика» (ОСП), был достигнут средний рост ВВП в 5% в год и пятикратное увеличение объема торговли между членами ЕЭС.

Находясь под впечатлением этого успеха, Британия, которая вначале отдавала предпочтение более слабым формам европейского сотрудничества, подала в 1961 г. свою первую заявку на вступление в ЕЭС. Однако споры с генералом де Голлем по вопросам оборонной и внешней политики привели к неудаче этой попытки, равно как и попытки 1967 г., сделанной уже при новом правительстве. Один отчаявшийся американский чиновник жаловался в то время, что де Голль — «это самое чертовски несговорчивое человеческое существо, которое когда-либо существовало на земле». Однако в 1968 г. правительство де Голля столкнулось со студенческими волнениями и ушло в отставку. Во время встречи глав государств ЕЭС в Гааге в 1969 г. было принято решение о расширении рамок Сообщества. На следующий год начались детальные переговоры с Британией, Ирландией, Данией и Норвегией. Однако народ Норвегии продолжал отвергать идею о членстве своей страны в ЕЭС, что он подтвердил и позднее — в 1994 и 2002 годах.

Почему изменилось отношение Британии к ЕЭС? Решение подать заявление о вступлении в члены Сообщества подвергло лейбористскую партию не меньшему испытанию, чем консерваторов.

Многие

480 ГЛАВА 11

опасались, что это будет стоить Британии потери рабочих мест, и что христианско-демократическая Европа будет пытаться скомпрометировать британские социалистические инициативы. Однако к 1967 г. стало совершенно очевидно, что не только британская экономика развивается медленнее, чем ее европейские контрагенты, но и что Британское Содружество, в течение длительного времени рассматривавшееся как «альтернатива Европе», переживает кризис в связи с проблемой Родезии, которая впервые в истории привела британское правительство в состояние конфликта по вопросу о независимости с белым населением одной из стран. (Фактически это было первым восстанием британской территории с XVIII века.). Эдвард Хит, ставший лидером консервативной оппозиции после 1964 г., был упорным проевропейцем, так что для Гарольда Вильсона, чувствительного к любой точке зрения, в том числе взглядам деловых кругов, принятие на себя обязательств, связанных со вступлением в ЕЭС, помогло бы перехватить предвыборную инициативу Хита. Имелась и срочная необходимость оказать определенное влияние на политику ЕЭС, в частности на «общую сельскохозяйственную политику», которую

Британия считала неудачной с экономической точки зрения и потенциально угрожавшей интересам британского сельского хозяйства. Наконец, потенциальное участие в ЕЭС Британии горячо приветствовалось Соединенными Штатами, а само вето со стороны де Голля содействовало народному энтузиазму по его преодолению. Необходимо было противостоять французскому *grandeur* («величию»), а это было привычной задачей. В последующие 30 лет другие страны в политически очерченной Западной Европе, особенно на севере (Норвегия, Дания, Финляндия и Швеция) и на востоке (Австрия) переживали ту же проблему — должна ли их экономическая, политическая и социальная судьба быть связана с Европейским Сообществом или им следует оставаться за его пределами.

Испания и Португалия, 1945-1968

В пятидесятых и шестидесятых годах две страны Пиренейского полуострова оставались сравнительно изолированными от Западной Европы. Императивы холодной войны, однако, привели к постепенному оттаиванию, в частности в отношениях Испании с Западной Европой — как благодаря ее стратегическому положению на Средиземноморье, так и страстному антикоммунизму в ее политике. Но оставались подозрительность и неприятие бывшего союзника Гитлера

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 481

генерала Франко. В то время как с окончанием второй мировой войны демократия вернулась в большую часть Западной Европы, Испания и Португалия продолжали находиться под руководством авторитарных правителей в течение всего этого периода. Обеих стран вторая мировая война почти не коснулась, а следовательно, они обошлись без необходимости восстановления после 1945 г. Однако к пятидесятым годам стало ясно, что необходимо провести модернизацию и догнать другие страны Западной Европы, добившиеся столь явных экономических и социальных достижений. Обе страны начали процесс экономической либерализации. За этим быстро последовал экономический рост, что, однако, вскоре привело к политической напряженности, с которой диктаторам, пришедшим к власти в тридцатых годах — Франко в Испании и Салазару в Португалии — становилось все труднее справляться,

С момента победы в гражданской войне 1939 г. режим Франко упорно поддерживал разделение испанцев на победителей и побежденных. Диктатура полагала, что любая форма демократической политики будет означать хаос и распад единства страны. Это было основным принципом образовательной и культурной политики. Франко управлял страной как побежденной территорией. А испанская армия служила инструментом контроля. (Армия не очень успешно с этим справлялась: ее вооружение было устаревшим, а способность защищать страну от внешней угрозы — крайне ограниченной.) Режим также опирался на тюрьмы и концентрационные лагеря для диссидентов, и правые силы опасались, что если это подавление ослабнет, может возобновиться гражданская война.

В гражданскую войну сложилась система попечительства, которая помогала Франко управлять Испанией. Ее составляли различные конкурирующие группы — члены первоначальной партии фалангистов, католики, монархисты, священнослужители, семьи правящего режима, технократы, — которые были объединены в рядах одной партии, называемой *Movimiento* («Движение»). По мере того как в пятидесятых и шестидесятых годах происходил подъем испанской экономики, противоречия между различными группами, входившими в ряды «Движения», значительно обострились. Значительной вехой в экономическом и социальном развитии стали охватившие в 1956 г. всю страну промышленные забастовки и эмоциональные студенческие демонстрации. Чтобы справиться с волной насилия, Франко на следующий год приступил к реализации программы экономической либерализации. Планирование продолжало играть значительную роль. Например, туристическая индустрия многое получила от составлен-

482 ГЛАВА 11

ных правительством планов, включавших в себя снижение налогообложения, лицензии на строительство и правительственные займы. Экономический рост Испании, наряду с ее заявкой на ассоциированное членство в ЕЭС, поданной в 1962 г., заложили мину замедленного действия, поскольку экономические реформы сопровождались крайне слабыми политическими изменениями. Жестокие пытки и убийство в 1963 г. коммуниста Хулиана Гримау показали всем испанцам, а также всему миру репрессивный характер режима. Тогда же возникло сепаратистское движение в Стране басков (территория Северной Испании, которая в течение длительного времени отстаивала свою культурную и языковую идентичность), получившее название ЭТА

{*Euzkadi Ta Azkatasuna* — «Родина и свобода басков»). Успешные нападения ее членов на силы безопасности стали признаком того, что режим Франко уже не является неуязвимым. К началу семидесятых годов диктатура находилась в процессе умирания, хотя репрессивное давление на испанское общество сначала усилилось, пока в 1981 г. не ослабло окончательно.

Подобным же образом развивались события в Португалии. Экономический рост начался в Португалии позднее и был стимулирован только в шестидесятых годах возобновлением активных торговых связей со странами, тогда или раньше входившими в империю, в которую некогда входили Бразилия на Западе, Ангола в Африке, Гоа в Индии, Макао и Восточный Тимор на Дальнем Востоке. Однако экономическая выгода от имперских связей резко снижалась из-за стоимости их сохранения. Португалия вела дорогостоящие колониальные войны, например в Анголе после 1961 года. Важным для развития португальской экономики было и восстановление Западной Европы, что привело к образованию большого рынка для португальских товаров. Решающими для Португалии стали шестидесятые годы. Ежегодный прирост достиг 3%, а доля в экспорте одежды и тканей вскоре превзошла долю таких традиционных статей, как пробка и древесина. Расширение промышленности и урбанизация также повлекли за собой значительные изменения в обществе, прежде консервативном и иерархическом. В прошлом большинство рабочих и фермеров были неграмотными; в сельской местности женщины занимались земледелием, а мужчины искали заработки за рубежом. Однако экономический рост потребовал лучшего образования и большей мобильности рабочей силы, так что постепенно более бедная часть португальского общества ощутила те преимущества, которыми ранее пользовались привилегированные средние и высшие классы. Наиболее заметным показателем социальных перемен стало рождение комплексного ту-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЫ, 1945-1968 483

ризма, что означало открытие португальского общества, до этой поры закрытого. Как и в Испании, правящая олигархия смогла Управлять экономическими и социальными трансформациями лишь до 1974 г., когда и ведущие промышленники, и военные отвернулись от режима, поскольку стремились ускорить модернизацию и либерализацию португальской экономики. В это же время режим отказался от своей измученной войнами империи и направил свое внимание на Европейское экономическое сообщество, с которым, по его мнению, было связано будущее страны.

Примечания

1 *Clark M.* Modern Italy, 1871-1982 (1984, 1990 edn). P. 325.

2 *Beits R F.* France and Decolonisation, 1900-1960 (1991). P. 17.

3 Для изучения послевоенной истории Европы с точки зрения убежденного федералиста см.: *Couzy J.-P.* Les Pionniers de l'Europe Communautaire (1968).

4 *Shuckburgh E.* Aspects of NATO: Political Consultation (1960). P. 1.

5 *Partos G.* The World that Came in from the Cold (1993). P. 25.

Глава 12

На пути к единой Европе, 1968-2002

Холодная война всегда высвечивала степень политического, социального и экономического разделения Европы. Но и через «железный занавес» Европу объединяли общие для всех европейцев чувства и события. На простом человеческом уровне это отражалось в судьбах многих немецких семей по обе стороны искусственной границы. До 1989 г. только жившие на Западе могли посещать членов своих семей на Востоке. С другой стороны, делать это было несравненно сложнее, чем прежде. В обоих государствах социальные ожидания формировались под воздействием того, что они видели и слышали относительно стиля жизни в другой половине страны, в других частях Европы и Соединенных Штатах. Жизнь на рабочем месте определялась региональными и глобальными, а также местными политическими условиями и тенденциями. В то время как коммунистическое государство предпринимало грандиозные усилия для утверждения новой пролетарской культуры, результат этих усилий оставался довольно неопределенным. Сохранялись общие с Западом интересы и влияния.

Таким же образом происходило распространение культуры. Хотя телевизионные приемники впервые появились в тридцатых годах, они начали приобретаться большинством людей только в шестидесятые годы. Для тех в Европе, кто жил недалеко от границы между Востоком и Западом, изображения и звук, отражавшие жизнь людей на Западе, приходили прямо в их дома на Востоке. Поскольку экономика советского типа оказалась неэффективной, особенно в том, что касалось потребностей общества в товарах длительного пользования и модной одежде, привлекательность капитализма западного стиля возрастала.

В семидесятые и восьмидесятые годы имел место ряд попыток восточноевропейских государств преодолеть трудности в осуществлении экономической политики посредством открытия и развития экономических связей с Западной Европой и с такими ведущими экономическими институтами, как Международный валютный фонд, Всемирный банк и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Однако экономические трансформации и их влияние на развитие общества выявляли недостаточную гибкость политических структур в странах с коммунистическими или правыми авторитарными режимами, их неспособность приспособиться к процессу изменений. В Испании, Португалии и Греции, а также в управляемой коммунистами Восточной Европе движения и партии, близкие к власти порой на протяжении 50 и более лет, теперь были отлучены от нее. Однако по сравнению с межвоенным периодом и первыми послевоенными годами политические изменения обычно происходили мирным путем и осуществлялись в направлении парламентской демократии.

В Западной Европе ключевые положения и идеи, определявшие процесс послевоенного восстановления, начали подвергаться сомнению новым поколением, которое представляло себе будущее Европы иным. 1971 год стал свидетелем конца «Бреттон-Вудской системы», а вместе с ней и американского руководства международными финансовыми отношениями. По мере того как конкуренции в финансовых и торговых отношениях Европы с остальным миром возникал новый дух, Европа во все большей степени пробивала себе свой самостоятельный путь в международной экономике. Поскольку внешнеполитические кризисы усложняли политическую и экономическую ситуацию в мире, положения кейнсианской экономики о том, что национальная политика экономического менеджмента может предохранить государства от новой Великой депрессии, подверглись жесткой критике. Самым значительным указателем на то, что Европа проходила через завершение целой эпохи стали два следующих явления — крах коммунизма в Восточной Европе и окончание холодной войны.

«Революции» 1968 года

Если сравнивать политическую стабильность международной системы в послевоенной Европе до начала шестидесятых годов с первыми 45 годами XX в., то она покажется просто удивительной. Однако она основывалась на положениях, которые всегда подвергались сомнениям. Ядерное сдерживание, которое не позволяло холодной войне

486 ГЛАВА 12

превратиться в «горячую», всегда имело своих критиков, количество которых возросло в течение шестидесятых годов. Общую картину усложняли также различные американские и европейские группы, которые часто применяя военную тактику, требовали расширения прав черных (особенно в Соединенных Штатах) и прекращения войны во Вьетнаме. Городские бунты, отчасти вызванные убийством в апреле 1968 г. черного борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга, разразились по обе стороны Атлантики, и тогда же европейские средства массовой информации, которые стали гораздо более влиятельными, чем прежде, пришли к заключению, что войну во Вьетнаме выиграть невозможно. Американские стратеги были поражены массированным наступлением вьетнамских коммунистов в январе 1968 г., и это при том, что Соединенные Штаты сбросили на Вьетнам между 1965 и 1967 гг. больший тоннаж бомб, чем союзники на Европу за все время второй мировой войны.

В мае 1968 г. центрами европейских акций протеста стали университеты. Количество молодых людей, посещающих университеты в Западной Европе, значительно возросло, поскольку наметившаяся в XIX в. тенденция к повышению образовательного уровня заметно усилилась. Теперь все дети посещали начальную школу, многие в той или иной форме получали среднее образование, а в послевоенный период все большую роль стало играть университетское образование. К 1970 г. в европейских университетах обучалось более 4 млн студентов. Их требования определялись местными и общенациональными проблемами, некоторые акции проходили под воздействием событий во Вьетнаме, но главным импульсом для манифестаций послужило расширение сферы высшего образования само по себе. За десять лет перед 1969 г. количество студентов в Западной Германии выросло с 196 тыс. до 376 тыс.; во Франции в тот же период — с 202 тыс. до 615 тысяч. Однако в этих и других странах увеличение количества студентов не обеспечивалось соответствующими инвестициями. Прежнее количество преподавателей должно было обучать корпус студентов, который возрос практически в два раза, а университетские здания, включая студенческие общежития, приходили в упадок. (В Британии та же проблема угрожающе повторилась в девяностых годах, тогда же учреждения высшего

образования всей Европы столкнулись с новыми финансовыми трудностями и проблемами в культурной сфере.)

Произошло столкновение культур, поскольку молодые люди, которых стало гораздо больше (результат послевоенного бума деторождения) и которые представляли более широкие слои населения, чем

НА ПУТИ К ВДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 487

прежде, начали подвергать сомнению основные положения и структуры, на которых покоились якобы независимые институты высшего образования. (Удивительно, но при этом большинство студенческих лидеров происходило из привилегированных средних капиталистических классов, которые они столь страстно осуждали.) Франция была приведена в состояние почти полного паралича в 1968 г., когда студенты, осуждая «иерархические и авторитарные» методы преподавания, присоединились к французским рабочим (которых это не всегда радовало), во время крупнейшей всеобщей стачки в европейской истории — в ней участвовало 9 млн рабочих, и она стоила Франции 15 млн рабочих дней. Де Голль покинул Париж, но сумел пережить кризис, потеряв власть лишь после того, как избиратели отвергли предложенные им конституционные изменения.

Шестьдесят восьмой оказался годом потрясений не только в Париже, но и в Германии, где Франкфурт сделался интеллектуальным центром новой, антикапиталистической критики, основные тезисы которой были сформулированы философами, в том числе проживавшим в США Гербертом Маркузе. Интересно, что характерное для нее выражение «капиталистический военный промышленный комплекс» впервые было применено — в положительном значении — президентом США Эйзенхауэром. Протесты в Германии и Италии включали и террористические акции. В частности, это относилось к немецкой «банде Баадера и Майнхоф», действовавшей как подпольная партизанская организация и протестовавшей, в частности, против американского «империализма» и его немецких пособников. С 1970 по 1972 г. она грабила банки и устраивала взрывы на военных и гражданских объектах.

По ту сторону «железного занавеса», в Чехословакии, протест принял иную форму, поскольку протестующие студенты пользовались поддержкой нового реформаторского руководства во главе с Александром Дубчеком, ставшим в 1967 г. первым секретарем коммунистической партии. Эта временная оттепель, получившая наименование «пражской весны 1968 г.», содействовала расцвету в стране различных форм творческого и политического выражения, неприемлемого для советского руководства в Москве. Двадцатого августа советские части вошли в Чехословакию и заставили создать новое коммунистическое правительство, следовавшее указаниям из Москвы. Жестокое подавление реформаторского коммунизма в Чехословакии в сочетании с событиями в Венгрии за 12 лет до этого, твердо настроили социалистов Западной Европы против советского стиля решения возникавших в семидесятых годах политических и экономических проблем.

488 ГЛАВА 12

Однако и в этот период европейская история не потекла в едином русле. Западное общество мало изменилось после волнений 1968 года. На Востоке их просто подавили. Мало изменились даже университеты, оказавшиеся их центром. Система привилегий и иерархии осталась практически незатронутой. Были проведены определенные «реформы», однако они были ограниченными и противоречивыми. В частности, не были удовлетворены требования расширения доступа в университеты и обеспечения равенства студенткам-женщинам. В 1970 г. женщины все еще составляли всего лишь 23% от общего числа студентов Западной Германии. И хотя в это и последующие десятилетия этот показатель вырос, женщины и представители других так называемых «меньшинств» и в XXI в. все равно недостаточно представлены в высших учебных заведениях, особенно на высших постах в академической и управленческой сфере.

Некоторые из студенческих лидеров 1968 г. вернулись на политическую арену восточной и западной политики в восьмидесятых годах. В 1998 г. они были представлены в социал-демократическом правительстве Герхарда Шредера в Германии. Уже в 1975 г. большинство членов «банды Баадера и Майнхоф» были осуждены и приговорены к заключению в специально построенном тюремном здании Штамхайм, однако мотивировка и методы их деятельности нашли свое отражение у так называемых «красных бригад» в Италии, высшей точкой деятельности которых стало похищение и убийство в 1978 г. бывшего премьер-министра Италии (1963-1968 и 1974-1976) и лидера Христианско-демократической партии Аль-до Моро.

Отрезвляющие семидесятые

В семидесятые годы исчезла всякая уверенность в прочности послевоенного урегулирования.

Когда спустя два года после прихода к власти республиканский президент Никсон девальвировал доллар, стало ясно, что американская экономика столкнулась с трудностями. Статус сверхдержавы дорого обошелся Соединенным Штатам; и Европе, и США следовало ожидать серьезных трудностей. Ухудшение международной экономической конъюнктуры означало резкое падение инвестиций внутри Европы и спроса на европейские продукты. Развилось необычное сочетание инфляции и безработицы («стагфляция»). Снова разразился всеобщий международный кризис, последовавший за началом войны между Египтом, Си-

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 489
рией и Израилем на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. и подтолкнувший арабские народы к сотрудничеству в рамках Организации государств — производителей нефти (ОПЕК) с целью регулирования цен. Последовавшее четырехкратное повышение цен на нефть привело к усилению инфляционного давления, уже оказывавшего воздействие на европейскую экономику. Все это быстро подорвало ее дальнейший рост. Хотя этот экономический кризис и отличался от Великой депрессии тридцатых годов, он также заставил европейские государства обратить внимание на социальные, экономические и политические проблемы.

Некоторые из долгосрочных последствий войны «Судного дня», как называли конфликт 1973 г., ставшей последней войной между арабами и Израилем в XX в., многие годы оказывали воздействие на Европу. Война закончилась блестящей, хотя и дорого обошедшейся победой Израиля (погибло 2500 израильтян против 5 тыс. арабов) и привела к закреплению израильского государства на оккупированных им в 1967 г. территориях. После окончания этой войны арабские государства, окружающие Израиль, поняли, что сионизм не может быть побежден военным путем. Признание этого факта привело Египет к подписанию в 1979 г. договора о мире с Израилем. Этот акт заставил палестинцев почувствовать себя брошенными и изолированными. В новых условиях они развязали террористическую войну против гражданского населения Израиля, организованную Организацией освобождения Палестины (ООП) и ее лидером Ясиром Арафатом.

Чувство изоляции не было долгим. Вскоре началось возрождение ислама, которое подогревалось жаждой социальной справедливости, особенно распространенной среди молодежи, а воинствующая теология стала оружием в руках политической оппозиции — в то самое время, когда резко увеличилось количество проживающих в Западной Европе мусульман, а Советский Союз встревожился влиянием ислама внутри и вне своих границ.

Иранская революция 1979 г. отстранила от власти прозападного шаха Ирана. Это движение вдохновлялось великим аятоллой Рухолой Хомейни, который проживал в изгнании в Париже и в своей книге «Исламское Правительство», опубликованной в 1971 г., утверждал, что высшие представители ученого духовенства должны иметь право на последнее слово в управлении государством. Он сам занял такое положение в Иране, ввел исламское право (*шариат*) и начал священную войну (*джихад*), целью которой было изменение характера отношений в государствах со значительным мусульман-

490 ГЛАВА 12

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 491

ским населением, а также отношений между этими странами и окружающим миром.

Сложившееся положение вызвало серьезную озабоченность, особенно в Соединенных Штатах, где в 1974 г. разразился драматический внутренний кризис. Никсон, которому угрожали импичментом после так называемого Уотергейтского скандала, ушел в отставку. Драматические события происходили и в Европе, в частности падение в Британии кабинета Эдварда Хита, который в 1973 г. ввел Британию в Европейское Сообщество. Он понял, что не может справиться с рабочими волнениями, которые сильнее всего поразили угольную промышленность, традиционную базу воинствующего профсоюзного движения. Экономисты Британии и других стран были согласны в том, что европейские рынки труда стали одними из наиболее «негибких» в мире. Они имели в виду, что благодаря профсоюзам и правам, предоставленным рабочим, стало трудно платить им меньше или, при необходимости, уволить их, когда этого требовали экономические условия — например, конкуренция с компаниями, использующими дешевую рабочую силу за границей. Рост крупных транснациональных корпораций позволял производителям переводить производство из одной страны в другую, то есть осуществлять практику, которую называли «социальным демпингом». Промышленники прибегали к нему во все больших размерах. Государство, стремясь справиться с растущей по спирали стоимостью социального страхования, переложило часть расходов на самих рабочих. Рабочих Западной Европы предупредили, что если они «не проснутся и не придут в чувство», согласившись на различные условия занятости, то их работа очень скоро

перейдет в те части мира, где труд дешевле, а работник более сговорчив. Тем временем государство оплачивало социальные льготы, резко возросшие с 1945 г., и при этом отдавало больше, чем получало от налогообложения бизнеса и получающих зарплату. В результате оно занимало все больше денег, прибегая к этой уловке, чтобы выполнять свои обязательства — и петля инфляции становилась все туже. Рост суммы общественного долга можно терпеть лишь до такой степени, пока не возникает риск окончательного подрыва национальной валюты и экономики страны.

Давление, оказываемое данным процессом, означало конец послевоенного социального урегулирования, которое создало для большинства европейских граждан сравнительно высокий уровень занятости, оплаты и социальных привилегий. Первое время Западная Германия, Нидерланды и Австрия справлялись с этой проблемой лучше Британии и Франции. Хорошие трудовые отношения между работодателями и служащими позволили западногерманскому канцлеру-социалисту Гельмуту Шмидту, который сменил в 1974 г. Вилли Брандта, поддержать требования о повышении зарплаты и контролировать инфляцию вплоть до 1979 и 1980 гг., когда цены на нефть взлетели после революции в Иране и начавшейся год спустя войны между Ираном и Ираком. В Западной Германии и Нидерландах начал стремительно расти уровень безработицы. Количество ищущих работу в этих странах удвоилось.

В Британии после десятилетий довольно неопределенной экономической ситуации политический ландшафт стал более оживленным с падением консервативного премьер-министра Эдварда Хита, потерпевшего поражение на двух всеобщих выборах в одном и том же 1974 году, и неудач двух лейбористских правительств, первое из которых возглавлялось явно уставшим Гарольдом Вильсоном, а второе — Джеймсом Каллаганом. Членство в Европейском Сообществе было одобрено на референдуме 1975 г., первом референдуме в истории Британии, но экономические и социальные проблемы остались, и после «зимы неудовлетворенности» премьер-министром в итоге всеобщих выборов в 1979 г. стала Маргарет Тэтчер, сменившая Хита и в качестве лидера консерваторов.

Необходимость проявления «гибкости» перед лицом наступающих перемен подняла важные вопросы о роли государства и «излишествах» в экономике. Те, кто выступал за «свободную рыночную экономику», а их число в Западной Европе в восьмидесятые годы росло, доказывали, что государству и профсоюзам не следует вмешиваться в деятельность рынка. Цены, доходы и уровень деловой активности должны определяться только желанием людей приобретать и потреблять. Вмешательство правительства или профсоюзов (ранее считавшееся посредничеством) в отношения между работодателями и рабочими, а также между производителями и потребителями рассматривалось в качестве разрушительного фактора, сводящего на нет «отличное функционирование базарной площади». Никакого «социального контракта» не существовало.

Отношения между государствами также изменялись, поскольку начали сниматься ограничения на движение капиталов и товара. (Аналогичные шаги были предприняты в Восточной Европе после 1990 года.) Торговые барьеры в отношениях между европейскими странами были сняты быстрее, чем в отношениях европейских стран с остальным миром. Наиболее эффективным стало увеличение финансовых операций. Например, в 1986 г. ежедневный оборот лондонского рынка доллара и евро, практически не регулируемый властями,

492 ГЛАВА 12

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 493

составлял 300 млрд долл. или около 75 трлн долл. в год. Это в 25 раз превышало оборот всей мировой торговли. Потоки капитала стали преобладать и все более отдаляться от торговых платежей.

Европа стала менять то, что она производила, а также и сам стиль производства. В то время как европейская тяжелая промышленность стремилась приспособиться к сложившемуся положению, в автомобильной промышленности или производстве бытовых товаров стали применяться более изощренные формы, зачастую основанные на робо-технике. Внедрение технологии микрочипов преобразовало само рабочее место, а исследования и разработки стали играть ведущую роль в создании новых продуктов. Отход правительства от экономического управления привел к приватизации. В Британии, например, прежде принадлежавшие государству отрасли промышленности, в том числе железнодорожные перевозки и телекоммуникации были проданы — в некоторых случаях и иностранным владельцам. Не все правительства последовали этому примеру — четкие различия наблюдались между Британией и Францией, — но у всех возникали аналогичные проблемы. Расстояния и месторасположение перестали играть первостепенную роль.

В то же время затянувшиеся экономические трудности обусловили стремление к еще большей европейской экономической и валютной интеграции с целью защиты региона от мировых потрясений. К середине восьмидесятых годов Европейское экономическое сообщество обрело новый вес и количество его членов резко выросло в связи с присоединением новых демократий Южной Европы.

Демократия в Южной Европе, 1975-1986

Экономический кризис семидесятых годов не угрожал всерьез демократии в Западной Европе. В Испании и Португалии после десятилетий авторитарного правления это десятилетие ознаменовалось созданием либеральной демократии. Как мы видели, обе страны преуспевали в шестидесятых, что парадоксальным образом скорее подрывало, чем укрепляло авторитарный режим генерала Франко. В свои последние годы Франко пытался идти навстречу испанским демократам, не предоставляя им реальной власти. После его смерти стало ясно, что посаженный им на трон 37-летний король Хуан Карлос и назначенный премьер-министром Адольфо Суарес ставят своей задачей как можно быстрее сформировать в Испании демократическое правительство. Первые за последние 40 лет демократические выборы состоялись 15 июня 1977 года.

В обстановке царившей эйфории мало кто представлял себе множество будущих проблем. Механизм и само существо демократической политики пришлось вырабатывать почти с нуля. Накануне выборов возникло более трехсот политических партий. Их количество удалось свести к четырем, и избиратели убедительно проголосовали за сторонников проведения умеренной политики. Хаос, который, как постоянно предсказывал Франко, грозил Испании после восстановления демократии, не наступил. Однако более сложной оказалась задача ввести в демократические рамки армию и баскских сепаратистов. В течение четырех лет, с 1977 по 1981 г., продолжались попытки армии и террористов ЭТА подорвать испанскую демократию. Но они не увенчались успехом. Например, в ноябре 1978 г. потерпел фиаско военный переворот, планировавшийся под кодовым названием «операция Галактика» (по названию кафе, где этот план составлялся). Перед этим, однако, начальник гражданской гвардии генерал Хуан Атарес Пенья публично обвинил испанского министра обороны в том, что он «франкмасон, предатель, свинья, трус и шпион». Провалилась и следующая попытка военного переворота в феврале 1981 года. Серьезные проблемы для только что оперившейся испанской демократии создавало и состояние стагнации в результате внутривнутриполитических перемен и изменений в международной обстановке. Ко времени выборов, состоявшихся в феврале 1981 г., демократия в Испании укрепилась. Помимо поддержки, оказанной ведущими промышленниками и финансистами, важную роль сыграла и пресса, которая проявила мужество в защите демократии. Немало сделали и ведущие политики, вместе трудившиеся во имя укрепления демократии, нередко пренебрегая мелкими интересами своих партий, и молодой король, рисковавший жизнью, защищая конституцию. Сторонники проведения демократической политики позволили культурной жизни страны стать более открытой и разнообразной. Книжки на запретные темы, которые ранее не издавались, теперь продавались в магазинах. Стали пользоваться огромной популярностью музыкальные фестивали, куда проникли новые музыкальные стили, уже давно известные в демократической Европе.

Если переход к демократии в Испании осуществлялся сравнительно законным порядком (несмотря на попытки военных переворотов и терроризм ЭТА), в Португалии все произошло иначе. В апреле 1974 г. группа офицеров свергла диктатуру Марселлу Каэтану (который стал преемником Салазара в 1968 г.) и сформировала хунту под председательством генерала Антониу де Спинола. Страна была истощена целой серией войн в Африке, разрушительным ростом цен на нефть и кризи-

494 ГЛАВА 12

сом вокруг земельной собственности в Алентежу. Спинола вскоре утратил власть. Перед лицом воинствующих левых группировок (в том числе коммунистической партии), страна оказалась во многом обязана генералу Антониу Рамалью Эанешу, который, действуя с левых позиций, установил порядок в стране. Португальские политики колебались между левыми и правыми во время проведения бесчисленного количества выборов и образования нестабильных коалиционных правительств в 1976, 1977, 1978 и 1979 годах. Тем не менее страна предприняла решительный шаг в 1976 г., избрав на первых за 50 лет свободных выборах, социалиста Мариу Суареша премьер-министром. Он возглавлял правительство меньшинства при президенте Эанеше. Суареш стал президентом в 1986 г., и затем был переизбран, почти не встретив оппозиции, на второй срок в 1991 г.

Большая часть оставшихся португальских колоний приобрела независимость именно в этот период, причем переход был на удивление мирным, если учесть годы жестокого конфликта, которые этому предшествовали. Однако в Анголе и Мозамбике разразилась гражданская война. В самой Португалии вслед за первыми конституционными изменениями, направленными на уменьшение роли государства в промышленности и сельском хозяйстве, политики сумели наконец найти стабильную, хотя, может быть, менее яркую, среднюю линию, и в 1986 г. Португалия наряду с Испанией вступила в Европейское Сообщество.

Греция, которая вступила в Сообщество за пять лет до этого, переживала период попеременной смены авторитаризма и свободы. После поражения коммунистов в гражданской войне 1946—1949 гг. жесткая избирательная система удерживала их на обочине политической жизни. Хрупкая демократия, в рамках которой противостояли традиционалистские настроения — монархисты и либеральные новаторы, рухнула в 1967 г., когда армейские офицеры, «греческие полковники», организовали переворот. Политическая жизнь замерла, а король Константин отбыл в изгнание. В 1973 г. была провозглашена республика, но неудачная попытка военной хунты увеличить свою популярность, заявив о территориальных притязаниях на Кипр, который в 1960 г. добился независимости от Британии, не только вовлекла Грецию в новый конфликт с Турцией, но и стоила полковникам власти.

Константин Караманлис, бывший премьер-министром до переворота, вернулся из изгнания и снова стал премьер-министром на период с 1974 по 1980 год. Будучи с 1980 по 1985 г. президентом Караманлис открыто заявил о своей основной цели — «европеизировать НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 495

греков», что подразумевало обуздание национализма, столь долго определявшего политическую жизнь в стране. В 1981 г. лидер Всегрече-ского социалистического движения (ПАСОК) Андреас Папандреу стал первым социалистическим премьер-министром. Он потерпел поражение на всеобщих выборах 1989 г., хотя к тому времени ПАСОК создало довольно разветвленную сеть первичных организаций. К концу восьмидесятых годов греческие демократы продемонстрировали действенность своего избирательного лозунга: «Мы относимся к Западу».

Развитие европейских институтов, 1970-1986

К 1973 г., после вступления Британии, Ирландии и Дании, ЕЭС стало «Европой девятки», а с присоединением Испании, Португалии и Греции в 1986 г. превратилось в «Европу двенадцати». Новые члены Сообщества получили значительные выгоды от того политического доверия, тех инвестиций и той помощи, которые последовали за их вступлением. Крупнейшие промышленные державы Западной Европы не рассматривали новых членов как угрозу своему господству, но неизбежно возникали вопросы, касающиеся возможных требований, которые они могли предъявить к «Общей сельскохозяйственной политике» (ОСП). Сектор фермерства был перенасыщен, и когда произошло большое накопление продовольствия и вина, необходимость осуществления ОСП стала довольно спорной. Были подняты и еще более острые вопросы, особенно после 1991 г., когда новые освободившиеся страны Восточной Европы высказали намерение присоединиться к союзу.

Производство и распределение продуктов основного сектора экономики продолжало оставаться источником напряженности внутри Сообщества. Она возникала не только в связи со спорами относительно ОСП, но и по рыболовным квотам и распределению средств Фонда регионального развития. После 1973 г. британское правительство стало одним из главных вкладчиков в общий сундук Сообщества, в то же время получая мало выгод от ОСП. Население не ощутило на себе, что страна получила от членства в Сообществе какие-то положительные результаты, и на протяжении семидесятых и восьмидесятых годов Британия была одним из самых беспокойных его членов. Напряженность возникла также в связи с дискуссией о том, как далеко Сообщество должно распространять свою политическую активность. В 1974 г.

496 ГЛАВА 12
НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 497

Европейский парламент стал избираемым органом, но рассуждения о введении «гражданства Европы» упали на неподготовленную почву. Такова же была судьба разговоров о создании валютного союза и расширении сферы внешней политики Сообщества. Членов Сообщества лишь изредка призывали к координации своей внешней политики. В самом значительном докладе семидесятых годов, посвященном этой проблеме и написанном премьер-министром Бельгии Лео Тин-деманом, отмечалось отсутствие руководства в этой области со стороны Сообщества, однако рекомендации доклада по расширению международных полномочий были такими же спорными, как и ОСП.

К середине семидесятых годов преобладание Западной Германии в Сообществе стало реальностью, которую Франция уже не могла отрицать. Была создана новая франко-германская ось, на этот раз между западногерманским канцлером Гельмутом Шмидтом и французским президентом Валери Жискар д'Эстеном. Оба по образованию были экономистами и, хотя их политика во многом различалась, стремились найти новые пути стабилизации международной экономики после ликвидации Бреттон-Вудской системы. Их усилия столкнулись с сопротивлением, особенно в Британии, где Каллаган высказывал неудовлетворение предложениями по созданию новой европейской валюты (эку) и новой европейской валютной системы (ЕВС). Шмидту и д'Эстену оказывал содействие первый (и единственный) британский председатель Европейской комиссии, бывший лейбористский министр финансов Рой Дженкинс. Когда ЕВС в марте 1979 г. была создана, Британия стала ее формальным членом, но не приняла обязательств об определении стоимости фунта стерлингов в ее рамках. Все это усложняло ситуацию. Тем не менее к началу восьмидесятых годов Сообщество могло похвастаться значительными достижениями. Оно имело сравнимое с США экономическое значение: на его долю приходилась одна пятая всей мировой торговли, а 320 млн граждан его государств входили в число наиболее состоятельных в мире. Экономическая и социальная повестка обсуждаемых вопросов также изменялась по мере роста благосостояния граждан стран Сообщества. В октябре 1972 г. оно решило предпринять действия по проблемам окружающей среды, научным и социальным вопросам, и вскоре эта деятельность приобрела значительные масштабы. Экономические успехи превратили Сообщество в привлекательный и выгодный рынок для Восточной Европы, который со все большим интересом стремились использовать Польша, Венгрия, Румыния и Югославия. Теперь Восточная Европа в поисках экономической поддержки смотрела на Запад, а не на Восток, тогда как западноевропейские страны с углублением отношений в рамках Сообщества продолжали смотреть в основном друг на друга.

Восточная Европа: реформы и упадок, 1968-1989

После 1968 г. недолго просуществовавшие религиозные и политические свободы вновь были погребены под бюрократической машиной, которая именовалась государством сталинского типа. Как и в Советском Союзе, коммунистические партии в Восточной Европе, несмотря на растущее разочарование населения, продолжали удерживать власть, поощряя и используя различные проявления в своих целях социального неравенства. Идеология не соответствовала практике, поскольку некоторые социальные группы, вроде квалифицированных рабочих и «владеющих партийными билетами» представителей интеллигенции, получили определенные привилегии. Во главе социальной иерархии стояла так называемая «номенклатура» — «лояльные коммунисты», составлявшие стержень государства. Эта пирамида привилегий, партийная монополия на власть (поскольку другие партии не были разрешены), идеологический контроль и жесткие правила цензуры средств массовой информации и системы образования затрудняли существование оппозиции, а методы деятельности государства, в основном осуществлявшейся тайным образом, делали участие в ней опасным занятием.

Но постепенно необходимость экономических реформ начала подрывать московские притязания на контроль над Восточной Европой. Симптомы экономического паралича, очевидного в Советском Союзе, стали ощущаться и в европейских соцстранах. Их усугубляло и ухудшение мировой экономической ситуации, что во многом способствовало ослаблению установившегося в послевоенной Западной Европе экономического и социального порядка. С развитием разрядки в семидесятых годах и явной беспомощностью СЭВ Восточная Европа все больше импортировала западные технологии и капитал. Венгрия была лидером этой новой экономической реформы, основанной на так называемом «новом экономическом механизме» и направленной на развитие экономических контактов с Западом. В 1978 г. она стала членом ГАТТ, в 1982 г. присоединилась к Всемирному банку и Международному валютному фонду.

498 ГЛАВА 12

Хотя членство в советском блоке являлось препятствием для торговли и роста, Польша и Румыния также расширили контакты с Западом. К 1974 г. половина торговли Польши и Румынии осуществлялась с западными странами. Только Болгария упорствовала в поддержании прежних экономических отношений с Советским Союзом. Хотя болгарские коммунисты стимулировали торговлю на рынках Ближнего Востока и Средиземноморья, они никогда не ослабляли экономических связей с Россией. В краткосрочных целях эта стратегия себя оправдывала — Болгария

получала предпочтительный допуск к советским кредитам и нефти. Однако в долгосрочной перспективе неконкурентоспособность болгарской промышленности и разрушение окружающей среды решительным образом подрывали власть коммунистической партии в восьмидесятых годах. Новыми трещинами в единстве восточного блока стали этническая напряженность в Югославии и растущее недовольство рабочих в Польше. Югославия была первой и наиболее радикальной страной в своих попытках модифицировать командную экономику, однако к 1975 г. у промышленных предприятий накопилось более 273 млрд динаров неоплаченных счетов и примерно на такую же сумму неоплаченных займов. В 1983 г. МВФ выступил с предложением пересмотра долговых обязательств с целью разрешения колоссальной проблемы югославского долга. Безудержная инфляция и рабочие волнения подогревались этническими трениями между хорватами и сербами, ставшими прелюдией к тому, что вылилось в девяностые годы в гражданскую войну. В 1973 г. хорватские националисты предстали перед судом, а в 1981 г., спустя год после смерти Тито, этнические трения между албанцами и сербами превратили в кипящий котел республику Косово*. Когда в Косово был введен строгий военный контроль, стало ясно, что мечта Тито о единой Югославии скончалась вместе с ним.

Однако первые серьезные политические изменения произошли в коммунистической партии многострадальной Польши. Причины основных экономических недугов в Польше были теми же, что и в Югославии: огромный внешний долг, едва ощутимый рост, растущая инфляция и, пожалуй, самое главное, явное расхождение между великими планами коммунистических правительств улучшить условия жизни рабочих и крестьян и безрадостной действительностью. В 1980 г. манифестации промышленных рабочих были организованы профсоюзом «Солидарность», созданным на верфи им. Ленина в Гданьске и возглавленным Лехом Валенсой. Эти волнения угрожали

* Косово было автономным краем в составе республики Сербия. — *Примеч. ред.*

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 499

коммунистической партии, но не смогли лишить ее с власти. Вместо этого последовал период чрезвычайного положения, введенного генералом Войтехом Ярузельским. Оно было отменено в 1983 г., когда для 35 тыс. политических заключенных была объявлена амнистия. Усиливались требования реформирования экономики, и последовавшие в 1988 г. забастовки, вновь возглавленные «Солидарностью», привели в 1989 г. к легализации этого профсоюза. К этому времени под вопросом оказалась не только судьба коммунизма в Польше, но и выживание коммунистического порядка по всей Восточной Европе и самом Советском Союзе.

Застой и геронтократия в Советском Союзе, 1964-1985

Польский политический философ Лешек Колаковский однажды назвал реформированный коммунизм «жареными снежками» (изменение температуры растворяет саму суть), поскольку если плановая экономика и роль коммунистической партии уменьшаются в ходе реформирования, то сама система перестает быть коммунистической. События в Советском Союзе после падения Хрущева подтверждали точку зрения Колаковского. Даже незначительная реформа отвергалась во имя сохранения *status quo* и укрепления роли в советской жизни военных. В 1964 г. в советском руководстве вновь не было явного преемника. Однако постепенно Брежнев, как и ранее Хрущев, отодвинул всех своих соперников. Будучи на 12 лет моложе Хрущева, он являлся генеральным секретарем Коммунистической партии с 1964 по 1982 г. и президентом Советского Союза с 1977 по 1982 г. — год своей смерти*.

После его избрания генеральным секретарем Политбюро произошло мало изменений. За 18 лет своего лидерства Брежнев удалил только девять персон, в то время как за девять «бурных» лет Хрущева были выведены из Политбюро 24 человека. Брежнев, украинец по рождению**, имел своих людей, например Юрия Андропова, руководителя КГБ с 1967 по 1982 г., который стал его преемником.

При осторожном руководстве Брежнева, которое не принесло радикальных структурных или политических изменений, самым важ-

* Брежнев занимал пост председателя Президиума Верховного Совета; в советских средствах массовой информации при переводе сообщений с иностранных языков его действительно нередко именовали «президент Брежнев». — *Примеч. ред.* ** Уроженец Екатеринославской губернии (Днепропетровской области) — *Примеч. ред.*

*/.17 - 2444

500 ГЛАВА 12

ным результатом развития стал постоянный рост советского военного арсенала — одного из самых значительных военных накоплений мирного времени в XX веке. Все это произошло после того, как Никсон стал первым американским президентом, который во время посещения Пекина в

1972 г. признал коммунистическое правительство Китая, тогда как его государственный секретарь Генри Киссинджер предпринял усилия, чтобы подписать договор об ограничении стратегических вооружений с Советским Союзом (ПРО-1). «Существование» устраивало обе сверхдержавы, которые признавали теперь сферу общих интересов, в том числе в нераспространении ядерного оружия.

Холодная война превратилась в статичную и хорошо проработанную рутину, со случайными авантюрами вроде дорогостоящего вторжения Советского Союза в Афганистан в 1979 г.

Поддержание гонки ядерных вооружений между Востоком и Западом, соперничавших в численном превосходстве в вооружении над противником, стало основным методом продолжения холодной войны, но огромные арсеналы не только накладывали финансовое бремя на режим Брежнева, но означали также, что лелеемая Советским Союзом «буферная зона» в Восточной Европе уже не отвечает советским оборонным потребностям. Западная и Восточная Европа перестали быть центральной ареной противостояния после появления межконтинентальных баллистических ракет (МБР), когда, по крайней мере теоретически, война могла вестись непосредственно друг с другом — СССР мог бомбардировать США без предварительного вторжения в Западную Европу.

В течение восьмидесятых годов США, а затем и СССР уже не испытывали прежней уверенности в эффективности стратегии сдерживания. Рональд Рейган, став президентом, запустил в 1983 г. новую чрезвычайно дорогостоящую программу так называемой Стратегической оборонной инициативы (СОИ), проект, который получил в прессе наименование «звездных войн» после выхода на экран популярной научно-фантастической кинотрилогии — в проекте действительно был элемент научной фантастики. В то же самое время Рейган развязал словесное наступление на Советский Союз, назвав его «империей зла».

Советское недовольство рейгановской СОИ разделялась многими европейскими странами, но только на Советский Союз легло тяжелое экономическое бремя. Укрепление влияния советских военных усиливало внешнюю политику СССР, но проблемы в сельском хозяйстве и промышленности сохранялись. Укрепление советской военной мощи лишь подчёркивало хронический дисбаланс между производством советской тяжелой промышленности и выпуском потребительских товаров.

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 501

Неуклюжие бюрократические и экономические структуры, созданные под предлогом заботы о благосостоянии рабочего класса, продолжали эксплуатировать его в то время, как блага и привилегии сыпались на партийных «аппаратчиков». В конце концов стагнация при Брежневе и ненадолго переживших его преемниках (Андропов умер в 1984 г., Константин Черненко в 1985 г.) начала угрожать СССР не менее, чем неудавшиеся реформы Хрущева. Изменения наступили лишь с избранием в 1985 г. генеральным секретарем Коммунистической партии Михаила Горбачева, когда прежнее одряхлевшее и умирающее руководство было с запозданием заменено представителями давно ожидавшего своей очереди «следующего» поколения. Горбачев родился в 1931 г. и стал членом Политбюро в 1980 году.

Горбачевская «перестройка» и кризис коммунизма

Горбачев был скроен из другого материала, чем его предшественники. Он не помнил периода чисток, и у него сохранилось мало воспоминаний о войне. Он был хорошо образован, был заинтересован в проведении реформ, способным и к тому же молодым. Он гордился достижениями своей страны как сверхдержавы, но с самого начала открыто выражал свою озабоченность тем, что падение советского экономического роста означает, что к 2000 г. страна перестанет ею быть. Его прямота была беспрецедентной. Беспрецедентными были и его объяснения недугов Советского Союза — падение дисциплины, порядка и морали. Это, в свою очередь, позволяло бурно развиваться коррупции, привилегиям, «нарушениям закона, бюрократизму, паразитизму, пьянству, расточительству, потере времени и другим негативным явлениям».

Вначале Горбачев полагал, что возможно просто уничтожить злоупотребления, после чего начнется рост производства. Задача оказалась куда более сложной, хотя в отличие от своих предшественников он не боялся признать свои ошибки. Политика «гласности» поощряла других поступать таким же образом, открыто утверждать, что «наш авторитет не упадет от того, что мы не боимся говорить о наших слабостях и учимся их преодолевать». Стали возможными дискуссии на ранее «закрытые» темы, например о роли женщин, об окружающей среде (особенно после катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции недалеко от Киева 26 апреля 1986 г.), а

также о существовании и уровне преступности.

502 ГЛАВА 12

Вторым русским словом, захватившим воображение европейцев по обе стороны «железного занавеса» стало «перестройка». Однако, хотя Горбачев и начал энергично настаивать на необходимости реформы, серьезных экономических изменений так и не произошло. В конце концов это его и погубило, хотя в 1987 г. он подписал с Рейганом, который был в 1984 г. значительным большинством переизбран президентом США, историческое соглашение о снижении атомных арсеналов на 4% и об уничтожении атомных ракет среднего радиуса действия. Тогда же были реорганизованы экономические министерства, однако экономическая политика, управляемая последним в истории Советского Союза пятилетним планом 1986—1990 гг., все еще продолжала оставаться крайне централизованной и обладала лишь самыми элементарными стимулами повышения производительности труда. На следующий год Политбюро открыто призналось, что экономические трудности гораздо более серьезны, чем можно было ожидать. Эта новость привела к растущей раздробленности в партийных рядах. У «левых», хотя это определение является весьма спорным, существовало мнение, что темп реформ остается слишком медленным; среди них был Борис Ельцин, родившийся в один год с Горбачевым и ставший позднее президентом России и председателем Содружества Независимых Государств. К «правому» крылу принадлежали те, кто разочаровался в реформаторском языке Горбачева, в том числе Егор Лигачев, приступивший к подготовке заговора. В 1988 г. Ельцин выведен из состава Политбюро за откровенную критику Горбачева, тогда как Лигачев стремился сформировать консервативный союз внутри Политбюро, чтобы блокировать проведение Горбачевым реформаторской политики.

Теперь Горбачева критиковали с обеих сторон, и в июне—июле 1988 г. чрезвычайный съезд партии впервые с двадцатых годов стал свидетелем открытых разногласий внутри коммунистической партии. Тем временем продолжение игры с командной экономикой оказывало негативное влияние на экономические показатели, однако только в январе 1989 г. был предложен основной пакет экономических реформ — государственным организациям теперь разрешалось продавать определенную часть своей продукции на открытом рынке, а иностранные компании могли приобретать советские предприятия. Многим гражданам советских республик казалось, что эта реформа не улучшит, а ухудшит их положение — начались перебои в снабжении мясом и молочными продуктами, поскольку работники сельского хозяйства предпочитали теперь трудиться на собственных участках, чтобы продавать свою продукцию со значительной прибылью для себя.

Вероятно, самые большие достижения Горбачева внутри страны были связаны с областью политики: в стране, в истории которой были всего лишь одни демократические выборы (в ноябре 1917 г.), стали возможны свободные выборы. Начало этого процесса обозначили выборы 1989 г. на Съезд народных депутатов. Хотя и не полностью демократический — 750 мест из 2250 были зарезервированы для коммунистической партии и профсоюзов — этот съезд ознаменовал рождение демократии для советских республик и начало конца советского режима. Чтобы компенсировать потерю контроля над съездом, Горбачев создал пост президента, на который был единственной кандидатурой — ограничения в советской политике еще продолжали существовать, — однако этого шага было недостаточно, чтобы обеспечить ему влияние на съезде. В 1990—1991 гг. темп политических изменений в Советском Союзе значительно ускорился.

Поскольку сила и авторитет центральных институтов коммунистической партии уменьшились, Горбачев оказался полностью не подготовленным к требованиям независимости со стороны пятнадцати советских социалистических республик, составлявших Союз. Требования независимости со стороны Эстонии, Латвии и Литвы, поглощенных Советским Союзом в период второй мировой войны, можно было предвидеть, но в долгосрочной перспективе стало более настораживающим стремление к свободе, выраженное такими государствами, как Украина, Грузия (министром иностранных дел Горбачева был грузин Эдуард Шеварднадзе) и Азербайджан. В последней из этих республик вскоре разразился острый конфликт, поскольку армянская община азербайджанской области Нагорный Карабах желала быть включенной в состав советской республики Армения. (Эта борьба стала предзнаменованием более жестокой и долгой войны за независимость, которую начали вести в девяностых годах исламские бойцы, представлявшие мусульманское население Чечни.)

Горбачеву нечем было ответить на этнические и языковые проблемы, созданные его реформами.

Его подход к этим вопросам привел лишь к дальнейшему отчуждению от него как консервативных, так и либеральных политиков. В августе 1991 г. предпринятая «правыми» элементами попытка переворота не привела к подъему авторитета и популярности Горбачева в распадающемся СССР, и его спасло только вмешательство Ельцина. Восстановленный на короткий срок, он ушел в отставку на Рождество 1991 г., а на следующий день советский

V 17-2444

504 ГЛАВА 12

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 505

парламент объявил о роспуске Советского Союза. Ельцин пошел дальше и учредил новую децентрализованную конфедерацию независимых государств (СНГ). Исчез также и СЭВ.

«Революции» в Восточной Европе, 1989 год

Историк Пол Кеннеди нашел благодарную аудиторию как на Востоке, так и на Западе для своей теории «имперского перенапряжения», которая состоит в том, что избыточное рассредоточение национальных ресурсов за рубежом подталкивает растворение «империи» и внутренний упадок¹. Однако, чтобы понять последовательность событий 1989 г., необходимо принимать во внимание тот факт, что стремление к изменениям охватило все страны советского блока в Восточной Европе, как это произошло и в самом Советском Союзе. Марионеточные правительства начали исчезать с удивительной легкостью и быстротой, что сразу же отражалось в прессе и на телевизионном экране. Стало ясно, что Кремль пришел к сознательному решению предоставить событиям развиваться своим путем и не вмешиваться. Для населения Восточного Берлина, который тепло приветствовал мужественное решение Горбачева, это стало освобождением. Эрих Хонеккер, руководитель коммунистической партии, был смещен, а после массового исхода жителей Восточной Германии в Западную (через Венгрию) 9 ноября 1989 г. рухнула и берлинская стена.

Весь блок мирно распался в 1989 г. Как заявил представитель советского министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, СССР в своих отношениях с Восточной Европой последовал «доктрине Сина-тры». Теперь его союзникам следовало находить «собственные решения» своих проблем. Коммунистические партии, поддерживаемые Горбачевым, с 1988 по ноябрь 1989 г. делали честные попытки осуществить внутренние реформы, однако вскоре их постигла судьба Горбачева. Чувство страха, навязанное Сталиным, исчезло, и в октябре 1989 г. Советский Союз официально осудил «доктрину Брежнева», которая использовалась для оправдания советского вторжения в другие коммунистические страны в качестве «братского» жеста солидарности. Все это означало конец холодной войны и советского господства над Восточной Европой. Организация Варшавского договора была распущена 1 июля 1991 года.

Коммунистические партии Восточной Европы, в частности Восточной Германии, сдавали свою власть с удивительной легкостью. Этому способствовала не только нейтральная позиция Советского Союза,

но и широкое разочарование в «моральных» и «экономических» основах коммунизма. Ревнивые глаза внимательно следили за экономическими успехами западноевропейских государств, в Центральной Европе коммунистическое правление было решительно отвергнуто, и там утвердились правоцентристские правительства. В Чехословакии произошло то, что потом было названо «бархатной революцией». Однако южнее, в Румынии и Болгарии, переход не был ни окончательным, ни мирным. В Румынии, которая прежде отказывалась быть верным советским сателлитом, пало более 1000 жертв, когда тайная полиция президента Николае Чаушеску предприняла жестокую попытку спасения режима. К своему удивлению, Чаушеску и его жена были свергнуты в результате «рождественской» революции, которую можно было наблюдать на телевизионных экранах Запада благодаря передачам югославской телевизионной станции. В Болгарии Тодора Живкова, который был президентом с 1971 г., сместил его министр иностранных дел Петр Младенов.

После трудных переговоров Москва была вынуждена отказаться и от контроля над бывшими прибалтийскими государствами — Эстонией, Литвой и Латвией, поглощенных Советским Союзом в 1940 г.

Вспышки этнического насилия и до 1989 г. происходили в таких советских республиках, как Казахстан (декабрь 1986 г.), Армения, Азербайджан и Грузия (все в 1987 г.). Теперь эти случаи участились. Руки развязались как у старых, так и у новых сил.

В 1987 г. Горбачев начал говорить об «общем европейском доме», о единой культурной и исторической общности «от Атлантики до Урала» (примерно те же чувства отразились в одной из записок, прибитых к берлинской стене в 1989 г.: «Сталин мертв, Европа жива»). Однако после

1989-го, перед лицом экономических сдвигов, политических проблем, вновь проснувшихся этнических противоречий и международной нестабильности европейское сотрудничество как на Востоке, так и на Западе стало делаться все более напряженным. Многим показалось, что «жареные снежки» выпрыгнули со сковородки прямо в пламя.

Западная Европа, 1979-1992

Волнения, связанные с прочностью существующих экономических, социальных и политических структур, не ограничились в восьмидесятых и начале девяностых годов только Восточной Европой и СССР. В начале этого периода перспективы Западной Европы не казались

506 ГЛАВА 12

радужными, особенно когда в связи с революцией в Иране и ирано-иракской войной подскочили цены на нефть, вновь открывая путь к инфляции и глубокому спаду. Когда Япония и страны Тихоокеанского бассейна перехватили лидерство в обеспечении мировых потребностей в новых электронных товарах, возникла угроза для европейской тяжелой промышленности. Франция была увлечена новой электроникой, Германия получила от нее немалые выгоды, однако в Британии реальный уровень промышленного мастерства и требования высокотехнологичного производства сочетались плохо. Производительность труда оставалась относительно низкой. Традиционная тяжелая промышленность Европы нуждалась в адаптации, особенно в таких отраслях, как автомобилестроение и производство бытовых товаров, где сборочные линии приобретали все более сложный характер и были зачастую основаны на применении роботов; потребность в «гибкости» ставила важные проблемы «избыточной» рабочей силы и роли государства в экономике. Теории свободного рынка и монетаризма (правительственное вмешательство сводилось к минимуму, в то время как вложение денег в экономику поощрялось и становилось определяющим фактором) стали оказывать мощное влияние на экономическую политику правительств консерваторов и христианских демократов, чьей первостепенной задачей стала борьба с инфляцией. В Британии, где после 1979 г. наиболее радикально осуществлялась монетаристская политика, от таких целей, как обеспечение полной занятости, попросту отказались. В Германии, которая тоже не избежала экономических трудностей в 1982 г., Шмидт сменил Гельмут Коль. И он, и Маргарет Тэтчер победили и на последующих выборах — Тэтчер в 1983 г.; коалиция центра и правых сил под руководством канцлера Гельмута Коля — в 1986 г. На долю Коля выпало объединение Восточной и Западной Германии в 1990 г.

Только во Франции левым удалось достичь значительного успеха, добившись избрания Франсуа Миттерана первым президентом-социалистом Пятой республики. Правда, его претензии на исключительную роль в социалистическом движении, равно как и его символическая роль в освобождении Парижа в 1944 г., когда он возглавил вооруженное нападение на Генеральный комиссариат военнопленных, не очень вязались с его сельским католическим и консервативным образованием и связями с режимом Виши. Но он был прежде всего превосходным политиком, в течение своей политической карьеры (охватывавшей период с 1947 по 1995 г.), четыре раза боровшимся за президентский пост и двадцать три раза — за другие должности на общенациональном и местном уровне. Благодаря своему пере-

НА ПУТИ К ВДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 507

избранию в 1988 г. он находился у власти 14 лет — рекорд в истории современной Франции. В своих мемуарах Миттеран называл себя человеком прошлого, совершившим «огромное усилие, чтобы шагнуть в настоящее». Но его политическая карьера характеризовалась отсутствием четкой направленности и стремлением в первую очередь к политической власти, чем к отстаиванию идеологических позиций (это сочеталось, однако, с большим личным мужеством), что во многом сделало его человеком восьмидесятых годов.

Политика Испании при Фелипе Гонсалесе и Греции при Андреасе Папандреу были более социалистическими по своему характеру, однако по сравнению с социалистическими правительствами более ранних периодов европейской истории, они претерпели мало радикальных изменений. Сдерживающим фактором были экономические условия. К 1986 г. отмечалась определенная степень экономического оживления во всех странах, как в тех, где у власти были социалисты, так и в тех, где правили консерваторы, но оно было обусловлено не столько правительственной политикой, сколько расходами на перевооружение в Соединенных Штатах, где при Рейгане наметился значительный дефицит. В связи с финансовыми перегруппировками и слияниями корпораций рос уровень торговли.

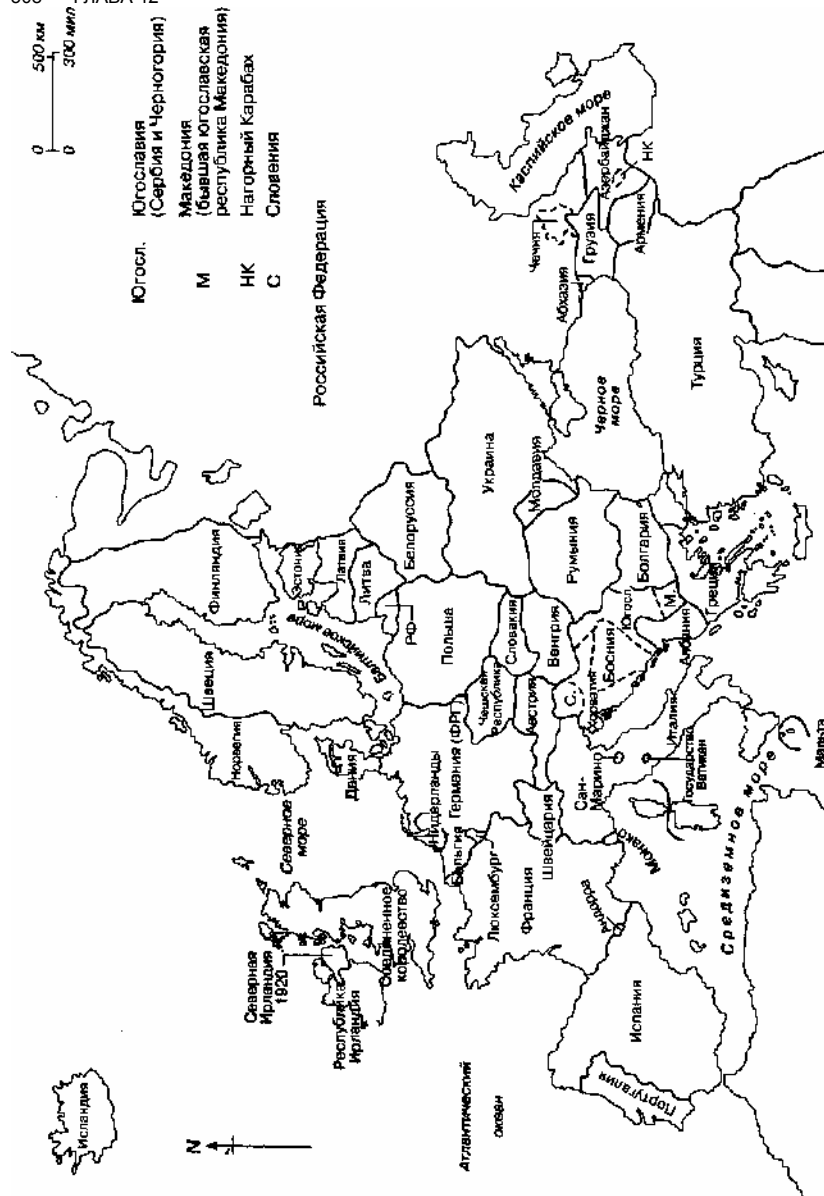
Имелись и другие причины, объясняющие факт, что политика, по сравнению с предыдущими десятилетиями, уже не была главной силой, определяющей развитие европейского общества.

Новым модным термином стала «глобализация» всемирной экономики, при которой транснациональные корпорации становились все менее регулируемыми, опираясь на информационные технологии, которые, выходя за «традиционные» национальные рамки, бросали вызов контролю государства за национальным развитием.

Экономическая и технологическая трансформация Европы. С 1989 года по настоящее время

После драматических событий 1989 года судьбы Восточной и Западной Европы, хотя и подвергавшихся мощному воздействию новых технологий, во многом разнились. Хотя Западная Европа имела дело с жесточайшей конкуренцией со стороны Соединенных Штатов Америки и государств Дальнего Востока (впрочем, экономический крах последнего в 1997 г. предоставил некоторую передышку), жизнь восточноевропейских стран была несравненно более трудной. Политическое освобождение повлекло за собой конец плановой экономики,

508 ГЛАВА 12

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 509

однако первоначальные надежды, что быстрое и резкое проявление сил рынка - так называемая «шоковая терапия» - поможет быстрому переходу к рыночному капитализму, вскоре показали свою несостоятельность.

Когда в 1989 г. закончилась холодная война, казалось, что Европа преобразилась. Однако многие из проблем и задач, с которыми теперь столкнулась Европа, явились, во-первых, продолжением тех самых конфликтов, от которых она страдала последние 50 лет, и, во-вторых, зависели от того чем те заканчивались. Россия, например, боролась за переход к рыночной экономике и демократии. Но экономика, не получавшая помощи, аналогичной плану Маршалла, развязала силы, например

организованную преступность, которые затрудняли экономическое развитие и углубляли социальную несправедливость. Во всем регионе резко сократилось производство. В России между 1989 и 1995 гг. оно упало почти на 40%, в Болгарии и Румынии на более чем 30%, в Венгрии и Польше - на 18%. Большинство людей ощутили резкое снижение жизненного уровня, поскольку исчезли положительные черты коммунистической системы - обеспечение охраны здоровья и образования. Пострадали музеи и выставки, а также издательское дело. Более того, разрушение окружающей среды, ставшее следствием поспешной и грубой индустриализации, теперь были видны каждому. Экологическая группа «Гринпис» сообщала, что рыба, пойманная в Балтийском море, настолько загрязнена, что местные жители говорят: «она даже выглядит, будто ее уже сварили». В 1990 году 71% польской питьевой воды был негодным для потребления человеком. Несмотря на финансовую помощь со стороны МВФ и целые полчища экономических советников, которые свалились на столицы Восточной Европы, рецептов по быстрому исправлению положения не было. Регион должен был перейти от производства товаров тяжелой промышленности, которые были никому не нужны (что было сравнительно легко сделать), к созданию новых ориентированных на потребителя производств и индустрии обслуживания (что было куда более сложной задачей).

В российской политической жизни личности играли более значимую роль чем новые - и еще сохранившаяся коммунистическая - партии. Девяностые годы прошли под знаком Бориса Ельцина одаренного, но весьма неуравновешенного политика, которого в 1999 г., после развала российской финансовой системы и начала экономического хаоса, сменил бывший офицер КГБ Владимир Путин, до тех пор мало известный за рубежом. В частном порядке многие европейские лидеры выражали обеспокоенность его прошлой принадлежностью к КГБ его сравнительной молодостью, а также тем фактом, что он

510 ГЛАВА 12

пришел в связи с жестокой этнической войной в Чечне. Однако вместо того чтобы оспаривать его претензии на звание демократа, подход Запада оказался более прагматичным. Путин посетил все западные столицы и принял участие в ряде совместных проектов. Ввиду центрального положения, которое Россия занимает в сердце евразийского континента, ее мощного ядерного арсенала, а также огромных сумм, одолженных региону западными банками и финансовыми институтами, страна продолжала играть ключевую роль в европейской истории. Однако высказывались серьезные сомнения относительно Украины, внутренне разделенной на Восток и на Запад и управляемой авторитарными методами, а также Белоруссии, во главе которой оставался коммунистический президент*,

В Болгарии и Румынии политические ограничения привели к тому, что приватизация в экономике и демократические нововведения осуществлялись в более замедленном темпе, чем в Венгрии, Польше и Словении, однако само по себе это порой даже способствовало росту. К 1995 г. производство в последних трех странах вернулось к уровню 1989 г., а в последующие годы продолжало расти. Решающими стали связи с экономикой Западной Европы, особенно Германии, Франции, Италии, Австрии и Скандинавии. Были восстановлены некогда разорванные торговые отношения. Эти старые связи, например, сыграли значительную роль в успехах Словении, самой «западной», самой не разрушенной и самой преуспевающей из бывших республик Югославии. Эта страна активно использовала свои контакты с соседними Австрией, Венгрией и Италией, а экономические успехи помогли Словении создать стабильную многопартийную политическую систему, вызывавшую зависть всего региона.

Словения оказалась на обочине конфликтов в бывших коммунистических республиках Югославии, которые имели глубокие последствия для отношений внутри и между европейскими странами как на Западе, так и на Востоке, ощутимые даже спустя десять лет после окончания самой войны. В сентябре 1990 г. резко усилилась напряженность в отношениях между конкурирующими этническими группами Югославии, сохранявшаяся и после 1945 г., но малозаметная на протяжении нескольких десятилетий. Она оказала воздействие на всю Европу — во многом так же, как и в период накануне 1914 года.

Югославия начала распадаться на части, когда в сентябре 1990 г. словенцы, а спустя несколько месяцев и хорваты, заявили о своей не-

* Имеется в виду А.Г. Лукашенко. — *Примеч. ред.*

НА ПУТИ К ВДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 511

зависимости. Преобладавшая сербская этническая группа отказалась признать этот факт и прибегла к военной силе в попытке сохранить целостность страны. Стремление к независимости от югославской федерации было заразительным, и в феврале 1992 г. мусульмане и хорваты, жившие в югославской республике Босния—Герцеговина, проголосовали в пользу независимости (при этом боснийские сербы, составлявшие более 36% избирателей, бойкотировали голосование).

В 1998—1999 гг. этнические столкновения охватили провинцию Косово*, а в 1997 г. кризис имел место и в Албании.

Результатом стала кровавая война, в которой народы бывшей Югославии понесли кошмарные потери. Погибло более 100 тыс. человек, около 3,5 млн людей были вынуждены сменить место жительства, были разрушены дома, разорены крестьянские хозяйства и фабрики. Вновь стали реальностью концентрационные лагеря и «перемещенные лица», которых в последний раз в Европе видели в сороковых годах. Огромное беспокойство вызвали планомерные и хорошо организованные усилия по «этнической чистке». Так звучал новый термин, обозначающий старую практику удаления всеми возможными методами лиц, не принадлежащих к этнической группе, контролирующей данный участок территории. Особенно страдали женщины. Это напоминало даже не две мировые войны, а Тридцатилетнюю войну XVII века.

Новые проблемы возникли и у ведущих стран Запада. Итальянскую политику потрясли коррупционные скандалы середины девяностых годов, означавшие полную дискредитацию ключевых фигур и политических партий, особенно христианских демократов, доминировавших в политической жизни страны с 1945 года. Были дискредитированы и социалисты, которые выдвинули первого в Италии социалистического премьер-министра Беттино Кракси, возглавлявшего правящую коалицию между 1983 и 1987 гг. (при котором, кстати, состояние итальянской экономики несколько улучшилось).

Самой выдающейся фигурой в европейской политике стал немецкий канцлер Коль, который оставался у власти до 1998 г., то есть еще девять лет после отставки Маргарет Тэтчер, но и он был дискредитирован своим отказом раскрыть все детали финансирования христианских демократов. Преемник Тэтчер Джон Мейджор, стоявший во главе глубоко расколотой партии и выигравший всеобщие выборы в 1995 г., потерпел решительное поражение на вторых всеобщих выборах два года спустя, когда пресса подвергла критике не его руководство партией, а то, что позднее стало известно как «убожество».

¹ См. сноску на с. 498. — *Примеч. ред.*

К концу девяностых годов в западноевропейской политике стали отчетливо прослеживаться две тенденции: приход к власти левоцентристских партий и подъем «крайне правых». К 1998 г. «Большой четверкой» Западной Европы руководили лидеры, которые называли себя социалистами. Это были Лионель Жоспен во Франции, возглавлявший свою партию в течение семи лет в восьмидесятых и ставший премьер-министром в 1997 г., Герхард Шредер в Германии, ставший канцлером в 1998 г., и Тони Блэр, который стал премьер-министром в Британии в 1997 г. после убедительной победы на всеобщих выборах. Во главе Италии стоял уже четвертый по счету социалистический лидер, будущий председатель Европейской комиссии Романо Проди. В 1996 г. он стал премьер-министром после победы на выборах так называемого «Союза оливкового дерева».

Все эти лидеры и их партии значительно отличались от социалистов прежних времен. Новым в их политике была готовность снизить уровень налогообложения и расходы на государство всеобщего благосостояния. Новым было также их терпимое отношение к росту неравенства и «социальному исключению» беднейших слоев населения, очевидному в их странах. Однако между ними существовала и значительная разница в стиле руководства своими партиями и государствами. Например, Блэр был самым настоящим «новым лейбористом», который многому научился от Тэтчер и продолжил ее дело там, где она остановилась. Не проявлявший интереса к истории «старого лейборизма», он казался своим критикам политиком, управляющим в американском президентском стиле. Бывший школьный учитель Жоспен в большей степени зависел от социалистических традиций, однако ему пришлось работать премьер-министром в президентство Жака Ширака, чьи взгляды резко отличались от его собственных, и он ушел в отставку в 2002 г., когда и он, и его партия потерпели позорное поражение на французских президентских выборах. Растущее чувство безысходности и разочарования, ощущаемое отдельными лицами и сообществами, оказавшимися на обочине основных путей экономического и культурного развития, вновь проникло в европейскую политику в конце прошлого и начале нового века, и это привело к подъему крайне правых. В Австрии Австрийская партия свободы Йорга Хайдера добилась значительных успехов на выборах 1998 года. Успехов добились также датская Народная партия и антииммигрантская Партия прогресса в Норвегии. В 2002 г. правые, в основном придерживавшиеся ксенофобских взглядов партии добились серьезных результатов во Франции и Нидерландах. Жан Мари Ле Пен, который не был новичком в политике, стал вторым в гонке за пост

президента Франции в 2002 г., а гораздо более эклектичный «Список Пима Фортейна» в Нидерландах добился значительного успеха на национальных выборах в мае 2002 года. Убийство Фортейна во время избирательной кампании стало зловещим и беспрецедентным событием в голландской политике.

Триумф крайне правых оказался недолгим во Франции, где Ширак выиграл президентские выборы 2002 г., и в Австрии, где расколотая партия Хайдера потеряла голоса на выборах 2002 года. В Голландии партия Фортейна полностью развалилась. Тем не менее требования ограничения иммиграции и строгого контроля за соблюдением соответствующих мер оставались весьма громкими на местном и общенациональном уровне. Как и религиозные фундаменталисты, новые правые выступали против любого усиления власти Европейского Союза.

Европейские институты. С 1986 года и до наших дней

Сохраняющийся страх перед инфляцией и непредсказуемостью состояния международных финансов помогают понять привлекательность Европейской валютной системы (ЕВС) Европейского Содружества, введенной в 1979 г., которая после доклада в 1988 г. энергичного председателя Европейской комиссии Жака Делора, стала трамплином к образованию полного валютного союза ЕС. Если в семидесятых годах страны пытались, как правило, в одиночку решать свои финансовые проблемы, то теперь они искали спасения в единой политике. Социалист и бывший министр финансов Франции Делор, возглавивший комиссию в 1985 г., был очень активным в первые два года своего пребывания на этом посту, выдвинув вместе с французским президентом немалое число инициатив по сотрудничеству — пока власть Миттерана не оказалась в 1986 г. ограничена созданием во Франции консервативного правительства. Делор стремился ускорить развитие событий, хотя он никогда не был тем фанатичным федералистом, каким его представляла английская пресса, для которой слово «федерализм» давно стало ругательным. Для него, как и для любого историка ЕС, основными символами надежды была экономика Западной Германии и сильное политическое партнерство между Францией и ФРГ. Значительную роль в нем играли отдельные личности, поскольку сотрудничество в Брюсселе между Парижем и Бонном подкреплялось личной дружбой между Колем и Миттераном. Несмотря на различные политические взгляды,

514 ГЛАВА 12

оба они были преданы европейским идеалам, в чем никак нельзя было заподозрить Тэтчер. Такой же была позиция большинства политиков в Италии и Испании, а также в менее крупных европейских государствах.

В 1985 г., за шесть месяцев до назначения Делора, на встрече глав государств Содружества, проходившей в Милане, в повестку дня были поставлены вопросы осуществления последующих фаз интеграции, и в феврале 1986 г. был подписан Единый европейский акт (у Британии и Дании имелся целый ряд оговорок). Изменив некоторые положения Римского договора, он расширил правовую компетенцию ЕС в таких сферах, как окружающая среда, технологическое сотрудничество и социальная политика. В 1985 и 1986 гг. было также решено, что «настоящий общий рынок» должен вступить в силу к 1992 г.; при этом подразумевалась полная свобода перемещения в пределах ЕС товаров, капиталов и людей. Это было одной из целей Римского договора 1970 г., эти положения получили полную поддержку Тэтчер. Следующий шаг в этом процессе был предпринят в результате ратификации в 1992 г. Маастрихтского договора. Считалось, что более глубокая интеграция сможет создать единую экономику, столь же, если не более, мощную как в США, которая сможет лучше помочь европейским производителям конкурировать на мировом рынке. Однако между 1986 и 1992 гг. Делор, переизбранный председателем Европейской комиссии в 1987 г., выступил с планами продвижения к единой европейской валюте и ко всему тому, что с ней связано, в том числе к единой валютной политике и учреждению Европейского центрального банка (ЕЦБ). Несмотря на первоначальные сомнения в Германии и Британии, на встречах в Базеле между сентябрем 1988 г. и апрелем 1989 г. был принят проект создания Европейского валютного союза (ЕВС) и банка. Этот проект настолько не понравился Тэтчер, что она попыталась убедить Францию объединиться с ней в отказе от его признания. Экономические последствия унификации, за которыми последовало открытие членства Союза для новых стран, пробудили противоречивые силы, оказавшие серьезное влияние на развитие последующих этапов европейской интеграции и выхолостили проект того типа экономической и политической европейской интеграции, о котором мечтал Делор и другие.

В сентябре 1988 г. Тэтчер произнесла речь в колледже Европы в Брюгге, где высказала свое резкое

неудовлетворение проводимой Делором политикой в отношении ЕВС и Социальной хартии, основные принципы которой он изложил в своей речи перед профсоюзами, в Стокгольме в мае 1988 г. и позже (что было еще более неприемлемо
НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 515

для Тэтчер) перед британскими профсоюзами на их ежегодной конференции. Тэтчер заявила: «Мы в Британии не для того успешно свернули государственные границы, чтобы стать свидетелями их возрождения на европейском уровне с европейской сверхдержавой во главе, осуществляющей новое господство из Брюсселя»². Она говорила также о «европейском конгломерате» и охарактеризовала как глупость попытку втиснуть понятие Европы в «определенный вид идентификации европейской личности». Делор, который приблизительно год спустя выступил в Брюгге с ответной речью, никогда ни о чем подобном, однако, не говорил.

Британия присоединилась к Европейскому курсовому механизму (ЕКМ) Европейской валютной системы буквально за несколько недель до отставки Тэтчер. К этому времени объединение двух Германий, которое ее тревожило, уже имело серьезные экономические последствия, весьма затруднившие европейскую интеграцию. В декабре 1991 г. на конференции в Маастрихте, где присутствовал премьер-министр Британии Джон Мейджор (перед которым стояла нелегкая задача), Миттеран, поддержанный итальянцами, обеспечил принятие твердого обязательства создать общую европейскую валюту к 1999 г., если уж первоначальная дата 1997 г. перестала быть реально достижимой. Мей-джору удалось исключить из договора ссылки на «федерализм», который фигурировал в качестве цели в первом «датском» и последующих проектах. Что же касается Социальной хартии, то Паскаль Лами придумал искусный компромисс, позволявший избежать окончательного тупика. Хартия была приложена к договору в качестве протокола, и государства — члены ЕС могли уклониться от ее принятия. Имелась также ссылка на ее «вспомогательный характер». Была отброшена и возможность произвольного вторжения брюссельских комиссаров в сферы национальной жизни.

Гельмут Коль стал в Европе крупной посреднической фигурой. Изменение наименования «Содружество» (*Commonwealth*) на «Союз» (*Union*) более чем просто символически отражало слово «объединение» (*unification*), явившееся самым большим триумфом политики Коля. Однако экономические трудности, вызванные западногерманскими усилиями интегрировать восточные земли, значительно затруднили интеграцию Западной Европы. По мере того как Западная Германия вкладывала деньги в Восток, ее государственный долг возрастал, что привело к росту процентных ставок. В итоге германская экономика пережила самый глубокий спад за все послевоенные годы.

516 ГЛАВА 12

Рост немецких процентных ставок затронул и все другие государства, входившие в ЕВС, предшествовавшую полному валютному союзу. Они должны были держать свою национальную валюту в пределах установленных рамок и подчинялись строгим правилам, определявшим их валютную политику, особенно в отношении размеров национального дефицита. Летом 1992 г. давление на Брюссель особенно усилилось, после того как датский референдум незначительным большинством отверг участие в валютном союзе. Этот провал стал серьезным напоминанием, что избиратели еще вполне могут торпедировать проект Союза. Более того, это заставило беспокоиться и международные финансовые биржи. Первыми под ударом оказались Британия и Италия, а «Черная среда» продемонстрировала пределы возможной защиты отдельными государствами — членами ЕС своей валюты от концентрированного нападения мощных финансистов, в том числе известного инвестиционного банкира, венгра по происхождению, Джорджа Сороса. Британия вышла из ЕВС 16 сентября 1992 г. и уже не вернулась обратно. В течение месяцев, последовавших за спекулятивным давлением то на одну, то на другую валюту, Италия тоже была вынуждена выйти из системы, однако вернулась в 1996 г. Чтобы остаться в системе, Испании, Португалии и Ирландии пришлось, иногда не один раз, девальвировать свою валюту. Германия не восстановила стоимость немецкой марки, а фунт продолжал падать. Финансовый кризис закончился только осенью 1993 г. К этому времени Дания в ходе своего второго референдума ратифицировала договор, но в Британии Мейджор, который в первый раз победил в голосовании по Маастрихту в палате общин большинством всего в три голоса, был вынужден обеспечить ратификацию постановкой вопроса о доверии, что угрожало его партии всеобщими выборами, которые, как он считал, она проиграет.

После 1993 г. уровень безработицы в Европе начал снижаться, хотя структурная безработица и производительность труда продолжали оставаться нерешенными проблемами. Валютная координация могла бы помочь континентальной Европе избавиться от бича инфляции, которая в

семидесятих годах показала свою деструктивную силу. С другой стороны, эти шаги могли означать более высокий уровень безработицы и серьезные сокращения общественных расходов. Но даже при этом потребовалось время до конца десятилетия, чтобы сократить дефициты бюджета и снизить процентные ставки до приемлемого уровня.

Расширение Европейского Союза добавило проблем. В 1995 г. Союз приобрел трех новых членов: Австрию, Финляндию и Швецию.

НА ПУТИ К ВДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 517

Окончание холодной войны устранило необходимость соблюдения строгого нейтралитета этими странами, хотя норвежцы и швейцарцы отвергли членство (что подтвердила кампания, проводившаяся под лозунгом «НЕТ»), чтобы лучше сохранить свои уникальные свободы и идентичность. Первого января 1999 г. единая европейская валюта, объединившая 11 национальных валют и названная «евро» (названия с историческим оттенком, такие как «флорин», были отвергнуты), вышла на международный валютный рынок.

Европейский центральный банк (ЕЦБ), располагающийся в Франкфурте, отвечал за проведение валютной политики стран зоны евро — впервые валюта вошла в обращение без поддержки правительств, хотя руководители национальных банков оказали помощь установлением процентной ставки для евро и организацией контроля за снабжением валюты посредством различных механизмов. Однако евро оставалось условной валютой, используемой лишь для банковских переводов и электронных платежей вплоть до 1 января 2002 г., когда оно было выпущено в виде монет и денежных купюр. Евро каждой страны выглядело по-разному, использовалась национальная символика, например лира в Ирландии.

Сохранялось определенное беспокойство в связи с тем, станет ли евро удачной валютой в условиях зависимости от принципов немецкой валютной политики, останется ли она твердой перед лицом инфляции и не лишит ли она политиков других стран права голоса. Франция, в частности, стремилась к увеличению роли отдельных национальных правительств в определении приоритетов валютной политики, однако вход евро в обращение заставил замолчать многих критиков. Скорость перехода и энтузиазм, с которым данная валюта была встречена многими пользователями, стали для многих комментаторов полной неожиданностью.

Вскоре почувствовались и последствия этого акта, для европейской экономики. Потребителям стало легче соавнискать цены в рамках Европейского Союза. Европейские покупатели уже привыкли пересекать государственные границы в поисках более низких цен — Германия стала популярным местом для французских потребителей, а британские потребители охотно пересекали Ла-Манш, чтобы сделать покупки во Франции. В 2002 г. Британия, которая еще не присоединилась к новой ЕВС, определила экономические критерии для возможного вступления в него и предложила провести референдум. В Британии имелись серьезные расхождения по вопросу вступления и явные сомнения относительно целесообразности единой налоговой структуры для Союза.

518 ГЛАВА 12

Логика экономики и финансов склоняла к разумному предложению о расширении Союза — расширение горячо поддерживалось Британией, — однако он оставался пока только союзом Западной Европы. Хотя многие члены Европейской ассоциации свободной торговли уже присоединились к союзу, бывшие члены СЭВ пока оставались вне его. Болгария и Чешская Республика уже обращались с просьбой о вступлении (соответственно в 1995 и 1996 гг.), но им было отказано. С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза политически навязанная география европейского сообщества во многом утратила свой смысл, и страны Восточной Европы, прежде изолированные «железным занавесом», начали восстанавливать старые связи с Западной Европой. В большинстве случаев это совершалось не через правительства, а через частные банки, компании и образовательные учреждения.

Не сделал этого и Европейский парламент, первые прямые выборы в который состоялись в июне 1979 г. Выборы проводятся каждые пять лет — с 1979 г. состоялись четыре избирательные кампании. Постепенно парламент приобрел влияние и авторитет — благодаря целой серии договоров, преобразовавших его из чисто консультативного органа в законодательное собрание с полномочиями, аналогичными полномочиям национальных парламентов. Европейский парламент получил права, равные правам Совета Министров, и после подписанного в 1997 г.

Амстердамского договора, принял большую часть законов ЕС. Однако деятельность членов парламента и сложный законодательный процесс продолжали оставаться непонятными для избирателей. Обвинения в коррупции и образе жизни «жирных котов», как и обвинения в

«бюрократизме» Брюсселя, преследовали Европейский парламент и Европейскую комиссию, отвлекая внимание от значительных успехов, достигнутых Союзом в содействии экономической интеграции и юридической совместимости. (В 1999 г. всей комиссии пришлось уйти в отставку, поскольку она оказалась поражена коррупцией.)

Тем временем значительный вклад в процесс интеграции внесла деятельность Европейского суда в Люксембурге. Обеспечивая соблюдение договоров и правовой порядок в ЕС, суд рассматривал споры между государствами-членами, институтами и, что не менее важно, отдельными лицами. Европейские судьи стали окончательными арбитрами в судебных делах, которые начинались в национальных судах, и приобрели репутацию судей, отличавшихся самой высокой беспристрастностью. Некоторые из наиболее важных юридических принципов, определяющих деятельность Европейского Союза, были разра-

¹A17-

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 519

ботаны судом, а не национальными государствами, спорившими относительно содержания договоров. Самым важным из этих принципов стал принцип превосходства европейского права. Если право ЕС противоречило национальному законодательству, первому отдавалось предпочтение перед вторым. Судьи отдельных государств приняли этот принцип, и работа суда стала одним из самых ощутимых и видимых путей связывания деятельности Союза с жизнью его граждан.

Один политический комментатор заключил в своей работе, опубликованной в *Annual Review of Community Affairs* в 1989 г., что хотя Европейское Сообщество имеет «не очень четкое разделение властей» по сравнению с имеющимися «федерациями», оно обладает «многими, хотя, конечно, не всеми атрибутами зрелого суверенного государства»³. В этом обзоре не было и намека на то, что страны бывшего коммунистического блока вскоре будут стремиться присоединиться к Союзу, а Британия и Дания станут выступать против тенденции к большему федерализму. Будущее представлялось не более проблематичным, чем прошлое. Однако спустя 13 лет эти проблемы по-прежнему остаются. Обращение американского государственного секретаря Джеймса Бейкера в декабре 1989 г. об установлении новых отношений между Европейским Содружеством и Соединенными Штатами, как и обращение к Европейскому парламенту в том же месяце советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе остались без ответа. Различия по вопросам внешней политики сохранились, если не увеличивались. Масштабы паралича Союза при возникновении острой необходимости в сотрудничестве по вопросам внешней политики и обороны со всей очевидностью проявились в период, когда в ходе этнического конфликта распалась бывшая Югославия.

Конвенция о европейском сотрудничестве, принятая в пятидесятых годах, вместо того чтобы передать власть наднациональной европейской власти, оставила вопросы внешней политики и безопасности на усмотрение межправительственного сотрудничества (хотя Европейская комиссия имеет право на инициативы во внешней политике). В реальности сотрудничество происходит только тогда, когда государства намерены работать совместно, обычно следуя давно установившимся традициям. Конфликт в Югославии вылился в целый ряд кровавых войн на территориях Хорватии, Боснии и Косова и продемонстрировал две важные вещи для формулирования *европейской* внешней политики. Первое: вероятный конфликт, в том числе так называемые «этнические чистки» и геноцид, не ограничен прошлым Европы или отдаленными землями — теперь он представляется возможным в любом месте в пределах европейских границ. Второе: ни европейские

520 ГЛАВА 12

государства, ни европейские наднациональные институты не смогли управлять развитием событий. Потребовалось вмешательство и руководство США, чтобы с подписанием в 1995 г. Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине установить подобие мира в этом регионе.

Было бы неверным предположить, что только события в Югославии, наряду с растущими доказательствами роли организованных криминальных банд, базирующихся в Восточной Европе, в незаконной транспортировке оружия и наркотиков, потрясли ЕС и принудили его приступить к действиям, однако именно после девяностых годов значительно расширилось сотрудничество по международным и оборонным вопросам. В 2002 г. было создано вооруженное соединение приблизительно в 230 тыс. человек под руководством нового военного штаба, расположенного в Секретариате Совета. Все это затрагивало обнаженные нервы взаимных отношений и порождало как старые, так и новые вопросы. Можно ли, например, разрешать немецким войскам проводить операции по поддержанию мира в Восточной Европе? Каким образом, если это вообще возможно, Союз будет отражать и соотносить интересы членов, состоящих в НАТО, с интересами членов ЕС, не принадлежащими к этой организации, например Австрии, Финляндии, Швеции и Ирландии? Как будут

реагировать США на совместные действия стран ЕС? Когда Союзу удавалось говорить единым голосом, как в мае 2002 г., когда он критиковал президента США Джорджа Буша-младшего за угрозу начать войну против «оси зла», включающей Иран, Ирак и Северную Корею, то это вызвало гнев за океаном. Буш с его ограниченными познаниями в области истории, жаловался на европейскую «неблагодарность», подчеркивая, что США были главным гарантом европейской безопасности после 1945 года.

Европейские государственные деятели нередко терялись перед лицом кризисов, существовали разногласия как внутри Союза, так и между Союзом и НАТО. Например, быстрое признание Германией независимости Хорватии в 1991 г. резко критиковалось ведущими европейскими державами: оно способствовало выдвижению требований независимости со стороны других групп населения Югославии и затронуло Албанию.

Европейские страны, действовавшие совместно с членами НАТО и ООН, применяли различные дипломатические инструменты в попытках разрешить кризис; использование миротворцев в качестве военных наблюдателей; гуманитарная и более долгосрочная экономическая помощь для оказания содействия в восстановлении; в 1999 г. во время Косовского кризиса, использование военной силы для обес-

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 521

печения мира. Недостатки международных институтов, созданных в период холодной войны, и предназначенных для использования в те времена, продемонстрировало то обстоятельство, что хотя ЕС, ООН и НАТО были вовлечены в разрешение проблемы, самой динамичной организацией стала «контактная группа», включавшая в себя США, Россию, Германию, Британию и Францию — то есть все те же «великие державы» конца XIX и начала XX века.

Эхо истории отзывалось и в других случаях. Пятьдесят лет спустя после создания НАТО, эта организация впервые применила воздушные силы и армию в Европе в конфликте, который был назван «гуманитарной войной». После массовой военной-воздушной кампании Косово стало формальным протекторатом под охраной Запада. Проблемы региона оставались крайне сложными и частично нерешенными, хотя и были предприняты шаги, чтобы отдельные лица, совершившие военные преступления на данной территории, были привлечены к суду. Уголовное преследование Слободана Милошевича началось в Гаагском трибунале ООН по военным преступлениям, где бывшему руководителю Югославской Федерации было предъявлено обвинение в совершении преступлений против человечества за действия, которые он санкционировал в Хорватии и Косово, а также в проведении геноцида в Боснии. Этот процесс стал крупнейшим процессом по военным преступлениям в Европе после Нюрнбергского, состоявшегося по окончании второй мировой войны. Милошевич не признал компетенции суда, подобно тому как во время югославской войны он отвергал обращения с просьбой повлиять на поведение сербских частей в Косово.

Неспокойной оставалась обстановка в Сербии, где критики того, каким образом Милошевич был передан в Гаагскому трибуналу, требовали, чтобы суды над военными преступниками проходили перед народом Сербии. Выдача Милошевича была обусловлена оказанием необходимой американской финансовой помощи. И Европа, и более широкое мировое сообщество были обеспокоены небольшим количеством лиц, привлеченных к ответственности. Постоянно звучали взаимные упреки.

Высказывались претензии к французским военным, допустившим побег одного из разыскиваемых военных преступников. В апреле 2002 г. нидерландское правительство опубликовало доклад об убийстве около 7 тыс. боснийских мусульман в контролировавшемся сербами районе Сребреницы. Эта территория находилась под защитой НАТО, однако батальон легко вооруженных нидерландских войск, направленный в регион для обеспечения безопасности 30 тыс. боснийских мусульман, оказался не в состоянии выполнить свою за-

522 ГЛАВА 12

дачу. Политическим последствием этого инцидента стала отставка нидерландского лейбористского правительства во главе с Вимом Коком, который сказал, что «нет оправдания» тому, что страна допустила такое проявление жестокости.

При рассмотрении в более широком аспекте война в Югославии, наряду с незавершенной войной 1991 г. в Персидском заливе, начатой под руководством США с целью освобождения оккупированной Ираком территории Кувейта итак называемой «войной против терроризма», развязанной США после воздушного нападения смертников на здания Всемирного торгового центра на Манхэттене и Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 г., выявили расхождения между европейскими странами в их отношениях к глобальным проблемам. Соперничество сверхдержав, США и СССР, формально завершилось после того, как Буш-младший весной 2002 г. посетил Москву. Однако ему был оказан противоречивый прием при посещении Германии, Франции и Британии. Не было и согласия между великими европейскими державами и Соединенными Штатами в том, что делать с кризисом на Ближнем Востоке, продолжавшем нарастать в течение всего лета 2002 г. В Афганистане продолжалась смута, возникла угроза ядерной войны между Индией и Пакистаном.

Тем временем на первый план дипломатических отношений выдвинулись такие вопросы, как проблема нищеты и неравномерного развития. Упор делался на положение в Африке. Во время холодной войны беднейшие в Европе и за ее пределами обращали на себя внимание более мощных держав только тогда, когда последние стремились привлечь их на свою сторону. Однако окончание холодной войны придало дипломатии более сложный характер.

Европа и остальной мир. С 1989 года по настоящее время

В ретроспективе, как ни поразительно это звучит, период холодной войны остается в истории Европы как период наибольшего процветания. Европейская интеграция проходила не исключительно на экономическом, но и на человеческом уровне, и жители Западной Европы, особенно молодое поколение, не теряя своего разнообразия, лучше узнали друг друга, чем когда-либо прежде. Резко возросло число переездов через границу. В 1950 г. имели место 23 млн туристических пересечений границ во всем мире. К 1985 г. эта цифра возросла до 333 миллионов. Не менее чем 45% этого количества приходилось на передви-

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 523

жения в пределах Европы. К этому следует добавить трехкратно возросшее количество постоянно проживавших в европейских странах иностранцев и взаимное культурное обогащение, хотя в некоторых случаях и не без определенных проблем.

После второй мировой войны и Западная, и Восточная Европа пережили самый длительный период непрерывного мира в своей многовековой истории, хотя поддерживавшегося равновесием страха между двумя блоками. Некоторые утверждают, что возврат к нестабильности был неизбежным следствием окончания холодной войны. Другие выражали надежду, что ее окончание резко изменит не только то, как европейские страны относятся друг к другу, но и отношения Европы с остальным миром. Не парализованная более расколом между Востоком и Западом ООН сможет осуществлять более действенное руководство; мировой арсенал оружия значительно сократится; полученные от этих действий «дивиденды мира» будут израсходованы на помощь самым бедным странам, а вопрос о защите окружающей среды встанет в международной повестке как один из самых важных вопросов.

Слово «планетарный» стало применяться не реже, чем слово «глобальный». Однако спустя десять лет после 1989 г. и с наступлением нового тысячелетия пыль прошедшего еще не начала оседать, а свидетельства о характере мира после холодной войны продолжают носить противоречивый характер. В моду вошло еще одно слово — «сложность». Оказалось, что угрозы стали поступать со всех сторон, и пилоты-самоубийцы могут быть не менее опасны, чем враждебные государства. Кроме того, без понятной и объединяющей логики холодной войны, стало гораздо труднее отличать друзей от врагов. Угроза мировой войны уменьшилась, но на ее смену пришло нарастание конфликтов внутри отдельных стран. Европа, в пределах и за пределами своих границ, оказалась перед лицом растущего числа слабых и даже развалившихся государств, чьи правители не могут контролировать развитие событий на своей собственной территории. В частности, продолжающаяся оккупация Израилем земель на Ближнем Востоке и провал проекта создания палестинского государства вызвали опасения в связи с ростом антисемитских настроений в европейских странах со значительным мусульманским или еврейским населением.

Именно в шестидесятых и в начале семидесятых годов начала выражаться озабоченность последствиями загрязнения мировой окружающей среды, а также необходимостью защиты диких и домашних видов флоры и фауны. На внутригосударственном уровне эта озабоченность привела к созданию таких политических партий, как «Зеле-

18-24-14

524 ГЛАВА 12

ные» в Германии и их единомышленники в других местах. В международном плане это движение возглавила ООН, созвавшая в 1972 г. в Стокгольме конференцию по проблемам среды обитания человека. В атмосфере эйфории, сопровождавшей окончание холодной войны, высказывались надежды, что созданный ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. саммит по проблемам Земли будет означать прорыв в международном сотрудничестве в сфере защиты окружающей среды. Однако этот энтузиазм царил недолго, поскольку ведущие индустриальные державы продолжали избегать таких решений, которые потребовали бы финансовой переоценки характера потребления и производства в капиталистическом обществе. Европа выступала в качестве решительного критика американского опыта защиты окружающей среды, и хотя существовали определенные различия между европейскими обязательствами в этой области, в глобальном масштабе они, несомненно, занимали первенствующее положение.

Тогда же происходила существенная трансформация европейских и мировых институтов. В то время как Европейский Союз не реагировал вообще или реагировал медленно на настойчивое стремление восточноевропейских стран присоединиться к союзу или разработать общую стратегию безопасности и внешней политики, на арене снова появились США и НАТО. Были сделаны попытки вдохнуть новую жизнь в НАТО, во многом утратившую смысл существования с

окончанием холодной войны. В 1994 г. США согласились на прием в члены НАТО трех государств, некогда бывших их вероятными противниками — Польши, Чешской Республики и Венгрии. Официально они были приняты в Союз 12 марта 1999 года. Дальнейшее расширение произошло в 2002 году. Таким образом, как при наличии советской угрозы, так и без нее, европейские правительства продолжали оглядываться на Соединенные Штаты, которые, как то произошло во время войны в Афганистане в 2002 г., больше полагались на двусторонние или многосторонние соглашения, чем на совместные действия в рамках НАТО.

Европа также не торопилась воспользоваться вновь проявленной Россией, где президентом стал Владимир Путин, готовностью к сотрудничеству в Европе и за ее пределами. Вместо этого американцы проявили инициативу, призвав в мае 2002 г., чтобы некогда враждовавшие сверхдержавы подписали соглашение по ядерному вооружению, направленное на то, чтобы окончательно ликвидировать наследие холодной войны. В Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений Россия и США согласились уменьшить свои запасы ядерного оружия на две трети в течение последующих двух лет, сокра-

НА ПУТИ К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, 1968-2002 525
тив таким образом количество ядерных боеголовок с 12 до 4 тысяч. Сокращение не было достаточным для того, чтобы ликвидировать весь арсенал «взаимно гарантированного уничтожения», однако, наряду с соглашением о том, что Россия становится участником принятия решений в НАТО, оно явилось ключевым для развития отношений в сфере обороны и внешней политики в Европе и за ее пределами.

После 1989 г. произошли изменения и в ООН. Резко возросли масштабы ее миротворческой деятельности. Возросло и количество стран, которые стали принимать участие в миротворческих операциях.

Тем временем озабоченность ООН гуманитарными вопросами, во многом послужившая причиной создания этой организации во время второй мировой войны, стала более очевидной и заняла ведущее положение в ее деятельности. В частности, больше внимания стало уделяться нарушениям прав человека. В 1997 г. известный юрист Мэри Робинсон, бывшая в течение предыдущих семи лет президентом Ирландской Республики, стала верховным комиссаром ООН по правам человека и находилась на этом посту до 2002 г., выполняя свою миссию на самом высоком уровне. Она была готова к действиям в Европе и других частях света, в том числе в Африке, где этнические столкновения в Руанде привели в 1994 г. к массовому геноциду, на который и европейцы, и американцы взирали с безопасного расстояния. В целом ООН и ее учреждения после окончания холодной войны уделяли самым бедным странам мира больше внимания, чем Европейский Союз, хотя некоторые европейские правительства, особенно британское, выступили инициаторами облегчения международного долгового бремени. Раздел мира на Север и Юг сохранялся.

То, как относятся друг к другу капиталистические и некапиталистические общества, представляет в настоящем ключевую проблему при определении содержания нового термина «глобализации», широко распространенного в сегодняшнем мире. Существуют и дополнительные вопросы. Что такое Европа? Имеют ли европейцы определенные и общепонятные наборы ценностей? Что такое европейская культура? Как далеко простираются границы Европы? Включают ли они Россию и все бывшие советские республики? Является ли Турция частью Европы? Как должны государства реагировать на отличия отдельных этнических групп в пределах их территорий? Изучение истории может помочь дать ответы на эти вопросы и содействовать выработке новых, подчас многочисленных определений Европы в политических, географических, экономических, культурных, лингвистических и исторических категориях.

526 ГЛАВА 12

Примечания

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict (1988), passim.

² Цит. по: The Times. 21 September 1988. P. 1.

³ Ludfaw P. The Annual Review of European Community Affaires. Vol. 1 (Centre for European Policy Studies, 1990). P. xv.

Глава 13

Постмодерн?

Слово «постмодерн» является лишь одним из целого ряда подобных слов, имеющих префикс «пост», который входит, например в «постиндустриальный» и даже «постисторический». Как и другие широко используемые слова, термин «постмодерн» отражает неуверенность в том, каким образом «расположить» новейшую историю относительно, но прошлого и будущего, но иногда оно,

кажется, предполагает, что вообще нет никакого смысла в этом размещении. Прилагательное «модернистский» и существительное «модернизм», которые мы рассматривали в 5 главе, зачастую применяются без должной определенности, хотя у каждого из них имеется сложная история. Прилагательное «постмодернистский» является еще более неопределенным и тоже имеет сложную историю, которой постмодернисты обычно пренебрегают даже при рассмотрении этого явления, не говоря уже о том, чтобы обозначить его место. Как и в 5 главе, в этом разделе не содержится дат, но хронологически он выходит за пределы тысячелетия, которое произвело на свет огромную массу литературы о самом себе, и подобно главе 12, он заканчивается, как и должна заканчиваться историческая книга, — скорее вопросами, чем ответами.

Необходимость перспективы

Другая причина, по которой в этой главе не содержится дат, заключается в том, что каждый день приносит новости, а в «медиамире» сегодня и завтра ценятся больше, чем вчера («завтра уже наступило»).

527

528 ГЛАВА 13

В конце каждой недели, каждого месяца, каждого года и каждого десятилетия журналисты предпринимают попытки систематизировать эти новости. Часто также проводятся опросы общественного мнения (причем задаваемые вопросы требуют не меньшей тщательности в формулировках, чем ответы), а в Британии и некоторых других странах делаются ежегодные обзоры как социальных тенденций, так и лежащих в их основе социальных позиций. Такие формы подсчета составляют такую же неотъемлемую часть общей картины, как и сами новости.

Например, вторая мировая война, которая была грандиозным событием в истории, британский историк Корелли Барнет рассматривает скорее в категориях ревизии, чем исторической хроники. Необходимость управленческой калькуляции, как частной, так и государственной, была основным требованием восьмидесятых и девяностых годов, когда производительность оставалась на уровне пятидесятых годов. Но это не означало, что каждое из этих требований гарантирует хорошее управление. В 2002 г. характер профессии ревизора изменили трансатлантические скандалы, а вместе с ними и рождение того, что теперь признано глобальной финансовой системой.

В этих условиях трудно обеспечить достаточное понимание длительной перспективы. Некоторые авторы, в частности французский социолог Жан Бодрийяр, утверждают, что из-за потока новостей, поставляемых средствами массовой информации, уже невозможно отличить «социальную реальность» от ее воспроизведения в СМИ, и приходит к выводу, что в будущем вообще станет невозможно определить или выделить какой-то длительный период времени. История достигает «точки исчезновения» в избыточной информации о разных событиях, в том числе происходящих вдалеке, которых слишком много, чтобы в них можно было разобраться¹. Тем временем «исчезновение» приобретает двойное значение. Эфемерные сообщения (звонки мобильных телефонов, факсимильные послания, обмены в Интернете), зачастую связанные с тем, что в данный момент считается важным, далеко не всегда находят путь в исторические архивы.

«Великая мутация»: «конец истории»?

В 1962 г., еще до того, как значение продолжающейся революции в средствах коммуникации стало совершенно очевидным — в настоящее время они основаны на сложнейшей и разносторонней цифровой технологии, — Карл Бريدено, бывший тогда президентом Американской исторической ассоциации, охарактеризовал современную исто-

ПОСТШДЕРН? 529

рию как «великую мутацию», — воспользовавшись образом, который слишком часто, но уместно стал применяться после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и который оставался вполне актуальным в 1962 г., когда арсеналы пополнила водородная бомба. Он также использовался в 1948 г. другим американским историком В. Макней-лом, упоминавшим «великую мутацию в восприятии и производстве, столь же революционную, как в то время, когда власть перешла от охотников к земледельцам» и когда письменная история еще не началась. Заполняя пробелы в вековой истории американский антрополог Маргарет Мид за три года до Бридено утверждала, что «разрыв между 1959 и 1943 годами» был «столь же глубоким, что и разрыв, который отделял людей, начавших строить города, от людей каменного века»². Старые ценности рушились по мере изменения самого процесса повседневной жизни.

Конечно, следует критически подходить к подобным суждениям — и не менее критически к заявлениям историков, ибо в прошлом в истории было достаточно резких переломов, которые происходили не только благодаря новым изобретениям, но и по причине землетрясений, эпидемий

чумы и голода (что случается и сейчас), а также из-за переселений народов. Всегда имелись пророки, предвещавшие окончание старого порядка вещей и начало нового века, в частности непосредственно перед первой мировой войной и сразу после нее. Однако в шестидесятых годах действительно произошли важные перемены: укрепилось представление о единой планете — ее впервые увидели из космоса в 1969 г.^{*}, — «футурология» стала гораздо более изощренной, чем она была когда-либо ранее, и ей занялись люди, которые ранее называли себя пророками, а теперь именуются социологами. Были изобретены модели, установлены «мегатренды». Наука и технология, которые часто рассматривались в качестве великих стимуляторов истории, теперь прямо связывались с перспективами человечества, иногда в детерминистской манере. Еще за три десятилетия до конца XX в. Элвин Тоффлер предупреждал в своем бестселлере «Будущий шок» (1970): «миллионы психически нормальных людей испытают внезапное столкновение с будущим»³.

И тем не менее при всей мощи технологии и всей усложненности «продвижения в социальных науках», последние десятилетия XX в. характеризовались, как мы видели, экономическими, политическими и культурными неожиданностями, показавшими, что гораздо легче предсказать развитие науки и технологии, чем будущее экономики,

^{*} В 1969 г. имела место первая высадка человека на Луну. — *Примеч. ред.*

530 ГЛАВА 13

политики или культуры, которые сами по себе испытывают все большее влияние технологии. В частности, мало кто предсказывал столь скорый распад Советского Союза в 1989 г., в год двухсотой годовщины французской революции, и одновременно падение связанных с ним коммунистических режимов Центральной и Восточной Европы. Подобное развитие событий казалось «маловероятным» сценарием авторам вышедшего в 1977 г. интересного совместного исследования «Европа-2000», предпринятого Европейским культурным фондом; только после того, как все это случилось, Фрэнсис Фукуяма — и он не был здесь первым — назвал это «концом истории»⁴.

«Конец идеологии» стало ключевым понятием в шестидесятые годы, когда велись разговоры о возможной конвергенции конфликтующих политических систем. Для Фукуямы победа в 1989 г. «либеральной демократии», как он назвал это, означала «окончательную точку в идеологической эволюции человека» и «последнюю форму человеческого правления». При этом, утверждал он, исчезают гегельянское и марксистское понимание истории как единого и связанного процесса. Наступил «конец истории» или не наступил, но эхо истории довольно громко отдавалось в период всех изменений с 1989 по 1992 г., а с 1992 по 2002 г. стало еще более ощутимым — будь то Балканский кризис или продолжающийся конфликт в Израиле/Палестине. Развал Советского Союза и, как ошибочно полагали Фукуяма и большинство обозревателей, связанный с этим конец марксизма, не означал конца международного и внутреннего насилия в Европе. Не была застрахована и «либеральная демократия». Не умер антисемитизм. Сохранились расизм и ксенофобия. Марксизм остался действующей идеологией в Китае, где марксисты пошли на внедрение рыночных моделей с целью поддержания экономического роста. В 2002 г. было невозможно оценивать Китай без связи с его прошлым, сегодняшним и будущим.

Фукуяма считал, что поскольку история — в том смысле, в каком он ее определил, — закончилась, то «всемирная идеологическая борьба», которая способствовала «дерзанию, мужеству и идеализму» завершилась, и за ней последуют «экономический расчет, бесконечное решение технологических проблем, обеспокоенность состоянием окружающей среды и удовлетворение сложных запросов потребителей». Не будет ни «искусства, ни философии, а лишь постоянная забота о музее человеческой истории»⁵.

Не все технические проблемы были решены, и те, что оставались нерешенными, порождали новые проблемы. «Обеспокоенность состоянием экологии» порождала борьбу, в ходе которой протестующие

ПОСТМОДЕРН? 531

врывались на международные конференции и бросали вызов международным институтам. «Экономический расчет» не был простой арифметикой. «Удовлетворение сложных запросов потребителей», которое сегодня называется «консумеризмом», было связано с ростом экономического неравенства и поэтому экономика свободного рынка, часто укрытая одеждами профессионального жаргона, продолжала вызывать возражения. К этому разделению следует добавить «цифровое разделение», отделявшее бедных от богатых, а также разделение между народами, находящимися на разных «ступенях развития». История человечества не стала музеем, но многих политиков это мало заботило.

Хотя новых версий марксизма не выдвигалось, в некоторых странах, например в Польше и Венгрии, бывшие марксисты возвращались к власти с помощью избирательной урны. Так что с ними тоже не было «покончено». И наконец, как об этом говорилось в 12 главе, значительной силой оставался балканский национализм, а общей европейской политики, способной его обуздать, не существовало.

При всех его потрясениях 1989 год не стал той удачной отправной точкой, по которой можно судить о прошлом и будущем. Не был таковым и ни один другой год, хотя еще в 1977 г. была сделана привлекательная попытка запечатлеть память о «нашем времени», когда космический корабль покинул мыс Канаверал во Флориде для полета в глубинах космического пространства, неся с собой запись двухчасового послания от планеты Земля другим планетам и звездам нашей Галактики. Оно включало в себя речи на 60 языках и 116 изображений, дающих представление об окружающей среде и науке XX в. (в том числе об открытии в 1953 г. генетического кода Д. Уотсоном и Ф. Криком), а также о некоторых достижениях культуры XIX в. (например, страничку нотной записи музыки Бетховена)⁶.

Континуитет и дисконтинуитет

Окончание XX в. стало и окончанием тысячелетия — и по мере приближения нового тысячелетия были сделаны попытки посмотреть на XX в. в целом и придать ему какую-то форму. Британский историк-марксист Эрик Хобсбаум, который в трех томах изложил всемирную историю — от Французской революции по XX в., четко выделил три периода внутри нашего «короткого века» (в отличие от «длинного» девятнадцатого): первый — с 1914 по 1945 г., период войны и депрессии, последовавший за *belle époque*; второй — с 1960 по 1989 г., период

532 ГЛАВА 13

беспрецедентного процветания, в частности в Европе; и третий — начиная с 1989 г., период неопределенности, «эпохи тревог», в том числе экономического «спада», который в середине восьмидесятых годов положил конец недолгому, но бурному буму. Британия жила лучше, чем ее европейские конкуренты, что продолжилось и в первые годы XXI в., когда вся экономика стала «хрупкой».

Слова «великая депрессия» сохранились для определения экономических последствий обвала Уолл-стрит в 1929 г., подобно словам «Великая» война для обозначения конфликта, который начался в 1914 году. Теперь главной заботой стала структурная безработица. Борьба с ней начала рассматриваться в качестве сложной проблемы в связи с реформой социального страхования, становившейся все более настоятельной вследствие старения населения, и реформой образования. Было очевидно, что ни одна из этих проблем не была достаточно адекватно решена в рамках «государства всеобщего благосостояния», и это определение с тех пор потеряло свою эмоциональную силу.

Подобная историческая схема, вероятно, слишком концентрировала свое внимание на середине XX в., которая, подобно середине XIX столетия, была годами бесспорного экономического успеха и надежд на еще большие достижения в будущем. Однако в социальном и политическом отношении эти годы стали свидетелями многих перемен в настроениях и пристрастиях. Как отметил в 1966 г. английский историк Дэвид Томпсон, «основной вопрос, заботивший европейцев, заключался в том, возможно ли соединить... традиционную выносливость и... материальные достижения, используя умственные способности и мудрость таким образом, чтобы свести внутренние европейские контрасты и различия к функции культурной диверсификации и к обогащению жизни вместо усиления воинствующей зависти и ненависти. Силы сплочения и разделения все еще сосуществуют в ненадежном равновесии»⁷. Эти слова были написаны до того, как Британия вступила в Европейское Сообщество. Одиннадцать лет спустя после ее присоединения доклад «Европа-2000» начинался словами: «Европа не представляет себе, куда она движется, но она движется туда очень быстро». В этой книге подчеркивались слова «опасение», «опасение за будущее, опасение перед неизвестностью». Но опасения не исчезли и после 1989 года.

В каждом из этих трех периодов XX в. существовали свои явные «опасения» и «ненадежное равновесие» — даже в *belle époque* накануне первой мировой войны, когда аристократия залезла в долги, а власть денег демонстрировалась новыми миллионерами. Спустя поколение ПОСТМОДЕРН? 533

английский поэт тридцатых годов У. Оден назвал одну из своих поэм «Век тревог», и в тридцатые годы действительно было много оснований для проявления беспокойства как у сохранившейся части аристократии, так и у респектабельной части рабочего класса. Тени прошлой войны зловеще

переплетались с тенью грядущей. Чтобы избавиться от массовой безработицы, потребовались перевооружение и война. Война потребовалась и для того, чтобы создать новый аппарат по обеспечению мира. Располагавшаяся в Женеве Лига Наций прекратила свое существование накануне 1939 года — Организация Объединенных Наций, созданная в 1945 г. с ее штаб-квартирой в Нью-Йорке, пережила свой сильнейший кризис 50 лет спустя. Самый тревожный международный кризис «середины века» оказался связан не с Европой, а с Кубой. Так же как и самая значительная война, которая разыгралась во Вьетнаме.

При любой периодизации по векам или десятилетиям наряду с разделениями всегда можно проследить и преемственность. Так, несмотря на разрывы, связанные с двумя мировыми войнами, существовала явная преемственность, преодолевавшая то, что Маргарет Мид охарактеризовала как «глубокую пропасть». Техническое развитие продолжало логично следовать за распространением электрической энергии, все более скоростного транспорта и «средств массовой информации». Экономическая география этого периода в торговле и промышленности не изменилась радикальным образом. Не изменилась и «геополитика», кроме (и это было серьезным исключением) роста воздушной мощи. Империи несмотря ни на что сохранялись и неимущие страны, не имевшие колоний, требовали своей доли. Социальное развитие продолжало вращаться вокруг отношений между «массами» и самыми разными «меньшинствами». Теперь они включали в себя то, что стали называть элитой, в том числе особые виды — «экспертов», «меритократов», ничем обязанных своему рождению.

Слово «элита» было впервые употреблено в современном значении итальянским социологом Вильфредо Парето в первом десятилетии XX в., и стало таким же важным понятием, что и «массы». Оба эти слова несли на себе печать XIX столетия. Парето был экономистом и социологом, но он не исследовал одну черту XX в. — продолжающийся (но непродолжительный) рост доходов потребителей, что стало предварительным условием для нового «изма» — конsumerизма. Ставший в 1940 г. британским министром продовольствия лорд Вултон, торговец по профессии, сделавшийся позднее министром реконструкции, в период депрессии говорил, что предметы роскоши прошлого ныне стали предметами первой необходимости.

534 ГЛАВА 13

Общество становилось все более «потребительски ориентированным» и все более зависимым от «массового производства» на конвейере (система, которую впервые применил — но не изобрел — американский производитель автомашин Генри Форд). В тридцатые годы великий комик Чарли Чаплин, работавший в знаменитом центре «массового развлечения» — Голливуде, незабываемо изобразил конвейер в фильме 1936 г., многозначительно названном «Новые времена». (Он также сыграл в фильме «Великий диктатор».) «Конsumerизм» превратился в очередной «изм» поколением спустя, в 1966 г., когда в век автоматизации «фордизм» начинал выглядеть уже устаревшим: роботы были готовы к работе на автомобильных заводах, что показал гигантский первый завод «Фиат» в Турине. В любой период истории производства привлекательность товара для потребителя зависела от «массового убеждения» — «искусства» рекламы, — и рекламирование «товаров с фабричным клеймом» распространилось уже в девяностых годах XIX века⁸. Реклама обладала своей внутренней логикой, которая в долгосрочной перспективе обеспечивала все более стремительному времени все более короткие колебания моды, напоминающие движение по американским горкам. Мода стала важным компонентом «массового убеждения», которое с некоторым отставанием сделалось и частью политического процесса. То, что некоторые считали просто «причудами» — например радиоприемники, — в двадцатых годах были новыми явлениями жизни, оказывавшими огромное влияние на общество, пока не появлялась новая технология. Это касалось не только развлечений. Новости показывались как в кинотеатрах (киножурналы), так и дома — в следующую «эпоху телевидения», ставшую своеобразным продолжением «эры радиовещания»; какими бы ни были политические предпочтения людей, они подвергались изменениям в духе господствовавшей моды. В шестидесятые годы мода в одежде (например, джинсы), в пище («фаст-фуд»), напитках (больше вина), путешествиях (включая массовые воздушные перелеты) и в образовании (больше университетов) — стали основными объектами внимания средств массовой информации. В это же десятилетие резко возросло освещение политики, в том числе политики протеста, на короткий период отождествленной со студенческим протестом.

До наступления шестидесятых существовала преемственность в концепциях современной культуры, связывающих ее с исторической эпохой до 1914 г., хотя национал-социалисты Гитлера развязали новый, вселявший страх «*Kulturkampf*». Великие имена «высокой культуры» различных

исторических периодов еще оставались симво-
ПОСТМОДЕРН? 535

лами во многих странах на Востоке и на Западе, и дети везде должны были хотя бы знать имена таких писателей, как Гомер, Данте, Шекспир, Сервантес, Мольер, Гюго и Гёте. Знание художников и скульпторов было менее обязательным, и хотя количество слушающих музыку значительно возросло (благодаря радио и звукозаписи), этот период все-таки оставался «веком книги». Уже только поэтому «действия против антигерманского духа», когда студенты Боннского университета в мае 1933 г. превращали в горящие фейерверки книги, которые, как им казалось, подрывали этот дух, выглядели предательством культуры.

Подобное поведение наблюдалось и до 1914 г. в довольно массовых проявлениях антисемитизма, однако теперь оно вылилось также в другие формы идеологического террора; закончилось тем, что стали сжигать уже не только книги, но и людей. К концу гитлеровского Холокоста было методично умерщвлено шесть миллионов евреев — с помощью врачей, «ученых», а также политиков и чиновников. Этот процесс XX в. был скрупулезно изучен Ханной Арендт в 1951 г. в большом исследовании о «тоталитаризме»: она проследила корни последнего и — почти за поколение до Фукуямы — пришла к выводу, что «каждое окончание в истории обязательно содержит новое начало».

Кульминация «модерна»

К шестидесятым годам во всех частях Европы, в том числе в постнацистской Германии, литературный модернизм, о котором говорилось в главе 5, превратился в образовательный канон, включавший значительное количество писателей, в которых видели творцов «модернистского движения», достаточно сильного, чтобы пережить две мировых войны, а также подъем и падение нацизма. Параллельно с этим многими поклонниками «высокой культуры» была воспринята и роль новых авангардистов — писателей, готовых скорее шокировать читателя, чем доставлять ему удовольствие. В литературе это был Джеймс Джойс с его романом «Поминки по Финнегану», опубликованном в 1939 году. Его более ранний роман «Улисс» (1922) на долгое время занял свое место в каноническом списке модернизма. Не все ключевые фигуры в литературе и художественном авангарде принадлежали к левым движениям. Например Т. Эллиот, чья поэма «Бесплодная земля» (1922) стала основным текстом модернизма, был консерватором. Эзра Паунд во время войны жил и писал в Италии, находившейся под властью Муссолини.

536 ГЛАВА 13

Прилагательное «модернистский» было достаточно неопределенным, чтобы охватить также отдельные аспекты нацистского искусства или фашистской архитектуры в Италии. Более того, оно было восприимчиво к «другим культурам» в этой же степени и к культуре «Запада». В изобразительном искусстве, где стали использовать все виды материалов — как прежде краску и холст, — еще до 1914г. ощущалось влияние Японии, Полинезии и Африки. В музыке в двадцатые годы в Европу из мира чернокожих через Соединенные Штаты пробился джаз.

Нацисты с одинаковым усердием нападали на джаз и атональную музыку Арнольда Шёнберга и Альбана Берга — и в то же время благоговели перед Вагнером, который в свое время превозносился в качестве одного из самых великих модернистов. И хотя они запрещали музыку Густава Малера и сжигали книги Томаса Манна вместе с книгами Франца Кафки, пьесами Бертольда Брехта и работами Альберта Эйнштейна и Зигмунда Фрейда, время от времени они оглядывались на Ницше, пророка «современного европейского разума». Многие великие фигуры немецкого «модернизма» в тридцатые годы покинули Германию (а позднее и Австрию) в массовом исходе, который привел в другие страны полмиллиона евреев, среди которых были Шёнберг, Эйнштейн и Фрейд. Тот факт, что среди беженцев были ученые, писатели и музыканты, сам по себе достаточно знаменателен. Гитлер еще в 1933 г. заявил ученым, которые осмелились выразить ему свой протест: «Наша национальная политика не будет отменена или изменена даже для ученых... Если увольнение еврейских ученых означает уничтожение современной германской науки, то на несколько лет мы обойдемся без нее».

В Советском Союзе, где социализм преподносился в качестве науки, никто бы и не подумал делать подобных заявлений. Однако некоторые отрасли науки, которые могли угрожать государственной идеологии, запрещались и в Москве. Не было здесь и желания потворствовать «модернистским» вкусам, которые, как ни абсурдно это звучит, считались буржуазными, — от «импрессионизма» в живописи, до музыкальной «атональности». Фрейдизм предавался анафеме. Отнюдь не безопасны были биология и физика. Даже лингвисты не могли чувствовать себя в безопасности. Вслед за революцией, после первоначальной фазы культурного

экспериментирования и новаторства, сталинский режим ввел строгую цензуру на весь «западный модернизм». Композитору-модернисту Дмитрию Шостаковичу никогда не позволяли свободно заниматься творчеством: его опера «Леди Макбет Мценского уезда» (1930—1932) была отвергнута как «фор-

ПОСТМОДЕРН? 537

малистская» и «декадентская», хотя он снова оказался в милости в 1937 г. со своей Пятой симфонией.

Когда Советский Союз вел войну с Германией. Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича была тепло встречена в Британии, которая в то время много делала для развития культурного сотрудничества между Россией и Западом. Свою аудиторию имел и Максим Горький, который после пребывания в эмиграции, стал первым председателем Союза советских писателей. Теперь его читали наряду с Достоевским и Толстым. В это время в Советском Союзе публиковались в дешевых изданиях избранные английские «классики», а после войны выпускались грампластинки с записями великих композиторов прошлого.

Подобное целенаправленное «распространение культуры», связанное с успешной борьбой против неграмотности, было преемственным как по отношению к идеалам XIX в., так и к «модернизации» XX столетия⁹. Однако, прорыв из прошлого, совершенный в искусстве и физических науках, произошедший под именем «модернизма» в десятилетие перед 1914 г., продолжился и после окончания первой мировой войны. В 1915 г. в нейтральном Цюрихе, где жил и позднее умер Джеймс Джойс (и где жил в эмиграции Ленин), в одном кафе родилось основанное румынским поэтом Тристаном Царой, но задуманное как международное, художественное и литературное движение «дадаизм», которое с самого начала было направлено на отторжение всего, связанного с прошлым. Другая группа «дадаистов» была основана Марселем Дюшаном. «Дадаизм» везде провозглашал лозунг русского анархиста Михаила Бакунина: «разрушение — это тоже созидание».

Следуя принципам «дадаизма», художники-сюрреалисты последующего десятилетия принесли на бумагу, холст силы подсознания. Само слово «сюрреализм*» было придумано Аполлинером в 1917 г., а его последователями руководил в Париже (употребление слова «лидер» избегалось) Андре Бретон, мечтавший о «съезде интеллектуалов», который бы «очистил и объединил основные принципы модернизма». Испанец Сальвадор Дали (1904-1989), присоединившийся к этой группе в 1929 г., игнорировался Бретоном, однако в ходе своей эксцентричной и абсолютно непредсказуемой карьеры стал самым известным из сюрреалистов. Он писал и «Тайную вечерю», и портрет королевы Елизаветы II. Немецкий сюрреалист Макс Эрнст (1891—1976), первая выставка которого состоялась в Берлине в 1916 г., следовал другим путем — через кубизм, «дадаизм» и натирацию — то есть втирание краски или графита в бумагу, лежащую на тканевой поверхности в поис-

538 ГЛАВА 13

ках постижения «рисования за гранью рисования» или «визуальной поэзии». В 1941 г. он эмигрировал в Соединенные Штаты, которые стали центром абстрактного экспрессионизма конца XX века. Человеческие фигуры были изгнаны с поверхности холста.

Изложение истории искусства XX в. во многом зависит от употребления таких ярлыков, как «сюрреализм» и «экспрессионизм», причем последний является отнюдь не первым «измом», придуманным для его обозначения критиками. Тем не менее различные художники следовали своими путями, иногда сочиняли совместные манифесты, продавали свои картины через одних и тех же агентов, какой бы новой техникой их «школы» не пользовались. Один из великих основателей кубизма Пикассо, чье творчество прошло через много фаз, вошел в историю с созданной во время гражданской войны в Испании картиной «Герника» (1937), на которой он изобразил разрушение немецкой авиацией небольшого городка в Стране Басков, а после 1945 г. — с «голубями мира», ставшими эмблемой сторонников ядерного разоружения по обе стороны «железного занавеса».

Под влиянием испанской гражданской войны, а также холодной войны и идеологической борьбы пятидесятых годов, многие художники, писатели и музыканты сохранили ощущение «модернизма» и в период конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, когда чувство нового приняло иные формы. К этому времени основные представители «модернизма» уже приобрели некоторые черты «истеблишмента» в образовательном, музейном и художественном мире «Запада». И все же «модернисты» — художники, писатели и музыканты, многие из которых теперь зависели от своих агентов, продолжали самоотверженно, по словам американского литературного критика Лионеля Триллинга, «занимать противоположную позицию», враждебную

«модернистскому буржуазному обществу». Поэтому они выступали против «массовой культуры», казавшейся им всегда опасной «обывательской культурой», которая представлялась им самым худшим видом компромисса. Те модернисты, которые были благожелательно настроены к коммунизму, даже критикуя Советский Союз, могли восхищаться «массами» — но в то же время рассматривали «массовую культуру» как форму управляемого коммерческого отравления. Те же модернисты, что были консерваторами или либералами, чувствовали угрозу давления со стороны «масс», разделяя точку зрения, высказанную в 1938 г. испанцем Ортегой-и-Гассетом: «Масса сокрушает на своем пути все, что отличается, что является превосходным, индивидуальным, квалифицированным и серьезным».

ПОСТМОДЕРН? 539

Послевоенный период, когда нарушилось регулирование повседневной жизни, самой модной, пусть и на недолгое время философией стал «экзистенциализм», еще один «изм», от которого отrekliсь некоторые из философов, с которыми связано его возникновение. Он сосредоточил внимание на непосредственных выборах, которые вынуждены совершать люди, и на их влиянии на другие проявления человеческого существования. Главным его представителем стал французский философ, эссеист и драматург Жан Поль Сартр, спутницей которого была талантливая и активная феминистка Симонна де Бовуар. Корни философии экзистенциализма следует искать в предвоенной Германии и в учениях XIX в.; Кьеркегор, при всем своем отличии от марксиста Сартра, после 1945 г. вновь вошел в моду. Однако по мере того как опасность войны отступала, менялось и настроение. Что не менялось, так это угроза Бомбы, которая сама по себе представляла ужасный выбор. Или — или. Но оказалось, что лучше иметь Бомбу, чем ее использовать. И это стало главным уроком холодной войны.

Шестидесятые годы и постмодернизм

Смену настроений и стилей к концу пятидесятых и началу шестидесятых годов зачастую связывали в то время с «разрывом поколений». На самом деле разница взглядов внутри поколений была столь же очевидной, что и разница взглядов между поколениями. Более значительными стали влияния, зародившиеся в больших городах — «веселящемся Лондоне» и «нетрадиционных» Амстердаме и Копенгагене, а также в университетах, размеры и количество заметно увеличилось. В шестидесятые и семидесятые годы много говорили также о «взрыве» в городах, и самыми активными европейскими центрами воинственных студенческих движений стали Париж и Франкфурт. Средства массовой информации не сводили с них глаз.

На более глубоком уровне ценностные изменения были в конце шестидесятых годов столь велики, что скрупулезный наблюдатель изменений в мире бизнеса Питер Дракер мог написать в 1969 г. солидную книгу под названием «Век отсутствия непрерывности». Также в шестидесятые годы возникло целое скопление прилагательных и «измов», начинавшихся с приставок «пост» — и среди них термин «постмодернизм», который применялся сначала к искусству и архитектуре, а затем и ко всему обществу. Дракер сам использовал слово «постмодернизм» в книге «Вехи завтрашнего дня»

540 ГЛАВА 13

(1957), которую он снабдил подзаголовком «Доклад о новом постмодернистском мире». В издании 1965 г. он заметил, что «в какой-то необозначенный момент последних двадцати лет мы незаметно вышли из модернистского века и вошли в новый, еще пока не имеющий имени»¹⁰.

Для недружелюбных критиков термины «пост» подразумевают и «посмертный». В XX в. всегда существовала определенная тенденция к культурному пессимизму, представленная среди историков немецким писателем Освальдом Шпенглером, которым широко восторгались и которого столь же широко критиковали. Его «Закат Европы» вышел в 1918 году. Для Шпенглера, который был пессимистом в жизни, как пессимистом и в отношении культуры, история двигалась прямо к своей «финальной стадии» еще задолго до того, как Фукуяма заговорил о ее конце. И когда британский историк Арнольд Тойнби, не менее претенциозный, чем Шпенглер, и описавший подобно тому всемирную вереницу «цивилизаций», использовал в 1974 г. слово «постмодернизм» наряду со словом «постхристианство», то он тоже имел в виду разложение и распад».

Пессимистов отодвинули в сторону в шестидесятых годах архитекторы-постмодернисты, которые озаменовали освобождение от «модернизма», резко выступив против стиля «Баухаус», рожденного в 1919 г. Вальтером Гропиусом (он родился в Берлине, но уехал в Соединенные Штаты). Некоторые критики и архитекторы утверждали, что победа функциональной современной архитектуры, представленной работами родившегося в Германии Людвиг Миса ван дер Роэ и уроженца Швейцарии Шарля Эдуара Ле Корбюзье, была окончательной и всеобщей. Это было не

так, однако назвать постройки их преемников иначе, чем «постмодернистскими», довольно трудно. Это прилагательное применялось как в отношении религии, так и в отношении науки — в своем труде «Сломанный образ» (1964) Флойд Мэтсон ссылался на «модернистский (или постмодернистский) образ ученого как действующего лица, скорее «участвующего наблюдателя», чем равнодушного зрителя». В литературе также пользовались этой альтернативой: например, в одном очерке 1970 г. некоторые видные фигуры, ранее относимые к «модернистским» (скажем, Джойс), получили ярлык постмодернистских.

В 1983 г. итальянский прозаик и эссеист Умберто Эко, родившийся в 1932 г., знаток всех тенденций современной культуры, в романе которого «Маятник Фуко» важнейшее место занимали компьютеры, высказался о процессе, объединившем «модернистское» и «постмодернистское».

ПОСТМОДЕРН? 541
Наступает момент, когда авангард (модерн) уже не может двигаться далее... Постмодернистский ответ модернизму состоит в признании, что в прошлое, поскольку его невозможно уничтожить, ведь его уничтожение означает молчание, следует наведаться еще раз, но не наивно, а с иронией.

Действие блестящего романа Эко «Имя розы» (1983), переведенного на основные европейские языки, происходит в средние века, и даже эта ориентация, вполне естественная для XIX в., не была совсем новой и для двадцатого. Слово «повторение» было старым, и уже в XX столетии имел место, по крайней мере, один возврат в средневековье. Английский историк средних веков Джеффри Барраклоу, ставший историком современности, заявил еще в 1955 г., что некоторые черты XX в. могут быть лучше поняты в свете скорее средних веков, чем опыта XIX столетия. В 1978 г. американская писательница Барбара Такман, ранее внимательно исследовавшая грубые ошибки, допущенные во время первой мировой войны, назвала свое исследование страхов и бедствий XIV в. «Далекое зеркало», заявляя, что персонажи, проблемы и события того времени очень четко иллюстрируют явления XX столетия, века концентрационных лагерей и странных культов, а в своей последней части — века коррупции и преступности.

Одиннадцать разрывов преемственности

В шестидесятые годы, когда количество социальных критиков, смотревших вперед, превышало количество критиков, смотревших назад, стало обычным определять, по крайней мере, одиннадцать разрывов в преемственности между XIX и XX веками. Некоторые из них остаются актуальными и в новом тысячелетии.

(1) Деколонизация и давление со стороны политически независимого, но еще в большой степени экономически зависимого «третьего мира» — новый термин французского происхождения (*Le Tiers monde*) — преобразовал и международную политику, и мировую экономику. Многие страны третьего мира не имеют письменной истории, но сегодня они ворвались в историю конца XX столетия. В этом мире, который всегда был более разнообразным, чем казалось, имелся самый разнообразный опыт. Теперь изложение истории в «евроцентристских» категориях сделалось недостаточным.

(2) Давление изнутри «первого мира» (не очень внятное понятие) прежде униженных или подавляемых меньшинств изменило стиль и содержание политики. Некоторые из униженных и подавляемых су-

542 ГЛАВА 13

мели использовать в своих интересах избирательную урну и механизм государства «всеобщего благосостояния», что также стало новшеством в послевоенном мире; другие полагались на внепарламентские действия — забастовки и демонстрации. Нищете не удалось уничтожить в период бума в середине века, и уровень доходов (и удобств) некоторых регионов Европы был гораздо ниже, чем у наиболее преуспевших, однако по мере того как росли общие стандарты жизни, нищета становилась все более относительным понятием.

(3) Стремление к «освобождению женщин», как мы видели, не было новым, но никогда ранее оно не принимало столь явно выраженной и прямой формы, которая еще более усилилась после шестидесятых годов, когда «феминистки» занялись тендерными исследованиями. Тем временем женский труд начал не только признаваться в сфере услуг, например в банковском деле, но стал более заметным, например в сфере права. Это повлекло за собой изменение ролей в семье и самой ее структуры. Среди других изменений было распространение противозачаточных средств («таблетка» впервые пришла из Соединенных Штатов в 1960 г.) и аборт (впервые легализованы в Британии, при наличии серьезных оснований, в 1967 г.). Дискуссии о том, каким союзом стала (а также могла или должна была стать) семья, приобрели политический характер.

(4) Дешевые переносные радиотранзисторы в шестидесятых годах незаменимы при получении новостей (включающих и пропаганду), а также в популярной музыкальной культуре.

Изобретенные в 1948 г., они, а позже интегральные схемы, дали возможность уменьшить размеры всех видов электрооборудования, в том числе компьютеров, и снизить их цену. В пятидесятые годы слово «электроника» было еще новинкой. В результате появилось то, о чем начинали думать уже в шестидесятые годы — принципиально новое «информационное общество». Это имело последствия для всего мира и Европы. Как отмечалось в так называемом «Зеленом докладе» Европейской комиссии в 1984 г.: «Информация является решающим, возможно, единственным решающим фактором европейского объединения».

(5) Взгляды на развитие коммуникаций в различных странах отличались, но повсеместно отмечались признаки кардинальных сдвигов в понимании ценностей, что было связано с изменением соотношения работы и отдыха, например в любительском и профессиональном спорте. В шестидесятые годы спортсмены, которых представляли агенты, могли становиться «знаменитостями». Телевидение постоянно показывало как их самих, так и игры, в которых они участвовали.

ПОСТМОДЕРН? 543

(6) Стирание различий между «высокой культурой» и «массовой культурой» происходило не только на экране, но и в живописи — в виде «поп-арта», продукта, похожего на «оп-арт» конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, и прежде всего в музыке. Это было сочетание американских и европейских течений, причем в восьмидесятых годах «поп-музыка» была не менее популярна и в Восточной Европе. По мере расцвета агентств создавались новые связи между исполнителями и теми, кто их рекламировал. Связь средств массовой информации и «популярной культуры» стала предметом изучения в некоторых университетах Западной Европы. В университетах начали исследоваться и «субкультуры», в частности молодежные. В моду вошло слово «жизненный стиль».

(7) В Западной Европе, как и в Соединенных Штатах, возникла «контркультура», или «альтернативная культура», которая включала в себя не только погружение во «внутреннее пространство», зачастую с помощью наркотиков, но и новое отношение к сексу и насилию. Количество людей, считавшихся «неудачниками» возрастало, причем выявлялись их связи с преступным миром. «Путешественники»* были готовы отчуждать других так же, как они отчуждали самих себя. Некоторые углубились в различные религии «нового века», которые начали широко распространяться. В книжных магазинах появились целые отделы, посвященные оккультизму, часто они располагались рядом с равно значительными по объему секциями по бизнесу и менеджменту.

(8) Тщательно планируемые (и дорогостоящие) путешествия в космос начались с соперничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами — и оставили Европу во многом позади. Соперничество закончилось в конце девяностых годов с началом русско-американского сотрудничества. К этому времени небеса были забиты спутниками, вращавшимися вокруг Земли. Лишь в 1975 г. было создано Европейское космическое агентство, куда вошли 11 стран, поставивших целью осуществление принятой в 1962 г. программы Европейской организации космических исследований. Штаб-квартира агентства располагалась в Париже, технический центр в Голландии, а оперативный центр в Дармштадте (Германия). Еще одним европейским научным мероприятием стало учреждение Европейской организации ядерных исследований, созданной в 1954 г. с центром, размещавшимся на француско-швейцарской границе в районе Женевы.

(9) Несмотря на наличие Бомбы, а может, вследствие этого, прогресс в развитии квантовой физики начиная с пятидесятых годов был

* То есть наркоманы. — *Примеч. пер.*

544 ГЛАВА 13

менее впечатляющим, чем в молекулярной биологии, которая поднимала новые проблемы жизни и смерти. К этому подталкивала увеличивающаяся продолжительность жизни, связанная с достижениями фармацевтики (антибиотики) и не в меньшей степени хирургии (трансплантация органов). Выросло количество людей, достигших 65-летнего возраста, и процессу старения стало уделяться больше внимания.

(10) Усиленное внимание стало уделяться проблемам окружающей среды, поднятым экологами. 1970 год стал важной вехой в истории угрожаемых экосистем. Новое отношение к проблемам окружающей среды перестало быть «только фразой». В 1972 г. в Стокгольме состоялась первая Всемирная конференция по среде обитания человека.

(11) Последний разрыв связан больше с людьми, чем с ресурсами. По мере экономического возрождения Западной Европы до ее компьютеризации европейские страны стали серьезно зависеть от иммиграции с территорий за ее пределами. Некоторые иммигранты (например, турки и

другие рабочие-мужчины — по-немецки *Gastarbeiter* — начинали с сезонной работы. Другие, например иммигранты из Карибского региона и Азии в Британию, с самого начала настраивались на более длительное пребывание. «Гастарбайтеры» получали низкую плату, незначительную страховку и не имели гражданских прав — возможности получения гражданства для британских иммигрантов строго ограничивались. В середине века Швейцария оказалась страной с наибольшим процентом рабочих-иммигрантов.

Эти разрывы имели много логических и хронологических взаимосвязей, и иногда то, что казалось совершенно новым, было связано с периодом до 1945 г. Например, вопросы иммиграции поднимались уже в первое десятилетие XX в., когда порой с иммигрантами обращались самым ужасным образом; в 1904 и 1905 гг. в Британии уже состоялись парламентские дебаты по этому поводу. Бомба, которая, по словам одного обозревателя, явилась фактором разрыва между двумя мирами, разделив самым решительным образом целые поколения, была лишь результатом революции в ядерной физике, которая сама по себе стала одним из самых замечательных достижений человечества в начале XX в. — отменив за десять лет до 1914 г. многие постулаты «классической» ньютоновой физики. (Эйнштейн опубликовал пять своих важнейших работ в 1905 г. в одной из них изложил свою теорию относительности.) Блестящий наблюдатель всего, что происходило не только в физике, но и в других областях науки и искусства, А. Уайт-хед мог сделать к 1925 г. вывод, что полностью «подорваны стабильные основы физики». «Старые основы научного мышления сделались

ПОСТМОДЕРН? 545

невнятными. Время, пространство, материя, небесное пространство, электричество, механизм, организм, конфигурация, структура, функция — все это требует нового истолкования». Квантовая физика, которая начала развиваться позднее, была основана на том, что в 1927 г. Вернер Хайзенберг обозначил в математических понятиях как принцип «неопределенности».

После второй мировой войны, когда мощь физики была продемонстрирована столь разрушительным образом, «неопределенность» — подобно «сложности» — оставалась столь же очевидной, как в период экономического подъема шестидесятых годов и в нелегкий период семидесятых, когда политикам пришлось столкнуться с экономическими реалиями давно назревавшего «энергетического кризиса». Экономика стала теперь представляться более важной, чем любимый предмет шестидесятых — социология, однако экономисты и немногие проницательные специалисты резко расходились в представлениях о том, как соотносить экономику с другими «социальными науками». В восьмидесятые годы политики в столь различных странах, как Британия Тэтчер и Советский Союз Горбачева, пытались найти радикальные решения старых проблем. В Британии во время недолгого бума 1984-1987 гг. появилась и широко распространилась формулировка «промышленная культура», но десятилетие закончилось экономическим спадом, который серьезно ударил как по Германии и Франции, так и по социалистической Испании. К концу восьмидесятых Британия потеряла значительную часть своей промышленной базы, но не отказалась окончательно от целей социального обеспечения. Удивительно, но когда Европейское Сообщество определило их в качестве своих уставных положений, именно Британия, где впервые появилось понятие «государство всеобщего благосостояния», сделала отрицательный выбор. Основным направлением политики стало теперь сокращение налогообложения — а также контроль над инфляцией. Схемы «приватизации» осуществлялись на Западе, а после 1989 г. и на Востоке, с таким же энтузиазмом, с каким за полстолетия до этого проводились схемы «национализации». Тем временем — и это стало существенной частью общей картины — некоторые частные транснациональные корпорации стали получать больше доходов, чем большая часть «суверенных государств».

До наступления в 1989 г. кризиса в европейской и мировой политике произошла целая серия международных террористических акций, хотя в прессе появились сообщения только об угонах самолетов — как о наиболее драматических явлениях. Количество этих актов постоянно росло: от 125 в 1968 г. до 831 в 1987 году. Причины

546 ГЛАВА 13

почти каждого из них имели исторический характер. Многие из них коренились в истории Палестины, ставшей после первой мировой войны подмандатной территорией Британии, а после второй местом рождения нового государства Израиль. Другая причина коренилась в истории Алжира. Внутренние причины вовлекли в террористическую деятельность представителей одного из самых древних народов Европы — басков. Британия была вовлечена в конфликт в Северной Ирландии, обязанный своим происхождением далекому религиозному прошлому.

Существовала определенная преемственность и в той технологии, которую террористы научились

использовать. Так, ракетная техника задумывалась в начале XX в. русским первопроходцем Константином Циолковским, который родился в 1857 г. и прожил достаточно долго (до 1935 г.), чтобы успеть послужить большевистскому режиму. Именно технология как четвертый разрыв с преемственностью была названа Элвином Тоффлером «грохочущим двигателем перемен», возвестившим «третий век», размышления о котором толкнули многих его прежних критиков в ряды философов «нового века». Многие яркие писатели говорили не о технологии, а о «технополии», которая имела серьезное военное измерение. Первые самолеты, преодолевшие звуковой барьер, и страны, тратившие огромные суммы на вооружение в период холодной войны, определили размах и масштабы технологии конца XX столетия. В век искусственных спутников, ракет и попыток создать новую форму противоракетной обороны («звездные войны») военные расходы росли быстрее, чем когда-либо прежде. Одна из ключевых формул шестидесятых — «капиталистическая военно-промышленная система» или «комплекс» широко рекламировалась в Соединенных Штатах, где эта «система» была самой сильной (и самой оспариваемой). Однако и Советский Союз, экономически менее способный приступить к такому же увеличению военных расходов, имел немногим отличающуюся по структуре систему. Один из ведущих «новых левых» пропагандистов, Герберт Маркузе, был выходцем из Европы, представителем Франкфуртского института социальных исследований, почти все сотрудники которого эмигрировали из довоенной Германии. Как и лидер Франкфуртской школы Теодор Адорно, Маркузе критиковал репрессии в Советском Союзе, что отчасти готовило события 1989 г. на «капиталистическом» Западе. В то же время Маргарет Тэтчер заявляла, что это она повлияла на ход событий на Востоке, «продавая» тому преимущества свободного рынка.

Европа в начале девяностых годов состояла не только из единого пространства, но и отдельных регионов, и при всех разговорах

ПОСТМОДЕРН? 547

о «постиндустриальном» обществе, существовали регионы, которых индустриализация почти не коснулась. Важнейшим географическим изменением стало соединение Франции и Британии новым тоннелем под проливом Ла-Манш в 1994 году. Тэтчер в мае вместе с Миттераном присутствовала на его открытии в Лилле — первой остановке на территории Франции для новых поездов «Евростар», которые начали курсировать в ноябре того же года. Было, однако, одно слабое место в новом проекте, попытки разработки которого имели место еще в восьмидесятых годах XIX в., и воплощение которого потребовало семь лет. Поезда двигались гораздо быстрее в его французской части, чем на английской стороне¹. Британия продолжала сталкиваться с транспортными проблемами на железной дороге и на автомагистралях и в первые годы XXI века. Проблемы транспорта заняли первое место в политической повестке дня страны.

К 2000 году и далее

Тоннель под Ла-Маншем не был проектом, посвященным «тысячелетию», в отличие от многих других, так до сих пор и не реализованных. В 1994 г. больше вспоминали о 1989 г., чем устремлялись в 2000-й. Падение берлинской стены и крушение Советского Союза «установили порядок» в гораздо меньшей степени, чем это первоначально казалось, и во взгляде на будущее Европы в середине 1994 г. имелось не меньше неясностей, чем в шестидесятых годах. Характерно, что название обстоятельного обзора Европы, изданного в 1994 г. звучало: «Европа через темное стекло»¹². В 1992 г. в статье «Тайме», помещенной под заголовком «Истолковывая договор» и снабженной политической карикатурой, имелся набранный крупным шрифтом подзаголовок «Ключ к пониманию спрятан в анналах европейской истории». Когда Европейский Союз стал больше, чем он планировался в 1993 г. (в 1995 г. в него вошли Австрия, Швеция и Финляндия), уже выстроилась длинная очередь из других стран, желающих стать его членами, и на заседание в Лаекене в декабре 2001 г. было решено, что Эстония, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словацкая Республика, Словения и Эстония «могут быть готовы к 2004 году». Соглашение было утверждено в декабре 2002 г. в Копенгагене. Представление о Европе изменилось, хотя связанная с мусульманским миром Турция, несмотря на желание американцев, так и не была включена в список новых двадцати пяти членов. Но даже без Турции, может ли Европа в новых условиях сохранять «сплоченность» или даже «связан-

548 ГЛАВА 13

ПОСТМОДЕРН? 549

ность»? Европейская Комиссия в январе 2002 г. опубликовала свой первый доклад о сплоченности — «единство, различие, солидарность для Европы, ее народа и ее территории».

К этому времени наступило новое тысячелетие, не принесшее с собой ничего особенного. К 2002 г. понятие «изобретение будущего» вышло из моды, и предсказания будущего, многие из которых

имели случайный характер, по большей части брались из прошлого и носили более общий характер, чем основанный на них анализ. Тем не менее подготовка к празднованию «тысячелетия» шла в конце девяностых годов полным ходом во всех европейских странах, и единственной темой для волнений было возможное воздействие «проблемы-2000», которую считали «временной бомбой», могущей затронуть компьютеры, ставшие теперь существенными факторами функционирования экономики и общества в целом.

Значительная часть страхов развеялась в конце первого дня нового тысячелетия, когда Лондон, Париж, и Берлин состязались друг с другом в пиротехнических представлениях. Телевидение дало великолепное освещение этих торжеств. Но не все шло хорошо. Во Франции полмиллиона владельцев домов остались без электричества после рождественских снежных бурь, а демонстрационное табло на Эйфелевой башне, которое, начиная с 1997 г. отсчитывало дни и часы, оставшиеся до 2000 г., вышло из строя за пять часов до полуночи. В Лондоне новое величественное «Здание Тысячелетия» вызвало не меньше — а может и больше — противоречивых мнений, чем восторга. Контроль за его деятельностью вскоре перешел в руки директора, работавшего в Диснейленде.

В представлениях о 2001 годе, о котором теперь больше думали как о постмодернистском звене, соединившем два тысячелетия, после 1989 г. явно прослеживались три основных изменения.

Первое: компьютеризация сделала возможным Интернет, который открыл кибернетическое пространство для всех пользователей и в то же самое время привлек внимание к наличию новых «цифровых расхождений» внутри отдельных стран и между ними. Во всех странах разгорелись гораздо более глубокие дискуссии относительно влияния Интернета, чем, скажем, дискуссии в Британии по поводу «Здания Тысячелетия». В Европе первое место по накалу страстей занимала Финляндия. **Второе:** Интернет стал всемирной паутиной. Теперь прилагательное «глобальный» стало применяться гораздо чаще, чем прилагательное «европейский». Отнюдь не новое слово «глобализация», по мнению многих, стало преобразовывать не только экономику и общество, но и культуру. «Глобализм просто существует».

Даже обсуждение на конференциях глав держав того, является ли глобализм «хорошим» или «плохим» для «человечества», могло привести к насильственным актам, как это случилось во время конференций в Генуе и Сизтле. Поднялись и меньшинства. **Третье:** хотя глобальные дебаты об «обеспеченном росте» являлись темой большой международной конференции, которая состоялась в сентябре 2002 г. не в Европе, а в Южной Африке, проблема СПИДа там почти не затрагивалась — европейцы продолжали жить дольше, их личные истории сливались с общественной историей. Одиннадцатого сентября 2001 г. потрясшие всех нападения исламских боевиков на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне означали, как казалось многим, наступление нового века в глобальной истории, но несмотря на войну в Афганистане, борьбу с «терроризмом» и усилившееся религиозное напряжение, мир изменился меньше, чем даже в 1989 году. «СПИД» был уже не интересен. В новостях снова занял свое место Ирак.

Вероятно, наибольшие изменения между 1989 и 2002 гг. произошли в науке, что дало повод считать, что на смену «постмодернизму» может прийти новый термин. Генные исследования в 1992 г. привели к Проекту генома человека, бесплатно размещающему в Интернете свои данные, что представляется естественным шагом после открытия структуры ДНК. Возникла одна из новейших технологий, которая открыла новые возможности для терапии — а также для других областей, — но одновременно породила дальнейшие вопросы, которые приведут скорее к разделению, чем к объединению человечества. По мнению сэра Джона Салстона, возглавившего британский проект, «человечеству» предоставляется новый набор «напоминаний». Тот факт, что любая копия человеческого генома отличается от другой только одной частью из тысячи, является «постоянным напоминанием, что мы все члены одной семьи, часть общей нити, которая тянется в прошлое, к истокам человечества». И снова на сцене появляется Фукуяма. В своей работе «Наше постчеловеческое будущее» (2002), он утверждает, что продвижение вперед науки и первый шаг на этом пути — определение геномов делает возможным воспроизводить человеческие существа. При этом возможно будет уничтожить не только страдания или неспособность, но и глупость. Возможно, это положение столь же сомнительно, что и «конец истории», но сам факт его формулирования является признаком того, насколько изменились человеческие существа и человеческая культура 2002 года по сравнению с тем, чем они были в 1789 году.

- ¹ Poster M. (ed.), Jean Baudrillard, Selected Writings (1988).
- ² См.: E.N. Saveth (ed.), American History and the Social Sciences (1964).
- ³ Taffler A. Future Shock (1970), особенно гл. 17, «Coping with Tomorrow».
- ⁴ Статья Фукуямы «Конец истории» в *The National Interest* (1989), была написана до падения Стены. Его книга *The End of History and the Last Man*, была выпущена позднее и вышла в издательстве «Пингвин» в Британии в 1992 году. Для более ранних определений и дискуссий о конце истории см.: Niethammer L. Post-histo-rie: has History Come to an End? (1993)
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ По открытию генетического кода см.: Watson J.D. The Double Helix (1968).
- ⁷ Thompson D. Europe Since Napoleon (1966 edn). P. 946.
- ⁸ См.: Gross G. Time and Money: the Making of Consumer Culture (1993).
- ⁹ Слово «модернизация» часто используется столь же некритически, как и слово «модерн» для описания влияния «Запада» на неевропейский мир. См. например: Sinai I.R. The Challenge of Modernisation (1964).
- ¹⁰ Для краткого обзора трудов Питера Дракера, который начинается с его вызывающей интерес работы *The End of Economic Man* (1939), см.: Tarrant J.J. Dmcker (1976).
- ¹¹ Для рассмотрения вопроса о Тоннеле в исторической перспективе, см.: Abel D. Channel Underground (1961); об оживленных дискуссиях по данной теме см.: Henderson N. Channels and Tunnels: Reflections on Britain and Abroad (1987).
- ¹² См. также издания: Old Faiths and New Doubts: European Predicament, Daedalus (Spring 1979); Eastern Europe... Central Europe... Europe, Daedalus (Winter 1990).

Библиографический очерк

Описанный в этом томе период европейской истории породил огромное количество литературы разного уровня, значительная часть которой принадлежит перу американских авторов. Она отражает как изменения в подходе к истории, так и накопление документальных и иных, изобразительных и статистических, источников. Большая часть проницательных трактовок содержится на страницах исторических журналов, многие из которых являются по своему характеру сознательно «ревизионистскими».

Лучшим общим введением в тему остается: *Thomson D. Europe Since Napoleon*. L., 1957. Перед смертью автор успел в 1966г. выпустить переработанное издание. Впрочем, его избранная библиография устарела, и сегодня нужно принимать во внимание ревизионистские интерпретации. Ср.; *Barraclough G. An Introduction to Contemporary History*. L., 1964.

О предшествующей эпохе см. том настоящей серии: *Kocnigsberger H.G. Early Modern Europe, 1500-1789*. L., 1987*, а также: *Doyle W. The Old European Order, 1660—1800*. L., 1978. О радикально изменившейся в XX веке мировой обстановке см.: *Roberts J.M. The Pelican History of the Vorld*. L., 1980. О связях с XX веком см.: *Keylor W.R. The Twentieth-Century World: An International History*. L., 1984. Пол Кеннеди исследует меняющиеся факторы в труде: *The Rise and Fall of the Great Powers, Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. L., 1988. См. также: *Woodruff A.W. Impact of Western Man: A Study of Europe's Role in the World Economy*. L., 1967.

Э.Дж. Хобсбаум создал впечатляющую трилогию о «долгом девятнадцатом веке», названия частей которой раскрывают авторский подход:

* Рус. изд.: *Кёнигсбергер Г.Г. Европа раннего Нового времени, 1500—1789 годы*. М., 2006.

551

552 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Hobsbawm E.J. The Age of Revolution, 1789-1848. L., 1975; *Idem. The Age of Capital, 1848-1875*. L., 1975; *Idem. The Age of Empire*. L., 1987*. За трилогией последовала (после того, как мировое развитие пошло иначе, чем предсказывал Хобсбаум) книга «The Age of Extremes» (L., 1994). Более многоплановые интерпретации разных авторов см. в: *The Nineteenth Century* / Ed. A. Briggs. L., 1970; *Flora P. et al. State, Economy and Society in Western Europe, 1815-1975*. L., 1983. О религии см.: *McLeod H. Religion and the People of Western Europe, 1789-1970*. L., 1981.

Каждая страна шла своей дорогой. Хотя существует обширная литература об «особом пути» (Sonderweg)

Германии, ясно, что Британия, Франция и Италия также следовали «особыми путями». См.: *National Histories and European History* / Ed. M. Fulbrook. L., 1993. Обсуждение смысла германской истории ведется в: *Blackbourn D., Eley C. The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany*. L., 1984; *Evans R.J. Rethinking German History: Nineteenth-Century Germany and the Origins of the Third Reich*. L., 1987.

Об отдельных странах см.: *Briggs A. The Age of Improvement*. L., 1979; *McCord N. British History, 1815-1906*. L., 1991; *Perkin H. The Origins of Modern English Society, 1780-1880*. L., 1969; *Foster R.F. Modern Ireland*. L., 1988; *Carr W. A History of Germany, 1815-1985*. L., 1987 (3ed.); *Kann R.A. The Multinational Empire*. L., 1950; *Mack Smith D. The Making of Modern Italy*. L., 1968; *Carr W. Spain, 1808-1939*. L., 1966; *Magraw R. France, 1815-1914: The Bourgeois Century*. L., 1983; *Kochan L., Abraham M. The Making of Modern Russia*. L., 1983; *Kerry J.K. A History of Scandinavia*. L., 1979; *Kirby D. The Baltic World, 1772-1993*. L., 1995; *Davies N. The Heart of Europe: A Short History of Poland*. L., 1986; *Jelavich B. The Establishment of the Balkan National States, 1804-1920*. L., 1977.

Полезный курс Лондонского открытого университета «Что такое Европа» был создан лекторами из разных европейских стран. Первый том назван «The History of the Idea of Europe», остальные три — «Aspects of European Cultural Diversity», «European Democratic Culture», «Europe and the Wider World». См. также: *Bruley £., Dance EM. A History of Europe?* L., 1960; *Duroseile J.-B. Europe, A History of Its Peoples* (англ. изд. — 1990); *Heater D. The Idea of European Unity*. L., 1992; *Brugmans H. Europe: A Leap in the Dark*. L., 1985.

О регионах Европы см.: *Harvie C. The Rise of Regional Europe*. L., 1994; *Structural Change in Early-Industrialized Regions* / Ed. R. Schulze. L., 1993. Существует много детальных исследований отдельных регионов. См. также: *Meyer H. C. Mitteleuropa in German Thought and Action*. L., 1955.

* Рус. изд.: *Хобсбаум Э. Век революции. 1789—1848; Он же. Век капитала. 1848-1875; Он же. Век империи. 1875-*

1914. Ростов н/Д, 1999.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 553

Полезное краткое полезное собрание текстов: *Snyder L. Fifty Major Documents of the Nineteenth Century*. L., 1955. См. также: *Mowat R.R. Select Treaties and Documents, 1815—1916*. L., 1932. О географии см.: *The Penguin Atlas of Recent History: Europe Since 1815*. L., 1986. О статистике см.: *Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750-1970*. L., 1978.

О населении см.: *Kosinsky L. The Population of Europe*. L., 1970; *European - Demography and Economic Growth* / Ed. W.R. Lee. L., 1979; *Population and Social Change* / Ed. D.V. Glass, D.E.C. Eversley. L., 1965; *Population and Social Change* / Ed. D.V. Glass, R. Revelle. L., 1972. Ср.; *Wrigley E.A., Schofield R. The Population History of England*. L., 1981; *Hofstien E. Swedish Population History, Main Trends from 1750 to 1970*. L., 1976. См. также: *Hall P. The World Cities*. L., 1966.

О миграции см.: *Moch L.P. Moving Europeans: Migration in Western Europe since 1650*. L., 1993; *Pooley C.G., Whyte I.D. Migrant: Emigrants and Immigrants, a Social History of Migration*. L., 1991. Об особой группе мигрантов см.: *СазмЕ.Н. См. также: Porter B. The Refugee Question in Mid-Victorian Politics*. L., 1979.

Очерк меняющегося места женщин (детально изучаемая в последнее время тема) см.: *Anderson B.S., Zinsser J.P. A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present*. L., 1988; *Myrdal A. Nation and Family*. L., 1968; *Scott J. Women, Work and Family*. L., 1978; *Tilly L, McBride T. The Domestic Revolution: The Modernisation of Household Service in England and France, 1820-1920*. L., 1976. О молодежи см.: *Gillis J.R. Youth and History: Tradition and Change in European Age Relations, 1770 to Present*. L., 1974.

Глава 1 Революция и империя: опыт и воздействие, 1789-1815

Лучшее современное британское исследование Французской революции: *Doyle W. The Oxford History of the French Revolution*. Oxford, 1989. Существует полезный и краткий обзор тех зачастую противоречивых вопросов, поднятых до и в ходе революционного цикла: *Lewis G. The French Revolution: Rethinking the Debate*. L., 1993. Обе книги включают библиографии. Обширную, но обозримую хронику представляет: *Jones C. The Longman Companion to the French Revolution*. L., 1989. Новейшая трактовка Революции в четырех томах: *The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture* / Ed. K. Baker (vol. I, IV), C. Lucas (vol. II), F. Furet, M. Ozouf (vol. III). L., 1987-1994. См. также: *Cobb R. The People's Armies*. L., 1987; *Jones P. The Peasantry in the French Revolution*. L., 1988. Наиболее захватывающая книга среди изданных в год 200-летнего юбилея революции: *Schama S. Citizens*. L., 1989. Труд включает ценную библиографию, так же как и: *McPhee P. A Social History of France, 1780-1880*. L., 1992.

554 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Лучшая биография Наполеона принадлежит Ж. Лефевру (англ. изд. в 2 томах — 1969). Споры о нем посвящена работа: *Gey P. Napoleon, For and Against*. L., 1963. Собрание документов: *Napoleon* / Ed. M.G. Hutt. L., 1972. См. также: *Godechet J., Hyslop B.F., Dowd D.L. The Napoleonic Era in Europe*. L., 1971. О наполеоновских войнах см.: *Glover M. The Napoleonic Wars: An Illustrated History, 1792-1815*. L., 1979; *Best G. War and Society in Revolutionary Europe, 1770-1870*. L., 1982; *Chandler D. The Campaigns of Napoleon*. L., 1966; *Rothenberg G. The Art of Warfare in the Age of Napoleon*. L., 1978.

Промышленный переворот в разных странах освещен в: *Economic History of Europe. Vol. 3-4* / Ed. C.M. Cipolla. L., 1973. Бесценный обзор: *Landes D.S. The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. L., 1969. См. также: *Kemp T. Industrialization in Nineteenth-Century Europe*. L., 1969; *Trebilcock C. The Industrialisation of the Continental Powers, 1780-1914*. L., 1981; *Pollard S. Peaceful Conquest, The Industrialisation of Europe, 1760-1970*. L., 1981; *Idem. The Integration of the European Economy since 1815*. L., 1981; *Milward A.S., Saul S.B. The Economic Development of the Economies of Continental Europe, 1780-1870*. L., 1973. См. также: *Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective*. L., 1962*.

О Британии см.: *Matthias P. The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700-1914*. L., 1969; а также по-прежнему увлекательную старую французскую работу: *Mantou X.P. The Industrial Revolution of the Eighteenth Century* (1928)**.

Более свежие исследования культурных сторон индустриализации см.: *Briggs A. Ironbridge to Crystal Palace: Impact and Images of the Industrial Revolution*. L., 1979; *Idem. The Power of Steam*. L., 1982. Более ранняя широко иллюстрированная работа большого историографического значения: *Giedion S. Mechanisation Takes Command*. L., 1948. Отличительные черты культурной истории Французской революции см.: *Kennedy F. A Cultural History of the French Revolution*. L., 1989; *Oiouf M. Festivals and the French Revolution*. L., 1988***; *Ribeiro A. Fashion in the French Revolution*. L., 1966.

Сравнительная история рассмотрена в: *Black J. Convergence or Divergence?* L., 1994; *Williams G.A. Artisans and Sans-Culottes*. L., 1968; *Brien P.O., Keydor C. Economic Growth in Britain and France, 1780-1914*. L., 1978.

Сравнительная история в длительной перспективе: *Harvey A.D. Collision of Empires: Britain in Three World Wars, 1793-1945*. L., 1992.

* Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуре. М., 2004. С. 420-447. ** Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии (опыт исследования). М., 1937 (фр. изд. - 1906). *** Озуф М. Революционный праздник, 1789-1799. М., 2003.

18-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 555

Глава 2 Порядок и движение, 1815-1848

Краткое введение: *Droz J. Europe between Revolutions, 1815-1848*. L., 1967. Также см.: *Sked A. Europe's Balance of Power, 1815-1848*. L., 1979; *Schroeder P. The Transformation of European Politics, 1763-1848*. L., 1994. Стоит прочесть и старую книгу: *Woodward E.L. Three Studies in European Conservatism: Metternich, Guizot, the Catholic Church in the Nineteenth Century*. L., 1929. Ср. совершенно непохожую — не столь старую — книгу Киссинджера,

написанную, когда он еще не был дипломатом: *Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812-1822.* Boston, 1957. О личности Меттерниха и австрийской политике см.: *Radvange E. Metternich's Projects for Reform in Austria.* L., 1971; *Reinerman A. Austria and the Papacy.* Vol. 2. L., 1979-1989. О Германии см.: *Hamerow T.S. Restoration, Revolution and Reaction: Economics and Politics in Restoration Germany (1815-1871).* L., 1958. О Франции см.: *Pilbeam P. The French Revolution of 1830.* L., 1971; *Mutton P.H. The Cult of Revolutionary Tradition.* L., 1981; *Agulhon M. Marianne into Battle: Republican Imagery and Symbolism in France, 1789-1880.* L., 1981; *Hemmings F.L.J. Culture and Society in France, 1789-1848.* L., 1987. Об Италии см.: *Greenfield K.P. Economics and Liberalism in the Risorgimento: A Study of Nationalism in Lombardy, 1814-1848.* L., 1934. О национализме как силе перемен см. старое, но приемлемое введение в сложную тему: *Hayes C.J. The Historical Evolution of Modern Nationalism.* L., 1931; *Anderson B. Imagined Communities: Rejections on the Origin and Spread of Nationalism.* L., 1983*; *Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality.* L., 1990**;

Breuilly J. Nationalism and the State. L., 1985; *Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations.* L., 1983. Широко по обзору труд: *The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger.* L., 1983. О «городе» см.: *Weber A.F. The Growth of Cities.* L., 1899***; *The Study of Urbanisation / Ed. P. Hauser, L. Schnore.* L., 1965; *Jones E. Towns and Cities.* L., 1966; *Briggs A. Victorian Cities.* L., 1963; *Chevalier L. Labouring Classes and Dangerous Classes in Paris During the First Half of the Nineteenth Century* (англ. пер. — 1973); *Meniman J.M. The Margins of City Life: Exploration of the French Urban Frontier, 1815-1851.* L., 1991; *Sharpe W., Wallack L. Visions of the Modern City.* L., 1983.

* *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления о причинах и распространении национализма.* М., 2001.

** *Хобсбаум Э.Дж. Нации и национализм после 1780 года.* СПб., 1998. *** *Вебер А. Рост городов в 19-м столетии.* СПб., 1903.

2444

556 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О «среднем классе» см.: *Pilbeam P. The Middle Classes in Europe, 1789—1914.* L., 1990. О рабочих: *Geary D. European Labour Protest, 1848-1939.* L., 1981 (история социализма прослеживается до европейских революций 1848 года). См. также: *Mitchell A., Deak I. Everyman in Europe: The Industrial Centuries.* L., 1981. Об истоках социализма см.: *Cole G.D.H. A History of Socialist Thought.* 4 vols. L., 1953.

Об одном из первых европейских освободительных движений, способствовавших переменам: *Clagg R. The Movement for Greek Independence.* L., 1976. О революциях 1848 года см.: *Price R. The Revolutions of 1848.* L., 1988; *Fejti F. The Opening of an Era, 1848.* L., 1948; *Namier L.B. 1848: the Revolution of the Intellectuals.* L., 1945 — прекрасный, но уже устаревший очерк; *Traugott M. Armies of the Poor.* L., 1985; *Stadelmann R. Social and Political History of the German 1848 Revolution.* L., 1975; *Sewell W.H. Work and Restoration in France: The Language of Labor from the Old Regime to 1848.* L., 1980; *Ginsberg P. Daniele Manin and the Venetian Revolution of 1848-1849.*

Глава 3 Строительство наций, 1848-1878

Ценное введение в дипломатическую историю периода, о котором повествуется в этой и следующей главе: *Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1914.* L., 1954. Поражение революции и формирование разными путями новой карты Европы описываются в: *Pflanz O. Bismarck and the Development of Germany: The Period of Unification, 1815-1871.* L., 1963.

О Франкфуртском парламенте см.: *Ejck F. The Frankfurt Parliament, 1848-1849.* L., 1968. Его европейский контекст см.: *Mosse W.E. The European Powers and the German Question, 1848-1871.* L., 1958. О Крымской войне и «разрушении европейского концерта» см.: *Schroeder Я И⁷. Austria, Britain and the Crimean War.* L., 1972. О двух державах среди основных его участников см.: *Anderson O. A Liberal State at War, English Politics and Economics During the Crimean War.* L., 1967; *Curtiss J.S. Russia's Crimean War.* L., 1979. Последствиям войны для «европейского концерта» посвящены: *Baumgart W. The Peace of Paris.* L., 1956; *Mosse W.E. The Rise and Fall of the Crimean System, 1855-1871.* L., 1963. См. также: *Bismarck and Europe / Ed. W.N. Medlicott, O.K. Coveney.* L., 1971; *Bourne K. Victorian Foreign Policy, 1830- 1902.* L., 1970; *Hyam R. Britain's Imperial Century, 1815-1914.* L., 1975.

О Франции см.: *Revolution and Reaction, 1848 and the Second French Republic / Ed. R. Price.* L., 1975; *McPhee P. A Social History of France, 1780- 1880.* L., 1992; *Government and Society in France, 1814-1848 / Ed. I. Collins.* L., 1970. О Второй империи см.: *Plessis A. The Rise and Fall of the Second Empire,*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 557

1852-1871 (англ. пер. - L., 1985); *Zeldin J. France 1848-1945.* L., 1973*; *Conflicts in French Society: Anticlericalism, Education and Morals in the Nineteenth Century / Ed. T. Zeldin.* L., 1970. Существует детальное новаторское исследование: *Pinckney D. Napoleon III and the Rebuilding of Paris.* L., 1975.

В следующей книге об Италии приводится полезная хронология и обсуждаются сложности трактовки событий: *Riall L. The Italian Risorgimento, State, Society and National Unification.* L., 1994. См. также: *Harder H. Italy in the Age of Risorgimento.* L., 1983; *Society and Politics in the Age of the Risorgimento / Ed. J.A. Davis, P. Ginsborg.* L., 1991; *Woolf S.J. History of Italy, 1700-1860, The Social Constraints of Political Change.* L., 1979; *Coppa F. The Origins of the Italian Wars of Independence.* L., 1992.

О трех государственных деятелях среди главных фигур середины XIX века в трактовке британских историков: *Taylor A.J. P. Bismarck, the Man and Statesman.* L., 1955; *Mack Smith D. Cavour.* L., 1985; *Idem. Garibaldi.* L., 1957; *Idem. Cavour and Garibaldi, a Study of Political Conflict.* L., 1985. Взгляд британского политика XX века на политика века XIX: *Jenkins R. Gladstone.* L., 1995. Лучшая биография Бисмарка в переводе на английский: *Gall L. Bismarck: The White Revolutionary.* Vol. 1-2. L., 1990. См. также: *Stem F. Gold and Iron: Bismarck, Bleichreder and the Building of the German Empire.* L., 1971; *Chadwick O. The Popes and European Revolution.* L., 1981.

Глава 4 Соперничество и взаимозависимость, 1871-1914

Введение в историю периода: *Joll J. Europe since 1870.* L., 1973; *Stone N. Europe Transformed, 1878-1916.* L., 1983; *The New Cambridge Modern History.* Vol. XII (rev. ed.) «The Shifting Balance of World Forces» / Ed. C.L. Mowat. Классическое американское исследование сосредоточено на дипломатических деталях: *Longer W.L. European*

Alliances and Entanglements, 1871-1893 (изд. 1950). За ним последовало продолжение: *Idem*. The Diplomacy of Imperialism, 1890-1902 (изд. 1965).

О противоречивых перспективах см.: *Bartlett J.* The Global Conflict, 1880-1970: The International Rivalry of the Great Powers. L., 1984; *Callego D.* The German Problem Reconsidered: Germany and the World Order, 1870 to the Present. L., 1978; *Kenner G.F.* The Decline of Bismarck's European Order: Franco-Russian Relations 1875-1890. L., 1979; *Bridge F.R.* Austro-Hungary and the Great Powers. L., 1990; *Beloff M.* Imperial Sunset. L., 1961; *Bosworth R.* Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy before the First World War. L., 1979.

Зелдин Т. Франция 1848-1945. Екатеринбург, 2004.

558 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

См. также: *Kennedy P.* The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860-1914. L., 1980; *Porter B.* Britain, Europe and the World, 1850-1892, Delusions of Grandeur. L., 1983.

Об имперской Германии ср.: *Wehler H.-U.* The German Empire, 1871—1914. L., 1985 —и: Society and Politics in Wilhelmine Germany/Ed. R.J. Evans. L., 1978. См. также: The German Working Class, 1888-1933 / Ed. R.J. Evans. L., 1982; The German Bourgeoisie. L., 1991. О Вильгельме II см.: *Rühl J.C.* The Kaiser and his Court. L., 1995. О вопросах преемственности: From Bismarck to Hitler: the Problem of Continuity in German History / Ed. J.C. Rühl. L., 1970.

Об Италии см.: *Seton-Watson C.* Italy from Liberation to Fascism. L., 1967. О Франции см.: *Anderson R.D.* France, 1870-1914, Politics and Society. L., 1977; *Thomson D.* Democracy in France since 1870 (изд. 1969); *McManners J.* Church and State in France, 1870-1914. L., 1972. О Британии см.: *Petting Я.* Popular Politics and Society in Late-Victorian Britain. L., 1968.

О рабочей политике см.: *Breuilly J.* Labour and Liberalism in Nineteenth-Century Europe. L., 1992; *Hunt E.H.* British Labour History, 1815-1914. L., 1981; *Burgess K.* The Challenge of Labour: Shaping British Society, 1850-1930. L., 1980; *Petting H.* Origins of the Labour Party. L., 1965; *Morgan J.* The German Social Democrats and the First International. L., 1965; *Edwards S.* The Paris Commune, 1871. L., 1971; *Schorske C.E.* German Social Democracy, 1905-1917. L., 1955; *Guttsman T.K.* The German Social Democratic Party, 1875-1933. L., 1981; *Keep J.L.H.* The Rise of Social Democracy in Russia. L., 1963.

О военной базе Германской империи: *Craig G.* The Politics of the Prussian Army, 1640-1945. L., 1955; *Kitchen M.* The German Officer Corps, 1890-1914. L., 1968; *Ritter G.* The Sword and Sceptre: The Problem of Militarism in Germany. Vol. 4. L., 1969 (пер. с нем.). О системе образования см. в качестве введения: The Rise of Modern Educational System: Structural Change and Social Reproduction, 1870-1920 / Ed. D.K. Mailer, R. Ringer, B. Simon. L., 1987.

О власти колониальных империй см.: *Fieldhouse D.* The Colonial Empires: A Comparative Study from the Eighteenth Century. L., 1966. Проблемы, связанные с технологией, хорошо изложены в: *Heindrich D.R.* The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century. L., 1981. О распаде старых европейских империй см.: *Sked A.* The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815-1918. L., 1989. О Российской империи см.: *Seton-Watson H.* The Decline of Imperial Russia. L., 1960; *Rogge H.* Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881-1917. L., 1983; *Kohn H.* Pan-Slavism. L., 1960. Об Османской империи: Nationalism in a Non-National State: the Dissolution of the Ottoman Empire / Ed. W.W. Haddad, W.L. Oshsenwold. L., 1977; The Great Powers and the End of the Ottoman Empire / Ed. M. Kent. L., 1984.

Попыткам реформ в Османской империи посвящена работа: *Davison R.H.* Reform in the Ottoman Empire, 1856-1876. L., 1963. См. также: *Kushner D.* The

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 559

Rise of Turkish Nationalism, 1876-1903. L., 1977. О переменах в России: *Miller M.S.* The Economic Development of Russia, 1905-1914. L., 1926; *Blackwell W.L.* The Industrialisation of Russia: An Historical Perspective. L., 1970.

Увлекательное сравнение России с Японией: *Black C.E., et al.* The Modernisation of Japan and Russia: A Comparative Study. L., 1975.

Огромная литература о причинах первой мировой войны создавалась в разные годы и с различных углов зрения.

Выводы в: *Joll J.* The Origins of the First World War. L., 1984, Заметным свежим вкладом является: *Lieven D.C.B.* Russia and the Origins of the First World War. L., 1983. Роль Германии обсуждается, причем с совершенно разными выводами в: The Origins of the First World War/ Ed. H.W. Koch. L., 1982.

О военных планах см.: *Ritter G.* The Schlieffen Plan. L., 1958; The War Plans of the Great Powers, 1880-1914/Ed. P.M. Kennedy. L., 1979; Military Strategy and the Origins of the First World War/ Ed. E. Miller. L., 1985.

О последних шагах к войне см.: *Dediger V.* The Road to Sarajevo. L., 1966.

Глава 5 Модерн и современная цивилизация

Отлично подобранный сборник документов: Paths to the Present: Aspects of European Thought from Romanticism to Existentialism / Ed. E. Weber. L., 1960. См. также: *Houghton W.E.* The Victorian Frame of Mind, 1830-1870. L., 1985; *Mosse G.L.* The Culture of Western Europe. L., 1963; *Hughes H.S.* Consciousness and Society: The Orientation of European Social Thought, 1890-1930 (изд. 1986). Путь в XX век: *Kern S.* The Culture of Time and Space, 1880-1918. L., 1983.

Введением в материал этой главы служит: *Croce B.* History of Europe in the Nineteenth Century (англ. пер. 1933).

Этот труд необходимо сопоставить с: *Ruggiero G. de.* The History of European Liberalism (англ. пер. 1927). Ср.: *Sheehan J.* German Liberalism in the Nineteenth Century. L., 1978; *Parry J.P.* Democracy and Religion: Gladstone and the Liberal Party. L., 1986. См. также: *Gray L.* Liberalism. L., 1986.

О «романтизме» и «классицизме», включая «неоклассицизм» см. каталог Королевской Академии и Музея Виктории и Альберта «The Age of Neoclassicism» (L., 1972); *Clark K.* The Gothic Revival. L., 1944; классическое исследование — *Praz M.* The Romantic Agony. L., 1933; отличное краткое введение — *Furst L.R.* Romanticism. L., 1969; The Romantic Movement / Ed. A.K. Thorlby. L., 1966. О позитивизме см.: *Manuel F.E.* The Prophets of Paris. L., 1962.

П. Гэй написал три больших тома, насыщенных внушительными библиографическими ссылками: *Gay P.* The

Bourgeois Experience: Victoria to Freud — The Education of Senses; *Idem*. The Tender Passion; *Idem*. The Cultivation of Hatred. L., 1984-1993. Труд доведен до 1914г. См. также: *Idem*. Freud, A Life for Our Times. L., 1988. Ср.: *Copley A.* Sexual Moralities in France, 1780-1980, New Ideas on the Family, Divorce and Homosexuality. L., 1989.

Из огромной литературы о Дарвине начните с: *Beer G. de*. Charles Darwin. L., 1963; *Eiseley L.* Darwin's Century: Evolution and the Men Who Discovered It. N.Y., 1958. О контексте и воздействии дарвиновской теории см.: *Burrow J.W.* Evolution and Society. L., 1966 (книга сосредоточена на Англии); *Clark L.L.* Social Darwinism in France. L., 1984; *Kelly A.* The Descent of Darwinism: The Popularisation of Darwin in Germany, 1860-1914. L., 1981.

О технике см.: *Rosenberg N.* Perspectives on Technology. L., 1976; Technology in Western Civilisation / Ed. M. Kranzberg, C.W. Pursell. L., 1967; *Beniger J.* The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society. L., 1986; *Pearson M.* The Knowledgeable State: Diplomacy, War and Technology since 1830. L., 1982; *Clarke I.F.* The Pattern of Expectation, 1644-2001. L., 1979; *Anderson P.* The Printed Image and the Transformation of Popular Culture, 1790-1860. L., 1991; *Hughes T.P.* Networks of Power, Electrification in Western Society, 1880-1930. L., 1983.

О транспорте и связи см.: *Robbins M.* The Railway Age. L., 1970; *Faith N.* The World of Railways. L., 1990; *O'Brien P.* Railways and the Economic Development of Western Europe, 1830-1914. L., 1983; *Kieve J.* The Electric Telegraph: A Social and Economic History. L., 1973; *Perkin J.* The Age of the Automobile. L., 1976; *Laux J.M.* The French Automobile Industry to 1914. L., 1976; *Duncan H.O.* The World on Wheels. L., 1926; *Foyle C.E.* A Short History of the World's Shipping Industry. L., 1933; *Gibbs-Smith C.* The Invention of the Aeroplane, 1799-1809. L., 1966; а также критическое и плодотворное исследование: *Edgerton D.* England and the Aeroplane. L., 1991. См. также: The Social Impact of the Telephone / Ed. I. de Sola Poole. L., 1977; *Joiy W.P.* Marconi. L., 1972; *Ууууан R.N.* Marconi and Wireless. L., 1974.

Об организационных формах, в рамках которых развивались техника и коммуникации см.: *Sombart И⁷*. The Quintessence of Capitalism (1915)*; *Hannah L.* The Rise of the Corporate Economy. L., 1976; *Rolfe S.* The International Corporation. L., 1969; *Wilkins M.* The Emergence of Multinational Enterprise. L., 1970; Multinational Enterprises in Historical Perspective / Ed. A. Reichova, M. Levy-Leboyer, H. Nussbaum. L., 1986. О связях между экономикой и политикой см.: *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. L., 1943**.

О городе конца XIX — начала XX вв.: Metropolis, 1890-1960 / Ed. A. Sutcliffe. L., 1984; **Evans R.J. Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830-1870.** Oxford, 1987 — прекрасное детальное исследование.

* *Зомбарт В.* Современный капитализм. 2-е изд. Л.—М., 1924 (нем. изд. ** *Шумпетер И.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

1901).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 561

О перспективах «конца века»: *Swart K. W.* The Sense of Decadence in Nineteenth Century France. L., 1964; *Stern F.* The Politics of Cultural Despair. L., 1961; Fin de Siecle and Its Legacy / Ed. M. Teich, R. Porter. L., 1990. См. также: превосходное исследование: *Schorske C.E.* Fin de Siecle Vienna: Politics and Culture. L., 1980. Ср.: *Jackson J.* The Eighteen Nineties. L., 1913. Также: *Puller P.* The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria. L., 1963. О Ницше: *Kaufmann W.* Nietzsche. L., 1950. Об анархистах: *Joll Y.* The Anarchists. L., 1964.

Психология масс стала привычной темой в XX веке. См.: *Le Bon G.* The Crowd: A Study of the Popular Mind (1903)*; Лихтгейм — один из многих, кто отмечает марксистский призыв к «массам»: *Lichtheim G.* Marxism: An Historical and Cultural Study. L., 1961. Перемены в производстве, торговле, потреблении и культуре придают слову «массовый» более широкое применение. См.: *Fraser W. J.* The Coming of Mass Market, 1850-1914. L., 1981.

Интересные вопросы поднимает Мюллер, изучая первые универсальные магазины: *Miiller M.* The Bon Marche: Bourgeois Culture and the Development of the Department Store, 1869-1920. L., 1981. Столь же интересна работа: *Williams R.* Dream Worlds: Mass Consumption in Late-Nineteenth Century France. L., 1982. См. также: *Briggs A.* Victorian Things. L., 1988. О массовом досуге см.: *Walvin J.* Leisure and Society, 1830-1950. L., 1978; The Modern Olympics / Ed. P.J. Graham, H. Weberhorst. L., 1976.

Развитие «окна в мир» — журналистики — хорошо прослежено в: *Pound K., Harmsworth G.* Northcliffe. L., 1959; *Brown L.* Victorian News and Newspapers. L., 1985; *Lee A.J.* The Origins of the Popular Press in England, 1855-1914. L., 1976; *Reed D.* The Power of News: The History of Reuters. L., 1992.

О повседневной жизни и изменении подхода к нуждам и желаниям (выраженным в еде и питье) см.: *Burnett J.* Plenty and Want: A Social History of Diet in England from 1815 to the Present. L., 1966; *Mennell S.* Manners of Food: Eating and Taste in England and France from the Middle Ages to the Present. L., 1985; *Smith R.E.F.* A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. L., 1984; *Corbain A.* The Foul and the Fragrant (англ. пер. — 1986); *Goubart P.* The Conquest of Water: The Advent of Health in the Industrial Age. L., 1989.

Об искусстве и дизайне см.: *Brion M.* Art of the Romantic Era. L., 1966; каталог Шотландской национальной галереи «The Romantic Spirit in English Art, 1790-1990» (L., 1995); *Pool P.* Impressionism. L., 1967; каталог выставки Музея Метрополитен «Impressionism, a Centenary Exhibition» (N.Y., 1974); *Daval J.-L.* Modern Art: The Decisive Years, 1884-1914. L., 1979; *Denvir S.* The Late-Victorians: Art, Design and Society. L., 1986; *Mandell R.D.* Paris, 1900: The Great World's Fair. L., 1967.

* *Лебон Г.* Психология толп. М., 1998.

562 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О науке: Science, Technology and Society in the Time of Alfred Nobel / Ed. C.G. Bernhard, E. Crawford, P. Sorborn. L., 1982. О медицине ср.: *Sky-rock R.H.* The Development of Modern Medicine. L., 1947; *Ingilis B.* A History of Medicine. L., 1965.

Глава 6 Европейская гражданская война, 1914-1918

Основные исторические сочинения о первой мировой войне: по-прежнему авторитетная книга Лиддел Гарта: *Liddell Hart B.* History of the First World War. L., 1934, 1972; *Strachan J.* The First World War, Vol. 1: To Arms. Oxford, 2001; *Stone N.* The Eastern Front, 1914—1917. L., 1975. Наиболее свежее фактическое изложение — *Howard*

M. The First World War. Oxford, 2002. Полезны также переведенные с немецкого и французского книги Ю. Кокки и М. Ферро: *Cocka J.* Facing Total War. Leamington Spa, 1984; *Ferro M.* The Great War. L., 1973, так и: The Oxford Illustrated History of the First World War / Ed. H. Strachan. Oxford, 1998; *Ashworth T.* Trench Warfare, 1914-1918: The Live and Let Live System. L., 1980; *Bourne J.M.* Britain and the Great War, 1914-1918. L., 1989.

Подробности о международной политике и экономике в годы войны см. в: *Stevenson D.* The First World War and International Politics. Oxford, 1988; *Hardach G.* The First World War, 1914-1918. L., 1987; *Maewick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. L., 1974.

Воздействие войны на общество и литературу стало в последние годы объектом внимания многих авторов. Среди примеров: *Winter J.* The Experience of World War I. L., 1989; *The Upheaval of War: Family, Work and Welfare in Europe, 1914-1918* / Ed. R. Wall, J. Winter. Cambridge, 1988; *Pedersen S.* Family, Dependence and the Origins of the Welfare State: Britain and France, 1919-1945. Cambridge, 1993; *Williams J.* The Home Fronts: Britain, France and Germany, 1914-1918. L., 1972.

Изучение того, как-выражалась память о первой мировой войне и как она воздействовала на дальнейшую европейскую историю, вызвало большой интерес у историков конца XX века. См.: *Fussett P.* The Great War and Modern Memory. L., 1975; *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning. Cambridge, 1995; *Field F.* British and French Writers of the First World War. L., 1991; *Coker C.* War and the Twentieth Century: A Study of War and Modern Consciousness. L., 1994.

О женщинах см.: *Tylee CM* The Great War and Women's Consciousness: Images of Militarism and Womanhood in Women's Writings, 1914-1964. L., 1990; *Higonnet M.R., Jenson J., Michel S., Weitz M.C.* Behind the Lines: Gender and the Two World Wars. New Haven, 1987; *Mitchell D.* Women on the Warpath: the Story of Women in the First World War. L., 1966.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 563

Существует внушительное количество воспоминаний о первой мировой войне. В их числе: *Lloyd George D.* War memoirs (1933—1936)*. Поучительным источником служит: *Brittain V.* Testament of Youth: an autobiographical Study of the Years 1900-1925. Glasgow, 1979 (1-е изд. - 1923).

Подробности о событиях в отдельных странах: *Becker J., -J.* The Great War and the French People. L., 1985; *Carsten F.* Revolution in Central Europe. L., 1975; *Germany in the Age of Total War* / Ed. V. Berghan, M. Kitchen. L., 1981; *Bosworth R.* Italy and the Approach of the First World War. L., 1983; *Galantai J.* Hungary in the First World War. Budapest, 1989; *Davies N.* Heart of Europe: A Short History of Poland. Oxford, 1984. Об Османской империи см.: *Fromkin D.* A Peace to End All Peace. N.Y., 1989.

Литература о русской революции также обширна: *Reed J.* Ten Days that shook the world; N.Y., 1919** — хорошо написанное свидетельство американского журналиста — очевидца событий, одобренное Лениным. В 1997 г. книга вышла в Лондоне в новом иллюстрированном издании. Лучшими из новейших исследований являются: *Figes O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891-1924. L., 1996; *Pipes Л.* The Russian Revolution 1899-1919. L., 1990; *Idem.* Russia under the Bolshevik Regime, 1919-1924. L., 1994³*. Отличным введением остается: *Fitzpatrick S.* The Russian Revolution, 1917-1922. Oxford, 1982. См. также: *The Blackwell Encyclopedia of the Russian Revolution* / Ed. H. Schukman. Oxford, 1994.

Глава 7 Новый порядок? 1919-1929

Среди последних работ о Парижской мирной конференции: *Sharp A.* The Versailles Settlement. L., 1991; *Ambrosias L.* Wilsonian Statecraft: Theory and Practice of Liberal Internationalism during World War I. Wilmington, 1991; *The Treaty of Versailles. A Reassessment after Seventy-Five Years* / Ed. M. Boemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Cambridge, 1995. Свидетельства очевидцев: *Nickolson H.* Peacemaking, 1919. N.Y., 1933; *Nitti F.* Peaceless Europe. L., 1922; *Keynes J.M.* The Economic Consequences of Peace. L., 1919⁴*. О вопросе вины Германии: *Lentin A.* Lloyd George, Woodrow Wilson and the Guilt of Germany. Leicester, 1984. Брюс Кент рассматривает тему военных долгов и репараций: *Kent B.* The Spoils of War: The Politics, Economics and Diplomacy of Reparations, 1918—1932. Oxford, 1989.

* *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 1-6. Пер. И. Звавича. М., 1934-1938. ** *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир (любое изд.).

³* *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994; *Он же.* Россия при большевиках. М., 1997. ⁴* *Кейнс Д.М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. 2-е изд. М.-Л., 1924.

564 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Салли Маркс представляет лучший краткий обзор европейской дипломатии того времени в: *Marks S.* The Illusion of Peace: International Relations in Europe, 1918—1933. L., 1976. Об экономике см.: *Clavin P.* The Great Depression in Europe, 1929-1939. L., 2000; *Aldcroft D.H.* From Versailles to Wall Street. L., 1977; *Munting R., Holderness B.A.* Crisis, Recovery and War: An Economic History of Continental Europe, 1918-1945. L., 1991.

Большая часть историй русской революции охватывает и гражданскую войну, но в поисках подробностей см.: *Mawdsley E.* The Russian Civil War. L., 1987. Интересный очерк экономического развития Советского Союза см. в: *Nove A.* An Economic History of the USSR. L., 1969, 1982 (3-rd ed.). Пробуждающий мысль документальный рассказ о гражданской войне и ее воздействии на партию см. в: *McCauley M.* The Russian Revolution and the Soviet State, 1917-1921. L., 1975.

Литература о Восточной Европе того периода скудна по сравнению с историографией Западной Европы, Лучшие работы: *Okey R.* Eastern Europe, 1740-1985. L., 1982; *Polonsky A.* The Little Dictators: the History of Eastern Europe since 1918. L., 1975. До сих наиболее глубоким исследованием остается: *Macartney C. A.* Independent Eastern Europe: A History. L., 1962. Интересное, хотя и пространное автобиографическое повествование см. в: *Masaryk T.* The Making of State: Memories and Observations 1914-1918. L., 1927.

Лучшее сравнительное исследование послевоенной стабилизации: *Maier Ch.* Recasting Bourgeois Europe: Stabilisation of France, Germany and Italy after World War I. Princeton, 1975. О Британии см.: *Mowat Ch.L.* Britain

Between the Wars, 1918-1940. L., 1955, 1987 (5ed.); *Reynolds D.* Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. L., 1991. О закате и расцвете британской экономики: *Pollard S.* The Development of the British Economy, 1914-1990. L., 1992 (1 ed. — 1962). Ценные свежие очерки отношений между Британией и Францией и их колониями в этот период: *Cain P.J., Hopkins A.G.* British Imperialism: Crisis and Deconstruction 1914-1990. L., 1993; *Belts R.* France and Decolonisation, 1900-1960. L., 1991.

История экономических кризисов Франции в двадцатые годы более доступна на английском языке, чем политическая история этой страны. Лучшая из книг по первой теме: *Schuker S.A.* The End of French Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the adoption of the Dawes Plan. Chapel Hill, 1976. О внешней политике см.: *Jacobsen J.* Locarno Diplomacy: Germany and the West, 1925—1929. Princeton, 1972. Лучшее английское введение во французскую политику: *McMillan J.* Twentieth Century France: Politics and Society. L., 1985, 1992. См. также: *Adamthwaite A.* Grandeur and Misery. France's bid for power in Europe, 1914-1940. L., 1995. Подробности становления французских ультраправых см.: *Soucy R.* French Fascism: the first wave, 1924-1933. L., 1986. Полезное документальное исследование составлено Фортезью: *Fortescue W.* The Third Republic in France, 1870-1940. L., 2000.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 565

Серьезный рассказ об итальянской политике представлен в: *Mack Smith A.* Mussolini. L., 1981; *Littleton A.* The Seizure of Power: fascism in Italy, 1919-1929. L., 1973, 1987. Об идейных истоках итальянского фашизма см.: *James Gregor A.* Young Mussolini and the Intellectual Origins of Fascism. Berkeley, 1979. Наиболее внушительное итальянское историческое сочинение о периоде: *De Felice R.* Mussolini il fascista. Milano, 1968. Сопоставление Германии и Италии см. в: *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts* / Ed. R. Bessel. Cambridge, 1996; *De Grand A.* Fascist Italy and Nazi Germany: the «fascist» style of rule. L., 1995. Об Испании см. по-прежнему полезную работу: *Brennan G.* The Spanish Labyrinth: an account of the social and political background to the civil war. Cambridge, 1949, 1950. Среди обильного вклада Раймонда Кара и Пола Престона в историографию Испании см.: *Carr R.* The Civil War in Spain, 1936-1939. L., 1986; *Preston P.* The Coming of the Spanish Civil War. L., 1978, 1994. Литература о Веймарской Германии обширна. Среди лучших образцов: *Bessel R.* Germany after the First World War. Oxford, 1993; *Hinden J.* The Weimar Republic. L., 1984; *Peukert D.* The Weimar Republic: the crisis of classical modernity. L., 1991; *Social Change and Political Development in Weimar Germany* / Ed. R. Bessel, E.J. Feuchtwanger. L., 1981. Подробности о германском гиперинфляционном кризисе: *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation* / Ed. G. Feldman, Oxford, 1993; о культуре см. увлекательную книгу: *Gay P.* Weimar Culture: the outsiders as insiders. N.Y., 1968.

Глава 8 Пушки и масло, 1929-1939

Единственное исследование о «великой депрессии», сосредоточенное на Европе: *Clavin P.* The Great Depression in Europe, 1929-1939. L., 2000. Лучшей работой о глобальных последствиях кризиса остается: *Kindleberger Ch.* The World in Depression, 1929-1939. Harmondsworth, 1987. Валютной стороне депрессии посвящены: *Eichengreen B.* Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919-1939. N.Y., 1992; *Drummond I.* The Gold Standard and the International Monetary System, 1900-1939. L., 1987.

Сравнительный политический обзор Европы в этот период представлен в: *Kitchen M.* Europe Between the Wars. L., 1990. Разнообразные темы объединены в сборнике: *Europe 1900-1945* / Ed. J. Jackson. Oxford, 2002. Изобилие живых деталей о политике, обществе и культуре представлено в: *Brendan P.* The Dark Valley, A Panorama of the 1930s. L., 2000. По-прежнему ценны: *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. L., 1943 <7 ed. — 1987>; *Carr E.H.* International Relations between the two world wars. L., 1947. Интересный рассказ о социальном и политическом воздействии кризиса на европейский рабочий

566 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

класс см. в: *Salter S., Stevenson J.* The Working Class and Politics in Europe and America, 1929-1945. L., 1990. К сожалению, не существует серьезного сравнительного исследования о «среднем классе».

Депрессия также породила споры о европейском единстве. О ранних истоках Европейского Союза см.: *European Unity in the Context of the Interwar Period* / Ed. P.M.R. Stirk. L., 1989. По истории отдельных стран в годы депрессии см.: *Mowat С.* Britain Between the Wars 1918-1940. L., 1955; *Robbins K.* The Eclipse of a Great Power. Modern Britain, 1870-1975. L., 1983; *Stevenson J., Cook C.* Britain in Depression. Society and Politics, 1929-1939. L., 1994. Обширная литература о крахе Веймарской республики. Хорошей исходной точкой служат: *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* / Ed. I. Kershaw. L., 1990; или: *Peukert O.* The Weimar Republic. L., 1991. Работ по межвоенной Франции не столь много, однако серьезный вклад был внесен уже в последнее время: *Jackson Y.* The Politics of Depression in France, 1932-1936. Cambridge, 1985; *Idem.* The Popular Front in France. Cambridge, 1989. Важное новое исследование о французской экономической политике в тот период: *Mouze K.* Managing the Franc Poincare. Economic Understanding and Political Constraint in French Monetary Policy, 1928-1936. Cambridge, 1991. Детальных монографий о Восточной Европе в годы депрессии все еще мало. Среди того, что доступно: *Carsten F.L.* The First Austrian Republic, 1918-1938. L., 1986; *The European Right. A Historical Profile* / Ed. H. Rogger, E. Weber. Berkeley, 1966; *Rutter O.* Regent of Hungary. The Authorized Life of Nicholas Horthy. L., 1938. Свод последних исследований см. в: *The Economic History of Eastern Europe, 1919-1975* / Ed. Michael Kaser. Oxford, 1986.

Старым, но блестящим объяснением причин гражданской войны в Испании являются: *Preston P.* The Spanish Labyrinth. L., 1943; а также свидетельство очевидца: *Borkenau F.* The Spanish Cockpit. L., 1937, 1986. Более новые работы: *Carr R.* The Spanish Tragedy. L., 1986; *Fraser R.* Blood of Spain. An oral history of the Spanish Civil War. L., 1986. Также важно первое полное исследование о Франко: *Preston P.* Franco. A biography. L., 1994*. Среди хороших введений в тему: *Ribeiro de Menses F.* Franco and the Spanish Civil War. L., 2001; *Forrest A.* The Spanish Civil War. L., 2000; *Preston P.* The Coming of the Spanish Civil War. L., 1978, 1994.

Сравнительные исследования способствуют лучшему пониманию европейского фашизма. В качестве введения см.: *Blinkhorn M.* Fascism and the Right in Europe, 1919-1945. L., 2000; *Morgan Ph.* Fascism in Europe, 1919-1945. L.,

2002. Наиболее подробные исследования: *Payne S.* A History of Fascism, 1914-1945. Madison (Wise.), 1995; *Fascism in Europe* / Ed. S.J. Woolf. L., 1981. Все еще полезно руководство: *Laquer W.* Fascism: A Reader's Guide. L., 1979. На сопоставлении, итальянского и германского фашизма сосредоточены сле-

Лрестон П. Франко. Биография. М., 1999.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 567

дующие исследования: *De Grand A.* Fascist Italy and Nazi Germany: the «fascist» style of rule. L., 1995; *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and Contrasts* / Ed. R. Bessel. Cambridge, 1996. Глубокий современный очерк господствовавших идеологий того времени см.: *Oakeshott M.* Social and Political Doctrines of Contemporary Europe. L., 1940. Предпосылки фашистского антисемитизма рассмотрены в: *Lindemann A.* Anti-Semitism before the Holocaust. L., 2000. Очевидно, что число исследований о теории и практике нацизма, иногда трактуемого отдельно от европейского фашизма, огромно. Чтобы разобраться в историографических спорах, бесценную помощь окажет книга: *Kershaw L.* The Nazi Dictatorship. L., 1985 (4 ed. — 2000). Майкл Берли внес новую струю в изучение предмета, представив национал-социализм как «политическую религию»: *Burleigh M.* The Third Reich. A New History. L., 2000. Комментированные документы см. в: *Noakes J., Pridham G.* Nazism, 1919—1945: a Documentary Reader. Exeter, 1984. Знамениты следующие труды: *Bracher K.* The German Dictatorship. N.Y., 1971; *Fest J.* The Face of the Third Reich, Harmondsworth, 1972*; *Stern F.* The politics of cultural despair: a study in Germanic ideology. Berkeley (Ca.), 1961; а также более свежая книга: *Burleigh J., Wippermann W.* The Racial State: Germany, 1933—1945. Cambridge, 1991. Прекрасное исследование об экономическом развитии Германии: *Overy J.* The Nazi Economic Recovery, 1932-1938. L., 1996 (2 ed.). Превосходное объяснение гитлеровских идей см. в классической книге: *Jackett E.* Hitler's Worldview. A blueprint for power. Cambridge (Mass.), 1972.

Лучшей биографией Гитлера было признано двухтомное исследование Йена Кершоу: *Kershaw J.* Hitler, 1889-1936: Hubris. L., 1991; *Idem.* Hitler, 1936—1945: Nemesis. L., 2000. В следующей работе предпринята попытка сравнить Гитлера со Сталиным: *Bullock A.* Hitler and Stalin: Parallel lives. L., 1991. Новые архивные материалы из бывшего Советского Союза способствовали выходу новых, пересмотренных работ о сталинизме. Среди лучших — новаторская книга: *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism: Ordinary Lives in Extraordinary Times, Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 2001; Stalinism. New Directions / Ed. Sh. Fitzpatrick. L., 2000. Другие биографические исследования, помимо книги Алана Баллока, включают: *Редзинский Э.* Сталин {разн. изд.; на англ. — L., 1997}; *Brackman J.* The Secret File of Joseph Stalin: A Hidden Life. L., 2001. Подробно о терроре см. в: *Getty J.* The Road to Terror, Stalin and the destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven, 1999; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. Oxford, 1986**. Джеффри Брукс исследует советскую культуру: *Brooks J.* Thank you comrade Stalin! Soviet public culture from revolution to Cold War. Princeton, 1999.

* См. также: *Фест И.* Адольф Гитлер. Т. 1-3. СПб., 1993. ** См. также: *Конквест Р.* Большой террор. М., 1991.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава 9 От европейской к мировой войне, 1933-1945

Пятидесятилетний юбилей начала второй мировой войны способствовал публикации новых исследований о ней. Лучшими из них являются: *Watt D.* How War Came. L., 1989; *Overy R.* The Road to War. L., 1989. Интересный взгляд на последние историографические дебаты представлен в: *The Origins of the Second World War* / Ed. P. Finney. L., 1997. Прекрасным чтением остается противоречивая книга: *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. L., 1961.

Экономические аспекты представлены в прекрасном сборнике статей: *The Economics of World War II. Six great Powers in international comparison.* Cambridge, 1998. Об экономике британского «умиротворения» Гитлера см.: *Peden G.* British Rearmament and the Treasury 1932-1939. Edinburgh, 1979. Дилемма Франции хорошо показана в: *Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War. L., 1977. Увлекательный рассказ о растущей зависимости Британии от Соединенных Штатов см. в: *Reynolds D.* Britannia Overruled. L., 1991.

О дипломатии Муссолини в ранние годы см.: *Cassels R.* Mussolini's Early Diplomacy. Princeton, 1970. Ценные соображения об итальянских имперских амбициях см. в: *McGregor Knox.* Mussolini Unleashed, 1939-1941. Cambridge, 1982.

Следующее исследование обращено к забытой теме отношений между странами оси: *Steinberg Y.* All or nothing. The Axis and the Holocaust, 1941-1943. L., 1990. Об Италии в условиях союзной оккупации рассказывается в: *Ginsbourg P.* A History of Contemporary Italy. Society and Politics, 1943-1988. L., 1990.

Краткие, нехорошо написанные истории войны: *Parker R.A.C.* Struggle for Survival. The History of the Second World War. Oxford, 1989; *Kitchen M.* The World in Flames. L., 1990. Глобальный характер войны исследуется в: *Weinberg G.L.* A World at Arms. A Global History of World War II. Cambridge, 1994.

Подробности о пропагандистских усилиях основных воюющих сторон см. в: *Balfour M.* Propaganda in War, 1939-1945. L., 1979; *Steinert M.G.* Hitler's War and the Germans. Public Mood and Attitude during the Second World War. Athens (Oh.), 1977. Важным вкладом в изучение сопротивления и искусства в годы войны является: *Wilkinson J.D.* Intellectual Resistance in Europe. Cambridge (Mass.), 1981. Пол Фассел, напротив, пишет о военном опыте солдат и их семей: *Fussell P.* Wartime. Oxford, 1989. Взгляд карикатуриста: *Douglas R.* The World War, 1939-1945: The Cartoonists Vision. L., 1990.

Чтобы понять жизнь под оккупацией и социальную цену войны см.: *Rings W.* Life with the Enemy. L., 1982; *Marrus M.* The Holocaust in History. L., 1988; *Baumel J.T.* Double Jeopardy: Gender and the Holocaust. N.Y., 1998; *Mayer A.* Why the Heavens did not Darken. L., 1990; *War and Social Change* / Ed. A. Marwick. L., 1988. См. необычный и прекрасно написанный рассказ о жиз-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 569

ни в нацистской Германии и офицерском заговоре против Гитлера: *The Berlin Diaries of Marie «Missie» Vassiltchikov.* L., 1985*. Роль женщин в войне изучается все большим числом авторов. См.: *Summerfield P.* Women Workers in the Second World War. L., 1984; *Idem.* Reconstructing women's wartime lives: discourse and subjectivity in oral histories of the Second World War. Manchester, 1998; *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. L.,

1989; *Wartime Women* / Ed. D. Sheridan. L., 1990; а также сравнительные очерки в: *Total War and Social Change* / Ed. A. Marwick. L., 1988.

Глава 10

Послевоенная Европа: замораживание и оттаивание, 1945-1969

Убедительный рассказ о жизни в побежденной Германии см. в: *Refugees in the Age of Total War* / Ed. A. Bramwell. L., 1988; *Krockow Ch. von. Hour of the Women*. L., 1992. Ср. впечатления о жизни в Восточной Европе после войны: *Skvo-recky J. The Cowards*. Prague, 1958, L., 1968. Более подробно об отношении к Германии см.: *Deighton A. The Impossible Peace: Britain, the Division of Germany and the Origins of the Cold War*. Oxford, 1990. Интересный анализ «переучивания» Германии представлен в: *Pronay N., Wilson K. The Political Re-Education of Germany and her Allies after World War II*. L., 1985. В качестве введения в роль церкви в истории послевоенной Европы см.: *Chadwick O. The Christian Church in the Cold War*. L., 1993. Литературу по экономическому, социальному и политическому восстановлению Западной Европы см. в библиографии к главе 11.

Литература о холодной войне обширна. Налицо разнообразие трактовок ее начала, хода и, в последних работах, завершения. Ср.: *Maddox R.J. The New Left and the Origins of the Cold War*. Princeton, 1973; *Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*. N.Y., 1972; *Gormly J.L. From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945-1947*. Wilmington, 1990. Габриэль Партош живо использует интервью, собранные после падения «железного занавеса»: *Partos G. The World that Came in From the Cold*. U, 1993.

Очерк жизни в СССР до реформ см.: *Pipes R. Russia under the Old Regime*. L., 1974^{**}; *Sakwa R. The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917-1991*. L., 1999; *Linden C. Khrushchev and the Soviet Leadership: with an Epilogue on Gorbachev*. L., 1990 (1 ed. - 1966); *Masking G. The Awakening of the Soviet Union*. L., 1990^{3*};

* *Васильчикова М.И.*, кн. Берлинский дневник 1940-1945. М., 1994.

** *Паше Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. Эта книга посвящена не СССР, а Российской империи. — *Примеч. пер.*

^{3*} *Хоскинг Д.* Пробуждение Советского Союза: Реферат. М., 1992.

570 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Lane D. Soviet Economy and Society. Oxford, 1985; *McCauley M. Politics and the Soviet Union*. L., 1977.

Падение «железного занавеса» также предоставило историкам доступ к новым документальным свидетельствам по истории Восточной Европы, позволив ученым заполнить белые пятна. Лучшими историями Восточной Европы пока еще остаются книги, написанные до 1989 года: *Schopflin G. Politics in Eastern Europe*. L., 1981; *White S., Gardner J., Schopflin G. Communist Political Systems: an Introduction*. L., 1982; *Rothschild J. Return to Diversity: a political history of East Central Europe*. Oxford, 1989; *Okey R. Eastern Europe, 1740-1985*. L., 1982; *Roskin M. The Rebirth of Eastern Europe*. Englewood Cliffs, 1991; *Swain G., Swain N. Eastern Europe Since 1945*. L., 1993. Среди недавних опубликованных обзоров: *Bideleux L., Jeffries I. A History of Eastern Europe. Crisis and Change*. L., 1998. Дальнейшие рекомендации по региону см. в библиографии к главе 12.

Подробности об отдельных странах см. в: *Hoensch J. A History of Modern Hungary, 1867-1986*. L., 1988; *Cvite Ch. Remaking the Balkans*. L., 1991 (о Югославии); *Turner H. A., jr. The Two Germanies since 1945*. L., 1987; *Balfour M. Germany: the Tides of Power*. L., 1992; *Davies N. Heart of Europe: a short history of Poland*. Oxford, 1984.

Глава 11 Реконструкция Европы, 1945-1968

Восстановление Западной Европы стало сюжетом многих превосходных книг. Противоположные трактовки воздействия плана Маршалла на восстановление Европы представлены в: *Hogan M. The Marshall Plan. America, Britain and the Reconstruction of Western Europe, 1947-1952*. Cambridge, 1987; *Milward A. The Reconstruction of Western Europe*. L., 1984. Важным вкладом в тему являются также: *The Marshall Plan and Germany. West German development within the framework of the European Recovery Programme*. N.Y., 1991; *Eltwood D. Rebuilding Europe. Western Europe, America and Postwar Reconstruction*. L., 1992.

Сравнительный взгляд на дальнейшую политическую историю Западной Европы см. в: *Urwin D. W. Western Europe since 1945: a political history*. L., 1968 (5-th ed. — 1997); *Young J. W. Cold War Europe. A Political History, 1945-1989*. L., 1991. Тематический подход в: *Europe Since 1945* / Ed. M. Fulbrook. Oxford, 2001.

См. интересный обзор воздействия войны на самые мощные мировые экономики: *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge, 1998. Большая часть работ по послевоенной Европе затрагивают проблемы западноевропейского экономического возрождения, но если интересуют подробности, обратитесь к: *Europe's Postwar Recovery* / Ed. B. Eichengreen. Cambridge, 1995; *Crafts N. The Gold Age of Economic Growth in*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 571

Nestern Europe, 1950-1973 // *Economic History Review*. Vol. 48, № 3 (Aug. 1995). О месте Европы в мире: *James H. International Monetary Cooperation Since Bretton Woods*. Wash., 1996. Одной из наиболее читаемых общих работ остается: *Van Der Wee H. Prosperity and Upheaval. The World Economy, 1945-1980*. L., 1986. См. также: превосходный сборник статей по западноевропейской социальной и экономической истории: *Western Europe. Economic and Social Change Since 1945* / Ed. M.-S. Schulze. L., 1999.

Историки и социологи исследовали влияние западноевропейских «экономических чудес» на классовые отношения в послевоенный период: *Carew A. Labour under the Marshall Plan*. Manchester, 1987; *National Communism in Western Europe: a third way to Socialism?* / Ed. H. Machin. L., 1983; *Weiler P. British Labour and the Cold War*. Stanford, 1988.

Ряд книг по этой теме редактировал Уильям Патерсон, включая следующую: *Social Democracy in post-war Europe*. L., 1974.

Более широкое изучение отношений между государством и капиталистической системой: *Shonfeld A. Modern Capitalism*. Oxford, 1965; *Kuisel R. Capitalism and the State in Modern France*. Cambridge, 1981; *Smith M.L., Stirk P.M.R. Making the New Europe. European Unity and World War Two*. L., 1991; *Hall P. Governing the Economy: the Politics of State Intervention in Britain and France*. Cambridge, 1986. Подробности об отдельных государствах:

Ginsborg A. A History of Contemporary Italy. Society and Politics, 1943-1988. L., 1990; *Stovall T.* France since the Second World War. L., 2002; *Nicholls A.J.* The Bonn Republic. West German Democracy, 1945-1990. L., 1997; *Carr R., Fusi J.P.* Spain. Dictatorship to Democracy. L., 1979, 1991; *Preston P.* The Triumph of Democracy in Spain. L., 1986; *Birmingham D.A.* Concise History of Portugal. Cambridge, 1993; *Hennessy P.* Never Again. Britain 1945-51. L., 1992; *Lloyd T.O.* Empire, Welfare State, Europe. The United Kingdom, 1906-2001. Oxford, 2001; *Middleton R.* The British Economy Since 1945. L., 2000.

Количество литературы о Европейском Содружестве продолжает расти. Среди лучших — работы Уильяма Уоллеса, в том числе: *Wallace W.* The Transformation of Western Europe. L., 1990; *The Dynamics of European Integration* / Ed. W. Wallace. L., 1991. Также полезны; *Wrwyn D.W.* The Community of Europe. A History of European Integration since 1945 (2 ed. — 1997); *George S.* Politics and Party in the European Community. Oxford, 1985.

Глава 12 На пути к единой Европе, 1968-2002

Попытки реформ Горбачева и последствия их неудачи до сих пор еще осмысляются политическими комментаторами и историками. Оценки Горбачева до

572 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

и после распада Советского Союза см. в: *Kotkin S.* Armageddon Averted. The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford, 2001; *Sakwa S.* The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917—1991. L., 1999 — в последней книге автор представил интересное собрание источников по теме. Полезными и регулярно обновляемыми обзорами являются: *White S., Pravda A., Gitelman Z.* Developments in Russian Politics 4 (4 ed. - 1997); *Pearson R.* The Rise and Fall of the Soviet Empire (2 ed. - 2002). Среди последних биографий Горбачева: *McCauley M.* Gorbachev. L., 2000. Чтобы понять, как «гласность» воздействовала на советскую культуру, см.: *Wove A.* Glasnost in Action: Cultural Renaissance in Russia. L., 1989. Среди многих работ, в которых исследуется появление русской мафии в контексте перехода к капиталистической экономике: *Varese F.* The Russian Mafia. Private Protection in a New Market Economy. Oxford, 2001. Следующая книга стала одной из первых работ по жизни СНГ: *ffosking G., Avis J., Duncan P.* The Road to Post-Communism. L., 1992. Увлекательные новейшей истории ближайших соседей России: *Gokay B.* Eastern Europe Since 1970. L., 2001; *Grampian R.J.* The Balkans Since the Second World War. L., 2002.

Историю Западной Европы после 1970 г. все еще лучше изучать через национальные истории. О Германии: *Nicholls A.J.* The Bonn Republic. West German Democracy, 1945-1990. L., 1997; *Childs D.* The Fall of the GDR. L., 2001. О Греции: *Close D.H.* Greece Since 1945. L., 2002. О Франции: *Gildea R.* France Since 1945. Oxford, 2002; *Guyomarch A., Machin H., Hayward J.* Developments in French Politics (2 ed. — 2001). Об Испании: *Heyward P.* The Government and Politics of Spain. L., 1995. Свидетельства очевидцев драматических событий 1989 года см. в: *Ash T.G.* We the People: the Revolution of '89 witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin and Prague.

Так как большинство историков рассматривают период после второй мировой войны как единое целое, следует обратиться к главам 10 и 11.

Глава 13 Постмодерн?

На большую часть основных текстов мы ссылаемся — и цитируем — в тексте этой главы. Литература о них обширна. В особенности см.: *Freud S.* Civilisation and its Discontents. L., 1929; *Apollonio U.* Futurist Manifestos. L., 1973*; *Ortega y Gasser* /The Revolt of the Masses. L., 1930**; *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. L., 1951***; *Ellul J.* The Technological Society (англ. пер. — 1969);

Манифесты итальянского футуризма / Пер. В. Шершеневича. М., 1914. * *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2001 и др. изд. ** *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 573

Wiener N. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society. L., 1954*; *Toffler A.* Future Shock. L., 1970; *Idem.* The Third Wave. L., 1980**; *Naisbik I., Aburdeen P.* Megatrends. N.Y., 1990; *Nora S., Mine A.* The Computerization of Society. L., 1980; *Pagels H.* The Dream of Reason: The Computer Technology and the Rise of the Society Complexity. N.Y., 1989; *Postman N.* The Surrender of Culture to Technology. N.Y., 1992.

О «конце идеологии» см.: *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1989³*. См. также: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976; *Roszak T.* The Making of a Counter Culture. L., 1970; *Kumar D.* Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society. L., 1978; *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989; *Connor S.* Postmodernist Culture. L., 1989.

О капитализме — и экономическом фоне перемен — см.: *Shonfield A.* Modern Capitalism: The Changing Balance of Public and Private Power. L., 1965; *Van Der Wee H.* Prosperity and Upheaval. The World Economy, 1945-1980. L., 1986.

О связях с политикой см.: *Organising Interests in Western Europe: Pluralism, Corporatism and the Transformation of Politics* / Ed. S. Berger. L., 1981; *Lindberg W.N.* The Political Dynamics of European Integration. L., 1963; *Mihvard A.S.* The European Rescue of the Nation State. L., 1992. О риске, надежде и перспективах выживания человечества: *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture. N.Y., 1982; *Hacking I.* The Taming of Chance. L., 1990; *Folk R.* The Endangered Planet. N.Y., 1973; *McDougall W.A.* The Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age. N.Y., 1997.

Много книг посвящено росту «потребительства» и тому, как оно выражает себя, особенно в Америке. См.: *Cross G.* Time and Money: The Making of Consumer Culture. L., 1993 (с полезной библиографией); *Ewen S.* Captains of Consciousness: Advertising and the Social Roots of Consumer Culture. L., 1976; *Willett R.* The Americanization of Germany, 1945-1949. L., 1992; *Krisel R.F.* Seducing the French: the Dilemma of Americanization. L., 1990; *Kaplan K.A.* Rocking Around the Clock. Music Television, Post-modernism and Consumer Culture. L., 1987; *Lefebvre H.* Everyday Life in the Modern World (англ. пер. — 1979).

Об искусстве и архитектуре: Post-Impressionism. L.: Royal Academy, 1979-1980; *Fry E.F.* Cubism. L., 1986; *Richter H.* Dada. L., 1965; *Hinz B.* Art and the Third Reich. L., 1979; *Gay P.* Weimar Culture: the outsiders as insiders. N.Y., 1968; Art and Power, Europe Under the Dictators, 1930—1945. L.: Hayward Gallery, 1995; *Lippard L.R.* Pop Art. L., 1966. См. также: *Hitter B.* The Style of the Century.

* *Винер Н.* Кибернетика и общество. Творец и робот. М., 2003 и др. изд. ** *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2001; *Он же.* Третья волна. М., 2002. ³* *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2003.

574 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Л., 1983; *Jencks C.* Post-Modernism, The New Classicism in Art and Architecture. Л., 1987; *Grimwood J.* Photohistory of the 20th Century. Л., 1986.

О средствах массовой информации: *Smith A.* The Shadow in the Cave. Л., 1983; *Dayan D., Katz E.* Media Events: The Live Broadcasting of History. Л., 1992; *Television: An International History* / Ed. A. Smith. Л., 1995; *Mulgan G.J.*

Communication and Control. Л., 1991; *Briggs A., Burke P.* A Social History of the Media from Gutenberg to the Internet. Л., 2002.

О науке: *Mendelson R.* Science and Western Domination. Л., 1974; *Sagan C.* The Demon-haunted World: Science as a Candle in the Dark. N.Y., 1994; *Watson J.* The Double Helix (изд. 1999)*; *The Human Genome* / Ed. C. Dennis, R.

Gallagher, J. Watson. Л., 2001; *Sulston J., Ferry G.* The Common Thread. Л., 2002.

О населении: *Woytinsky E.S.* World Population and Production. Л., 1953; *Demographic Patterns in Developed Societies* / Ed. R.W. Hiorns. Л., 1980. О миграции: *Pooley C.G., Whyte ID.* Migrants, Emigrants and Immigrants: A Social History of Migration. Л., 1991. О городах: *Hall P.* The World Cities. Л., 1966; *Dogan A.I., Kasarda J.D.* The Metropolis Era. 2

vols. Л., 1988.

О конце столетия и тысячелетия: *At Century's End: Great Minds Reflect on Our Times.* La Jolla, 1996; *Fins de Siecle, How the Centuries End* / Ed. A. Briggs, D. Snowman. Л., 1996; *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993**.

* *Уотсон Дж.* Двойная спираль. М., 1969.

** *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

Именной указатель

Абдул-Хамид 11 143, 184

Аденаур Конрад 452,464,466,469

Аджубей Алексей 437

Адорно Теодор 546

Александр I, русский император 41,

56-58, 65, 67, 69,143 Александр II, русский император 119, 144, 152

Александр 111, русский император 256 Александр I Карагеоргиевич, король

Югославии 304, 334 Александра, королева 246 Александра Федоровна, императрица,

супруга Николая II 254 Альберт, супруг королевы Виктории 208 Альфонс XIII, король Испании 330 Андраши Дьюла, граф 130,

147, 157 Андропов Юрий 499, 501 Аполлинер Гийом 215,537 Арафат Ясир 388,489 Арендт Ханна 432,535 Армстронг Нейл 442

Арендт Эрнст Мориц 96 д'Артуа, граф 21, 68 Асквит Герберт Генри 248, 250 Ататюрк 281

БабефГракх 30,31,52 Бадольо Пьетро 396 Баден-Пауэлл Роберт, лорд 309 Байрон Джордж Ноэл Гордон 69, 71, 92, 197, 198

Байрон Фанни, леди 246 Бакунин Михаил Александрович 537 Бальдус Эдуард 208 Бальзак Онореде 90, 199 Бальфур Артур Джеймс 202

БарбюсАнри 262

Барнет Корелли 528

Барраклоу Джеффри 541

Бартелеми Жозеф 528

Батлер Р. 446

Батлер Сэмюэл 219

Баттерфилд Герберт 37

Бауэр Арнольд 301

Бебель Август 140

Бевридж Уильям 380, 446

Бевин Эрнест 354, 383, 413, 468

Бегин Менахем 459

Бедекер Карл 200

Бейен Йохан 478

Бейкер Джеймс 518,519

Белл Александер Грэхем 178

Белль Йоханнес 270

Бемельбург Вернер 393

Бен-Гурион Давид 460

Бенедикт XV, папа римский 237

Бенеш Эдуард 334, 355, 391, 417

Бентам Иеремия 12,34,86

Бентинк Уильям Кэвендиш 61

БергАльбан 214,536

Берграв Зйвинд 409

Бергенб^юн Вернер 393

Берджес Энтони 476

Бёрдсли Сбри 215

Берия Лаврентий Павлович 385,431

Бёрк Эдмунд 3, 5, 8, 13, 25, 33, 35, 62

Бертхольд 189

Бертъе Луи Александр 40

Беслерфон 260

Бетман-Гольвег Теобальд фон 189
 Бетховен Людвиг ван 36, 194, 195, 202, 531
 Бидо Жорж 448
 Биркенхед, граф 310
 Бирнс Джеймс 413, 414
 575
 576 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
 Бисмарк Отто фон Шёнхаузен 115—117, 119-124, 127-142, 146, 147, 150, 154-162, 166, 170, 171, 173, 179, 180, 189, 270, 317, 558
 Блан Луи 80, 91, 92
 Бланки Адольф 5
 Бланки Луи Огюст 52, 102
 Блэйк Уильям 2
 Блэр Тони 512
 Блюм Леон 329, 354
 Бовуар Симона де 539
 Богарне Жозефина 37
 Бодлер Шарль 197, 217
 Бодрийар Жан 528
 Боймлер Гертруда 248
 Болдуин Стенли 322
 Боливар Симон 71, 72
 Бонапарт Жером, брат Наполеона I 41, 123
 Бонапарт Жозеф, брат Наполеона I 40, 41
 Бонапарт Луи, брат Наполеона I 40
 Бонапарт Люсьен, брат Наполеона I 33
 Бонне Жорж 352, 356
 Бонхёффер Дитрих 394, 395
 Борис, царь Болгарии 335
 Борман Мартин 394
 Бочкарева Мария 247
 Брайан Уильям Дженнингс 239
 Брак Жорж 215
 Брандес Георг 218
 Брандт Вилли 466, 491
 Браун Ева 398
 Брауншвейгский, герцог 24
 Брежнев Леонид Ильич 499-501
 Бретон Андре 537
 Бриан Аристид 236, 306, 307, 467
 Брилено Карл 528, 529
 Бриссо Жак Пьер 22, 24, 26, 29
 Брук Руперт 261
 Брукс 262
 Брусилов Алексей Алексеевич 230
 Брюллер Жан, см. Веркор
 Брюнинг Генрих 302, 323-325, 351
 Буланже Жорж, генерал 160, 161
 Булль Джон 476
 Бултон Мэттью 4
 Буонаротти Филиппе 52, 67
 Бурбоны, династия 38, 41, 59, 60, 63, 68, 125, 126, 137
 Бухарин Николай Иванович 256, 258
 Буш-младший, Джордж 403, 520, 522 Бэринг Ивлин, первый граф Кромер 169 Бюлов Бернхард фон, князь 153, 173, 183, 189
 Вагнер Отто 204
 Вагнер Рихард 201, 202, 214, 217, 218
 Вайс Бернард («Исидор») 325
 Валенса Лех 498
 Валери Поль 191
 Валер Имондс 289
 Ван Гог Винсент 214
 Вашингтон Джордж 18
 Вебер Макс 141, 245, 255
 Веберн Антон фон 214
 Веджвуд Джосайя 2, 6
 Вельде Хенри ван дер 215
 Веллингтон Артур Уэлсли, герцог 43, 44,
 70, 74, 82, 98 Верди Джузеппе 198, 201 Верлен Поль 214 Верженн де, граф 23 Веркор 393 Верт Александр 376 Вивiani Рене 236
 Вигфорс Эрнст 327 Виккерс, семейство 241 Виктория, королева Великобритании
 75, 88, 162, 167, 168, 195, 198, 208 Виктор Эммануил I 61, 65, 122, 123,
 125, 126
 Виктор Эммануил II 126 Виллерме Луи 85 Вильгельм I, король Голландии 73 Вильгельм I, император Германии 120,
 130, 132, 133, 162 Вильгельм II, император Германии 141,
 154, 162-164, 172, 180, 183-189, 190,
 221, 251, 400 Вильсон Вудро 62, 153, 154, 236, 240,

260, 265, 266, 269-271, 275, 278-280,
303,353,455,457,480,491 Вильсон Гарольд Виндишгерц, князь 105,110 Виолле-де-Люк Эжен 199 Витгенштейн Людвиг 214,215
Витторини Элио 394 Во Ивлин 405
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 577
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) 10,11, 56, 72 Вольф Юлиус 294 Вордсворт Уильям 3, 35, 198 Воррингер Вильгельм 214 Врангель
Петр Николаевич 282 Вултон, лорд 533 Вульф Вирджиния 214 Вэ Герман ван дер 477
Габсбурги, династия 37,43,61,64,97, 105, 108,109,111,117,122,135,148,149, 152,158,224, 231, 236, 333, 400, 420
Гагарин Юрий Алексеевич 446
Гайди Франц Йозеф 135
Гален Клеменс Август фон, епископ 394
Галифакс, лорд 352
Галлер Людвиг фон 55
Гамелен Морис, генерал 365
Гапон Георгий Аполлонович 182
Гарден 221
Гарденберг Карл Август 57
Гардин г 269
Гарибальди Джузеппе 112,124-126,136
Гарнье Шарль 201
Гаспери Альчиде де 378,451,452
Гартунг Фриц 37
Геббельс Йозеф 339, 341, 366, 387
Гейл П.М. 36
Гейне Генрих 73, 204, 535
Гексли Томас Генри 199
Гельмгольц **Герман фон 208**
Гелебеш Дьюла 333
Гендерсон Невиль 361
Генлейн Конрад 334
Гентц Фридрих фон 62,63
Георг II, английский король 34, 49
Георг IV, английский король 58, 66
Георг V, английский король 321
Георгиу-Деж Георге 438
Герасимов Геннадий 504
Герделер Карл 386
Гердер Иоганн Готфрид 77
Геринг Герман 334, 351, 357, 361, 367, 379, 380
Герц Генрих Рудольф 208
Герцль Теодор 202, 203
Гёте Иоганн-Вольфганг 3,61, 193,195,263
Гетцендорф Конрад фон 188,189
Гиббон Эдуард 193
Гизо Франсуа 32, 88, 90-92, 94, 121
Гийотен Ж. 28
Гиммлер Генрих 340, 387
Гинденбург Пауль фон 228, 244, 251, 263
Гинзбург Евгения Семеновна 344
Гитлер Адольф 202 275, 287, 317,
324-326, 332, 336-344, 347-358,
360-371, 373-375, 378-380, 385-388,
394-398, 400, 433, 460, 462, 465, 467,
480, 534, 536 Гладстон Уильям 52, 88,124, 137,146,147,
151,159,160,165,166,170 ГобсонДж. 153, 169 Гоген Поль 213, 214 Гогенцоллерны, династия 121, 132, 162 Годвин Уильям 84
Годен Мартен 33 Гойя Франсиско Хосе де 195 Голль Шарль де 389, 390, 402, 409, 411,
448, 457, 473, 474, 479, 480, 487 Гольштейн Фридрих фон 162,183,184 Гомер 113, 199,535 Гомулка Владислав 423, 433 Гонсалес
Маркес Фелипе 507 Горбачев Михаил Сергеевич 345,438,
488,501-505,545 Гордон Чарльз Джордж 160 Горт Джон, лорд 365 Горький Алексей Максимович 537 Готвальд Клемент 417
Гофман Эрнст Теодор Амадей 194 Гофмансталь Гуго фон 214 Грамиш Антонко 137 Грей Генри, граф 53, 74, 91 Грей, лори 250
Грей Эдвард 190 Грейвс Роберт 263 Григ Эдвард 215 Гримау Хулиан 482 Грильпарцер Франц 94, 134 Грин Грэм 472 Гриффит
Артур 289 Гропиус Вальтер 309, 540 Грушевский Михаил Сергеевич 284 Гувер Герберт Кларк 276,311,318 Гугенберг Альфред
337 Гулло Фаусто 450 ГумбельЭ. 288
578 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Гумбольдт Вильгельм фон 57
Гусак Густав 414
Густав II Адольф 23
Гуттузо Ренато 394
ГэйП. 560
Гюго Виктор 72, 77, 197, 198, 212, 535
Понтер Ганс 336
Гютт Камиль 449
Давид Жак Луи 31, 195
Дагер Луи Жак Манде 207, 208
Даймлер Готтлид 178

Далалъе Эдуард 328, 354-356, 365
 Д'Аламбер Жан Лерон 11, 192
 Дали Сальвадор 537
 Даллес Джон Фостер 435
 Дальмар Фридрих Кристоф 96, 97
 Д'Аннунцио Габриэле 262, 296
 Данте Алигьери 535
 Данилевский Николай Яковлевич 143
 Дантон Жорж Жак 5, 27-29
 Дараньи Калман 333
 Дарби Абрахам 10
 Дарвин Чарлз Роберт 173, 210, 211, 560
 Дауэс Чарлз Гейтс 303, 307, 308, 314, 324
 Дебюсси Клод 213 Дегрель Леон 388 Делакруа Эжен 195 Делл Роберт 353 Делор Жак 513-515 Делькассе Теофиль 172, 173, 183
 Деникин Антон Иванович 282 Депретис Агостино 136, 137 Дёниц Карл 398 Джемс Уильям 216 Джеймсон 165, 172 Джеллико, адмирал 235 Дженкинс Рой 496 Джентиле Джованни 292 Джилас Милован 245 Джоберти Винченцо 93 Джойс Джеймс 215, 216, 535, 537, 540 Джолитти Джованни 295 Дибелиус Отто 409 Дидро Дени 11, 12 Дизраэли Бенджамин 88, 140, 146-148, 151, 168, 170
 Дикинсон Дж. 173 Диккенс Чарлз 48, 129 Дмовский Роман 260, 304 Доллингер Иоганн фон 136 Дольфус Энгельберт 303, 333, 335
 Достоевский Федор Михайлович 537 Дракер Питер 539, 550 Дрейфус 202, 203, 328 Дубчек Александр 440, 487 Дэлтон Хью 447
 д'Эстен Валери Жискара 493 Дюмюрье Шарль Франсуа 26 Дюнан Анри Жан 123 Дюшан Марсель 216, 537 Дягилев Сергей Павлович 213
 Екатерина II, русская императрица 12, 34 Ельцин Борис Николаевич 502-504, 509
 Жаккар Жозеф Мари 39
 Жеромский Стефан 261
 Живков Тодор 505
 Жорес Жан 203, 329
 Жорж Санд (Амандина Аврора Дюпен) 197
 Жоспен Лионель 512
 Жюно, генерал 41
 Зегерс Анна 339
 Зиммель Георг 206
 Зиновьев Григорий Евсеевич 256, 283
 Золя Эмиль 201-203, 216
 Зогу Ахмет, Зогу I, король Албании 304
 Зутнер Берта фон 179
 Ибсен Генрик 213, 215, 216, 218, 219
 Иден Антони 475, 476
 Иден Фредерик 49
 Изабе 38
 Изабелла, испанская королева 91, 131
 Извольский Александр Петрович 185
 Имреди Бела 333
 Иоанн, король Португалии 68
 Иоанн VI 68
 Иосиф II Габсбург 37, 104
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 579
 Йорг Эдмунд 150
 Кавеньяк Луи Эжен, генерал 103, 104 Кавур Камилло Беноо, граф 96, 112, 121-127, 135-137 Кадар Янош 434 Каллаган Джеймс 491, 496 Камберленд, герцог 96 Камю Альбер 393
 Кандинский Василий Васильевич 214 Кант Иммануил 31 Каннинг Джордж 66, 70-73, 88 Каподистрия Иоанн 69
 Капп Вальтер 287 Каприви Георг 154, 162 Карагеоргиевичи, династия 69, 484 Караманлис Константинос 494 Карл X 38, 68-72, 89
 Карл Великий 37
 Карл Альберт 93, 94, 96, 112, 126
 Карл Габсбург 236, 252, 288
 Карлейль Томас 28, 193, 194, 196, 199
 Карно Лазар 27
 Кароль II, король Румынии 304, 334
 Каройи Михай 252
 Каройи Дьюла, граф 127, 333
 Карпентер Эдвард 213
 Каслри 55-58, 62, 65, 66, 71
 Кастро Фидель 441
 Кафка Франц 222, 438, 536
 Кэтану Марселл 493
 Квислинг Видкун 388
 Кейнс Джон Мейнард 270, 315, 320
 Келлог Фрэнк Биллингс 307
 Кемаль Мустафа, см. Ататюрк
 Кениата Джомо 455
 Кеннан Джордж 412, 414
 Кеннеди Джон 441
 Кеннеди Пол 504, 551
 Кеплер Иоганн 31, 407

Керенский Александр Федорович 253, 256
 Керзон Джордж Натаниел 169
 Кетле Адольф Жак 86
 Кеттелер, епископ 96
 Кинг Мартин Лютер 486
 Кинг Уильям Макензи 358
 Киндлебергер Чарльз 404
 Кирали Бел 422
 Киров Сергей Миронович 344 Киссинджер Генри 63, 500, 556 Китченер Горацио Герберт 172, 229, 263
 Клаузевиц Карл фон 113, 114 Клемансо Жорж 236, 237, 251, 270, 271, 273
 Климт Густав 214, 215 Кобб Ричард 27 Коббет Уильям 53 Кобден Ричард 88, 118 Кодряну Корнелиу 334 Кокошка Оскар 214
 Колаковский Лешек 499 Коллинз Майкл 289 Коллонтай Александра Михайловна 291 Коловрат, граф 95 Колчак Александр Васильевич 282 Коль Гельмут 506, 511, 513, 515 Кольбер Жан Батист 11 Колридж Сэмюэл Тейлор 2, 3, 201 Кондорсе Жан Антуан Никола де, маркиз 81, 82, 84
 Кондратьев Николай Дмитриевич 314 Константин II, король Греции 494 КонтОгюст 81, 211, 219 Корбюзье, см. Ле Корбюзье Корде Шарлотта 48 Корнуоллис 35 Костов Трайчо 424 Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон 56
 КошутЛайош 94, 110 Кракси Беттино 511 КраусКарл 214, 262 Кригар Ивар 327 Кршхолл): Мэри 263 Криппс Ричард Стаффорд 379 Криспи Франческ.0 137, 166 Кристиан X 388 Кроче Бенедетто 192, 196 Крупп, семейство 120, 241, 247 Крюгер 164 Кук Томас 200 Кулидж Калвин 269, 307 Кун Бела 276, 287, 288 Кьеркегор Сёрен 81, 539 Кэвелл Эдит 246 Кюбек Карл 106
580 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
 Лаваль Пьер 353
 Лавеле Эмиль де 135
 Лалик Рене 215
 Ламарк Жан Батист де 89, 211
 Ламартин Альфонс Мари-Луи де 80, 92, 103
 Ламенне Фелисите Роберде, аббат 82
 Лами Паскаль 515
 Ларошфуко-Лианкур де, герцог 18
 Лассаль Фердинанд 140
 Лаубе Генрих 78
 Лафайет Мари Жозефде, маркиз 18, 20, 22, 26, 73
 ЛаффЛоуренс 151
 Лебон Густав 153
 Лев XII, папа римский 136
 Ледрю-Роллен Александр Огюст 92
 Лей Роберт 385
 Ле Корбюзье 540 Лендсаун, лорд 236 Ленин Владимир Ильич 153, 169, 182, 255-259, 265, 266, 283, 284, 288, 291, 307, 344, 345, 431, 455, 498, 537 Леопольд Гогенцоллерн 131, 132 Леопольд, император 23, 24 Леопольд, бельгийский король 164, 167, 168, 171
 Леопольд Саксен-Кобургский 75 Ле Пен Жан Мари 512 ЛефеврЖорж 18, 554 Либих Юстус фон 209 Либкнехт Вильгельм 140 ЛибкнехтКарл 286, 288 Ливерпул Роберт Банкс Дженкинсон, лорд 52, 55 Лигачев Егор 502 Лиддел Гарт 563 Линклатер Эрик 395 Липпман Уолтер 413 Лист Георг Фридрих 83 Ллойд-Джордж Дэвид 187, 236, 237, 241. 250, 270-273 Лувертю Туссен 46 Луи Наполеон, см. Наполеон III Луи Филипп 38. 72-77. 85, 88-91, 95. 99, 102, 131, 147
 Львов Георгий Евгеньевич, князь 253 Лэнсбери Джордж 354 Лэнсинг Роберт 270
 Людвиг Баварский 69, 133 Людендорф Эрих фон 226, 228, 257, 259 Людовик XIV 11, 20, 35, 270 Людовик XVI 3, 10, 13, 15, 17, 18, 21-24, 31, 38, 44, 72, 195 Людовик XVII 26, 30 Людовик XVIII 38, 44, 68 Люксембург Роза 286, 288, 416 Люмьер, братья 208 Люттвиц Вальтер фон 287
 Мадзини Джузеппе 76, 77, 112, 122, 132, 136, 278
 Макартур Дуглас 373, 434
 Мак-Дональд Джеймс Рамсей 312, 316, 321, 322
 Макинтош Чарльз Ренни 215
 Мак-Каллэм Хигер xi
 Маккензи Генри 133
 Мак-Леннан Эндрю xi
 Макмиллан Гарольд 475-477
 Макнейл В. 529
 Маколей Томас Бабингтон 47, 101
 Максвелл Джеймс Клерк 208
 Максимилиан Иосиф, баварский король 40
 Макферсон Джеймс 193
 Маленков Георгий Максимилианович 431
 Малер Густав 214, 536
 Малларме Стефан 213 Мальви Луи 251 Мальро Андре 331 Мальтус Томас Роберт 84 МанинДаниеле 96, 122 Манн Клаус 393 Манн Томас 262, 393 Манту Поль 5 Мао Цзэдун 434, 436 Марат Жан Поль 48 Маринетти Филиппо Томмазо 215 Мария II да Глория 68 Мария Антуанетта 3, 13, 38, 48, 195 Мария Луиза, дочь Франца I 37, 43 Маркони Гульельмо 178, 179, 208 Маркс Карл 7, 9, 23, 78-82, 86, 90. 98, 102, 140, 156, 169, 210, 211, 217, 221, 255, 285, 286 Маркузе Герберт 487, 546
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 581

Марр Вильгельм 202
Маршалл Джордж 418,419,421,453,
454, 468, 509 Маршан Жан 172
Масарик Томаш 277, 303, 334
Масарик Ян 420
Масперо Франсуа 409
Мастигер Жан Мари 410
Матеотти Джакомо 297
Мейджор Джон 511,515,516
Менделеев Дмитрий Иванович 209
Меншиков, князь 118
Метаксас Иоаннис 335
Меттерних Клеменсфон 44,56-60,62, 64, 65, 70, 71. 74-79, 82, 93, 94, 97, 99,106,113,131, 134, 154, 156,555
МехмедУ 143, 184
Мехмед-Али 75,91
Мигуэль 68
Мид Маргарет 529, 533
Милош Чеслав 387
Милошевич Слободан 521
Мильтнер Альфред, виконт 169
Милуков Павел Николаевич 257
Минье Франсуа 50
Мирабо Оноре Габриель Рикети, граф 17
Мис ван дер Воэ Людвиг 540
Миттеран Франсуа 506, 507,513,515,547
Михайлович Дража 391
Мицкевич Адам 77
МишлеЖюль 29
Младенов Петр 505
Моле, граф 92
Молотов Вячеслав Михайлович 360, 362.407,413
Мольер 535
Мольтке Гельмут Карл фон 113,221
Моне Клод 201
Монне Жан 448, 469, 472
Монтгомери Бернард Лоу 377,395
Монтескье Шарль Луи де, барон 11
Моргентау Генри 411
Морзе Сэмюэл Финли Бриз 178
Морли Джон 211,212
Моро Альдо 488
Моррас Шарль 262, 299
Моррис Уильям 199
Мосли Освальд 321,322
Музил ь Роберт 214
Мунк Эдвард 215
Мунье Жан Жозеф 16
Муррей Джон 200
Муссерт Антон 388
Муццолини Бенито 292, 296-299, 317, 318, 326, 332,335-337, 341,345, 348, 353, 354, 360, 364, 368-370, 378, 386, 396, 535
Мэдисон Джеймс 23
Мэтсон Флойд 540
Мэхэн Алфред Тайер 180
Мюллер Герман 370, 392
Мюллер М. 562
Мюрдаль Гуннар Карл 326
Мюссе Альфред де 197,199
Надь Имре 433
Найтингейл Флоренс 246
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 4, 5, 9, 31-47, 50, 51, 55, 56, 58-60. 63, 89, 96, 119, 123, 169, 195, 196,227,374,554
Наполеон II (Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт), сын Наполеона I 40
Наполеон 111 (Луи Наполеон Бонапарт) 98, 103, 104, 112,116,118.120, 123-129. 132, 135, 138, 157, 165,204, 208
Насер ГамальАбдель 476
НеккерЖак 14, 16-18
Нельсон Горацио 33
Немурде, герцог 75
Нессельроде, граф 57
Неру Джавахарлал 435,462
Нцвель 250
Николай! 67,70,75,76,99, 111, 117, 119
Николаг П 180, 182,190. 240, 252, 254, 256
Николсон Гарольд 63, 271, 279
Никсон Ричард 488,490, 500
Нимёллер Мартин 394, 395

Нитти Франческо Саверно 295
Ницше Фридрих 215,217-219,536
Нкрума Кваме 455
Нобель Альфред 179,225
Нордау Макс 215
Норман Монтегю 317
Ньюкомен Томас 10
Ньютон Исаак 32
Нэмир Льюис 111
Нэш Пол 258
582 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Обренович Милош 69 **Обреновичи**, династия 69,184 **ОденУ. 533** Окинлек Клод 371,377 **О'Коннел** Дэниэл 88, 92 **О'Коннор** Фергус Эдуард 88 **Олар** Альфонс 28 **Олин** Бертил 326 **Оппенгеймер** Роберт 442 **Орландо** Витюрио 270, 280, 296 **Орта** Виктор 215 **Ортега-и-Гассет** Хосе 538 **Оруэлл** Джордж 330, 331, 391, 392 **Оссман** Жорж 204, 205 **Отто**,греческий король 70 **Оуэн** Роберт 81 **Оуэн** Уилфред 262 **Оффенбах**Жак 195
Павел, русский император 34 **Павелич** Анте 389 **Падеревский** Игнаций Ян 303 **Палацкий** Франтишек 109,110
Палмерстон Генри Джон Темпл, лорд 64,74-76,88,91,111, 123,124, 128, 131
Палмерстон, леди 98 **Пангалос** Теодорос 335 **Папандреу** Андреас 495,507 **Папен** Франц фон 324,325,351 **Парето** Вильфредо 533 **Парнелл** Чарлз Стюарт 142, 143, 171 **Пастер**Луи 209
Пастернак Борис Леонидович 282 **Паунд** Эзра 535 **Педерсен** Съюзен 249 **Педру**, император Бразилии 68 **Пейн**Том 8,25 **Пенья** Хуан Атарес 493 **Песталоцци** Иоганн Генрих 36 **Петаччи** Клара 378,396 **Петэн** Анри Филипп 230, 366, 389, 409 **Пий VII**, папа римский 34,61 **Пий IX**, папа римский 93, 112, 136 **Пий XII**, папа римский 361,394 **Пикассо** Пабло 215,332,538 **Пилсудский** Юзеф 259-261, 304, 333 **Пиль** Роберт 52,87,88,90,91, 121, 124,127
Питт Уильям 34, 35, 38, 39, 46, 57, 184
Плеван Рене 448
ПолянЖан 393
ПолиньякОгюстЖюль Арман 72
Портал Чарльз 397
Поскребышев 345
Потоцкий, граф 303
Принцип Таврило 189
Пристли Джон Бойнтон 391,392
Проди Романе 512
ПрофумоДжон 476
Прудон Пьер Жозеф 9, 81, 104
Пруст Марсель 216
Пуанкаре Раймон 188,190,249,254
Путин Владимир Владимирович 509, 510,524
Пушкаш Теодор 206 **Пятаков** Георгий Леонидович 344
Радек Карл 256, 344
Радецкий Йозеф, граф 95, 112
Радовиц Йозеф фон 90,97,113,114
РайкЛасло 423
Райт, братья 178
Ракоши Матьяш 417
Ральтацци **Урбано** 137
Рамсей Уильям 209
Распутин Григорий 254
Рассел Бертран 221
Рассел Джон 124
Ратенау Вальтер 241, 242, 286, 288, 380
Ратцель Фридрих 180
Рейган Рональд 500, 502, 507
Рейно Поль 365, 366, 389
Рейнсфорт Фред 421
Рейтер, барон 178
Рем Эрнст 339
Ремарк Эрих Мария 263
Рембо Артюр 200
Ренардье Поль 448
Рескин Джон 199
Ретифдела Бретон Никола 12,13
Риббентроп Иоахим 356, 360, 362, 407
Рибо Александр 237
РивераПримоде 298,300,330
РикардоДавид 79
Рильке Райнер Мария 262
Рихтгофен Манфредфон 228
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 583
Робеспьер Максимилиан 2, 27-30, 45, 52
Робинсон Мэри 525

Родзянко Михаил Владимирович 254
 Роде Сесил Джон 170,171
 Розбери, лорд 154
 Роллан Ромен 262
 Романовы, династия 224,254,400
 Роммель Эрвин 370,371,374,377
 Ротшильд Майер Ансельм 79
 Ротшильд Соломон 79, 95
 Руге Отто 390
 Рузвельт Теодор 317, 361, 372, 373, 378,
 400,407,411,416,455 Рузский, генерал 254 Руссо Жан Жак 12, 193 Рэнсом Артур 283
 371, 374-378, 385, 396, 398-400, 406, 411, 413, 415, 416, 419, 421-423, 431-435,471,504,505
 Сталь Луиза Жермена де 214
 Стамболийский Александр 303, 304, 333
 Стендаль 197, 198,216
 Стобарт Клэр 263
 Стоунс Мэри 293, 294
 Стравинский Игорь Федорович 213
 Стриндберг Юхан Август 216
 Струве Густав фон 99
 Стэнхоуп, граф 69
 Суарес Адольфо 492
 Суареш Мариу 494
 Суворов Александр Васильевич 34
 Сфорца Карло 396
 Сапазар Антониу ди Оливейра 299,300,
 335,481
 Салашин Ференц 335 Салстон Джон 549 Самуэли Тибор 288 Сартр Жан Поль 392, 539 Саути Роберт 46, 47, 52, 198 Сен-
 Жюст Луи 29,45 Сен-Пьер Бернарденде 192 Сен-Симон Клод Анри де Рувруа 81, 82 Сервантес Сааведра Мингель де 535
 Сибелиус Ян Кристиан 215 Сийес, аббат 16, 31 Сименс Вернер фон 179 Скотт Вальтер 193,194 Сланский Рудольф 423
 Слонский Эдвард 261 Смете Ян Кристиан 287 Смит Адам 2, 11,83, 122 Сноуден Филип 316 Сокольников Григорий
 Яковлевич 344 Солсбери Роберт Артур Толбот, маркиз
 158-160, 179, 180 Сорель Альбер 10 Сорель Жорж 221 Сорос Джордж 516 Спаак Поль-Анри 455,468 Спенсер Герберт
 173,211 Спинола Антониу де 493,494 Сталин Иосиф Виссарионович 255,
 283-285, 335, 339, 342-346, 360, 363,
 Таафе Эдвард 415
 Такман Барбара 541
 Талейран Шарль Морис 33, 59,64, 72,
 74,195
 Теннис Фердинанд 205 Теннисон Алфред, лорд 196,211,212 Тиндеман Лео 496 Тирпиц Альфред фон 173,184,187 Тиссен,
 семейство 241 Тито Иосип Броз 391, 396, 415, 421-424,
 436, 498
 Тойнби Арнолд Джозеф 50,540 Токвиль Алексис де 1,2,90 Толстой Лев Николаевич 31,537 Тольятти Пальмиро 450 Тома
 Эдит 393 Томас Джимми 321 Томпсон Дэвид 532 Тоффлер Эдвин 529, 546 Тревельн Джордж Маколей 101 Трейчке
 Генрих фон 141 Триллинг Лионель 538 Троцкий Лев Давидович 182,232,281,
 282, 344, 455
 Трумэн Гарри 400, 413, 414, 418, 453 Тьер Луи Адольф 28,72,91,92 Тэйлор Э.Дж. 116, 119, 149 Тэлбот Генри Фокс 207 Тэтчер
 Маргарет 416,491,506,511,512,
 514,515,545-547 Тюрго Анна Робер Жак де, барон 13
584 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
 Уайльд Оскар 197,212
 Уайтхед А. 544
 Уатт Джеймс 2,4,5,9, 10
 Уатт Д. 361
 Уигрэм Клайв 321
 Уилберфорс Уильям 46
 Уильямс Эдвард 175
 Уитмен Уолт 213
 Уланд Людвиг 114
 Уоллес Герберт 197
 Уолтон, лорд 381
 Уотсон Д. 531
 Уэйвелл Арчибальд 370,371,377
 Уэллс Герберт Джордж 197
 Уэлсли Артур, см. Веллингтон
 Фалькенхайн Эрих фон 230
 Фанон Франц 46, 462
 Фарадей Майкл 208
 Фармборо Флоренс 257
 Фердинанд VII, король Испании 10
 Фердинанд, император Австрии 94,95, 105
 Фердинанд, король Болгарии 147
 Фернандо II, неаполитанский король 93
 Фернандо IV (I) 61,65,68

ФерриЖюль 166, 170
 Филби Ким 476
 Филипп Эгалите 72
 Фишер Джон 180
 Фишер Маргарита 340
 Фишер Фриц 340
 Фокс Чарлз Джеймс 2
 Фонтэн Пьер 38
 Форд Генри 269, 534
 Фортейн Пим 513
 Фош Фердинанд, маршал 263
 Франко Франсиско 300, 330-332, 355,
 396,481,482,492,493 Франц I, император 24, 43, 94 Франц Иосиф 105, 117, 124, 130, 132,
 139, 144, 145, 164, 185,204 Франц Фердинанд, эрцгерцог 198 Фредерик, король Дании
 и Норвегии 128
 Фрейд Зигмунд 214, 217, 219, 262, 536 Фридрих Вильгельм III 57,60,78 Фридрих Вильгельм IV 97, 99, 107, 108,
 113,115,120
 Фридрих Августенбергский 128 Фукуяма Фрэнсис 530,'535, 540, 549,
 550
 Функ Вальтер 380 Фурье Шарль 81 Фут Майкл 352 Фуше Жозеф 33 Фюмель, семейство 48
 Хадж Амин Аль-Хусейни, великий
 муфтий 388 Хайдер Йорг 512, 513 Хайзенберг Вернер 545 Харди Томас 262 Хармсворт Альфред 179,208 Харрис Артур 397
 Хаттон Грэхэм 463 Хауз Эдвард 235 Хегедюш Андраш 471 Хекер Фридрих 99 Хемингуэй Эрнест 263 Хит Эдвард 480,490,491
 Хобсбаум Эрик Дж. 531,552 Ходжа Энвер 396, 423 Хольтиц Дитрих фон 398 Хонеккер Эрих 414,504 Хомейни Рухолла 489
 Хорти Миклош 288, 333, 389 Хо Ши Мин 456 Хрущев Никита Сергеевич 431,432,
 437,438,440-442,471,499,501 Хуан Карлос I, король Испании 492 Хьюз Стюарт 220 Хэзлитт Уильям 35 Хэйс Карлтон Дж.
 149,150
 Цара Тристан 537
 Цвейг Стефан 393
 Цеппелин Фердинанд фон, граф 225
 Циммерман Артур 239, 240
 Циолковский Константин Эдуардович
 546 Цукмайер Карл 309
 Чан Кайши 400
 Чаплин Чарлз Спенсер 534
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 585
 Чаушеску Николае 438, 505 Чемберлен Джозеф 164, 170, 352, 355,
 356,358,361,362,364,381 Чемберлен Хьюстон Стюарт 202 Черненко Константин Устинович 501 Черчилль Уинстон Леонард
 Спенсер
 172,229,308,310,362,366-371,
 373-380,400,402,407,412,413,416,
 441,467,471,475 Чэдвик Эдвин 86
 Штраус Рихард 214, 215 Штресеман Густав 286, 302, 306, 307,
 309, 466
 Штрооп Юрген 410 Шуберт Франц 198 Шуман Роберт 469 Шумахер Курт 452 Шумпетер Йозеф 176,314 Шустер, кардинал 451
 Шушниц Курт фон 333
 Шатобриан Франсуа Рене де 55 Шварценбергфон, князь 105, 106, 113,
 114, 116
 Шварцхоф, полковник 180 Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич 509,519 Шекспир Уильям 194,555 Шелли Джерард 282 Шелли
 Перси Биш 62, 197 Шёнберг Арнольд 214,536 Шиллер Иоганн Фридрих 3 Ширак Жак 512,513 Шкворецкий Йозеф 430 Шлегель
 Август Вильгельм 196, 197 Шлейхер Курт фон 324,325 Шлиффе Альфред фон, граф 181,294,296 Шмерлинг Антон фон 130
 Шмидт Гельмут 491, 496, 506 Шмоллер Густав 155 Шнелльман Иоганн Вильгельм 143 Шолль Ханс 386 Шолль София 386
 Шопен Фредерик 197,303 Шопенгауэр Артур 217 Шостакович Дмитрий Дмитриевич 536,537 Шотан Камилл 328. 354 Шоу
 Джордж Бернард 212,218,262 Шпеер Альберт 380,386,398 Шпенглер Освальд 540 Шредер Герхард 488, 512 Штейн Карл, барон
 57 Штифтер Адальберт 100 Штраус Давид Фридрих 100
 Эанеш Антониу Рамальо 494
 ЭберЖ.Р. 29
 Эберт Фридрих 286, 302
 Эллингтон 35
 Эдисон Алва Томас 206,207
 Эйзенхауэр Дуайт Дэвид 398,435,442,487
 Эйнштейн Альберт 209,536,544
 Эйсер Курт 286
 ЭкоУмберто 540,541
 Эктон 135, 136
 Элиот Томас 438, 535
 Энгельс Фридрих 23, 78, 79, 86, 98, 102,
 156
 Энгельманн Берндт 342 Энгельский Луи Антуан, герцог 38 Эрендаль Алоис фон, барон 184, 185, 189 Эрнст Макс 537 Эррио
 Эдуар 276,328 Эрхард Людвиг 464-466 Эрцберггер Маттиас 288 Эттли Клемент 355, 400, 446
 Юденич Николай Николаевич 282 Юнг Кипп Густав 324 Юнгер Эрнст 262.263
 Ян Фридрих Людвиг 78 Янг Артур 14, 17,49 Янгхасбэнд Фрэнсис 167 Ярузельский Войтех 499

Эйза Бриггс, Патриция Клэвин

Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней

Художник *Е.Л. Ильин*
Редактор *В.Н. Ковалев*
Младший редактор *Ю.Л. Михайлова*
Корректоры *Е.Ю. Агарева, Н.С. Платонова*
Верстка: *Е.А. Потапьевская*
Подписано в печать 17.08.2006. Формат 60х90¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 37,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 2444.
Изд. № 13/04-и
ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
<http://www.vesmirbooks.ru>
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов. ISBN 577770261-9

\$«785777 702616

— Т Е М А —

ЭЙЗА БРИГГС
ПАТРИЦИЯ КЛЭВИН

ЕВРОПА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ С 1789 года и до наших дней

«Что такое Европа? Имеют ли европейцы определенные и общепринятые наборы ценностей? Что такое европейская культура? Как далеко простираются границы Европы? Включают ли они в себя Россию и все бывшие советские республики?»

Изучение истории поможет дать ответы на эти вопросы и содействовать выработке новых определений Европы в политических, экономических, культурных, лингвистических и исторических категориях».

Эйза Бриггс, Патриция Клэвин

Эта книга представляет собой завершающую часть трехтомника «История Европы» (первая, «Средневековая Европа, 400–1500», была издана в 2001 г., вторая, «Европа раннего нового времени, 1500–1789», появилась в 2006-м). Ее авторы – видный британский историк профессор Эйза Бриггс и преподаватель новейшей истории Оксфордского университета Патриция Клэвин. Хронологически том охватывает период от Великой французской революции по настоящее время, его основные сюжеты – становление национальных государств и либерально-демократических институтов, рождение колониальных империй и тоталитарных режимов, развитие современной демократии и процессы европейской интеграции. История нашего континента представлена как единый многомерный процесс, в котором время от времени менялись страны-лидеры, ускорялись и замедлялись темпы регионального развития, но движение никогда не прекращалось, открывая перед его участниками новые возможности и перспективы.

